

Правительство Республики Мордовия

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

**ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО —
СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО:
проблемы региональной гуманитарной науки**

Материалы
Всероссийской научной конференции
(I Юрчёнковские чтения)
(г. Саранск, 23 сентября 2020 г.)

Материалы
Всероссийской научной конференции
(II Юрчёнковские чтения)
(г. Саранск, 23 сентября 2022 г.)

Саранск
2023

УДК 009
ББК С/Ю
П 157

*Печатается по решению Ученого совета
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук профессор *Г. А. Куршева*,
доктор исторических наук доцент *Е. Н. Бикейкин*

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор *О. И. Марискин*,
доктор исторических наук профессор *Е. К. Минеева*

Редакционная коллегия:

Г. А. Куршева (председатель), *Е. Н. Бикейкин*, *С. В. Видяйкин*,
Е. В. Глазкова, *Т. М. Гусева*, *О. В. Зарубина*, *И. В. Зубов*, *А. Н. Келина*,
И. В. Лаптева, *Ю. А. Мишанин*, *Е. Г. Скворцова*, *П. С. Учватов*, *А. В. Чернов*

П 157 **Память прошлого — сценарии будущего: проблемы региональной гуманитарной науки** : материалы всероссийских научных конференций (I Юрчёнковские чтения, г. Саранск, 23 сентября 2020 г.; II Юрчёнковские чтения, г. Саранск, 23 сентября 2022 г.) / отв. ред.: *Г. А. Куршева*, *Е. Н. Бикейкин*. — Саранск : НИИГН, 2023. — 604 с.

ISBN 978-5-00008-087-0

В сборнике материалов всероссийских научных конференций «Память прошлого — сценарии будущего: проблемы региональной гуманитарной науки» (I и II Юрчёнковские чтения) представлены доклады участников, в которых рассматриваются многоаспектные вопросы региональной отечественной истории и других гуманитарных наук.

Адресован историкам, преподавателям, аспирантам, студентам, краеведам и всем интересующимся историей и культурой России.

УДК 009
ББК С/Ю

ISBN 978-5-00008-087-0

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2023

Предисловие

3 октября 2017 г. Республика Мордовия понесла невосполнимую потерю. Не стало известного ученого-историка, видного общественного деятеля Валерия Анатольевича Юрчёнкова, с 2001 г. бессменного директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Валерий Анатольевич смог поднять гуманитарные исследования в регионе на новый, отвечающий всем требованиям современности уровень, сделать возглавляемый им институт одним из ведущих центров гуманитарных исследований Российской Федерации.

Заслуги выдающегося ученого не забыты. 14 декабря 2018 г. состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная памяти профессора В. А. Юрчёнкова «Память прошлого и сценарии будущего: к проблемам теории и практики региональной исторической науки». Участники конференции пришли к общему соглашению по поводу актуальности обсуждаемых вопросов и необходимости их широкой популяризации. Было принято решение рекомендовать проведение Юрчёнковских чтений с периодичностью один раз в два года, которое было претворено в жизнь. 23 сентября 2020 г. состоялись первые, а спустя два года — вторые Юрчёнковские чтения, имевшие статус всероссийских конференций.

Эти мероприятия оказались исключительно плодотворными. Их участники акцентировали внимание на том, что в исторической науке не прекращается процесс совершенствования теории и методологии исторического исследования, в области теории по-прежнему актуальными остаются проблемы различия гуманитарного и естественнонаучного знания, развития исторических теорий, совершенствования логики исторического познания. Было подчеркнуто, что активно продолжаются дискуссии по современной синергетике и постмодернизму в исторической науке, рассматриваются вопросы развития методологии исторического исследования, научной компаративистики, современной герменевтики, математического моделирования, проблемы исторического познания в рамках философских и исторических школ.

Осмысление богатого опыта Юрчёнковских научных чтений, проведенных с участием Правительства Республики Мордовия, Министерства культуры, национальной политики и архивного дела на базе Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, позволяет утверждать, что данные мероприятия не только сохраняют преемственность научных изысканий, но и определяют дальнейшие направления и перспективы исторических и гуманитарных исследований и расширяют возможности практического применения полученных результатов.

Организаторы чтений выражают искреннюю и глубокую признательность и благодарность всем их участникам.

УДК 929+82-94

Г. А. Куршева, Е. Н. Бикейкин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

В. А. ЮРЧЁНКОВ: ПРОФЕССИЯ СТАВШАЯ СУДЬБОЙ

Статья посвящена памяти ведущего отечественного историка, опытного организатора научной мысли, директора НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктора исторических наук, профессора В. А. Юрчёнкова.

Ключевые слова: профессор В. А. Юрчёнков, научно-исследовательская деятельность, организатор научной мысли, директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

1 октября 2001 г. доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков был назначен директором НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Огромное количество сил и энергии он отдал институту, но именно здесь в полной мере проявились его незаурядная личность, выдающиеся способности ученого-историка, мудрость руководителя¹. Под его руководством началось обновление института во всех сферах: были проведены структурные и кадровые изменения, стала постепенно улучшаться материально-техническая база, на новый уровень вышли научные исследования. Все это способствовало решению сложных и разнообразных научно-исследовательских задач. За годы руководства институтом В. А. Юрчёнков создал сплоченный, работоспособный, высокопрофессиональный коллектив; общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, возросла почти на 50 %.

В 2001 г. сотрудники института приступили к переработке энциклопедии «Мордовия». В соответствии с постановлением Правительства Республики Мордовия основной научно-исследовательской деятельностью коллектива стала подготовка энциклопедических статей. Главной редколлегией была утверждена концепция структуры статей, определены критерии отбора персоналий, указаны недостатки, которые требовалось устранить. Первый том энциклопедии «Мордовия» был подписан в печать в январе 2003 г., второй том — в июне 2004 г. 31 марта 2005 г. за большой вклад в создание энциклопедии «Мордовия» В. А. Юрчёнкову было присвоено звание лауреата Государственной премии РМ.

В годы руководства В. А. Юрчёнкова институт стал центром научной и общественной жизни республики. На его базе проводились крупные международные и всероссийские научные конференции: VII Межрегиональная научно-практическая конференция историков-аграрников Средне-

го Поволжья «Крестьянство и власть Среднего Поволжья» (2003); Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные конфликты в России XVII — XVIII вв.», приуроченная к 230-летию восстания под руководством Е. И. Пугачева (2004); Всероссийская научно-практическая конференция экономического профиля «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации» (2005); Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 400-летию со дня рождения патриарха Никона (2005); Международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности святого праведного воина Феодора Ушакова, приуроченная к 5-летию канонизации адмирала (2006); VII Конгресс этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства» (2007); Всероссийская научная сессия «Гуманитарные науки: история и современность», приуроченная к 75-летию юбилею института (2008); Всероссийская научная конференция «Великая война и российская провинция», посвященная 100-летию юбилею Первой мировой войны (2014) и т. д. Сотрудники и аспиранты института ежегодно принимали участие в работе конференций, семинаров, чтений. Сам В. А. Юрченок был участником большого числа научных мероприятий различного уровня — от региональных до международных, география которых включала не только регионы Российской Федерации, но и зарубежные страны (Финляндия, США, Япония, Польша и др.).

Будучи талантливым историком, В. А. Юрченок значительное внимание уделял сотрудничеству с коллегами-учеными. Для аспирантов и соискателей института в разные годы читали авторские курсы лекций авторитетные ученые ведущих учебных заведений и научных центров Российской Федерации: А. Н. Сахаров, А. С. Ахиезер, А. С. Синявский, П. С. Кабытов, К. Э. Разлогов, М. Ю. Мартынова.

В 2002 г. распоряжением Правительства Республики Мордовия институт был утвержден государственным заказчиком в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» Российского гуманитарного научного фонда. Совместная работа над проектами и грантами связывала институт с крупнейшими научными центрами страны. Так, в 2003 г. НИИГН совместно с Центром славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония) осуществил проект «Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона». В 2005 г. коллективными силами НИИГН, Республиканской архивной службы Республики Мордовия и Государственного архива Российской Федерации был реализован проект «Крестьянские движения в Поволжье. 1918 — 1922 гг.». В 2006 г. началась совместная с Институтом российской истории РАН разработка межрегионального инновационного проекта «Общество и власть. Российская провинция. 1917 — 1985 гг. (материалы и документы)» по программе фундамен-

тальных исследований ОИФН РАН «Общественный потенциал истории»; в 2007 г. было подписано соглашение с РГНФ о поддержке гуманитарных научных исследований, отобранных на конкурсной основе и выполняемых в институте. В том же году был подписан Учредительный договор с Институтом российской истории РАН об издании научно-публицистического журнала «Центр и периферия».

При В. А. Юрчёнкове институт уверенно поддерживал статус одного из лучших научных и образовательных учреждений республики. В 2002 г. была получена лицензия на образовательную деятельность в сфере послевузовского образования, что позволило осуществлять подготовку аспирантов по специальностям «Отечественная история», «Археология», «Этнография», «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская литература)», «Фольклористика», «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)», «Экономика и управление народным хозяйством», «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии». Причем подготовка научных кадров по специальностям «Археология», «Фольклористика» и «Политические институты, процессы и технологии» ведется в республике только в аспирантуре института. В последующие годы институт успешно проходил государственную аккредитацию, соответствуя научным учреждениям академического типа. Большую роль в научной деятельности и подготовке высококвалифицированных научных кадров сыграло открытие в 2004 г. на базе института диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности «Теория и история культуры» (отрасль наук историческая). Совет действовал в 2004 — 2007 гг. Председателем совета был В. А. Юрчёнков. С 2015 г. НИИГН входит в число организаций, на базе которых открыт объединенный диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальностям «Отечественная история» и «Этнография, этнология и антропология».

В 2000-е гг. в институте возродились археологические исследования, свернутые в тяжелых условиях 1990-х гг. В результате успешного решения кадровых, материально-технических и организационных вопросов изучение древнейших этапов истории региона приобрело статус полноценного самостоятельного направления научной работы.

Научно-исследовательская направленность института обусловлена не только теоретической деятельностью, но и практической. Наиболее ярким подтверждением служат подготовка и участие в праздновании в 2012 г. 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Идея 1000-летия была высказана В. А. Юрчёнковым на X Сафаргалиевских научных чтениях в апреле 2006 г. Многовековые связи мордвы и

Руси подтверждались историческими источниками. Создание концепции, интеллектуальное и информационное сопровождение проекта осуществлялось сотрудниками отдела истории при непосредственном руководстве Валерия Анатольевича. В рамках подготовки к празднованию 1000-летия единения в республике был реализован ряд важнейших проектов, имевших существенное значение для социально-экономического и культурного развития Мордовии.

Большое внимание В. А. Юрчёнков уделял популяризации исторической науки. Под его патронажем при институте было создано неформальное творческое объединение «Куйгорож» (В. А. Каланов — руководитель, В. А. Юрчёнков, Е. Н. Бикейкин и А. Н. Просвиркин), а через некоторое время, в октябре 2011 г., — отдел визуальной антропологии, выпустивший 14 документальных фильмов, посвященных истории и культуре мордовского края. Короткометражные фильмы, заслужившие положительные отклики зрителей, успешно используются учителями в образовательном процессе, их трансляция планируется в рамках видеопортала «Народное телевидение Мордовии», также инициированного НИИГН.

Находясь на посту директора института, В. А. Юрчёнков разработал большое количество значимых научно-исследовательских проектов, рассчитанных на десятилетия вперед и важных с точки зрения не только региональной, но и российской науки.

Разработанная под руководством В. А. Юрчёнкова новая цельная концепция истории и культуры мордовского народа получила выражение в проекте «Мордовия. XX век». Этот проект посвящен современному осмыслению основных этапов и путей социально-культурного и исторического развития Мордовии в прошедшем столетии с учетом модели региональной истории, предложенной в отечественной историографии впервые и в общих чертах приемлемой также для других регионов страны. Проект представлен монографиями «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» и «Мордовия в послевоенный период. 1945—1953 гг.»; солидным изданием «На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов», значительным количеством других работ.

Благодаря инициативе В. А. Юрчёнкова в институте начал осуществляться проект «Археология Мордовского края», посвященный изучению и осмыслению древнейшего, главным образом дописьменного, периода истории мордовской земли. С позиций современной науки разрабатывалась всесторонняя концепция ранней истории региона: шло исследование природно-географических условий каждого исторического периода, отдельных археологических культур, типичных археологических памятников (стоянок, селищ, городищ, могильников, кладов и др.), жилищ, погребального обряда, предметов материальной культуры (орудий труда, оружия, украшений, ке-

рамической посуды, предметов древних культов, быта и др.). Особое место в рамках данного направления Валерий Анатольевич отводил изучению межэтнических контактов: проект позволил проследить культурные и торговые связи населения региона на протяжении веков. Фактическим его началом стали работа над одноименной монографией и издание в 2008 г. первого тома, посвященного ранней истории мордовского народа и края с каменного века до эпохи бронзы.

Актуальным вопросом В. А. Юрчёнков считал научное осмысление многовекового наследия этноса, его верований, обрядов, фольклора, первооснова которых — мифология. Решению данной проблемы способствовал проект «Мордовская мифология», в котором на основе комплексного подхода изучались богатство, разнообразие и уникальность исторического, культурного и духовного наследия мордовского народа, анализировалась его роль в развитии и взаимообогащении культур финно-угорских и русского народов на уровне мифологического сознания. В рамках проекта В. А. Юрчёнковым и коллективом ученых института была апробирована новая универсальная научная концепция оценки места и роли мифологии в жизни конкретного этноса с учетом динамики преобразований и развития на всем протяжении его существования. Эта концепция выразилась в дальнейшем в энциклопедии «Мордовская мифология», монографии Н. Г. Юрчёнковой «Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации» и других трудах.

Проект «Мордва России» явился специальной этнографической работой по всестороннему изучению мордовской диаспоры Российской Федерации. Говоря о его значимости, В. А. Юрчёнков неизменно подчеркивал, что мордовский народ — один из крупных народов финно-угорской языковой семьи в России, который, несмотря на все исторические коллизии, сумел сохранить богатое культурное наследие и национальное самосознание, став одним из государствообразующих этносов. Исследования в рамках проекта охватывали изучение истории заселения, хозяйственной деятельности, общественных и семейных отношений, этногенеза и этнической истории, этнокультурной адаптации, сохранения традиций в материальной (жилище, пища, одежда) и духовной (народные знания, обряды и праздники) культуре мордвы, а также современных проблем, связанных с социально-экономическими и культурными преобразованиями. Все они представлены в значительном количестве вышедших ежегодно монографий, каждая из которых, как правило, посвящена определенной территории проживания мордовской диаспоры.

Подход к пониманию общества как политико-территориальной системы, основанной на взаимодействии центра, отождествляемого с властью, и периферии, воспринимающей властные импульсы и фактически тождественной обществу, позволил Валерию Анатольевичу ввести в проблему

«власть — общество» реальность региона и рассмотреть взаимодействие власти и общества как реализацию власти в провинции на примере Мордовии. В проекте «Власть и общество: российская провинция» такое взаимодействие анализируется в трех основных плоскостях жизнедеятельности регионального социума — общественно-политической, социально-экономической и социокультурной. Данное направление представлено такими значимыми исследованиями, как «Крестьянство и власть Среднего Поволжья», «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг.», «Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект» и др.

С подачи В. А. Юрчёнкова коллективом института была начата кропотливая работа по поиску и публикации впервые выявляемых документов центральных и региональных архивов, проливающих свет на неизвестные факты или слабо разработанные проблемы истории Мордовии, этнографии мордовского народа, его языка и фольклора. Все это стало основной целью для создания комплексного проекта «Свод документов по истории и культуре Мордовии», охватывающего вопросы широкого круга гуманитарных наук: истории, этнографии, языкознания, фольклористики, культурологии и т. д. В его рамках осуществлялась подготовка сборников историко-этнографических документов о мордве, документов, освещающих историческое, культурное и социально-экономическое развитие мордовского края, материалов, связанных с историей языкового строительства в Мордовии, образцов фольклорного наследия мордовского народа. Свет увидели многотомные издания «Общество и власть (1918 — 1920): документы уездных съездов Советов Мордовии», «Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке: стенограммы и материалы языковых конференций и научных сессий по вопросам мордовского языкознания», «Великая Отечественная война: устная история. Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны» и многие другие.

Уникальный опыт лингвистических исследований мордовских языков, в том числе в области лексикографии, накопленный несколькими поколениями языковедов института, был реализован в проекте «Мордовские словари», который предусматривал выполнение работ по составлению различных типов словарей мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, раскрывающих всю многогранность их лексического строя. Тематика современных лексикографических исследований, инициированных Валерием Анатольевичем, была связана с подготовкой словарей мордовских литературных языков, а также лингвистических справочников, регулирующих правила мокшанского и эрзянского произношения на основе орфоэпических норм мокшанского и эрзянского литературных языков. В мордовской лексикографии это первый опыт составления подобного рода словарей,

поэтому их издание стало значимым событием в развитии регионального языкознания.

Изучению самобытной этнической культуры народов Мордовии Валерий Анатольевич посвятил проект «Этнокультурный мир Мордовии». Тематика проводимых исследований предусматривала комплексное и всестороннее рассмотрение своеобразия материальной и духовной культуры не только коренных (русские, мордва, татары) этносов Республики Мордовия, но и малочисленных (украинцы, чуваша, народы Закавказья и Центральной Азии и др.). Ценность данного проекта, представленного такими работами, как «Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование», «Как лечились народы Поволжья и Приуралья», «Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита» и др., состояла в возможности показать обусловленные межэтническими контактами взаимовлияние, взаимообогащение национальных культур этих народов.

Последние десятилетия XX в. стали в России периодом поиска новых моделей построения этнокультурной политики. Этому запросу в полной мере соответствовал инициированный В. А. Юрчёнковым проект «История культуры Мордовии», который строился на анализе не только уже известных документов, но и новых материалов, раскрывавших малоизученные страницы социокультурной жизни республики (конец 1920 — 1930-х гг., первые послевоенные годы, а также постперестроечная эпоха). Данный проект обогатил региональную историографию такими работами, как «Культура и общество во второй половине XIX в. Социокультурное развитие российской провинции (на примере мордовского края)», «Мордовия, XX век: культурная элита. Энциклопедический справочник», «Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI — XVIII вв.», «Начертание мордовской истории» и др.

Всестороннему изучению проблем региональной истории посвящен проект «Города и районы Мордовии». В его рамках Валерий Анатольевич предусматривал освещение ретроспективного пути становления и развития городов и районов мордовского края, представление уникального материала об их истории, культуре и природе, извлеченного из архивов и музеев, литературных источников, периодической печати, рассказов старожил и очевидцев происходивших событий. Проект стал важным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения, помог проникнуться чувством глубокого уважения к малой родине. Первым изданием в рамках проекта была вышедшая в 2008 г. книга «Красная Слобода», посвященная Краснослободскому району Республики Мордовия.

Основной задачей проекта «Личности» В. А. Юрчёнков определял популяризацию людей, жизнь и деятельность которых так или иначе была связана с мордовским краем, людей, прославивших свою малую родину.

Круг знаменитых персоналий им не ограничивался, в связи с чем проблематика проекта оказалась существенно расширенной. Много работ в рамках проекта посвящалось таким известным историческим фигурам, как патриарх Московский и всея Руси Никон, флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков. Данный проект тесно переплетался с издаваемой в институте научно-популярной серией классических трудов «Наследие», призванной, по мысли Валерия Анатольевича, сохранить и передать следующим поколениям результаты научных изысканий видных ученых в области истории мордовского края, этнографии мордовского народа, его культуры и языка. Осуществлялись не только подготовка и издание классических научных трудов, но и их переиздание (были переизданы избранные труды исследователей мордвы XIX — первой половины XX в. В. Н. Майнова и А. А. Гераклитова). Реализация данного направления была также связана с организацией научных мероприятий (Рябовские, Горбуновские, Жигановские научные чтения, различные научные конференции) и т. д.

Проект «Экономика Мордовии переходного периода» был направлен на осмысление одного из наиболее сложных этапов в жизни республики (вторая половина 1980-х — 2010-е гг.) в разрезе общероссийской социально-экономической системы. Тематика проводимых в рамках проекта исследований включала рассмотрение особенностей экономических проблем в указанный период, альтернативных вариантов их решения, анализ предпосылок формирования и реализации национальных проектов в региональном разрезе. В рамках проекта вышли такие работы, как «Экономика переходного периода: региональные особенности», «Развитие механизма финансового обеспечения социокультурной сферы Республики Мордовия», «Республика Мордовия: история, экономика, проблемы» и др.

Под руководством В. А. Юрчёнкова на базе института была осуществлена крупная научно-исследовательская работа в сфере энциклопедистики. Издание в 2003 — 2004 гг. двухтомной энциклопедии «Мордовия» позволило систематизировать накопленные региональной наукой знания и одновременно заложить фундамент для дальнейшего развития научных отраслей. Окончательное оформление теории и методологии энциклопедического дела, создание баз данных текстовых и иконографических материалов явились основанием для разработки проекта «Региональный энциклопедизм», направленного на подготовку ряда тематических (отраслевых) региональных энциклопедических изданий. Одной из значительных работ в этом направлении стала энциклопедия «Мордовская мифология», отличающаяся многоаспектным подходом к осмыслению феномена мордовской мифологии.

Кроме научных проектов Валерий Анатольевич активно популяризировал историю и культуру мордовского народа («Как узнавали о мордве. Рассказы в картинках», 1996; «Сказки Вирявы», 2012; «Сказки Норовавы»,

2012; серия «Край мордовский» — «Занимательная археология», 2013; «Занимательная история», 2014; «Занимательное родиноведение», 2017), являлся сторонником художественного осмысления исторической реальности. Подобный подход лег в основу книг «Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории» (1991) и «Живое тепло» (2001).

Автор сценариев ряда научно-популярных фильмов, снятых Казанской киностудией кинохроники (режиссер — Н. Дьяков), ГТРК «Мордовия» (режиссеры — И. Кузьмин, В. Каланов; «Память и беспамятство», 1991; «Храни вас Господь, матросы», 1996; «Древо жизни, знаки Творца», 2001; «С кем вы, комдив Миронов?», 2008). Участник творческого объединения «Куйгорож», на базе которого созданы короткометражные фильмы (соавтор сценариев и продюсер): кинотрилогия «Битвы Средневековья» (2009 — 2011), «Саранск — юго-восточный форпост Московского государства. 1641 — 1717 гг.» (2012), «От Бородина до Парижа» (об участии народов мордовского края в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе против наполеоновской Франции (1812 — 1815), 2012), «Непобежденные. Подвиг Красной Слободы. 1670 г.» (2013), «Тюштянь налксемат. Боевые игрища древней мордвы» (2013), «Мордовия. Рождение республики. Возникновение государственности» (2013), «На сопках Маньчжурии» (2014), «Неповторимая и уникальная. Этногенез мордвы» (2014), «Стяжание Святой Руси. Новеллы о Патриархе» (2014), «Мы шли в поход, когда с зарею сходилась ясная заря...» (Первая мировая война в судьбах народов мордовского края, 2014), «Герой, сын Героя» (об участнике Великой Отечественной войны, полном кавалере орденов Славы, сыне полного Георгиевского кавалера И. С. Потешкине, 2015). Автор и ведущий документально-исторического проекта «Однажды в Мордовии с Валерием Юрчёнковым» (1-я серия — «Емельян Пугачев», 2-я — «Великая война (1914 — 1918 гг.)», 2017, Телесеть «Мордовия»).

В. А. Юрчёнков являлся главным редактором научно-публицистического журнала «Центр и периферия» (в 2003 — 2017), научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (в 2009 — 2017; в 2006 — 2008 гг. — сборник научных статей аспирантов и докторантов «Од вий» («Молодая сила»)). Был членом редакционных коллегий журналов «Регионология», «Мордовия: наука, инновации, новые технологии», «Финно-угроведение», «Странник», «Гуманитарные науки и образование».

Входил в диссертационные советы Д 212.081.01 при Казанском государственном университете, ДМ 212.301.05 при Чувашском государственном университете, Д 999.033.04 на базе МГУ им. Н. П. Огарёва, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, НИИГН и Ульяновского государственного педагогического университета.

Отдельной главой в биографии В. А. Юрчёнкова стала педагогическая деятельность, поскольку его заботило не только настоящее, но и будущее мордовской науки, которую он рассматривал как органичную часть российской науки. Возглавляя кафедру страноведения в Историко-социологическом институте МГУ им. Н. П. Огарёва, он подготавливал высококлассных специалистов, используя опыт МГИМО, МИДа Российской Федерации и Казанского университета. Открытие диссертационного совета при НИИГН, к чему В. А. Юрчёнков имел непосредственное отношение, способствовало созданию и реализации системы подготовки высококвалифицированных научных кадров, востребованных не только в Республике Мордовия, но и за ее пределами. В. А. Юрчёнков всегда был в числе наставников, осуществлявших руководство аспирантами по специальности «Отечественная история». Ученый подготовил 7 докторов и 27 кандидатов наук.

В. А. Юрчёнков — автор востребованных учебно-методических работ и активный популяризатор исторической науки. Его книги для детей школьного возраста («Занимательная археология», «Край мордовский. Занимательная история», «Занимательное родиноведение», «Сказки Вирявы», «Сказки Норовавы» и др.) написаны живым, увлекательным языком, с любовью и уважением к родной истории. В. А. Юрчёнков также является автором учебника по истории и культуре мордовского края «Мир истории» для 6-го класса средних школ республики, единственного в настоящее время учебника по истории на мокшанском и эрзянском языках «Мордовский народ: прошлое и настоящее», а также учебного пособия «История и культура мордовского народа» для 6 — 9-го классов общеобразовательной школы.

Говоря об успешной реализации всех выполненных проектов, следует особо подчеркнуть, что этому способствовали не только талант Валерия Анатольевича как видного ученого и организатора науки, но и его замечательные человеческие качества, без которых коллектив института не состоялся бы в том виде, в котором он существует теперь. И главными из этих качеств были неизменная доброта, способность понять, великодушие. Требовательность маститого руководителя сочеталась в нем с человечностью и искренней любовью к людям и делу.

Валерий Анатольевич Юрчёнков принадлежит к числу выдающихся ученых, составляющих золотой фонд российской науки. Его научно-педагогическая и общественная деятельность, вся его жизнь есть наглядный пример истинного, беззаветного служения своей стране и своей республике, а также преданной любви к науке и народному образованию.

В память о Валерии Анатольевиче в институте раз в 2 года проводятся Юрчёнковские научные чтения. В 2022 состоялись II Юрчёнковские чтения.

Библиографические ссылки

- ¹ **Кабытов П. С.** История у нас трагична : Записки историка. Самара, 1996. С. 93 — 97 ; **Воронина Н. И.** Полет над историей // Регионология. 1999. № 4. С. 402 — 408 ; **Ее же.** Лики провинциальной культуры. Саранск, 2004. С. 136 — 145 ; **Гагаев А. А., Кудасева Н. В.** Угро-финский космо-психо-логос. Саранск, 2009. 614 с. ; Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 554 ; Юрчѐнков Валерий Анатольевич: биобиблиогр. справ. Саранск, 2005. 62 с. ; **Куршева Г. А.** Историк, историограф, краевед, организатор наук // Красная Слобода. Саранск, 2008. С. 393 — 396 ; Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008. С. 326 — 327 ; **Куршева Г. А.** Валерий Анатольевич Юрчѐнков : (К 50-летию со дня рожд.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3 (15). С. 241 — 247 ; Мордовия, XX век: культурная элита: энцикл. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2. С. 330 — 331 ; **Кабытов П. С.** Памяти Валерия Анатольевича Юрчѐнкова // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 101 — 109 ; **Кильдюшкина И. Г., Кильдюшкина Т. И.** В. А. Юрчѐнков: генератор идей и корифей исторической мысли. К 60-летию со дня рождения // Там же. 2020. № 3. С. 88 — 94 ; **Воронина Н. И.** История В. А. Юрчѐнкова: взгляд в прошлое или в будущее? // Там же. С. 95 — 96 ; **Белоусов С. В.** Вспоминая о Валерии Анатольевиче Юрчѐнкове // Там же. С. 97 — 99 ; **Чуканов И. А.** У этого человека мне учиться и учиться... // Там же. С. 100 — 102 ; **Лаптун В. И.** Памяти друга // Там же. С. 103 — 105 ; **Сморodin К. В.** Валерий Анатольевич... Валера... Отрывок из воспоминаний // Там же. С. 106 — 107.

Историческое наследие древности и средневековья

УДК 902/904

С. В. Видяйкин, Е. Н. Кемаев, А. С. Пронин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ИТОГИ МОНИТОРИНГА ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ — АТЕМАРСКИЙ ОСТРОГ И ВАЛ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ В ЛЯМБИРСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В 2022 г.

В 2022 г. сотрудники отдела археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия совместно с отделом государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия проводили мониторинг объектов культурного наследия. В статье на основе данных этого мониторинга показано состояние одного из уникальных памятников археологии Мордовии — Атемарского острога и вала засечной черты в Лямбирском районе.

Ключевые слова: памятник археологии, острог, земляной вал, засечная черта, мониторинг.

К сожалению, приходится констатировать, что на современном этапе продолжает сохраняться целый ряд проблем в области сохранения такого специфического вида объектов культурного наследия, как памятники археологии. Сохранность археологического наследия находится под угрозой в силу целого ряда факторов — воздействие природной среды (выветривание, вымывание половодьем и т. п.), ведение хозяйственных работ (строительство, распашка), разграбление «черными копателями». Не обошли стороной эти проблемы и наш регион. Так, у многих памятников археологии в республике не установлены должным образом границы, соответственно они не зафиксированы на кадастровой карте, что влечет существенные затруднения в реализации практических мероприятий по обеспечению их сохранности. Кроме того, до недавнего времени мероприятия по мониторингу состояния объектов археологического наследия не имели систематического характера.

Тем не менее необходимо отметить, что данная ситуация начала преломляться. Так, с 2020 г. сотрудниками отдела государственной охра-

ны объектов культурного наследия Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия начал вестись мониторинг объектов культурного наследия, составной частью которого являются памятники археологии. Данное мероприятие проводится при активном участии сотрудников отдела археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Итоги мониторинга памятника археологии — Атемарский острог и вал засечной черты в Лямбирском районе Республики Мордовия — в 2022 г. легли в основу настоящей статьи.

Земляные укрепления Атемарского острога являются наиболее хорошо сохранившейся частью оборонительных сооружений, возведенных в рамках строительства в XVII в. Белгородско-Симбирской засечной черты, расположенных на территории Республики Мордовия. Они представляют собой ценный источник для исследования уровня развития русского военно-инженерного дела, а также региональной истории периода позднего феодализма.

В 1940 г. Археологической экспедицией Центрального музея МАССР под руководством С. П. Вернера было проведено обследование сторожевого вала и Атемарского острога на участке между с. Посоп и Атемар. В процессе выполнения работ было установлено, что «остатки сторожевого вала в виде земляной насыпи и рва» находились в «довольно хорошей сохранности». Профиль вала был «очень ровным». Признаков деревянных укреплений обнаружено не было. Вдоль всего вала с южной стороны был зафиксирован ров, «местами заплывший, а местами сохранивший глубину до 2 м». Высота вала по наблюдениям С. П. Вернера «от уровня почвы» с северной стороны составляла 2 м, а с южной со дна рва — 4 м. Земляные основания башен были единообразны и представляли собой округлые выступы в сторону «дикого поля» диаметром порядка 20 м. Часть вала на территории с. Атемар по состоянию на 1940 г. была «застроена жилыми домами». Площадь острога была занята действующим кладбищем, вследствие чего, согласно оценке С. П. Вернера, «культурный слой перемешан и тем самым уничтожен». «На северной стороне» было зафиксировано обнажение внутренней структуры земляного основания, образовавшееся «вследствие устройства стрелкового тира». Отмечено, что вал засыпался слоями без деревянных каркасов, чередующимися слоями мощностью порядка 0,2 м из чернозема и трепела. Каждый слой после засыпки подвергался обжигу, о чем, по мнению автора работ, свидетельствовали угли, включенные в его структуру¹.

В 1972 г. в рамках паспортизации памятников фортификационные сооружения осматривались В. Н. Мартьяновым. Была произведена фотофиксация их состояния.

В 2007 г. памятник осматривался А. Г. Нечаевым. На основании собственных наблюдений, а также данных историографии исследователем была составлена реконструкция предполагаемого устройства деревянных крепостных сооружений².

В 2019 г. Атемарский острог был обследован экспедицией НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Кемаев Е. Н., открытый лист № 1869-2019). Была произведена фиксация фактического состояния объекта археологического наследия с применением современных технических средств и методических приемов (в т. ч. составлен инструментальный топографический план, осуществлено определение точных географических координат объектов в спутниковой системе навигации GPS).

В 2021 г. определение границ территории ОКН производилось ООО Мордовским научно-реставрационным центром «Сияжар».

В результате мониторинга, проведенного в 2022 г., были получены следующие данные.

Земляные фортификационные сооружения Атемарского острога расположены на южной окраине с. Атемар Лямбирского муниципального района Республики Мордовия на обширном мысовидном выступе первой надпойменной террасы по правому возвышенному обрывистому берегу р. Атемарки. К западу, северо-западу, северу и северо-востоку находится сельская жилая застройка с сопутствующими садово-огородными участками. Большая часть внутренней площадки занята кладбищем с. Атемар. Земляные насыпи стен и башенных оснований очень хорошо сохранились и визуально определяются на местности по всему контуру.

Основание северо-восточной башни существенно отличается от остальных своими большими размерами. Насыпь имеет форму неправильного ромба с усеченным основанием (в районе примыкания северной и восточной стен). Выступы северо-западного и северо-восточного углов сильно скруглены, с юго-восточной стороны угловидный выступ не выражен, контур основания имеет вытянутую округлую форму. Основание башни ориентировано длинной осью по направлению с юго-запада на северо-восток, максимальная протяженность составляет 70 м. Максимальная ширина основания по линии северо-запад — юго-восток составляет 40 м. На северо-восточной оконечности имеется относительно пологая площадка размерами порядка 24 × 11 м, с которой открывается обзор в направлении восток — северо-восток, где расположены господствующие на местности высоты (в направлении улиц Вякина и Клоков порядок). В соответствии со спецификой прилегающего рельефа верхняя площадка башенного основания максимально возвышается над местностью, расположенной с северо-запада на 6 м, с северо-востока — на 4 м, с юго-востока — на 7 и более метров (естественное снижение рельефа в сторону р. Атемарки). Площадь соору-

жения в настоящее время задернована, покрыта травяной растительностью. Ров, примыкающий к башенному основанию, сохранился лишь фрагментарно, вдоль юго-восточной оконечности башни. Он представляет собой поросшую густой травяной растительностью западину с пологими бортами шириной порядка 5 — 6 м, максимальная глубина составляет около 0,2 м.

Вал восточной стены ориентирован длинной осью по направлению с север-северо-востока на юг-юго-запад, его протяженность составляет около 180 м. Высота вала соответствует рельефу и возвышается над прилегающей с напольной стороны местностью на 2,4 — 2,5 м (в южной части достигает 3,5 м). В южной части, в районе соединения с основанием юго-восточной башни гребень вала имеет дугообразное понижение глубиной около 0,4 — 0,6 м протяженностью порядка 5 м. Верхний гребень вала представляет собой ровную площадку шириной от 3 до 4 м. Ширина основания вала составляет около 14 м. Оплывшая насыпь вала в профиле плавно переходит в вытянутое дугообразное углубление рва, ширина которого составляет около 10 м. Глубина рва составляет около 0,4 — 0,6 м, на отдельных участках — достигает 1,0 — 1,2 м. Площадь вала и рва в настоящее время задернована, покрыта травяной растительностью. На верхней площадке частично сохранились дубовые столбики от деревянной ограды кладбища, которая зафиксирована на фотографиях 1972 г.

Проем восточных ворот острога в настоящее время имеет ширину 10 м. Он заключен между пологими склонами валов восточной стены. Площадь проема и нижние участки склонов валов покрыты густой высокотравной растительностью, под которой навалено большое количество кладбищенского мусора (распиленные деревянные кресты, металлические остовы венков и т. п.). Ров, идущий вдоль восточного вала, перед воротным проемом прерывается. С внутренней стороны острога через ров проходит земляная насыпь, соответствующая по ширине и рельефу проему. Она выходит на площадку овальной формы, диаметром порядка 20 — 25 м, которая возвышается над прилегающей местностью на 0,8 — 1,0 м. Поверхность площадки полностью задернована, покрыта луговой растительностью.

Земляное основание юго-восточной башни представляет собой округлый выступ из прямоугольника, очерченного линиями стен острога, диаметром около 40 м. Возвышение башенного основания над валом восточной стены составляет 1,5 м; над валом южной стены — 1,0 м. Верхняя площадка фортификационного сооружения возвышается над рельефом прилегающей с восточного фланга местности на 5,3 м; над восточной оконечностью примыкающей к южной стене площадки — на 4,2 м. Верхняя площадка и фронтальные склоны насыпи башенного основания в настоящее время задернованы, покрыты травяной растительностью. Рвы, идущие вдоль восточной и южной стен острога, на участке перед юго-восточной башней

расширяются и выходят к обрыву коренного берега в юго-западном и юго-восточном секторах основания насыпи башни. Глубина рвов составляет около 1,5 м, ширина — около 14,0 м. Их стенки и дно задернованы, покрыты густой высокотравной растительностью. Южный сектор основания насыпи башни подходит непосредственно к обрыву коренного берега. В настоящее время на данном участке под воздействием естественных эрозионных процессов происходит осыпание береговой линии, что ведет к разрушению южной части основания фортификационного сооружения по всей протяженности. Максимальная высота профиля осыпающейся части основания составляет 2,4 м.

Вал южной стены острога ориентирован длинной осью по направлению с юго-востока на северо-запад, его протяженность составляет около 205 м. Верхний гребень вала представляет собой ровную площадку шириной около 3,5 — 4,0 м. Естественный рельеф площади перед валом характеризуется понижением в юго-восточном направлении. Высота вала соответствует рельефу, возвышение над прилегающей с напольной стороны местностью составляет около 3 м. Ширина основания вала составляет около 14 м. Оплывшая насыпь в профиле плавно переходит в вытянутое дугообразное углубление с относительно пологим (в западной части) дном шириной около 9 м. Глубина рва составляет около 1,0 — 1,2 м, в западной части — около 1,6 м. Площадь вала и рва в настоящее время задернована, покрыта травяной растительностью.

Створ проема южных ворот имеет ширину около 5 м. Он заключен между пологими склонами валов южной стены. Створ проема и нижние участки склонов валов завалены спиленными деревьями и кустарником, площадь поросла густой высокотравной растительностью.

Земляное основание юго-западной башни представляет собой округлый выступ из прямоугольника, очерченного линиями стен острога, диаметром около 35 м. Площадка по верхнему гребню примыкающих валов восточной и южной стен, плавно повышаясь, переходит в верхнюю площадку башенного основания, которая имеет округлую форму и плоский по горизонту рельеф. Возвышение верхней площадки башенного основания над валом южной стены составляет около 0,8 м, над валом западной стены — 0,4 м. Верхняя площадка фортификационного сооружения возвышается над рельефом прилегающей местности на 4,5 м. Верхняя площадка и фронтальные склоны насыпи башенного основания в настоящее время задернованы, покрыты травяной растительностью. Ров, идущий вдоль южной стены острога, продолжается на участке перед юго-восточным и южным секторами основания насыпи башни. В юго-западном секторе он выходит к крутому склону берега оврага, спускающегося в пойму р. Атемарка. Ров представляет собой вытянутое дугообразное углубление с относительно пологим дном

шириной около 9,0 м, глубина составляет от 0,8 м до 1,2 м. Стенки и дно рва задернованы, покрыты густой высокотравной растительностью. Юго-западный сектор основания башни ограничивается оврагом. Ров, идущий вдоль западного, северо-западного секторов менее выражен в рельефе. Он представляет собой пологое углубление шириной порядка 7,0 м, глубиной около 0,4 м, выходящее южной оконечностью в овраг. Стенки и дно задернованы, покрыты густой травяной растительностью.

Вал западной стены острога ориентирован длинной осью по направлению с юго-запада на северо-восток, его протяженность составляет 176 м. Верхний гребень вала представляет собой ровную площадку шириной около 3,5 — 4,0 м. Естественный рельеф площади перед валом характеризуется понижением в южном направлении. Возвышение вала над прилегающей с напольной стороны местностью составляет около 3,0 — 3,5 м. Ширина основания вала составляет около 14 — 15 м. Ров сохранился частично, прослеживается на протяжении около 30 м в направлении на северо-восток от участка под юго-западной башней. Он представляет собой поросшую густой травяной растительностью западину с пологими бортами шириной около 2,0 м, максимальная глубина составляет около 0,2 м. Далее на всем протяжении стены непосредственно вдоль подошвы насыпи вала проходит грунтовая дорога, которая используется для проезда легкового автотранспорта. Поверхность насыпи вала в настоящее время задернована, покрыта травяной растительностью. Поверхность откоса внутренней стороны вала и верхняя площадка (местами) покрыта древесно-кустарниковой растительностью. Через юго-западную оконечность вала стены на внутреннюю площадку проходит тропа. Слой дерна по внутреннему и внешнему склонам насыпи поврежден ступеньками, прорытыми посетителями кладбища.

Створ проема западных ворот имеет ширину около 6 м. Он заключен между пологими склонами валов южной стены. Вся площадь проема завалена спиленными на территории кладбища деревьями и кладбищенским мусором. Из-под навала в створе проема ворот прорастает густая высокотравная растительность.

Земляное основание северо-западной башни представляет собой округлый выступ из прямоугольника, очерченного линиями стен острога, диаметром около 37 м. Площадка по верхнему гребню примыкающих валов западной и северной стен, плавно повышаясь, переходит в верхнюю площадку башенного основания, которая имеет округлую форму и плоский по горизонту рельеф. Возвышение верхней площадки башенного основания над валом западной стены составляет около 2,1 м; над валом северной стены — 1,3 м. Верхняя площадка фортификационного сооружения возвышается над рельефом прилегающей с западной стороны местности (заасфальтированная площадка перед церковью) на 3,6 м; с северной стороны

(грунтовая дорога) — на 4,0 м. Большая часть верхней площадки и фронтальных склонов насыпи башенного основания в настоящее время задернованы, покрыты травяной растительностью. Юго-западная часть фронтального склона и внутренней площадки основания башни прорезаны дорогой с асфальтовым покрытием длиной около 20 м, шириной около 2 м. На внутренней площади она сменяется грунтовой дорогой. При сооружении дорожного полотна производилось срезание грунта (около 0,8 м в глубину). На поверхности фронтального склона насыпи основания башни в западно-северо-западном секторе имеется углубление прямоугольной со скругленными углами формы. Поверхность задернована, покрыта травяной растительностью. Объект (в задернованном состоянии) читается на фотоматериале 1972 г. По западному склону насыпи проходит несколько узких канавок с задернованными стенками. Они используются в качестве тропинок.

Вал северной стены ориентирован длинной осью по направлению с северо-запада на юго-восток, его протяженность составляет 167 м. Верхний гребень вала представляет собой ровную площадку шириной около 4 м. Высота вала над прилегающей с напольной стороной местностью составляет около 2,0 — 2,3 м. Ширина основания вала составляет около 14 м. Оплывшая насыпь в профиле плавно переходит в поросшее высокотравной растительностью вытянутое дугообразное углубление с пологим дном шириной около 9 м. Глубина рва составляет около 1 м. Участок, расположенный в непосредственной близости от фортификационных сооружений (западнее северных ворот) в настоящее время зарос бурьяном, визуальное ров определяется слабо. К востоку от северных ворот ров выражен слабо, он представляет собой дугообразное углубление с пологими бортами шириной около 4,0 м, глубиной около 0,2 м.

Створ проема северных ворот имеет ширину около 7 м. Он заключен между сильно оплывшими склонами валов северной стены. В створе проема у подошвы западного отрезка вала установлены металлические столбы, на которые навешены ворота кладбища. Между ними проходит грунтовая дорога, которая используется для проезда внутрь территории кладбища на легковом автотранспорте. Восточная часть проема между валами стен перекрыта металлической оградой кладбища, задернована, покрыта высокотравной растительностью.

На внешней стороне насыпи вала северной стены и прилегающей площадке в непосредственной близости от северных ворот зафиксирована выемка грунта, сопряженная со стихийной свалкой кладбищенского мусора. Скапливающаяся у ворот куча мусора периодически убирается с использованием техники. В результате происходит срезание грунта из насыпи вала стены, также сnivelирована юго-восточная оконечность рва.

Конфигурация повреждений культурного слоя памятника на данном участке изменяется.

Внутренняя площадка Атемарского острога имеет трапециевидную форму. Большая часть занята действующим сельским кладбищем. Только в северо-восточном секторе имеется нетронутый захоронениями участок. На территории центрального, западного и северо-западного секторов внутренней площадки произрастает значительное количество древесной растительности. От северо-западных ворот кладбища в юго-восточном направлении к средней части южной стены, от северных ворот в направлении юго-восточного угла внутренней площадки, а также по центральной части по направлению с запад-северо-запада на восток-юго-восток проходят грунтовые дороги, которые используются для проезда автотранспорта. Расположение могил на территории кладбища плотное. В силу данного обстоятельства сохранность культурного слоя на большей части внутренней площадки можно оценить как фрагментарную.

Основным фактором, деструктивно влияющим на сохранность памятника, является антропогенное воздействие. В ходе работ было зафиксировано большое количество выемок грунта из насыпи вала со стороны внутренней площадки. На площади памятника отмечены стихийно возникающие свалки мусора. В результате неконтролируемого расширения кладбища, захоронения начали осуществляться непосредственно на земляных валах острога. В районе западной оконечности вала южной стены на верхнем гребне насыпи выкопан деревянный крест.

Валы засечной черты непосредственно не примыкают к земляным фортификационным сооружениям Атемарского острога. Вал, расположенный к юго-востоку от острога, отделен руслом р. Атемарки. Вал, расположенный к западу от острога, отделен частной жилой и хозяйственной застройкой, расположенной по ул. Большая дорога с. Атемар. Значительная часть вала на данном участке разрушена в ходе строительных работ.

Западный участок вала засечной черты начинается от восточного берега оврага Желобок, противоположный берег которого покрыт лесом (Атемарский). Насыпь вала ориентирована длинной осью с запад-северо-запада на восток-юго-восток. Она тянется по направлению к западному берегу оврага, по которому в сторону р. Атемарки течет ручей Гаялева, в настоящее время овраг представляет собой северный отрог Висловского пруда. Общая протяженность отрезка насыпи вала на этом участке составляет около 1,64 км, оборонительные сооружения включают 3 насыпи оснований башен, которые представляют собой округлые выступы во фронтальном направлении от линии насыпи вала, диаметром около 30 м, высотой около 5 м. Сохранность насыпи вала неравномерная. Западная оконечность и прилегающий ров хорошо выражены в рельефе, на отрезке, расположенном восточнее (около

250 м от западной оконечности до первой насыпи башенного основания) насыпь вала существенно снивелирована (вероятно, распашкой). В настоящее время хозяйственные работы на обозначенной площади не производятся, поверхность задернована, покрыта густой высокотравной растительностью.

Земляное основание первой башни задерновано, антропогенному воздействию не подвергается. Высота насыпи вала, расположенного восточнее от башни, в среднем составляет около 2 м. На расстоянии около 60 м в восток-юго-восточном направлении от башни с напольной стороны по насыпи вала поднимается грунтовая полевая дорога, которая, достигнув верхнего гребня, поворачивает направо и далее проходит непосредственно по насыпи, что негативно сказывается на сохранности памятника. В районе насыпи основания второй башни к ней примыкает еще одна грунтовая полевая дорога, также поднимающаяся по фронтальному склону насыпи вала с напольной стороны. Еще одна дорога пересекает непосредственно само башенное основание. На расстоянии около 240 м в восток-юго-восточном направлении от второй башни насыпь вала пререзается широкой грунтовой дорогой (около 5 м), оборудованной насыпью, которая идет в северном направлении в с. Атемар. Еще одна грунтовая полевая дорога поднимается с напольной стороны стороны вдоль запад-юго-западного склона насыпи башенного основания № 3. Дорога, проходящая по верхнему гребню насыпи вала, проходит на протяжении около 40 м в восток-юго-восточном направлении от башенного основания № 3, далее она поворачивает налево и спускается по внутреннему склону насыпи вала. Восток-юго-восточная оконечность насыпи антропогенному воздействию не подвергается.

Протяженность участка насыпи вала, расположенного между восточным берегом северного отрога Висловского пруда и началом индивидуальной жилой застройки в с. Атемар, составляет около 1,1 км. Западная оконечность насыпи частично срезана при прокладке грунтовой полевой дороги, проходящей между валом и озером. На расстоянии около 0,55 км к востоку от начала насыпи находится башенное основание. На данном отрезке сохранность фортификационных сооружений можно охарактеризовать как хорошую. Насыпь вала и ров задернованы, покрыты травяной растительностью, антропогенному воздействию не подвергаются. На верхней площадке башенного основания сохранился бетонный столб, на котором ранее была закреплена табличка с информацией о том, что объект является памятником истории, находящимся под государственной охраной. В настоящее время информация табличка отсутствует. Насыпь вала, на отрезке, расположенном восточнее башни, постепенно уменьшается по высоте, по верхнему гребню накатана грунтовая полевая дорога. Восточная оконечность сильно снивелирована. Высота насыпи на расстоянии около 0,4 км к востоку от

башни с напольной стороны составляет не более 1,5 м. Вероятно, это связано с многолетней распашкой в период, когда памятник еще не состоял на государственной охране. В настоящее время объект задернован, хозяйственному воздействию не подвергается. В пределах жилой застройки насыпь вала определяется как всхолмление, расположенное под домами и хозяйственными постройками северного порядка ул. Большая дорога. После поворота улицы в север-северо-восточном направлении насыпь вала визуально не определяется.

Отрезок вала засечной черты, расположенный к юго-востоку от Атемарского острога, имеет протяженность около 3,2 км. Он проходит от левого (низкого) берега р. Атемарки по направлению к лесному массиву, расположенному севернее с. Подлесная Тавла (по оси северо-запад — юго-восток). На данном участке находится 4 насыпи оснований башен. Конструктивно оборонительные сооружения аналогичны западному отрезку. Сохранность ОКН можно охарактеризовать как хорошую. Хозяйственному воздействию в настоящее время он не подвергается, поверхность задернована, покрыта травяной растительностью. Высота насыпи вала составляет около 2 м, башенных оснований — около 5 м. На участке, расположенном в северо-западной трети протяженности (около 0,35 км к юго-востоку от первого со стороны русла р. Атемарки башенного основания) насыпь вала по линии северо-восток — юго-запад прорезает широкая (около 7 м) грунтовая дорога, оборудованная насыпью, которая идет в северо-восточном направлении к заводу стройматериалов, расположенному на восточной окраине с. Атемар. На вершине третьего со стороны русла р. Атемарки башенного основания установлен деревянный поклонный крест. Объект находится в обветшалом состоянии. В районе юго-восточной оконечности насыпи вала находится округлая в плане западина диаметром около 20 м, поросшая густой высокотравной растительностью. Определить, является ли она частью оборонительных сооружений (незавершенных либо разрушенных в процессе хозяйственной деятельности) без целенаправленных полевых археологических работ не представляется возможным.

В целом мониторинг Атемарского острога и вала засечной черты показал, что в области охраны памятников археологии в республике сохраняется значительное количество проблемных моментов. Большинство из них связаны со слабым вниманием представителей органов власти к охране ОКН, а также безответственным отношением хозяйствующих субъектов республики в деле их сохранения. Безусловно все памятники нуждаются в дальнейшем систематическом изучении. Тем не менее начавшийся их мониторинг послужит преодолению этих проблем, а полученная информация будет безусловно интересна научному сообществу.

Библиографические ссылки

¹ Вернер С. П. Отчет археологической экспедиции Центрального музея Мордовской АССР 1940 года // НА НИИГН. И-1035.

² Нечаев А. Г. Крепости XVI — XVII веков в междуречье Суры и Мокши. Самарск, 2015. 224 с.

УДК 94(47).04

Э. Л. Дубман

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева (г. Самара)*

**ЮЖНОЕ СРЕДНЕВОЛЖЬЕ В ОПИСАНИЯХ
И КАРТОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.**

В статье рассмотрена деятельность правительства и местной администрации, направленная на включение природных ресурсов Южного Среднеvolжья в экономическую жизнь России второй половины XVII в. Показаны особенности изучения естественных богатств региона и специфика описания и картирования новых пограничных территорий.

Ключевые слова: Южное Среднеvolжье, XVII в., колонизация, уездные воеводы, чертежи.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к изучению начальной истории пограничного Южного Среднеvolжья в составе Российского государства. О данном явлении свидетельствует появление обобщающих исследований, в которых рассматриваются проблемы развития этого обширного, объединенного общей исторической судьбой региона¹. Вместе с тем ограниченность источниковой базы (прежде всего, для периода второй половины XVI — начала XVIII в.) создает значительные трудности для его более детального изучения.

Рассматриваемый в данной статье хронологический период, на наш взгляд, является одним из самых значимых в начальной «русской» истории Южного Среднеvolжья. В правление Алексея Михайловича и его наследников государственные деятели, возглавлявшие московское правительство, хорошо понимали необходимость активной военно-административной и хозяйственной деятельности в недавно присоединенных регионах, более интенсивного освоения их, богатых природными ресурсами, территорий. Такая политика способствовала экономическому развитию Московского государства. Несомненно, правомерен тезис, высказанный в фундаментальной работе Л. В. Милова о том, что «характернейшей особенностью рос-

сийской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции»². На наш взгляд, это положение имеет особую значимость для изучения рассматриваемого периода истории московской государственности, прежде всего, для тех территорий, которые совсем недавно вошли в ее состав. Наблюдаемые в эти десятилетия особенности в экономической жизни и в изменении приоритетов развития России, были отмечены многими отечественными историками³. Попытки специального изучения и новой трактовки данных процессов характерны и для современных зарубежных исследователей⁴.

В значительной степени новые подходы проявились в создании и работе приказа Тайных дел, особенно в его деятельности хозяйственного направления. Это ярко проявилось с начала 1660-х гг., когда Алексей Михайлович активно занялся развитием дворцового, так называемого царского хозяйства. Приказ Тайных дел некоторые исследователи относят к группе дворцовых. Однако его администрация выполняла, прежде всего, функции государственного управления, а вопросы развития дворцового «царского» хозяйства являлись только одним из направлений ее деятельности⁵. К тому же в годы правления второго Романова общероссийское и дворцовое хозяйство часто развивалось как единое целое. Правительство и различные акторы предпринимательской деятельности проявляли крайнюю заинтересованность в разработке богатых природных ресурсов колонизируемых районов, в том числе и европейского Юго-Востока.

Возведение в конце 1630-х — 1650-х гг. протяженных оборонительных систем в южном и юго-восточном пограничье, формирование в их «городах» и острогах гарнизонов служилых людей, колонизация ранее «порозжих» земель способствовали развитию предпринимательской деятельности, возникновению крупнейших в стране рыбных и соляных промыслов, распашке плодородных почв приволжской лесостепи. Для хозяйственного освоения новых территорий московскому правительству необходимо было получить достоверные сведения об их природных ресурсах. Сбор этой информации проводился посылаемыми из Москвы приказными людьми, а также местной уездной администрацией. Такие поручения могли быть самыми разными, и сведения о них постоянно встречаются в делопроизводстве приказа Тайных дел и других центральных и местных учреждений. Например, симбирскому воеводе И. И. Дашкову летом 1667 г. было указано из Симбирска на Сок и другие реки Левобережья послать «человека добра, ково пригож и по тем рекам искать молодого тутового дерева... и то велено писать на роспись имянно»⁶.

При сборе таких сведений наиболее содержательными являются достаточно пространные донесения местных властей, которых правительство назначало описывать природные особенности подвластных им уездов и

возможности их хозяйственного использования. К сожалению, трудно судить насколько системными являлись эти задания для уездных воевод и на какие регионы они распространялись. Однако очевидно, что такие описания проводились в ряде уездов лесостепного Южного Средневожья. Об этом свидетельствуют действия в 1660-х и в начале 1670-х гг. симбирского воеводы И. И. Дашкова и самарского В. Я. Эверлакова. По указанию из Москвы они досмотрели земли в окрестностях своих городов и составили отписки о возможности использования их для заведения государевых дворцовых предприятий⁷. Об отписке Эверлакова имеются только краткие сведения, что «...он в тамошних местах всякие угоды досматривал и урочищи в версты измерял». Отписка Дашкова сохранилась полностью и в вышедшей ранее работе мы уже подробно рассмотрели ее содержание⁸. Здесь укажем только на то, что текст данного источника свидетельствует о высоком профессионализме и «государственном» подходе симбирского воеводы. Характерно, что И. И. Дашков привел характеристику территорий не только Симбирского, но и соседних с ним уездов. Отметим также, что Алексей Михайлович, формально являвшийся главой приказа Тайных дел⁹, внимательно прочитал послание Дашкова и собственноручно вписал в его текст перечень городов, пригородов и острогов Симбирской, Корсунской и восточной части Саранской засечных черт¹⁰. Возможно, тем самым царь как бы зафиксировал для себя все пространство, описанное воеводой¹¹. Характерно и то, что из городов располагавшихся по, условно назовем ее вслед за некоторыми историками, Белгородско-Симбирской черте, именно Симбирск на восточной ее оконечности уже в 1660-х гг. начинает превращаться в один из крупнейших военных и экономических центров всего Среднего Поволжья. Эта тенденция получила продолжение и позднее, в последней четверти XVII — XVIII вв. Создается впечатление, что Алексей Михайлович смог предугадать значимость Симбирского края для последующего развития всей пограничной восточной окраины европейского фронта России.

Попытки изучения и описания богатейших природных ресурсов рассматриваемого региона производились и в более позднее время. Например, в конце XVII в. в Симбирском и соседних уездах проводились работы, направленные на обследование состояния лесов, в которых можно было завести будные станы. Сохранились рукописные карты одной из таких экспедиций: «... по реке Суре и по реке Свияге, по обе стороны тех рек и по иным рекам и малым речкам, которые леса досматриваны в прошлом 1700 году». Их составители указали размеры лесных массивов и перечислили породы деревьев. Прежде всего, они ставили перед собой задачу, определить возможности для дальнейшего развития будного дела. Фрагмент карты и ее описание для Симбирского Поволжья приводит в монографии В. А. Гур-

кин¹². Известный специалист по средневековой русской картографии В. С. Кусов совершенно справедливо считает, что мы имеем дело с первой русской картой лесов¹³.

Подобные обследования территории отдельных уездов или даже их совокупностей были характерны для рубежа XVII — XVIII вв. Их проводили для переписи и дальнейшей эксплуатации (как правило, сдачи в аренду) так называемых оброчных статей — рыбных ловель, конских и мельничных сборов, перевозов, мостов и т. д.¹⁴ Например, подробное описание «оброчных статей» 1704 г., в котором получили отражение почти все рыболовные угодья Симбирского уезда, проведенное, прежде всего, в фискальных целях, содержит уникальные сведения о рыбных ресурсах, размерах и глубине рек и озер, находившихся в окрестностях отдельных селений¹⁵.

В. Кивельсон в своем исследовании московской картографии XVII в. указывает, что на территории европейского Юго-Востока России, за исключением Казани, изготовление местных карт не получило заметного развития¹⁶. На наш взгляд, автор в данном случае не совсем права. Работа с сохранившимися источниками показывает, что карты, чертежи и планы являлись непременным сопутствующим элементом освоения всего этого огромного пространства. Они считались обязательными при строительстве городов и оборонительных линий на осваиваемых постоянным населением территориях. Помимо того, картография была необходимым инструментарием при обследовании новых «порозжих» пространств, по которым в центр доходили не до конца проверенные свидетельства об их природных ресурсах и возможностях их разработки. Отметим, что для определения степени развития отечественной картографии позднего средневековья и ее необходимости для государственных учреждений особую значимость имеют труды российских специалистов и прежде всего В. С. Кусова¹⁷.

При рассмотрении данного вопроса, мы не берем карты и описания рассматриваемого региона, подготовленные зарубежными путешественниками, такими как Э. Дженкинсон, А. Олеарий и ряд других¹⁸. В большинстве своем, они широко известны и хорошо изучены. Речь идет только о том, насколько Южное Средневожье получило отражение в практике отечественной картографии.

Материалы приказного и местного делопроизводства показывают, что русское правительство проявляло большой интерес ко всему этому пространству и особенно к Заволжью. Воеводам Симбирска, Самары и других городов из столицы постоянно посылались распоряжения обследовать прилегающие к их уездным центрам земли Южного Средневожья, подготовить их описания, карты и чертежи. При этом речи о начале русской оседлой колонизации заволжских земель к югу от Закамской черты пока не шло, но

внимание к этим пустынным пространствам присутствовало. Так, осенью 1667 г. симбирскому воеводе И. И. Дашкову указали послать людей для обследования озера Баскунчак. Руководители экспедиции должны были взять для пробы «образцовую соль» и подготовить роспись и чертеж соляных месторождений¹⁹. Позднее, весной 1672 г. по царскому указу в Самару, Симбирск и на Яик (р. Урал) направили Б. Мишевского. Он должен был осмотреть «Самарские и Яицкие реки, и дороги, и угодие места, где пристойно быть городом». В Самаре в состав экспедиции Мишевского было указано включить подьячего «доброего» и 50 — 60 «знающих людей». Кстати, людей из пограничных волжских городов препровождали на Яик еще в 1650 — 1651 гг. вместе с жителем Ломова М. Тайцовым (об этой, более ранней, экспедиции и о задачах, поставленных перед ее участниками, сведения отсутствуют)²⁰. По итогам работы Мишевский подготовил и передал в приказ Тайных дел описание и чертежи местности²¹.

О внимании ко всему пространству Юго-Востока свидетельствует также перечень карт и чертежей, собранных в архиве приказа Тайных дел. Сохранилась опись 9 таких чертежей, переданных в 1681 г. в приказ Казанского дворца. Несомненно, что их было значительно больше, так как столбец с перечнем карт сохранился лишь частично²². Среди указанных в нем чертежей имелись как охватывающие весьма значительную территорию, например, «Хвалынскому морю и рекам Волге с протоки, и Черному морю, и Дону, и Терку, и Яику», так и сравнительно небольшие регионы — «Самаре, и рекам и дорогам»²³. Возможно, с этой картографией был знаком и сам Алексей Михайлович, у которого в здании приказа Тайных дел имелся кабинет и рабочий стол. Как считает В. С. Кусов, картографические работы в регионе проводились регулярно. Об этом свидетельствуют 5 описаний карт, которые сохранились в фондах приказов Тайных дел, Посольского и Разрядного²⁴.

Кроме того, следует учесть чертежи и карты, а также описания, сопровождающие строительство протяженных оборонительных черт, а также укрепленных «городов», пригородов и острогов по ним, а также локальных «городов» — крепостей. Например, сохранился план Кашпира²⁵, имеются свидетельства о создании чертежа и описания Сызранской линии (в проекте, так как она не была возведена)²⁶, Закамской линии и т. д. Несомненно, что строительству всех этих оборонительных сооружений первоначально предшествовала деятельность проектировщиков, работы которых должны были утверждаться на высшем уровне. Да и позднее эти оборонительные сооружения не однажды описывали, составляли их планы, карты и т. д. К такому, например, относится «Чертеж городам, лежащим по рекам Дону, Оке и Волге от Москвы до Астрахани», который был подготовлен к походу на Азов Петра Первого²⁷.

В рамках этой небольшой статьи практически невозможно подробно рассмотреть столь сложную тему. Однако даже данный краткий обзор позволяет показать особое внимание, которое уделяли правительство и дворцовое ведомство в Москве изучению и оценке природных ресурсов на вновь осваиваемых пограничных территориях. Конечно, особый интерес представляет изучение способов и методов, которые использовались для предварительного ознакомления с пространством Южного Средневожья. Именно они позволяли более планомерно и безошибочно осуществлять последующую деятельность по освоению его пространства.

Библиографические ссылки и примечания

¹ См., например: «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 1 : Очерки истории. Самара, 2013 ; «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2 : Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография. Самара, 2014. 254 с. ; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX вв.). Самара, 2013. 383 с.

² **Милов Л. В.** Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

³ См.: **Сахаров А. М.** Россия и ее культура в XVII столетии // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1: Материальная культура. Государственный строй. М., 1979. С. 20 — 22 ; **Дубман Э. Л.** Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI — XVII вв. Самара, 1999. С. 84 — 85, 98 — 99, 127 — 128.

⁴ **Ходорковский М.** Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500 — 1800. М., 2019. 352 с. ; **Kollmann N. S.** The Russian empire, 1450 — 1800 Oxford ; New York, 2017. 498 p. ; **Капеллер А.** Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. 342 с. ; **Трёбст Ш.** Судьбоносный 1667 год? К дебатам о «прорыве в Новое время» Московского централизованного государства [с предисловием Р. Пи-хон] // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 52 — 72.

⁵ См.: **Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.** Приказы Московского государства XVI — XVII вв. М. ; СПб., 2015. С. 214 — 215.

⁶ Русская историческая библиотека. Дела Тайного приказа. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 1327.

⁷ См.: Русская историческая библиотека... Стб. 603 — 604 ; **Гурлянд И. Я.** Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 353 — 356.

⁸ См.: **Дубман Э. Л.** Изучение природных ресурсов европейского Юго-Востока России во второй половине XVII в. // Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара, 2015. С. 225 — 230.

⁹ См.: **Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.** Указ. соч. С. 214 ; **Демидова Н. Ф.** Служила бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 39.

¹⁰ См.: **Гурлянд И. Я.** Указ. соч. 1902. Приложения. № 3. С. 353 — 354.

¹¹ Отметим, что И. И. Дашков позднее сделал очень неплохую карьеру. В 1670-х — начале 1680-х гг. он являлся судьей Разбойного, Судного и других приказов. К концу

жизни дослужился до чина окольничего. См.: **Зерцалов А. Н.** Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665 — 1667 гг. Симбирск, 1896. С. 3 — 4 ; **Мартынов П.** Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск. 1898. С. 366 ; **Богоявленский С. К.** Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI — XVIII веков. М., 2006. С. 234.

¹² См.: **Гуркин В. А.** На берегах русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М., 2005. С. 77 — 78.

¹³ См.: **Кусов В. С.** Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 61 — 62.

¹⁴ **Дубман Э. Л.** Всероссийская перепись „оброчных статей“ начала XVIII в. как источник по феодальной истории Среднего Поволжья // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993. С. 168 — 171.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

¹⁶ См.: **Кивельсон В.** Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 21.

¹⁷ См.: **Кусов В. С.** Московское государство XVI — начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. 699 с. ; **Его же.** Памятники отечественной картографии. М., 2003. 144 с.

¹⁸ На «многих других» указывают такие исследователи картографии, как А. И. Андреев (**Андреев А. И.** Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы. URL: <http://annales.info/rus/small/maps17.htm?ysclid=l80cyatj4s78571914>) и А. В. Постников (**Постников А. В.** К истории изучения и картографирования реки Волги в период до 1917 года // Источники по истории изучения природных ресурсов бассейна реки Волги : материалы науч. конф. М., 2001. С. 31 — 34).

¹⁹ См.: Русская историческая библиотека... Стб. 1362 — 1363.

²⁰ Там же. Стб. 1588 — 1589.

²¹ Там же. Стб. 866.

²² По мнению В. С. Кусова, работавшего с архивным вариантом этой росписи, перечень чертежей был значительно более полным, так как утрачено окончание дела — столбец с продолжением росписи. См.: **Кусов В. С.** Найдена новая роспись русским чертежам // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. 1976. № 3. С. 123.

²³ Русская историческая библиотека... Стб. 490 — 491, 956.

²⁴ См.: **Кусов В. С.** Памятники отечественной картографии. М., 2003. С. 11 — 12.

²⁵ См.: **Налетов А. Г.** План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследие. 1972. № 19. С. 93 — 95.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. Д. 674. Л. 488.

²⁷ См.: **Гуркин В. А.** На берегах Русского Нила. История изучения Симбирского Поволжья. М., 2005. С. 76 — 77.

УДК 94(47)

Т. Н. Кадрова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА В XVII в. (На примере мордовских населенных пунктов Темниковского района Республики Мордовия)

В статье рассматривается история мордовских населенных пунктов XVII в. современного Темниковского района Республики Мордовия.

Ключевые слова: Темниковский уезд, Темниковский район, населенные пункты, переписная книга.

Строительство г. Темникова и Шацко-Алатырской укрепленной линии в XVI в. способствовало освоению юго-восточных районов Мордовии, в том числе Темниковского края. Кроме служилых людей в заселении активно участвовали и крестьяне. Это происходило в основном двумя путями: добровольно — когда крестьяне бежали от жестокого гнета из центральных областей в поисках лучшей жизни — и насильственно — когда бояре и дворяне, получив в этом районе земельные владения и стремясь быстрее их освоить, переселяли туда своих крепостных¹.

Темниковский уезд был образован в конце XVI в. В XVII в. состоял из четырех станов: Верхнемокшанского, Аксельского, Пичеполонгского и Подгородного.

В XVII в. Темниковский уезд занимал почти полностью территории современного Темниковского, Ельниковского, Торбеевского, частично Ковылкинского, Краснослободского, Теньгушевского и полностью Атюрьевского районов Республики Мордовия.

Коренными жителями Темниковского уезда была мордва-мокша. К сожалению, по истории темниковской мордвы XVI — начала XVII в. практически не сохранились письменные источники. Те, что сохранились, содержат лишь отрывочные сведения. В 1678 г. была проведена перепись населения Темниковского уезда стольником А. Н. Самариным и подъячим А. Зворыкиным. В 1686 г. писцом Д. М. Полочаниновым и подъячим О. Немцовым была составлена писцовая книга Темниковского уезда. Данные источники содержат сведения о населенных пунктах, количестве дворов мордовского населения².

Как отмечал А. А. Гераклитов, мордва в Темниковском уезде, хотя и составляла значительный процент населения, была все же в меньшинстве³.

По подсчетам Н. В. Заварюхина, в 1678 г. мордвы в Темниковском уезде насчитывалось 24 %⁴.

Одним из старейших мордовских населенных пунктов Темниковского района является с. **Конаково** (в районе есть Подгородное Конаково и Песочное Конаково). Как следует из источника, темниковский мордвин Чуваш Чалдин продал в 1564 г. мурзе Куты Теребердееву бортный ухой на Ладимголе и купленную им вотчину — «деревню Конякову с мордовою»⁵.

В дозорной книге И. Усова 1614 г. говорится о том, что «за служилыми татары за Агилдеем, да за Анбулатом Байкеевыми пашни паханые на диком поле, на речке на Урее, добрые земли сорок чети, да по сторон Большого Окселу пашни пятнатцать чети в поле, а в дву потому ж. Сена меж пашен пятьсот копен, да на Крутом враге триста копен, да по **Конаковой дороге** сена сто копен»⁶.

И. К. Инжеватов считал, что название деревни восходит к дохристианскому имени Конак⁷.

В переписной книге 1678 г. в д. **Конаково** было 13 мордовских дворов, 3 двора пустых⁸.

В 1685 — 1686 гг. в деревне имелось 13 дворов, людей в них 33 человека. Сена 200 копен «да за конаковскою мордовою за рекою Мокшею оброчных сенных покосов 500 копен»⁹. «Деревни Конаковы за Сетешкою Латкиным за Кудашкою Велмяевым с товарищи по обе стороны Бегишева врагу четвертные пашни старые дачи и примерные земли 20 чет в поле, а в дву потомуж, сена 20 копен»¹⁰.

В начале XVII в. уже существовала д. **Авкиманово**. Информация о данном населенном пункте содержится в «Отдельной выписи князя Ивана Дмитриевича Болховского и Ратая Ивановича Норова темниковским служилым Байбарсу мурзе и Кулбарсу мурзе князь Девлет-Килдеевым детям Тиняева на жеребьи дд. Ковьяляха, Урея и др. в Темниковском уезде 15 октября 1603 г.». Из этого источника следует, что «...пашни х той деревне Ковьялем подле татарской околицы по Городцкой дороге направе едучи из деревни Ковьяляй к городу да перваго ржавца, а от первого ржавца вверх на гору в поля ко прежней посошной **меже к мордовской пашне деревни Овкумановы**, подле другой ржавец тритцать семь чети с полуосминого и с четверником в поле, а в дву по тому ж; сена меж дву ржавцов пятсот шездесят две копны»¹¹.

Из переписной книги 1678 г. видно, что в **Авкиманово** числилось 12 мордовских дворов, пустых 3 двора. «Да в той же деревне Авкеманово живут мордва, а перешли они в ту деревню из Темниковского уезду из Оксельского стану из деревни **Армеевы**: двор Ишейка Чудаев з братом Сенкою, у Ишейки сын Сатейка, двор вдова Камолчка Костенинская жена Кудяева»¹².

Из данного источника следует, что до проведения переписи 1678 г. уже была д. **Армеевка**.

В 1685 — 1686 гг. было 6 дворов, людей в них 20 человек¹³.

Авкиманово упоминается также в «Челобитье и извете Темниковского уезда, деревни Авкимановы мордвы М. Мелишева с товарищи на подъячего приказной избы П. Яковлева 1692 г.». «...челобитье и извет Темниковского уезда **деревни Авкимановы** мордвы Мердемиска Мелишева с товарищи и всей деревни мордвы Темникова города приказной избы на подъячего на Павла Яковлева. В нынешнем в 201 году декабря в день, приезжал он, Павел, к ним в деревню за всякими великих государей податями, и их бранил всякими неподобными бранями, и спрашивает у них почесток меду и рыбы... и денег. И чтоб великие государи пожаловали их, не велели впредь ему, Павлу, по ним мордве ездить, чтоб им от него, Павла, и от его похвального безчестья вконец разоренным не быть»¹⁴.

В Темниковском районе существует несколько мордовских населенных пунктов с названием Цибаево: Лесное Цибаево (Келгужа, Келгуж), Польское Цибаево. Происхождение названия деревень И. К. Инжеватов связывал с дохристианским именем Цыбай (Цыбаш, Цыбуш)¹⁵. Малое Цибаево и Польское Цибаево — выставки из деревни Лесное Цибаево¹⁶.

В деревне Келгуж (**Цыбаево тож**) в выписках с писцовых книг 1624 г. указывалось пашни 29 четей в одном поле, да за мордвою этой же деревни «за Армякою Аляминым с товарищи за Чижиковскими воротами по обе стороны Бегишева врага посопной земли по выписи с писцовых книг Степана Хрущова с товарищи 132 году за скрепою дьяка Ивана Грязева четыре чети в поле, а в дву потомуж»¹⁷.

В переписной книге 1678 г. в деревне Цыбаево было 26 дворов, 6 дворов пустых «а те мордва в прошлых годех померли; двор пуст Качейки Орина, а он Качейка в бунту воровских казаков убит»¹⁸.

В 1685 — 1686 гг. в деревне числилось 10 дворов мордвы, людей в них 24 человека. Земли 15 четей в одном поле, сена 100 копен. «А писана деревня Келгуж Цыбаево тож по выписи с писцовых книг Степана Хрущова с товарищи 1621 и 1622 годов»¹⁹.

В писцовой книге Степана Хрущова 1621 — 1622 гг. зафиксирована д. **Ардашево**: «А писано деревня Ардашева по выписи с писцовых книг Степана Хрущова с товарищи 1621 и 1622 годов за приписью дьяка Ивана Грязева»²⁰.

Название деревни И. К. Инжеватов связывал с мордовским именем Ардаш (Ордаж, Ордаш)²¹.

В 1678 г. в д. **Ардашево** было 38 мордовских дворов, людей в них 50 человек, 2 двора пустых²².

В «Челобитной мордвина Якушки Байкина на мордвина Ефака с товарищи 1682 г.» имеется информация о д. **Ардашево**: «Государем царем и

великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю (полный титул) бьет челом и являет сирота ваш, Темниковского уезду деревни **Ардашевских станов** мордвин Якушка Байкин»²³.

Ардашево, а также **Кочемасово** упоминаются в «Челобитной крестьянина Антона Букина на Милушку Алексеева с товарищи 1683 г.». «...В прошлом, государи, во 185-м году (1677 г.) подредили меня, сироту вашего, тот стрелецкий хлеб Темниковского уезду разных деревень мордва: **деревни Ардашевы**, да **деревни Кичемасова** станы, деревни Кушкаевы Милушки Алексеев с товарищи...»²⁴.

В 1685 — 1686 г. в д. Старое Ардашево насчитывалось 4 двора, людей в них 15 человек, сена 70 копен²⁵.

В основе названия д. **Лесное Плуксово** слово *пула* «роща», *тумопула* «дубняк»²⁶. Деревня Плуксово упоминается в «Поместной выписке Енмометя мурзы Агишева и Араслана мурзы Байкова» 1650 г. Границы их владений проходили «...и от того дуба на тое же плуксавскою дорогу, что та дорога на низ едучи к деревне *Плуксове* Енмометевы и Орослановы сенные покосы на правой стороне до рубежа плуксовской мордвы...»²⁷.

В «Купчей на продажу мордвином Чудаем Шиндяпиным своего вотчинного Кяргинского ухоя, в Темниковском уезде, мордвину Чарайке Акшаеву с товарищи 1659 г.» также есть информация о д. **Плуксово**: «Се яз, Чудай Шиндяпин, Краснослободского присуду, деревни Синоровы мордвин..., продал, свою старинную вотчину, свой жеребей, на реке Евасе, Кяргинской ухोजей, Темниковского уезда деревни **Плуксовы** мордве Чарайке Акшаеву, да Кежевату Худякову»²⁸.

По данным переписной книги 1678 г. в д. Старое Плуксово насчитывалось 18 мордовских дворов²⁹.

В «Деле о вотчинах мордвина Нороватки Сайгакова з братьею 1656 г.» сообщается о д. **Кичатово**. В ответ на челобитную Нехорошки Овкеманова и Носайки Дружинина последовал царский указ 1656 г., где говорилось, о том, что «...и как к тебе ся наша грамота, и ты бы того Нороватка Сайгакова з братьею велел сыскать, поставить перед собою в съезжей избе с ысцы **деревни Кечатовы** с мордвою с Нехорошком Овкимановым де с Носайком Дружининым, с очей на очи, да в том их судил и сыски всякими сыскал»³⁰.

По мнению И. К. Инжеватова, название деревни является антропонимом: мордвин с дохристианским именем Кецята был первопоселенцем, основателем населенного пункта³¹.

По данным переписной книге 1678 г. в деревне Кичатово насчитывалось 9 мордовских дворов³². В 1685 — 1686 г. — 5 дворов, людей в них 11 человек³³.

О д. Ардашево, Каляево, Конаково, Кочемасово, Плуксово, Сиалы, Цыбаево также сообщается в «Обыске о земле мордвы Темниковского уезда 1688 г.». Из документа следует, что «перед стольником и воеводою князем

Яковом Григорьевичем Козловским, на спорной земле, у розыску старожильцы и вотчинники Келжипоринского, и Алапоринского липегов вотчинники, Темниковского уезду, деревни Кичемасовы мордва...сказали по своей вере и по шерти вправду. То мы ведаем: в прошлых годах рочистили Темниковского уезду, Подгородного стану деревни Коляева мордва Чурапка Айтиков с братьею и с племянники подле Келжипоринского ржавца ебе под селитьбу, и под дворовые усадьбы и на пашню...и на той своей земле поселились и живут дворами лет 60 и больше. А **Цыбаевская** мордва Паршутка Казеев, Микитка Обрин, Сабайка Чемаев с товарищи тою Чурапкиню расчистною землею по се число не владели. А подлинная посопная земля Цыбаевской мордвы на Кувакопоринском враге... и об между деревни **Плуксовы** с мордвою, да об между с поместною татарскою с Темниковскою землею Мезенова...

А почему она, Цыбаевская мордва, тою рочистною землею владеют, мы про то не ведаем. Такие же речи сказала мордва деревень: Сияльских станов, Ардашевских станов, выборные мордовские старосты Пичиполонгского стана, деревни Плуксовы, Потмы, Коняковы, Баевы, Цыбаевских станов, Барашевой»³⁴. В 1678 г. в д. **Сиалей** насчитывалось 25 мордовских дворов, пустых 4 двора³⁵.

Выходцы из д. Авкиманово основали деревню **Борки**. Об этом свидетельствуют данные «Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подьячего Ананья Немцова» 1685 — 1686 гг. «Да ис той же деревни выселился в пустош Петяев двор мордовской, людей в нем 2 человека, да ис той же деревни Афкимановы мордва выселилась и живут в вотчинном своем лесу в деревне **Борки**, а в той деревне 7 дворов мордовских, людей в них 20 человек. Около деревни Афкимановы и деревни Борок и за рекою Мокшею в розных урочищах 289 копен сена. А посопною землею и санными покосы и всякими угодыями владеют вопче и всякие подати платят вместе»³⁶.

Таким образом, как свидетельствуют письменные источники, мордовские населенные пункты современного Темниковского района Республики Мордовия уже существовали в XVII в.

Библиографические ссылки и примечания

¹ См.: **Заварюхин Н. В.** Очерки по истории феодализма. Саранск, 1993. С. 31.

² См.: **Заварюхин Н. В.** Мордовское крестьянство Темниковского уезда в последней трети XVII — начале XVIII в. // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1975. С. 134 (Тр./НИИЯЛИЭ ; вып. 55).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Очерки по истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. С. 75.

⁶ Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613 — 1614 г. / сост. М. М. Акчурин, А. В. Беляков. Казань, 2015. С. 43.

⁷ См.: **Инжеватов И. К.** Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987. С. 177.

⁸ Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина, что в Темниковском уезде в Подгородном и Пиполонгском и в Оксельском станах мордовских дворов и во дворах людей поимяном с отцы и с прозвище и то писано всей книги подлинно // НА НИИГН. И-958. С. 80.

⁹ Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подъячего Ананья Немцова // НА НИИГН. И-958. С. 168.

¹⁰ Там же. С. 245.

¹¹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. 3. С. 352 — 353.

¹² Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина... С. 81.

¹³ См.: Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подъячего Ананья Немцова. С. 168.

¹⁴ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1951. Т. 1, ч. 2. С. 91.

¹⁵ См.: **Инжеватов И. К.** Указ. соч. С. 179 — 180.

¹⁶ Там же. С. 180.

¹⁷ **Заварюхин Н. В.** Мордовское крестьянство Темниковского уезда в последней трети XVII — начале XVIII в. С. 137.

¹⁸ Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина... С. 80.

¹⁹ Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подъячего Ананья Немцова. С. 164.

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ См.: **Инжеватов И. К.** Указ. соч. С. 122.

²² См.: Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина... С. 78 — 79.

²³ Документы и материалы... С. 389.

²⁴ Там же. С. 391.

²⁵ См.: Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подъячего Ананья Немцова. С. 166.

²⁶ См.: **Инжеватов И. К.** Указ. соч. С. 122.

²⁷ Документы и материалы... С. 250.

²⁸ Там же. С. 300.

²⁹ См.: Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина... С. 81.

³⁰ Документы и материалы... С. 262.

³¹ См.: **Инжеватов И. К.** Указ. соч. С. 122.

³² См.: Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина... С. 82.

³³ См.: Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подъячего Ананья Немцова. С. 167.

³⁴ Документы и материалы... С. 79.

³⁵ См.: Книга 1678 года переписи стольника Андрея Никитича Самарина да подъячего Афонасия Зворыкина... С. 83.

³⁶ Книга письма и меры Дмитрия Максимовича Полоченинова и подъячего Ананья Немцова. С. 168.

УДК 902

*Д. А. Козлов**Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

МУЖСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОЯСНЫМ НАБОРОМ И ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ МОНЕТОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА У с. ЧЕРЕМИС В СРЕДНЕМ ПРИМОКШАНЬЕ

В статье рассматриваются материалы мужского погребения, изученного экспедицией НИИЯЛИЭ под руководством А. Г. Захаркиной в 1951 г. на мордовском могильнике XII — XVII вв. у с. Черемис Рыбкинского (сейчас Ковылкинского) района МАССР. В составе инвентаря погребения 3 обнаружены детали поясного набора, шильце, нож, обломок железной пластинки, кресало, серебряная золотоордынская монета, топор. В Восточной Европе подобные детали поясного набора являются редкостью и имеют многочисленные аналогии только в Европе (Священная Римская империя, Франция). Золотоордынская монета, обнаруженная в погребении, как и аналогии кресалу и топору, датируют комплекс первой половиной XIV в.

Ключевые слова: мордва, Золотая Орда, поясной набор, Западная Европа, серебряная монета.

История мордовского народа в золотоордынскую эпоху неоднократно затрагивалась многочисленными исследователями. Сведения письменных источников об этом времени, где упоминается мордва, весьма скудны и редки. Именно поэтому для изучения истории указанного периода большое значение имеют материалы археологических исследований. Данный вид исторических источников часто привлекается в основном как иллюстративный материал, несмотря на то что более чем вековую историю изучения археологических памятников накоплен весьма значительный и разнообразный материал, который при этом часто научно не обработан и нигде не опубликован. Фактически у исследователей этого важного в жизни мордовского народа периода в пределах Республики Мордовия есть всего несколько, довольно не полных публикаций, преимущественно 1940 — 1960-х гг. (Ефаевский, Паньжинский могильники) и лишь несколько более современных — по Второму Старобадиковскому (1983), Кельгининскому (1998, 2016) и по Стародевиченскому могильнику (2009) и несколько комплексов Мордовско-Паркинского могильника (1992, 1998, 2000, 2009, 2011). При этом сами опубликованные материалы в науке пока аналитически целостно не рассматривались.

Если по иным погребальным памятникам мордвы, изученным научными раскопками в различные периоды, в научной литературе делались отдельные или комплексные публикации материалов, то публикуемые в данной

статье материалы одного из погребений могильника у с. Черемис, являющиеся частью материалов раскопок 1951 г., практически неизвестны научному сообществу. Про находки сабель из этого памятника упоминается в статье В. В. Гришакова, посвященной находкам из Мордовско-Паркинского могильника, где приведено два экземпляра из сборов на Черемисском могильнике¹. Кроме того, имеется информация об данном памятнике в «Археологической карте России. Республика Мордовия»².

Коллекцию из раскопок обозначенного могильника не миновала печальная судьба, так как где она хранится сейчас неизвестно. Сохранились лишь отчет о раскопках, хранящийся в Научном архиве ИА РАН³, и его черновики, находящиеся в научной библиотеке НИИГН при Правительстве РМ⁴. На основе последних и проведено исследование в рамках данной статьи.

Могильник у с. Черемис Рыбкинского (сейчас входит в состав Ковылкинского) района Мордовской АССР был случайно обнаружен в августе 1951 г. местными жителями. При земляных работах по строительству плотины пруда на ручье в балке Керлатка (приток р. Мокши), на западном склоне, в 2,5 км западнее села. Под слоем дерна в грунте во время расчистки стали обнаруживать фрагменты костей, отдельные вещи, украшения, предметы быта и оружие (сабли). Об этих находках колхозники с. Черемис сообщили в Мордовский НИИЯЛИЭ, и уже в сентябре того же года была организована экспедиция (состав: А. Г. Захаркина — руководитель экспедиции, научный сотрудник института; М. И. Зевакин — научный сотрудник института; М. Ф. Жиганов — аспирант института).

Ими был собран подъемный материал и начата работа на отдельных раскопах. Раскоп А был заложен на непо потревоженном земляными работами участке, остальные раскопы — Б — Н на участках где скрепером уже был снят верхний слой. За 8 дней (19 — 26 сентября) было исследовано 107 м², где обнаружено 36 погребений и 3 условных погребения. Вместе с подъемным материалом, материалы раскопок составили 284 различных предмета⁵.

Раскоп А имел размеры 8/2 м и сложился при прирезке к раскопу траншеи А1. Ориентирован он был с северо-запада на юго-восток (по каким причинам так методически велись раскопки из документации не ясно).

Используя данные черновиков отчета и полевого дневника этих раскопок, мы оцифровали схемы раскопа А и погребения 3, сориентировав раскоп по современным методическим правилам археологии — с юга на север (рис. 1). Обработаны были и рисунки предметов из погребения, которые остались единственным источником, позволяющим рассмотреть эти материалы (рис. 2).

Анализируя схему раскопа А и погребения 3 видно, что его перпендикулярно пересекло погребение 4, которое, судя по инвентарю (медные жетоны), явно относится к XVII — XVIII вв. По данным полевой документа-

ции погребение 4 имело отметки — 0,89 м, тогда как погребение 3 — 0,73 (находки зубов) и 0,83 (кости скелета). Судя по тому, что кости черепа были разрознены, а зубы оказались выше, именно в районе головы мужчины из погребения 3 производилось более позднее захоронение женщины, частично нарушившее его целостность. Умерший был похоронен в традиционной для средневекового мужчины-мордвина позе — вытянуто на спине. Об этом свидетельствуют частично сохранившиеся фрагменты костей ног и рук. Ориентирован головой на восток-юго-восток. (см. рис. 1. Б).

Инвентарь погребения 3 (см. рис. 2) представлен поясным набором (пряжка и 13 накладок, и возможно еще одна); железной пластинкой со следами заклепок и отверстием (к сожалению, ее облик так и не нашел отражения среди рисунков отчета), под которой находилось железное шильце (стрела?) с фрагментами деревянной рукояти; серебряная монета и частично железный нож с фрагментами деревянной рукояти. Возле ножа в разных позициях были найдены два железных кольца (одно вдоль ножа, другое вертикально). Ниже ножа лежал железный топор, обращенный лезвием к телу, который, видимо, был положен на ногу покойного. В области бедренной кости левой ноги лежало железное калачевидное кресало (см. рис. 1. В).

Большой интерес представляет серебряная монета, оттиски сторон которой имеются в нашем распоряжении (рис. 3). На одной из сторон различима дата 73 г. х. (1330-х гг.), рядом читается тамга рода Джучидов, которая при хане Узбеке чеканилась только на монетах Булгара, Мохши и Крыма. Выше тамги просматривается чекан «Булгар», а на обеих сторонах имеются рамки (квадратная и фигурная), соответствующие изделиям этого монетного двора в 1320 — 1330-е гг.⁶ Отсутствие самой монеты, к сожалению, не дает возможность сделать вывод о ее сохранности. Аналогичная монета хорошей сохранности имеется в погребение 5 Кузькинского мордовского могильника, где датирована 1333 г.⁷

Авторы черновика отчета на его страницах отметили высококачественную работу по изготовлению деталей поясного набора — пряжек и накладок⁸.

Специально для отчета о раскопках, хранящемся в архиве Института археологии РАН была сделана графическая реконструкция поясного набора из погребения 3 (рис. 4.А.1). Рассмотрим его детали на основе аналогичных материалов археологии и музейных коллекций.

Состав поясного набора:

Пряжка представляет собой литое изделие, где рамка и щиток объединены вместе (см. рис. 3.1). Несмотря на отсутствие рисунка обратной стороны, в черновике имеется упоминание, что крепилась она тремя шпёнками изнутри. Прямых аналогий подобных пряжек пока не обнаружено, но рамки подобной сглаженной пятиугольной формы встречаются в европейском материале, например в Англии⁹.

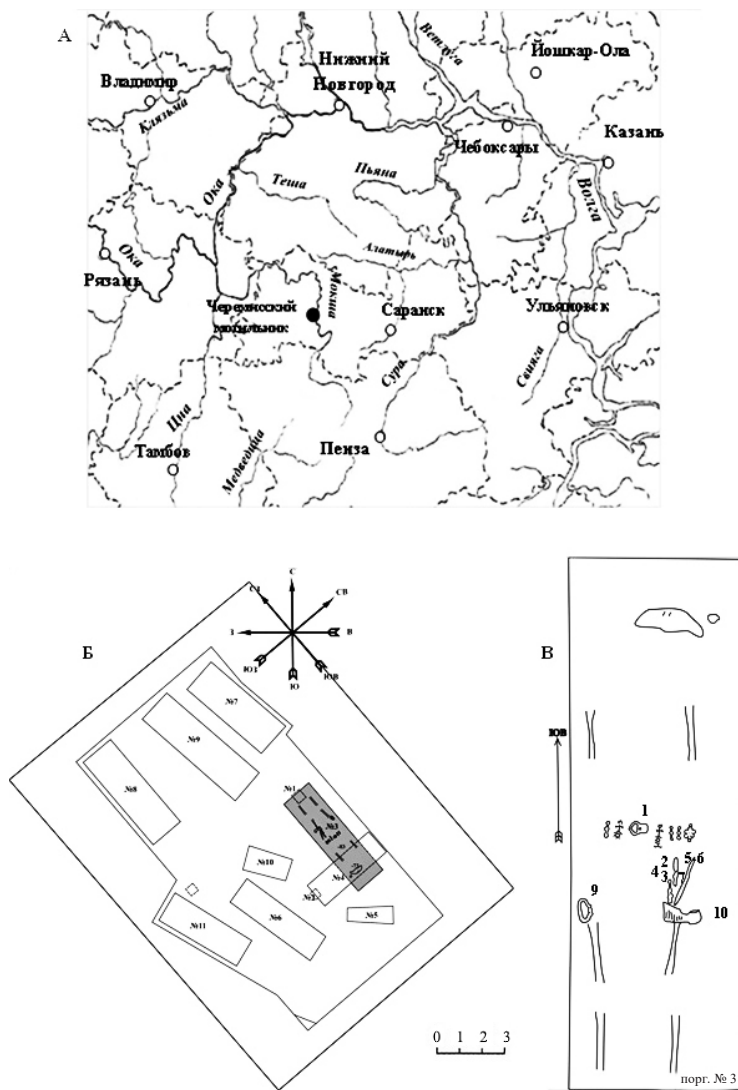

Рис. 1. Расположение могильника у с. Черемис (А), схема раскопа А (Б) и погребения 3 (В):
 1 — поясной набор; 2 — железная пластинка; 3 — бронзовая накладка; 4 — серебряная монета; 5 — железное шильце; 6, 7 — железные кольца; 8 — железный нож;
 9 — железное кресало; 10 — железный топор

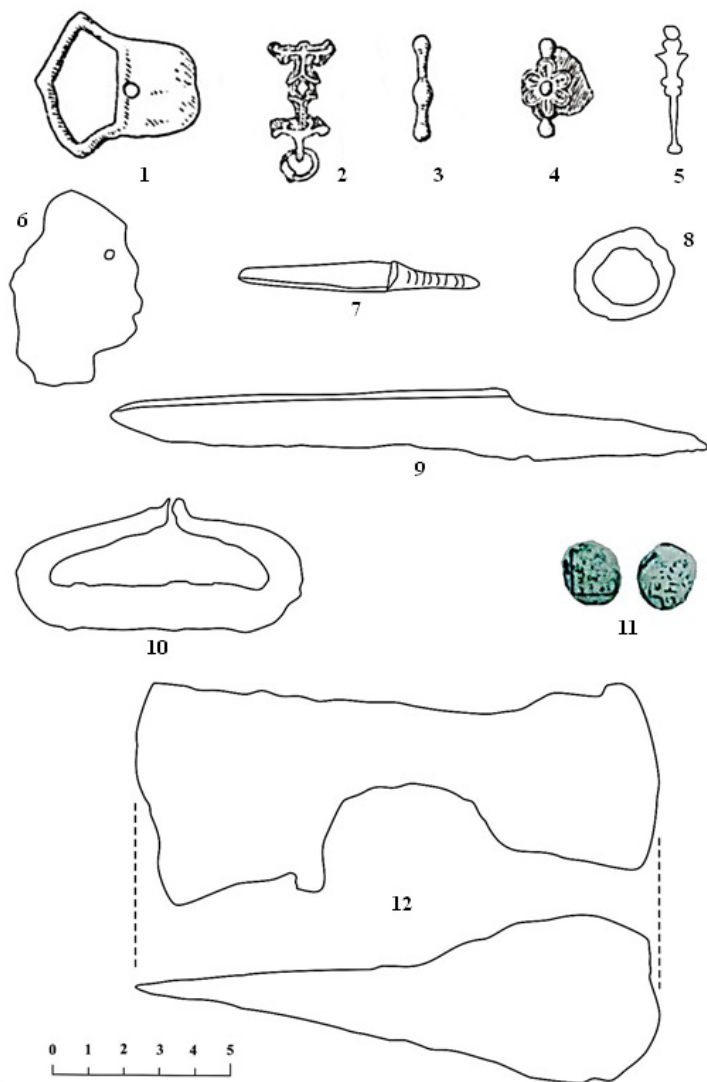

Рис. 2. Инвентарь погребения 3: 1 — 4 — бронзовые детали поясного набора; 5 — бронзовая накладка (возможно от сумки или пояса); 6 — железная пластинка; 7 — железное шильце (наконечник стрелы?); 8 — железное кольцо; 9 — железный нож; 10 — железное кресало; 11 — серебряная монета; 12 — железный топор

Накладки «палочки» с тремя круглыми расширениями (7 шт.) (см. рис. 2.3) имеют многочисленные аналогии в европейских и североамериканских музеях¹⁰ (см. рис. 4.Б.7) и среди скульптурных памятников (статуя Еккехарда в Наумбурге, Германия). Наиболее известный артефакт с подобными накладками принадлежит поясному набору испанского принца Фернандо де ла Серды (умер в 1275 г.)¹¹. Подобные накладки имеются и в материалах известного кочевнического памятника середины XIII в. Чингульского кургана¹².

Накладки «цветочки» (см. рис. 2.4), являющиеся развитием «палочек», где вместо круглого центрального расширения, был размещен шестилепестковый цветок. Подобные накладки были обнаружены в составе ве-

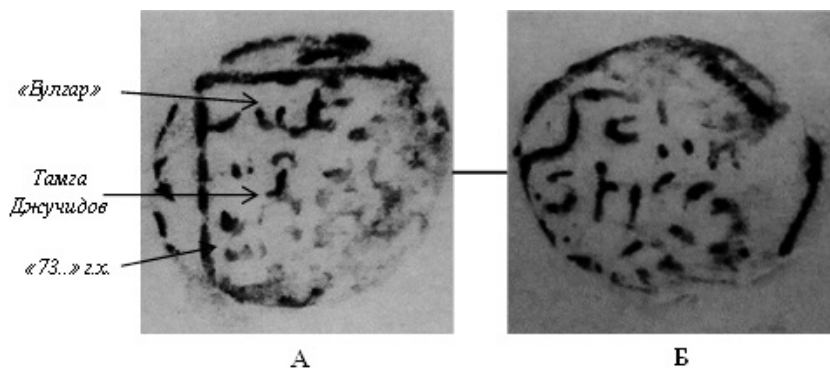

Рис. 3. Монета из погребения 3 (оттиски сторон)

щевого клада у фермы Амундэ на о. Готланд в Швеции¹³ (см. рис. 4.Б.6). Имеются накладки «цветочки» и среди деталей поясного набора из сборов Г. О. Достала на территории мордовского Барбашинского могильника в 1909 г.¹⁴ (см. рис. 4.А.3).

Накладки «лилии» с кольцами, являются самыми выразительными и состоят из центрального ромбического расширения, переходящего в разветвляющиеся ветви растения. Между «ветвями» имеются каплевидные вставки и петли с кольцами (см. рис. 2.2). По данным исследования И. Фингерлин, подобные накладки появляются в начале XIV в., и поясные наборы знатных женщин и мужчин Европы, имеющие подобные накладки, упоминаются в документах XIV в. Подобную форму ученый связывает с геральдикой Франции — «лилиями»¹⁵. Аналогии черемисским накладкам имеются в материалах могильника «Красный яр»¹⁶ (см. рис. 4.А.2), среди находок поясных

деталей из Эрфуртского клада (Германия)¹⁷ (см. рис. 4.Б.5), от поясного набора из музея Клюни (Париж, Франция)¹⁸ (см. рис. 4.Б.4, 8), из собрания коллекции польского замка Голухов¹⁹ (см. рис. 4.Б.10), в составе Никопольского клада из Болгарии²⁰ (см. рис. 4.Б.9).

Из анализа приведенных аналогий поясному набору из погребения 3 Черемисского могильника становится очевидно, что в Восточной Европе на данный момент выявляются только два подобных изделия — накладка из могильника «Красный яр» и пояс из Барбашинского могильника (опять же мордовского). Все иные аналогии принадлежат изделиям распространенным в странах Западной и Южной Европы. Из описания деталей и их внешнего вида (см. рис. 4) видно, что он также является изделием европейских ремесленников.

По данным исследования И. Фингерлин, подобные детали и их композиция характерны начиная с XIV в. и развивались все столетие. Наиболее близкие аналогии имеются к деталям «лилиям», которые немецкая исследовательница датирует в пределах 1320 — 1360-х гг.²¹ Этот интервал подтверждает и находка накладки «цветочка» в составе клада у фермы Амундэ на острове Готланд, который связывают с вторжением на остров датской армии в 1361 г.²²

Судя по расположению сильно фрагментированной железной пластинки с отверстиями и заклепками над шильцем, монетой и ножом, при наличии возле нее железных колец, не связанных с поясом, можно предположить, что эти предметы находились в кожаной сумке, от которой осталась накладка (см. рис. 2.2) и два подвесных кольца (см. рис. 2. 5 — 6).

Рассмотрим имеющиеся аналогии других характерных предметов из погребения 3 по датированным монетами материалам.

Калачевидное кресало без язычка аналогичной формы обнаружено в кургане 2 могильника Тасмола IV (монеты: хан Токтай 1292 — 1310 гг., хан Узбек 1320-х гг.) и могильнике Харьковка 1, кургане 13, погребения 1 (монеты: хан Токтай 1310 г., хан Узбек 1339 г.). При этом кресало из Харьковки имеет существенное отличие — приподнятость загибов, что говорит о его более позднем времени появления.

Топор (см. рис. 5.А.1), по типологии В. С. Святкина, относится к «группе Б. Лопастные», «тип 4»²³. Подобные топоры мы уже рассматривали на датированном материале в специальной статье и отнесли к «подтипу А»²⁴. Прямая аналогия топору из погребения 3 имеется в погребении 62 Старосотенского могильника²⁵ с монетой хана Узбека (1340 — 1341 гг.) (см. рис. 5.А.2).

Поясной набор на европейском материале хронологически синхронизируется со временем жизни мужчины из погребения 3, определенном по золотоордынской монете. Точно такие же хронологические рамки дают и два других предмета из погребения — топор и кресало, имеющие датиро-

Рис. 4. Поясной набор из погребения 3 и его аналоги: А. Восточная Европа:

1 — п. 3 Черемисского могильника (по Захаркиной); 2 — могильник «Красный яр» (по Горелику, Дружининой); 3 — Барбашинский могильник (по Сташенкову, Кочкиной).

Б. Западная и Южная Европа: 4, 8 — коллекция музея Клуни (Париж) (по Fingerlin); 5 — Эрфуртский клад (Германия) (по Pasch, и др.); 6 — Клад у фермы Амундэ (Готланд, Швеция) (по Krabath); 7 — коллекция Думбартон (США) (по Ross и др.); 9 — Никопольский клад (Болгария) (по Lango); 10 — Коллекция замка Голухов (Польша) (по Froehner)

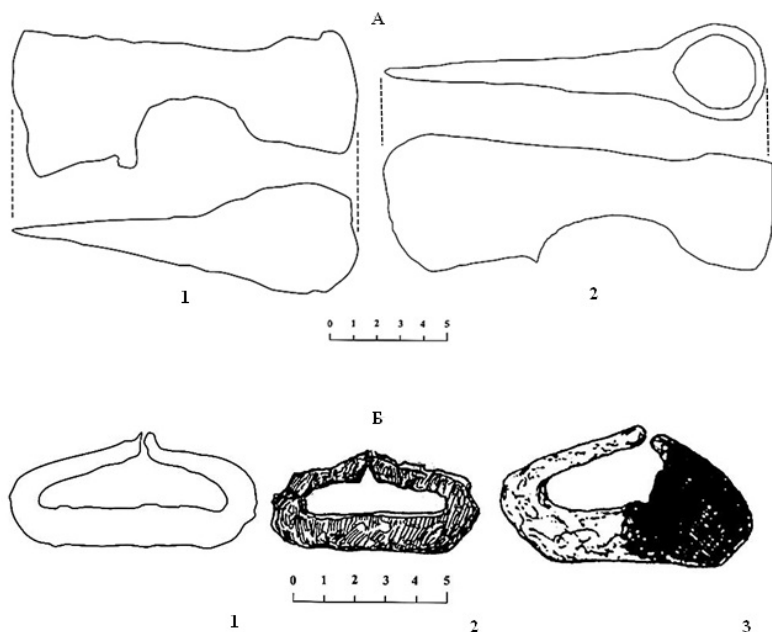

Рис. 5. Аналогии предметам из погребения 3:

- А. Топоры: 1 — п. 3 Черемисского могильника; 2 — п. 62 Старосотенского могильника;
 Б. Кресала: 1 — к. 2 п. 1 могильник Тасмола IV (по Кадырбаеву);
 2 — могильник Харьковка-1, курган 13, п. № 1 (по Гарустовичу и др.)

ванные аналогии среди мордовских и кочевнических комплексов. Вся совокупность имеющихся фактов позволяет датировать погребение 3 Черемисского могильника первой половиной XIV в.

С научной точки зрения безусловную ценность представляют сразу несколько аспектов находок из этого погребения. Во-первых, оно содержит монету, позволяющую датировать комплекс. Во-вторых, поясной набор погребения, кроме находки похожей детали на могильниках «Красный яр» и Барбашинский, не имеет аналогий в Восточной Европе, безусловно является изделием европейских мастеров. Этот факт связей с Европой делает возможным предположить, что изделия европейских ремесленников могут встречаться и в других мордовских комплексах XIV в. Видимо, именно европейские образцы накладок «цветочков», аналогичные черемисским и барбашинским (см. рис. 6.1), послужили в Золотой Орде образцом для под-

ражания, что нашло отражение на поясном наборе из Муранского могильника (раскопки В. Н. Поливанова), хранящемся в фондах Ульяновского областного краеведческого музея (автор выражает признательность сотруднику музея М. Р. Гисматулину за ценные материалы) (см. рис. 6.2). Муранский же поясной набор имеет накладки похожие на европейские, в том числе идентичные деталям сарлейских поясных наборов, опубликованные находки которых рассмотрены нами в специальной статье²⁶. Это позволяет наметить непрерывную линию развития этих изделий в пределах первой половины XIV в. в Золотой Орде и значительно дополнить картину культурного обмена и синтеза, происходивших в государстве.

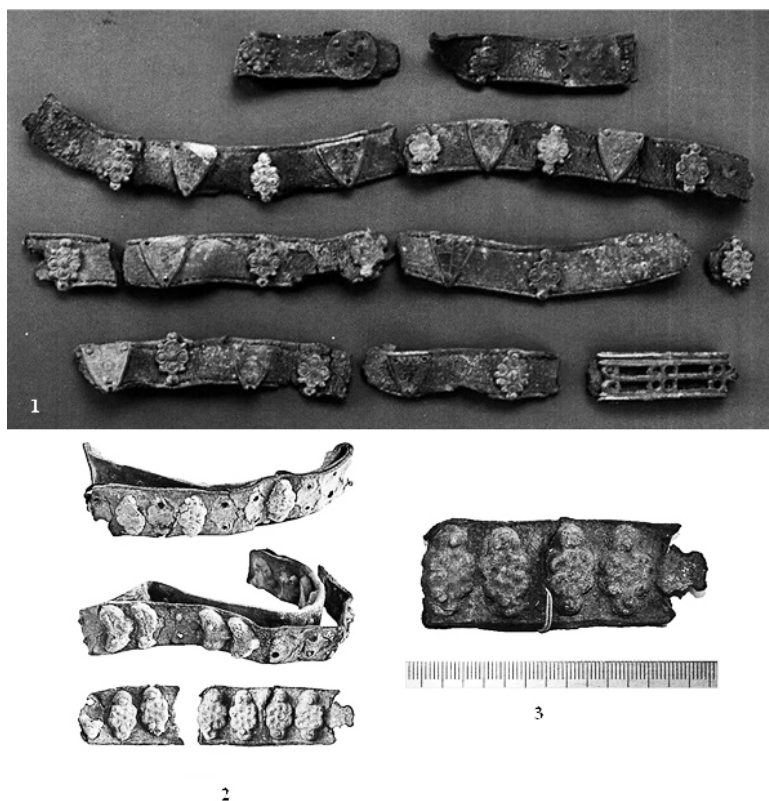

Рис. 6. Европейский поясной набор из Барбашинского могильника (1) (по Сташенкову, Кочкиной) и поясной набор из Муранского могильника (2 — 3) (фото М. Р. Гисматулина)

Мы предполагаем несколько вариантов появления поясного набора у мордовского мужчины. Вполне возможно, что поясной набор из погребения 3 Черемисского могильника являлся частью подарков от какой-либо дипломатической или торговой миссии из Европы, такой как, например, миссия ПIANO Карпини или Гильома де Рубрука в XIII в., в ходе которой европейцы делали подарки золотоордынской знати и их приближенным. Данное событие вполне могло иметь место, так как в первой половине XIV в. Среднее Приокшанье, где расположен Черемисский могильник — область Мохши, было довольно важной для Золотой Орды, где, по мнению некоторых исследователей, в течение нескольких лет жил глава государства хан Узбек²⁷. Второй вариант появления этого изделия также связан с дарением, но иного характера. В. А. Юрчёнков и другие исследователи неоднократно высказывали мысль об участии мордовских контингентов в военных кампаниях Золотой Орды²⁸. Так, известно, что в 1337 г. золотоордынская армия вела боевые действия в районе Люблина против Польского королевства. Мордовский отряд мог участвовать в этой войне, как и в других войнах эпохи. Этот пояс у мордовского мужчины мог появиться как подарок от поляков в знак перемирия.

Данный материал позволяет подтвердить утвердившуюся в исторической науке точку зрения о том, что при хане Золотой Орды Узбеке происходит интенсивное экономическое развитие государства и налаживаются связи с сопредельными и дальними странами²⁹. Кроме того, дает возможность уточнить некоторые выводы о жизни мордовского народа в золотоордынскую эпоху. Несомненно, процессы, проходившие в государстве, затронули и мордовский народ. Часть выявленных нами европейских вещей из мордовских погребений попадали через различные источники к мордве, активно участвовавшей в жизни государства как в экономической, так и в военной сферах

Библиографические ссылки

¹ См.: **Гришаков В. В.** Два погребения с саблями из Мордовско-Паркинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / редкол.: М. Ф. Жиганов, И. М. Петербургский, В. Н. Шитов. Саранск, 1992. С. 105.

² См.: **Беговаткин А. А.** Археологическая карта России. Республика Мордовия. / ред. А. В. Кашкин. М., 2017. С. 310 — 311.

³ **Захаркина А. Г.** Отчет об археологических раскопках могильника у с. Черемис Рыбкинского района МАССР, 1952 г. // На ИА РАН. № 776. Л. 2 — 48.

⁴ **Захаркина А. Г., Зевакин М. И.** Опись и дневник археологических раскопок могильника у с. Черемис Рыбкинского р-на. 1952 год. // На НИИГН. № И-389.

⁵ **Захаркина А. Г.** Отчет об археологических раскопках... С. 4.

⁶ См: **Сагдеева Р. З.** Серебряные монеты ханов Золотой Орды : каталог-определитель. М., 2005. С. 21.

⁷ См.: **Сташенков Д. А.** Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда / под ред. С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Казань ; Кишинев. 2019. Т. 2. С. 419; 422 (*рис. 9.2*).

⁸ **Захаркина А. Г.** Отчет об археологических раскопках... С. 19.

⁹ См.: **Whitehead R.** Buckles 1250 — 1800. Greenlight Publishing, 1996. S. 22 (*Abb. 107*).

¹⁰ См.: **Marvin C. Ross.** Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collectin, vol. 2: Jewelry, Enamels, and Art of the Migration period. Washington, 2005. P. 275 — 277.

¹¹ См.: **Fingerlin I.** Gürtel des hohen und späten Mittelalters. München ; Berlin, 1971. S. 333 (*Abb. 370*).

¹² См.: **Отрощенко В. В., Рассамкин Ю. Я.** Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология, Киев. 1986. Вып. 53. С. 23 (*рис. 8*).

¹³ См.: **Krabath S., Lambacher L.** Der Pritzwalker Silberfund: Schmuck des späten Mittelalters: Katalog zur Sonderausstellung anlässlich des 750. Jubiläums der Stadtrechtsverleihung an Pritzwalk im Stadt- und Brauereimuseum. Pritzwalk, vom 28. Mai bis 29. Oktober 2006. S. 28 (*Abb. 12.3*).

¹⁴ Археологические памятники Самары / сост.: Д. А. Сташенков, А. Ф. Кочкина. Самара, 2012. С. 118.

¹⁵ **Fingerlin I.** Op. cit. S. 84 — 86.

¹⁶ См.: **Горелик М. В., Дружинина И. А.** Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. 2011 (2). С. 55 (*рис. 13.7*).

¹⁷ См.: **Pasch A., Sturzebecher M., Zimmermann G., Mecking O.** Die Rekonstruktion der Gürtel aus dem Erfurter Schatz // VDR Beiträge zur Erhaltung von Kunst- und Kulturgut, Verband der Restauratoren. 2012. № 1. S. 98 (*Abb. 176*).

¹⁸ См.: **Fingerlin I.** Op. cit. S. 426.

¹⁹ См.: **Froehner W.** Collections du Chateau de Goluchow. L'Orfèverrie // Orfèverrie Antique, du moyen age et de la Renaissance. Paris, 1897. № 133. 231 p.

²⁰ См.: **Lango P.** Megjegyzések a Dumbarton Oaks Bizanci Gyűjtemények 40.10. leltári szamu leletgyűjtése kapcsán / "Kun-kep" A magyarországi kunok hagyateka. Kiskunfelegyhaza, 2009. S. 139 (*рис. 18.3*).

²¹ См.: **Fingerlin I.** Op. cit. S. 86.

²² См.: **Krabath S., Lambacher L.** Op. cit. S. 28.

²³ **Святкин В. С.** Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск. 2001. С. 43 — 44.

²⁴ **Козлов Д. А.** Эволюция мордовских топоров в эпоху Золотой Орды // Актуальная археология — 6 : материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых (4 — 7 апреля 2022 г.). СПб., 2022. С. 221 — 225.

²⁵ **Алихова А. Е.** Материалы Мордовской археологической экспедиции ГИМ 1938 г. под руководством А. Е. Алиховой (Старосотенский могильник, могильники «Красный Восток I и II», разведка по р. Цна) в Пензенской и Тамбовской областях // НА НИИГН. № И-1335.

²⁶ **Козлов Д. А.** Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов: распространение, хронология, социокультурный и исторический контекст // Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы : сб. ст. по материалам V Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, 2022. С. 14 — 28.

²⁷ См.: **Кротков А. А.** Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Пенза, 2011. С. 32.

²⁸ См.: **Гришаков В. В.** Мордовский край в системе Золотой Орды // История Мордовии : С древнейших времен до середины XIX века / под ред. проф. Н. М. Арсентьева и проф. В. А. Юрчёнкова. Саранск, 2001. С. 71 ; **Юрчёнков В. А.** Поход Тоглубия на Смоленск в 1339/40 г. и «мордовские князи с мордвичи» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск. 2013. № 3 (27). С. 67 — 73.

²⁹ См.: **Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.** Золотая Орда и ее падение. М. ; Л., 1950. С. 90.

УДК 39(470.343)(470.345)

С. К. Свечников

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В. М. Васильева (г. Йошкар-Ола)*

МАРИЙСКО-МОРДОВСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И КОНТАКТЫ В XV — XVII вв.

В статье рассматривается развитие этнических контактов мари и мордвы в период Казанского ханства и вхождения в состав Русского государства. В указанный период два родственных финно-угорских народа имели много сходных черт в культуре и были значительно близки в языковом плане. Это было во многом обусловлено интенсивными мари́йско-мордовскими контактами мирного и военного характера в XV — XVI вв. и в начале XVII в. на обширной территории правобережья Волги от Оки до Свияги. В XVII в. вследствие усиливавшейся русской колонизации в Среднем Поволжье тесные взаимоотношения между мари и мордвой прекратились.

Ключевые слова: мари, мордва, этнические контакты, Окско-Сурское междуречье.

Одним из интересных и малоизученных вопросов являются мари́йско-мордовские этнические связи в XV — XVII вв. К сожалению, по истории мари́йско-мордовских контактов этого периода сохранилось мало документальных данных. Вместе с тем комплексное использование дополнительных материалов из смежных наук (археологии, лингвистики, фольклористики, этнографии) дает возможность раскрыть некоторые факты и процессы, не получившие отражения в письменных источниках.

Первое, что привлекает внимание в описаниях мари и мордвы в письменных источниках указанного периода — это сравнение двух народов. Такие сравнения приводятся в записках иностранных путешественников. Все авторы, касающиеся этой темы, единодушно отмечают значительное сходство мари (черемис) и мордвы. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн (II четверть XVI в.) указывал: «Народ мордва живет у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном берегу. Они во всем похожи на чере-

мисов, за исключением того, что дома встречаются у них чаще»¹. Более развернуто об этом пишет шведский дипломат П. Петрей де Ерлезунда (I четверть XVII в.): «Княжество мордва тянется далеко на запад, по реке Волге, и платят такую же дань великому князю, как и черемиса. У них одна вера и один язык; они сходствуют и в одежде и в нравах и ухватках, только поля обрабатывают усерднее и живут в лучших домах, нежели черемиса»².

Значительное сходство мари и мордвы в сфере традиционной культуры подтверждается и современными исследованиями. Особенно четко это прослеживается на основе археологических данных³, традиционного народного костюма⁴, материалов религиозных верований⁵.

Нидерландский ученый Н. Витсен, побывавший в России в 1660-х гг. и написавший объемный труд «Северная и Восточная Тартария», сделал следующий вывод о языковой близости мари и мордвы: «Мордовский язык почти одинаков с черемисским, и они различаются как верхне- и нижненемецкие»⁶. В дополнение к этому он составил словарь из 325 мордовских (в основном мокшанских) слов с переводом их на нидерландский язык и написанный латиницей текст молитвы «Отче наш» на мариийском языке. В приведенном перечне мордовских слов, действительно, можно обнаружить немало мариийских соответствий (например, lou — снег (мар. лум, лым), kosku kize — засуха (мар. кукушу кече, кукушы кечёй), ved — вода (мар. вѣд, вѣйд), tol — огонь (мар. тул, тыл), jaksouma — холод (мар. диал. йѣгыштѣ), valda — ясно (мар. волгыдо, валгыды), peschte — орех (мар. пѣкш), kiel — камень (мар. кѣ), joxh — лук (мар. йонез, янжеж), kemet — сапоги (мар. кем) и др.). Некоторая часть приведенных Н. Витсеном мордовских слов не встречается ни в современных мокшанском и эрзянском языках, ни в языках других финно-угорских народов⁷.

Многие финно-угроведы отрицают факт существования в прошлом волжского (мариийско-мордовского) праязыка, подвергают серьезному сомнению выделение мари и мордвы (вместе с исчезнувшими этносами мерей, мещерой и муромой) в особую волжско-финскую ветвь финно-угорской языковой группы, не обнаруживая у них общих морфологических элементов и наблюдая слишком малое число мариийско-мордовских сепаратных параллелей⁸. В то же время ряд крупных исследователей находит весомые аргументы для доказательства существования волжской языковой общности. В частности, И. С. Галкиным обнаружено только в мариийском и мордовских языках (исключая иноязычные влияния) 84 слова, а также несколько сотен общефинноугорских корней⁹. Д. Е. Казанцевым выявлены и общие явления в лексике, и сходные черты в области морфологии, и одинаковые фонемные изменения, характерные только для мариийского и мордовского языков¹⁰. Однако выводы и тех и других ученых построены на основе современных языковых данных, без использования дошедших до нашего времени мате-

риалов словарей и иных текстов на марийском и мордовских языках, относящихся в XVII — XVIII вв. В виду отсутствия сравнительных историко-лингвистических исследований на основе старинных марийских и мордовских текстов сложно судить о степени близости языков этих двух народов в рассматриваемый период. Однако в целом, основываясь на сведениях из приведенных выше материалов, можно полагать, что до XVII в. марийский и мордовский языки были более близкими, чем в последующее время. Вероятно, мари и мордва в XV— XVI вв. могли, пусть и не без труда, понимать друг друга, разговаривая на родных языках.

Значительное сходство мари и мордвы в XV — XVI вв. было обусловлено не только общностью происхождения, но и тесными регулярными этническими контактами на обширной территории Поволжья — в основном на правом берегу Волги между Окой и Свиягой. Здесь помимо мари и мордвы проживали русские, чуваша, татары, причем без четких этнических границ расселения. В частности, мордва наряду с черемисами, чувашами, татарами в русских летописях указываются в числе народов Горной стороны Казанского ханства¹¹. В писцовой книге Свияжского уезда за 1565 — 1567 гг. называется более 20 мордовских поселений, в которых «с татары и чувашею преж сего жили мордва и та-де мордва разошлася по своим старым улусам по вотчинам и по ухожьям в Мордву на Мокшу и по Суру»¹². К сожалению, аналогичные писцовые книги XVI в. по Васильгородскому, Козьмодемьянскому и Чебоксарскому уездам не сохранились, но, скорее всего, мордовские поселения имелись и в этих частях Горной стороны, где проживало марийское население. По крайней мере в 1523 г., когда в устье Суры была поставлена крепость Васильгород (ныне Васильсурск), согласно одной из русских летописей, «и Мордву, и Черемису Казаньскую за государя всеа Русии к шерти привели»¹³. Кроме того, близ горномарийских деревень с типичными мордовскими названиями Сарлайкино и Шапкилей археологами выявлено и исследовано ряд захоронений конца XVI — начала XVIII вв. (в Важнангерском, Замятинском, Паратмарском, Пайгусовском могильниках) с чертами, характерными для мокшанского погребального обряда¹⁴. Имеются следы пребывания мордвы и в левобережной части марийского края. В частности, находящиеся на территории Звениговского района в исторической области Чакмарий деревни Арзубеял и Иркино (быв. Ирзякино) местное население связывает с переселенцами-мордвинами этнической группы эрзя¹⁵. Необходимо также отметить, что мордовская топонимика широко представлена в названиях многих поселений и урочищ Чувашской Республики¹⁶.

Окско-Сурское междуречье в XV — XVII вв. в основном было заселено мордвой и русскими. Вместе с тем имеется достаточно много свидетельств о проживании здесь и марийского населения. Согласно археологическим исследованиям, проведенным Т. Б. Никитиной, эта территория,

равно как и Поветлужье, была прародиной марийского народа. Безводнинский могильник, Сомовское I и II городища середины I тысячелетия н. э., расположенные в правобережной части Нижегородского Поволжья, признаны древнемарийскими¹⁷. В Окско-Сурском междуречье обнаружены многочисленные топонимы марийского происхождения¹⁸. Зафиксировано огромное количество преданий о проживании в прошлом марийского населения на территории Нижегородского Правобережья, а также о переселении мари на территорию современного Горномарийского района «со стороны Москвы», из-за Суры, из окрестностей Нижнего Новгорода, Арзамаса, Лыскова, Муром¹⁹.

Черемисы неоднократно упоминаются в качестве жителей Окско-Сурского междуречья (окрестностей Нижнего Новгорода, Муром, Васильгорода, Курмыш, Алатыря и Арзамаса) в русских письменных источниках XVI в. В духовной грамоте от 1504 г. великий князь Иван III Васильевич завещал сыну Василию: «Новгород Нижней с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Новугороду потягло. <...> Да ему ж даю город Муром с волостями и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло»²⁰. Царь Иван IV Васильевич в духовной грамоте от 1572 г. указал: «Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижний с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами..., да город Василь на Суре, и с мордвами, и с черемисами, и со всеми пошлинами... <...> Да ему жь даю город Муром с волостми, и с путми, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами, и что к Мурому потягло. <...> Да ему жь даю город Курмыш, да город Алатор на Алаторе, с волостми и со всеми пошлинами, и князи мордовския с их вотчинами, и с черемисами, и со всеми уезды, и угожьи, и что к тем городам потягло. <...> Да город Арзамас с мордвами и с черемисою, со всем, по тому, как было при мне»²¹. В Царственной книге при описании движения войск Ивана IV от города Муром в сторону реки Суры (в южной части территории современной Нижегородской области) во время Казанского похода 1552 г. указано, что «живущии же в тамошних странах Черемиса и Мордва и прочии, иже преже враждебни, тогда же покоряхуся»²².

Определенный интерес представляют также документы конца XVI — XVII в., связанные со сбором оброка с бортных владений («ухожаяев») на территории Нижегородского уезда. Согласно этим документам, черемисы Козьмодемьянского, Чебоксарского, Ядринского и Курмышского уездов владели бортными ухояями в Нижегородском уезде в десятках и более ста километров от мест постоянного жительства, платили за них в Нижнем Новгороде «медвяной оброк»; при этом на бортных деревьях были нанесены их «знамена» (мар. тамга, тисте) — семейно-родовые знаки собственности.

Основная же часть бортных ухажав в Нижегородском уезде принадлежала местным русским бортникам и мордве²³. Судя по всему, предки черемис указанных четырех уездов ранее (в XV — XVI вв.) жили в лесах между Окой и Сурой, но впоследствии переселились на правобережье Суры, сохранив за собой бортные угодья на правах вотчинного владения.

В сохранившихся до нашего времени документах XV — XVII вв. имеется мало сведений о марийских поселениях в междуречье Оки и Суры. Немногочисленное марийское население Окско-Сурского междуречья в XV — XVI вв. и в течение следующего столетия либо переселилось за Суру и за Волгу на основную этническую территорию, либо было ассимилировано местным русским и мордовским населением. Неслучайно среди некрещеной мордвы в прошлом было распространено личное имя Черемись²⁴. Встречаются в документах Нижегородского уезда конца XVI в. и упоминания об обрусевших потомках мари, например, «деревни Березников Кирсанов крестьянин Злобина сына Черемисинова Степан Григорьев», «деревни Томожникова <...> Митя Иванов сын Черемисинова»²⁵. Примечательно, что оба указанных поселения — д. Березники и с. Таможниково Дальнеконстантиновского района — находятся недалеко от с. Вельдеманово (Таможниково — в 25 км). Это село считается родиной патриарха Никона²⁶, которого многие исследователи считают мордвином. Однако на самом деле по отцовской линии у него было марийское происхождение, а по материнской — русское. В частности, знаменитый оппонент патриарха Никона протопоп Аввакум в обширном «Послании «отцу» Ионе» писал: «Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мати русалка, Минка да Манька»²⁷. Аналогичные сведения Аввакум дает еще в «Сочинении об антихристе»: «...в моей родине, за Нижним, около Курмыша, мордва и черемиса. Мы с Никоном патриархом ис тех мест, знаем там. Я от попа родился, а Никона черемисин Минька добыл в деревнишке <...> Никон зачатся от христианки черемисином»²⁸. Выходит, что Никон произошел от смешанного марийско-русского брака, и родился он не в с. Вельдеманове, а чуть северо-восточнее — в маленькой деревне, расположенной между крупными селами Нижегородского уезда Мурашкино и Лысково, что, впрочем, тоже недалеко от Березников и Таможниково. В свете фактов, изложенных выше, нет никаких оснований не доверять сведениям, приводимым протопопом Аввакумом.

Марийско-мордовские взаимоотношения в XV — XVI вв. осложнились военно-политическим противостоянием между Казанским ханством и Московским государством. Два близкородственных народа были разделены границей, проходившей по р. Суре, и были вынуждены участвовать в военных походах друг на друга. Более того, мордва, проживавшая восточнее

Суры, в составе многонационального казанского войска разоряла мордовские, русские и марийские земли Окско-Сурского междуречья, а марийские воины, призванные в ряды московской рати, участвовали в опустошительных вторжениях на земли мари, чуваш, мордвы и татар Горной стороны Казанского ханства.

Наиболее острая фаза казанско-московского конфликта приходится на 1521 — 1552 гг., когда в Казанском ханстве правила (с небольшими перерывами) крымско-татарская династия Гиреев. В период малолетства Ивана IV в 1534 — 1544 гг. казанские войска без серьезного сопротивления со стороны московских великокняжеских войск вторгались в пределы Русского государства вплоть до Подмосковья. Тем не менее русские дипломаты пытались скрывать от других европейских государств истинное положение дел на востоке. В течение 1535 — 1542 гг. в инструкциях послам, направляемым в Польско-Литовское государство, предписывалось говорить, что «государя нашего земля сошлася с Казанскою землею, мордва и черемиса; и черемиса с мордвою с рубежа промеж себя бранят и грабятяся; великого князя мордва у них возмут, а черемиса у мордвы емлют, а больших войн не бывало, государь наш на казанские места воевод не посылывал, а казанцы на великого князя землю не прихаживали»²⁹. Можно согласиться, что между мари и мордвой шла фронтальная «малая война». Такая картина в XV — XVI вв. наблюдалась на всей приграничной территории между Казанским ханством и Русским государством, где проживали воинственные черемисы. Однако на самом деле «большие войны» были и проходили они на территории России³⁰. При этом в Польско-Литовском государстве знали о масштабах русско-казанского конфликта, причем со слов самого хана Сафа-Гирея. В письме королю Сигизмунду I Старому казанский хан указал, что он «землю московского звоевал и спустошил сам своею головою: зо всим своим войском был и замки есми иншии побрал, а иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской»³¹.

В период I Черемисской войны (1552 — 1557) противостояние продолжилось. В частности, в 1555 г. темниковские татары и мордва, возглавляемые князем Еникеем Тенишевым, участвовали в крупном военном походе царских войск на кокшайских мари³². В свою очередь, луговомарийские повстанцы разорили окрестности Нижнего Новгорода и Мурома³³. Совершали набеги черемисы на Нижегородский уезд и во время II Черемисской войны (1571 — 1574)³⁴.

Последствия походов марийских вооруженных отрядов на Нижегородские земли в период III Черемисской войны (1581 — 1585) отражены в дозорных книгах конца XVI в. Оказалось, что черемисы, прокатившиеся огнем и мечом по русским селам и деревням, расположенным на территории современных Богородского, Большемурашкинского, Вачского, Даль-

неконстантиновского, Княгининского, Кстовского, Лысковского, Павловского, Перевозского, Сосновского, Спасского районов Нижегородской области, не тронули находившиеся в этой же местности мордовские селения³⁵. Не исключено, что мордва даже помогала черемисам, стремясь воспрепятствовать русскому колониационному процессу в Нижегородском Правобережье.

Дальнейшее продвижение русских в Окско-Сурском междуречье в XVII в. привело к перемещению местного мордовского населения на юг, а марийского — на восток. Прежние тесные контакты между мордвой и черемисами прервались. Примечательно, что последние совместные антиправительственные вооруженные выступления мордвы и мари в Нижегородчине произошли в период Смуты в 1606 — 1609 гг.³⁶, но во время восстания под предводительством С. Т. Разина 1670 — 1671 гг. подобного мордовско-марийского взаимодействия уже не было, хотя представители и того и другого народа принимали в восстании активнейшее участие³⁷. Обособленное развитие марийского и мордовского этносов с XVII в. во многом определило те значительные различия, которые сложились у этих близкородственных финно-угорских народов в течение последующих столетий и наблюдаются в наши дни.

Библиографические ссылки

¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 164.

² Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 177 — 178.

³ См.: Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 215 — 220.

⁴ См.: Крюкова Т. А. Мордовско-марийские отношения по данным материальной и духовной культуры // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии (8 — 10 декабря 1964 года). Саранск, 1965. С. 177 — 184.

⁵ См.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 134 — 143.

⁶ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 779.

⁷ См.: Витсен Н. Северная и Восточная Тартария... С. 776, 779 — 782 ; Феокистов А. П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII — XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 3 — 11.

⁸ См.: Берецки Г. Взаимосвязи языков Волжско-Камского ареала // Пленарные доклады X Международного конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2005. Ч. 1. С. 6 — 9 ; Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985. С. 36 — 70 ; Напольских В. В. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке // Арт. 2007. № 4. С. 103 — 105 ; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 65.

⁹ См.: Галкин И. С. Марийско-мордовские лексические параллели // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов : Лингвистика. Йошкар-Ола, 2007. Ч. 4. С. 263 — 267.

¹⁰ См.: **Казанцев Д. Е.** Формирование диалектов марийского языка. (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985. С. 26 — 31, 41 — 45.

¹¹ См.: Полное собрание русских летописей. Т. XIII : Патриаршая или Никоновская летопись. Так называемая Царственная книга по списку Московской синодальной библиотеки № 149. М., 1965. С. 164 — 165, 466.

¹² Список с писцовой и межевой книги Свяжска и уезда письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина (1565 — 1567 гг.). Казань, 1909. С. 66, 71, 76, 84, 85, 89, 98, 100, 101, 104, 105, 108 — 110, 127, 128, 130, 132 — 134, 137 — 139.

¹³ **Тихомиров М. Н.** Русское летописание. М., 1979. С. 162.

¹⁴ См.: **Никитина Т. Б.** Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. С. 104 — 107 ; **Ее же.** Марийцы в эпоху средневековья... С. 218 — 219.

¹⁵ См.: **Хорьков М. М.** Чакмарий: историко-краеведческие очерки. Йошкар-Ола, 2021. С. 43, 178.

¹⁶ **Алексеева Н. Ю.** Мордовская топонимия на территории Чувашской Республики. URL: <https://phsreda.com/e-articles/10/Action10-10801.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁷ См.: **Никитина Т. Б.** Марийцы в эпоху средневековья... С. 155 — 186.

¹⁸ См.: **Воронцова О. П., Галкин И. С.** Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. С. 21 — 22 ; **Климкова Л. А.** Марийский пласт в Нижегородской топонимии // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3. С. 89 — 95 ; **Морохин Н. В.** Нижегородский топонимический словарь. Н. Новгород, 1997. С. 53, 58 — 59, 61, 66, 69, 71, 75, 79, 81, 87, 96, 100 — 101, 104 — 105, 119, 135 — 137, 140, 145, 147, 153, 161, 182, 188, 192, 196 — 199, 201, 203 — 204 ; **Трубе Л. Л.** О былом расселении марийцев на территории Горьковской области по данным топонимии // Происхождение марийского народа : материалы науч. сессии, проведен. Марийским науч.-исслед. ин-том языка, литературы и истории (23 — 25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967. С. 210 — 214.

¹⁹ **Акцорин В. А.** Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров, 2000. С. 48 — 59 ; Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991. С. 165, 167 — 168, 246 — 247, 251 — 252 ; Нижегородские марийцы : сб. материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола, 1994. С. 23 — 26 ; **Янтемир М. Н.** Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон. Краснококшайск, 1926. С. 17 — 18.

²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М. ; Л., 1950. С. 356.

²¹ Там же. С. 437.

²² Полное собрание русских летописей. Т. XIII. С. 496.

²³ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1, ч. 1. С. 222 — 225, 233, 258 — 260, 268 — 279 ; Книга деньгам оброчным Нижегородского уезда 1666 года. Н. Новгород, 2012. С. 5 — 11, 117, 126 — 129 ; Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М., 1910. С. 38, 43, 45 — 51, 54, 67, 189 — 190, 194 — 195, 197 — 203, 207, 221 ; Юридические акты, относящиеся до поземельных владений всероссийских митрополитов и патриархов Иова и Филарета // О земельных владениях всероссийских митрополитов и патриархов и св. синода (988 — 1738 гг.). СПб., 1871. С. 65 — 73.

²⁴ См.: **Инжеватов И. К.** Топонимический словарь Мордовской АССР : Названия населен. пунктов. Саранск, 1979. С. 241.

²⁵ **Анпилогов Г. Н.** Нижегородские документы XVI века (1588 — 1600 гг.). М., 1977. С. 241 — 242.

²⁶ См.: **Шушерин И. К.** Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России. М., 1871. С. 1.

²⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая постоянной историко-археологической комиссией. Т. 39 : Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. I. Вып. I. Стб. 894.

²⁸ **Демкова Н. С.** Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 21 : Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М. ; Л., 1965. С. 230.

²⁹ Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 59 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II. 1533 — 1560 гг. СПб., 1877. С. 26, 40, 54, 117, 136 — 137, 179 — 180.

³⁰ См.: **Свечников С. К.** Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014. С. 151 — 163.

³¹ **Мустафина Д.** Послание царя Казанского // Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 32.

³² См.: Разрядная книга 1475 — 1598 гг. М., 1966. С. 148.

³³ См.: **Курбский А. М.** История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 76, 77.

³⁴ **Анпилогов Г. Н.** Указ. соч. С. 103, 191, 200, 208 ; **Гациский А. С.** Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886. С. 35.

³⁵ См.: **Анпилогов Г. Н.** Указ. соч. С. 7 — 394.

³⁶ См.: **Дубровина Л. А.** Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980. С. 31 — 42.

³⁷ См.: История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. I: История Марий Эл с древнейших времен до начала XX в. Йошкар-Ола, 2020. С. 127 — 134 ; История Мордовии : С древнейших времен до середины XIX в. Саранск, 2001. С. 136 — 143.

УДК 94(47).048

Д. В. Фролов*Мордовский республиканский объединенный
краеведческий музей им. И. Д. Воронина (г. Саранск)*

К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ СИМБИРСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА: ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ ИЗ ВЫБОРНОГО ПОЛКА СОЛДАТСКОГО СТРОЯ АГГЕЯ ШЕПЕЛЕВА НА РЕЧКЕ БЕРЕЗОВКЕ

На основании работы с документами РГАДА в статье вводятся имена первопоселенцев современных сел Карцовка, Березовка, Сосновка и других Майнского района Ульяновской области вокруг р. Березовки Симбирского уезда в 1670 — 1680-х гг. — оставших солдат выборного полка Аггея Шепелева.

Ключевые слова: XVII век, Симбирский уезд, РГАДА, р. Березовка, выборный полк солдатского строя Аггея Шепелева.

История московских выборных полков солдатского строя (в том числе Аггея Шепелева) описана и изучена в начале XXI в. в кандидатской диссертации и ряде других значительных исследований А. В. Малова¹. Интересным фактом явилось то, что рядовой состав полка А. Шепелева пополнялся, в том числе и выходцами с территории современного мордовского края и соседних уездов, которые со временем стали заселять земли за «Синбирской» чертой.

Работая в РГАДА, удалось обнаружить целую подборку ранее неопубликованных дел по заселению мест вокруг р. Березовки Симбирского уезда в 1670 — 1680-х гг. — современных сел Карцовка, Березовка, Сосновка и других Майнского района Ульяновской области.

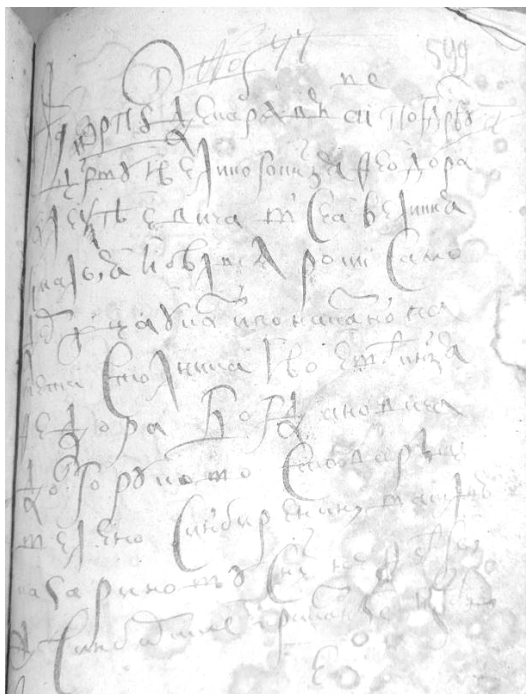
«Березовка — река в России, протекает по Ульяновской области. Устье реки находится в 40 км от устья Гущи (впадающей в Свиягу) по левому берегу. Длина — 22 км»².

В. К. Воробьев в «Страницах истории Майнского района Ульяновской области» довольно обобщенно замечает, что «Абрамовку и Выры, Командак и Карцевку, Кадыковку и Копышовку, Березовку и Сосновку, Поповку и Безводовку заселили солдаты „выборного генерала Аггея Шепелева полка“ — участники разгрома разинских войск под Симбирском, которые как „сверхштатные“, увечные, больные и выслужившие свой срок службы были отчислены и остались в Симбирском уезде. Так, Карцевку назвали по фамилии солдат Панкратия и Василия Карцевых, Выры — по фамилии братьев С. К. и И. К. Вырыпаевых»³.

Данные документы интересны тем, что раскрывают именной состав первопоселенцев сел, расположенных на р. Березовке, и могут служить значительным материалом для генеалогических и краеведческих исследований, поэтому публикуем их сжатое содержание.

РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Д. 77. (Л. 599 — 607); Д. 78 (Л. 609 — 618), Д. 93 (746 — 752) датированы одним днем — 11 декабря 1677 г.

Д. 77. Лист 599. «Лета 1677 декабря 11 по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича (п.т.) и по наказной памяти стольника и воеводы князя Федора Богдановича Долгоруково с товарищи велено синбиренину Василью Казаринову сыну Нефедыву да синбирские приказные избы // Лист 599 об. подьячему Михаилу Гнездову ехать в Синбирской уезд на порозжую землю на ключ Ольховой на речку Березовку по обе стороны подле дач синбиренина Ортемья Жеребятникова... Лист 600. ... против челобитья выборного Агеева полку Шепелева солдат Серешки Колеповского с товарищи... Лист 602 об. ... тое порозжую землю отказать им Серешке Колеповскому, Гришке Коряпаеву, Ваське Обрескову, Ваське Касимову... по 20 чети человеку в поле а в дву потому ж... учинить той земле межи и

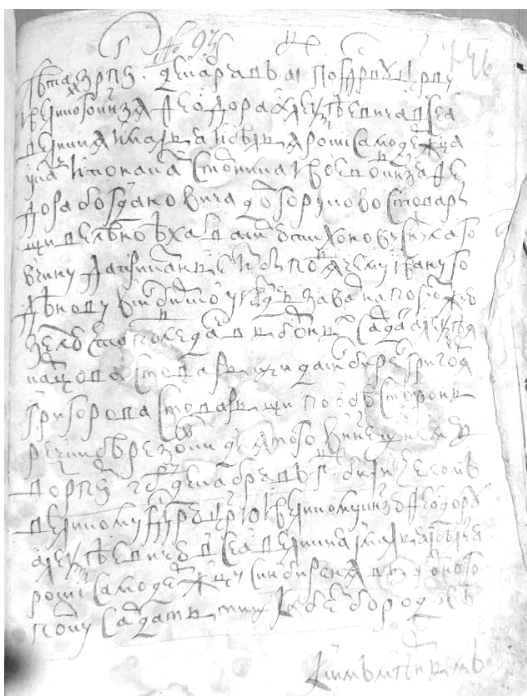

границы и всякие признаки, да те отказные книги з своими // Лист 603. И сторонних людей за руками привести в Синбирск и подать в приказной избе стольнику и воеводе Федору Богдановичу Долгоруково со стоварищи... // Лист 603 об. ... а межа той земле от дачи синбиренина Ортемья Жеребятникова... [далее описание границ]... // Лист 605. ... подле дач ж сенных синбиренина Гора // Лист 605 об. сима Григорова ... Лист 606. [на] дубу подле дачи синбиренина Ондрея Губина на ево ондрееве грани левая сторона дача ево Ондрея Губина, а правая сторона — дача солдат их Серешки Колеповского

вского с товарищи. *Лист 606 об.* А на отказе были синбирского уезду деревни Каменного Броду солдаты Мартын Толтачив, Дмитрий Санников, Панкрат Карцов // *Лист 607.* Иван Трунов, Афонасей Семенов сын Слопогузов»⁴.

Д. 78. *Лист 609.* «Лета 1677 декабря 11 по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича (п.т. — полный титул) и по наказной памети стольника и воеводы князя Федора Богдановича Долгоруково с товарищи велено синбиренину Василью Казаринову сыну Нефедыву да синбирские приказные избы подьячему Михаилу Гнездову ехать в Синбирской уезд на порозжую землю подле дач синбиренина Ортемья Жеребятникова да Ондreja // *Лист 609 об.* Губина... на речке Березовке. Для того в прошлом во 1676 г. в грамоте великого государя (п.т.) писано в Синбирск... по челобитью выборного полку солдат Алешки да Офонки Корцовых да Ивашки Ващлова, Васьки // *Лист 610.* Мокрушина, Васьки Нижегородца поверстаны он великого государя жалованьем помесными оклады, а поместья за ними нет нигде... *Лист 611.* ... велено их помесною землею поверстать где они приищут, они же приискали порозжие земли... за валом подле дач Ортемья Жеребятникова да Ондreja Губина на речке Березовке... // *Лист 613 об.* ... [отверстать им] по 20 четей человеку в поле, а в дву потому ж... [далее описание межей и граней]. *Лист 617 об.* ... А на отказе были сторонние люди синбирского уезду деревни Каменного броду солдаты Мартын Толтачев, Дмитрий Санников // *Лист 618.* Панкрат Карцов, Иван Трунов, Афонасей Слапогузов»⁵.

Д. 93. *Лист 746.* «Лета 1677 декабря в 11 день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича (п.т.) указу и по наказу стольника и воеводы князя Федора Богдановича Долгорукого с

товарыщи велено ехать Василью Тихонову сыну Лаговчину да приказные избы подьячему Ивану Годенову в Синбирской уезд за вал на порозжую землю что подле дач выборных солдат Алексея Карцова с товарыщи да синбирен Григорья Григорова с товарыщи по обе стороны речки Березовки для того в нынешнем во 1677 году декабря в 3 день били челом великому государю (п.т.) синбиреня выборного полку салдаты Тишка Безбордов // *Лист 746 об.* Якушка Гаврилов, Серешка Люлин, Стенка Пичугин, Матюшка Кажметев, Петрушка Кабан, Ганька Медведев, Олферка Пивоваров, Стенка Бесштаннов, Федька Зыков да Федька Латышов, Зотка Варакин, Тимофейка Нагаев, Сенька Темниковец, Васька Волков, Федька Скрябин, Васька Санников, Стенька Камский, Максимка Ондrejaнов, Микитка Мерзляков, Данилка Топорков. А в Синбирску в приказной избе... их челобитная... они приискали порозжие земли... в Синбирском уезде за валом // *Лист 747.* ...подле дач выборных же солдат Алексея Карцова с товарыщи да по конец дачи синбирен Григорья Григорова... по обе стороны речки Березовки та земля лежит порозжая в поместье и в оброк никому не отдана и великий государь пожаловал бы их велел тое порозжую землю отвести в поместье и в Синбирску в приказной избе в трех великого государя (п.т.) грамотах ис приказа Казанского дворца прошлого 1676 и нынешнего 1677 годов написано поместного окладу салдатам Тишке Безбородову, Якушке Воронову, Серешке Люлину, Стеньке Пичугину, Матюшке Кажметеву, Петрушке Кабану // *Лист 747 об.* Гаврилку Медведеву, Алферку Пивоварову, Сеньке Темниковцу, Стеньке Камскому, Максимку Ондрееву, Зотку Варакину, Микитке Мерзлякову, Тимошке Нагаеву, Данилку Топоркову поместного по 50 чети и тем салдатом написав их в служилой список велено отвести на пашню земли в Синбирском уезде от засечных крепостей не в ближних местех против государева указа да в грамотах жа блаженныя памяти великого государя Алексея Михайловича (п.т.)... прошлого 1673 и 1674 годов салдатом жа Стеньке Бесштанному, Федьке Зыкову // *Лист 748.* Федьке Латышову, Федьке Скрябину, Ваське Волкову, Ваське Санникову поместного окладу написано по 50 жа чети и Василью Тихонову сыну Лаговчину да подьячему Ивану Годенову приехал в Синбирской уезд на ту порозжую землю о которой бьют челом великому государю солдаты Тишка Безбородов с товарыщи и взяв с собой тутошних и сторонних людей старост и целовальников и крестьян сколько человек пригож сыскати большим повальным обыском... *Лист 748 об.* ...что та земля... в поместье и в оброк и в ясак никому не отдана... и впредь спору об ней не будет и тое землю измеря в десятины положить в четях измера // *Лист 749.* и с той порозжей земли отказал салдатом Тишке Безбородову с товарыщи по 20 чети человеку в поле а в дву потому ж [т. е. всего по 60 четей человеку] и той земле учинены межи и грани и всякие признаки... *Лист 750.* ...ис той порозжей земли отказали салдатам

Тишке Безбородову с товарищи по 20 чети человеку в поле а в дву потому ж и той земле учинили межи и грани и всякие признаки и написали в мерные и отказные книги... [далее идет описание межей, граней и столбов и куда они идут]. *Лист 751 об.* ...а сторонние люди на отводе были деревни Каменного броду выборного полку салдат Ермолай Мартемьянов сын Карцов // *Лист 752.* Да жильца Алексея Асканова крестьянин Исайка Клементьев сын Шулепов да синбиренина Ортемяя Елизарова сына Жеребятникова крестьяня староста Мишка Прохоров сын Пушкарев, Оська Павлов, Мишка Яковлев, Тимошка Прохоров сын Лошкарев...»⁶.

Д. 62. Датировано июлем 1681 г. *Лист 579.* «По государеву (и проч.) Федора Алексеевича (п.т.) и по наказной памяти стольника и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукова да дьяка Филиппа Климентова велено ехать синбиренину Петру Кашинскому да приказные избы подьячему Ивану Годенову в Синбирской уезд на речку Березовку да на речку Сосновку и на Моховое болото что подле дачи синбире // *Лист 579 об.* нина Алексея Плотцова для того в нынешнем во 1681 году июня в 28 день били челом великому государю (п.т.)... выборного полка солдаты верстанные и неверстанные Василей Слапогузов с товарищи... подали челобитную... а в ней писано, по указу великого государя служат // *Лист 580.* они салдатскую службу бес помес[т]но и живут не в розделе в домех свойственников своих, а ныне на оброчных съемных землях. А поместной де земли не отведено и ныне де они приискали порозжую землю Синбирского уезду за валом дикой поле в урочищах на речке Березовке и на Сосновке и по Моховому болоту подли дачи синбирянина Алексея Плотцова... и великий государь пожаловал бы их // *Лист 580 об.* велел тое порозжую землю отвести в поместье против их братии салдат... а на ту землю послать откащика... а в Синбирску в приказе в грамотех великого государя из приказа Казанского Дворца прошлых 1677, 1678, 1679 годов в розных месяцах и числах написано поверстаны на Москве в приказе Казанского Дворца поместными и денежными оклады выборного генарала Агея Алексеевича Шепелева салдаты Василей Слапогу // *Лист 581.* зов, Борис Щербаков, Василей Жилин, Логин Хворов. Новичные их оклады поместного по сту четей, денег по пять рублей. А Любим Сарыбахтин верстан в пятьдесят четий, денег 4 рубли. Евтифей Овсянов верстан в 50 же четей денег 5 рублей. А Алексей Страмоусов, Алексей Раков, Афонасей Медведев, Дмитрий Сосин, Ондрей Исцеевской, Тимофей Максимов, Леонтей Березников, Сергей Воронов, Савелий Мязин, Савелий Волков, Еремей Щумов, Данила Рычагов, Козма Коренев, Григорий Везовиков, Филипп // *Лист 581 об.* Летин, Иван Аврамов, Симан Бабарыки[н] поместными и денежными оклады не верстаны. А по указу великого государя и по Соборному Уложению из диких поль велено давать украинных городов детям боярским которых оклады по 100 чети и тем по 30 четей, а которым по 70 чети

и тем по 25 чети. И вы прошлых годах челобитчикам выборного полку салдатом Василью Слапогузову с товарищи с окладов их земли из диких поль не дано, а неверстанным салда // *Лист 582*. том земли дает да против воловых казаков по 20 четей в поле а в дву потому ж. И синбиренину Петру Кащинскому да подъячему Ивану Годену не доезжая той порозжей земли велено сыскать всяких чинов людьми... (о земле, о которой бьют челом)... *Лист 583 об.* ... в Синбирской уезд на речки Березовку да на Сосновку и на Моховое болото, что подле дачи синбиренина Алексея Плотцова сторонними людьми сыскивали, а в сыску синбирского уезду деревни Березовки выборного полку салдаты Иван Емельянов сын Медведев, Семен Михайлов сын Темниковец, Микифор Ондреев сын Порошин // *Лист 584*. Степан Григорьев сын Пичугин, Тимофей Иванов сын Нагаев, Григорей Мокеив сын Зяблов, Микула Тиханов сын Зяблов, деревни Кар(?)цов Иван Федоров сын Бок, синбиренина Дмитрея Алексева сына Аксакова крестьянин Микитка Матвейв сын Шулепин сказали по святей непорочной евангельской Христове заповеди Господни... о которой земле выборного полку салдаты Василей Слапогузов с това // *Лист 584 об.* рищи... лежит порозжа, в поместье не отдана... и по тому сыску на тое землю ездили и ту землю в десятины и в четверти положили...и с той земли выборного полку // *Лист 585*. салдатом верстанным Василью Слапогузову, Борису Щербакову, Василью Жилину, Логину Хворову... отвели по 30 четей, а Любиму Сарыбахтину с товарищами по 20 чети в поле а в дву потому ж, и грани, и межи той отводной поместной земли учили... (далее идет долгое описание столбов, сколько поставили и куда идут). *Лист 587 об.* ...Грани нарубал деревни Березовки выборного полку солдат Иван Емельянов сын Медведь⁷.

Библиографические ссылки

¹ Малов А. В. Выборные полки солдатского строя: 1656 — 1671 гг. : дис. ... канд. ист. наук. 2002 ; Его же. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656 — 1671 гг. М., 2006. 624 с. и др.

² URL: <https://waterresources.ru/reki/berezovka-pritok-guschi/> (дата обращения: 25.08.2022 г.).

³ Воробьев В. К. Страницы истории Майнского района Ульяновской области. Ульяновск, 2011. С. 16 — 17.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. Д. 77. Л. 599 — 607.

⁵ Там же. Д. 78. Л. 609 — 618.

⁶ Там же. Д. 93. Л. 746 — 752.

⁷ Там же. Д. 62. Л. 579 — 587 об.

*Российская провинция в имперском социуме
(XVIII — начало XX в.)*

УДК 94(47)

Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры (г. Самара)

Ю. Н. Смирнов

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (г. Самара)*

**САМАРСКАЯ ЛУКА И УСОЛЬСКАЯ ВОТЧИНА
В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИИ:
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРУДЫ В ЖАНРЕ «LOCAL HISTORY»**

В статье показано применение учеными современных методов «local history» в междисциплинарном изучении прошлого российских регионов, у истоков использования которых в Поволжье стоял В. А. Юрчёнков. В ней анализируются обобщающие коллективные работы с активным участием историков, посвященные уникальной по своим природным и культурно-историческим особенностям территории — Самарской Луке, а также одному из крупнейших помещичьих владений в России — Усольской вотчине Орловых и Орловых-Давыдовых.

Ключевые слова: историография, методы исторического исследования, «локальная история», Поволжье в XVIII — начале XX в., землевладение.

Более тридцати лет назад В. А. Юрчёнков и его мордовские коллеги одними из первых среди историков Поволжья обратили внимание на необходимость пересмотра подходов не только к «большой» российской истории, но и к ее региональным вопросам. Такой пересмотр предусматривал необходимость использовать «новое методическое оснащение исторической науки»¹.

В дальнейшем это привело к использованию среди прочих новых методов и приемов того современного направления, которое получило в интернациональном научном обиходе наименование «local history» и является одним из наиболее важных в современной историографии². Продуктивность данных приемов была показана в работах В. А. Юрчёнкова, получивших высокую оценку других специалистов, которые работали над сходной тематикой и пользовались близкой инструментальной базой в своей работе. С полным основанием можем утверждать, что труды этого мордовского исто-

рика обогатили опыт исследователей других регионов примером воплощения «на локальном уровне идеи истории общества как целостности»³.

Интересной задачей для проводившихся в последнее десятилетие коллективных междисциплинарных исследований стало изучение примечательных в историческом отношении территорий в те периоды времени, когда проявились основные культурные особенности и сложился узнаваемый образ этих территорий. Междисциплинарность в данном случае означает учет данных и привлечение специалистов из различных областей научного знания. В результате такой совместной работы может достигаться достоверная реконструкция (в определенных географических и временных рамках) культурного и исторического ландшафта с его основными компонентами-достопримечательностями. Для самарского края, несомненно, одним из самых привлекательных объектов для изучения прошлого и переживания настоящего является Самарская Лука с входящей в нее и прилегающей к ней исторической Усольской вотчиной.

Терминами «культурно-историческая территория» или «уникальная историческая территория» в отечественной литературе последних лет часто обозначают памятные места и достопримечательности, создающие «существенную мотивацию посещения того или иного региона или города»⁴. Однако в работах, посвященных преимущественно музейной и социально-культурной деятельности, охране культурного наследия и туризму почти не содержится элементов исторического исследования. В них, как правило, нет обращения к трудам историков, отсутствует понимание необходимости научной кооперации со специалистами в области исторических дисциплин. В то же время есть иные примеры активного и полезного участия историков вместе с другими учеными-гуманитариями в исследованиях о складывании, состоянии, особенностях культурной ситуации и повседневности Среднего Поволжья⁵.

Если перенести внимание с экологических, музееведческих, экономических аспектов изучения «уникальной исторической территории», о которых чаще всего и пишут при использовании данного термина, на труды по реконструкции собственно исторического прошлого, то ключевым вопросом становится не юридический статус или туристический потенциал территории, а ее «локальная история». Она, по справедливому мнению специалистов, удовлетворяет желание людей на получение знания о том, где они живут. Оставаясь частью научной историографии, «local history» конструирует местную историческую память, формирует лояльное отношение к образу данного места⁶.

Следует согласиться с подходом, уравнивающим в правах локальную историю традиционного типа (историю «малой родины»), которая «примыкает к краеведению или вообще включается в него», с историей страны,

континента, мира⁷. Прав был Д. С. Лихачев, видевший достоинство краеведения в комплексности и междисциплинарности, в том, что оно «соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т. д.»⁸.

Понятна и не требует дополнительных обоснований заинтересованность в подобном изучении сложившихся административно-территориальных образований (республик, областей, районов, городов и т. д.), тем более, когда она поддерживается и стимулируется местными органами власти и самоуправления. Вместе с тем объектами подобного исследовательского внимания могут становиться уникальные местности, не имеющие особого административного статуса и выделяемые исключительно в силу своих природных и культурно-исторических особенностей. К их числу относится Самарская Лука.

В настоящей работе речь идет об опыте ее комплексного изучения в хронологических рамках, которые охватывают несколько веков. Комплексность в данном случае учитывает, прежде всего, данные исторического и смежных с ним областей научного знания. Все это не лишает избранную как объект исследования Самарскую Луку значения «культурно-исторической территории» в том смысле, который сейчас оказался самым распространенным. Достаточно сказать, что здесь расположены две особо охраняемые природные территории, Жигулевский государственный природный заповедник им. И. И. Спрыгина и Национальный парк «Самарская Лука».

В старинных селениях созданы несколько музеев. Самым большим и посещаемым из них является Историко-музейный комплекс в с. Ширяево — филиал Самарского областного художественного музея, включающий мемориальные дома художника И. Е. Репина и поэта А. Ширяевца. Упомянем также музей истории сел Ставропольского района в с. Большая Рязань и муниципальный музей им. И. Н. Ульянова в с. Усолье, не перечисляя другие самостоятельные музеи, выставочные и информационно-туристические центры.

В истории Самарской Луки с окрестностями самым примечательным, а потому и самым изучаемым периодом стало время от вхождения в состав Российского государства в конце XVI в. до революции 1917 года. Внимание к своеобразному полуострову на излучине среднего течения Волги проявилось с начала историко-краеведческих исследований в России, которое положили, по мнению С. О. Шмидта, «знаменитые „академические“ экспедиции XVIII в.»⁹. Сразу несколько экспедиционных отрядов под руководством П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька изучали рассматриваемую территорию в 1768 — 1769 гг.¹⁰

Накопление работ краеведов и профессиональных историков продолжалось в XIX — XX вв. В результате усилий нескольких поколений специ-

алистов и любителей сложились условия для создания обобщающего труда, удовлетворявшего не только традиционные, но и современные требования к работам по локальной истории. В 1995 г. вышла книга «Самарская Лука в XVI — начале XX вв.», подготовленная специалистами в сферах «локальной истории» и топонимии¹¹. Вскоре материалы по Самарской Луке были повторены, дополнены и расширены, когда к специалистам — историкам и филологам — подключились этнографы и музыканты-фольклористы¹².

При создании данного труда была расширена база источников по Самарской Луке. Она включила не только письменные документы, но и данные топонимики, фольклорные материалы, а также сведения об исторических событиях, которые передавались вербально из поколения в поколение (устная история). Богатый материал был собран в ходе проводившейся в те годы инвентаризации памятников истории и культуры Самарской области, в которой принимали участие и авторы книги. Им удалось выявить основные этапы заселения и освоения территории, выделить характерные черты ее культурно-исторического облика, показать своеобразие хозяйственного уклада и быта населения. Материалы книги подчеркнули уникальность прошлого Самарской Луки, которая стала своеобразным плацдармом для освоения Степного Заволжья.

Книга была написана в качестве учебного пособия, что вовсе не лишало ее научной новизны, а лишь придавало более доступную для читателя форму изложения, которая определялась учебными целями. Эти цели заключались в том, чтобы на конкретном примере показать будущим специалистам-историкам возможность комплексного изучения отдельных территорий, продемонстрировать пути и методы решения задач исторического краеведения, приложимых к иным уникальным объектам и ландшафтам. В ходе анализа отдельных вопросов истории и культуры Самарской Луки демонстрировалась методика исследования различных сторон хозяйственного, общественно-политического и духовного развития подобных уникальных и примечательных территорий внутри самарского края или за его пределами.

Основополагающей задачей при комплексном исследовании в рамках локальной истории является выявление сущностных черт исторической территории. Наиболее полные результаты были получены в ходе изучения следующих сторон событийной истории и повседневной жизни Самарской Луки:

- становление на ней аграрного комплекса;
- ее промыслово-торговое и индустриальное значение;
- формирование и организация здесь крупного аграрного и промыслово-аграрного хозяйств;
- развитие в пределах этой территории культуры, здравоохранения, просвещения;

— социальные, демографические, этнические, профессиональные факторы ее освоения;

— складывание исторической топонимики Самарской Луки.

Освоение новых земель на Самарской Луке как одним из плацдармов освоения Поволжья, Заволжья и Приуралья инициировало процесс адаптации крестьянина, предпринимателя, вотчинника к природным условиям, отличавшимся от климата и почв центральных районов России. Исследование основных особенностей исторического развития данной территории на протяжении длительного периода показало направления эволюции сложившейся здесь системы хозяйствования, общественных взаимоотношений и культурной среды.

Углубление научных знаний по истории и культуре Самарской Луки происходило в два последующих десятилетия по нескольким направлениям. Главными из них стали, во-первых, углубление сведений о ее прошлом в последней трети XVIII — начале XX в., когда ее основная часть входила во владения графов Орловых и их наследников, во-вторых, изучение ее культурного наследия, в значительной мере сохранившегося в музеях и библиотеках.

Результаты, полученные при накоплении знаний по двум этим направлениям, становились доступными научной и педагогической общественности, всем любителям родной старины разными путями. Кроме использования в музейных и книжных выставках или информации в местной периодике и популярных краеведческих изданиях, эти результаты находили отражение в диссертациях по истории¹³, библиотековедению¹⁴, искусствоведению¹⁵. Они публиковались в материалах различных конференций¹⁶, в профессиональных периодических изданиях по историческим¹⁷ и другим гуманитарным наукам¹⁸, библиотечному¹⁹ и музейному делу²⁰.

Так, было показано, что заведенная на средства Орловых больница в Усолье стала одним из первых общедоступных медицинских заведений на Средней Волге в конце XVIII — начале XIX в. Она отличалась высоким для своего времени уровнем оказания медицинской помощи, здесь же было положено начало массовой вакцинации населения от оспы²¹.

Разные линии изучения Самарской Луки и Усольской вотчины были объединены в новой комплексной коллективной работе об этой уникальной территории. Ее инициатором стала Н. Ф. Бессонова, а главным связующим звеном — каталог реконструированной усадебной библиотеки Орловых и Орловых-Давыдовых²².

В этом издании были воспроизведены наиболее интересные отрывки из церковно-приходской летописи с. Усолья, написанной еще XIX столетии, помещены исторические очерки о землях и населении вотчины, о развитии в ней просвещения, здравоохранения, духовной жизни, об истории библиотеки. Здесь же помещен генеалогический справочник, описание вотчинных

собраний декоративно-прикладного и живописного искусства, вышеупомянутый обширный библиотечный каталог.

В результате сложился комплексный и детальный научно-документированный обзор истории заселения, экономики, управления, народного образования, медицины, религиозной и других сторон культурной жизни на этой территории. Важное место в книге в целом и в каждом ее разделе было уделено личностям владельцев Усолья.

Начало истории данной вотчины восходит к 1768 г., когда по просьбе братьев Орловых их отдельные малоземельные вотчины в разных уездах и губерниях были обменены на огромное компактное владение в районе Самарской Луки. Образовалась одна из крупнейших и богатейших дворянских латифундий в России. Ее с полным правом можно было считать настоящим «графством», если обыграть титул ее владельцев.

После смерти старших из братьев и осуществления разделов основная часть некогда общих владений по Средней Волге с центром в Усолье сосредоточилась в руках В. Г. Орлова, а затем его внука — В. П. Орлова-Давыдова. С их именами в первую очередь оказалась связанной история Самарской Луки и Усолья в крепостную эпоху и первых пореформенных десятилетий XIX в.

Это было время расцвета культурной, общественной и научной жизни в Усолье. Тогда же была создана «Усольская летопись» краеведа-священника С. М. Преображенского. Его экскурсии в прошлое из-за отсутствия профессиональной исторической подготовки содержат некоторые неточности и требуют тщательной проверки другими документами. Однако наиболее интересные и достоверные записи «Летописи» относятся к 1830 — 1870-м гг., когда автор сам являлся очевидцем и участником событий, им описываемых. «Летопись» интересна не только как источник для истории Усольского имения, но и для изучения того, что помнили и знали обитатели Самарской Луки о своем прошлом, далеком и недавнем. Исторические представления об истории «малой родины» были зафиксированы в том виде, каком они сложились в начале последней трети XIX в., и представляют собой уникальное свидетельство об исторической памяти жителей Поволжья той эпохи.

В 1874 г. на средства членов семьи В. П. Орлова-Давыдова в Усолье было построено новое здание для школы, которое сохранилось и используется под местный музей. 1 октября 1874 г. в Усолье торжественно открыто образцовое народное училище, которое содержалось Министерством народного просвещения с общественным пособием от селений Усольской волости. На открытии с речью выступил много сделавший для открытия и обустройства этой школы И. Н. Ульянов, директор народных училищ Симбирской губернии²³. Он выразил благодарность владельцам имения за щедрое пожертвование.

Немало времени хозяева Усолья и их гости проводили в замечательной библиотеке, которую собирали многие десятилетия, пополняя книгами на русском и многих западноевропейских языках. В 1882 г. Усольское имение унаследовал А. В. Орлов-Давыдов. При новом хозяине здесь работали искусные мебельщики, резчики, позолотчики. В 1905 г. этот владелец умер и оставил процветающее хозяйство Усольской вотчины сыну А. А. Орлову-Давыдову. После революции 1917 года тому пришлось бежать за границу. На этом история помещицкой вотчины в Усолье завершилась.

Память о ней осталась в разрушающихся постройках, в отдельных предметах быта и произведениях искусства, попавших в музеи Самары и Сызрани. Особо ценной и лучше других сохранившейся частью культурного наследия семьи Орловых и Орловых-Давыдовых как владельцев Усолья осталось их книжное собрание, оказавшееся в основном в составе Самарской областной универсальной научной библиотеки.

Авторы и составители рассматриваемой книги постарались выделить характерные черты облика Усольской вотчины на Самарской Луке, показать своеобразие уклада жизни здешнего населения, напомнить об интересных людях, здесь проживавших. Все публикации, описанные в данной статье, являют собой достаточно успешный опыт комплексного изучения уникальной исторической территории Среднего Поволжья — Самарской Луки. Современное регионоведение в рассмотренном и других случаях показало успешное решение задач расширения историографической и источниковой базы исследований, и эти сложившиеся «традиции научного сотрудничества должны быть сохранены и приумножены»²⁴. В том числе были выявлены возможности реконструкции цельной картины уникальных культурных ландшафтов прошлого путем применения приемов «локальной истории» и других современных методов, начало которым в исследованиях Среднего Поволжья положил В. А. Юрчёнков.

Библиографические ссылки

¹ **Балашов В. А., Юрчёнков В. А.** Региональная история: проблемы и новые подходы // Вестник Мордовского университета. 1991. № 4. С. 14.

² См.: **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2018. Т. 1. С. 67.

³ **Смирнов Ю. Н.** «Мордовская история» профессора В. А. Юрчёнкова: local history как область историописания // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 125.

⁴ **Ермишин С. П., Якунин В. Н.** Проблема повышения роли туризма в развитии Самарской области и г. Тольятти // Вестник Национальной академии туризма. 2008. № 2 (6). С. 50.

⁵ См.: Особенности повседневной культуры Средневожского региона / Н. В. АLEXINA [и др.]. Рязань, 2015. 428 с.

⁶ См.: **Amato J. A.** Rethinking Home: A Case for Writing Local History. Berkeley ; Los Angeles, 2002. P. 4.

⁷ См.: **Савельева И. М., Полегаев А. В.** Знание о прошлом: теория и история. Т. 1 : Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 452, 468 — 469.

⁸ **Лихачев Д. С.** Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура : сб. М., 2000. С. 159.

⁹ **Шмидт С. О.** Вступительное слово на Первом всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11 — 14 сентября 2007 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 6. С. 21.

¹⁰ См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Самара, 2020. Т. 1. С. 410.

¹¹ См.: Самарская Лука в XVI — начале XX вв. / Ю. Н. Смирнов, Э. Л. Дубман, В. Ф. Барашков, Л. М. Артамонова. Самара, 1995. 199 с.

¹² См.: **Ведерникова Т. И., Фокин П. П., Ягафова Е. А.** Этнография Самарской Луки. Самара, 1995. 149 с.

¹³ См.: **Креммер Н. Б.** Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768 — 1861 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 231 с.

¹⁴ См.: **Бессонова Н. А.** Частные книжные коллекции в фондах библиотек Самаро-Симбирского региона (в период с 30-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XX в.) : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003. 298 с.

¹⁵ См.: **Баюра Л. П.** Художественные коллекции Симбирского края. Собиратели. Мастера. Хронисты: конец XVIII — первая треть XX века : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 354 с.

¹⁶ См.: **Артамонова Л. М.** Распространение образования среди крестьян в крупной вотчине Среднего Поволжья конца XVIII — первой половины XIX вв. (на примере владений графов Орловых и их наследников) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении : материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. М., 2005. С. 215 — 219.

¹⁷ См.: **Смирнов Ю. Н.** Владения Орловых на Самарской Луке и в окрестностях: территория и наследники в последней трети XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 210 — 222.

¹⁸ См.: **Беленов Н. В.** Топонимия Самарской Луки в этноисторическом контексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 72 — 74.

¹⁹ См.: **Бессонова Н. А.** Усольская библиотека // Библиография. 2000. № 6. С. 48 — 52.

²⁰ См.: **Алексушина Т. Ф.** Портреты из Усоля. «Усольская» коллекция графов Орловых-Давыдовых // Мир музея. 1999. № 6. С. 22 — 28.

²¹ См.: **Артамонова Л. М.** Сельская больница в социальной структуре и системе управления крупной вотчины конца XVIII — первой половины XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. 2016. № 22. С. 93 — 105.

²² См.: Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки. Самара, 2015. 548 с.

²³ См.: **Сергеев Т. С.** Научно-педагогическая и просветительская деятельность И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2014. С. 382.

²⁴ **Куршева Г. А.** История Самарского Поволжья: от прошлого к настоящему // Центр и периферия. 2021. № 2. С. 119. Рец. на кн.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Самара, 2020.

УДК 947.072.5

С. В. Белоусов*Пензенский государственный университет (г. Пенза)*

«В ВЕЛИКОМ МНОЖЕСТВЕ... НАЧАЛИ ПРИГОНЯТЬ ПЛЕННЫХ»: НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ АРМИИ НАПОЛЕОНА В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В настоящее время отечественная историческая наука проявляет повышенный интерес к изучению Отечественной войны 1812 г. Одной из проблем, стоящих перед исследователями, является изучение положения военнопленных армии Наполеона в различных губерниях Российской империи. Целью данной статьи является определение национальной принадлежности военнопленных Великой армии, оказавшихся в Пензенской губернии.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Пензенская губерния, военнопленные армии Наполеона.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ. Проект № 22-18-20015 «Власть и общество Пензенского края в XIII — XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности».

Вопрос о положении военнопленных армии Наполеона и определение их численности является одной из актуальных проблем, посвященных Отечественной войне 1812 г. В последнее время интерес к этой теме, как в отечественной, так и зарубежной историографии значительно возрос, о чем свидетельствует появление целого ряда серьезных публикаций на эту тему¹. В данной работе на основании анализа архивных материалов приводится национальная принадлежность военнопленных Великой армии, оказавшихся на жительстве в Пензенской губернии. Следует отметить, что некоторые из них оставили воспоминания о времени, проведенном в плену. Мемуары военнопленных — это некий взгляд со стороны, восприятие людьми иной, западноевропейской культуры реалий провинциальной жизни в России. Мемуарные источники весьма информативны и позволяют рассмотреть многие аспекты политического, социально-экономического и культурного развития того или иного региона, в частности, Пензенской губернии. Следовательно, воспоминания военнопленных способствуют раскрытию региональной идентичности населения начала XIX в.

Согласно циркулярному предписанию Главнокомандующего в С.-Петербурге С. К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. для жительства военнопленных были определены Астраханская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и

Вятская губернии². В связи с этим важное значение для транспортировки пленных приобретали те тракты, по которым можно было попасть в указанные регионы. Два из них проходили через территорию Пензенской губернии. По Московскому тракту из Нижнего Новгорода через Арзамас — Саранск — Пензу — Петровск можно было попасть в Саратов и далее в Астрахань. По Тамбовскому тракту через Чембар — Пензу — Городище партии военнопленных следовали до Симбирска и далее по направлению на Оренбург. Таким образом, уже осенью 1812 г. Пенза стала важным транзитным центром в Поволжье, через который военнопленные проходили к месту своего постоянного проживания.

Первая партия французов, следовавшая в Саратовскую губернию, прибыла в Пензу 16 сентября 1812 г. Она состояла из 5 обер-офицеров, 153 «нижних чинов» и одного дезертира (158 человек предназначались на жительство в Саратов, а французский дезертир лейтенант Александр Парис оставлен под надзором полиции в Пензе)³. Вскоре транспорты военнопленных, шедшие по дорогам Пензенской губернии, стали чуть ли не обыденным явлением. Известный мемуарист I половины XIX в. Ф. Ф. Вигель, бывший в то время в Пензе, отмечал, что в октябре «в великом множестве начали, как говорил народ, пригонять пленных» и «поворотиться» в городе «было трудно»⁴.

Конвоирование было приостановлено из-за распространившихся болезней предписанием от 24 декабря 1812 г., а циркуляром от 28 января 1813 г. подтверждено, чтобы «все пленные без изъятия, оставлены были там, где повеление их достигнет, и отнюдь далее не были отправлены, впредь до особого распоряжения»⁵. К тому времени, по рапорту пензенского гражданского губернатора князя Г. С. Голицына, в Пензе были оставлены по болезни 2 лекаря и 1 обер-офицер⁶, а также находился под надзором полиции французский дезертир лейтенант Александр Парис. До остановки движения военнопленных в начале 1813 г. через Пензенскую губернию в различных партиях в общей сложности прошли 1 генерал (барон Корсен), 62 штаб и обер-офицера и 2 368 «нижних чинов»⁷.

Движение конвоев возобновилось лишь весной 1813 г., когда пленные наполеоновской армии стали перемещаться из западных губерний Российской империи во внутренние области для постоянного размещения. С июня 1813 по январь 1814 г. в Пензенскую губернию прибыли шесть конвоев общей численностью 644 человека.

Таким образом, в Пензенской губернии находились на жительстве в общей сложности 648 военнопленных армии Наполеона. Среди них было 14 штаб-, 170 обер-офицеров и приравненных к ним чиновников, 450 «нижних чинов». Кроме того, с пленными находились 12 женщин (солдатские жены) и 2 ребенка. Военнопленные были размещены не только в Пензе, но

и в уездных городах — Краснослободске, Саранске, Мокшане, Городище, Чембаре и Керенске⁸.

Среди размещенных на жительство в Пензенской губернии военнопленных были 9 строевых штаб-офицеров. Это шеф батальона 1-го полка вольтижер 2-й гвардейской пехотной дивизии императорской гвардии, полковник и кавалер Жан Пион (Pion), майор и кавалер вюртембергского 1-го егерского батальона Короля Теодор де Вундт (de Wundt), шеф батальона 21-го полка линейной пехоты Марк Ла Трезорье (Latrisoriere), майор баварского 2-го Кронпринца линейного полка Йозеф Обермайор (Obermaior), шеф батальона вюртембергского 2-го герцога Вильгельма линейного полка Валентин Шпет (Speeth), шеф батальона баденского 2-го пехотного полка Андрэ фон Ламмер (von Lammer), шефы батальонов 5-го полка тиральер 1-й дивизии Молодой гвардии, капитаны Луи Эмон (Emond) и Луи Кутло (Coutelot) и шеф батальона, командир баденской пешей артиллерии Людвиг Фишер (Fischer).

Среди военнопленных непререкаемым авторитетом пользовался шеф батальона 1-го полка вольтижер гвардии, шевалье Империи (chevalier d'empere, lieutenant colonel an 1. Regiment de voltiguere de la Garde 2. Division) Жан Пион. В 1807 — 1811 г. он являлся капитаном фузелеров-егерей. 10 июня 1807 г. был ранен в сражении при Гейльзберге (bataille d'Heilsberg), 2 мая 1808 г. — во время мятежа в Мадриде (insurrection de Madrid), 22 мая 1809 г. — в сражении при Эслинге (bataille d'Essling) и 25 мая 1811 г. — в деле при Салинасе (affaire de Salinas)⁹. Известно, что Жан Пион отличился в сражении под Красным 3 — 5 ноября 1812 г., когда почти весь 1-й полк вольтижер гвардии, прикрывая отход частей Великой армии из Смоленска, был смят атаками русских кирасир, рассеян картечью русской артиллерии и полег под штыками русской пехоты. Очевидно, именно о нем упоминал командир 2-й дивизии Молодой гвардии Ф. Роге, когда говорил, что спастись в этом бою удалось «лишь 30 солдатам и 11 офицерам, среди которых находились командир Пиу [Пион. — С. Б.] и капитан Люкотт, все были ранены»¹⁰.

В воспоминаниях Ф. Ф. Вигель дает ему краткую, но емкую характеристику: «Особенно примечателен был пленный полковник Пион, который молодым солдатом, с молодым генералом Бонапарте, воевал еще в Египте, был им замечен, отличен, всегда лично ему известен и находился потом во всех с ним кампаниях. Другие пленные также говорили о Наполеоне с восхищением, но в этом преданность доходила до изуверства, и я увидел, как человек из другого человека может сотворить себе Бога»¹¹.

Военнопленные, оказавшиеся в Пензенской губернии, являлись представителями различных национальностей. По именным спискам, которые подавались на имя пензенского гражданского губернатора, выявлено, что среди пленных было 398 французов, 45 кроатов, 42 итальянца, 38 баденцев, 26 вюртембергцев, по 25 вестфальцев и голландцев, 19 баварцев, 9

швейцарцев, 6 далматов, 5 бергцев, 3 крайнца, франкфуртец, гессенец, истриянец и триестец. Национальную принадлежность еще троих установить не удалось (табл.).

Однако эти подсчеты нельзя признать окончательными, так как в ведомостях могла быть показана не национальность военнопленного, а его место службы. Согласно циркулярному предписанию от 16 января 1813 г. требовалось, «чтобы пленные различаемы были не по нациям народным, а по нациям войск». Так, «итальянец, служивший во французских войсках, должен быть показан в линейке французов, а не итальянцев»¹². О возникавшей путанице при определении национальной принадлежности военнопленных упоминал в воспоминаниях обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Х.-Л. фон Йелин (von Jelin), определенный в 1813 г. на жительство в Саранск. Он писал, что конвойные офицеры отмечали его «то баварцем, то вюртембергцем и, наконец, офицером 4-го баденского гусарского полка»¹³.

Таблица

**Национальная принадлежность французских военнопленных
в Пензенской губернии, чел.**

Нация	Состав						
	Строевые			Нестроевые			Женщины и дети
	Ш.-О.	О.-О.	Н. Ч.	Ш.-О.	О.-О.	Н. Ч.	
Французы	4	68	292	1	19	4	9
Итальянцы	—	7	28	—	3	—	5
Голландцы	—	2	23	—	—	—	—
Вюртембергцы	2	10	11	—	3	—	—
Вестфальцы	—	13	10	—	2	—	—
Баденцы	2	18	12	3	3	—	—
Баварцы	1	8	7	1	—	2	—
Франкфурты	—	1	—	—	—	—	—
Гессенцы	—	1	—	—	—	—	—
Бергцы	—	4	—	—	1	—	—
Швейцарцы	—	3	6	—	—	—	—
Кроаты	—	2	43	—	—	—	—
Далматы	—	—	6	—	—	—	—
Истриянцы	—	—	1	—	—	—	—
Триестцы	—	—	1	—	—	—	—
Крайнцы	—	—	3	—	—	—	—
Неизвестно	—	—	3	—	—	—	—

Примечание: Ш.-О. — штаб-офицеры, О.-О. — обер-офицеры, Н. Ч. — нижние чины
Составлена по: ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419, 424, 425, 426, 440, 455, 458, 459, 462, 465, 509.

В делах Государственного архива Пензенской области сохранился перечень военнопленных обер-офицеров (список из 15 человек), у которых по проведенному личному опросу национальность оказалась иной, чем была

указана в «партионной ведомости». Так, капитаны Людвиг Ландсберг (Landsberg) и Фридрих Вайсхунд (Weishund), премьер-лейтенант Фердинанд фон Гильза (fon Gilsa) и провиантский комиссар Иоганн Шютц (Schütz) по присланным спискам значившиеся вестфальцами, оказались гессенцами. Капитан Генрих Фоглер (Vogler), также значившийся вестфальцем, был уроженцем Эрфуртского княжества. Капитан вестфальского 7-го линейного полка Фридрих Гофман (Hoffman) и лейтенант вестфальского 8-го линейного полка Альберт фон Круземарк (fon Krusemark) оказались пруссаками¹⁴. На этом основании А. фон Круземарк даже подал прошение о зачислении его в Российско-Германский легион. В нем среди прочего он отмечал: «Я уроженец прусской и служил шесть лет в службе Его Величества Короля Прусского в Ост-Прусском 4-й линии полку в ранге офицера. Но как мое имение находилось в Вестфалии, потому я и принужден был оставить прусскую службу и вступить в вестфальскую. Между тем, как мои родственники до самой сей минуты находятся в службе Короля Прусского. Почему ...покорнейше прошу подать мне средство вступить в немецкий легион, который формируется в Риге под командой герцога Брауншвейг-Ельсского. Мне невозможно, как патриоту Германии, далее оставаться в бездействии, когда мое любезное Отечество сражается, чтобы сбросить с себя тиранское иго, от которого вся почти Европа страдает»¹⁵. 22 декабря 1813 г. вместе с капитаном Ф. Гофманом по получении средств от Краснослободского уездного казначейства он был направлен в Ригу¹⁶. О фон Круземарке упоминал в воспоминаниях унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка С. Э. Рюппель, который познакомился с ним на обратном пути домой в Орле: «Последний [А. фон Круземарк.— С. Б.] был авантюрист, но очень приятный компаньон: в греческой освободительной борьбе при Арте [16 июля 1822 г.— С. Б.] он был схвачен турками, которые отрезали ему голову и прибили к воротам крепости»¹⁷.

Су-лейтенант Антоний Разинский (Razinsqui), числившийся по присланным спискам французом, оказался уроженцем герцогства Варшавского. В связи с этим 23 декабря 1813 г. и был отправлен в Георгиевск к генералу Портнягину¹⁸. Фамилии рядовых 1-го шеволежерско-уланского (польского) полка Гвардейской кавалерийской дивизии Прокопа Холстовского и Мартина Вольского также, без всякого сомнения, указывают на их польское происхождение. Поляками — были рядовые 20-го батальона транспортного обоза Франсуа Новосильский и Норберт Василевский, хотя в партионных списках они значатся французами¹⁹.

Удивительной оказалась судьба вахмистра 11-го (голландского) гусарского полка (marechal de logis an 11. Reg^t hussard) Луи Жерсе (Louis Jerse). В 1814 г. он изъявил желание принять российское подданство и остаться в России, определившись в Саратовскую губернию в приказные. При приве-

дении к присяге Луи Жерсе показал о себе, что его настоящая фамилия Чернсей. Он являлся подданным Английского королевства, уроженцем города Лондона, выходцем из мещанского сословия лютеранского исповедания, 27 лет от роду. «Находился на английских транспортных судах, не имел на себе военного звания, и за три года пред сим попался в плен к французам при французском порте Аляхошель [Ла-Рошель. — С. Б.]. Находясь в плену 18 месяцев тамошним правительством принужденно взят в службу и находился в голландских войсках и гусарском полку один год старшим унтер-офицером; и на ретираде французских войск из России в прошлом 1812 году при городе Орше ноября 21-го дня взят в плен». Чернсей (Жерсе) был холост. В Лондоне у него оставались отец и близкие родственники. Он говорил на родном языке, а также по-французски и по-немецки. Знал голландский, испанский, итальянский, шведский и датский языки. Кроме того, владел живописным мастерством²⁰.

Таким образом, сведения, которые содержались в перечнях военнопленных, нельзя признать окончательными, так как в ведомостях могла быть показана не национальность военнопленного, а его место службы. Особенно путаница возникала при определении национальности военнопленных различных немецких государств. Вместе с тем проведенный анализ национальной принадлежности военнопленных в Пензенской губернии доказывает многонациональный состав армии Наполеона.

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Бессонов В. А.** Численность военнопленных 1812 года в России // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы X Всерос. науч. конф. (Бородино, 3 — 5 сентября 2001 г.). М., 2002. С. 18 — 38 ; **Бессонов В. А., Тотфалушин В. П.** Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года : материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002. С. 163 — 176 ; **Миловидов Б. П.** Военнопленные Великой армии в Тамбовской губернии в 1812 — 1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция. События. Люди. Памятники : материалы XII Всерос. науч. конф. Малоярославец, 2004. С. 176 — 191 ; **Белоусов С. В.** Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии // «Моя малая Родина» : материалы междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2005. Вып. 2. С. 201 — 215 ; **Его же.** Военнопленные армии Наполеона в Поволжье: размещение, содержание, взаимоотношения с местным населением // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Самара, 2006. № 1. С. 48 — 55 ; **Хомченко С. Н.** Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812 — 1814 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 22 с. ; **Тотфалушин В. П.** Повседневная жизнь пленных Великой армии (по материалам Саратовской губернии) // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Бородино, 5 — 7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 319 — 336 ; **Миловидов Б. П.** Из провинции в столицу: помощь выходцев из Европы военнопленным Великой армии в России, 1812 — 1814 гг. // Отечественная

война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXI Междунар. науч. конф. (Бородино, 4 — 6 сентября 2017 г.). М., 2018. С. 291 — 298 ; **Его же**. Военно-полненные наполеоновской армии в саратовских колониях в 1813 — 1820 гг.: новые материалы // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXII Междунар. науч. конф. (Бородино, 3 — 5 сентября 2018 г.). Бородино, 2019. С. 14 — 71 ; **Хомченко С. Н.** Симбирская губерния в 1812 — 1814 гг. в мемуарах военнопленных Великой армии // Центр и периферия. 2022. № 2. С. 9 — 15.

² Государственный архив Пензенской области (далее: ГА ПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 4 — 4 об.

³ ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 440. Л. 254 об. ; Д. 508. Л. 4.

⁴ **Вигель Ф. Ф.** Записки : в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 667.

⁵ ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 18, 20.

⁶ Там же. Л. 22 — 23 об.

⁷ **Белоусов С. В.** Движение конвоев военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812 — 1814 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №1 (33). С. 15, 18.

⁸ См.: **Белоусов С. В.** К вопросу определения численности военнопленных армии Наполеона в Пензенской губернии // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Арзамас, 2004. С. 165 — 173.

⁹ См.: **Martinien A.** Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire (1805 — 1815). P., 1899. P. 81 — 82.

¹⁰ Французы в России. М., 1912. Ч. 3. С. 64 — 65, 70 — 71.

¹¹ **Вигель Ф. Ф.** Записки : в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 714.

¹² ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 465. 20 об.

¹³ **Фон Иелли.** Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. С. 75.

¹⁴ ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463. Л. 58.

¹⁵ Там же. Д. 461. Л. 76

¹⁶ См.: **Белоусов С. В.** Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза, 2012. С. 214 — 215.

¹⁷ **Рюппель С. Э.** Военнопленный в сердце России // Саксонский кирасир, вестфальский гусар, баварский шеволежер: воспоминания немецких кавалеристов о войне 1812 года и плене в России. СПб., 2020. С. 176.

¹⁸ ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463. Л. 58 ; **Белоусов С. В.** Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза, 2012. С. 215.

¹⁹ ГА ПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 511. Л. 144 — 146 об.

²⁰ Там же. Д. 573. Л. 4, 29 об. — 30 ; Ф. 6. Оп. 1. Д. 413 ; **Белоусов С. В.** Судьба «маленького человека» в эпоху Отечественной войны 1812 года: к вопросу использования архивных документов в микроисторических исследованиях // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 1 (33). С. 179 — 180.

УДК 94(47).084

Бибин М. А.
(г. Саранск)

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

В статье рассматривается деятельность депутатов IV Государственной думы по решению аграрного вопроса.

Ключевые слова: Государственная дума, аграрный вопрос, законопроект, обеспечение земель.

Кроме рабочего движения правящие круги и буржуазную общественность сильно тревожило революционное брожение в армии и деревне. Осенью 1915 г. министр внутренних дел царского правительства А. Н. Хвостов говорил, что настроение деревни напоминает 1905 — 1906 гг.¹ На совещании губернаторов 15 центральных губерний (май 1916 г.) отмечалось, что в армии «наблюдается серьезное брожение, отражающееся через письма, а также через прибывающих раненных и больных в деревне. Пропаганда ведется на наиболее чувствительных сторонах вожделиний крестьянина — надежде на бесплатную земельную подачку. Аграрный вопрос грозит большими осложнениями тотчас после окончания войны»².

23 февраля 1915 г. министр земледелия А. В. Кривошеин вошел в Совет министров с представлением об обеспечении земель особо отличившихся солдат по окончании войны. Для этой цели он проектировал образовать земельный фонд, в который должны были войти земли, принадлежащие Крестьянскому банку, а также земли, которые в связи с законом 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения могли поступить в распоряжение правительства³. Однако данный проект не получил осуществления из-за опасения, что он может совершенно неожиданно для правительства послужить революционным целям. В департамент полиции поступили агентурные сведения о том, что слухи о наделении земель отличившихся участников войны проникли в армию и вызвали там «толки о каком-то, будто бы уже опубликованном высочайшем указе, заключающем в себе самые широкие обещания в смысле предстоящего обеспечения солдат — героев землей»⁴. По-видимому, на правительство произвели известное впечатление те предостерегающие голоса из рядов буржуазной общественности, которая усматривала в проекте Кривошеина рискованную демагогию⁵.

Тем временем консервативные депутаты Государственной думы, чтобы отвлечь внимание крестьян от помещичьей земли, выдвинули проект о награждении земель немецких колонистов наиболее отличившихся ветеранов войны. 28 июля 1915 г. за подписью 37 правых членов Думы посту-

пило заявление об образовании комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни. Выступивший в поддержку этого заявления А. Н. Хвостов демагогически жаловался на захват немецкими колонистами земель у русского народа, в то время как крестьяне переселялись за Урал, в Сибирь, в тайгу.

Возражая Хвостову, лидер кадетов П. Н. Миллюков обратил внимание на особую опасность черносотенной демагогии в вопросе о колонистах, ибо «это игра на желаний крестьян иметь землю». При этом Миллюков подчеркивал, что правые в данном случае жестоко ошибаются: «Колонистских земель мало, и тот, кто начинает с колонистских земель, непременно кончит помещичьими землями»⁶.

Таким образом, Миллюков в качестве главного довода против ликвидации немецкого землевладения выдвинул опасность колебания принципа «священного права собственности» в глазах крестьян.

21 августа 1915 г. за подписью 74 членов Думы поступило законодательное предположение о ликвидации немецкого землевладения, которое и было передано на заключение по вопросу о желательности в комиссию «О мероприятиях по борьбе с немецким засильем». Последняя приступила к рассмотрению правил 2 февраля и разработала ряд положений законопроекта, но 3 сентября Дума была распущена, а комиссия перестала действовать.

После возобновления думской сессии 10 февраля 1916 г. С. В. Левашев от имени правых предложил в первую очередь поставить на обсуждение «законопроект о ликвидации немецкого засилья, образовав из отчуждаемых колонистских земель фонд, из которого наиболее отличившиеся на войне защитники Родины могли бы приобрести на льготных условиях хотя бы небольшие участки земли»⁷. Напротив, либеральные фракции видели в предложении правых рискованный эксперимент, который только разожжет вождения крестьян в отношении помещичьих земель⁸.

На заседании Думы 14 июня один из лидеров правых Г. Г. Замысловский предложил поставить на повестку следующего заседания доклад комиссии по борьбе с немецким засильем по законопроектам о ликвидации немецкого землевладения, но октябрист Д. П. Капнист, обозвав заявление правых жестом «доброй воли», заявил, что решать такой важный вопрос в последние дни занятий Думы нецелесообразно. При поименном голосовании за предложение правых было подано 115 голосов, против — 86 и 16 воздержались от голосования⁹. Однако до конца четвертой сессии (20 июня) законопроект в общем собрании Думы не был рассмотрен.

В отличие от черносотенцев, кадеты, октябристы и прогрессисты считывали внести успокоение в деревне при помощи уравниния крестьян с другими сословиями. С этой целью они предложили законопроекты о во-

лостном земском управлении и об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий.

При обсуждении законопроекта в комиссии по местному самоуправлению правые находили преждевременным вообще введение волостного земства, так как «народ еще не созрел, чтобы управляться самому». Представитель министерства внутренних дел заявил, что правительство считает возможным предоставить волостному земству только хозяйственные функции¹⁰.

Рассмотрение законопроекта выявило разногласия внутри либеральных фракций Государственной думы. Кадеты и прогрессисты высказались против включения в состав судебно-административного присутствия, которому принадлежало право утверждения исполнительных органов волостного земского управления и контроль за его деятельностью, на правах члена, земского начальника. Однако докладчик октябрист В. И. Стемпковский полагал, что земский начальник по знанию местных условий окажется полезным работником этого присутствия. Кадеты предложили также исключить из законопроекта примечание к ст. 10 о том, что евреи не имеют права участия в волостном земстве и не пользуются избирательным правом, так как указанное примечание «содействует возбуждению племенной розни». Однако Стемпковский считал, что в отношении местностей в пределах черты оседлости евреев лишение их права участия в волостном земстве имеет существенное значение. Комиссия приняла примечание к ст. 10 без изменений¹¹.

Второй законопроект — о крестьянском равноправии — был внесен правительством еще в 1907 г. в замену меры 5 октября 1906 г., проведенный П. А. Столыпиным в порядке ст. 87 Основных законов. Избранный судебной комиссией докладчиком кадет В. А. Маклаков превозносил указ 5 октября, назвав его «правовой революцией в жизни крестьянства». Постановка на повестку Думы законопроекта, воспроизводящего с незначительными изменениями действующий указ 5 октября, была только жестом, рассчитанным на сеяние конституционных иллюзий в народе. Неудивительно, что заместитель министра внутренних дел граф А. А. Бобринский заявил, что «те изменения, те исправления, которые внесены в законопроект судебной комиссии, встречают со стороны правительства, в общем, полное сочувствие»¹².

За исключением крупных кулаков, крестьянские депутаты, в том числе и сидевшие на правых скамьях, не скрывали разочарования и недовольства по поводу законопроекта судебной комиссии. В выступлениях они указывали, что крестьяне не удовлетворятся отменой второстепенных ограничений, а требуют полного и действительного уравнивания их в правах с другими условиями. Вместе с тем депутаты-крестьяне заявляли, что они не мыслят себе подлинного равноправия без широкой земельной реформы¹³.

Прения в Государственной думе по крестьянскому вопросу порядком нервировали правящий режим. В записке Николаю II от 7 июня 1916 г. Председатель Совета министров Б. В. Штюрмер писал: «Гос. Дума... внесла в свои суждения едва ли допустимую страстность, временами переходящую в резкие призывы крестьянских масс против дворянства, как высшего в государстве сословия... Определившаяся в последних заседаниях Гос. Думы склонность к намеренному подчеркиванию розни между интересами дворянства и крестьянства способна породить весьма тяжелые последствия»¹⁴.

Штюрмер вошел в переговоры с Председателем IV Государственной думы с октябристом и крупным помещиком из Екатеринославской губернии М. В. Родзянко о необходимости принять меры, чтобы «думские эксцессы были остановлены в самом начале»¹⁵. Последний не оспаривал справедливости доводов Штюрмера. Родзянко при встрече с Штюрмером намекнул, что правительство облегчило бы положение думского большинства, если бы ускорили роспуск Думы на летние каникулы¹⁶.

Члены Государственной Думы понимали, что одобренный ими законопроект вряд ли может удовлетворить крестьян. Чтобы сгладить до известной степени неблагоприятное впечатление от думского проекта, правый, активный участник дворянских съездов В. Н. Снежков предложил сопроводить его призывом к примирению. Он внес формулу с выражением твердой уверенности, что после окончания войны «равноправные сословия империи объединятся на счастье и процветание всей земли русской»¹⁷. К этой формуле присоединились все фракции Думы, кроме крестьянских депутатов.

Таким образом, ни один пункт программы по крестьянскому вопросу не был воплощен в форму законопроектов.

Библиографические ссылки

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 2844. Л. 5.

² Красный архив. 1929. № 2 (33). С. 164.

³ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 764. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 172.

⁵ Там же. Л. 173.

⁶ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Петроград, 1915. Стб. 503, 504.

⁷ Там же. Стб. 1269.

⁸ Там же. Стб. 5569.

⁹ Там же. Стб. 5580.

¹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 240.

¹¹ Там же. Л. 249.

¹² Государственная Дума... Стб. 4717, 4731.

¹³ Там же. Стб. 4992, 5003, 5179.

¹⁴ Монархия перед крушением. 1914 — 1917. Бумаги Николая II. М. ; Л., 1927. С. 123, 124.

¹⁵ См.: Переписка Николая II и Александры Романовых. Л., 1926. Т. IV. С. 337.

¹⁶ Там же. С. 338.

¹⁷ Государственная Дума... Стб. 5690, 5694.

УДК 94(47)«18/19»

Гусева Т. М.

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ МОРДОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассмотрен сословный состав населения уездных городов мордовского края. Основное внимание уделено мещанскому сословию, показана его численность, состояния из которых оно складывалось, мобильность, источники пополнения, изменение правового положения.

Ключевые слова: уездные города, городские сословия, мещане.

Модернизационные процессы второй половины XIX в. привели к увеличению городского населения и к существенным изменениям в социальной структуре уездных городов мордовского края. Значительную часть среди городского населения составляли мещане. Слово «мещанство» стало нарицательным еще в XIX в. из-за отношения к нему русской интеллигенции, которая считала, что мещанство убивает духовность человека, стремление развиваться и идти дальше в своем духовном развитии, затягивает пошлостью и повседневностью. В действительности исторические судьбы мещанства и его роль в обществе сильно отличаются от устоявшихся представлений об этом.

Тема мещанства впервые стала предметом исследования в работе Р. В. Иванова-Разумника¹. В советский период основное внимание историков было привлечено не к сословной, а классовой структуре общества, поэтому история мещанства достаточно долго не находила отражения в исследованиях. На рубеже 70 — 80-х гг. XX в. интерес к мещанству проявили В. А. Бачинин² и А. И. Новиков³, которые рассматривали мещан с позиции коммунистической морали. Необходимо подчеркнуть, что тема не пользовалась большой популярностью у наших историков, социологов, культурологов и недостаточно изучалась в отечественной историографии и, соответственно, работ, рассматривающих данную проблематику, не много. В качестве

основных можно назвать исследования П. Г. Рынзюнского⁴ и Б. Н. Миронова⁵. В конце XX — начале XXI в. интерес к сословной истории и в частности к мещанской значительно возрос⁶. Историки обратили внимание на эволюцию правового статуса сословий, в том числе мещанства, социально-сословную структуру российского общества. Серьезным исследованием, посвященным русскому городу XIX в., является исследование Л. В. Кошмана⁷. В работе большое внимание уделено истории мещанства, образовательный и профессиональный уровень которого был важной основой модернизации общества. В региональной истории тема мещанства не являлась предметом специального исследования, но без изучения мещанского сословия невозможно представить картину пореформенного развития мордовского края.

В настоящей статье рассмотрим основные вопросы в изучении мещанского сословия уездных городов: какова была их численность, какие состояния составляли мещанское сословие, насколько мобильным было данное сословие, и за счет каких состояний оно пополнялось, кто и как управлял мещанами, как менялось правовое положение мещан во времени?

Накануне проведения городской реформы 1870 года в каждом городе была создана комиссия, в обязанности которой входило предоставление соображений о преобразовании городского общественного управления в городах. Комиссия об улучшении общественного управления в г. Саранске Пензенской губернии, работавшая в городе в 1862 г., перечислила все состояния, приписанные к нему. Данный документ наглядно демонстрирует, какие сословия проживали в границах одного города. «По 10 ревизии в городе проживали: купцов м. п. 323 души, ж. п. 332; мещан м. п. 1 703, ж. п. 2 050; цехового м. п. 367, ж. п. 401. Домов и других недвижимых имуществ принадлежат 46 священно-церковно-служителям, в семействах которых считается м. п. 91 и ж. п. 112 душ; 31 — потомственным дворянам, в которых проживает м. п. 34 и ж. п. 62 души; 29 — личным дворянам, которых м. п. 49 и ж. п. 83 души; 6 — почетным гражданам, которых м. п. 17, ж. п. 18 душ; 81 — купцам, 447 — мещанам, 57 цехам, 713 государственным крестьянам, 134 разночинцам. Это: нижние чины, иногородние государственные крестьяне и временно-обязанные крестьяне и дворовые люди. В семействах нижних чинов считается м. п. 112, ж. п. 127 душ, иногородних государственных крестьян 5 м и 8 ж. п.; временно-обязанных и дворовых людей 23 м. и 31 ж. п.»⁸. Приведенный документ показывает, что в уездном городе проживали представители различных сословий. Лица дворянского или духовного звания, крестьяне могли иметь в городе собственность, нести различные повинности в пользу города, но, несмотря на это, они не пользовались правом участия в городском управлении.

В ст. 502 общей части свода «Законов о состояниях» отмечалось, что «под именем городских обывателей вообще разумеется: 1) все те, кои в го-

роде или старожилы, или родились или поселились; 2) лица, имеющие в городе дома или иное строение, или место, или землю; 3) записанные в гильдии или цехи; 4) те, которые отправляли службу городскую или записанные в оклад»⁹. Таким образом, в соответствии с этим положением «городским обывателем вообще» мог стать представитель любого сословия, имевший собственность в городе. В то же время в состав «городских обывателей в особенности», собственно к городскому гражданству, причислялись: «1) почетные граждане; 2) гильдейское купечество, местное и иногороднее; 3) мещане и посадские; 4) ремесленники или цеховые; 5) рабочие люди»¹⁰. К последним относились приписываемые к городам, «дурного поведения» заграничные выходцы, питомцы воспитательных домов, незаконнорожденные и некоторые другие категории городского населения, которых мещанское общество «за пороки их и за неисправный платеж податей... иметь у себя не пожелает»¹¹. Численность этой категории горожан была невелика, поэтому во второй половине XIX в. государственная статистика их в городах отдельно не учитывала.

Саранское городское общество состояло из жителей, причисленных к нему по праву состояния или по праву принадлежащей им в городе недвижимой собственности. По праву состояния к обществу были причислены городские жители, с которых собирались казенные подати и которые несли другие городские повинности, причислившись на основании закона к среднему или собственно городскому сословию.

По праву собственности к обществу относились те владельцы недвижимых имений в черте города, которые не принадлежали ни к городскому, ни к другим податным сословиям и которые несли разные городские повинности вследствие владимой ими в городе собственности. Лица, входящие на этом основании в состав городского общества как постоянно, так и по собственности, разделялись для удобного определения их прав в обществе и сопряженных с ними повинностей на четыре сословия. Если проживающие в городе государственные крестьяне будут причислены к городу как по праву владимой ими здесь недвижимой собственности, то саранское городское общество составит из пяти сословий: а) потомственные и личные дворяне и почетные граждане, владеющие в Саранске недвижимой собственностью; б) местные купцы всех трех гильдий; в) мещане; г) цехи¹². Лица первого сословия, причисленные к обществу только по праву собственности, назывались владельческими, а последние три, пользующиеся исключительно правами промысла или торга, назывались промышленными или торговыми¹³.

На территории современной Мордовии к 1897 г. проживало 30 408 чел. мещан, что составляло 2,95 % всего наличного населения¹⁴. Наибольший удельный вес мещане составляли в Темниковском (7,4 %) и Саранском (3,8 %) уездах. Наименьшая их доля была в Наровчатском (4,4 %) и Крас-

нослободском (1,6 %) уездах. По удельному весу мещанского населения Мордовия стояла ниже всех губерний, из уездов которых она составлялась: если в мордовском крае мещане составляли 2,9 % наличного населения, то в Пензенской губернии — 4,0 %, Симбирской — 4,2, Тамбовской — 4,3 и Нижегородской губернии — 4,5 %¹⁵.

По переписи 1897 года всего наличного городского населения в мордовском крае было 63 558 чел., из которых 30 408 чел., или 47,8 %, являлись мещанами. В России на то время насчитывалось 7 449,3 тыс. мещан, или 44,3 % городского населения¹⁶, т. е. в мордовском крае процент мещан среди городского населения был даже выше, чем по стране в целом.

Основную часть мещанского сословия в уездных городах составляли ремесленники. В законодательстве отмечалось: «В местах, где существует цеховое учреждение или упрощенное ремесленное управление, в цех, или же в ремесленное общество, должен быть записан всякий желающий производить в том месте ремесло или рукоделие»¹⁷. Перепись 1897 года ремесленников как особую категорию городского населения уже не выделяла, учитывая их в составе мещан. В 1897 г. в Саранске числилось 2 771 ремесленник, Инсаре — 3 367, Наровчате — 894, Краснослободске — 1 727, заштатных городах Троицке — 101 и Шишкееве — 160 ремесленников¹⁸. Основная их часть была занята обслуживанием разнообразных повседневных потребностей горожан. Даже в небольших уездных городах количество регистрирующихся ремесленных специальностей исчислялось десятками.

Важнейшим внешним источником пополнения мещанского сословия в пореформенную эпоху оставалась деревня. Крестьяне, переселившиеся в города и прекратившие при взаимном согласии отношения со своей общинной организацией, имели право перейти в городское состояние, получив на это согласие соответствующего мещанского общества. Симбирский губернатор в 1870 г. писал, что главная причина и цель стремления крестьян приписаться в сызранские мещане есть надежда заняться с выгодой разными работами, промыслами и торговлей¹⁹. К мещанам также приписывались по достижению совершеннолетнего возраста питомцы воспитательных и сиротских домов, незаконнорожденные дети, дети певчих, звонарей, церковных сторожей, канцелярских служителей и некоторые другие категории населения. При вступлении в мещанское сословие они должны были получить согласие мещанской управы или старосты, внести определенную плату и представить рекомендации шести «благонадежных» граждан-домохозяев²⁰. Разрешался и выход из мещанского сословия. Для перехода в купечество мещанин должен был взять на свое имя купеческое свидетельство и уплатить все повинности по прежнему сословию. Мог мещанин перейти и в состав крестьянства. При этом вся его собственность в городе, как и мещанский статус детей и родственников, сохранялся.

Как разбогатевшие мещане могли свободно перейти в гильдейское купечество, так и разорившиеся купцы могли попасть в мещанство. Сословие мещан пополнялось и за счет частновладельческих крестьян, выкупившихся или отпущенных помещиками на волю. Государственным крестьянам переход разрешался Сенатом. Остальным крестьянам до отмены крепостного права в 1861 г. был запрещен переход в мещане.

Мещанство многое унаследовало от своей подосновы, крестьянской общины: взаимопомощь, оказание взаимных неоплачиваемых услуг в рамках «сохозяйствования» субъектов, приверженность традиционной культуре, патриархальные порядки в семье, ожидание опеки со стороны государства²¹. Все это делало их в большей степени городским «крестьянством», чем буржуазным слоем; в его «моральной» экономике не было предпринимательских практик.

С разрешения губернатора мещанские общества городов, где было введено городовое положение, учреждали для заведования делами общества мещанские управы; состав последних законом не определялся. Обязанности мещанских старост или управ заключались в попечении о всех сословных делах, ведении списка мещан, выдаче видов на жительство, раскладке, с общественного согласия, и сборе всех платежей, лежащих на сословии. Общественные сборы на удовлетворение частных нужд мещанского общества вводились лишь на основании общественных приговоров.

В обязанности всего городского общества входили следующие повинности: «Отвод помещений для воинской надобности; содержание в исправности дорог, мостов и перевозов на реках, в местностях, находящихся в черте города». К предметам, касающимся каждого городского сословия, в частности относились: «внутреннее устройство сословия, прием и увольнение членов сословия; составление ревизских сказок и назначение должностных лиц для заведывания сословными делами; хозяйство сословия — распоряжение принадлежащих сословию имуществами и капиталами, сборы и расходование сумм на надобности сословия; благосостояние сословия — меры к обеспечению членов сословия в несчастных случаях, вспомоществование бедным членам сословия, учреждение благотворительных заведений и прочие исправительные меры против порочных членов сословия, исполнение возложенных на сословие казенных денежных и натуральных повинностей, подушные подати, рекрутство и пр.»²².

В пореформенный период мещанство, будучи лично свободным сословием, не имело права беспрепятственного передвижения.

Часто жители городов не могли найти для себя занятие в городе, поэтому уезжали в поисках лучшей жизни. Так, в Саранске «из мещан и цеховых третья часть и многие из государственных крестьян отлучаются в другие губернии и города. Выданных в 1861 г. письменных видов было купеческих

паспортов 54, мещанам паспортов 380 и билетов 52 и государственным крестьянам паспортов и билетов выдано 642»²³. Переезд на новое жительство всегда сопровождался необходимостью получения для этого разрешения. Законодательные постановления запрещали отлучаться из города без вида (т. е. паспорта), который выдавался ему не более чем на год, с возможностью дальнейшего продления.

Выдача, особенно высылка по почте, мещанских паспортов являлась хорошей статьей дохода для секретаря городской думы, который этим занимался. Многие мещане, проживая в других городах российской империи, обзаводились семьями, домами, хуторами, занимались разными промыслами и торговлей, но по-прежнему они и их дети числились мещанами того города, из которого давно уехали. Такие мещане обязаны были ежегодно к 1 января уплачивать «подати» в пользу мещанского общества и «выправлять» паспорта, без которых им нельзя было проживать вне города, к которому они были приписаны.

«И вот с половины ноября на имя „секретаря“ думы — реже на имя городского головы начинали поступать денежные пакеты со вложенными десяти — пятнадцати рублей. Кроме денег в пакете заключался старый паспорт и письмо, в котором какой-нибудь мещанин Иван Сидорин „слезно“ просил отца и благодетеля Алексея Алексеевича поскорее выслать новый паспорт. „Следующие с меня податя и на пересылку паспорта при сем прилагаю“ — обычно заканчивал проситель свою слезницу. „Податя“ и почтовая пересылка паспорта стоили около двух рублей, — значит, от каждого высланного паспорта оставалось „детямкам на молочишко“ рублей 8 — 13, а так как паспортов ежегодно выдавалось не менее полутора тысяч, то и доход по этой „статье“ выражался в почтенной сумме — от двенадцати до двадцати тысяч рублей»²⁴.

Мещане, в отличие от привилегированных «городских сословий», не пользовались таким широким спектром прав. Как и в привилегированных сословиях горожан, женщина не имела равных прав с мужчиной, но дети мещан становились ими потомственно. Для мещан не были предусмотрены какие-либо специальные награды и звания, дополнительные права и привилегии. Однако мещане имели право перейти в другое «состояние» или вверх по сословной лестнице — в купечество, или вниз — в крестьянство.

В отличие от гильдейских купцов, мещане платили подушную подать и подлежали рекрутской повинности, были ограничены в свободе передвижения, до 1863 г. подвергались телесным наказаниям. Звание «мещанин» было наследственным.

После буржуазных реформ 1860 — 1870-х гг. мещане представляли собой мелкую буржуазию городов. Они получили широкий доступ к государственной службе с правом приобретения личного дворянства. Многие выходцы из

сословия мещан становились лицами свободных профессий. Но все же основную часть мещанского населения городов составляли ремесленники.

Разбогатевшая часть мещанского населения пополняла ряды торговой и промышленной буржуазии. Многие мещане стали обладателями земельной собственности. В 1877 г. 240 разбогатевших мещан Мордовии имели 11 222 дес. земли²⁵.

В силу ряда причин, в том числе в связи с отсутствием губернского центра и, прежде всего, относительно слабого уровня развития промышленности, которая к тому же в значительной мере размещалась в сельской местности, городское население Мордовии было незначительным. Эти же причины сказались и на низких темпах роста населения указанных городов во второй половине XIX в. В целом городское население мордовского края увеличилось с 51 186 до 63 558 чел., т. е. на 12 372 чел., или 24,2 %. В таких уездных городах, как Ардатов, Темников, произошло даже сокращение городского населения, в первом — на 7,5 %, во втором на — 12,2 %. Такая ситуация объясняется тем, что города Мордовии не имели большого промышленного значения, основным занятием городского населения по-прежнему оставалось сельское хозяйство. Абсолютное большинство городского населения (98,5 %) было русским. Миграция мордвы в города во второй половине XIX в. была незначительна. Явление это не было характерным исключительно для данного региона. На 1897 г. во всех городах Европейской России жило менее одного процента мордовского населения, при общем проценте городского населения в 12,5 %, а в губерниях Поволжья еще меньше — около 9 %²⁶.

Таким образом, категория мещан непрерывно росла, поскольку впитывала в себя, во-первых, купцов, которые разорялись или не имели достаточного капитала для возобновления купеческих прав, во-вторых, цеховых, которые разорялись или изменяли профессиональную ориентацию, в-третьих, крестьян которые мигрировали в город. В целом по России в рассматриваемый период, как уже говорилось выше, 44,3 % городского населения составляли мещане, в мордовском крае этот процент был даже выше — 47,8 %.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Иванов-Разумник Р. В.** История русской общественной мысли : Индивидуализм и мещанство в рус. лит. и жизни в XIX в. : в 2 т. СПб., 1907.

² См.: **Бачинин В. А.** Мещанство как социально-нравственная проблема. М., 1982. 64 с.

³ См.: **Новиков А. И.** Мещанство и мещане : Против мелкобуржуазной философии жизни. Л., 1983. 152 с.

⁴ См.: **Рындзюнского П. Г.** Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. 559 с.

⁵ См.: **Миронов Б. Н.** Русский город в 1740 — 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. 271 с.

⁶ См.: **Иванова Н. А., Желтова В. П.** Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М., 2004. 574 с. ; **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. 547 с.

⁷ См.: **Кошман Л. В.** Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. 447 с.

⁸ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1287. Оп 37. Д. 2169. Л. 124 об.

⁹ Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПб., 1876. Т. 9. Ст. 493.

¹⁰ Там же. Ст. 494.

¹¹ Там же. Ст. 499.

¹² РГИА. Ф. 1287. Оп 37. Д. 2169. Л. 129 об.

¹³ Там же. Л. 130 об.

¹⁴ Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (далее: НА НИИГН). И-1282. Л. 46.

¹⁵ Там же. Л. 47.

¹⁶ Там же. Л. 48.

¹⁷ Устав о промышленности : в 2 кн. СПб., 1893. Кн 2. Т. 11, ч. 2. Ст. 285.

¹⁸ НА НИИГН. И-1282. Л. 48.

¹⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 225. Л. 28 об.

²⁰ Свод законов Российской империи. Ст. 522, 524.

²¹ См.: **Аккуратов Б. С., Бухарев В. М.** От неприятия скопидомства до борьбы с «контрреволюцией быта» // Отечественная история. 2002. № 1. С. 163.

²² РГИА. Ф. 1287. Оп 37. Д. 2169. Л. 137 об.

²³ Там же. Л. 128.

²⁴ **Быстренин В. П.** Уходящее (Силуэты) // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 105.

²⁵ Государственный архив Пензенской области. Ф. 158. Оп. 3. Д. 1613. Л. 18.

²⁶ См.: Мордва : Ист. этногр. очерки. Саранск, 1981. С. 36.

УДК 947.07

А. Н. Долгих

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского (г. Липецк)*

О ПОПЫТКЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОЛЬШИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I И РЕАКЦИИ НА НЕЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИИ (На примере позиции Н. М. Карамзина)

В статье рассматриваются причины, побудившие российского императора Александра I в первой четверти XIX в. стремиться к восстановлению Польши, причем в границах XVI в., пусть и под его скипетром, а также реакция на это в России, наиболее ярким выражением которой стала позиция Н. М. Карамзина, выразившаяся в его записке 1819 г. «Мнение русского гражданина».

Ключевые слова: Речь Посполитая, Александр I, Н. М. Карамзин, восстановление Польши, общественное мнение России.

Одна из важнейших проблем, связанных с эпохой императора Александра I, заключается в невероятных начинаниях этого монарха в политике в разных сферах. Очевидно, что особенностью этого царствования, о которой в той или иной степени писали мемуаристы и историки, было наличие в его действиях крайне необычных решений, часть из которых вошла в жизнь, а другая осталась не востребованной и нереализованной. Здесь и подготовка проекта российской конституции — Государственной Уставной Грамоты, создание и последующий фактический роспуск «надконфессионального» или «экуменистического варианта христианства», или Библейского общества, начало освобождения крестьян без земли в остзейских губерниях и планы его распространения на другие западные территории империи, восстановление норм указа о праве помещиков ссылать крепостных на поселение в Сибирь в 1822 г., создание военных поселений и др., не говоря уже о опять же безответственном поведении монарха в связи с его завещанием, что привело к весьма опасному для российского самодержавия декабристскому выступлению. Многие из них в той или иной степени не соответствовали традициям, другие — уже существовавшим реалиям российского государства и общества, являлись настоящими химерами, были часто непродуманными, плохо реализовывались на практике и требовали серьезной коррекции со стороны преемников этого монарха и «приноровления» их к российским условиям. В некоторых случаях в действиях Александра I, особенно в послевоенный период, когда за ним был шлейф победителя самого Наполеона, имелось налицо прямое предательство интересов России (по А. С. Пушкину: «...и пуще царь пошел кутить...»). Здесь по праву на первое место стоит поставить прямо враждебную России и ее геополитическим интересам идею восстановления Польши¹.

Вообще говоря, внешняя политика всегда была любимой вотчиной Александра I (как и армия с ее «гатчинскими» порядками), и он не терпел вмешательства в ее дела со стороны своих сотрудников, что заметно еще со времен Негласного комитета. При этом его парадоксальные решения здесь часто не встраивались в некую разумную линию, традиционную для российской внешней политики. Отсюда, по нашему мнению, и необычные для нее назначения на руководящие посты иностранцев, мало связанных с российским обществом и дворянством и служащих лишь ему лично — министров И. А. Каподистрии, К. В. Нессельроде, особенно А. Чарторыйского и др. Не зря позднее об этом будет писать Ф. Энгельс, а ему впоследствии отвечать И. В. Сталин².

Возможно также, что это было связано с желанием не выпускать из своих рук это понятное ему дело (все же это не экономика, не финансы империи). Наша точка зрения на дипломатические дарования Александра I далека от эйфорической. Конечно, он учился дипломатии в процессе деятельности, и особенно это стало заметным в эпоху Заграничного похода и Венского конгресса (здесь налицо значительная его роль в сплачивании антинаполеоновской коалиции и победе). Беда только, что император часто руководствовался не прагматическими геополитическими интересами России, а некими «маниловскими» сентиментальными и абстрактными идеями и идеалами, среди которых была мечта о восстановлении Польского государства (польские историки М. Тымовский и другие называли ее «неудачной попыткой компромисса»). Известно, что он не желал слушать чужих советов, был крайне упрям, ему явно не хватало «дядьки» во внешней политике, да и «исторической грамотности», часто он действовал здесь как частный человек, а не как государь огромной державы. В связи с этим здесь его устраивал, в конечном счете, лишь А. А. Аракчеев, бывший выдающимся исполнителем его предначертаний, какими бы нереальными и непродуманными они ни были. Его отец Павел также увлекался некими абстракциями вроде Мальтийского ордена, но его действия были все же более разумными и позволяющими их трактовать в его пользу, и он не доходил до таких крайностей, как Александр с Польшей. Между тем в историографии эту эпоху в таком аспекте не рассматривали, старались смягчить те или иные формулы.

Почему Александр стремился к воссозданию Польского государства? Что тут преобладало? Либо речь шла о велениях его сердца — в угоду любезной польке, красавице княгине М. А. Четвертинской, главной его жизненной привязанности, либо об обещаниях, данных когда-то другу юности и наперснику, также поляку и явному националисту князю А. Е. Чарторьскому (мать которого именовали «маткой ойчизны»). Налицо и присущее ему позерство, желание хорошо смотреться на фоне Европы как восстановителя старинного государства (сугубо личная позиция всеевропейского либерала). Наконец, здесь видны и конкретные внешнеполитические амбиции — зря что ли воевали, — это (бывшее Варшавское герцогство) трофей, и надо его обустроить, восстановить Польшу как противовес Западу (а чтобы угодить ее католическому дворянству, — воссоздать это государство, да еще в границах XVI в., пусть и под скипетром российского императора, а крестьянству — освободить его от личной зависимости, что частично уже было сделано в Речи Посполитой в конце XVIII в. и при Наполеоне и что начал делать сам император Александр в своих западных губерниях: к этому последнему выводу есть некоторые основания) — трудно сказать точно³.

Князь А. Е. Чарторьский предлагал свою версию действий Александра. По его словам, император, «мысленно строил планы, которые ему

нравились, но которых нельзя было осуществить в действительности. На этом идеальном фундаменте он возводил целые фантастические замки, заботливо улучшая их в своем воображении», а от некоторых «непреодолимых фантазий, которые им овладевали», он «излечивался только после их осуществления». Ему «нравилось пылкое изъяснение либерализма, особенно же он был чувствителен к преклонению перед его личностью за его преданность идеям гуманизма». Александру «нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища; ему нравилось, что его правительство внешне походило на правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощение же их в действительность он не допускал. Одним словом, он охотно согласился бы дать свободу всему миру, но при условии, что все добровольно будут подчиняться исключительно его воле».

Отмечая «иллюзии и мечтания» и «несбыточные мечты о предполагаемых им реформах», мемуарист обращал внимание и на «принципы правды и справедливости», которые «внушены были» Александру его воспитателем Ц. Лагарпом. Не последнее место здесь занимала и Польша, разделенная при Екатерине II на части и потерявшая независимость. В связи с этим он отмечал, вспоминая разговор с великим князем Александром в 1796 г., что внук Екатерины «совершенно» не разделял «воззрений и принципов правительства и двора», не оправдывал «политики и поведения своей бабки» и порицал «ее принципы, что его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение...», что Александр «жалел Польшу и хотел бы видеть ее счастливой», отмечая, что, поощряя в свое время их отношения, Екатерина II не понимала, что «дружба» великого князя с Чарторыйским «утвердит его в чувствах», которые императрице «были ненавистны и которых она опасалась, и послужит одним из многочисленных толчков к развитию в Европе идей свободы и к новому — увы, эфемерному — появлению на политической сцене той Польши, которую Екатерина уже считала навеки похороненной». Правда, в дальнейшем сам князь убедился, что от разговоров до дела — расстояния большие, и уже в первые годы правления Александра вынужден был отметить охлаждение монарха к данной теме⁴.

Известный историк рубежа XIX — XX вв. великий князь Николай Михайлович считал, что монарх преследовал «две цели: 1) соединить Польшу, до разделов ее, в одних руках под державной властью России. Этого достигнуть не удалось; 2) чтобы везде поляки могли свободно пользоваться своими гражданскими правами. Кажется, и это пожелание не получило в действительности полного применения и осталось скорее несбыточной мечтой». По его мнению, уже в 1815 г. у него «сложился зрелый план... основанный на ложных утопиях, на который потребовались годы размышлений для введе-

ния такого порядка. Император продолжал смотреть глазами либерализма и на Финляндию, и на Польшу; то, что не было угодно вводить в России, казалось естественным испытать на ближайших окраинах». Исследователь отмечал при этом, что император «строго разделял в своих понятиях русско-го мужика от балтийского хлебопашца и даже от польского крестьянина»⁵.

По словам современного автора В. Б. Муравьева, «Александр I под влиянием сентиментально-политических взглядов на отношения народов и государств, внушенных ему его воспитателем» швейцарским республиканцем Лагарпом, «еще в юности, при жизни Екатерины II, осуждал раздел Польши и мечтал о восстановлении ее государственности. Хотя объективные исторические условия делали его мечты неосуществимыми, время от времени император к ним возвращался» причем неоднократно, по крайней мере, в 1814, 1817 и 1819 гг.⁶ По мнению Г. А. Кузнецовой, «для Александра I с созданием Царства Польского были связаны не только личные амбиции, но и укрепление собственного политического и дипломатического авторитета, осуществление его реформаторских идей — введение конституции»⁷. С другой стороны, слухи о подобных планах монарха, циркулировавшие в российском обществе в течение всего царствования, но особенно после присоединения к России в 1815 г. по решениям Венского конгресса герцогства Варшавского под названием Царства Польского, да еще с приращением им ряда территорий Украины и Белоруссии, вызывали однозначно негативную реакцию русского общества.

При этом тот же А. Чарторыйский указывал в позднейших записках, что «император не думал, что действительное благо России несовместимо с благом Польши... Среди русских не было людей, расположенных к Польше. Позже я убедился, что правило это не имело исключений, и что ни одного русского нельзя было бы переубедить в этом вопросе»⁸. Здесь можно назвать хрестоматийно известные высказывания декабристов (многие из них вступали в тайные общества в том числе и по националистическим соображениям) П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, Т. фон Бока (чья записка с критикой политики монарха, в том числе и по польскому вопросу, стоила ему свободы)⁹.

Типичным в этом отношении было мнение на сей счет выдающегося русского мыслителя и историка Н. М. Карамзина, кстати, не менявшееся в течение его жизни. Еще в «Историческом похвальном слове Екатерине II» 1801 г. он отмечал: «Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможением, хищной рукой хватала в свое подданство целые княжества российскийские?... Давно ли ты, Москва цветущая, лежала у ног гордого вождя сарматского? Но Россия, подобно спавшему исполину, восстала в гнев своем: враги ее, в их череду, упали на колена перед ней и возвратили похищенное. Так, монархиня взяла в Польше

только древнее наше достояние... Сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви ее к России. Полоцк и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостью возвращаются в недра счастливого родительского семейства». Заметим, при этом, что, если в отношении многих других деяний императрицы можно найти разные подходы в этом произведении и, например, в «Записке о древней и новой России» 1811 г., то данный сюжет в обоих его произведениях трактуется одинаково. Так, в этой «Записке» Карамзин жестко отрезал: «Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое».

Слухи о появлении вновь этой идеи у императора, которые для Карамзина, довольно часто с ним общавшегося, вряд ли были только слухами, заставили его, наконец, решительно выступить по данному вопросу с запиской «Мнение русского гражданина», датированной 17 октября 1819 г. и созданной в Царском Селе. Выступая против идеи императора о восстановлении Польши «в ее целости», он в весьма мягкой форме, как бы уговаривая несмышлениша-ребенка, но ясно и откровенно обрисовал невозможность осуществления этой императорской химеры. Принимая «христианские» корни добросердечия императора по отношению к Польше, Карамзин противопоставил им реальные политические интересы России. «Вы христиан, но вы истребили полки Наполеоновы в России, как греки-язычники истребляли персов... Как христиан, любите своих личных врагов; но Бог дал Вам царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оного... Любите людей, но еще более любите россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети Вашего сердца. И поляки теперь слушаются Александра: но Александр взял их русскою силою, а россиян *дал* ему Бог, и с ними снискал он благодетельную славу *Освободителя Европы*». Разясняя всю невозможность восстановления «*древнего*» польского королевства, автор послания обращал внимание на то, что весьма сомнительным выглядит возможность того, чтобы Австрия, не говоря о Пруссии, отдала бы добровольно полякам бывшие польские земли, доставшиеся им по разделам Речи Посполитой. С другой стороны, жестко ставил вопрос Карамзин, «можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Вольнию, Подолию, утвержденную собственность России еще до Вашего царствования?», особенно имея в виду, что, если исходить из «старых крепостей» (которых «нет в политике»), то «у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве» (Карамзин как в воду глядел: восстановление Польши в любом виде привело впоследствии не раз к подобным стремлениям ее правящих кругов).

Обращая внимание на принципы российской внешней политики, Карамзин отмечал: «Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди,

ни врагу, ни другу!»), напоминая императору, как ребенку, как в свое время «Наполеон мог завоевать Россию; но Вы, хотя и самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижины русской. Таков наш характер и дух государственный». Не пугая монарха свержением в случае его измены российским интересам, Карамзин (тактически грамотно строя свои аргументы) говорил о том, что тогда «мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю; остыли бы душой и к отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом; унизились бы перед другими и перед собою». Презрением дышит его рассуждение о том, что и в этом бы случае «дворец не опустел», но те генералы и министры, что остались бы при монархе, «служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу!» (налицо намек на Варшавскую речь 1818 г.). Наконец, автор обращал внимание на то, что восстановление Польши заставит преемников императора на троне вновь бороться с ней (что произойдет уже довольно скоро, в 1830 — 1831 гг.), что «никогда поляки не будут нам искренними братьями, ни верными союзниками». При этом, наконец, Карамзин компромиссно соглашался с существующим положением «Королевства Польского, как оно есть ныне», правда, в письме к П.А. Вяземскому 14 сентября 1820 г. многозначительно отмечал: «В Варшаве играют, а делу быть (или не быть) в России»¹⁰.

Комментируя записку Карамзина, А. И. Миллер и М. Д. Долбилов отмечали, что в ней автор «ни разу» не говорил «о русском или православном крестьянстве», а под словом «мы» подразумевал «корпорацию русского имперского дворянства», которое его устами заявляла монарху «свои права на империю» и оспаривала его право «раздавать ее владения по своему усмотрению»¹¹. По мнению А. Н. Архангельского, «скептический патриотизм» Карамзина заставил «раз навсегда предпочесть единство Империи энтузиастическим порывам»¹². Исследователь А. Ю. Минаков констатировал, что здесь «Карамзин... выступает с позицией территориальной целостности и неприкосновенности России. Никаких других альтернатив подобной позиции в патриотическом мировоззрении нет»¹³. Однако, несмотря на то что автор послания тактически верно построил публицистическое опровержение монаршей затее, оно вряд ли в принципе изменило ее, ибо, по словам Карамзина из его заметки от 18 декабря 1825 г. «Новое прибавление», «милость и доверенность» монарха к нему «остались бесплодными для любезного отечества», хотя «Россия удержала свои польские области; но более счастливые обстоятельства, нежели мои слезные убеждения, спасли Александра от дела равно бедственного и несправедливого: по крайней мере, так сказал он мне в ноябре 1824 года»¹⁴.

Однако одно очевидно, эта неосуществившаяся затея монарха была частью личной политики Александра, которую внутри страны практически никто не поддерживал, а мнение Карамзина в данном случае было типичным и для дворянства, и для России вообще.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Чарторыйский А.** Мемуары. М., 1998. С. 211.
- ² См.: Крестьянский вопрос в России в конце XVIII — первой половине XIX вв. : сб. док. и материалов : в 4 т. / подг. материала, коммент. и ввод. статья А. Н. Долгих. Липецк, 2016. Т. 1. С. 277 — 278 ; **Минаков А. Ю.** Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013. С. 113 ; **Сталин И. В.** О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Письмо членам ЦК ВКП(б) 19 июля 1934 г. // И. В. Сталин. Соч. М., 1997. Т. 14. С. 18 — 23 ; **Троицкий Н. А.** Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 148 — 149 ; **Чарторыйский А.** Указ. соч. С. 244 — 245 ; **Энгельс Ф.** Внешняя политика русского царизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. М., 1962. Т. 22. С. 14.
- ³ См.: Крестьянский вопрос... Т. 1. С. 264 — 265 ; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII — первой половине XIX вв. 2016. Т. 3. С. 254 — 281 ; **Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.** История Польши / пер. с польского. М., 2004. С. 309.
- ⁴ **Чарторыйский А.** Указ. соч. С. 74 — 75, 78, 112, 169, 183, 223, 226, 241.
- ⁵ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 141 — 142, 182.
- ⁶ **Карамзин Н. М.** О древней и новой России. Избранная проза и публицистика / сост., вступит. ст. и коммент. В. Б. Муравьев. М., 2002. С. 476.
- ⁷ См.: История внешней политики России. Первая половина XIX века : (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 127.
- ⁸ **Чарторыйский А.** Указ. соч. С. 245, 261.
- ⁹ **Потоцкая А.** Мемуары графини Потоцкой: 1794 — 1820. М., 2005. С. 235 — 237 ; Русские мемуары. Избранные страницы. 1800 — 1825 гг. М., 1989. С. 391 ; История дипломатии : в 3 т. под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. Т. 1. С. 379 — 380.
- ¹⁰ **Карамзин Н. М.** Избранные статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Смирнова. М., 1982. С. 290, 394, 436 — 438 ; **Его же.** О древней и новой России. С. 210.
- ¹¹ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 91.
- ¹² **Архангельский А. Н.** Александр I. М., 2000. С. 313.
- ¹³ **Минаков А. Ю.** Указ. соч. С. 401.
- ¹⁴ **Карамзин Н. М.** О древней и новой России. С. 440.

УДК 94(47)

П. С. Кабытов

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (г. Самара)*

Е. В. Годовова

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ
В ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**
(Рец. на книгу: Юрчёнков В. А. Солдаты Великой войны. —
Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2014. — 48 с.)

В статье представлена рецензия на книгу историка В. А. Юрчёнкова «Солдаты Великой войны», изданную в Саранске в 2014 г. (переиздана в 2018 г.). В ней научно-популярно представлены изменения в повседневной жизни населения мордовского края и призванных в действующую армию крестьян в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: В. А. Юрчёнков, повседневная жизнь, Первая мировая война, солдаты, офицеры.

Первая мировая война 1914 — 1918 гг. явилась событием, оказавшим решающее влияние на все последующее развитие России и сыгравшим эпохальную роль во всемирной истории XX века. Война во многом кардинально изменила историческую судьбу России. Изучение всех аспектов истории Первой мировой войны, в том числе региональных, является важной научной задачей.

Рецензируемое издание является результатом многолетней кропотливой работы известного талантливого историка, доктора исторических наук, профессора Валерия Анатольевича Юрчёнкова, который с 2001 г. до 3 октября 2017 г. был директором Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. О его вкладе в изучение проблем российской истории и истории Республики Мордовия опубликовано несколько статей¹. В настоящей статье-рецензии предпринята попытка представить один из проектов В. А. Юрчёнкова — книгу «Солдаты Великой войны».

Уникальность рецензируемой книги состоит в том, что В. А. Юрчёнков при реконструкции повседневной жизни крестьян, одетых в солдатские шинели, использовал как собственные научные труды², так и сведения, извлеченные из научных докладов и сообщений³, а также документальных публикаций⁴.

В корпус источников автор включил документы личного происхождения: письма солдат и воспоминания участников Первой мировой войны,

материалы из личного архива, выявленные в ходе изучения собственной семейной истории. Речь идет об Иване Алексеевиче Юрчёнкове. До войны он работал учителем двухклассного училища в с. Малый Бальдон Курляндской губернии. Затем был призван в армию и определен младшим палатным надзирателем в 95-й запасный полевой госпиталь в Двинске. И. А. Юрчёнков испытал все тяготы войны, в том числе такой ужасающий вид оружия, как применение немцами отравляющих газов.

В текст книги органично включены вальс «Прощание славянки», написанный штаб-трубачом 7-го кавалерийского полка В. И. Агапкиным в 1912 — 1913 гг., текст «Присяги», которую принимали солдаты маршевых рот и батальонов, отправлявшихся на фронты Первой мировой войны, частушки, исполнявшиеся девушками и призывниками накануне и во время проводов их в действующую армию. Конечно, важно отметить тот факт, что автор не обошел вниманием поэтическое творчество основоположника мокшанской литературы З. Ф. Дорофеева, который воссоздал в стихах социально-психологическое состояние населения мордовского края в период мобилизации.

Бесспорным достоинством и украшением рецензируемого издания являются многочисленные визуальные источники — уникальные фотографии из фондов Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина, Центрального государственного архива Республики Мордовия, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия и частных коллекций. Они существенно расширяют представления о той великой трагедии, которая разыгралась на полях сражений Первой мировой войны, что обусловило глобальную катастрофу — крах великой Российской империи.

В совокупности используемый автором корпус документальных материалов позволил не только осуществить реконструкцию повседневной жизни солдат и офицеров русской армии, но и вернуть из забвения нам, живущим в XXI в., имена многих соотечественников, совершивших жертвенный подвиг во имя Отечества. Считаю, что автору вполне удалось по-новому оценить события 1914 — 1918 гг.

Рецензируемая книга состоит из серии научно-популярных очерков, отражающих изменения в повседневной жизни населения мордовского края в различные периоды Первой мировой войны.

Автор начал дискурс с текста вальса «Прощание славянки», что, на наш взгляд, вполне символично.

В первых пяти очерках В. А. Юрчёнков реконструировал изменения повседневной жизни в крае в период мобилизации запасных в действующую армию.

В очерке «Начало» отмечен подъем патриотических настроений в связи с объявлением войны Германии как среди населения в целом, так и рос-

сийской элиты в частности. Автор констатировал, что патриотический подъем был характерен и для населения мордовского края. Корреспондент пензенской газеты восторженно писал, что в те «первые дни войны подъем патриотических чувств был необычайный. Война спаяла жителей и всех объединила в одном деле — служении царю и Родине»⁵. В связи с этим вполне обоснованно звучит авторский вывод. Действительно, мордовские крестьяне восприняли войну с позиций жертвенного служения царю и Родине. В. А. Юрчёнков привел статистические данные о количестве маршевых рот, направленных из региона на фронты Первой мировой войны. Так, только из двух городов (Саранска и Инсара) в 1914 — 1916 гг. в действующую армию было направлено 269 маршевых рот, или около 74 тыс. солдат (с. 3).

В центре повествования находится анализ социально-психологического состояния призывников, которые, прощаясь с родными и близкими, в поэтической форме вселяли в них надежду на свое возвращение с войны:

Ты не плачь, моя милая,
Ты не плачь-ка обо мне,
Ведь не каждого солдата,
Убивают на войне (с. 4).

Описывая процесс мобилизации населения на фронт, В. А. Юрчёнков цитирует воспоминания участников Первой мировой войны: уроженцев мордовских сел Кузоватова Ф. Матюшкина и Ускляй И. Чичасва, что существенно усиливает достоверность анализируемых в книге фактов и эмоциональный фон повествования.

Освоение новых социальных практик мобилизованных в армию крестьян началось уже в первые часы прохождения ими воинской службы. В связи с этим особый интерес представляет анализ военной подготовки солдат, которая длилась около двух месяцев. Помимо традиционной муштры (строевой подготовки) они должны были изучить устав, освоить тактику боевых действий и техническое устройство винтовки С. И. Мосина образца 1891 года, научиться на практике его применять. Новобранцами изучался и русский язык. Как свидетельствует Ф. Матюшкин, занятия длились по 12 — 15 часов. С сожалением он констатирует, что мало времени отводилось стрелковому делу и тактическим занятиям. В книге отмечены и сложности во время учебы, которые возникали у неграмотных татар и мордвы.

Кроме винтовки, В. А. Юрчёнков дает описание и фотографии других видов оружия — станкового пулемета системы Максима образца 1905 и 1910 годов, револьвера-наган образца 1895 года и др. Военную подготовку солдат завершало принятие присяги. «При принятии присяги рота стояла на коленях, полковой священник читал текст присяги, а мы всей ротой повторяли этот текст за священником», — вспоминал Матюшкин (с. 11).

Центральное место в книге занимает проблема «Народ на войне». В этом разделе автору с наибольшей полнотой удалось воссоздать панораму боевых действий на фронтах Первой мировой войны.

Огромную работу провел В. А. Юрчёнков по систематизации исторической информации и реконструкции участия в боевых действиях 180-го пехотного Виндавского, 189-го пехотного Измаильского, 196-го пехотного Инсарского, 407-го пехотного Саранского полков во время Великой войны. Эти полки базировались на территории Мордовии, откуда были впоследствии отправлены воевать.

Автор привел биографии командиров полков, справедливо при этом подчеркивая, что «о судьбах некоторых из них кое-что известно и должно стать достоянием широкой публики. Эти люди заслужили память о них» (с. 15). Им он посвятил отдельные очерки: генерал-майору Якову Гандзюку, служившему в 180-м Виндавском пехотном полку и генерал-майору Сергею Жукову — командиру 196-го пехотного Инсарского полка. Свой выбор В. А. Юрчёнков объяснил тем, что «биография Якова Гандзюка отражает путь кадрового офицера российской императорской армии» (с. 19). «Каждая воинская часть имеет в своей истории своеобразные ориентиры — военнослужащих, на которых равняются, с которых берут пример. В истории 196-го пехотного Инсарского полка это, прежде всего, его полковой командир — Сергей Васильевич Жуков» (с. 24).

В очерке «Господа офицеры» В. А. Юрчёнков привел малоизвестные данные о некоторых офицерах, которые проходили службу в мордовском крае накануне и в годы Первой мировой войны, удостоенных высокой награды — ордена Святого Георгия.

Значительное место в издании уделено уроженцам Мордовии — полным георгиевским кавалерам. В работе приводятся данные об И. Л. Арапове, В. А. Ганюшкине, Е. И. Князькове, М. Ф. Митякине, С. Л. Потешкине, А. Т. Сорокине, А. М. Начинкине, М. С. Трошине, Ф. В. Пахомове, А. Г. Турцакове. Подробно представлены биографии Я. С. Беглова, П. И. Девятаева, Ф. И. Лебедева, М. С. Ошкина. Кроме того, в книге дается информация о георгиевских кавалерах. Автор справедливо определил, что «Об уроженцах Мордовии, награжденных в годы Первой мировой войны низшими степенями ордена, известно еще меньше, чем о полных георгиевских кавалерах» (с. 34).

Несомненный интерес представляют очерки об иеромонахе Феогносте, медбрате И. А. Юрчёнкове, а также о повседневной жизни населения уездного города Саранска.

Книга завершается очерком «Солдатские письма». Анализируя их, В. А. Юрчёнков отметил, что «письма фронтовые — это подлинные документы, живые свидетели войны, ее битв и сражений, это мысли воинов,

запечатленные на пожелтевшей от времени бумаге. В них любовь и чистота помыслов, стойкость и изумительная отвага» (с. 47). Исследуя письма, автор увидел изменения в настроениях солдат. Он установил, что патриотические чувства постепенно девальвировались и на смену им в 1916 г. стало «приходить совершенно иное видение войны» (с. 46). Нельзя не согласиться с выводом В. А. Юрчénкова о том, что в 1916 г. солдаты все чаще начинали задумываться о смысле жизни, о характере и цели войны (с. 47).

Завершая анализ научно-популярной книги замечательного историка и писателя В. А. Юрчénкова отметим, что ему вполне удалось воссоздать яркую панораму повседневной жизни солдат и офицеров российской армии, которые самоотверженно выполняли патриотический долг по защите Родины. Книга интересно и легко читается, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также краеведов, работников музеев, студентов-историков. В ценности и необходимости такого труда нет никаких сомнений. Рецензируемая книга вполне может стать образцом для авторов, создающих научные и научно-популярные издания по патриотической проблематике.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Кабытов П. С.** Памяти Валерия Анатольевича Юрчénкова // Центр и перспектива. 2019. № 3. С. 101 — 109; **Кабытов П. С., Годовова Е. В.** История крестьянства и казачества в научных трудах В. А. Юрчénкова // Региональное измерение аграрной модернизации в России : материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья / отв. ред. Г. А. Куршева. Саранск, 2020. С. 532 — 537; **Кабытов П. С., Куршева Г. А.** Аграрные исследования Валерия Анатольевича Юрчénкова // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 267 — 271; **Куршева Г. А.** Историк, историограф, краевед, организатор науки // Красная слобода. Саранск, 2008. С. 393 — 396.

² См.: **Юрчénков В. А.** Жизнь на переломе эпох // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 111 — 121; **Его же.** Начертание мордовской истории. Саранск. 2012. 612 с.

³ См.: Великая война и российская провинция. 1914 — 1918 гг. : сб. науч. ст. и док. / сост.: Е. Н. Бикейкин, В. А. Юрчénков; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрчénкова; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия. Саранск, 2013. 312 с.; **Григорьева Г. И.** Георгиевские кавалеры Мордовии // Центр и периферия. 2008. № 3. С. 48 — 51.

⁴ См.: История мордовского народа и мордовского края в уникальных архивных документах. Саранск, 2012. 200 с.; Участие уроженцев Мордовии в защите Отечества: (XV — начало XX в.) : док. и материалы. Саранск, 2008. 138 с.

⁵ См.: **Юрчénков В. А.** Солдаты Великой войны. Саранск, 2014. С. 3. Далее ссылки в тексте: (с.).

УДК 94(470.40)“17/18”

Н. А. Кореева

Институт татарской энциклопедии и регионоведения

Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

**ФОРМИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(На примере уездного города Чистополя Казанской губернии)**

В статье рассмотрены состав и некоторые особенности социально-правового положения купеческой семьи уездного города Чистополя — одного из центров хлебной торговли в Волго-Камском регионе. Показаны соотношение возрастов супругов, детность супружеских пар в мусульманских, православных и старообрядческих семьях, источники пополнения купечества. Уделяется внимание некоторым аспектам взаимоотношений между купцами-раскольниками и органами власти.

Ключевые слова: Чистополь, Логутовы, купечество, мусульмане, старообрядцы.

В различных регионах Российской империи, отличавшихся друг от друга и климатическими условиями, и особенностями хозяйственной деятельности, на протяжении длительного хронологического периода формировалась определенная типология купеческой семьи, доминирование в которой зависело от таких элементов внешней среды, как государственное регулирование, экономика, религиозные институты, община.

На структуру купеческой семьи в рассматриваемый период влияли предусмотренные законодательством правила определения круга близких родственников — вне зависимости от вероисповедания, согласно «Городовому положению» 1785 года, дети купца, объявившего капитал, составляли с ним один семейный капитал и пользовались освобождением от рекрутской повинности, подушной подати, могли от имени родителя заниматься торгово-промышленной деятельностью¹. Отсутствие в законодательстве четкого толкования термина «семья» на практике приводило к тому, что в семейный капитал купцы записывали не только детей, но и внуков, племянников, родных и двоюродных братьев и т. д.² Это предпринималось для избавления от платежа одного процента с капитала при вступлении в наследство, а также позволяло получить освобождение от рекрутской повинности, которым пользовалось купечество*.

* Отметим, что в 1985 — 1807 гг. купцы всех гильдий обладали правом замены рекрутской повинности денежной; с изданием манифеста 1807 года рекрутская и денежная повинности были сняты со всех гильдий.

В 1809 г. был издан указ, запрещавший записывать в один семейный капитал братьев и племянников. В составе купеческой семьи могли быть «отец, мать-вдова с неотделенными сыновьями и дочерьми-девками»³. Законодательство предоставляло право купеческим вдовам продолжать купеческий промысел своих умерших мужей или осуществлять предпринимательскую деятельность на собственный капитал. В «Дополнительном постановлении об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» 1824 года детям и родственникам купцов, числящихся в одном семейном капитале, была посвящена отдельная глава. Купеческое семейство, состоявшее из близких родственников, имело право осуществлять свои коммерческие операции, имея лишь одно свидетельство на всех. Перечень таких родственников был следующим: 1) отец с сыновьями и незамужними дочерьми, внуками (сыновними детьми), не отделенными в особый капитал; 2) вдова с сыновьями и незамужними дочерьми и внуками, сыновними детьми, проживавшими в одном доме; 3) родные братья и незамужние родные сестры, также проживавшие в одном доме⁴. Все остальные родственники, находившиеся в купеческом семействе (включая племянников), должны были взять особое торговое свидетельство либо перейти в мещане. Эти правила носили общий характер для всех желавших записаться в купечество.

В Казанской губернии в рассматриваемый период проживали русские (в 1795 г. — 37,12 %, в 1857 г. — 40,31 %), татары (24,54 % и 28,8 % соответственно), чуваша (26,99 % и 21,64 %), а также марийцы, мордва, удмурты, цыгане⁵. Полиэтничность региона дополнялась его поликонфессиональностью: православные составляли здесь 68,8 %, мусульмане — 26 %, единоверцы и раскольники — 4,7 %, идолопоклонники — более 0,5 %⁶. Русское купечество исповедовало современную православную веру либо «древлеправославие» (старообрядчество) различных толков (направлений); татарское купечество в подавляющем большинстве придерживалось ислама.

Данные особенности Казанской губернии наложили отпечаток на характер законодательства, регулировавшего торгово-промышленную и семейную жизнь купечества. В XVIII в. произошла либерализация законодательства в отношении татар — в 1773 г. был издан указ Синода «О терпимости всех вероисповеданий...», разрешавший всем мусульманам и прочим иноверцам строить мечети и молитвенные дома⁷. Представители религиозных течений, не входившие в лоно современной православной церкви, пользовались некоторыми изъятиями из общих законов и правил, о чем свидетельствуют факты создания мусульманами семей, состоявших из нескольких жен, и признание брака раскольников, которые крестили детей, совершали погребения по своему обряду, без приглашения священников, лишь сообщив

о событии в полицию*. Эти процессы нашли отражение в ревизских сказках. Власть применяла довольно жесткие меры к тем, кто переходил из православия в раскол или способствовал такому переходу — дела о них рассматривались гражданскими, а не духовными властями⁸. В 1844 г. Министерством внутренних дел был издан указ «О отобрании от лиц, приписывающихся к городским обществам, подписок о непринадлежности к расколу»⁹. Речь шла о тех, кто принадлежал к сектам духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих, скопцов. В Казанскую губернию были направлены соответствующие запросы о вероисповеданию купцов-старообрядцев, и никого из перечисленных сект не оказалось.

В рассматриваемый период уездный город Чистополь (до 1781 г. — село Чистое Поле) благодаря близкому расположению реки Камы стал крупнейшим центром хлебной торговли, к началу 1790-х гг. в нем насчитывалось 178 купцов¹⁰. К концу первой трети XIX в. купцов-мусульман в городе было 42, христиан — 129 человек¹¹. Среди них преобладали купцы низшей, 3-й гильдии**, в которой в 1827 г. состояло 89 % купцов¹². В 1850 г. из 68 купеческих капиталов 59 относились к 3-й гильдии (87 %), что было характерным явлением для всего купечества России. Среди купцов 1-й гильдии в ревизских сказках Чистополя записан Иван Федорович Мамонтов, который со своим семейством проживал в Москве. В 1861 г. общее число купцов всех гильдий в Чистополе составило 1 173 души обоего пола.

Формирование купечества происходило из рядов государственных крестьян, вольноотпущенников (от помещиков Панина, Протопопова, Шереметева, Хрущевых), мещан. Среди бывших крепостных крестьян купцы 3-й гильдии Михаил Мухин, Лев Чельшевы***, Анна Бовина и др. География происхождения чистопольских купцов обширна — собственно Чистопольский уезд (например, Зямала Абдулкаримова), Петропавловская слобода

* В 1827 г. был опубликован указ Синода 1808 года о непризнании раскольнических браков, сделавший их фактически недействительными; указ вызвал общественный резонанс, и уже в 1828 г. от властей последовало пояснение, в котором такие браки признавались законными (См.: ПСЗРИ. Собрание II. СПб., Т. III. № 2507. С. 1130 — 1131).

** Для вступления в 3-ю гильдию требовалось объявить минимальный капитал: с 1794 г. — 2 тыс. руб., с 1807 г. — 8 тыс. руб., а также заплатить за свидетельство установленные пошлины.

*** Некоторые авторы не согласны со сведениями, указанными в ревизских сказках, о происхождении купеческой семьи Чельшевых из крепостных крестьян. Р. Х. Хисамов полагает, что Чельшевы — выходцы из Керженских скитов Нижегородской губернии (См.: Хисамов Р. Х. Страницы из жизни чистопольских старообрядцев // Традиции старообрядческой благотворительности : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Традиции старообрядческой благотворительности» (Казань-Чистополь, 3 — 4 октября 2018 г.). Казань, 2019. С. 212.

(Михаил Шашин, Герасим Ястребов), Казань (купец Абрам Перминов), Елабуга (местный мещанин Иван Котельников в 1837 г. был причислен к чистопольскому мещанству, а с 1842 г. стал чистопольским купцом), Мамадышский уезд (Иван Кочуров из с. Омары) и др.¹³

Среди мусульман Чистополя, как, впрочем, и Казани, практиковалось многоженство. Оно было характерно лишь для некоторых купцов: в 1850 г. ревизские сказки зафиксировали наличие двух или трех жен в семьях Рахметуллы Уразгильдеева, Сейфутдина Батаршина, Абдулнасыра Тимирбулатова и Шагиды Назировой. Многоженство не было связано с вступлением в гильдию и приобретением официального купеческого статуса, оно было распространено и в мещанской среде. Купец А. Тимирбулатов, например, перешел в купечество из чистопольских мещан в 1838 г. в возрасте 49 — 50 лет, на тот момент у него было две жены (одна на 3 года моложе его, другая — на 7 лет), взрослые дети (старшему сыну 16 лет). Предположим, что вступление в гильдию было связано с желанием освободить в будущем своих сыновей от рекрутской повинности.

Как правило, купцы женились на женщинах моложе себя — разница в возрасте составляла от 2 до 26 лет. Между женами также могла быть существенная разница, доходившая до 15 лет. Приведем выдержки из ревизской сказки о составе семьи чистопольского купца 3-й гильдии Р. М. Уразгильдеева: (на 8 августа 1850 г. ему было 63 года). Его жены: Зямяля (52 года), Мухюбзямал (41 год), Сарвизямал (37 лет). Подобная ситуация наблюдалась и в семье купца 3-й гильдии С. Батаршина — в 1850 г. ему было 82 года, жене Ульмясь 61 год. От старшего сына Сагитдина остались две вдовы — Ряхима (46 лет) и Гафифья (50 лет); младший сын Ишмухамет (49 лет) был женат трижды и все жены состояли в одном купеческом капитале — Рябига (48 лет), Хабибзямал (41 год) и Зияда (28 лет)¹⁴.

Купеческие семьи мусульман включали в свой состав супругов с детьми, а также неотделившихся братьев основателя семейства со своими семьями, поэтому людность их достигала 33 — 35 чел. (например, семья А. Уразгильдеева состояла из 18 мужчин и 17 женщин). К числу купцов-мусульман Чистополя в середине XIX в. мы отнесем Сагитдина и Хабибуллу Тумашевых, Хуснутдина Акбердина, Тимирбулата Ишмухаметова и др.

Семья православного купца, вышедшего из крестьян, также отличалась сложностью и многолюдностью, и соответствовала структуре крестьянской семьи. Никифор Савельев, бывший крестьянин д. Старые Челны Чистопольского уезда, в 1834 г. записал в купечество не только жену, детей, снох, внуков, но и семьи своих братьев; общее число членов купеческой семьи достигло 47 чел. (21 мужчина и 26 женщин)¹⁵. Крестьянин Андрей Яковлев при вступлении в купечество записал в один семейный капитал 15 чел.

Семейства почетных граждан Чистополя, наоборот, отличались относительной малочисленностью. Так, семья Леонтия Мешкичева в 1850 г. насчитывала 8 чел. (включала в себя жену от второго брака, общих с ней детей, а также детей от предыдущего брака), семья Дмитрия Полякова — 6 чел., семья овдовевшей почетной гражданки Марьи Плаксиной — 11 чел.

В рассматриваемый период происходило расслоение купеческой семьи — одна ее часть оставалась в купечестве, другая часть переходила в мещанское сословие. Это было связано, на наш взгляд, с разделением некогда единого капитала между родными братьями, что на практике приводило к банкротству одного из них. Показательна в этом плане семья чистопольского купца Николая Золина — первоначально он состоял в одном капитале со своим братом Карпом и его семьей, но в 1843 г. последний перешел в мещанское сословие. Разделение капитала между четырьмя братьями Уразгильдеевыми в 1846 г. привело к тому, что два из них — Ахмет и Мухамет — перешли в мещанское сословие, а Махмут и Габейдулла остались в купечестве, в одном капитале.

Теперь рассмотрим особенности формирования старообрядческой купеческой семьи. Среди глав старообрядческих купеческих семей, объявивших в 1850 г. капиталы на свое имя, отметим Калистрата Глухова, Степана Лихачева, Андрея Логутова, Герасима Ястребова, Михаила Шашина, Андрея Тюленева. В семье раскольников насчитывалось от 2 до 27 чел., она была многопоколенной, могла включать в себя отца семейства, его жену, детей, внуков, снох, семьи внуков. Не было в Чистополе ни одной старообрядческой семьи, в которой были бы братья и племянники ее основателя, как это встречалось у православных или мусульман. На определенном этапе одна семья распадалась на несколько купеческих капиталов, представители которых поддерживали, однако, тесные торговые и духовные связи между собой. Одной из таких купеческих семей являлась известная в Чистополе семья Логутовых, состоявшая в «расколе секты беспоповщины». В период проведения 5-й ревизии (1794 г.) государственный крестьянин Игнатий Логутов с сыновьями Василием, Павлом, Андреем записались в купечество. Несмотря на изъятие крестьянской общиной пашенных земель, сенных покосов, некоторое время они продолжали нести крестьянские повинности по «первобытному состоянию». Позже ими были объявлены собственные капиталы. Сын Василия — купец 3-й гильдии Алексей Логутов — был главным наставником «согласия рябиновцев» в Чистополе (секту называли «логутовщиной»).

На формирование купеческой семьи раскольников оказывало влияние их стремление обратить других в свою веру и соответствующая этому деятельность. В 1851 г. фамилия купца Логутова стала объектом пристального внимания Министерства внутренних дел. Секретным предписанием началь-

нику Казанской губернии предстояло выяснить, в каком положении находится дело о совращении в раскол Алексеем Васильевичем Логутовым семьи мещанина Василия Мясникова¹⁶. Из материалов уголовного преследования видно, что Мясников был женат на дочери солдата Марье Даниловне Аникиной, семья изначально исповедовала православную веру, они воспитывали детей — Константина, Дмитрия и Ольгу¹⁷. Однако после смерти главы семейства чистопольский сиротский суд к этим детям определил опекуном «главного сектатора раскольников» — А. В. Логутова, который склонил к расколу сначала мать — Марью с малолетним сыном Дмитрием, а затем Ольгу, которую «окрестив по своему обряду и назвав Анастасьей, соединил с сыном своим Михаилом, с которым она и живет по сие время блудно, имея от него детей»¹⁸. Отметим, что согласно рапорту Чистопольского городского сиротского суда, Логутов являлся опекуном детей всего 1 месяц (с 7 июля по 21 августа 1850 г.)¹⁹. Брак был заключен по-раскольнически, в таких случаях, как правило, «ни чтений, ни пения, ни каких-либо других обрядов не было... они получили на брак одно только благословение родителей иконами»²⁰.

Кроме этого случая вскрылись и прочие. Купца судили «за совращение в раскол разных лиц», в том числе крестьян с. Елантово, Змиево, Шереметьевка, Средний Толкиш Чистопольского уезда. Начальник Казанской губернии обращался даже к министру внутренних дел с «тем, что неудобно ли будет его высокопревосходительству сделать распоряжение об удалении его из среды общества, и тем прекратить дальнейшее его попользование к распространению раскола», имея в виду заключение его под стражу²¹. Министр в секретном циркуляре оценил личность Логутова как «зловредного распространителя раскольнического толка», распорядился учредить следствие и передать дело на рассмотрение Уголовного суда, «который обязан положить конец зловредным действиям Логутова точным применением правил Уложения о наказаниях»²².

Губернское правление отстранило Логутова на время следствия от выборной должности ратмана Чистопольского городского магистрата. Чистопольским земским исправником были допрошены М. Мясникова, ее мать Д. Аникина, свекровь Е. И. Мясникова, дочь Ольга, А. Логутов со своим семейством, соседи Логутова, Аникиной, Мясниковой и прочие жители Чистополя. Это дело включило в свою орбиту чистопольский уездный суд, городническое правление, городскую думу, сиротский суд, городской магистрат, духовное правление. Священнику чистопольского Никольского собора Зефинову предписано производить «тщательнейшия увещания» семейства, оставшегося после чистопольского мещанина Мясникова, с целью возвращения их в православие и подтверждения брака в православной церкви.

Вдова М. Мясникова трижды вызывалась в Консисторию для «увещания» вместе с сыном, но «осталась непреклонной к обращению из раскола в православие, сама — по закоснелости своей, а сын ее по малолетству своему и зависимости от матери»²³. Свекровь ее, Елена Ивановна, в прошении на имя военного губернатора И. А. Боратынского написала в 1856 г.: «...Внука моя Ольга Васильева и по сие время не взята из дома раскольника Логутова, у которого она развратит и детей своих», и «просила отдать внучку с детьми для жительства у нее, и приказать местному протоиерею через епархиальное начальство обратиться в православие, а детей окрестить по обряду православной церкви»²⁴. Ольга трижды была вызвана в Консисторию для увещевания, ее пытался убедить вернуться в православие Никодим, епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии, но она «осталась упрямой», как и все, ставшие раскольниками²⁵.

В ходе следствия по этому делу Логутова упоминал чистопольский мещанин Иван Мошков, чье семейство также ушло в раскол рябиновой секты. Увещание было поручено священнику Спасской церкви Луке Воецкому, которому Мошковы сообщили, что «этому расколу якобы научились они от чистопольского купца [А. В.] Логутова и из книг раскольничьих, доставляемых им односектантами». Следствие земским исправником было окончено в 1855 г., разбирательство же длилось до 1858 г. Затем дело было передано на рассмотрение в Казанскую палату уголовного суда, но до мая 1859 г. она не могла окончательно решить дело из-за своей перегруженности и по «обширности в производстве». Все это время (с 1853 по 1860 г.) Логутов находился под подозрением и надзором полиции и не имел права отлучиться из города по промышленным делам (согласно указу Чистопольского уездного суда, «за совет крестьянам деревни Елантовой держаться раскола») ²⁶. В сентябре 1860 г. он, оставаясь также купцом 3-й гильдии, обратился с прошением к министру внутренних дел С. С. Ланскому с просьбой выдать ему паспорт для отлучки, но получил отказ: «Приказать объявить Логутову, что за сим удовлетворение его домогательства от меня не зависит»²⁷. В ноябре 1860 г. Логутовым было подано прошение на Высочайшее имя, но статс-секретарь, принимавший прошения, передал его тому же министру внутренних дел, расценившего его как «противозаконное»²⁸. Начальник Казанской губернии, городническое правление, получив секретное распоряжение от III Отделения Министерства внутренних дел, также оставили меру пресечения без изменений, уведомив об этом купца под расписку.

Сыновья Алексея Васильевича Павел и Василий в 1867 г. были вынуждены обращаться к казанскому губернатору по вопросу закрытия их кулевого завода, который функционировал в черте города Чистополя, по мнению властей, незаконно, без разрешения. В декабре 1867 г. из Казани была пода-

на телеграмма министру внутренних дел следующего содержания: «Построенный мною Чистополе кулевой завод на собственной земле исправник закрыл самовольно как опасный, он не опасный, работают не огнем, таких заводов там много, они не закрыты. Терплю большие убытки, 6 рабочих без дела на моем содержании с ноября. Подал просьбу губернскому начальству, удовлетворения не получил; прошу открыть [для] решения дела назначив для справедливости... чиновника, расход мой если виновен»²⁹. Василий (в тексте телеграммы фамилия искажена на Догутов) получил из Министерства внутренних дел ответную телеграмму, что по его делу запрошены сведения от губернатора. Губернатор рапортовал, что завод был построен самовольно, без разрешения начальства, и городская дума обещала выделить новое место за пределами города. Полицейский надзиратель должен был прекратить «опасное для жителей города» производство, а для этого необходимо было вызвать купца к себе, но по причине «уклонения» Логутова не мог этого сделать, и увидев много мочал во дворе дома при заводе, распорядился убрать их в безопасное место. Однако Логутов не исполнил распоряжения, продолжил работу завода, и исправник тогда распорядился остановить работы, а само дело передал судебному следователю для наложения взыскания (согласно Уложению о наказаниях 1866 г., ст. 1075)³⁰. После такого объяснения Казанского губернского правления министр внутренних дел отказал просителю (на основании Свода законов, статьи 795, 1 ч. 2 т.)³¹. Тем не менее заявление Логутова о других открытых без разрешения начальства заводах получило свое продолжение — по требованию Департамента полиции исполнительный губернский правление отдало распоряжение чистопольскому полицейскому управлению собрать о них сведения³².

Исследование купеческой семьи относится к важным аспектам изучения истории предпринимательства. Семья являлась не просто фискальной единицей, но и ячейкой общества, в которой формировались религиозные убеждения ее членов, происходила передача социального опыта от старших поколений к младшим, поэтому в Российской империи она была объектом пристального внимания со стороны государства.

В рассматриваемый период купцы-мусульмане и купцы-христиане при проведении торговых операций не испытывали затруднений, связанных с их вероисповеданием. Определенные проблемы с властью возникали у представителей раскольного движения — старообрядцев, в отношении которых государство периодически издавало ограничительные законы и преследовало за их прозелитизм, но и они, благодаря поддержке единоверцев и тесным связям внутри своей общины, смогли выйти в число передовых и богатейших купцов своего времени.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. XXII. № 16187. С. 368.
- ² Там же. Т. XXIII. № 17223. С. 531 — 532 ; Там же. Т. XXVIII. № 21937. С. 1277 — 1278.
- ³ См.: ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXX. № 23503. С. 815.
- ⁴ ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXXIX. № 30115. С. 594 — 595.
- ⁵ См.: **Кабузан В. М.** Народы России в первой половине XIX в. : Численность и этнический состав. М., 1992. С. 175 — 198.
- ⁶ См.: **Лаптев М.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 460.
- ⁷ См.: ПСЗРИ. Собрание I. Т. XIX. № 13996. С. 775 — 776.
- ⁸ См.: ПСЗРИ. Собрание II. Т. II. № 1257. С. 625 — 627.
- ⁹ Там же. Т. XIX. № 17748. С. 211 — 212.
- ¹⁰ См.: ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXIII. № 17139. С. 442.
- ¹¹ См.: О числе душ и податей по Казанской губернии за 1827 год // Заволжский муравей. 1832. Ч. 1. № 5. С. 263 — 271.
- ¹² Там же.
- ¹³ Государственный архив Республики Татарстан (далее: ГА РТ). Ф. 809. Оп. 1. Д. 8.
- ¹⁴ Там же. Л. 27 — 32.
- ¹⁵ Там же. Л. 88 — 91.
- ¹⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1017. Л. 126.
- ¹⁷ Там же. Л. 47.
- ¹⁸ Там же. Л. 47 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 60.
- ²⁰ Там же. Л. 79 об.
- ²¹ Там же. Л. 2 об.
- ²² Там же. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 152 об.
- ²⁴ Там же. Л. 48.
- ²⁵ Там же. Л. 70.
- ²⁶ Там же. Л. 37 об.
- ²⁷ Там же. Л. 173 об.
- ²⁸ Там же. Л. 177 об.
- ²⁹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1286. Оп. 28. Д. 375. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Л. 4 — 5.
- ³¹ Там же. Л. 7.
- ³² Там же. Л. 8 — 9.

УДК 94(470)

В. В. Кулыгина, А. Н. Кежутин*Приволжский исследовательский медицинский университет
(г. Нижний Новгород)*

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ ЗЕМСТВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В статье рассматриваются черты сходства и различия формирования судебной медицины губерний и устанавливается роль органов местного самоуправления в этом процессе.

Ключевые слова: судебная медицина земств, судебно-медицинская экспертиза, преступность в сельской местности.

Вопросы организации здравоохранения со второй половины XIX в. стали приобретать острую форму из-за всплесков эпидемий. Это, в свою очередь, способствовало становлению санитарной медицины, а вслед за ней — судебно-медицинской экспертизы.

После земской реформы 1864 года исполнение судебно-медицинских функций находилось в руках врачебных отделений губернских управлений¹. Судебно-медицинская деятельность имела некоторые общие для всех губерний черты. Во-первых, она носила смешанный характер, что означало исследование как живых людей, так и трупов, различных биологических материалов, гистологических препаратов, т. е. разделения на специализации в судебной медицине не существовало. Во-вторых, финансов для развития этой деятельности практически не было, поэтому только в 1870 г. появились отдельные помещения и лаборатории, оснащенные микроскопами². В-третьих, врачи не могли заниматься исключительно судебно-медицинской экспертизой, так как это не входило в основной список их обязанностей. Вследствие этого судебно-медицинская экспертиза как область медицины не изучалась должным образом. Однако к этому времени уже были написаны известные научные работы, на которые можно было опираться, например, «Рассмотрение повреждений в судебно-медицинском отношении» И. П. Заболоцкого (1852) и «Учебник по судебной химии» А. П. Нелюбина (1856). В-четвертых, по большей части судебная медицина земств конца XIX — начала XX вв. характеризовалась практической направленностью. Это было одно из основных отличий от городской судебной медицины, так как в городах теоретическая база активно развивалась благодаря университетам. При земских больницах хоть какое-то, но минимальное оснащение позволяло исследовать вещественные доказательства — принадлежность группы крови, микроскопическое исследование пятен спермы, сходства и различия волос³.

Судебно-медицинская экспертиза была особенно актуальна среди сельского населения, поскольку число преступлений среди крестьян было велико. Основными причинами служили пьянство крестьян, их правовая безграмотность и внутрисемейные конфликты. Так, из данных статистики известно, что еще с XVIII в. среди случаев, связанных с насилием в семье, супружеские убийства были более частыми, чем другие внутрисемейные убийства. Мужчины убивали жен гораздо чаще, чем наоборот⁴. Именно это послужило толчком к развитию земской судебной медицины. Женщины в крестьянском обществе никак не были защищены от насилия и побоев. Их жалобы рассматривались судом лишь в 3 случаях: «Когда побои отнесены врачом к разряду легких; когда они признаны тяжкими; когда носят характер истязаний»⁵. Рассмотрение этих обращений часто было безрезультатным, в крайнем случае мужей сажали на несколько месяцев, но по их возвращении все повторялось. В качестве доказательств женщины приносили врачам вещественные биоматериалы, например, клоки волос, пятна крови на одежде. Роль врача в процессе судебной экспертизы заключалась в праве давать окончательные заключения, опираясь на собственные исследования.

Определенным успехом характеризовалась судебная медицина в Казанской и Тамбовской губерниях. В последней это направление возникло благодаря В. П. Сербскому — основателю судебной психиатрии в России⁶. Качественное развитие судебной медицины в обеих губерниях объяснялось умелым распределением финансов органами власти. Вскрытия трупов, исследование гистологических препаратов и других биоматериалов проводилось в специально отведенных для этого помещениях — операционных, моргах, лабораториях. Они были закреплены за каждой больницей, число которых стремительно росло в обеих губерниях. Однако в Казанской губернии по началу к судебно-медицинской экспертизе допускались только уездные врачи, но в связи с их занятостью был поставлен вопрос о разрешении этой деятельности земским врачам⁷. Предложение было встречено противоречиво в обществе, поэтому все решалось индивидуально.

Тем не менее становление судебной медицины в большей части губерний не было таким благополучным. Особенно трудным было положение с оборудованием и помещениями. В Московской, Иркутской и Курской губерниях они практически отсутствовали. Врачам приходилось работать в темных и ветхих комнатах, не имевших нужного инструментария. Чрезвычайно остро эта проблема стояла в Иркутской области, где специальные помещения — «ледники» — быстро заполнялись трупами. Не дожидаясь вскрытия, они начинали разлагаться⁸. Летом тела хранить становилось негде, поэтому их не вскрывали. Общей чертой этих губерний также являлось отсутствие заинтересованности местных органов власти в развитии судебно-медицинской экспертизы. Так, в Московской губернии судебная работа почти пол-

ностью ложилась на плечи врача, поскольку со стороны полиции не было никакой поддержки и инициативы⁹. Московскую и Иркутскую губернии объединяла дальность расстояний сельских населенных пунктов, в результате чего судебно-медицинская экспертиза растягивалась на месяцы, а иногда и на 1 — 2 года, тем временем тела начинали гнить.

В заключение нужно отметить, что основные отличия в становлении земской судебной медицины разных губерний объясняются, в первую очередь, степенью финансирования и заинтересованностью в этом местных органов власти. Зарплата земских врачей могла варьировать от 500 до 1 500 руб. в год¹⁰. Благодаря притоку врачей в сельскую местность судебная медицина некоторых губерний (Казанской и Тамбовской) развивалась быстрее. Большую роль в развитии судебно-медицинской экспертизы земств сыграли талантливые врачи, труды которых стали основанием для дальнейшего успешного формирования этой отрасли медицины на всей территории России.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Клевно В. А., Кононов Е. В.** История судебной медицины в России в X — начале XX века // Судебная медицина. 2018. Т. 4, № 3. С. 51.

² См.: **Гусаров А. А.** Исторические аспекты развития отечественной судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова. 2011. Т. 6, № 3. С. 129.

³ Там же. С. 130.

⁴ См.: **Кежугин А. Н.** Проблема домашнего насилия и харассмента в дореволюционной России (по материалам современной американской историографии) // Исторический поиск. 2020. Т. 1, № 2. С. 70.

⁵ **Сидорова В. С.** Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 1. С. 42 — 43.

⁶ См.: **Райкова С. В., Максинев Д. В., Завьялов А. И.** К истории становления и развития земской медицины и санитарного дела в Тамбовской губернии в конце X — начале XX столетий // Вестник Томского государственного университета. 2012. Т. 7, № 2. С. 662.

⁷ См.: **Морозова Е. В., Созинов А. С.** Организация и финансирование земского здравоохранения в Казанской губернии // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95, № 5. С. 712.

⁸ См.: **Неделько Н. Ф.** Некоторые исторические аспекты становления и развития судебно-медицинской службы в Иркутской губернии // Сибирский медицинский журнал. 2014. № 2. С. 112.

⁹ См.: **Клевно В. А., Кононов Е. В.** 100 лет на службе Подмосквюво: к юбилею ГБУЗ МО «Бюро СМЭ» // Судебная медицина. 2018. Т. 4. С. 5.

¹⁰ См.: **Ахметшина А. В.** Материальное положение земского медицинского персонала на материалах Уфимской губернии (последняя треть XIX — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 151.

УДК 94(476)“1906/1916”

А. А. Кухаренко

Белорусский государственный университет (г. Минск)

СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ СТОЛЫПИНСКИХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1906 — 1916 гг.)

В статье определена роль столыпинских аграрных преобразований в ускорении процесса капиталистической трансформации сельского хозяйства в белорусских губерниях посредством расширения системы частного крестьянского землевладения, формирования хуторских хозяйств и распространения приемов рационального ведения хозяйства. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия местных отделений Крестьянского поземельного банка, землеустроительных комиссий и земских учреждений для совместной реализации мероприятий столыпинской аграрной реформы.

Ключевые слова: аграрный вопрос, столыпинская аграрная реформа, хутор, отруб.

В начале XX в. наблюдалось обострение аграрного вопроса в Российской империи, что привело к подготовке и реализации столыпинской аграрной реформы, которая изменила многовековой уклад жизни большей части населения страны — крестьянства. Основная цель этой реформы заключалась в том, чтобы заменить общинное землевладение частными крестьянскими хозяйствами. 9 ноября 1906 г. был подписан высочайший указ о переходе общинной земли в личную собственность крестьян, что предполагало создание крестьянских хуторов и отрубов.

Малоземелье и безземелье крестьян, пастбищные сервитуты, чересполосица крестьянских земель с помещичьими и другими крестьянскими землевладениями являлись основными препятствиями индивидуального землеустройства крестьян в белорусских губерниях. Дела по разверстанию сервитутов и ликвидации чересполосицы принимали затяжной характер и находились в подготовке до тех пор, пока стороны не приходили к какому-нибудь согласию. Несмотря на эти трудности, крестьяне убедились в преимуществах хуторского и отрубного хозяйства, видя наглядные примеры того, как хуторяне, улучшив приемы обработки земли и введя многопольные севообороты, достигли значительного роста урожайности и доходности своих хозяйств¹.

Столыпинская аграрная реформа способствовала росту частного крестьянского землевладения, повышению уровня агрокультуры крестьян и урегулированию поземельных отношений в белорусских губерниях. В этом плане исследование специфики проведения столыпинских аграрных преобразований на территории Беларуси приобретает особое значение, позволяя

получить опыт применения разных методов и средств интенсификации сельского хозяйства.

В историографии, посвященной проблеме столыпинских аграрных преобразований на территории Беларуси, сложились противоположные мнения и подходы. В советской исторической науке преобладала негативная оценка результатов столыпинской аграрной реформы, которая признавалась одной из причин разорения крестьянских хозяйств². Современная историография отказалась от однозначной критики итогов этой реформы. Ученые сумели показать роль столыпинского землеустройства в процессе формирования системы частного крестьянского землевладения на территории Беларуси³. Вместе с тем белорусские историки по-разному оценивают деятельность Крестьянского поземельного банка, землеустроительных комиссий и земских учреждений, которые являлись основными инструментами аграрной политики самодержавия в белорусских губерниях⁴. В связи с этим изучение специфики проведения столыпинских аграрных преобразований на территории Беларуси приобретает актуальность и особый научный интерес. Целью статьи является определение роли столыпинских аграрных преобразований в изменении социально-экономических отношений в белорусской деревне в условиях ее капиталистической трансформации.

Реализация столыпинской аграрной реформы была возложена на местные отделения Крестьянского поземельного банка, губернские и уездные землеустроительные комиссии и земские учреждения. Их активное взаимодействие должно было способствовать увеличению количества выданных ссуд и пособий для устранения чересполосицы, длинно- и дальноземелья, распространению среди крестьян более тщательной обработки пашни и посевов, приемов ведения рационального хозяйства с применением искусственных удобрений, усовершенствованных орудий труда и сельскохозяйственных машин.

Белорусские отделения Крестьянского поземельного банка установили льготную систему кредитования хуторских и отрубных хозяйств с минимальными доплатами крестьян к выданным ссудам до полной стоимости земли. Землеустроительные работы банка способствовали дроблению имений на отдельные участки для последующей продажи крестьянам, сокращению количества заболоченных угодий, обеспечению крестьян питьевой водой, улучшению состояния путей сообщения, снабжению крестьян лесоматериалами, развитию земельной аренды и разверстанию товарищеских земель. Банковский земельный фонд распродался по ценам, значительно ниже посреднических сделок, что способствовало финансовой устойчивости крестьянских хозяйств. Белорусские отделения банка приняли участие в благотворительных акциях, которые были направлены на оказание безвозмездной помощи крестьянам, оказавшимся в тяжелом материальном поло-

жении. Широкая деятельность банка привела к увеличению размеров индивидуальной земельной собственности крестьян в белорусских губерниях⁵.

В соответствии с указом Сената от 4 марта 1906 г. были созданы губернские и уездные землеустроительные комиссии для проведения землеустроительных мероприятий в крестьянском хозяйстве⁶. Мобилизация земельной собственности крестьян была невозможна без установления тесного сотрудничества между землеустроительными комиссиями и отделениями Крестьянского поземельного банка. В связи с этим были определены организационно-правовые рамки данного сотрудничества. В отношении имений, покупаемых банком за свой счет, землеустроительные комиссии участвовали в разрешении всех вопросов о целесообразности приобретения предлагаемых банку имений для землеустроительных целей; оказывали банку содействие в выяснении действительной стоимости этих имений; оказывали банку-продавцу и крестьянам-покупателям содействие в выполнении всех требуемых от них условий и формальностей⁷.

Важная роль в реализации столыпинской аграрной реформы отводилась земским учреждениям. В соответствии с принятым 27 марта 1911 г. «Положением о земских учреждениях» их деятельность распространялась на территорию Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерний. Земства активно взаимодействовали с местными отделениями Крестьянского поземельного банка. При помощи земств банк определял размеры финансовой поддержки отдельных мероприятий аграрной реформы: создание показательных хуторов, оказание агрономической помощи крестьянскому населению, организация сельскохозяйственных складов, обеспечение крестьян новой сельскохозяйственной техникой и улучшенным удобрением, распространение огнеустойчивого строительства.

В результате столыпинского землеустройства на протяжении 1907 — 1916 гг. в белорусских губерниях на надельной земле было образовано 113,8 тыс. хуторских и отрубных хозяйств площадью 1 147,2 тыс. десятин земли. Это составляло более 10 % всех крестьянских дворов и 18,7 % площади надельного землевладения белорусских губерний. Кроме надельной земли, Крестьянский поземельный банк продал под хутора и отруба в белорусских губерниях 228,7 тыс. десятин банковских земель, на которых возникло 13,5 тыс. хозяйств. На проданной крестьянам казенной земле (5,4 тыс. десятин) было создано 813 хуторских и отрубных хозяйств. Всего за 10 лет реализации столыпинской аграрной реформы в белорусских губерниях возникло 128,1 тыс. хуторов и отрубов. Совокупная площадь земли под ними составляла 1 381,3 тыс. десятин земли⁸.

В белорусских губерниях процент крестьянских дворов, которые вышли на хутора и отруба, был немного выше, чем в целом по Российской им-

перии (12 % против 10 %). На протяжении 1907 — 1910 гг. на долю Витебской и Могилевской губерний приходилось более 60 % всех хуторов и отрубов, созданных в белорусских губерниях⁹. Переход на хутора и отруба на территории Беларуси облегчался тем, что он начался еще до столыпинской реформы. Этому процессу содействовало широкое распространение здесь крестьянского подворного землевладения.

В белорусских губерниях около 90 % хуторов и отрубов было создано в ходе общего разверстания наделных общинных и подворно-наследственных земель. В качестве примера можно привести разверстание на хутора и отруба земли крестьян д. Малый Полсвиж Заболотской волости Лепельского уезда Витебской губернии¹⁰. При выделах из сельского общества отдельных домохозяев было образовано 7,1 % хуторов и отрубов и при других видах работ — 5,0 %. Следовательно, выделы на хутора и отруба отдельных домохозяев занимали сравнительно небольшое место. В этом отношении белорусские губернии стояли на предпоследнем месте среди всех регионов Европейской России, кроме Правобережной Украины, где путем выдела отдельных домохозяев было создано еще меньше участков хозяйств — 0,1 %¹¹.

В отдельных уездах Могилевской губернии наблюдаются местные особенности процесса мобилизации индивидуальной земельной собственности крестьян. По количеству хуторов и отрубов Оршанский уезд выделялся среди других уездов Могилевской губернии. Уже к августу 1907 г. здесь было разверстано 15 селений и на наделной земле образовано 210 хуторов на площади 1 553 десятин, в то время как в Сенненском уезде — 20 хуторов на площади 248 десятин, а в Чериковском — 15 хуторов на площади 1 400 десятин. В целом в 1908 г. в губернии под руководством 42 межевых техников было создано на наделной земле 1 337 хуторов общей площадью 27,3 тыс. десятин. Кроме того, было образовано 76 выселков, 318 участков общего пользования, а на банковской земле — 872 хутора, 469 отрубов и 41 участок общего пользования (всего на площади 16,6 тыс. десятин)¹².

В Минской губернии реформа более интенсивно проводилась в Речицком и Бобруйском уездах. Согласно данным на 1 января 1915 г. в Речицком уезде зарегистрировано 3 694 землеустроенные индивидуальные крестьянские хозяйства, в Бобруйском — 3 043. Всего в Минской губернии было охвачено землеустройством 295 селений на площади 259 тыс. десятин¹³.

В Витебской губернии вышли на первое место Витебский, Велижский, Режицкий и Двинский уезды. В Гродненской губернии в 1913 г. насчитывался 11 671 хуторянин и отрубник, в том числе в Кобринском уезде — 5 249 (свыше 48 %), Брестском — 1 083, Слонимском — 1 353. На эти три уезда приходилось в губернии более 66 % всех хуторов и отрубов¹⁴.

Столыпинская аграрная реформа предусматривала переселение мало-земельного и безземельного крестьянства в Сибирь и на Дальний Восток. В этих условиях Крестьянский поземельный банк становится эффективным инструментом переселенческой политики правительства Российской империи. Деятельность банка способствовала росту территориальной мобильности крестьянства белорусских губерний.

Белорусские отделения Крестьянского поземельного банка заключали сделки на покупку земельных участков крестьян-переселенцев и оказывали им денежную помощь через выдачу краткосрочных ссуд и безвозвратных пособий. Средняя выручка крестьян от проданной наделной земли составила в Минской губернии — 194 руб., Виленской — 227, Могилевской — 245, Витебской — 262 руб.¹⁵ Безвозвратную денежную помощь получили 6,0 % переселенцев, дорожные — 0,6 % и краткосрочную ссуду — 10,3 % переселенцев¹⁶.

В 1907 — 1914 гг. из пяти белорусских губерний в Сибирь и на Дальний Восток переселились 335,4 тыс. человек, что составляло 11,6 % переселенцев из Европейской России. Из них 240,8 тыс. (71,8 %) приходилось на Могилевскую и Витебскую губернии. Наиболее сильная крестьянская волна переселений наблюдалась в 1907 — 1909 гг., когда из белорусских губерний переселилось 248,4 тыс. чел., или 74,1 % переселенцев этого периода¹⁷. С 1910 г., когда началась обратная волна переселений, количество переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток резко сократилось¹⁸.

Таким образом, специфика проведения столыпинских аграрных преобразований на территории Беларуси заключалась в активном взаимодействии местных отделений Крестьянского поземельного банка, землеустроительных комиссий и земских учреждений, что привело к широкому распространению индивидуального крестьянского землевладения путем общего разверстания наделных общинных и подворно-наследственных земель и росту территориальной мобильности малоземельного и безземельного крестьянства посредством миграции в Сибирь и на Дальний Восток.

Столыпинская аграрная реформа привела к частичному распаду общины, расширению системы частного крестьянского землевладения, формированию хуторских хозяйств, распространению приемов рационального ведения хозяйства, урегулированию поземельных отношений и росту территориальной мобильности крестьянства, что способствовало ускорению модернизационных процессов в Российской империи. Реформа не была завершена в связи с событиями Первой мировой войны и Февральской революции. Тем не менее полученные результаты позволяют рассматривать столыпинские аграрные преобразования в качестве альтернативы революционным трансформациям развития государства.

Библиографические ссылки

- ¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). Ф. 47. Оп. 1. Д. 530. Л. 1.
- ² См.: **Липинский Л. П.** Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Мн., 1978. 223 с.
- ³ См.: **Кухаренко А. А.** Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси (1906 — 1914) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мн., 2014. Вып. 9. С. 51 — 61.
- ⁴ См.: **Таранович К. Ю.** Деятельность землеустроительных комиссий по реализации столыпинской аграрной реформы в Беларуси (1906 — 1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 2016. 27 с.
- ⁵ См.: **Кухаренко А. А.** Землеустроительная деятельность... С. 18.
- ⁶ НИАБ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 185.
- ⁷ См.: **Кухаренко А. А.** Архивные документы по истории белорусских отделений Крестьянского поземельного банка // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 30.
- ⁸ См.: **Першин П. Н.** Участковое землевладение в России. Хутора и отруба, их распределение за десятилетие 1907 — 1916 гг. и судьбы во время революции (1917 — 1920 гг.). М., 1922. С. 46 — 47.
- ⁹ См.: **Липинский Л. П.** Указ. соч. С. 72.
- ¹⁰ НИАБ. Ф. 2611. Оп. 1. Д. 352.
- ¹¹ См.: **Липинский Л. П.** Указ. соч. С. 75.
- ¹² Там же. С. 74.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 129.
- ¹⁶ См.: Вопросы колонизации. 1910. № 26. С. 17.
- ¹⁷ См.: **Турчанинов Н.** Итоги переселенческого движения за время с 1896 г. по 1909 г. (включительно). СПб., 1910. С. 32 — 35.
- ¹⁸ См.: **Турчанинов Н.** Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг., 1916. С. 30 — 34.

УДК 271.2:94(470.345)

Т. П. Реброва

*Мордовское отделение Международной общественной организации
«Императорское Православное Палестинское Общество» (г. Саранск)*

УЧАСТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И ПАЛОМНИЧЕСТВА НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ СРЕДИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Статья посвящена просветительской работе действительных членов Императорского Православного Палестинского общества среди мордовского населения, проживавшего на территориях Симбирской, Тамбовской, Нижегородской и Пензен-

ской губерний и организации паломничества с целью расширения знаний о Святой Земле.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, Святая Земля, паломничество, пожертвования, просветительская работа, монастыри.

До революции 1917 года территория современной Мордовии входила в состав четырех губерний: Симбирской, Тамбовской, Нижегородской и большая часть в составе Саранского, Инсарского, Краснослободского, мордовских селений Наровчатского уездов Пензенской губернии. Духовенство и жители данных уездов принимали активное участие в деятельности отдела Императорского Православного Палестинского общества, открытого 30 января 1894 г. под председательством епископа Пензенского и Саранского Павла. Из 100 членов, вступивших в общество при организации отдела, 27 человек проживали в уездах Мордовии, в том числе в г. Саранске — 2, Саранском уезде — 10, Краснослободске — 5, Краснослободском уезде — 3, в Инсарском уезде — 7.

В разные годы в числе действительных пожизненных членов Общества были настоятельница Пайгармского Параскево-Вознесенского женского монастыря Инсарского уезда игуменья Евпраксия, протоиерей того же монастыря Иоанн Белозерский (монастырь был основан почетным членом ИППО пензенской дворянкой М. М. Киселевой, на средства которой были построены и два христианских храма на Святой Земле, в Назарете и Иерихоне). Память о благодетельнице ИППО увековечило на мемориальной доске Александровского подворья в Иерусалиме. Пожизненными членами-сотрудниками Общества являлись: архимандрит Краснослободского Спасо-Преображенского монастыря Григорий, игумены Краснослободского Успенского монастыря Евагрия, Чуфаровского Троицкого монастыря Саранского уезда Евгения, Куриловского Тихвинского монастыря Саранского уезда Серафима, а также благочинный 1-го округа Инсарского уезда протоиерей Иоанн Щепотин, краснослободский купец И. Д. Голов; членами-сотрудниками с ежегодным взносом были: викарий Пензенской епархии, епископ Краснослободский Григорий, благочинные Саранских градских церквей протоиерей Димитрий Охотин, 1-го и 3-го округов Саранского уезда протоиереи Иоанн Сатурнов и Валериан Успенский, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го округов Инсарского уезда священник Константин Виноградов, протоиерей Василий Александровский, священники Николай Свищев и Павел Конкретов, 2-го и 3-го округов Краснослободского уезда священники Алексей Гроздов и Василий Викторов; игумен Саранского Петропавловского монастыря Митрофан, священник Пайгармского монастыря Иоанн Кочетов, игуменья Краснослободского Троицкого монастыря Рафаила, священники Саранского уезда с. Подлесная Тавла — Николай Рысаков, Воротники — Феодор Тихов, Архангельское Голицыно — Иоанн Феодосиевский, с. Ключи —

чищи Инсарского уезда — Иоанн Шуструйский, с. Покровское Наровчатского уезда — Михаил Прозоров, земский начальник П. А. Олферьев, нотариус В. П. Теплов (Саранск), Инсарский уездный исправник П. И. Иванов, земский начальник М. Д. Макулов, городской голова купец Н. А. Ненюков (Краснослободск) и др.

Члены ИППО занимались ознакомлением населения уездов со Святой Землей путем проведения народных чтений, раздачи книг, брошюр, листов. Чтения проводились не только в церквях, но и в школах, военных казармах, тюрьмах. В первые годы существования отдела чтения проводились в уездах Мордовии. Только в церкви села Сивиньский завод Краснослободского уезда в конце 1890-х гг. к ним присоединились церкви сел Шувары, Новое Акшино — Инсарского, Ромоданово, Кочкурово — Саранского, Кочелаево — Наровчатского, Урей, Мамолаево, г. Троицк — Краснослободского уездов. Затем как количество церквей, так и количество проводящихся в них чтений значительно возросло. Так, в течение года, с 1 марта 1910 по 1 марта 1911 г., в селах Саранского уезда было проведено 45 чтений, Инсарского — 54, Краснослободского — 65, в мордовских селах Наровчатского уезда — 25, всего 189. При проведении чтений о Святой Земле в этом году наиболее отличились: священник церкви с. Унуевский Майдан Инсарского уезда Иоанн Европейцев, который провел 13 чтений, и с. Колопино Краснослободского уезда Феодор Каменский — 11 чтений. В 1913 г. в Саранске было проведено 54 чтения, Саранском уезде — 186, в Инсаре — 8, уезде — 380, в Краснослободске — 32, уезде — 416, в мордовских селах Наровчатского уезда — 166, всего — 1 658 чтений.

Кроме уплаты членских взносов члены Общества занимались сбором пожертвований на нужды православных в Иерусалиме и на Святой Земле путем кружечных и тарелочных сборов в церквях, в местах проведения чтений, продажей паломнических билетов и др. Так, в 1910 г. на эти цели было пожертвовано архимандритом Саранского Петропавловского монастыря Алексеем — 20 руб., игуменьей Пайгармского монастыря Евпраксией — 14 руб. и др. За собранные средства неоднократно получались Благодарности председателя ИППО великой княгини Елизаветы Феодоровны¹.

В фонде Саровского монастыря, хранящегося в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, имеются документы о связи данного монастыря со Святой Землей, а именно: «Описание мест, связанных с И. Христом в Иерусалиме», составленное во время пребывания монахов Саровского монастыря в этом городе; сообщение Тамбовской духовной консистории игумену Саровского монастыря Иерофею об оставлении иеромонаха Саровской пустыни Фотия по ходатайству начальника Иерусалимской Духовной миссии архимандрита Леонида в этой миссии на третий срок; удостоверение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, выданное иеромо-

наху Саровской пустыни Фотию о службе в миссии в течение 15 лет; «Заграничный паспорт» монаха Саровского монастыря Парфения, направленного в Иерусалим и др.

В ЦГА РМ сохранились дело «О доставлении Палестинскому обществу рукописи иеромонаха Милетия о путешествии его в 1794 году в Иерусалим», переписка Тамбовского отделения ИППО с настоятелем Саровской Пустыни Игуменом Иерофеем о денежных переводах в пользу Иерусалимской церкви, на нужды православных в Иерусалиме и Святой Земле, на улучшение быта православных паломников. Сохранились также бланки денежных переводов и др.²

22 декабря 2017 г. по благословению Митрополита Саранского и Мордовского Зиновия в Саранске состоялось Учредительное собрание, на котором было создано Мордовское отделение ИППО. Изучение просветительской работы и организация паломничества на Святую Землю действительными членами ИППО среди мордовского народа, проживавшего на территориях Симбирской, Тамбовской, Нижегородской и Пензенской губерниях, позже вошедших в состав современной Мордовии, а также распространение знаний о деятельности ИППО в новых исторических условиях стали одним из приоритетных направлений работы Мордовского отделения Императорского Православного Палестинского Общества.

Библиографические ссылки

¹ См.: Пензенские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1895. № 11. С. 111 — 123; 1898. № 16. С. 203 — 206; 1899. № 16. С. 146 — 156; 1911. № 17. С. 555 — 573; 1914. № 5. С. 121 — 123; 1914. № 18. С. 509 — 525.

² ЦГА РМ. Ф-1. Оп. 1. Д. 489. Л. 58 — 61; Д. 1255. Л. 65; Д. 1255. Л. 92об.; Д. 332.

УДК 94(47)

И. С. Свиридов
(Липецкая обл., г. Чаплыгин)

РОСТ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В НАЧАЛЕ XX в. (По материалам Центральной России)

В статье анализируются причины роста самосознания великорусских крестьян в начале XX в. Выяснено, что под влиянием отходнической деятельности крестьян началась переоценка ценностей в великорусской деревне. Установлено, что политический фактор оказал решающее влияние на становление нового типа крестьянина. Выявлено, что основной причиной их увлечения революционными идеями является стремление

к справедливости. Доказано, что рост самосознания крестьянства был связан с кризисом духовной сферы их жизнедеятельности, а не материальной.

Ключевые слова: отходничество, справедливость, война, пропаганда.

К началу XX в. духовное состояние крестьянства сильно изменилось. Основной причиной этого явления следует назвать возвращение из городов крестьян-отходников, несших совершенно иное мировоззрение в великорусскую деревню — мировоззрение крестьянина-промышленника. Отмечая влияние отхожих промыслов на деревенскую жизнь в начале века, современники тех событий писали: «Стремление пощеголять у деревенской молодежи сильно развито у обоого пола. Чтобы справиться какой-нибудь пиджак, продавали теленка, овец, девке на платье — корову. Все гнались друг за другом, и никому не хотелось отстать. В появлении нарядов была повинна Москва. Чай уже в то время входил в большое употребление, самовары заводили почти во всяком дворе»¹. «Курение табаку и табачный дым портит воздух во многих избах. В Животинном курят табак в 59 избах, в Моховатке — в 46, всего в 105 избах, т. е. в 64,3 % всех обитаемых строений. Ничтожное потребление населением чая, сахара — факт, давно известный относительно русской деревни. Эти продукты ей не по плечу»². Соглашался с ним и другой современник, утверждавший, что, «пожившие в городе, особенно из молодежи, насмотревшись городских обделанов, возвращаясь, домой, думают, что они умнее стали, если сняли поддевку да надели пиджак или вместо картуза начали носить шляпу-фетр»³.

Действительно, городская культура была чужда сельскому населению не только по мысли, но и по духу, «в городе крестьянин чувствовал себя всегда окруженным обидчиками. Поэтому-то, по крайней мере, у наших односельчан, создавалось впечатление, что город враждебен к ним, и отсюда боязнь и неприязнь крестьян»⁴, — отмечал выходец из крестьянства Ив. Столяров.

Под воздействием этих обстоятельств в великорусской деревне в начале XX в. появился «новый тип мирского человека, который сделался творцом и пестуном общественных начинаний, но низким был его уровень культурного развития»⁵. Этот «новый тип» и был, по нашему мнению, представителем «новой культуры», усвоенный дворянством XVIII в. Характерными чертами «новой культуры» великорусского крестьянства являлись светский характер, открытость (готовность, стремление к общению с другими культурами), изменение отношения к человеческой личности, ускорение темпов развития, жажда знаний, имеющих практическое значение.

Об изменениях в крестьянской среде отмечалось в «Трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности»: «В деревенской жизни многое отжило свое время, и, если деревня хочет и должна жить,

она должна переоценить свои вековые ценности»⁶, — считал один из представителей Особого совещания. Однако правительство не спешило прислушиваться к мнениям современников, призывающих обратить внимание на возрастающую переоценку ценностей сельским населением, а, между тем, «лучшие силы деревни уходили в города. Народ не хочет оставаться в прежней нищете, в прежнем бесправии. Он страстно ищет и требует новых порядков жизни, при которых было бы больше правды и справедливости...»⁷.

Поиск правды и справедливости — эта самая яркая черта духовности великорусского крестьянства и стала главной причиной крестьянских волнений, разразившихся в 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях. Именно с этого времени, согласно мнению историка В. П. Данилова, и началась в России революция. «В 1902 году на историческую сцену, — писал он, — открыто выступил новый крестьянин — крестьянин эпохи революции»⁸. Точка зрения В. П. Данилова частично была поддержана американским историком Т. Шаниным. Однако начавшееся движение было подавлено.

9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге произошел расстрел мирных демонстрантов, возглавляемых священников Гапоном, или так называемое Кровавое воскресенье. Однако серьезных последствий, повлиявших на великорусское крестьянство, данное событие не произвело. Свидетель тех происшествий, один из видных деятелей партии кадетов В. П. Обнинский отмечал, что «в деревне больше, чем где-либо, отрицательно относились к забастовочному принципу; не видя реальных последствий, крестьяне-землепашцы склонны были приписывать выступления рабочих той „блажи“, в которой всегда подозревает лапотник земляка в пиджаке и городских сапогах „бутылками“»⁹.

Совершенно иное значение придавали русские крестьяне Русско-японской войне, начавшейся за год до революционных действий. «Зимой (в декабре 1904 г. — *И. С.*) на нашу страну напала какая-то страна Япония. Где она и большая ли, сначала мы не знали. Ну, говорили все у нас, Японию русские шапками закидают. Но нашим войскам приходилось все время отступать от японской армии, что старики и мы были очень удивлены, почему так: Россия, наша страна, ранее всех врагов били, а тут какая-то Япония и колотит русских»¹⁰, — сообщалось в летописи с. Зачатье Архангельской губернии за 1904 г. Возмущались крестьяне тем, что основные тяготы войны ложились исключительно на их домохозяйства («речи о том, чтобы спросить мнения нашего относительно того, воевать ли с Японией или нет — ни одна газета не заводит!»), тем, что отправлялись погибать в далекие неизведанные земли («для завоевания никому для нас ненужной Маньчжурии») и т. д.¹¹ Однако в то же время этот военно-политический конфликт способствовал увеличению интереса крестьян к политике: «Выписали мы газету (у нас есть грамотные), стали читать про войну, что там делается, и что за люди японцы.

Оказалось, что они народ, хотя маленький, а так нас поколотили, что долго не забыть такого урока. И за все это придется платить нам, крестьянину и рабочему люду, в виде разных налогов. Все это ляжет на крестьянскую шею»¹², — справедливо упоминалось в приговоре-наказе крестьян с. Казакова Арзамасского уезда Нижегородской губернии.

Появление интереса к публицистике и государственным делам у крестьян берет начало именно с этого внешнеполитического события. «Прежде все интересовались войной, благодаря этому и стали выписывать газеты, теперь, когда война кончилась, интерес перешел на внутренние дела»¹³, — констатировал Н. М. Сурин.

Повышение интереса к внутренним делам государства зависело и от пропагандистско-агитационной работы оппозиционеров радикального толка. Активнее всего действовали в великорусской деревне представители партии социалистов-революционеров (эсеры). «Мы решили серьезно взяться за постановку особой библиотеки для деревни. Нелегальных книжек в ней почти не было. Да и что было предложить мужику из тогдашней литературы нелегальной? Две-три брошюры, лучшая из которых — „Хитрая механика“ — была переполнена архаизмами, вроде обличения давно минувшего в вечность соляного налога»¹⁴, — вспоминал впоследствии лидер партии эсеров В. М. Чернов. В связи с этим миссия по «революционному просвещению» крестьян была возложена на Е. К. Брешко-Брешковскую, которая развивала методы эсеровской пропаганды в крестьянстве, выразившиеся в массовой организации кружков в деревне, постановке издательского дела и распространении литературы. Привлекала крестьян и идея аграрной реформы эсеров, сводившаяся к тому, что «землей должен пользоваться тот, кто желает ее обрабатывать». В результате этого в 1905 г. появился Всероссийский крестьянский союз — «организация чисто крестьянская, в которой нет ни господ, ни богачей». «Он добивается получения одинаковых прав для всех на землю и на участие в государственных делах, — сообщал один из его организаторов. — Землю должны пользоваться все те, кто желает обрабатывать ее своими собственными руками»¹⁵.

Выражая собственные устремления, крестьяне требовали решения аграрного вопроса, заключавшегося «в вознаграждении землей не дворян, а монастыри» и «даже оставить у них часть земли, ибо монастырям мы более доверяем, чем дворянам»¹⁶. Всероссийский крестьянский союз к октябрю — декабрю объединил до 200 тыс. чел. Укажем, что, по мнению современного иностранного исследователя, «только пропаганда могла пролоббировать идеи революции, предназначенные для рабочего класса среди крестьян»¹⁷.

Кроме эсеров, широкую агитационную работу в сельской местности проводили представители партии социал-демократов (а именно — больше-

вики). «Еще до 1906 г. я снабжал отдельных передовых крестьян Горицкой волости Тверской губернии разного рода и нелегальной (прокламации и пр.) и полулегальной литературой (вроде, например, изданий „Донской речи“ и др.) и вел с ними беседы на жгучие политические темы. В конце весны 1906 года я организовал в волости небольшой кружок, состоящей помимо меня из крестьян дер. Наумово»¹⁸, — вспоминал А. М. Большаков. Но воззрения большевиков в годы Первой русской революции были малопонятны крестьянам. «Народ боится их. Не понимает их. Дело в том, что компартия против Бога»¹⁹, — писал англичан Ч. Р. Бекстон уже о Советской России 1920-х гг. Однако, на наш взгляд, его мнение можно распространить и на более ранний период. В подтверждение этого приведем заключение, сделанное А. С. Пругавиным в 1905 г. о российской интеллигенции: «Они забыли, что народ не отделяет религии от жизни, так как религия является для него и моралью, и философией, и этикой и социологией»²⁰.

Отметим, что, согласно мнению современного российского исследователя С. В. Перевезенцева, «вековечное русское желание построить рай на земле, русская вера в Царство Небесное на земле существуют, они есть. Но есть и другое — довольно четкое, логически обоснованное понимание невозможности такого „земного рая“. Ибо мир конечен»²¹.

Однако, несмотря на это, революционные идеи будоражили умы сельского населения. Так, сапожковским уездным исправником в письме рязанскому губернатору звучало следующее предостережение: «Настроение у крестьян сел Красное и Красного угла, а в особенности последнего, самое тревожное, и по имеющимся частным сведениям крестьяне собираются произвести грабежи по разным хуторам, принадлежащим кн. Голицыну»²². Так, 12 мая 1905 г. крестьяне с. Братовка Раненбургского уезда Рязанской губернии пришли толпой на хутор купца Никитина, погрузили имевшееся на хуторе зерно и отвезли в село»²³.

Основной причиной увлечения крестьян революционными идеями и разгрома помещичьих усадеб следует считать стремление крестьян к справедливости. Так, по мнению современного исследователя Л. И. Земцова, крестьянская справедливость выражалась в «Божией правде — правде во всем», в «справедливом распределении земли»²⁴. По словам одного из участников тогдашних революционных событий, «Евангелие, Молитвенник и Псалтирь являлись постоянными настольными книгами у нас в каждом доме. Книги же с научными знаниями попадали в очень редкие дома»²⁵.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что начавшееся крестьянское пробуждение не затронуло зажиточных крестьян великорусской деревни: «Богатеи и кулаки пытаются подавить в самом зародыше движение»²⁶. Однако, несмотря на это, остановить процесс пробуждения самосознания было уже невозможно, поскольку, по убеждению самих «пробудившихся»

крестьян, происходящие события — «не смута и не междоусобие», а «это встает после глубокого сна русский народ-богатырь»²⁷. В подтверждение этому можно привести мнение Л. Н. Толстого по данному вопросу из его запрещенной к публикации статьи «Не могу молчать»: «Причина совершающегося никак не в материальных событиях, а все дело — в духовном настроении народа, которое изменилось и которое никакими насилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию»²⁸.

Так, по мнению П. М. Семенова-Тян-Шанского, в с. Рязанка Данковского уезда Рязанской губернии, «народ не тот стал, совсем ослабел. Причинами — вино (особенно торговля вином из казны) и начальство, которое в старину было построже, а нынче совсем ослабело. <...> Нынче богатый мужик пуще бедного совесть потерял. Так-то и богатеют нашими боками. А нынче только и думы у него, как бы карман покрепче набить. Правда твоя. Вот у нас старшина ходит; пузо набил и ни одного человека не пропустит, чтоб его не обложить»²⁹.

Несомненно, что стремления «пробудившихся» крестьян находили выражение в их требованиях: народной власти и народного управления, отмены земских начальников, станowych, исправников и прочей полиции, устройства земской волости, равные права с остальными сословиями, выборную власть и т. д. Было и такое предложение — выборных депутатов в Думу (с возрастным цензом не менее 20 лет) выбирать по совести, от каждого уезда по 1 депутату³⁰.

Укажем и возникшие новые типы крестьян. Первый из них назывался оратором. Он был голоден к слову, по преимуществу молчал несколько лет, но в прошлом году (в 1905. — *И. С.*) некий человек наставил его на путь, записывал в книжку слова собеседника, требовал перехода брошюры с «интеллигентного» языка на русский. Второй тип был представлен крестьянином — физическим вожаком с огромными кулаками, большими глазами, был не по «интеллигентной части», а «давал толчки». Третий тип был представлен молодым человеком, очень молчаливым со странным взглядом идейного экстаза. Нельзя было решить, слушает он речи или думает о своем («Кто его знает, молчит, все думает. Пожалуй, зарежет кого-нибудь»³¹).

Таким образом, в начале XX в. существенную роль в пробуждении самосознания великорусского крестьянства сыграли как произошедшая Русско-японская война, так и агитация эсеров, способствовавшая организации и деятельности Всероссийского крестьянского союза, а также пропаганда социал-демократов. Поиск крестьянами правды-справедливости выступал основной причиной увлечениями революционными идеями и разгрома помещичьих усадеб. Рост самосознания великорусского крестьянства в начале XX в. был связан с кризисом духовной сферы их жизнедеятельности, а не материальной.

Библиографические ссылки

- ¹ Семенов С. Т. В родной деревне. М., 1904. С. 23.
- ² Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907. С. 52, 105.
- ³ Купчинов И. П. Крестьянское самоуправление : Очерк законов, близких к крестьянской жизни. СПб., 1904. С. 144.
- ⁴ Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца : Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 356.
- ⁵ Записка Ф. Н. Плевако об имущественных и правовых воззрениях крестьян // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. ХLI: Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 27, 29.
- ⁶ Маслов С. Восходящая сила // Крестьянская Россия : сб. ст. по вопр. общественно-полит. и экон. Прага, 1922. С. 268.
- ⁷ Николаев А. А. Оскудение деревни // Крестьянская библиотечка. 1904. № 4. С. 31 — 32.
- ⁸ Данилов В. П. Насилие против насилия : (Крестьянская революция в России. 1902 — 1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке : избр. тр. М., 2011. Ч. 2. С. 216.
- ⁹ Обнинский В. П. Новый строй. М., 1911. Ч. I. С. 104 — 105.
- ¹⁰ Заборский Н. И. Летопись села Зачатье // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 698.
- ¹¹ Ларский И. По поводу // Мир Божий. 1905. № 8. С. 60.
- ¹² Приговор-наказ крестьян с. Казакова Арзамасского уезда Нижегородской губернии (2 ноября 1905 г.) // Приговоры и наказания крестьян Центральной России : сб. док. М., 2000. С. 87.
- ¹³ Сурин Н. М. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. М., 1907. С. 31.
- ¹⁴ Чернов В. М. Перед бурей : Воспоминания. М., 1953. С. 96.
- ¹⁵ Столяров Ив. Указ. соч. С. 462.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. 518. Оп. 1. Д. 44. Л. 127.
- ¹⁷ Figes O. The Russian revolution and its language in the village // Russian Review. 1986. P. 335.
- ¹⁸ Большаков А. М. Деревня в 1917 — 1927 гг. М., 1927. С. 210 — 213.
- ¹⁹ Бекстон Ч. Р. В русской деревне / пер. с англ. С. В. Антропова. М. ; Пг., 1923. С. 36, 41.
- ²⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.
- ²¹ Перевезенцев С. В. Русский выбор : Очерки национального самосознания. М., 2007. С. 13.
- ²² Государственный архив Рязанской области (далее: ГА РО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 4516. Л. 14об.
- ²³ См.: Из прошлого Липецкого края. Липецк, 1959. С. 160.
- ²⁴ Земцов Л. И. Самосознание русского крестьянства в начале XX века (по материалам думских прений) // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX — XXI вв.: материалы IV Междунар. науч. конф. Липецк, 2015. С. 226.
- ²⁵ Муракин П. Тишина близ шума // Деревня в 1905 году по воспоминаниям крестьян. М., 1930. С. 11.

²⁶ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

²⁷ Приговор сельского схода крестьян с. Маркова Московской губернии. М., 1905. С. 9.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

²⁹ Дневник Павла Михайловича Семенова-Тян-Шанского // Личный архив семьи Семеновых-Тян-Шанских. г. Санкт-Петербург. Л. 1 — 3, 15.

³⁰ ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

³¹ **Тан (Богораз В. Г.)** Новое крестьянство : Очерки деревенских настроений. СПб., 1906. 126 с.

УДК 334.71(470.345)

М. И. Святкин

МОУ «Гимназия № 19» (г. Саранск)

МОРДОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье на основе дореволюционных статистических документов, отчетов губернских и уездных земских комитетов рассмотрен уровень развития промысловой деятельности во второй половине XIX — начале XX в. среди мордвы.

Ключевые слова: мордва, промыслы, ремесла, поселения.

Пореформенная эпоха характеризовалась быстрым развитием кустарных промыслов. Это явление отмечалось не только в русской, но и в мордовской деревне. Однако по темпам развития кустарной промышленности мордовские промысловики отставали от русских. Среди мордвы были распространены те же виды кустарничества, что и среди русских.

В мордовских селениях во второй половине XIX — начале XX в. постепенно расширялось кустарное производство. Крестьяне начинают специализироваться в определенном виде кустарничества. Обычно в мордовских селах наблюдалось наличие сразу нескольких кустарных промыслов, но были и специализировавшиеся на одном промысле. В подобных населенных пунктах, как правило, создавались кустарные артели. Сообща было работать легче, а уровень доходности и производительности резко увеличивался.

Мордовский народ на протяжении истории являлся одним из самых многочисленных среди финно-угорских народностей. По данным Всероссийской переписи 1920 года, общее количество мордовского населения составило 1 154 301 чел. обоего пола. Наибольшая доля мордвы была представлена в таких губерниях, как Самарская (239 950 чел.), Пензенская (209 506), Симбирская (204 454), Саратовская (150 925), Тамбовская (108 945), Нижегородская (66 849 чел.)¹.

В мордовских селениях Пензенской губернии в конце XIX — начале XX в. были распространены следующие кустарные промыслы: гончарный, ткацкий, деревообрабатывающий, корзиноплетение, кожевенный, кирпичный. Некоторые из этих промыслов, как, например, кожевенный и кирпичный, были сосредоточены в очень ограниченном районе, включающем одну — две деревни и ими занимались небольшое число кустарей.

Бондарный промысел широко был распространен в Городищенском (с. Сабаново, Алово) и Мокшанском уездах, в которых насчитывалось около 230 кустарей-бондарей, а также в с. Ачадово, Анаево, Каргашино Спасского уезда Тамбовской губернии; с. Налитово Карсунского уезда Симбирской губернии². Бочки пользовались широким спросом у населения. Спиртовые бочки часто изготавливали из готового материала, который доставляли винокуренные заводчики. Одна бочка стоила около 60 копеек. Кровельный материал всегда пользовался спросом у населения, поэтому промыслы, связанные с его производством, были широко распространены. Производством кровельной стружки занимались в с. Сентмино Пензенской губернии. Произведенный товар продавали по 25 — 30 копеек за тысячу стружек и отправляли во Владимирскую, Тамбовскую, Саратовскую губернии. Стружку чаще изготавливали из осины³.

Экипажный промысел был распространен в мордовских селениях: Кулдым и Сарга Инсарского уезда Пензенской губернии; Ачадово, Пичпанды, Тархановская Потьма, Журавкино Спасского уезда Тамбовской губернии; Дегилевка Саранского уезда Пензенской губернии; Болдасево, Маресьево Ардатовского уезда Симбирской губернии; Старое Ардашево, Лесное Плуково, Цылино Темниковского уезда Тамбовской губернии. Высоким уровнем качества и красоты отличались изделия мордовских кустарей-тележников сел Тархановская Потьма Ачадовской волости Спасского уезда Тамбовской губернии и Дегилевка Саранского уезда Пензенской губернии⁴.

В Краснослободском уезде Пензенской губернии в конце XIX в. было зарегистрировано около 7 000 кустарей. В некоторых селах занимались разными видами промысловой деятельности. Например, в с. Шишкеево Инсарского уезда Пензенской губернии изготавливали сундуки, столы, деревянную посуду, чашки, корыта. Промысел по производству посуды встречался реже среди мордвы. Кустари-посудники были в с. Верхняя Мувала Городищенского уезда Пензенской губернии⁵.

Широкое распространение среди мордвы получили промыслы по обработке растительного волокна. Так, в с. Новлей, Адашево Инсарского уезда Пензенской губернии и Гуляево Лукояновского уезда Нижегородской губернии кустари изделия из растительного волокна производили не только для себя, но и для продажи. Однако сырья не всегда хватало, поэтому крестьянам приходилось его закупать в соседних селах. Так, например, в с. Гуляево Лу-

кояновского уезда обработкой пеньки было занято 9 — 10 крестьянских семей, которые круглый год закупали в ближайших селах пеньку и обрабатывали ее⁶.

Сапожным и башмачным промыслами обычно занимались мужчины. Сырье для производства чаще закупали в кожевенных лавках. Кустари-сапожники были в таких мордовских селах, как Тархановская Потьма, Кажлодка Спасского уезда; Атюрьево, Бабеево Темниковского уезда; Кулясово Ардатовского уезда, Кабаево Алатырского уезда. Сапоги в среднем стоили до 5 руб. 50 коп., а башмаки до 2 руб.⁷ Обувь чаще всего у кустарей приобреталась оптом скупщиками, которые уже занимались их продажей на крупных ярмарках и базарах.

Лапотный промысел из-за высокой востребованности в лаптях был распространен повсеместно в мордовских селах. Однако наибольшая концентрация лапотников, которые занимались промыслом не только для самообеспечения семьи лаптями, но и для продажи, наблюдалась в следующих селах: Кученяево Алатырского уезда, Судосево Карсунского уезда.

Наибольшее распространение в мордовских селениях получил шерсточесальный промысел. Так, если в Алатырском и Ардатовском уездах среди русского населения доля кустарей, занимавшихся шерсточесальным промыслом, составляла 4,2 %, то среди мордвы — 13,4 %. Этот промысел был распространен в следующих мордовских селениях: Болдово, Кулдым, Теризморга Инсарского уезда; Папулево, Манадыши Ардатовского уезда; Жабино Алатырского уезда, Тархановская Потьма Спасского уезда⁸.

Ткачеством занимались исключительно женщины. Второстепенные работы, например разматывание пряжи, выполняли подростки. Широко распространено было ткачество в Мокшанском уезде Пензенской губернии. Изделия ткацкого промысла пользовались спросом у населения. Цены на них в конце XIX в. были следующие: сукно от 70 коп. до 1 руб. 25 коп. за аршин (71 см), мешки — по 25 коп. за штуку, подпруги — 15 — 20 коп., фартуки по 50 коп.

Широко распространенными промыслами в мордовских селениях были валяльный и вязальный. Кустари-валяльщики были в таких селах, как Старое Ардатово, Урусово Алатырского уезда; Старые Верхисы Инсарского уезда; Коченяевка Ардатовского уезда. Если вязальный промысел был исключительно женским занятием, то валяльным обычно занимались мужчины, так как это дело требовало больших усилий. Валенки иногда расшивали женщины. В Нижегородской губернии в конце XIX — начале XX в. пара варежек стоила от 10 до 35 коп., носки из серой шерсти — 25 коп., из белой — 35 — 40 коп. Следует отметить то, что высокие цены на шерсть препятствовали развитию вязального и валяльного промыслов, поэтому кустари часто сами занимались овцеводством, чтобы не закупать сырье. Валенки продавали по следующим ценам: детские — от 50 коп. до 1 руб. 50 коп., женские — от 1 руб. до 2 руб., мужские — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп.⁹

Кузнечный промысел редко был представлен крупными скоплениями кустарей в отдельных мордовских селах. Обычно он носил ремесленный характер и кустари им чаще занимались индивидуально. Кузнечный промысел был развит и распространен в следующих мордовских селениях: Болдово, Кулдым, Вертелим Инсарского уезда; Кочкурово Саранского уезда; Шугурово, Киржеманы, Собаченки Ардатовского уезда; Шокша Темниковского уезда; Кочелаево Наровчатского уезда; Кабаево, Дубенки Алатырского уезда. Среди мордовских кузнецов были умельцы, которые производили изделия, отличающиеся высоким уровнем качества. Например, в с. Кабаево Алатырского уезда кузнец Дешкин изготавливал триера, которые по качеству превосходили изделия русских кустарей из ближайших сел¹⁰.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. наблюдается расширение промысловой деятельности и специализация отдельных ее видов в некоторых населенных пунктах и уездах. Так, в Спасском уезде Тамбовской губернии доминировали деревообрабатывающие промыслы, в Алатырском и Ардатовском уездах Симбирской губернии — шерсточесальный и валяльный, в Саранском уезде Пензенской губернии широко был распространен экипажный промысел.

В настоящее время в некоторых мордовских селениях сохраняются отдельные виды промысловой деятельности. Например, широко распространен валяльный промысел в селах Ардатовского района Республики Мордовия — Урусово, Жабино, Старое Ардатово. В с. Подлесная Тавла Кочкуровского района мордовские мастера занимаются резьбой по дереву, изготавливают деревянные игрушки.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние / под редакцией Г. А. Полумордвинова. Пенза, 1927. С. 2, 3.

² См.: **Фирстов И. И.** Основные виды кустарных промыслов в пореформенной Мордовии // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII — XX вв. Саранск, 1978. С. 37.

³ См.: Кустарные промыслы: текущая статистика за 1895/96 сельскохозяйственный год. Спб., 1897. С. 194.

⁴ См.: **Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 38.

⁵ См.: Кустарные промыслы... С. 195.

⁶ См.: **Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 41.

⁷ См.: Кустарные промыслы... С. 56.

⁸ См.: **Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 45.

⁹ См.: Кустарные промыслы... С. 54, 55.

¹⁰ См.: **Фирстов И. И.** Указ. соч. С. 49.

УДК 908

Г. А. Чернов*Пензенский государственный университет (г. Пенза)*

К ВОПРОСУ О ДОЛЖНОСТНЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(По материалам ревизии Пензенской палаты уголовного суда)

На примере ревизии Пензенской палаты уголовного суда рассматривается проблема взяточничества и вымогательства чиновниками в Российской империи. Приводятся материалы двух уголовных дел о должностных преступлениях канцеляриста Нижнеломовского нижнего земского суда.

Ключевые слова: должностные злоупотребления, коррупция, Пензенская губерния, Пензенская палата уголовного суда, ревизия.

Классическая русская литература XIX в. прочно связала образ чиновника с взяточничеством (лихоимством) и прочими злоупотреблениями. Однако, как отмечает Т. А. Видова, было бы несправедливо делать выводы, основываясь лишь на литературных образах — исследование проблемы требует привлечения широкого круга источников¹. Так, остроту проблемы коррупции в среде чиновничества Российской империи подтверждают нормативно-правовые акты, принятые в первой четверти XIX столетия: указы «О воспреещении приносить подарки начальникам губерний и прочим чиновникам», «О преследовании лихоимства по всей строгости законов, не терпя онаго ни в какой службе»². В мемуаристике мы также можем видеть подтверждения тому, что коррумпированность чиновников была обыденностью в Российской империи. Например, И. В. Селиванов, служивший судебным чиновником низкого ранга, описывал сослуживцев следующим образом: «Этот новоиспеченный исправник, владелец десяти или двенадцати душ, взятых в приданое за женою, едва умел писать и безусловно подписывал все, что ему ни давали, строго соблюдая только одно: за всякую свою подпись получить что-нибудь»³. И. О. Острожский-Лохвицкий в дневнике так отзывался о членах уголовной палаты: «Судьи в амбиции и без доклада не ходи, а чтоб доложили, дай за труды и малому. Секретарь хоть и знаком, но что ни дай — чести мало, или все ничто»⁴. Положение российского чиновника середины XIX в. очень точно описал В. Г. Короленко, отец которого служил председателем уездного суда в Житомире: «Архивариус получал восемь рублей в месяц и считался счастливецом. Штатные писцы получали по три рубля, а вольнонаемные по „пяти злотых“ (на польский счет злотый считался в пятнадцать копеек). Здесь, очевидно, коренилось то философское отношение, с каким отец глядел на мелкое взяточничество подчиненных:

без „благодарности“ обывателей они должны бы буквально умирать с голоду. Некоторые из судейской молодежи, кому не помогали родственники, ютились в подвалах старого замка или же устраивались „вечными дежурными“ в суде»⁵.

Ряд исследователей проблемы среди причин коррумпированности чиновников в Российской империи называют недостаточный размер жалования и традиции, происходящие из системы кормлений⁶. Безусловно, чиновники низкого ранга испытывали нужду, что и являлось весомой причиной для поисков незаконных источников доходов. Однако имели ли место среди российского чиновничества столь вероломные «лихоимцы», каких изобразили в произведениях Н. В. Гоголь и М. Е. Салтыков-Щедрин? Для исследования этого вопроса представляется уместным привлечь такой род источников, как делопроизводственная документация.

6 марта 1784 г. Пензенская палата уголовного суда рассматривала дело о регистраторе Нижнеломовского нижнего земского суда, обвиняемом в «обирательстве им нижеломовской округи с разных селений тушами и живностью»⁷. Дело было начато в результате того, что в Нижнеломовский уездный суд капитаном-исправником Панышевым были переданы жалобы, впоследствии направленные в палату уголовного суда. В жалобе от сотского старосты с. Усть-Каремша Козьмы Милюкова сообщалось о том, что в декабре 1782 г. в село приехал регистратор И. Протопопов и объявил, что «он Пензенского суда послан по выбору соцких и старост и насильством своим взял с них свиного мяса тушу да денег 10 копеек»⁸. Жалобы сотского старосты с. Старая Пятина Артемия Бышова и старосты с. Лукина Поляна Ивана Поплевина имели сходное содержание — Протопопов обвинялся в том, что обманом заставил поселян передать ему гусей и поросят. Староста с. Прянзерки Никита Пречинев показал, что в их село Протопопов приехал, объявив своей целью «славление Христа» и также взял с обывателей свиных туш. Из материалов дела мы видим, что впоследствии И. Протопопов посетил с. Серый Ключ, Покровское и Усть-Каремша, где поживился свинными тушами и гусями⁹. Однако обвиняемый в совершении преступлений «учинил заpirationство», вследствие чего был оставлен в подозрении. Спустя чуть более трех месяцев нерадивый чиновник вновь оказался на скамье подсудимых. На этот раз обвинения были более серьезные. Кроме уже описанных вымогательств, Протопопов обвинялся в том, что появлялся на месте службы «в пьяном образе», в «ругании служителей Нижнеломовского Казанско-Богородицкого монастыря неподобными словами и поношении их обители и запириании их в холодную пустую избу», что без капитан-исправника проводил допрос и исполнял наказание кнутом. Кроме того, его подозревали в том, что он взял взятку 70 копеек во время допроса с однодворца Трофима Шишкина, и, наконец, последнее

обвинение состояло в том, что И. Протопопов бежал из под стражи, будучи арестованным за пьянство¹⁰.

Суд снова постановил, что для обвинении в лихоимстве доказательств недостаточно, однако не вызывали сомнений совершенные чиновником беспорядки в пьяном виде, а также его «отлучки в табельные дни», в ходе которых он якобы посещал селения с корыстными целями. Ссылаясь на указ от 29 июля 1749 г., суд определил, что обвиняемого следует «учиня наказание, написать в солдаты», однако, «по способности его, Протопопова, к приказным делам, учинить наказание батоги и по наказании куда заблаго усмотрено быть Пензенским наместническим правлением определить к должности»¹¹.

Из приведенного судебного казуса мы видим, что доказать факт взяточничества не всегда было возможно, даже если обвинения поступали сразу от целого ряда потерпевших. Т. А. Видова отмечает, что взяточничество считалось злоупотребляем в том случае, если «дополнялось набором других пороков», если имело место вымогательство или вторая сторона была не заинтересована во взятке¹². В представленном выше случае на лицо и вымогательство, и целый ряд других пороков, однако чиновник продолжил строить карьеру на государственной службе.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Видова Т. А.** К вопросу о коррупции в среде чиновников эпохи Николая I // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : сб. тезисов выступлений и докл. участников : в 9 т. (Рязань, 17 — 19 ноября 2021 г.). Рязань, 2021. С. 242 — 246.

² См.: **Малкова Н. Г.** К вопросу о причинах взяточничества чиновников в России в конце XVIII — первой половине XIX века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 3-1(71). С. 116 — 120.

³ **Селиванов И. В., Славутинский С. Т.** Из провинциальной жизни. М., 1985. С. 58.

⁴ Цит. по: **Терещенко А. А.** Борьба с коррупцией в Российской провинции во второй половине XIX века (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. : История и право. 2014. № 1. С. 102.

⁵ **Короленко В. Г.** История моего современника : в 2 т. М., 2018. Т. 1. С. 180.

⁶ См: **Терещенко А. А.** Указ. соч. С. 102 — 109 ; **Малкова Н. Г.** Указ. соч. ; **Видова Т. А.** Указ. соч. ; **Гессен И. В.** Судебная реформа. СПб., 1905. 267 с.

⁷ Государственный архив Пензенской области (далее: ГАПО). Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 110 — 111.

⁸ Там же. Л. 110.

⁹ Там же. Л. 111.

¹⁰ Там же. Л. 299.

¹¹ Там же. Л. 306.

¹² **Видова Т. А.** Указ. соч. С. 245.

УДК 94(47):343.711.7

Т. В. Шитова

*Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Хабаровск)*

О. Ю. Пакшина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИСТОЧНИКА)

В статье на основе материалов церковной периодики рассматривается один из довольно редких в дореволюционной России видов противоправной деятельности — кражи церковного имущества. Анализ «Пензенских епархиальных ведомостей» позволил установить, что интенсивность хищений из храмов в первые десятилетия XX в. не демонстрировала тенденцию роста. Преобладало незаконное завладение денежными средствами; более тяжкие формы преступлений, связанные с похищениями ритуальных предметов, на территории мордовского края зафиксированы не были.

Ключевые слова: преступление, кража, церковь, духовенство, крестьянство, мордовский край.

На разных этапах исторического развития характер преступности и степень криминализации общества определялись комплексом факторов. Первоочередное значение среди причин роста противоправных деяний обычно имели наличие у широких слоев населения средств к существованию, эффективность функционирования правоохранительной системы, распространение в обществе разного рода девиаций (алкоголизм, проституция, наркомания и проч.), состояние правовой культуры граждан.

В рамках данного исследования мы обратились к анализу одного из относительно новых видов противоправной деятельности в России в начале XX в. — краж церковного имущества. Православные храмы в провинции представляли собой одно из немногих мест сосредоточения материальных ценностей, которые могли привлечь внимание не только разного рода преступников, но и обычных обывателей, попавших в сложную жизненную ситуацию и поддавшихся соблазну решить финансовые проблемы противозаконным путем.

В имперский период Отечественной истории посягательство на храмовое имущество приравнивалось к злостному нарушению религиозных норм и расценивалось российским самодержавием как угроза государственным устоям. На протяжении столетий РПЦ выполняла функцию главного идеологического ведомства, вносила существенный вклад не только в поддержа-

ние должного духовно-нравственного состояния поданных, но и лояльности по отношению к престолу. Светская власть, в свою очередь, заботилась о соблюдении населением христианских норм и неприкосновенности церковной собственности. Так, по силе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных похищение церковных вещей и денег каралось ссылкой на срок от 3 до 15 лет¹.

В связи с вышеупомянутым, нам представляется важным рассмотреть, насколько существенно новые тенденции общественно-политической жизни страны, свойственные началу 1900-х гг. (радикализация широких слоев населения в годы Первой русской революции, социально-экономический кризис времен Первой мировой войны и др.), повлияли на отношение к Церкви жителей мордовского края. Изучение динамики церковных краж по материалам многонационального района позволяет не только рассмотреть одну из составляющих криминогенной ситуации, но и выявить некоторые закономерности общественно-политического и этнокультурного развития региона в условиях роста социальной напряженности.

В качестве источника при проведении данного исследования были использованы материалы епархиальных ведомостей. Церковные газеты часто задействуются учеными в процессе реконструкции истории отдельных церквей и населенных пунктов². Мы исходили из того, что в неофициальной части епархиальных ведомостей публиковались местные новости и происшествия, на основании которых может быть восстановлена хроника правонарушений, совершенных в храмах мордовского края в дореволюционный период. Публикация фактов хищений и случаев их предотвращения, по-видимому, была призвана повысить бдительность наместников храмов и прихожан.

С целью воссоздания криминальной хроники мордовской глубинки дореволюционного периода нами были просмотрены все выпуски «Пензенских епархиальных ведомостей», начиная с 1900 г. и заканчивая 1916 г. Следующий, 1917 год нами намеренно не принимался во внимание, так как после событий Февральской революции в провинции усилилась социал-демократическая агитация, носящая часто атеистический и антицерковный характер. Судя по имеющимся сведениям, с этого времени отношение жителей мордовского края к Церкви начало ухудшаться³.

Извлеченные из церковной периодики данные⁴ обрабатывались с помощью компьютерной программы «Microsoft Excel». Формализация содержащихся в газетах данных, их статистический анализ позволили сделать, на наш взгляд, довольно интересные выводы.

Анализ динамики правонарушений (рис. 1) позволяет сделать вывод о том, что количество краж из церкви увеличилось после того, как в мордовской глубинке стало известно о беспорядках в центре страны на начальном этапе Первой русской революции.

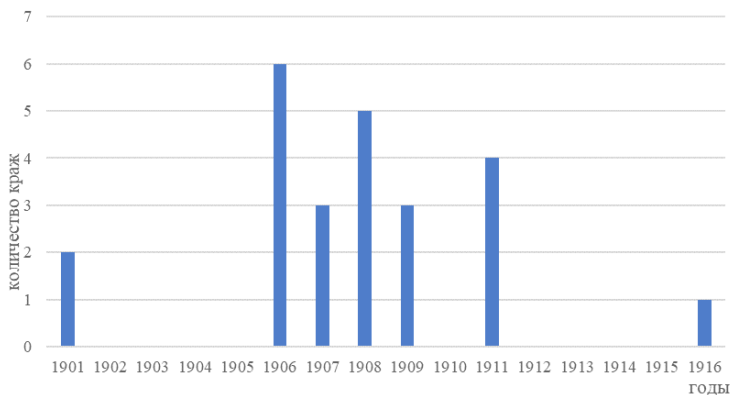

Рис. 1. Кражи церковного имущества на территории мордовского края в 1901 - 1916 гг. (по материалам Пензенских епархиальных ведомостей)

Другая интересная тенденция, установленная в результате проведенных подсчетов, — в годы Первой мировой войны в населенных пунктах современной Мордовии ситуация в плане преступности в целом оставалась стабильной.

На наш взгляд, сокращение числа преступлений имущественного характера не было связано с эффективной правоохранительной деятельностью. Такое предположение сделано на основе того, что случаи задержания злоумышленников были единичными. Из 24 описанных в газетной хронике происшествий только 3 факта (12,5 %) свидетельствуют о результативной деятельности сторожей и сельской общины, предотвративших хищения или обнаруживших преступников и украденное.

В ходе анализа сведений о чрезвычайных происшествиях один из многих положительных примеров обнаружен в с. Рузаевка Инсарского уезда. В ночь на 6 октября 1908 г. неизвестный пролез в местный храм через окно, выломав ограждение. Церковные сторожа при обходе застали вора внутри здания и начали стучать палкой по решетке, привлекая внимание односельчан. Вор выстрелил в окно из пистолета, вылез из церкви и скрылся в неизвестном направлении. Добычей злоумышленника стали 45 руб. В то же время, благодаря бдительности сторожей, из храма не успели унести приготовленные к похищению сосуды и около 30 руб.⁵

Охрана церковного имущества вверялась сторожам, специально нанимаемым прихожанами, в помощь к которым в ночное время прикреплялись сельские караульные. Заработная плата у сторожа была небольшой, так как

община обычно минимизировала расходы, поэтому церковная должность рассматривалась крестьянами как дополнительный заработок. Часто сторожа засыпали на дежурстве после тяжелого трудового дня, проведенного на пашне или сенокосе, в связи с этим не могли предотвратить преступления. Толку от караульных было еще меньше, так как они не всегда являлись на дежурство, присылали вместо себя подростков.

В результате произведенных подсчетов установлено, что воры чаще всего проникали в храм через окно (33,3 % случаев), реже выламывали двери (25,0 %).

Ряд наблюдений касается места совершения преступлений.

Чаще других церкви грабили в населенных пунктах, располагавшихся вблизи дорог, а также в базарных селах. Например, железнодорожная станция Рузаевка в криминальной сводке упомянута дважды.

В мордовских селах преступления случались реже, чем в русских. На наш взгляд, это было связано с более замкнутой жизнью «инородцев». Из 24 упомянутых в газете преступлений только 2 зафиксировано в мокшанских селениях.

Отличие от крупных русских сел Пензенской губернии, в мордовских населенных пунктах в рассматриваемый период не было зафиксировано хищений ритуальных предметов и церковной утвари. Отсутствие случаев «святоотатств» на исследуемой территории, несомненно, позитивно характеризует морально-нравственный облик населения и его отношение к Церкви.

Из местных храмов пропадали только деньги, что наносило определенный ущерб причту и затрудняло деятельность пастырей. Украденная наличность предназначалась для приобретения свечей, организации ремонтно-строительных работ. Преступления негативно сказывались на имущественном положении духовенства, так как в результате краж нередко из церквей похищались кружки с братскими доходами.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что кражи из местных церквей случались довольно редко и их интенсивность с 1901 г. до 1916 г. не демонстрировала тенденцию к повышению. На основании частоты и характера хищений из культовых помещений можно сделать вывод о сохранении морально-нравственных устоев и религиозности местного населения.

Библиографические ссылки

¹ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 9. С. 63 — 68.

² См.: **Рафаил (Ивочкин Д. А.)** «Смоленские епархиальные ведомости» как источник по истории Смоленской епархии (1865 — 1918). Смоленск, 2016. 63 с. ; **Сушкова Ю. Н.** Обычное право мордвы (по материалам епархиальных ведомостей второй половины XIX в.) // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 98 — 99.

³ См.: Мордовия в годы трех народных революций / А. Е. Захаркина, И. И. Фирсов. Саранск, 1957. С. 192, 227.

⁴ См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1901. № 7. Часть неофиц. С. 232; 1901. № 10. Часть неофиц. С. 47; 1906. № 17. Часть неофиц. С. 52; 1906. № 12. Часть неофиц. С. 57; 1906. № 19. Часть неофиц. С. 45; 1906. № 23. Часть неофиц. С. 46; 1907. № 6. Часть неофиц. С. 242 — 243; 1908. № 11. Часть неофиц. С. 411; 1908. № 24. Часть неофиц. С. 1060; 1908. № 16. Часть неофиц. С. 631 — 632; 1909. № 18. Часть неофиц. С. 795 — 796; 1909. № 3. Часть неофиц. С. 141; 1911. № 16. Часть неофиц. С. 635 — 637; 1916. № 24. Часть неофиц. С. 789.

⁵ См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1908. № 24. Часть неофиц. С. 1060.

УДК 94(470.40/43)

Н. О. Шкердина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

СВИДЕТЕЛЬСТВА О МОРДОВСКОМ НАРОДЕ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ, ДИПЛОМАТОВ И КОММЕРСАНТОВ XVIII в.

Статья посвящена исследованию комплекса исторических источников XVIII в., содержащих историко-этнографические сведения о мордовском народе. Автор рассматривает своеобразие истории их возникновения и роль для исследования историографии мордовского народа.

Ключевые слова: историко-этнографические источники, академические экспедиции, топографические описания.

XVIII век — особый период в истории русской государственности, общественно-политической жизни, экономике и культуре. Происходит серьезная перестройка хозяйственных отношений, что во многом определило вектор научно-исследовательской деятельности академической науки.

На протяжении XVIII в. была активизирована научно-исследовательская и экспедиционная деятельность. Интерес к мордовскому народу и территории, на которой он проживал, во многом носил не только научный, но и практический интерес. Это было связано с тем, что в XVIII в. продолжилось интенсивное освоение Поволжского региона, кроме того, усилилась его роль во внутренней и внешней торговле. Благодаря судоходным рекам Мокше и Суре, мордовский край был активным участником товарообмена, который совершался по волжскому торговому пути. С его территории осуществлялись поставки сельскохозяйственной продукции и товаров легкой промышленности. Большим спросом на европейских и

азиатских рынках пользовались лес, пенька, смола, деготь, ладан, поташ, мед, зерно, лен, холст, кожи различной выделки и качества, топленый жир, воск, пух, меха и другие товары. Следует отметить, что волжским путем активно пользовались не только купечество (российское, западноевропейское и восточное), но и дипломаты, следовавшие в Турцию, Иран, Китай, Среднюю Азию и т. д.¹

С одной стороны, мордовский край в XVIII в. был известен купечеству и представителям дипломатических миссий, с другой стороны, для многих иностранцев это был малоизученный регион, своеобразная *Terra incognita*, изобилующая богатыми лесами, плодородными землями, полноводными реками, населенная экзотическим народом с необычными яркими нарядами, своеобразными верованиями и непонятной речью. В контексте сочинений о «таинственной России» повествования о варварских народах, населяющих государство, вызывали устойчивый интерес и прекрасно вписывались в фабульный трафарет трудов о России путешественника К. де Бруина, инженера Дж. Перри, дипломата Дж. Белля и др.²

Их историко-этнографические описания мордовского народа, его бытовой и духовной культуры были одними из красочных элементов повествований, которые привлекали внимание европейских обывателей. Впрочем, более взыскательных читателей интересовали различные аспекты жизни нашего края: описание сухопутных дорог и речных путей, природных богатств и экономическая характеристика региона вплоть до указания цены на продукты питания, местные и привозные ткани, строительный лес и др.

Рост экономических, культурных, политических и научных связей с Европой привел к тому, что сочинения по истории регионов Российского государства стали занимать значительное место в западноевропейской научной литературе. Кроме любительских сочинений, содержащих фрагментарные данные о мордовском народе и крае, в XVIII в. появились исследования профессионального характера. Можно сказать, изучение мордовского края вышло на новый уровень. Это было вызвано двумя основными причинами: с одной стороны, Российскому государству была необходима объективная информация по картографии, географии, путям сообщений, геологии, минералогии, этнографии, природным ресурсам, экономическому потенциалу и народонаселению, с другой — сам ход развития научной мысли способствовал тому, что был запущен процесс изучения обширных пространств империи с его необычайно многонациональным и этноконфессиональным и мультикультурным колоритом.

Решением вышеозначенных проблем, стоящих как перед государством, так и перед научным сообществом, явились академические экспедиции XVIII в. В сущности, они стали эффективным способом изучения

Российской империи, в том числе и территории проживания мордвы. Изучение экономического и природного потенциала, а также его населения определили особенности маршрутов Великой северной, или Второй Камчатской, экспедиции 1733 — 1743 гг., и Физической, или Академической, экспедиции 1768 — 1774 гг. Благоприятное географическое расположение способствовало тому, что значительная часть маршрутов экспедиционных отрядов была проложена с учетом исследования среднего течения р. Волги.

Экспедиционная работа была организована тщательным образом, благодаря чему обследована огромная территория и собран колоссальный материал по географии, картографии, геологии, минералогии, зоологии, ботанике, истории, этнографии, лингвистике, фольклору, демографии, а также статистический материал по экономическому развитию территории, на которой проживал мордовский народ³.

Особая роль в изучении мордвы принадлежит Г. Ф. Миллеру. Следуя речным путем по Волге, осенью 1733 г. он прибыл в г. Казань, где несколько недель собирал историко-этнографический, лингвистический материал. Непосредственно с представителями мордовского этноса он не контактировал⁴, как, впрочем, и с татарами, мари, чувашами, удмуртами и др. Тем не менее через переводчиков он собрал уникальные свидетельства, которые представляют научную ценность для изучения тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. Им были собраны самые употребляемые в повседневной жизни слова из языков финно-угорских и тюркских народов, часть из которых вошла в его словарь, в дальнейшем помещенный в труд «Описание трех языческих народов Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей, вотяков...»⁵. Надо отметить, что с первых дней Миллер, кроме непосредственно экспедиционных материалов, начал собирать и тщательно систематизировать коллекцию подлинных и скопированных редких архивных документов XVI — XVII вв. по истории России. Собранные им материалы составили значительный научный архив, известный под именем «Портфели Г. Ф. Миллера», поступивший в архив Академии наук и до сих пор в полном объеме не введенный в научный оборот.

Совместно с Г. Ф. Миллером, который был руководителем Академического отряда, в экспедицию отправились астроном Делиль де ла Кройер, натуралист И. Г. Гмелин, студенты С. Крашенинников, А. Горланов, Ф. Попов и др. Опыт исследования древностей Г. Ф. Миллер изложил в подробной инструкции для адъютанта И. Э. Фишера, сменившего его в экспедиции в 1743 г. В ней он особое внимание обратил на всестороннее изучение древних памятников — «главнейшая цель при исследовании древностей должна, конечно, заключаться в том, чтобы они послужили разъяснению древней истории обитателей края»⁶. Кроме непосредственных участников экспеди-

ции, к научным изысканиям привлекались все лица, способные оказать посильную помощь. В числе таковых оказался талантливый шведский офицер Ф. И. фон Страленберг, который находился в ссылке в Томске.

Другой значимой вехой в исследовании мордовского народа стала экспедиция Академии наук 1768 — 1774 гг. В эти годы действовало 5 экспедиционных отрядов, объединенных общей целью и единой инструкцией, в составлении которой принимали участие крупные ученые. Три отряда считались Оренбургскими (их возглавляли: П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. П. Фальк) и два — Астраханскими (во главе с С. Г. Гмелиным и И. А. Гильденштедтом). Задачей экспедиций было комплексное исследование природы и населения России с его хозяйством, бытом, культурой. Особое значение придавалось обследованию и оценке экономического состояния отдаленных районов, агротехнического уровня и перспектив развития различных отраслей сельского хозяйства, лесного дела, рыболовства, промыслов, а также поискам пустующих земель, годных под пашню. Изучался технико-экономический уровень металлургических и горнорудных заводов.

Самым тщательным образом были разработаны схемы экспедиционных маршрутов. Территория мордовского края по проекту экспедиционного исследования была охвачена практически полностью.

В ходе работы экспедиционных отрядов был собран колоссальный историко-этнографический, лингвистический, картографический, географический и другой материал, который актуален в исследовании Средневолжского региона и по сей день. Всеми участниками велись путевые дневники, которые составлялись на основе личных наблюдений и сведений из документальных материалов, собирались минералогические, этнографические, нумизматические и другие коллекции⁷.

В Академию наук посылались заметки, копии собранных документов и карт, первоначальные наброски научных трудов. Перед исследователями открывались неизвестные факты из жизни мордовского народа, что позволяло сформировать новые теоретико-методологические подходы к исследованию его социокультурной, общественно-политической и экономической жизни. Это нашло отражение в фундаментальных трудах И. И. Лепехина (1740 — 1802), Н. Я. Озерецковского (1750 — 1827), П. С. Палласа (1741 — 1811), Н. П. Рычкова (1746 — 1784), И. П. Фалька (1727 — 1774) и др.

Фундаментальные труды, принадлежавшие перу участников академических экспедиций последней четверти XVIII в., на несколько последующих десятилетий определили основные направления исследования истории, культуры, языка, фольклора и т. д.

Несколько особняком от трудов участников академических экспедиций стоят не менее интересные научные исследования, так называемых кабинет-

ных историков Х. А. Чеботарева и М. Д. Чулкова. Они были представителями новой генерации чиновников, которые с большим рвением занимались научной деятельностью. Несмотря на отсутствие профессионального образования, работы Х. А. Чеботарева и М. Д. Чулкова отличаются информационной насыщенностью и содержат обширные сведения исторического, этнографического, лингвистического, фольклорного и географического характера о мордовском народе.

Источниковая база этих сочинений также отличается большим разнообразием⁸. Х. А. Чеботаревым и М. Д. Чулковым привлекались сведения из древнерусских летописей, разнообразных географических сочинений, архивов и трудов современников. В сущности, ими предпринимались успешные попытки создать первые историко-этнографические энциклопедические издания, которые были по достоинству оценены современниками, но, к сожалению, став большой библиографической редкостью, были практически забыты нами. Их работы содержат ценные и разноплановые сведения не только о мордве, но и других о финно-угорских народах Среднего Поволжья, что для нас представляет большую ценность⁹.

В результате деятельности по детальному описанию территории государства, составлению географических карт возникают своеобразные исторические источники — целая череда топографических описаний наместничеств и губерний Российской империи 1780-х гг.

Особо можно выделить «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще по вышеизъясненным запросным пунктам от кабинета Ея императорского величества 22-го марта 1784 года» Т. Г. Масленицкого, колоритной частью которого стал историко-этнографический очерк землемера К. С. Мильковича «О мордве». В ходе рабочих поездок он неоднократно контактировал с мордвой. Свои наблюдения изложил в очерке, который содержит ряд ценных этнографических сведений о мордовском населении Симбирского наместничества. Среди исследователей бытует предположение, что К. С. Милькович собирал этнографический материал по программе Вольного экономического общества. Уникальность этого очерка заключается в сочетании историко-этнографических материалов, которые можно было получить только при личном контакте с представителями мордовского народа, и извлечений из трудов участников академических экспедиций Н. П. Рычкова, И. Г. Георги, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька. Это было отмечено Н. Ф. Мокшиным, подчеркнувшим отчасти компилятивный характер первой части записок К. С. Мильковича о мордве¹⁰. Однако это несколько не умаляет значение остальной части рукописи, которая представляет собой оригинальное изложение наблюдений автора над дохристианскими религиозными верованиями и обычаями мордвы, подробную характеристику ее праздничных

обрядов и жертвоприношений, а также сравнительный анализ мордовской и чувашской обрядности¹¹.

В сущности, в XVIII в. Россия вновь открывала себя, изучая собственный потенциал, этническую историю народов, населяющих ее, путем детального исследования и освоения собственных земель. Создание многоплановых и информационно насыщенных трудов, содержащих одновременно сведения по географии, топографии, топонимике, демографии, статистике, экономике, истории и этнографии определенной административно-территориальной единицы — наместничества было продиктовано объективными потребностями развивающегося государства.

Подводя итог, можно сказать, что изучение мордовского народа, которое осуществлялось параллельно с другими финно-угорскими и тюркскими народами Российской империи в XVIII в., выходит на новый уровень. Благодаря тому, что регион играет важную роль в общественно-политической и социально-экономической жизни России, мордовский край и его население начинают тщательно и целенаправленно изучать. Это во многом обусловлено и тем обстоятельством, что все реформы XVIII в. в большей или в меньшей степени оказали влияние на развитие мордовского края.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Андре К.** Направление торговых путей в Средней Азии // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. № 12. С. 65 — 96.

² См.: **Бруин К. де.** Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 19 — 188 ; **Перри Д.** Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1871. Кн. 2 ; **Белл Д.** Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли: А именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь : в 3 ч. СПб., 1776. Ч. 1. 246 с.

³ См.: **Миллер Г.-Ф.** История Сибири. М. ; Л., 1937. Т. 1. С. 460 — 461.

⁴ См.: **Юрчёнков В. А.** Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западно-европ. авт. VI — XVIII ст. Саранск, 1995. С. 196.

⁵ См.: **Миллер Г. Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: с показанием их жительствова, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях: с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы Отче наш на черемисском и чувашском языках. СПб., 1791. 99 с.

⁶ **Берг Л. С.** Очерки по истории русских географических открытий / 2-е изд. М.; Л., 1949. С. 426.

⁷ Там же. С. 429.

⁸ См.: **Чеботарев Х. А.** Географическое методическое описание Российской империи: с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще: для наставления обучающагося при Императорском Московском университете юношества. М., 1776. 540 с.; **Чулков М. Д.** Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великаго и ныне благополучно царствующей государыни императрицей Екатерины Великия, сочиненное Михаилом Чулковым : в 6 т. М., 1786; **Его же.** Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. М., 1786. 187 с.

⁹ См.: **Шкердина Н. О.** Социокультурные аспекты духовной жизни финно-угорских народов Среднего Поволжья в сочинениях Х. А. Чеботарева и М. Д. Чулкова // Диалог литературы и культуры: интеграционные связи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Надькинские чтения» (28 — 29 апреля 2010 г.) / под ред. Т. А. Наумовой. Саранск, 2010. С. 143 — 147.

¹⁰ См.: **Мокшин Н. Ф.** Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 78.

¹¹ См.: **Шкердина Н. О.** Топографические описания провинциальных наместничеств Российской империи 1780-х гг. как исторический источник по истории Среднего Поволжья // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24). С. 27 — 31.

От советского прошлого к вызовам современности

УДК 93/94:33(470.42)

Д. В. Архипов

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ УЛЬЯНОВСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрено развитие экономики ульяновского региона в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. В то время сюда были эвакуированы многие заводы и рабочие, трудившиеся на эвакуированных промышленных предприятиях, что позволило значительно увеличить производственные показатели. Вследствие этого регион постепенно вышел на более высокий качественный уровень развития экономики, чем в довоенный период. Эвакуация значительного количества промышленных предприятий с большими людскими ресурсами и создание армейских частей привели к ухудшению в системе управления Куйбышевской областью. В результате назрела острая необходимость в разделении достаточно крупного региона на две части, что в скором времени и было реализовано. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 г. образовалась Ульяновская область в составе 26 районов.

Ключевые слова: Куйбышевская область, ульяновский регион, Великая Отечественная война, промышленные предприятия, экономика.

Ульяновский регион, находясь до 1943 г. в составе Куйбышевской области, вносил весомый вклад в развитие экономики страны в годы Великой Отечественной войны. В период военных действий в ульяновскую административную единицу постановлением СНК СССР от 05 июля 1941 г. № 1823-816с были перевезены промышленные заводы, что позволило значительно увеличить производственные показатели¹. Рабочие, работавшие на эвакуированных промышленных предприятиях, также были доставлены в ульяновский регион. Всего в Ульяновск к февралю 1942 г. было перевезено 20 промышленных заводов, в частности, литейно-механический завод № 11 Наркомата связи из г. Ахтырка, завод контрольно-измерительных приборов из Киева, расположившейся в помещениях ликеро-водочного предприятия, вагоноремонтный завод «Памяти Революции 1905 года» из Москвы, чулочная фабрика им. КИМ из Витебска, швейная фабрика им. М. Горького из

Киева. Кроме того, в ульяновскую административную единицу из Москвы было перевезено Союзное автономное промышленное предприятие № 6, объединившееся с ворошиловским промышленным предприятием № 8. Данное промышленное предприятия выполняло преимущественно работы по покраске, а также дизайну тканей. Эвакуированные предприятия из украинских городов Сумы (ликеро-водочный) и Конотопа (спиртзавод) разместились на базе Ульяновского спиртзавода № 2.

Осенью 1941 г. в Мелекесс была полностью перевезена чулочно-трикотажная фабрика им. К. Цеткин из Витебска, которая выбрала в качестве базы местный комбинат льна. Предприятие сконцентрировалось на выпуске нижней одежды, а также сукна. Наряду с ним в ульяновскую административную единицу были перевезены киевские, харьковские и запорожские промышленные предприятия, сконцентрированные на переработке зерновых культур. Они по указу местных властей были объединены с региональными промышленными заводами по изготовлению пищевых продуктов².

Промышленное предприятие «Красный металлист» из Гомеля был размещен на базе фабрики № 7 Союзтиль в населенном пункте Базарный Сызган. Оно сконцентрировалось на выпуске деталей из стали. Брасовский механический завод (Орловская область) в ноябре 1941 г. был объединен с мастерскими по ремонту таксомоторов и автобусов на станции Барыш. Из орловской административной единицы был перевезен также Кокраевский лесокombинат, который был слит с Поливановским лесозаводом в единое промышленное предприятие. Из города Сумы в Барышский район была эвакуирована суконная фабрика, объединенная на месте прибытия с суконной фабрикой им. Я. Свердлова. В дальнейшем сюда доставлено и прядильное предприятие из Киева³. В целом на территорию Ульяновской области было перевезено большое количество промышленных предприятий, что позволило значительно усилить ее промышленный потенциал.

Согласно постановлению ГКО СССР, опубликованному 13 октября 1941 г. за № 782, бюро Куйбышевского обкома партии дало распоряжение начать строительные работы по формированию рубежа обороны и осуществлению рекогносцировки. С целью осуществления плана были сформированы 12 управлений военно-полевых строителств, причем 10 из них находились на территории ульяновской административной единицы. Кроме того, оборонное значение региона возросло благодаря созданию 25 января 1942 г. Волжской военной флотилии и размещению в ключевых районах воинских подразделений⁴.

Введение в эксплуатацию эвакуированных промышленных предприятий, формирование армейских подразделений и управление достаточно большой территориальной единицей с присущими ей социальными и эко-

номическими особенностями создавали определенные сложности выполнения партийных распоряжений по ульяновскому региону, в особенности в реалиях войны. Основываясь на фактах и аргументах, 1 июня 1942 г. первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП (б) В. Д. Никитин и председатель исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся Н. М. Васильев направили письмо в Москву — председателю Совета министров СССР И. В. Сталину и секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву, где отметили, что к середине 1942 г. Куйбышевская область сформировалась как важный промышленный район СССР. В частности, города Куйбышев и Ульяновск стали центрами авиационной промышленности, возникли предприятия новых отраслей машино- и электростроения, например, шарикоподшипниковый и кабельный заводы в Куйбышеве, завод «Электропускатель» в Ульяновске. На базе эвакуированного из оккупированных районов в области строились новые предприятия пищевой, легкой и текстильной промышленности. Строительство газопровода «Куйбышев-Бугуруслан», наряду с расширением нефтедобычи, нефтеразведок, строительством нефтеперерабатывающих предприятий, выдвигали новые сложности и проблемы в области управления и развития соответствующих отраслей⁵.

Вследствие перевода ряда промышленных предприятий ульяновский регион постепенно выходит на более высокий качественный уровень, чем в довоенный период. В частности, в 1943 г. показатели промышленности возросли в среднем на 45 % по сравнению с предшествующим годом. Осенью 1941 г. работники ж/д добились увеличения показателей по выгрузке товарной продукции из вагонов на 130 %. Артели промысловой кооперации, деревообрабатывающие промпредприятия и районные комбинаты сконцентрировались на выпуске товаров первой необходимости для фронтовиков. «Главтрикотаж» перевыполнил план на 17 %, суконное предприятие им. М. И. Калинина — на 2 %, суконное предприятие 3 Интернационала — на 1 %⁶.

На предприятиях города был установлен строгий контроль за дисциплиной — однократное отсутствие на предприятии работника по неуважительной причине в течение 25 минут приравнивалось к прогулу, как и трехкратное опоздание на срок менее 25 минут. Все принятые меры и заинтересованность работников в выполнении плановых показателей для достижения скорейшей победы привело к стремительному промышленному росту. В частности, в 1943 г. было выполнено 97 % от плановых показателей, а выпуск продукции по сравнению с 1941 г. возрос на 43 %. На предприятиях оборонного значения прирост созданной продукции в 1943 г. по сравнению с 1941 г. составил 56 %⁷. Благодаря мероприятиям горкома на промышленных предприятиях удалось организовать социалистические соревнования, что дало возможность получить эффективный прирост производительности

труда и снизить количество бракованной продукции⁸. В целом за 1941 — 1943 гг. эффективность работы на промышленных предприятиях выросла на 412 %. Данные достижения стали возможны, прежде всего, благодаря заинтересованности работников промышленности и их желанию помочь фронтовикам необходимым оборудованием и товаром. Недостаток рабочих кадров из-за ухода большинства квалифицированных специалистов на фронт, возмещался с помощью масштабного привлечения девушек и молодых людей и лиц пенсионного возраста⁹.

Таким образом, Великая Отечественная война коренным образом изменила экономическую ситуацию в ульяновском регионе. Эвакуация значительного количества промышленных предприятий с большими людскими ресурсами и создание армейских частей привели к ухудшению в системе управления Куйбышевской областью. В результате назрела острая необходимость в разделении достаточно крупного региона на две части, что и было реализовано. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 г. образовалась Ульяновская область в составе 26 районов.

Библиографические ссылки

¹ См.: История населенных пунктов Симбирской губернии — Ульяновской области в документальном наследии : материалы науч.-практ. конф. (Ульяновск, 14 марта 2007 г.). Ульяновск, 2007. С. 35.

² Там же.

³ См.: История населенных пунктов Симбирской губернии... С. 35 ; **Мухамедов Р. А., Вильчик А. А.** Административно-территориальная реформа на примере Симбирской (Ульяновской) губернии // Известия самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 — 1. С. 104 — 107.

⁴ См.: **Забалухина Н. В., Пашкин А. Г.** Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России. 1917 — 1991 гг. Люди. События. Факты. Ульяновск, 2012. 200 с.

⁵ См.: **Мухамедов Р. А., Вильчик А. А.** Указ. соч. С. 105.

⁶ См.: Ульяновская правда. 1943. 11 июня, 17 июля.

⁷ См.: **Забалухина Н. В., Пашкин А. Г.** Указ. соч. С. 89.

⁸ См.: **Филимонова Е. Н.** Государственные органы власти России в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: историко-региональный аспект — городские Советы Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей. Самара, 2006. С. 41.

⁹ Там же. С. 41.

УДК 947.8(470.57)

Н. В. Ахмадиева*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа)*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В БАШКИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию взаимоотношений крестьянства и власти в Башкирии в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются процессы формирования общественных, в том числе протестных, антиколхозных настроений в среде крестьянства, реакция на них со стороны властей. Отражена деятельность властных и карательных органов, направленных на усиление контроля над колхозным населением, особенно его «инакомыслящей» частью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, колхозное крестьянство, общественные настроения, социальный протест.

На начальном этапе войны в обществе сформировалась непростая социально-психологическая ситуация. С одной стороны, преобладающим настроением среди населения являлась вера в достижение победы, с другой — отсутствовала правдивая информация, что и порождало разного рода слухи. В связи с этим одной из главных задач органов НКВД в указанный период являлась борьба со слухами, пораженческой агитацией, которая в советское время квалифицировалась как контрреволюционное преступление, предусмотренное статьей 58 УК РСФСР. В ходе войны органы внутренних дел организовали сбор фашистских листовок, усилили политический контроль почтово-телеграфной корреспонденции и т. д. Однако советская военная пропаганда умалчивала о реальной обстановке на фронте, а порой ее просто искажала. Причина такой позиции заключалась в том, что любая информация об истинном положении на фронте могла вызвать не только растерянность среди населения, но и антиправительственные настроения. Однако без объективной информации идеологическая работа не могла быть продуктивной, и в данных условиях стали возникать негативные слухи¹.

По сводкам Прокуратуры СССР, распространившиеся в военное время ложные слухи носили «самый разнообразный характер». Большая часть их касалась положения на фронтах, экономического положения в стране, отношения немцев к пленным и мирному населению. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г. для их пресечения были приняты решительные меры. На 1 ноября 1941 г. военными трибуналами было осуждено за преступления, предусмо-

тренные данным указом — 1 423 чел. Из этого числа 910 чел. были осуждены трибуналами в местностях, объявленных на военном положении, и 513 чел., в местностях, не объявленных на военном положении².

Общественные настроения в Башкирии в начале Великой Отечественной войны — интересная и сложная тема. Безусловно, подавляющая часть общества была настроена патриотично, однако события, связанные с войной также породили массу слухов среди населения. К сожалению, их содержание не удалось отследить в материалах республиканских архивов. Отмечено лишь, что в июле 1941 г. на открытом собрании Аскинского районного партийного и сельского актива говорилось о том, что слухи о войне народ в районе распространяет «самые нелепые и с этим нужно бороться». Попытались прояснить ситуацию и руководители района, обсуждая выступление Сталина, прозвучавшее по радио 3 июля 1941 г. Среди населения возникали вполне резонные вопросы: «Почему война с фашистской Германией названа Отечественной войной?» и «Были ли войска на границе с Германией кроме пограничной охраны?»³. Примечательно, что в Аскинском районе точно подметили появление патриотического термина «Отечественная война» в общественной риторике. Добавим, что именно мобилизация гражданских масс на формирование патриотического сознания общества способствовала его возникновению.

Общественно-политическая обстановка в деревне на начальном этапе войны была очень тревожной. Много людей пострадало в процессе коллективизации, раскулачивания и репрессий. В большей степени в их среде возникали провокационные слухи, велась антисоветская деятельность. На Пленуме Давлекановского райкома ВКП(б) в ноябре 1941 г. в докладе, посвященном задачам районной партийной организации на ближайшее время, также говорилось о необходимости борьбы с провокационными слухами, паникой. В докладе отмечалось, что военное время потребовало соблюдения «строжайшего революционного порядка в тылу. Строгое соблюдение выполнения распоряжения военных властей и местных советов, дисциплинированность всего населения... Там, где строго придерживаются правил прописки населения не укрыться темной личности, не спрятаться шпиону и диверсанту». Обстановка в районе обострилась, отдельные группы бывшего кулачества, «темные личности» проводили подрывную работу. В поселке Давлеканово группа кулаков во главе с Егоровым вели антисоветскую агитацию, распространяли клеветнические слухи, высказывали диверсионные намерения. Секретарь комсомольской организации школы в Давлекановском зерносовхозе Бахер, бывшая дочерью арестованного в 1937 г. за контрреволюционную деятельность кулака, восхваляла гитлеровскую армию, высказывала неверие в победу, «безобразнейшим образом клеветала на Красную Армию». Кулаки Мулявка и Митькин занимались контрреволюционной

деятельностью, за что были расстреляны. В колхозе им. Калинина бывшие кулаки Поляков и Фадеев похитили 120 пудов хлеба. На станции Давлеканово был задержан подозрительный сержант танковых войск, вооруженный револьвером и кинжалом, при задержании пытался оказать сопротивление, личность его устанавливалась⁴. Определенная часть населения имела много оснований для роста антиобщественных и антигосударственных настроений, но выяснить масштабы протестного движения невозможно из-за недоступности архивных документов и материалов из фондов НКГБ, НКВД и др.

Кроме того, отметим, что по архивным данным достаточно сложно судить о правомерности арестов неблагонадежных, инакомыслящих граждан. Нередко в годы войны незаконно к уголовной ответственности привлекали людей путем фальсификации следственных материалов. Так, в 1944 г. была проведена проверка деятельности НКГБ по Башкирской АССР. Согласно предписанию наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова от 29 июля 1944 г. в Уфу для расследования фактов допущенной фальсификации в агентурной и следственной работе НКГБ по БАССР по делам «Горные шакалы» и «Хитрые» направили бригаду НКГБ СССР. Проверка установила, что в марте 1942 г. заместитель начальника СПО НКВД по БАССР Накоряков на основании донесений агентуры об отдельных антисоветских высказываниях ряда лиц дал указания начальнику Абзелиловского районного отдела НКВД Курбанову «вскрыть центр повстанчества и связь повстанцев с иностранной разведкой». Нарком внутренних дел республики А. Г. Соколов в записке на имя Курбангулова указал, что в течение апреля-мая 1942 г. необходимо выявить контрреволюционную деятельность и связи фигурантов разработки. Руководство НКВД по БАССР разработало план, по которому агентуре дали задание высказывать обиды на материальные трудности, призывать население к организованному выступлению против советской власти. Таким образом, от провокационно действовавшей агентуры требовали вскрыть «центр повстанчества», «наличие оружия» и т. д. В июне 1943 г. НКГБ по Башкирской АССР и УНКГБ по Чкаловской области, объединив отдельные разработки, завели отдельное агентурное дело «Горные шакалы» на якобы существующую антисоветскую повстанческую организацию, действующую в горно-лесных районах Башкирии и г. Орске Чкаловской области. НКГБ по БАССР в августе 1943 г. запросило у Управления санкцию на арест 17 чел. Однако материалы дела вызвали сомнение, и руководство 2-го Управления НКГБ СССР направило в Башкирию и Орск сотрудников, которые установили, что повстанческой организации не существует, а агентура занимается провокациями. Для того чтобы определить правдивость агентурных материалов, было дано согласие на арест 3 чел., но аресту подвергли 11 чел. Следствие проводил заместитель начальника второго отдела Накоряков, который применял меры физического воздействия. Ему удалось по-

лучить показания о наличии повстанческой организации в количестве 57 чел. Из арестованных 14 чел. 1 совершил побег, 4 — умерли от пыток, 9 освобождены в связи с прекращением дела. За фальсификацию следственных материалов приказом наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова наркому госбезопасности БАССР А. Г. Соколову объявили выговор, Накорякова арестовали на 30 суток и понизили в должности⁵. Таким образом, в республике органы госбезопасности пытались раздуть дело о наличии в горно-лесных районах (где преобладало башкирское население) антисоветских повстанческих организаций. К счастью, это полностью сфальсифицированное дело не выдержало серьезной проверки. Трагическим последствием данной провокации карательных органов стала гибель невинных людей, жертв могло быть и больше, если бы дело получило широкий ход.

В Башкирии антисоветски настроенная часть крестьянства не стремилась к свержению существующего режима. Их неприятие власти принимало в основном пассивные формы и было вызвано тяжелым экономическим положением, социальной несправедливостью. Колхозники были против фактического бесправия — изъятия производимой продукции, мизерной оплаты труда в артелях — что приводило к уклонению от работы, расхищению колхозной продукции, возникновению слухов о роспуске колхозов, что являлось вполне определенной реакцией общества на давление властей.

Еще одна проблема, с которой столкнулось государство в годы войны — это социальный протест рядовых колхозников и руководителей сельхозартелей, выразившийся в хищении общественной собственности и уклонении от трудовых повинностей. Основной причиной этого протеста было исключительно тяжелое материально-бытовое положение колхозной деревни. Председатели колхозов часто сами саботировали хлебозаготовки, способствовали расхищению зерна, раздавали его населению без учета выработанных трудодней. Данные тенденции в общественных настроениях усилились в последние годы войны, когда многие колхозники голодали.

В 1944 г. в колхозах «Нагадак» Аургазинского района, «Заря» Чишминского района, «Красный Октябрь» Татышлинского района председатели колхозов, вместо того чтобы повести решительную борьбу с фактами хищения колхозного хлеба, сами организовали его разбазаривание и расхищение путем скрытия от учета и уничтожения учетных документов. Эти факты не были единичными⁶. Практика хищения колхозной продукции, в частности зерна, усилилась после окончания войны, в связи с ухудшением положения колхозно-крестьянского сектора. Осенью 1945 г. в Бураевском районе хищения в колхозах стали массовым явлением. За период уборки хлеба по далекому неполным данным было выявлено 53 случая. По этим делам было осуждено 75 чел. В колхозе «Красная Горка» при участии члена правления колхоза шестеро колхозников похитили 1000 кг зерна⁷.

При этом сельское население пыталось наладить контакт с властями, объяснить им реальную обстановку в деревне, раскрыть произвол местной администрации, чинимый в отношении крестьянства. В связи с этим огромное количество жалоб от населения шло в адрес руководства республики на «противозаконные действия» районных руководителей, председателей колхозов. Иногда это помогало разрешить сложную ситуацию. Так, в апреле 1942 г. приехавший на побывку домой в деревню военнообязанный В. Е. Кононов отправил на имя первого секретаря Башкирского областного комитета партии письмо, в котором сообщал о фактах нарушения колхозной демократии и незаконных действий председателя колхоза «Сталь» Преображенского сельского совета Стерлитамакского района Г. А. Напалкова. «Колхоз к севу не готов, нет семян, не отремонтирован сельхозинвентарь, лошади не ходят. Колхозникам хлеба нет, которые заработали на трудодни просят хлеба, он отвечает вот вам хлеб нецензурными словами. Райком и райисполком это не проверяют как идет работа... а он разбазарил продукты... Прошу принять меры к таким руководителям». Стерлитамакский райком после проверки снял Напалкова с должности председателя колхоза «Сталь» за провал весенне-посевной кампании и незаконную выдачу муки⁸.

Следует отметить, что в крестьянском менталитете власть не была однородной. В письмах, жалобах, заявлениях крестьян явно прослеживается различное отношение к сельским, районным, областным и центральным властям, так и советским. Московский уровень власти виделся крестьянам последней инстанцией. Безграничное доверие к властям отчасти переносилось и на областной уровень власти, рассматриваемый сельским населением в качестве непосредственного проводника политической линии высших структур. Иное отношение жители села высказывали местному уровню власти. Часто именно он выступал в крестьянском сознании в роли непосредственного угнетателя, деспотичного и неограниченного правителя, которого должна покарать «справедливая московская десница»⁹.

Действительно, местные руководители в сознании крестьянства выступали основными притеснителями, злоупотреблявшими данной им властью. Неслучайно в адрес высшего руководства поступало множество анонимных писем, заявлений и жалоб с просьбой разрешить тяжелую ситуацию. Так, весной 1945 г. Башкирский обком ВКП(б) докладывал Секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову о фактах злоупотреблений руководителями работниками Дюртюлинского и Куяргазинского районов. В частности, в колхозах Дюртюлинского района имелись факты растранижения сельскохозяйственных продуктов, самоснабжения за счет артелей, спекуляции продуктами, наблюдались случаи аморального и антиобщественного поведения работников колхозов.

ственного поведения некоторых руководителей. Проверкой Башкирского обкома ВКП(б) на местах эти факты из анонимного донесения подтвердились, к нарушителям были применены соответствующие меры наказания¹⁰.

Хорошо прослеживается бедственное положение крестьянства из писем, отправленных на фронт мужьям, сыновьям и дочерям в надежде обрести через них помощь, добиться справедливости. Письма семей военнослужащих рассматривались командующим составом и отписывались в военные отделы районов, в райкомы ВКП(б) с просьбой или требованием исправить ситуацию. В этих случаях местные партийно-хозяйственные органы принимали более действенные меры по улучшению положения колхозников.

Случаи различных злоупотреблений и формального отношения руководящих органов к насущным проблемам колхозников, семей фронтовиков были нередкими. Так, руководители Матраевского района не заботились о семьях фронтовиков, к тому же фонды продуктов и промтоваров, отпущенных им, распределяли среди партактива. Из полученных районом в 1944 г. 148 предметов американских подарков 40 предметов забрали руководящие работники района. Аналогичные факты имели место в Бураевском, Караидельском и Байкибашевском районах¹¹. В 1943 г. с февраля по июнь в отдел гособеспечения при СНК БАССР поступило 426 заявлений и жалоб по вопросам назначения пособий и пенсий, льгот и налогов, материально-бытовых нужд¹². Только с 15 февраля по 15 марта 1944 г. органами НКГБ Башкирской АССР было зафиксировано 6 987 сообщений о неполадках в колхозах республики. Почти в каждом письме была жалоба на произвол руководства и сельских советов, на случаи их пьянства, несправедливого распределения колхозной продукции, на факты бесхозяйственности¹³.

К концу войны вся колхозная система находилась в глубоком кризисе, и рядовые колхозники охотно предпочли бы наиболее радикальный выход из этого кризиса — роспуск колхозов. Рост антиколхозных общественных настроений в стране как массовое явление информационные сводки зафиксировали еще в 1943 г. Часть людей верила в то, что инициатива ликвидации колхозной системы принадлежит непосредственно Сталину, но большинство крестьян было настроено скептически и считало, что Сталин будет вынужден распустить колхозы под давлением некой «третьей силы». В основном в качестве «третьей силы» назывались недавние союзники СССР по антигитлеровской коалиции — США и Великобритания¹⁴. В феврале 1943 г. оргинструкторский отдел Дуванского райкома сообщал обкому ВКП(б), что наиболее часто задаваемые вопросы касались этой темы. Население спрашивало: «Правда ли, что при заключении договора

наши союзники Англия и Америка ставили перед нашим правительством три вопроса: а) открыть церкви, б) ввести погоны в РККА, в) распустить колхозы»¹⁵. Партийные и советские работники Уфимского района, выступая в 1944 г. с политическими докладами перед сельским населением, также часто сталкивались с вопросами: «Останутся ли после войны колхозы?», «Верно ли, что Америка и Великобритания требуют роспуска колхозов и открытия церквей, и если это не выполнится, то Америка лишает нас помощи в войне против Германии?» и «Почему государство не отпускает хлеб колхозникам?» и др.¹⁶

Вполне закономерно, что сомнения в целесообразности существования колхозной системы как часть общественных настроений получили распространение после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Победа в войне уже была очевидной, но административно-командные методы управления колхозами оставались неизменными и даже ужесточились.

Партийно-государственное руководство страны пыталось разобраться в причинах возникновения антиколхозных настроений, считая их провокационными и враждебными. Фронтовики, побывавшие во время войны в Западной Европе и увидевшие своими глазами, что трудящиеся, крестьянство живут там намного лучше, чем в СССР, возвращались домой. На XIX пленуме обкома ВКП(б) в июне 1945 г. говорилось о том, что партийная пропаганда должна обратить особое внимание на борьбу против восхваления буржуазного образа жизни, буржуазной культуры. Воздействие вернувшихся крестьян на умонастроения односельчан представлялось следующим образом: «Вот представьте себе, вернутся наши колхозники из Европы, побывал он там, посмотрел, но что он видел там — внешнюю сторону крестьянского хозяйства, он не видел его капиталистической природы и он эту внешнюю сторону принесет в деревню, он будет рассказывать как там бабы ходят, мужики на велосипедах разъезжают, одним словом, расскажет немало. Мы должны быть к этому готовы...». На пленуме говорилось о том, что необходимо проводить соответствующую работу среди крестьянства, пропагандировать преимущества советской страны, культуры, колхозного строя¹⁷.

Взаимоотношения власти и крестьянского населения, общественные настроения в годы войны были крайне противоречивыми. Государство в первую очередь рассматривало колхозное крестьянство как мобилизационный ресурс, посредством властного давления выкачивая все средства из измученного населения. Безусловно, определенные меры поддержки деревне оказывались, но они были несопоставимо малыми, по сравнению с огромным бременем налогов и обязанностей, ложившихся на население. Крестьянство пыталось уклониться от системы тотального контро-

ля и принуждения, но в случае неразрешимой ситуации было вынуждено обращаться за помощью к властям, в душе желая скорейшего роспуска колхозов. Определенная часть населения имела ярко выраженные протестные, антиобщественные настроения, что вполне объясняется сложной исторической обстановкой военных лет.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Блинова В. В.** Пресечение антисоветской агитации, пропаганды и негативных слухов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник ОГПУ. 2007. № 3. С. 32.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 157. Л. 4 — 5.

³ Национальный архив Республики Башкортостан (далее: НА РБ). Ф. 616. Оп. 1. Д. 248. Л. 84 — 84об.

⁴ Там же. Ф. 122. Оп. 21. Д. 176. Л. 63.

⁵ См.: **Блинова В. В.** Указ. соч. С. 38.

⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 88. Л. 30 — 31.

⁷ Там же. Оп. 24. Д. 680. Л. 220.

⁸ Там же. Оп. 22. Д. 13. Л. 176 — 177.

⁹ **Безнин М. А., Димони Т. М.** Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.) : материалы Междунар. конф. М., 1996. С. 164.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 96. Л. 53 — 59.

¹¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 88. Л. 14.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 44. Л. 32, 51 — 52.

¹³ См.: **Аюпов Р. С.** Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1994. С. 133 — 134.

¹⁴ См.: **Зубкова Е. Ю.** Мир мнений советского человека. 1945 — 1948 годы (по материалам ЦК ВКП(б)) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 30.

¹⁵ НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 190. Л. 35 — 35 об.

¹⁶ Там же. Оп. 25. Д. 353. Л. 208, 212.

¹⁷ См.: **Ахмадиева Н. В.** Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945 — 1965 годы. Уфа, 2008. С. 154.

УДК 94(47).084.9

Е. Н. Бикейкин, Г. А. Куршева, Л. В. Сульдина, Н. Н. Зоркова
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

**ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОЙ
СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В 1980-е гг.
(На материалах Мордовской, Марийской и Чувашской АССР)***

Статья посвящена проблемам и результатам аграрной модернизации в 1980-е гг. На примере Марийской, Мордовской и Чувашской республик исследуется практика реализации Продовольственной программы и аграрных реформ «перестройки». Особое внимание уделяется развитию колхозно-совхозной системы хозяйствования на селе.

Ключевые слова: колхозно-совхозная система, сельское хозяйство, Продовольственная программа 1982 года, перестройка, Марийская, Мордовская и Чувашская АССР.

В начале 1980-х гг. сельское хозяйство страны находилось в состоянии острейшего кризиса, грозившего катастрофическими сценариями выхода из него. Требовались немедленная разработка и реализация очередной аграрной антикризисной программы. В ее качестве и выступила так называемая Продовольственная программа 1982 года. Официально декларировалось, что Продовольственная программа предусматривала: реформирование структуры управления сельским хозяйством через ликвидацию ведомственной разобщенности, предполагавшее усиление оперативной координации работы различных предприятий и ведомств, входящих в состав агропромышленных объединений; продолжение и углубление курса на создание республиканских и районных агропромышленных объединений, планомерный перевод села на индустриальную основу; внедрение эффективных экономических рычагов стимулирования трудовой активности работников сельского хозяйства; осуществление планомерного подъема сельского хозяйства через решение социальных проблем деревни¹.

В мемуарах, написанных в конце 1990-х гг., В. С. Учайкин, возглавлявший в рассматриваемый период Совет министров Мордовской АССР, отмечал, что важнейшей задачей, стоящей тогда перед республиканским руководством, было «повышение эффективности сельскохозяйственного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020 «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922 – 1991)».

производства и всех связанных с ним отраслей», и так оценил произошедшие изменения: «Предварительные расчеты специалистов прогнозировали к 2000 г. объем сельскохозяйственной продукции удвоить. С высоты сегодняшнего дня скажу, что были созданы реальные возможности не только удвоить, но и утроить. Для этого уже к 1987 — 1988 годам была заложена прочная основа для резкого подъема всего сельскохозяйственного производства»².

Принятие Продовольственной программы означало фактический отказ от целого ряда мероприятий на селе, которые показали свою оторванность от жизни. В частности, практически прекратилось сселение «неперспективных» сел и деревень, укрупнение колхозов и совхозов и т. п. В результате наметился обратный процесс — стало расти, хоть и незначительно, число хозяйств (табл.).

Таблица

Динамика численности колхозов и совхозов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в первой половине 1980-х гг. (на конец года)

Год	Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	колхозы	совхозы	колхозы	совхозы	колхозы	совхозы
1981	87	82	277	81	180	103
1982	87	83	277	81	178	106
1983	87	83	285	86	179	108
1984	87	84	289	90	180	109
1985	88	83	289	91	179	111

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. М., 1986. С. 186, 187, 191.

Укреплению колхозно-совхозной инфраструктуры способствовало изменение отношения к кооперативной форме собственности. Причем эти перемены преподносились сквозь призму заботы о сельских тружениках, соблюдении их законных прав, охране труда. Так, на XXVI съезде КПСС отмечалось, что на современном этапе развития общественных отношений, когда у нас принято немало хороших законов, «дело прежде всего за их точным и неуклонным осуществлением. Ведь любой закон живет только тогда, когда он выполняется — выполняется всеми и повсеместно»³. Это положение в полной мере относилось к постановлениям ЦК КПСС и Совета министров СССР, направленным на практическое осуществление выдвинутых задач по увеличению продовольственных ресурсов страны, а также к советскому законодательству о труде, Примерному Уставу колхоза и принятым на его основе уставам колхозов. (В п. 2 Устава внесли изменения и добавили, что в ряду основных задач колхоз ставит также осуществление

охраны уставных прав и законных интересов членов колхоза). Декларировалась надежная охрана прав и законных интересов членов сельских трудовых коллективов. На необходимость строгого соблюдения уставов колхозов указал Президиум Верховного Совета СССР, обсудив вопрос о задачах Советов народных депутатов по реализации решений майского (1982) Пленума ЦК КПСС⁴.

Колхозы наряду с совхозами оставались, как указано в материалах XXVI съезда партии и майского (1982) Пленума ЦК КПСС, основой социалистического сельского хозяйства⁵. В связи с этим неслучайно в Примерном Уставе с внесенными в него в 1980 г. изменениями и дополнениями подчеркивалось, что «...колхоз как общественная форма социалистического хозяйства полностью отвечает задачам дальнейшего развития производительных сил в деревне в условиях развитого социализма, обеспечивает управление производством самими колхозными массами на основе колхозной демократии, позволяет правильно сочетать личные интересы колхозников с общественными, общенародными интересами. Колхоз — это школа коммунизма для крестьянства»⁶. Опыт показывал, что признание долговременности кооперативной формы производства и ее поддержка упрочивают стабильность положения крестьянства и во многом стимулируют рост инициативы и заинтересованности членов сельскохозяйственных производственных кооперативов в повышении производительности труда, увеличении объема производства и улучшении качества продукции. Признавалось, что уставная самостоятельность колхозов являлась неперемennым условием научно обоснованного межхозяйственного кооперирования, фактором, сдерживающим чрезмерное администрирование. В связи с этим руководство колхозами ориентировалось на всестороннее развитие и поддержку их инициативы и уставной самостоятельности, максимального использования богатейших возможностей и преимуществ коллективного хозяйства. Таким образом наметились пути равноправного сосуществования колхозной и совхозной форм хозяйствования, что не замедлило сказаться, в первую очередь, на социально-экономическом положении колхозов и колхозников.

Одним из путей повышения эффективности сельскохозяйственного производства стало внедрение внутрихозяйственного расчета и коллективного подряда в колхозах и совхозах. На одной из областных партийных конференций первый секретарь Мордовского обкома КПСС А. И. Березин отмечал, что внедрение коллективного бригадного подряда и хозрасчетных методов руководства способствовали росту производительности труда и снижению затрат на производство продукции⁷.

В декабре 1982 г. Мордовским обкомом КПСС и Советом министров МАССР было принято постановление, которое одобрило разработанные Министерством сельского хозяйства Мордовской АССР мероприятия по

внедрению внутрихозяйственного расчета, бригадного подряда и аккордно-премиальной оплаты труда в колхозах и совхозах республики, которые включали в себя обсуждение на конференциях и совещаниях вопроса о внедрении и совершенствовании сельскохозяйственного расчета и бригадного подряда в хозяйствах, организацию соцсоревнования среди совхозов и колхозов за лучшую постановку экономической работы, разработку положений о внутрихозяйственном расчете для каждого хозяйства, налаживание устойчивых взаимоотношений с партнерами по агропромышленному комплексу, разработку технологических карт и годовых хозрасчетных заданий по каждому производственному подразделению, обучение руководителей и работников сельскохозяйственных предприятий методам внутрихозяйственного расчета. Через два года после выполнения постановления Мордовским обкомом КПСС отмечалось, что в колхозах и совхозах республики стало уделяться больше внимания вопросам внедрения цеховой структуры управления производством, внутрихозяйственного расчета, прогрессивных форм организации и оплаты труда. Во многих хозяйствах улучшилась планово-финансовая работа, своевременно стали разрабатываться и доводиться до коллективов подразделений хозрасчетные задания, постоянно осуществляться анализ хозяйственной деятельности, было обеспечено некоторое повышение эффективности сельскохозяйственного производства. К марту 1984 г. было создано 480 бригад и звеньев на коллективном подряде в растениеводстве и 141 подразделение в животноводстве, 61 хозяйство работало на внутрихозяйственном расчете формой взаиморасчетов между хозрасчетными подразделениями. В 310 колхозах и совхозах все производственные подразделения были проведены на внутрихозяйственный расчет, 80 хозяйств работало по цеховой структуре управления, на 28 фермах внедрен двухсменный режим работы, на 10 фермах — поточно-цеховая организация труда, в 640 подразделениях применялась аккордно-премиальная оплата труда. В 310 колхозах и совхозах функционировали Советы и бюро экономического анализа⁸. В 1984 г. за производственными подразделениями, работающими на коллективном бригадном подряде, закреплено более 50 % земельных угодий и около 40 % скота и птицы⁹. В 1984 г. в Чувашской АССР на коллективном подряде в растениеводстве работало 953 звеньев и бригад, в животноводстве — 1 026, за которыми было закреплено 41 % пашни, 72 % поголовья овец, 37 % молочного стада, 39 % свиней и молодняка крупного рогатого скота¹⁰.

В 1986 г. хозрасчетные принципы ведения хозяйства в Мордовской АССР применяли 325 колхозов и совхозов, или 85 % от общего числа хозяйств. Число подразделений, работавших в растениеводстве по методу коллективного подряда, в 1986 г. составило 787, или 69 % от общего числа бригад и самостоятельных звеньев. Подрядными коллективами обрабаты-

валось 751,3 тыс. га пашни, или 61 % от общего ее наличия, в том числе 56 % посевов зерновых культур, 84 — сахарной свеклы, 82 — картофеля, 82 % — кормовых культур. В отрасли животноводства на коллективном подряде работало 1 207 бригад и звеньев, или 60 % от общего их числа. За ними было закреплено скота (в процентах от общего поголовья) в молочном животноводстве — 43 %, на откорме и дорастивании крупного рогатого скота — 51, в свиноводстве — 65, в овцеводстве — 86 %. По данным 1985 г. подрядные коллективы в животноводстве охватывали 36 % численности работников и произвели 44 % от всей валовой продукции отрасли¹¹.

18 декабря 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров «О переводе предприятий и организаций системы Госагропрома СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование». В каждом хозяйстве, внедрившем внутрихозяйственный расчет, работали Советы бригад, которые ежемесячно подводили итоги работы и намечали пути устранения имевшихся недостатков. С 1987 г. начата работа по внедрению противозатратного механизма — оплаты труда от валового дохода¹².

Одним из условий внедрения в сельскохозяйственное производство полного хозяйственного расчета стало прекращение прямого бюджетного финансирования значительной части мероприятий по производственному и социальному развитию колхозов и совхозов. Бюджетные ассигнования на эти цели были направлены на установление дифференцированных надбавок к закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию. Применение новых методов хозяйствования способствовало сокращению убыточных хозяйств. В то же время переход на полный хозрасчет и самофинансирование не привел к существенному наращиванию производства продукции, улучшению продовольственного снабжения, заметному росту прибыльности хозяйств и предприятий. Главной причиной этого было то, что командно-административные методы руководства деятельностью хозяйств продолжали действовать. Например, перерабатывающие предприятия АПК отчисляли до 70 — 80 % прибыли в государственный бюджет и централизованные фонды вышестоящих организаций, что затрудняло проведение реконструкции предприятий и решение проблем их социального и экономического развития¹³. По поводу перевода хозяйств на самофинансирование высказался на одном из заседаний Верховного Совета Чувашской АССР в 1988 г. председатель колхоза «Слава» Яльчикского района И. Я. Денисов: «Эта мера необходима и выдвинута самой жизнью, в этом нет никаких сомнений. Однако разработанная методика искусственного экономического выравнивания хозяйств не совсем правильна и даже, я бы сказал, порочна. Продукция, продаваемая государству низкорентабельными колхозами, оплачивается в 1,5 — 2 раза дороже, чем продукция рентабельных колхозов. Тут можно и согласиться, так как эти деньги идут из государственного бюджета. Госаг-

ропром же действует в разрез с интересами колхозов, особенно в части принудительного объединения денежных средств, изъятия их без согласия колхозников. Например, мы получили письмо о том, что на содержание аппарата РАПО, Госагропрома ЧАССР и Госагропрома РСФСР установлены отчисления в централизованный фонд от прибыли колхозов в размере 17,2 %, амортизационные отчисления основных фондов на полное восстановление — 5 %. Эта сумма по нашему колхозу набирается в пределах 300 тыс. рублей, колхоз может на эти средства построить один детский сад на 90 мест. ...Куда приведет такая перестройка, сказать пока очень трудно»¹⁴. Таким образом, прибыль в колхозе можно было получить только напряженным трудом всего коллектива, ценой недосыпаний, работы без выходных. Такой «материальный стимул» едва ли мог заинтересовать колхозников в дальнейшем получении прибыли, если заработанные деньги из кассы колхоза уходили на устройство благополучия других органов. Из-за таких отчислений в трудном финансовом положении могли оказаться даже хозяйства, имевшие неплохие экономические показатели. Им отказывали в доплате за крупновесный скот. Технику, минеральные удобрения приобретали по цене, которая была почти в два раза выше ранее существовавшей, а цены на сельскохозяйственные продукты остались на прежнем уровне. Кроме того, негативно влияли на экономику хозяйств «выдуманые» отчисления от прибыли¹⁵.

Не произошло коренного перелома в методах хозяйствования при внедрении прогрессивных форм организации и оплаты труда в колхозах и совхозах. Хозяйственный расчет, коллективный подряд и чековая форма контроля во многих хозяйствах осуществлялись формально, были слабо нацелены на экономию материальных и финансовых средств. В ходе социологического исследования в хозяйствах Чувашии выяснилось, что только 35,7 % опрошенных считали, что в хозяйстве внедрена подрядная форма организации труда, а 64 % указали на формальный подход и отсутствие подряда¹⁶.

Некоторому оздоровлению экономической обстановки на селе во многом способствовало проведение ряда мероприятий. С 1 января 1983 г. повышались закупочные цены на крупный рогатый скот, свиней, овец, молоко, зерно, сахарную свеклу, картофель, овощи и некоторые другие продукты. Вводилась также надбавка к ценам на продукцию, которая производилась в худших условиях, в убыточных, низкорентабельных хозяйствах. Например, в Чувашии из 287 колхозов и совхозов к низкорентабельным и убыточным было отнесено 259 хозяйств, в том числе 166 колхозов и 93 совхоза. Не включили в этот список 27 колхозов, имеющих рентабельность свыше 10 %. Из них 4 птицефабрики и 4 птицевосхоза, совхоз «Тюрлеминский», имевший в своем составе крупный государственный животноводческий комплекс по

откорму свиней, обеспечиваемый концентрированными кормами из госресурсов, тепличные комбинаты и совхозы. Выделенная для Чувашской АССР сумма надбавки была распределена для низкорентабельных и убыточных хозяйств к закупочным ценам на КРС в размере 30,3 млн руб., свиней — 17,4 млн руб., молока — 28,9 млн руб., шерсти — 2,7 млн руб., картофеля — 11,3 млн руб., овощей открытого грунта — 2,4 млн руб.¹⁷

В Мордовии с 1983 г. три раза пересматривались размеры надбавок к закупочным ценам на продукцию, продаваемую государству низкорентабельными и убыточными хозяйствами. В 1986 г. 64 хозяйства получили убыток в сумме 15,9 млн руб., или в среднем на одно хозяйство — 248 тыс. руб. С 1 января 1987 г. колхозы и совхозы были переведены на единый порядок краткосрочного кредитования по совокупному нормативу собственных оборотных средств, и 36 колхозов имели отрицательное наличие собственных оборотных средств. С 1 апреля 1987 г. были увеличены размеры надбавок к закупочным ценам хронически убыточным хозяйствам, которых в республике насчитывалось 46 (в 1982 г. насчитывалось 300 убыточных хозяйств)¹⁸. Этим хозяйствам предусматривалось 100 % возмещение сумм погашения страховых платежей за счет средств государственного бюджета, они также освобождались от уплаты платежей в бюджет¹⁹.

В 1986 — 1987 гг. Госагропромом Мордовской АССР была проведена определенная работа по улучшению производственно-финансовой деятельности убыточных колхозов и совхозов. Первоочередное внимание уделялось укреплению материально-технической базы убыточных хозяйств, улучшению социальных условий жизни колхозников и рабочих совхозов, укреплению в этих хозяйствах кадров. Значительная помощь убыточным колхозам и совхозам оказана в обеспечении тракторами, автомобильным транспортом, сельскохозяйственными машинами. В 1987 г. убыточным хозяйствам республики поставлено 247 тракторов, 93 грузовых автомобиля, 97 зерноуборочных комбайнов (25 — 38 % больше, чем в 1986 г.). Для выравнивания экономических условий хозяйствования по каждому хозяйству были пересмотрены надбавки к закупочным ценам. Для оказания практической помощи по внедрению внутрихозяйственного расчета и коллективного подряда в эти хозяйства направлялись специалисты областного комитета КПСС, Совета министров МАССР, Министерства финансов, Госплана, Статуправления, облсовпрофа, Госагропрома и других министерств и ведомств²⁰.

По итогам 1987 г. 79 хозяйств, предприятий и организаций Госагропрома Мордовской АССР закончили сельскохозяйственный год с убытками в 23,9 млн руб. Среди них: 42 колхоза с убытками — 11,2 млн руб., 12 совхозов — 2,7 млн руб., 14 промышленных предприятий — 6,4 млн руб., 10 ремонтно-технических и обслуживающих предприятий — 0,7 млн руб. С 1983 г. по 1987 г. Мордовии выделялось 126 млн руб. дотаций ежегодно. В 1988 г.

сумма дотаций составила 271 млн руб., что было связано с выводом убыточных и низкорентабельных хозяйств на уровень экономически крепких, способных работать в условиях самофинансирования²¹. Вышеописанные меры позволили закрепить тенденцию сокращения убыточных совхозов и колхозов. Так, если в 1985 г. в Мордовской АССР было 65 убыточных хозяйств, или 16,2 %, то в 1988 г. — 9, или 2,1 %²². Все это позволяло колхозам и совхозам направлять высвободившиеся средства на дальнейшее расширение производства.

Не менее важно увеличение государственной помощи на жилищное строительство, а также на строительство и содержание детских дошкольных учреждений, пионерских лагерей, клубов, других объектов культурно-бытового назначения, дорог в малорентабельных и убыточных колхозах. Например, только за первые два года двенадцатой пятилетки в колхозах и совхозах Марийской АССР введены в эксплуатацию свыше 4 тыс. квартир общей площадью 232,6 тыс. м², или в среднем на одно хозяйство приходится по 11 квартир в год. Построено клубов, Домов культуры на 2,6 тыс. мест, школ — на 2,7 тыс., детских дошкольных «учреждений» — 2,2 тыс. мест, столовых — на 674 места²³.

В январе 1984 г. в республиках были рекомендованы понижающие коэффициенты на работы по материально-техническому обеспечению, агрохимическому и энергетическому обслуживанию колхозов и совхозов, предусматривающие сокращение расходов колхозов и совхозов на плановый объем работ и услуг, так, в 1984 г. в Чувашии по предприятиям Госкомсельхозтехники на 1 421 тыс. руб., по Сельхозхимии — на 889 тыс. руб., Сельхозэнерго — на 368 тыс. руб. Колхозы и совхозы республики с 1 января 1984 г. перешли на новые условия оплаты работ и услуг, выполненных предприятиями Госкомсельхозтехники, Сельхозхимии, водохозяйственными ремонтно-эксплуатационными организациями, исходя из 92 % стоимости фактически выполненных работ. В соответствии с Постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР 50 % сверхплановой прибыли, а она составила за 1983 г. по предприятиям Госкомсельхозтехники — 14,5 тыс. руб. и Сельхозхимии — 35,5 тыс. руб., возвращено соответствующим колхозам и совхозам республики²⁴.

Ежегодно возрастала прибыль колхозов. Если среднегодовая доля прибыли в валовом доходе колхозов Мордовской АССР за годы десятой пятилетки составляла 11,8 %, то соответственно эта доля за одиннадцатую пятилетку составила 25,5 %. При этом среднегодовой абсолютный прирост прибыли в одиннадцатой пятилетке против десятой составил около 28 млн руб. Большая часть чистого дохода (прибыли) колхозов направлялась на пополнение неделимого фонда по увеличению основных и оборотных средств. В целом за одиннадцатую пятилетку абсолютный размер этих

отчислений увеличился против десятой на 42 млн руб., или более чем в два раза²⁵.

Улучшилась оплата труда в сельскохозяйственных предприятиях (на осуществление мероприятий по укреплению экономики колхозов и совхозов, закреплению кадров. Например, в Чувашской республике в 1985 г. в расчете на один отработанный человеко-день в колхозах было выдано денег и продуктов на 5,45 руб., что на 1,24 руб., или на 29,4 %, больше, чем в 1981 г. Заработная плата работников совхозов в 1985 г. составила 145,0 руб. в среднем за месяц, против 105,0 руб. в 1981 г., что на 38 % выше²⁶. Рост общественного богатства колхозов создал условия для улучшения пенсионного обеспечения колхозников, введенного в стране с января 1965 г. На конец 1985 г. в республике 78,3 тыс. колхозников получали государственную пенсию, в том числе 67,4 тыс. человек, или 82,6 %, по старости²⁷.

В Мордовской АССР, если в 1981 г. начислено к оплате труда колхозников денег и продуктов 127,1 млн руб., то в 1985 — 155,8 млн руб.; оплата одного человеко-дня колхозника — 4,91 и 6,27 руб. соответственно; среднемесячная оплата — 109 и 147 руб. соответственно. Абсолютные среднегодовые отчисления валового дохода на оплату труда колхозников в Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки против десятой возросли на 29,6 млн руб., или на 25,3 %²⁸.

Значительно повысилась оплата труда доярок, операторов машинного доения, агропромышленного, зоотехнического, ветеринарного и инженерно-технического персонала, заведующих и бригадиров животноводческих ферм. Интересно, что в ряде колхозов Мордовской АССР завышались нормы оплаты труда и это приводило к росту долгов в хозяйстве. Например, согласно проверке экономистов отдела по труду и социальным вопросам Министерства сельского хозяйства, в колхозе «Большевик» Кочкуровского района среднемесячный заработок отдельных доярок в марте 1983 г. составил от 374 до 413 руб., среднемесячный заработок работников подсобного цеха по изготовлению черенков для лопат в колхозе им. Ленина Кочкуровского района составил 455 руб.²⁹ В то же время размер пенсии у большинства колхозников был по прежнему минимальным — 40 руб. в месяц.

Несмотря на определенные изменения ситуации в сельском хозяйстве, колхозы и совхозы республик развивались неравномерно. Так, в 1983 г. в Ардатовском районе Мордовской АССР было получено зерновых и зернобобовых культур по 20,9 ц/га, сахарной свеклы — 163, картофеля — по 63 ц/га. В то же время ряд хозяйств превзошел районные показатели. Например, в колхозе имени Я. Свердлова зерновых и зернобобовых получено по 40,6 ц/га, в колхозе имени В. И. Ленина — 36,4 ц/га. В колхозе «Дружба» урожайность картофеля составила 154 ц/га, в колхозе «Родина» — 112 ц/га. Надои на одну фуражную корову в районе составили 2 673 кг, в колхозе

«Победа» — 3 389, «Дружба» — 3 346 кг³⁰. В Краснослободском районе в 1981 г., несмотря на неблагоприятные климатические условия, были получены сравнительно неплохие урожаи зерновых в колхозах «Свободный труд» — 15,3 ц/га, «Дружба» — 9,6, «Прогресс» — 10,1, им. Калинина — 7,8 ц/га. Средняя урожайность картофеля составила 44,1 ц/га, а в артелях «Советская Россия», «Свободный труд» — по 100 ц/га³¹. Подобные колебания урожайности имели место практически при одинаковых природно-климатических условиях.

В Чувашской АССР в расчете на одного работника, занятого в сельскохозяйственном производстве, в среднем в одиннадцатой пятилетке было произведено сельскохозяйственной продукции на 2 674 руб. против 2 095 руб. в десятой. Особенно высоким был этот показатель в хозяйствах Чебоксарского района — 5 658 руб. В то же время в хозяйствах Красночетайского района в расчете на одного работающего было произведено продукции лишь на 1 588 руб.³² В последнем году пятилетки в республике с каждого гектара посевов собрано по 22,6 ц зерна. Высокую урожайность зерновых и зернобобовых культур получили колхозы «Канаш» Канашского района — 35 ц/га, «Волга» Аликовского — 32, «Победа» Яльчикского — 31 ц/га. Колхоз «Янгорчино» Вурнарского района собрал с каждого гектара по 236 ц картофеля, «Ленинец» Батыревского — 227, им. Ленина Яльчикского района — 202 ц³³. Однако в Чувашии в урожайности также наблюдалась большая пестрота. Многие хозяйства при тех же почвенно-климатических условиях получали низкие урожаи, не выполняли государственные задания по реализации сельскохозяйственной продукции, не обеспечивали себя кормами и т. д. В Алатырском, Козловском и Цивильском районах в 1981 — 1985 гг. среднегодовая урожайность зерновых и зернобобовых культур была ниже уровня десятой пятилетки. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других районах республики.

В то же время стоит отметить, что в республиках оформились хозяйства, развивающиеся стабильно и являющиеся экономически эффективными. Наряду с колхозами и совхозами, бурное развитие которых падает на первую половину 1980-х гг., к их числу относились и хозяйства, окрепшие еще в предыдущее десятилетие, например, в Мордовии такие колхозы, как «Советская Россия», «Свободный труд» Краснослободского района, ордена Ленина им. М. Калинина, «Красный Октябрь», им. М. Горького Атяшевского, «Россия» Рузаевского, им. С. Кирова Большеберезниковского, им. В. И. Ленина Дубенского, совхозы «Россия» Лямбирского, «Свердловский» Ленинского, ордена «Знак Почета» конный завод № 27 Ичалковского, птицефабрики «Комсомольская» Чамзинского и «Октябрьская» Лямбирского районов³⁴; в Чувашии — колхозы «Канаш» Канашского района, «Красный Октябрь» Комсомольского, «Прогресс» Яльчикского, «Досаево» Красноармейского, «Восход» Урмарского, «Слава» Яльчикского, «Труд» Батыревско-

го и «Ленинская искра» Шемуршинского районов³⁵; в Марийской АССР — колхозы «Прогресс» Новоторъяльского района, «Большевик», «Рассвет», «Коммунизм верч», Советского, им. Шкетана и им. Мичурина Оршанского, им. Мосолова Горномарийского, им. Ленина Параньгинского районов, совхозы «Восход», «Алексеевский», «Шойбулакский», «Семеновский», им. 60-летия СССР и «Звенигородский»³⁶. Для этих хозяйств была характерна стабильность развития социально-экономической и культурно-бытовой сферы.

Таким образом, наряду с реформированием системы органов управления сельским хозяйством, проведение ряда мероприятий по повышению закупочных цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, молоко, зерно, сахарную свеклу, картофель, овощи и некоторые другие продукты, введение надбавок к ценам на продукцию, которая производилась в худших условиях, в убыточных, низкорентабельных хозяйствах, достаточно успешное решение социально-бытовых проблем сельчан, отказ от сселения «неперспективных» сел и деревень, укрупнения колхозов и совхозов привели к укреплению колхозно-совхозной инфраструктуры, выразившейся в республиках прежде всего в росте числа хозяйств, а также в упрочении их экономического потенциала.

Библиографические ссылки и примечания

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее: ЦГА РМ). Ф. 269-П. Оп. 64. Д. 62. Л. 11.

² Учайкин В. С. Озвученные мысли. Саранск, 2000. С. 92 — 93.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 64.

⁴ См.: Известия. 1982. 1 июня.

⁵ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. С. 47 ; Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации : материалы Майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М., 1982. С. 31 — 32.

⁶ Принят III Всесоюзным съездом колхозников и утвержден постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 г. № 910 (СП СССР, 1969, № 26, ст. 150) с изменениями и дополнениями от 10 июля 1980 г. (СП СССР. 1980. № 21. ст. 122).

⁷ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 43 Д. 1 Л. 16.

⁸ Там же. Оп. 45. Д. 43. Л. 1 — 13.

⁹ Там же. Д. 52. Л. 2 — 3.

¹⁰ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее: ГИА ЧР). Ф. 2203. Оп. 24. Д. 3839. Л. 22.

¹¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 49. Д. 122. Л. 35 — 36.

¹² Там же. Оп. 53. Д. 204. Л. 27.

¹³ Там же. Оп. 63. Д. 433. Л. 11 — 12.

¹⁴ Заседания Верховного Совета Чувашской АССР одиннадцатого созыва (девятая сессия, 8 апреля 1988 года : стеногр. отчет). Чебоксары, 1987. С. 49 — 50.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Заседания Верховного Совета Чувашской АССР одиннадцатого созыва (седьмая сессия, 11 апреля 1987 г. : стеногр. отчет). Чебоксары, 1987. С. 17 — 18.

- ¹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 27. Д. 861. Л. 5 — 6.
- ¹⁸ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 53. Д. 204. Л. 22 — 23.
- ¹⁹ Там же. Л. 22 — 23, 30, 32.
- ²⁰ Там же. Л. 25 — 26.
- ²¹ Там же. Оп. 61. Д. 255. Л. 97.
- ²² Там же. Оп. 64. Д. 347. Л. 2.
- ²³ См.: **Зенкин А. А.** Культура села Марийской АССР на современном этапе // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 272.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 3839. Л. 20.
- ²⁵ См.: **Сальников Ю. И.** Проблемы реализации Продовольственной программы в Мордовской АССР // Осуществление Продовольственной программы и социальное развитие деревни Среднего Поволжья. Казань, 1987. С. 34.
- ²⁶ Научный архив Чувашского института гуманитарных наук (далее: НА ЧГИГН). Отд. Х. Д. 1437. Л. 92, 98.
- ²⁷ Там же. Л. 170.
- ²⁸ См.: Блокнот агитатора (орган отдела пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС). 1986. № 19. С. 19 — 20.
- ²⁹ ЦГА РМ. Ф. 516. Оп. 3. Д. 1485. Л. 21.
- ³⁰ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской АССР десятого созыва (восьмая сессия, 11 января 1984 г. : стеногр. отчет). Саранск, 1984. С. 51.
- ³¹ ЦГА РМ. Ф. 609. Оп. 18. Д. 5. Л. 5 — 7.
- ³² НА ЧГИГН. Отд. Х. Д. 1438. Л. 7.
- ³³ См.: Советская Чувашия. 1986. 25 янв.
- ³⁴ См.: Социально-экономическое развитие сельского хозяйства в системе агропромышленного комплекса Мордовской АССР. Саранск, 1984. (Тр. НИИЯЛИЭ ; вып. 75). С. 13.
- ³⁵ См.: **Шорников А. М.** Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959 — 1985 гг.). Чебоксары, 1990. Ч. 2. С. 196.
- ³⁶ См.: История Марийской АССР : в 2 т. Йошкар-Ола, 1987. Т. 2. С. 261.

УДК 316.64:303.425.6

И. И. Бойко, А. П. Долгова, В. Г. Харитонова
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
(г. Чебоксары)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

В ходе трех волн исследования (2006, 2012, 2016 гг.) по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» было опрошено около 3 тыс. жителей республики. По результатам ответов респондентов исследуются уровень социального самочувствия населения Чувашии, динамика его компонентов.

Ключевые слова: социальные опасности, удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем, индекс социального самочувствия, социологический опрос.

Проблемы социального самочувствия населения России активно разрабатываются исследователями. При этом большое внимание уделяется анализу данного показателя у различных социальных групп, жителей отдельных регионов страны. Кроме того, опубликованы работы, в которых рассматриваются различные подходы к изучению этого интегрального показателя состояния общества и государства, процедура измерения его компонентов¹. Участвуя в реализации проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов», авторы придерживаются методических принципов, разработанных руководителями Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН Н. И. Лапиным и Л. А. Беляевой². На их основе выполнены работы во многих регионах страны³. Имеются публикации, изданные и в Чувашии⁴. В монографиях, выпущенных по итогам первых двух волн исследования по реализации указанного проекта, также имеются отдельные разделы, в которых показаны характеристики и тенденции развития социального самочувствия населения республики⁵.

В настоящей статье анализируется состояние и динамика этого важного индикатора по итогам трех волн реализации в Чувашии названного выше проекта (2006, 2012, 2016 гг.).

Рассмотрим три составляющих социального самочувствия граждан, определенных в рамках методики по изучению социокультурных портретов регионов, выявим их зависимости от ряда факторов и определим величины соответствующих коэффициентов. В ходе обследований респонденты выражают степень своего согласия/несогласия с предлагаемыми вопросами по 5-ранговой шкале: от позитивного до негативного. Итоговое количественное значение ответов определяется как взвешенная средняя арифметическая: каждый балл умножается на число (или процент) респондентов, выбравших ответ, соответствующий баллу от 5 до 1. Произведение суммируется и усредняется: сумма делится на число баллов (5) и на общее число ответивших (или на их процент от числа опрошенных)⁶.

Рассмотрим вопрос о защищенности населения от различных опасностей. В целом Чувашская Республика характеризуется как достаточно безопасный регион для проживания, хотя показатель коэффициента защищенности от опасности (Кз) не отличается только повышательной тенденцией. Самое высокое его значение наблюдалось в 2006 г. — 0,67. Затем произошло снижение до 0,63, а в 2016 г. отмечен рост до 0,65. Практически по всем измеряемым видам опасности происходили колебания, как повышение, так и снижение доли тех, кто чувствовал себя защищенным от них в той или иной мере, соответственно, менялся удельный вес не защищенных (табл. 1). Практически не изменился перечень наиболее часто называемых опасностей: преступность, бедность, произвол чиновников. В 2006 г. на 3-м месте по частоте упоминаний находится экологическая угроза, но она опережала

такой фактор, как произвол чиновников только на 0,1 п. п. Если в 2006 и 2012 гг. наибольшую степень опасности представляла преступность, то в ходе проведения последней волны исследования чаще всего респонденты опасались как преступности, так и бедности. Как видно из данных таблицы, эти факторы представляли угрозу практически для половины опрошенных (за исключением экологической угрозы в 2006 г.). Еще одна группа из трех факторов (экологическая угроза, произвол правоохранительных органов, одиночество и заброшенность) беспокоили около трети и более жителей республики. На одном уровне остались опасения, связанные с возможными притеснениями из-за пола и возраста. Обращает на себя внимание заметное увеличение в 2012 и 2016 гг. доли тех, кто опасался преследований за политические убеждения. Наконец, менее всего люди опасались притеснений по этническим признакам и религиозным убеждениям. Конечно, это не означает, что данные проблемы не волнуют граждан. Речь идет о том, что для Чувашии они являются важными, но не актуальными: исторический опыт совместного проживания лиц, относящихся к различным этническим группам, исповедующим «свои» религии; достаточно продуманная политика и действия властных структур, общественных организаций не дают возможности возникать конфликтам на этой почве. Другое дело, что в современных условиях возникают новые проблемы, связанные в первую очередь с мигрантами, как прибывшими из зарубежных стран, так и с российскими гражданами — выходцами из республик Северного Кавказа.

Таблица 1

Жители Чувашии о своей защищенности от социальных опасностей, %

Вид опасности	2006			2012			2016		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Экологическая угроза	36	26	38	24	37	39	30	33	37
Притеснения из-за возраста или пола	60	24	16	57	28	15	54	29	17
Произвол чиновников	28	34	38	18	35	47	18	34	48
Ущемления из-за национальности	77	17	6	67	24	9	68	23	9
Притеснения из-за религиозных убеждений	77	19	4	69	25	6	68	26	6
Произвол правоохранительных органов	35	35	30	25	36	39	32	36	32
Преследования за политические убеждения	61	30	9	44	38	18	40	43	17
Бедность	27	26	47	21	26	53	21	23	56
Одиночество и заброшенность	40	22	38	41	25	34	44	24	32
Преступность	23	27	50	20	26	54	22	36	42

1 — Защищен; пожалуй, защищен. 2 — Трудно сказать. 3 — Пожалуй, незащищен; совсем не защищен.

Жители городских населенных пунктов острее воспринимают проблемы произвола правоохранительных органов, чиновников, преступности, бедности по сравнению с сельскими респондентами, и примерно в равной степени чувствуют себя защищенными от таких опасностей, как притеснения из-за национальной принадлежности, религиозных убеждений, одиночества и заброшенности.

Особенности распределения основных этнических групп населения по типам поселений показывают, что разница между чувашами и русскими по отношению к различным видам опасностей определяется не их этнической принадлежностью, а местом жительства — городом или деревней. По сравнению с такими потенциальными опасностями, как бедность, преступность, произвол чиновников и некоторые другие, ущемления по таким признакам, как национальность и религиозные убеждения в несколько раз менее значимы. Если вести речь о защищенности от ущемления из-за национальности и религиозных убеждений, то в 2012 г. сравнительно с 2006 и 2016 гг. отмечается снижение на 8 — 10 п. п. доли тех, кто чувствовал себя спокойно по этим причинам. В 2006 и 2016 гг. зафиксировано, что около трех четвертей респондентов были уверены, что они безусловно, или пожалуй, защищены от таких опасностей. Близость ответов чувашей и русских на вопрос о защищенности от ущемления из-за национальности вполне соответствует ситуации в межэтнических отношениях в Чувашии, по крайней мере, когда речь идет о старожильческом населении, т. е. чувашах, русских, татарах, мордве и марийцах. Это в полной мере относится и к менее многочисленному старожильческому населению республики — украинцам, белорусам, башкирам и т. д. Если же учитывать проблемы, связанные с отношением к мигрантам, в первую очередь к представителям среднеазиатских и кавказских государств, а также жителям российских северокавказских республик, то выявляются сюжеты, которые выходят за рамки преобладающих межэтнических взаимоотношений и требуют специального рассмотрения.

Проанализируем далее ответы на вопрос об уровне удовлетворенности респондентов своей жизнью (табл. 2), после чего подсчитаем величину соответствующего коэффициента (K_y).

Таблица 2

Жители Чувашии об удовлетворенности своей жизнью в целом, %

Уровень удовлетворенности	2006	2012	2016
1	2	3	4
Полностью удовлетворен	12,0	13,5	10,0
Скорее удовлетворен	44,0	42,0	35,5
Затрудняюсь сказать точно	19,0	5,0	18,0

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Не очень удовлетворен	21,0	34,1	30,0
Совсем не удовлетворен	3,0	5,0	4,5
Отказ от ответа	0,5	0,4	2,0

Отметим, что данные указывают на постепенное снижение уровня удовлетворенности жизнью, что согласуется с отмеченными ранее материалами об оценке в Чувашии и соседних регионах, о чувствах по отношении к Чувашии и т. д. Если в 2012 г. менее 5,0 % затруднились определить свое отношение к данному вопросу, то через 6 лет так отвечал практически каждый пятый респондент. Отметим также, что в ходе второй волны исследования отмечено разделение всего массива на две значительные части, бóльшая из которых (55,5 %) полностью или частично удовлетворена жизнью, а меньшая (39,1 %) выбрала варианты «не очень удовлетворен» или «совсем не удовлетворен». В 2016 г. эти группы по объему сблизилась: они стали составлять 45,5 и 34,0 %, и дистанция между ними сократилась до 11,5 п. п. вместо 16,4 п. п. ранее. Обращает на себя внимание отсутствие значимых различий между городским и сельским населением. Максимальная разница у жителей города и села отмечается у тех, кто удовлетворен жизнью как полностью, так и «скорее», и она равняется 1,5 п. п. в пользу сельских респондентов. Если иметь в виду ответы представителей трех возрастных когорт, то наблюдается бóльший уровень удовлетворенности у молодых людей в возрасте 18 — 24 лет. Собственно, это закономерно, поскольку определенную роль играет социальный оптимизм, уверенность в своих силах и др., присущие молодости. Разница между ними и более старшими группами респондентов составляет около 5 — 7 п. п. в 2006 и 2010 гг. и достигает 10 п. п. в 2016 г. Однако при этом отмечена еще одна особенность, которая заключается в том, что среди респондентов старшей группы (55 лет и более) также несколько выше, чем в общем массиве, доля удовлетворенных жизнью. Логика здесь обратная мотивам молодежи: значительная часть жизни прожита, что-то изменить затруднительно, поэтому следует принимать жизнь такой, какой она у них сложилась. Значимой дистанции в ответах чувашей и русских не зафиксировано. Нет заметных различий и при ответах на этот вопрос среди мужчин и женщин.

Величина K_y оказалась в 2016 г. такой же, как в 2012 г. (0,64) и ниже его значения в 2006 г. (0,68).

Наконец, обратимся к вопросам, которые дают возможность определить среднее значение коэффициента социального оптимизма (K_o). Для этого необходимо проанализировать ответы на вопросы, позволяющие провести сравнение уровня жизни во время обследования с предыдущим годом, и

показать уровень уверенности применительно к будущему. Итак, обратимся к ответам на вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?». По данным первых двух волн исследования ситуация в целом выглядела достаточно благополучно, особенно если учитывать последствия кризиса, начавшегося в 2008 г. Почти четверть респондентов в 2012 г. (23,9 %) ответили, что они стали жить намного или несколько лучше. Доля тех, кто сетовал на ухудшение жизни, оказалась почти в 2 раза меньше (13,2 %), при этом выбрали вариант «стали жить намного хуже» 1,9 % опрошенных. Самая большая часть жителей республики оказалась среди тех, кто посчитал, что ничего не изменилось (58,6 %). Этот показатель вполне соответствовал, тому, что 55,0 % опрошенных заявили, что кризис 2008 — 2010 гг. практически не повлиял на жизнь их семей. Следует также учитывать, что для части граждан произошло определенное привыкание к жизни в новых условиях, хотя оно и сопровождалось трудностями, иногда значительными. Однако сложные экономическая и политическая ситуации, развивающиеся после 2014 г., привели к тому, что в 2016 г. более значимой стала группа респондентов, которая отметила, что они стали жить несколько хуже по сравнению с прошлым годом (33,7 %) или намного хуже (8,6 %). Доля тех, кто жил немного (2,3 %) или несколько (9,1 %) лучше, была почти в 4 раза меньше группы, у которой отмечено ухудшение жизни. Сравнение жителей города и села показывает, что значимой дистанции между ними нет, как и среди представителей двух самых многочисленных этнических групп.

Возрастные отличия проявились в том, что в 2012 г. среди 25 — 44-летних каждые 3 человека из 10 отметили улучшение жизни, среди самых молодых (18 — 24) доля лиц, имеющих такое же мнение, была меньше и составляла почти четверть от их числа (23,5 %). В то же время среди опрошенных, нижняя граница возраста которых была определена в 45 лет, доля оптимистически оценивающих произошедшие перемены за год жизни, оказалась самой низкой — 18 %. Дистанция между «пессимистами» (стали жить несколько и намного хуже) в различных возрастных группах была не такой заметной, в первую очередь в силу того, что среди респондентов старших возрастов больше оказалось тех, кто считал, что за прошедшее время ничего не изменилось. В 2016 г. более значительная доля тех, кто посчитал, что жизнь в той или иной степени улучшилась, отмечена в более узкой возрастной группе — 18 лет — 34 года (около 16 %). Признаки пола и национальности не оказали заметного воздействия при ответах на данный вопрос.

Ответы на два вопроса дали возможность выявить уровень уверенности респондентов в будущем в целом, а также с точки зрения улучшения жизни их самих и их семей.

В целом среди респондентов самой большой группой являются лица, уверенные в своем будущем в той или иной степени (табл. 3), хотя их доля несколько не доходит до уровня в 50 %. В 2016 г. она была еще меньше и составляла около 40 %. Весьма высока и численность тех, кто сомневался в точном ответе, иначе говоря, в оценке своих перспектив в целом. В 2012 г. около 18 % респондентов были настроены пессимистично, в 2016 г. их доля составила 27 %. Применительно к городской и сельской местности разница в ответах не дает основания для дифференциации населения по этому признаку, что вовсе не означает одинаковый уровень притязания в оценке своего будущего.

Таблица 3

Степень уверенности жителей Чувашии в своем будущем, %

Степень уверенности	2006	2012	2016
Вполне уверен	13,0	14,0	11,0
Скорее уверен, чем нет	29,0	29,0	27,0
Не могу сказать точно	35,6	38,5	34,0
Скорее не уверен, чем уверен	17,0	14,0	19,0
Совершенно не уверен	4,5	4,0	8,0
Отказ от ответа	0,9	0,5	1,0

Если вести речь о влиянии возраста на оценку своих перспектив, то следует отметить, что в первых двух возрастных группах (от 18 до 54 лет) она оказалась примерно равной, то у старших (старше 55 лет) зафиксировано отставание более чем на 10 п. п. Наверное, это закономерно, поскольку существуют хорошо известные проблемы с низкими пенсиями, отсутствием перспектив для карьерного роста на рабочих местах, переходом на другую работу и т. п.

Отмечена также некоторая разница в оценке будущего у мужчин и женщин, выразившаяся в небольшом проявлении оптимистических настроений у мужчин и пессимистических у женщин. При этом разница составила около 5 — 7 п. п. Если же вести сравнение ответов на данный вопрос у русских и чувашей, то с большой уверенностью можно утверждать об отсутствии у них каких-либо заметных отличий в оценке своего будущего.

Далее рассмотрим ответы респондентов о возможных изменениях в ближайшие годы уровня жизни как их самих, так и их семей (табл. 4). Если в 2006 г. свыше 40 % полагали, что жизнь улучшится, таким же образом были настроены около 28 % респондентов в 2012 г., через 4 года этот показатель сократился до 19 %. В 2016 г. сравнительно с двумя первыми волнами на 5 п. п. возросла доля скептиков, еще больший рост был замечен в категории тех опрошенных, которые не высказывали своего мнения при ответе на

данный вопрос, иначе говоря, налицо рост неуверенности и негативных оценок своей будущей жизни.

Таблица 4

Жители Чувашии о перспективах своей жизни в ближайшие годы, %

Уровень жизни в ближайшие годы	2006	2012	2016
Значительно лучше	7,9	7,3	5,0
Несколько лучше	32,8	20,4	14,0
Ничего не изменится	29,0	31,0	23,0
Несколько хуже	8,0	8,0	8,0
Значительно хуже	2,0	2,0	7,0
Не знаю	20,0	31,0	42,0
Отказ от ответа	0,3	0,3	1,0

Таким образом, все меньшая часть респондентов полагает, что в их жизни произойдут перемены к лучшему, а для значительного большинства ближайшее будущее или ничего не изменит, или этот вопрос остается для граждан пока закрытым. Такой рост неопределенности весьма симптоматичен, начиная с 2012 г. данный вариант ответа выбирается чаще всего, т. е. является модальным. С другой стороны, такая ситуация свидетельствует о сокращении набора других перспектив, в первую очередь положительных. Обращают на себя внимание практически одинаковые ответы у горожан и жителей села, что свидетельствует об отсутствии осязаемых перспектив для улучшения жизни у большинства респондентов. Более внятно фиксируется разная степень оптимизма у представителей различных возрастных групп, в первую очередь наличием более высокого уровня оптимизма у представителей молодежной когорты. Распределение граждан по полу и этнической принадлежности весьма слабо связано с распределением ответов на данный вопрос.

Величина коэффициента социального оптимизма (K_o), рассчитываемого на основе ответов на три вопроса (сравнение уровня жизни с прошлым годом, ожидания в ближайшем году, уверенность в своем будущем) в 2016 г. равняется 0,6. Некоторое снижение индекса произошло в связи с достаточно низкой оценкой уровня жизни своей семьи.

Интегральный индекс социального самочувствия населения (I_{cc}) в 2016 г. оказался таким же, как в 2006 г. (табл. 5), что было несколько меньше показателя 2012 г. Если в 2006 г. заметным было отставание величины коэффициента оптимизма от двух других, то в 2012 г. величины всех трех коэффициентов оказались практически равными. В 2016 г. вновь наметилось отставание коэффициента оптимизма, хотя и не такое заметное, как в 2006 г. В целом величина индекса социального самочувствия превышает

минимально достаточную (0,51), требующуюся для устойчивости сообщества⁷.

Таблица 5

Индекс социального самочувствия населения Чувашии

Компонент самочувствия, его индекс	2006	2012	2016
Защищенность от опасностей (Кз)	0,67	0,63	0,65
Удовлетворенность жизнью в целом (Ку)	0,68	0,64	0,64
Оптимизм (Ко)	0,56	0,66	0,60
Индекс социального самочувствия (I_{cc})	0,63	0,64	0,63

Как было отмечено выше, основные демографические и этнические характеристики личности не оказывали заметного воздействия на оценки уровней защищенности личности от различных опасностей, удовлетворенности своей жизнью, ее оценкой, ожиданиями и уверенностью в своем будущем. Если подобная зависимость и отмечалась, то она не была очень заметной и определяющей.

При этом следует обратить особое внимание на причины слабой выраженности поселенческих особенностей. На наш взгляд, они кроются не столько в одинаковом понимании проблемных жизненных ситуаций, сколько в том, что оптимизм и уверенность в будущем в определенной мере базируется у жителей сельской местности Чувашии на заниженных самооценках. Доля же их в составе всего населения республики достаточно высока и составляет около 40 %. Мы считаем, что данное обстоятельство в определенной мере может быть причиной реальной социокультурной разбалансированности, которая отчасти завуалирована характером ответов на вопросы обследования.

Следует отметить положительную динамику такой стержневой установки социальной самооценки, как снижение патерналистских устремлений и понимание важности собственных усилий. В 2006 г. граждан, полагающих, что улучшение собственной жизни полностью или частично зависит от собственных усилий, насчитывалось 85,0 %, в 2012 г. — 88,8 %, в 2016 г. — 88,5 %. Как видим, рост не выражен ярко, и это закономерно. По нашему мнению, данный показатель достиг уровня насыщения, в том числе и в общем массиве респондентов, ибо трудно ожидать в такой стране, как Россия, абсолютной убежденности и уверенности в своих силах от всего населения, даже если речь идет только об улучшении собственной жизни.

Неслучайно понимание того, что от действия властей, в первую очередь российских, зависит успех бизнеса и работы многих предприятий и учреждений, осталось на уровне 2006 г. (61 — 64 %). Данные представления, в свою очередь, сдерживают мотивацию действий, направленных на улучшение жизни отдельных граждан.

В целом отметим, что полученные материалы, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно стабильном социальном самочувствии населения Чувашии, с другой — отражают уровень социальных притязаний, который в значительной мере не соответствует уровню человеческого потенциала населения современной Чувашии.

Библиографические ссылки

¹ См., например: **Чугуенко В. М., Бобкова Е. М.** Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15 — 23.

² См.: **Лапин Н. И., Беляева Л. А.** Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). М., 2010. 111 с.

³ См.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. 808 с.; Динамика социокультурного развития Ульяновской области. Ульяновск, 2009. 180 с.; **Дулина Н. В., Токарев В. В.** Уровень социального самочувствия как вектор социокультурной эволюции региона (по итогам мониторинга «Волгоградский Омнибус») // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: VII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (12 — 15 октября 2011 г.). Казань. 2011. С. 224 — 233; **Каргополова Е. В.** Социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 80 — 86; **Арясова А. Ю., Каргополов С. В., Каргополова Е. В.** Социальное самочувствие населения региона как индикатор процесса модернизации // Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа). Астрахань, 2017. С. 251 — 258 и др.

⁴ См.: **Бойко И. И., Харитонов В. Г.** Социальное самочувствие жителей Чувашии как фактор социокультурной модернизации // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. (Вологда, 23 — 26 октября 2013 г.) Вологда, 2013. С. 384 — 393; **Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонов В. Г.** Социальное самочувствие населения Чувашии в начале XXI века // Личность, общество, государство: характер и принципы взаимодействия: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (27 ноября 2014 г.). Уфа, 2015. С. 8 — 13 и др.

⁵ См.: Чувашская Республика. Социокультурный портрет. Чебоксары, 2011. С. 54 — 59; Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика. Чебоксары, 2015. С. 56 — 67.

⁶ См.: **Лапин Н. И., Беляева Л. А.** Указ. соч. С. 41.

⁷ Там же.

УДК {322:348.71}:316

С. И. Бондаренко

Алтайский государственный аграрный университет (г. Барнаул)

СЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ И КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ НЭПа: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Статья посвящена проблемам утверждения советской власти в деревне. В повседневной жизни власть большевиков воспринималась неоднозначно. Сельские советы — послереволюционные органы государственной власти в деревне, хотя и возникли как органы для крестьян, но так и не стали истинными выразителями их интересов. К 1927 г. стало ясно, что они не выполнили возложенной на них задачи. Через анализ писем во власть автор выявляет причины неоднозначного восприятия крестьянами нового органа власти.

Ключевые слова: НЭП, крестьяне, сельские советы, повседневность.

В 1920-е гг. большевистскому руководству в целом удалось утвердить господство и в городе, и в деревне. Новая экономическая политика, безусловно, стимулировала данный процесс, однако в повседневной жизни он был неоднозначным.

В представлении крестьян местная власть отвечала за все нововведения в жизни деревни и, соответственно, за их неудачи. Сельские советы, возникшие как органы государственной власти для защиты интересов крестьян, к сожалению, не справились с поставленными задачами: они в основном существовали отдельно от крестьян.

Выборы в сельские советы проходили с явными и грубыми нарушениями. Крестьяне жаловались на то, что беспартийных почти не брали на работу в сельские советы. Их жалобы указывали на многие ошибки советской власти и в организации перевыборов.

В основном сельские советы 1920-х гг. состояли из нескольких деревень. По крестьянским представлениям центром избирательной комиссии должна быть деревня, которая находится в центре уезда. Однако власти часто выбирали деревню, располагающуюся на окраине, куда добраться крестьянам было тяжело. Кроме того, возмущение крестьян вызывало то, что уполномоченные из района приезжали с готовым списком членов комиссии, которые должны были подсчитывать голоса. Списки избираемых и процедура голосования, судя по письмам, были крестьянам не понятны. В итоге крестьяне делали вывод, что с «ними не хотят поговорить по душам», и уходили, оставляя, таким образом, право избирать уполномоченным из района. Не проработана оказалась и процедура голосования. Она должна

была определяться по положению 1922 года губернской избирательной комиссией по спискам или отдельным кандидатам.

В Положении о деятельности сельских советов 1922 года определялась их структура, указывались основные задачи, но ничего не говорилось о методах работы. Предполагалось, что наиболее целесообразные методы работы будут вырабатываться депутатами советов в каждом конкретном случае. Таким образом, местной власти давался широкий диапазон выбора методов при наличии четких задач, что в повседневной жизни приводило к открытому давлению на крестьян, что также было обусловлено и общей низкой грамотностью местных властей.

К 1927 г. уже стало ясно, что сельские советы не выполняют возложенных на них задач. По мнению историка В. В. Бабашкина, консолидированная к концу 1920-х гг. власть превращает вопрос о дальнейшей политике в деревне из тактической проблемы внутрипартийной борьбы в вопрос жизни и смерти для себя¹.

Новой властью были предприняты попытки реанимировать сельские советы, сделать их настоящими проводниками политики в деревне. В газете «Молодая деревня» от 6 сентября 1927 г. читаем: «Советы те органы, куда собирается мысль масс и ее воля. Чтобы правильно оценить сделанную работу нужно не только смотреть за результатами работы, но и при каких условиях эти результаты получились. Вполне естественно, что внимание крестьян будет направленно на местные недочеты. Это не плохо. Но все же не надо забывать и нашего общего международного положения»².

В сентябре 1927 г. особой комиссией Сибирского краевого исполнительного комитета было обследовано два сельских совета Бердского района — Койновский и Искитимский³.

Выводы комиссия сочла поучительными, подчеркивающими недостатки деревенской жизни. Она выяснила, что официально созыв заседаний проходит регулярно, при посещаемости 60 — 70 % и члены сельского совета официально прикреплены к секциям. Однако в действительности члены сельских советов в практическую работу не втянуты. Она ведется председателем и секретарями. Комиссия сделала вывод, что это общесибирское явление. Часто председатели были малограмотные, и руководящая роль передавалась секретарю как единственно грамотному человеку⁴.

Вот некоторые высказывания о секретарях на страницах западносибирской прессы. «У нас секретарь сельсовета очень плохой работник. К 6 часам утра он уже ухитряется напиться. Когда к нему обращаются за справками, он отвечает — приходи завтра. Сегодня очень много выпил. Трудно его заставить, когда он мало выпил (деревня Озерки, Чарышского р-на, Рубцовского окр.)»⁵.

«Секретарь нашего сельсовета Куприянов с удовольствием исполнит просьбу зажиточного, с бедняком и разговаривать не желает. Если же к нему

обращается женщина, то он кроет ее матом. — Не люблю женщин. И крою матом, чтоб в сельсовет не ходили. Они мага как комар дыму бояться. Если начнет читать циркуляр, жарит как из пулемета, ничего не понятно (село Завьялово, Знаменского р-на Тарского окр.)»⁶.

Взяточничество, барские замашки многих секретарей были следствием низкой общей культуры и материальной обеспеченности. Были, конечно, секретари, которые видели эти безобразия, старались объяснить. Некий А. Г., судя по заметке в газете «Сельская жизнь», бывший секретарь, писал: «Среди секретарей сельсовета не должно быть паразитов и проходимцев. На секретарей мало обращают внимания, пишут только плохое, хотя в действительности это так». Причину этому видит в том, что секретари получают 11 — 15 руб., редко где 20 или 25, хорошие работники уходят, «иначе тяжелое материальное положение заставит их сделаться прихвостнями зажиточных, брать за всякую мелочь мзду и как попу опуститься в грязь мелкого обирательства»⁷. Логично, что при такой заработной плате найти хорошего секретаря было сложно. Крестьяне, убедившись в неэффективности сельских советов, относились к ним равнодушно.

Видя пьянство, халатность, безобразия местных властей, крестьяне обращались за помощью к центральной власти. Они считали, что плохо работает та ячейка, где секретарь назначен, а не выбран, где секретарь считает себя подчиненным и подотчетным не ячейке, а только секретарю райкома.

С целью поднять авторитет сельских советов, крестьян стали призывать на страницах местных газет открыто критиковать некачественную работу ячеек. Из источников следует, что сельские советы неохотно отчитывались перед населением, предпочитая отнекиваться. Появились призывы «ни одного сельсовета, который бы не отчитался перед населением». Открытая критика членов сельских советов была обречена на провал, так как у местной ячейки было достаточно материальных и моральных рычагов воздействия на крестьян. Некто, подписавшийся «Алеша из с. Тогульское Бийского уезда Барнаульского округа», в заметке «Зажим самокритики в селе Тогульском» отмечал: «Большинство наших комсомольцев знают о пьянстве членов бюро райкома и ячейки. Но говорить об этом на ячейковых собраниях бояться, так как за это им угрожает исключением из комсомола»⁸. Однако были и такие члены ячеек, которые мало обращали внимания на задания районных исполнительных комитетов, прислушивались к мнению беспартийных.

Формальное отношение к делу отмечали многие крестьяне. Интересно описывает собрание «николаевской ячейки» Третьяков: «В селе комсомольцев — восемь, партийцев — пять и еще есть кандидаты. Секретарь начинает собирать собрание: тот говорит, у меня голова болит, другой говорит я

только вот приехал с дровами, так отговорятся почти все и не пойдут на собрание. Секретарь бегаёт — бегаёт, махнет рукой и пойдёт себе, куда ему нужно. А если через час после этого посмотреть на вечерки, то комсомольцы активно участвуют во всех играх и голова не болит и с дровами приехал не устал и т. д.»⁹.

Причину такого поведения членов ячейки Третьяков видит в том, что комсомольцы в основном малограмотные, есть даже неграмотные, секретарь не опытный ко всем делам у него халатное отношение. Однако селькор считает, что они могли бы повысить свой образовательный уровень и улучшить работу ячейки, если бы обратилась за помощью к учительству. Другой причиной слабой работы ячейки Третьяков считает отсутствие контроля со стороны РИКа, обвиняет его в том, что «не высылает работников, чтобы наладить работу», а местную ячейку — что «хочет возвысить себя, отдаёт хорошие отчеты о проделанной работе, но делает хуже для себя»¹⁰.

Несмотря на провозглашенный курс — «совершенствование внутрипартийной демократии» — выдвижение в партию «крестьян от сохи», рабочим постоянно внушалась мысль об их главенствующей роли. В первой половине 1920-х гг. у рабочих было гораздо больше шансов попасть в партию. Прием в партию крестьян, по свидетельству селькора из Павлоградского района Омского округа, проходит очень осторожно: «Когда подали заявление о приеме в партию, то на таковое ответа не приходит, куда деваются неизвестно. Поручителей совершенно мало, как требуются по три человека с двух, трехлетним стажем. Из-за таких требований крестьяне в партию не проходят»¹¹. Надежду селькор возлагает на центральную «Крестьянскую газету» и просил помочь в этом вопросе.

В целом к середине 1920-х гг. большевистскому руководству удалось утвердить свою власть как в стране, так и в западносибирской деревне. По письмам крестьян можно судить о том, что крестьяне только в общих чертах понимали сущность НЭПа, а о внутрипартийной борьбе вообще имели весьма смутное представление, но к центральной власти относились позитивно.

Многие письма западносибирских крестьян во власть написаны очень осторожно. Крестьян можно заподозрить в хитрости. Пытаясь высказать наболевшее, но боясь это сделать, они традиционно прикрывались невежеством. Другой аспект такого осторожного и одновременно позитивного отношения к центральной власти лежит в традиционном для крестьянства представлении о ее всемогуществе и справедливости. Например, крестьянин Федоров так заканчивает обращение к власти: «Вот что меня волновало, то и написал, и извиняюсь, может быть грубо или нескладно написал, но, сколько мог по-крестьянски написал, я нисколько не хочу задевать центра, а написал разные болячки между нами в деревне»¹².

Несмотря на то, что внутривнутрипартийную борьбу в 1920-е гг. невозможно было скрыть, суть ее была не достаточно ясна низовым партийным работникам даже в центре, а на местах тем более.

Часто крестьяне писали письма во власть, предлагая вождям побеседовать лично с крестьянами. Например, «ульяновцы» из Новониколаевской губернии считали: «Что вам [вождям. — С. Б.] ничего не стоит побеседовать с крестьянством»¹³.

Достаточно большое число писем посвящено критике действий местных властей, бюрократизму и произволу в советских учреждениях. В конце 1920-х гг. большинство руководителей назначались на посты сверху и состояли в основном из коммунистов-выдвиженцев. «Назначенчество» очень быстро утвердилось как принцип партийной политики. При этом выборы в органы власти теряли значение и превращались в формальный ритуал утверждения новых выдвиженцев по заранее подготовленному списку. Крестьяне негативно реагировали на подобные процессы. В их представлении власть нужно было заслужить хорошим поведением, хозяйственностью, рачительностью. Крестьянство в конце НЭПа в целом вернулось к традиционной формуле взаимоотношений с властью: «мы» и «они».

Библиографические ссылки

¹ См.: **Бабашкин В. В.** Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 105.

² Молодая деревня. 1927. 6 сент.

³ См.: *Сельская правда*. 1927. 25 окт.

⁴ См.: *Сельская жизнь*. 1927. 19 авг.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Молодая деревня. 1928. 8 дек.

⁹ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 96. Оп. 3. Д. 664. Л. 101.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 439. Л. 2.

¹² Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1185. Л. 103.

¹³ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 406. Л. 14.

УДК 323.2

А. В. Булавин*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД РЕФОРМ КОНЦА 1980-х — 2000-е гг. (На примере Республики Мордовия)

В статье анализируется трансформация политики идентичности в условиях распада советской модели национально-государственного строительства и конструирования новых форм групповой идентичности в Республике Мордовия в конце 1980-х — 2000-е гг.

Ключевые слова: общественные движения, политика идентичности, региональные политические акторы, этнополитические процессы.

События последних десятилетий XX в. по глубине коллизий, драматичности и своему влиянию на современную ситуацию в нашей стране вполне сопоставимы с самыми значимыми вехами в российской истории. Данный период отечественной истории ознаменовался процессами радикализации политических реформ и перерастанием горбачевской перестройки, изначальной целью которой была демократизация существовавшего в СССР общественно-политического строя, в масштабную экономическую и политическую трансформацию, которая во многом определила специфику современной российской политической системы. Кроме того, сопровождавший политику гласности отказ от всеобъемлющего идеологического контроля и тотальной цензуры, по словам О. Ю. Малиновой привел к тому, что «по мере того как с расширением гласности снимались запреты на обсуждение «белых пятен истории» и критическое осмысление советского опыта, становилось ясно, что сохранение верности идее социализма требует более решительного пересмотра нарратива коллективного прошлого: нужно было объяснить, как получилось, что в СССР оказался построен «не тот социализм»¹. В результате «советская идентичность, уже ослабленная застойными явлениями 1970-х гг., не выдержала испытания при столкновении с новыми политическими и идеологическими реалиями»², а перед политическими элитами многих советских республик остро встал вопрос о необходимости легитимации власти и поиска концептуальных основ для формирования коллективной идентичности взамен реализуемых ранее в СССР. Однако «эта во многом типовая для политики памяти задача, решаемая в процессе нациестроительства»³, для большинства полиэтничных субъектов Российской Федерации оказалась сопряжена со значительными сложностями, которые

были вызваны социально-экономическими проблемами, сложным этноконфессиональным составом региона, отсутствием консенсуса среди местных элит, а также появлением на политической авансцене этнических различных движений, которые, по мнению А. М. Салмина, при отсутствии влиятельных ненациональных сил стали наиболее эффективными оппозиционными силами⁴. В этих условиях регионализация и этнизация социального пространства была закономерна, так как в условиях масштабного социального кризиса опора на этноконфессиональную идентификацию традиционно является одним из основных способов компенсации утраты сложившихся в обществе мировоззренческих установок. Как отмечает Е. С. Садовая, ««привлекательность» этнической идентификации заключается в ее внешней простоте и понятности, в том, что она базируется на тех «культурных универсалиях», которые передаются на уровне аффективного бессознательного без необходимости рационализации процесса самоидентификации, как того требуют дискурсивные нормы «свободного» либерального общества. Этническая идентичность оказывается, таким образом, механизмом «схематизации, структурирования человеком окружающей действительности и, одновременно, доступным способом взаимодействия с нею»⁵.

Точкой отсчета для процессов политизации этничности стало проведение летом 1988 г. XIX партийной конференции, резолюции которой нанесли серьезный удар по сложившейся в СССР политической системе и санкционировали активизацию дискурса о проблемах межэтнических отношений на региональном уровне. Кроме того, как пишет социолог О. В. Богатова, «независимо от последствий этих решений для существования СССР, они положили начало процессу переноса его политических атрибутов, включая стереотип восприятия в качестве «этнической федерации» и соответствующие социальные ожидания, на российскую государственность уже в постсоветский период»⁶.

Под воздействием процессов либерализации в стране начался бурный всплеск политической жизни и борьбы, который характеризовался нестабильностью государственных институтов и непредсказуемостью политического курса. Практически во всех национальных регионах, по словам В. А. Ачкасова, в начале 1990-х г. произошли своего рода «бархатные революции», причем большинство из них характеризовалось активным использованием демократических и националистических лозунгов⁷. Характеризуя события конца 1980-х — начала 1990-х гг., Н. В. Шилов отмечает, что «активизация этнического самосознания народов стимулировала этнополитические процессы в регионах Российской Федерации и вызвала беспрецедентный рост национальных движений и общественных организаций»⁸. В связи с этим символично, что понятие ««политика идентичности», получившее заметное распространение в англоязычном политическом дискурсе с

конца 1980-х гг., связывалось не с государствами, а с так называемыми новыми социальными движениями, выдвигавшими требования публичного «признания» идентичности отдельных групп⁹.

Организационное оформление сторонников этнического возрождения мордовского народа было начато осенью 1989 г., когда в Саранске состоялось учредительное собрание мордовского культурно-просветительского общества «Масторава». По словам В. К. Абрамова, идеология «Масторавы», сформулированная в тот период, опиралась на следующие ключевые положения: ассимиляция мордовского народа — следствие целенаправленной политики Советского государства; мордовская автономия — государственность титульного этноса, основной задачей которой является обеспечение сохранения и развития мокшан и эрзян вне зависимости от реальной экономической, социальной и этнической структуры населения республики; на территории автономии мокшанам и эрзянам должно быть законодательно обеспечено приоритетное право принимать участие в деятельности законодательных и исполнительных органов власти республики¹⁰.

Основные политические взгляды общества были изложены на учредительном съезде «Масторава» в августе 1990 г., в проекте Декларации о суверенитете республики, спровоцировав серьезную дискуссию в республиканских СМИ, поскольку «основной идеей проекта являлось провозглашение и законодательное закрепление приоритета мордовского народа в жизни Мордовии»¹¹. В результате два с половиной месяца на страницах региональной прессы сталкивались позиции представителей национальной (мордовской) интеллигенции, выступавшей за суверенитет республики и законодательное закрепление приоритетных прав титульной нации в различных сферах общественной жизни, и русскоязычной ее части, представлявших общество «Русь», целью которого было отстаивание прав русского населения и представительства русского населения в кадровой политике руководства¹², а также заявлявшей о необходимости преобразования Мордовии в Саранскую область¹³.

Последующая радикализация политических требований активистов движения «Масторава» была связана с подготовкой проведения I Всероссийского съезда мордовского народа. По словам Ж. Д. Кониченко, В. А. Юрчёнкова, «его характерной чертой было выдвижение не только ставших уже привычными лозунгов, но и жестких политико-экономических требований. В частности, некоторые из участников движений предлагали зарезервировать до 50 % (а где требуется и больше) лучшей пахотной земли за коренным населением. Другие выступали за превращение съезда в институт власти, параллельный уже существовавшим. В результате подобных заявлений национальное равновесие в республике стало разрушаться»¹⁴.

Под влиянием требований этнических антрепренеров республиканскими властями был принят ряд мер, призванных удовлетворить культурные и политические запросы лидеров национального движения. Так, в своем выступлении на съезде Президент МССР В. Д. Гусянников отметил необходимость учета национальной специфики в кадровой и социальной политике. Кроме того, в июне 1992 г. сессией Верховного Совета МССР в первом чтении был принят закон «О языках в Мордовской ССР», «в котором видны попытки подчинить национально-языковую политику интересам отдельного этноса»¹⁵. В Мордовии началось внедрение в школьную программу новых учебных программ в области языка и национальной культуры, составление учебников и хрестоматий на родном языке. В прессе активно дискутировались вопросы о создании двухпалатного парламента с палатой национальности, включении знания одного из мордовских языков в число квалификационных требований для государственных служащих при занятии ряда высших руководящих должностей и т. д. Под патронажем республиканских властей были некоторые мероприятия этнокультурной направленности, а также II (март 1995 г.) и III (ноябрь 1999 г.) съезды мордовского народа.

Однако уже в середине 1990-х гг. происходит резкий спад активности движений и интереса к национальным проблемам. Во многом это было вызвано тяжелым экономическим кризисом, когда на первый план для населения республики вышли социально-экономические проблемы, а также усилением разногласий между мокшанскими и эрзянскими активистами, что привело к расколу внутри организации. Так, 10 апреля 1993 г. прошла учредительная конференция новой организации Движение за равноправие и развитие «Эрзянь Мастор», которое провозгласило необходимость создания Эрзянского национального округа в составе единой республики на основе свободного волеизъявления всех граждан, проживающих в восточных районах Мордовии¹⁶. Стоит также отметить, что с деятельностью «Эрзянь Мастор» была связана попытка возрождения в мордовской среде языческих верований. Ряд лидеров движения заявили, что распространение язычества — одна из их политических целей, по их инициативе в ряде сел Мордовии, Ульяновской, Нижегородской и Оренбургской областей были проведены моления (озксы)¹⁷. Однако попытка конструирования «эрзянской идентичности» с опорой на неоязычество потерпело неудачу.

К концу 1990-х гг. на фоне проблем социально-экономического характера происходит дальнейшая потеря интереса общественности к национальной тематике. В результате многие этноориентированные организации и объединения исчезают или прекращают свою работу, их деятельность принимает все более умеренные формы или берется курс на тесное взаимодействие с органами государственной власти. Как писала Т. И. Щербакова, «карьерные устремления лидеров движений предопределили постепенный

отказ от лозунгов этнического возрождения, приводящих к конфронтации с республиканскими политическими элитами»¹⁸.

Кроме того, несмотря на определенные успехи, деятельность общественной организации «Масторава» оставалась вне сферы интересов значительной части населения Мордовии. Ключевой проблемой движения было отсутствие широкой социальной базы, а его инициативы находили отклик в основном у национальной интеллигенции, что подтверждалось различными социологическими исследованиями¹⁹. В связи с этим необходимо отметить предпринятую руководством региона и активистами национального движения попытку преодолеть дефицит политического влияния путем объединения финно-угорских этнокультурных объединений во всероссийские и международные ассоциации. Так, в феврале 1992 г. была создана Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, а в декабре в Сыктывкаре проведен первый Всемирный конгресс финно-угорских народов. Именно в рамках этих форумов была введена в публичное пространство концепция «финно-угорского мира». Однако, несмотря на все предпринимаемые ее сторонниками усилия, широкого распространения среди жителей Республики Мордовия данная идея не получила. Как отмечает Ю. П. Шабаев, «очевидно, что широкая финно-угорская идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе. В культурном плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию»²⁰. Кроме того, свою роль сыграло и отсутствие системного подхода к мемориативным практикам, направленным на внедрение в массовое сознание идеологии финно-угорской идентичности.

Начало 2000-х гг. ознаменовалось процессами стабилизации социально-экономической ситуации и снижением уровня внутривнутриполитической конфликтности, а для федеральных властей становится все более очевидной необходимость выработки новой концепции общероссийской гражданской идентичности. В то время, по словам О. В. Поповой, «политика идентичности все чаще стала рассматриваться как одно из ключевых направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима»²¹. Отличительной особенностью этого периода становится усиление давления на региональные элиты со стороны федерального центра. Так, в 2000 г. в Российской Федерации была введена система семи федеральных округов во главе

с Полномочными представителями президента и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах федерации, в 2004 г. была проведена реформа системы выборов глав субъектов федерации, которые стали утверждаться Президентом страны по представлению местных законодательных органов. Кроме того, по инициативе президента Российской Федерации В. В. Путина начался процесс приведения в соответствие с Конституцией РФ конституционно-правовых актов субъектов Российской Федерации, многие из которых сохраняли положения эпохи «неограниченного суверенитета», а общественные движения, чьи цели и действия так или иначе вступали в конфликт с интересами федерального центра, подвергались давлению и были вынуждены приспособливаться к новым условиям. Подобные изменения в области государственной национальной политики нашли поддержку и у руководства Республики Мордовия, которое не меньше центральных властей было заинтересовано в сохранении этнической стабильности и получении дополнительных рычагов воздействия на радикально настроенных представителей национальных движений, ушедших в оппозицию. В то же время прочно занявшие определенные позиции в региональном политическом пространстве национальные и этнокультурные объединения достаточно негативно реагировали на попытки властных структур осуществить построение общероссийской гражданской идентичности, тем самым существенно сократив «пространство для маневра» российским политическим элитам. По словам В. В. Титова, «попытки сформулировать любую «национальную идею» (о необходимости которой, в частности, говорил Президент России Б. Н. Ельцин во второй половине 1990-х гг.), основанную на консолидирующей исторической платформе, автоматически нивелировались ростом общей социальной конфликтности»²².

Учитывая сложившуюся ситуацию, региональными властями Республики Мордовия была сделана ставка на компромиссную модель политики идентичности, которая, как пишут О. А. Богатова, Е. И. Долгаева, «инкорпорируя подходы и практики, характерные для идеологии и политики мультикультурализма, в которой этнические общности наделяются особым статусом в качестве носителей определенной культуры, а принадлежность к ним опосредуется индивидуальным выбором, современная этнокультурная политика в Республике Мордовия, однако, сохраняет преемственность с советской моделью национальной политики, включая территориализацию этничности, закрепляемую в сознании населения республики посредством практик учета населения и пропаганды этнических различий, а также ориентацию на приоритетную поддержку культуры титульной, мордовской, этнической общности»²³.

Таким образом, начиная с конца 1980-х гг. политика идентичности в Республике Мордовия прошла длительный путь трансформации от масштаб-

ной этнизации, вызванной распадом советской идентичности, ростом социально-экономической напряженности и появлением на политической авансцене этнических общественных движений, до формирования в 2000-х гг. компромиссной модели, которая была призвана интегрировать региональную идентичность с общероссийской.

Библиографические ссылки

¹ **Малинова О. Ю.** Актуальное прошлое : Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 34 — 35.

² **Тураев В. А.** Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского государственного университета. Сер. : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. С. 74.

³ **Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И.** Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. Вып. 5. С. 128 — 140. URL: <https://russian-history.ru/s086956870001569-6-1/> (дата обращения: 08.09.2022).

⁴ См.: **Салмин А. М.** Союз после Союза. Проблемы упрочнения национально-государственных отношений в бывшем СССР // Полис. 1992. № 1 — 2. С. 40 — 41.

⁵ **Садовая Е. С.** Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 45. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.05> (дата обращения: 08.09.2022).

⁶ **Богатова О. А.** «Национальный вопрос» в советской России и анализ наследия советской национальной политики в современных отечественных и зарубежных социальных науках // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. Т. 18. № 1. С. 52.

⁷ **Ачкасов В. А.** «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. СПб., 2000. 145 с.

⁸ **Шилов Н. В.** Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита. Саранск, 2014. С. 69.

⁹ **Малинова О. Ю.** Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-makropoliticheskoj-identichnosti-v-postsovetskoj-rossii-simvolicheskaya-politika-v-transformiruyusheysya> (дата обращения: 09.09.2022).

¹⁰ См.: **Абрамов В. К.** Мордовское национальное движение. Саранск, 2007. 180 с.

¹¹ **Кониченко Ж. Д., Юрчёнков В. А.** На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск, 2006. С. 147.

¹² См.: **Общественные движения в Мордовии : Док. Материалы.** М., 1993. С. 77 — 78.

¹³ См.: **Бахмустов С.** Шум ради шума // Советская Мордовия. 1992. 26 нояб. С. 2.

¹⁴ **Кониченко Ж. Д., Юрчёнков В. А.** Указ. соч. С. 151.

¹⁵ Там же. С. 153.

¹⁶ Заявление общества «Эрзянь Мастор» // Вечерний Саранск. 1993. 16 апр.

¹⁷ См.: **Филатов С. Щипков А.** Эрзянки молятся Инешкипазу // Эрзянь Мастор. 1995. 14 апр.

¹⁸ **Щербакова Т. И.** Движение за национальное возрождение мордовского народа в конце 1980-х — середине 1990-х гг. // Мордовия в период реформ : материалы II Меркушкин. чтений. Саранск, 2001. С. 387.

¹⁹ См. например: **Юрчѐнков В. А.** Национальные общественно-политические организации Мордовии (1990-е гг.) // Мордовия в период реформ. С. 367 ; Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. Итоги анкетного опроса. Саранск, 1994. 268 с.

²⁰ **Шабаев Ю. П.** Исторические корни современного финно-угорского панацонализма // Нацестроительство: состояние, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч. конф. 2018. С. 125.

²¹ **Попова О. В.** О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nereshennyh-problemah-teorii-gosudarstvennoy-politiki-identichnosti-v-grossiyskoy-politologii> (дата обращения: 09.09.2022).

²² **Титов В. В.** Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017. С. 77.

²³ **Богатова О. А., Долгаева Е. И.** Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений // Регионоведение. 2011. № 1 (74). С. 208 — 209.

УДК 94(470.345):338:316.42

А. В. Булавин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Г. М. Шукин (г. Саранск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1990-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (На примере Республики Мордовия)

В статье рассматривается реакция населения Республики Мордовия на социально-экономический кризис 1990-х гг.

Ключевые слова: социально-экономический кризис, социальная напряженность, общественное мнение, инфляция, политика «шоковой терапии».

Распад СССР и последующие вслед за этим социально-экономические перемены стали самым важным, знаковым событием новейшей российской истории, на многие годы определившим траекторию ее развития. Политика «шоковой терапии» затронула не только экономику, но и все сферы общественной жизни. В сжатые сроки менялось практически все: экономический и политический строй, власть, привычный уклад жизни. Неслучайно, по словам М. К. Горшкова, в общественном мнении эти события чаще всего воспринимаются как общая беда миллионов людей, живших в республиках бывшей союзной державы. Как показывают социологические исследования, в такой оценке солидарны и бедные, и богатые, и молодые, и пожилые рос-

сияне. Кроме того, оценка результатов реформ в политической сфере сегодня наиболее далека от общественного консенсуса¹.

Столь тяжелый характер экономического кризиса в России имеет свои причины. Предпосылки для него назревали в недрах советской экономики постепенно, в течение нескольких десятилетий. Командная экономика не смогла своевременно отреагировать на поворот в экономическом развитии в направлении постиндустриального, информационного общества и стала отставать в технологическом, структурном и институциональном отношениях. Однако главным «отягчающим обстоятельством стал неадекватный выбор варианта перехода к рыночной экономике, сделанный нашим правительством в начале 90-х гг., на основе одновременной либерализации цен и внешней торговли, отстранения государства от экономики и ограничения его роли проведением монетаристской политики. Данный вариант, не соответствующий условиям и особенностям российской экономики, усилил трудности, а также негативные тенденции и процессы в ней, привел к обвальному падению производства, дезорганизации всей хозяйственной жизни»².

В результате начатой правительством «политики шоковой терапии» в стране в короткие сроки складывается катастрофическая ситуация. Стремительный бесконтрольный рост розничных цен в потребительском секторе, особенно наиболее дешевых товаров массового спроса и начавшийся рост безработицы (явление в принципе отсутствующее в стране ранее) тяжелым бременем легли на население, в особенности на его низкодоходные группы, инфляционный рост цен, опережающий рост денежных доходов россиян, резко сужал платежеспособный спрос. Происходит стремительное ухудшение материального положения большей части населения. Кроме того, добиваясь финансовой стабилизации, государство фактически начало уход из социальной сферы (сокращались расходы на социальные программы, социальная политика вместо целенаправленности и адресности все больше приобретала стихийный характер). В этих условиях у людей исчезает характерная для застойных советских лет бытовая уверенность миллионов в том, что «завтра будет, как вчера». Просуществовала недолго и рухнула достаточно широко распространенная надежда, что Россия вернулась на путь цивилизованных стран и в скором времени достигнет такого же благополучия, как и Европа. А. В. Кинсбургский отмечает: «После 1991 г. природа социального недовольства — массовой неудовлетворенности людей социальными (в широком смысле слова) условиями жизни — претерпела существенные, принципиальные изменения. Если в годы перестройки невиданный в советское время подъем общественно-политической активности, прежде всего интеллигенции в крупных городах, основывался главным образом на недовольстве полити-

кой и идеологией коммунистической партии и советского государства, то с началом либеральных, рыночных реформ сама логика общественной жизни (необходимость физического выживания для абсолютного большинства) вынесла не первый план экономические основания социальной неудовлетворенности»³.

К началу реформ Мордовия, как и вся Россия, подошла с достаточно мощным промышленным потенциалом, который характеризовался глубокими деформациями. Его специфическими особенностями были слабая ориентация на потребительский спрос и низкая эффективность. Специфика промышленного комплекса республики состояла в том, что в наиболее высокотехнологической своей части он был сильно милитаризован. Отличали его также монополизированность, утяжеленная структура и отсталая технологическая база в отраслях. В результате, по словам И. Б. Ниманова: «Хрупкая социально-экономическая структура, ориентированная на армию и зависимая от поставщиков сырья из многих точек СССР, не выдержала напряжения времени реформ и фактически развалилась»⁴.

К середине 1990-х гг. Мордовия стала одним из беднейших регионов России с денежным доходом на душу населения 398,6 тыс. руб. (в среднем по стране — 821,8 тыс. руб.) при прожиточном минимуме 308,5 тыс. руб. (в среднем по стране — 370,7 тыс. руб.). В результате сокращения производства на крупнейших заводах республики, таких как АО «Электровыпрямитель», АО «Саранский механический завод», АО «Саранский телевизионный завод» и др., официальный уровень безработицы составил 7,7 % трудоспособного населения (в среднем по стране — 3,4 %) ⁵. Произошло беспрецедентное четырехкратное снижение уровня промышленного производства. В 1996 г. уровень промышленного производства составил 25,1 % к уровню 1991 г., при среднем показателе по РФ 50,1 %⁶.

В итоге произошло резкое падение уровня жизни большинства населения республики. Оставшиеся без денег предприятия требовали государственной поддержки. Работники бюджетной сферы, пострадавшие от взлета цен, просили хоть как-то компенсировать им потери. Так, уже 27 января 1992 г. на Советской площади г. Саранска состоялся митинг, проводившийся в рамках всероссийской забастовки медицинских работников, требующих повышения заработной платы и улучшений условий труда⁷. Впоследствии 15 апреля 1992 г. прошла забастовка учителей и работников детских садов, которые требовали поднять зарплату до среднего уровня в промышленности, изменить исчисление отпускных, повысить доплату за классное руководство, выделить землю под дачные участки⁸. 22 апреля началась бессрочная забастовка работников образования, вызванная тем, что правительство республики не приняло конкретных мер по улучшению социального положения учительства⁹.

По данным опроса, проведенного информационно-аналитическим центром при Президенте МССР в Саранске в мае 1992 г., 81 % жителей не имеют никаких сбережений и живут от зарплаты до зарплаты. Готовность завести собственное дело выразили только 13 % опрошенных. Выявилась и относительно состоятельная группа населения Саранска — заводчане (рабочие и ИТР) и самая нищая, — интеллигенция и пенсионеры¹⁰. Во многом аналогичные результаты продемонстрировал телефонный опрос, проведенный сотрудниками газеты «Советская Мордовия». Подавляющее большинство респондентов отметили, что жизнь их с началом реформ ухудшилась, причем для половины в значительной степени¹¹.

В течение следующего года социально-экономическая ситуация в республике продолжала оставаться крайне сложной. Так, проведенное в мае-июне 1993 г. сотрудниками «НИИ Регионологии» исследование «Учитель и общество» показало, что абсолютное большинство опрошенных учителей недовольны своим материальным положением: около 90 % респондентов не устраивает заработная плата, 85 % — низкий жизненный уровень семьи, 71,1 % отметили опасность для себя дальнейший рост цен, что поставит их на грань нищеты. Неудовлетворенность своим социальным и экономическим положением в одинаковой мере высказывали учителя, работающие в Саранске и в районах республики, представители русской, мордовской и татарской национальностей, мужчины и женщины¹².

В 1994 г. в республике стартовал исследовательский проект «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», целью которого был анализ общественного мнения в условиях кризисной ситуации в регионе. Так, на вопросы, связанные с изменением материально-финансового положения опрошиваемых в последние годы, ответы опрошенных распределились следующим образом (в процентах от числа опрошенных): положение ухудшилось — 53,3 %, положение улучшилось — 10,6 %¹³.

Кроме того, официальная статистика 1990-х гг. свидетельствует о сокращении потребления населением продуктов питания. Так, среднее потребление на душу населения мяса и мясопродуктов снизилось на 30 — 40 %, молока и молочной продукции на 16 — 23 %, яиц 25 — 31 %¹⁴. Учитывая факт огромной дифференциации доходов, сокращение потребления продуктов животного происхождения у большей части населения было еще выше.

Еще одним значимым фактором, оказавшим значительное влияние на оценку социально-экономической ситуации в республике Мордовия, стало резкое увеличение числа безработных, особенно среди молодежи. Так, по данным исследования «Криминогенная ситуация в молодежной среде», проведенного НИИ регионологии совместно с Государственным Комитетом Республики Мордовия по делам молодежи, в январе 1995 г. в республике

было зарегистрировано 9 706 молодых безработных, при этом длительное время (более 8 месяцев) не работали 2 407 молодых людей. Кроме того, отсутствуют объективные данные о количестве безработной молодежи, не зарегистрированной на бирже труда; тысячи молодых людей трудятся не полный рабочий день или подолгу находятся в неоплачиваемых отпусках. На этом фоне сокращение государственных расходов на подготовку кадров для сфер производства, науки и культуры, демонтаж старой системы социальных гарантий и медленное становление новой поражают среди молодежи настроения неуверенности в будущем, а отчуждение в социальной и экономической сферах, утрата нравственных ориентиров привели к резкому обострению криминогенной ситуации в молодежной среде¹⁵.

В 1994 г. в России завершился очередной этап экономических реформ, основным содержанием которого явились освобождение цен и ваучерная приватизация, затронувшая не только мелкие и средние, но и часть крупных предприятий, составляющих ядро российской индустрии. Обвальная спад производства в I квартале 1994 г. окончательно лишил надежды на скорую стабилизацию.

В связи с резким ухудшением социально-экономических условий жизни населения республики, 23 марта 1994 г. Совет Федерации профсоюзов Республики Мордовия принял обращения к правительствам России и Мордовии, в которых, в частности, говорится: «...мы требуем погасить задолженность по заработной плате работникам бюджетной сферы, а также предприятиям, выполняющим госзаказы, произвести перерасчет стипендий студентам и учащимся техникумов; принять меры к поддержанию работоспособности предприятий путем изменений кредитной и налоговой политики; предусмотреть в бюджете на 1994 г. средства, необходимые для индексации тарифных ставок, должностных окладов, стипендий с учетом прогнозируемого роста потребительских цен. Возрастают объемы несвоевременно выдаваемой заработной платы и других денежных выплат работникам. Сумма невыплаченной зарплаты работникам промышленности занимает 47 % от объема средств, начисленных на оплату труда, строительство — 52 %, сельское хозяйство — 98 %. Многие предприятия и организации не выплачивают работникам заработную плату в течение 3 — 5 месяцев. Увеличивается количество работников, которые находятся в отпусках без содержания вследствие простоя предприятий. Усиливающиеся напряженность и обнищание основной массы работающих заставляют профсоюзы активнее защищать их интересы. Не исключено, что если требования профсоюзов не будут выполнены, то наступит черед радикальных действий»¹⁶.

Однако последующее падение уровня жизни большинства населения республики, вызвало очередную волну забастовок. Так, 23 августа многие жители Саранска были вынуждены добираться до рабочих мест пешком.

Редкие автобусы подвергались шквальным атакам со стороны опаздывающего на работу населения. В этот день водители муниципального предприятия «Саранскэлектротранс» объявили трехдневную забастовку. Основными требованиями водителей были: ввести коэффициент 1,4 к зарплате; производить выплату зарплаты до 15 числа каждого месяца. Поводом для забастовки послужила нерегулярная выдача денег водителям¹⁷.

Результатом сложной социально-экономической ситуации стала политическая апатия и неверие жителей республики в положительные изменения. У населения нарастало чувство социальной незащищенности, разочарования, глубокого пессимизма, негативного восприятия происходящего. Так, социологическое исследование, проведенное НИИ регионологии при Мордовском государственном университете в июле 1994 г., показало, что основная масса жителей Мордовии в той или иной мере интересуется фактами политической жизни (21,2 % — постоянно, 48,7 % — иногда, 24,5 % — равнодушны к политике). Лишь 18,9 % респондентов назвали партию, которая способна, по их мнению, вывести республику из кризиса. Типичными ответами на этот вопрос были «затрудняюсь» (42,3 %) и «таких партий не знаю» (39,4 %)¹⁸.

В целом, к 1995 г. значительная часть экономических преобразований была завершена, в стране кардинально изменился тип хозяйствования. 1996 — 2000-е гг. стали, по сути, периодом стабилизации и некоторого развития: к 1997 г. до приемлемого уровня снизилась инфляция. Не наблюдалось серьезных экономических изменений, в стране началось эволюционное развитие российской экономики.

Этот период совпал и с этапом стабилизации в общественно-политической жизни республики. Время острой политической борьбы в республике завершилось 21 — 22 сентября на 5-й сессии Государственного Собрания РМ, где была принята Конституция РМ, а Н. И. Меркушкин был избран Главой Республики Мордовия. Фактически закончилась трансформация политической системы советского типа в современную политическую систему демократического типа. По мнению Ж. Д. Кониченко и В. А. Юрчёнкова: «С принятием конституции начался новый этап общественно-политического развития Мордовии — упрочения, стабилизации и совершенствования демократии»¹⁹.

Между тем, социально-экономическая ситуация в республике продолжала оставаться крайне тяжелой. Так, по данным опроса, проведенного НИИ регионологии в 1995 г. в рамках проекта «Гармонизация социальных отношений в Республике Мордовия», 2/3 опрошенных жителей региона не устраивало финансовое положение их семьи, а более половины населения республики считали, что их доходы ниже прожиточного минимума. Характерно, что аналогичные негативные оценки финансового и экономического положения своей семьи высказывали опрошенные независимо от пола и возраста²⁰.

Таким образом, по различным оценкам, жизненный уровень граждан Российской Федерации, в том числе и Республики Мордовия, за реформенный период снизился в несколько раз. Продолжилось резкое расслоение общества на небольшую группу богатых и массу бедных людей. Претерпела существенные, принципиальные изменения и природа социального недовольства, либеральные рыночные реформы вывели на первый план экономические основания социальной неудовлетворенности. Основными факторами, вызывающими беспокойство у респондентов, стали рост цен и безработица, тогда как политические пертурбации и даже начавшаяся война в Чечне отошли на второй план.

Лишь конец 1990-х гг. ознаменовался некоторой стабилизацией в экономической и политической жизни страны. Повышенные электоральные ожидания, связанные с приходом к власти В. В. Путина, во многом оправдались благодаря укреплению позиций России на международной арене, усилением борьбы с коррупцией, успешным ходом II Чеченской кампании и стабилизацией в экономике. Обозначенные факторы способствовали значительному снижению социального недовольства, как стране, так и в Республике Мордовия в частности.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Горшков М. К.** Реформы в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 3 — 11.

² **Кормишкин Е. Д., Кормишкина Л. А.** Проблемы обеспечения экономической безопасности в условиях системного кризиса (региональный аспект) // Мордовия в период реформ : материалы II Меркушкин. чтений. Саранск, 2001. С. 294 — 306.

³ **Кинсбургский А. В.** Социальное недовольство и общественное поведение. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Soc_nedovolstvo_Kinsbursky.pdf. (дата обращения: 03.04.2022).

⁴ **Ниманов И. Б.** Динамика социально-экономической и политической ситуации в Мордовии накануне парламентских выборов 1999 г. // Мордовия в период реформ. С. 158 — 188.

⁵ Там же. С. 158 — 159.

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/# (дата обращения: 03.04.2022).

⁷ См.: **Ивашкин Н.** Неотложка «неотложки» // Советская Мордовия. 1992. 28 янв.

⁸ См.: **Кириченко Т.** Грозное предупреждение // Там же. 16 апр.

⁹ См.: **Григорьева Т.** Защита наступлением // Там же. 23 апр.

¹⁰ См.: **Лыткина Т. В.** Каким ты был... // Там же. 2 июня.

¹¹ См.: **Байнев В.** Исповедь интервьюера // Там же. 8 дек.

¹² См.: **Полутин С. В., Капаева Л. П.** Учитель и общество // Регионология. 1993. № 3. С. 61 — 62.

¹³ См.: Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии // Там же. 1994. № 2 — 3. С. 157 — 169.

¹⁴ См.: Регионы России: социально-экономические показатели : стат. сб. М., 2002. С. 144 — 149.

¹⁵ **Полутин С. В.** Криминогенная ситуация в молодежной среде // Регионоведение. 1995. № 3. С. 151.

¹⁶ См.: Забастовки могут стать реальностью // Вечерний Саранск. 1994. № 13. 25 марта.

¹⁷ См.: **Столичный Д.** 200 миллионов рублей за день заработали троллейбусники, не выходя из депо // Столица С. 1994. № 33. 26 авг.

¹⁸ См.: Таких не знаем! // Там же. 8 июля.

¹⁹ **Конищенко Ж. Д., Юрчёнков В. А.** На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск, 2006. С. 123.

²⁰ См.: **Кулешова Г. П., Юдаков Г. Я.** Социальная защищенность населения в Республике Мордовия // Мордовия в период реформ. С. 205.

УДК 355/359:930

Т. С. Бушueva

Автономная некоммерческая организация

«Институт национальной памяти» (г. Москва)

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР: ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ В РЕАЛИЯХ ВОЕННО-БЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ 1964 — 1982 гг. ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В середине XX столетия СССР столкнулся с жестким цивилизационным вызовом в связи со стремлением руководства США к доминированию концепции однополярного мира. Реалии холодной войны были нацелены на умаление роли СССР как мировой державы. Ответом стало наращивание располагавших ракетно-ядерным оружием Советских Вооруженных сил (СВС) для геополитического противостояния США. Вместе с тем признание реальных опасностей в ядерный век привело лидеров сверхдержав к повороту к разрядке и сотрудничеству. Если во Второй мировой войне СССР сыграл решающую роль в разгроме фашизма, то, достигнув военно-стратегического паритета с США, он внес решающий вклад в создание обстановки равной безопасности сторон.

Ключевые слова: вооруженные силы, безопасность, паритет, биполярный мир, историография.

Приобретение СССР статуса «сверхдержавы»¹ после Второй мировой войны и активного игрока на международной арене предопределило изменения во внешнеполитической сфере. Оплаченная миллионами жизней ялтинско-потсдамская система, казалось бы, прочно цементирующая сложившееся мироустройство, в реалиях ракетно-ядерного противостояния

«холодной войны» стала рушиться руководством США, стремившимся к доминированию концепции однополярного мира. Военно-блоковое противостояние диаметрально противоположных систем и идеологии — США и СССР — набирало силу.

Рассматриваемый хронологический период советской истории связан с руководством страной Л. И. Брежневым, сменившим в ходе октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г. Н. С. Хрущёва, чья военная политика была названа «опасной игрой», грозившей привести мир на грань ядерной войны. Вместе с тем уровень доступных источников и историографии дает возможность констатировать, что именно Хрущев, уловив запросы ракетно-ядерного противостояния, пошел на решительное сокращение численности вооруженных сил, расформирование десятков дивизий сухопутных войск, отдав приоритет развитию ракетных войск, массовому развертыванию межконтинентальных баллистических ракет сухопутного и морского базирования.

В результате смены первого лица в руководстве СССР Брежневым была провозглашена новая военная доктрина отстаивания принципов биполярного мира, доминирующих форм геополитического противоборства с Западом и США. Особую роль приобрела задача стратегического предупреждения готовящегося ракетно-ядерного нападения противника².

Создание ракетно-ядерного оружия и оснащение им СВС произвели крупные сдвиги в мировой стратегической обстановке. До появления стратегических ракет США обладали относительной неуязвимостью. Прикрываясь океаном и огромным расстоянием, владея базами на чужих территориях, американские политики планировали вести войну с территориями союзников их людскими силами, считая, что все ответные удары падут на страны Европы и Азии. Стратегические ракеты, обладая межконтинентальной дальностью, внесли в эти планы коренные изменения: фактор пространства утратил прежнее значение, а территория США с началом войны оказалась театром военных действий. Появление в СССР глобальных ракет вычеркнуло понятие географической недосягаемости из военной терминологии.

Конституция СССР 1977 года зафиксировала основополагающее положение о том, что «защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа. Особо подчеркивалось, что в СССР «пропаганда войны запрещается».

Ракетно-ядерное оружие становилось инструментом геополитического противостояния в военной политике СССР и США. Вместе с тем противостоявшим сторонам все более очевидным становилась тщетность политики взаимного ракетно-ядерного шантажа, масштабности гонки ядерных и термоядерных вооружений, которая неизбежно вела к разрушениям и массовой гибели людей во всех странах.

18 июня 1973 г. визит Брежнева в США завершился подписанием соглашения о предотвращении ядерной войны³. Вместе с тем уже в 1978 г. Брежнев заявит о необходимости перехода в опасную для СССР крайность: «...самого радикального — до всеобщего и полного разоружения»⁴. В 1984 г. идея полного разоружения СССР к 2000 г. будет поддержана новым политическим и военным руководством страны в лице генсека Ю. В. Андропова и маршала С. Ф. Ахромеева⁵.

В рассматриваемый период «брежневского правления» в разных регионах вспыхивали вооруженные конфликты между государствами, нациями, народностями, конфессиями и классами, возникали военно-политические кризисы с участием советского военного компонента, которые при стечении определенных обстоятельств при наличии ракетно-ядерного оружия великих держав могли перерасти в глобальные трагедии. Однако политическое благоразумие лидеров великих держав в те годы повлияло на то, что самое страшное оружие не было пущено в ход.

В рассматриваемый хронологический период СВС являлись крупнейшими по численности: в 1974 г. — 3 млн 940 тыс. чел.⁶, в 1977 г. — 4 млн 220 тыс.; в 1982 г. — 5 млн чел. СВС были расквартированы по 16 военным округам, а имевшиеся группы войск располагались за пределами СССР. Округами фронтового развертывания являлись Ленинградский, Прибалтийский, Белорусский, Киевский, Прикарпатский, Одесский, Закавказский, Среднеазиатский, Забайкальский, Дальневосточный; армейского развертывания — Московский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Сибирский, Приволжский и Уральский.

Существовавшая в рассматриваемый период достаточно мощная Организация Варшавского Договора (далее — ОВД; создана 14 мая 1955 г.) включала часть сил семи стран Восточной Европы: Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Руководство войсками ОВД осуществлял Главнокомандующий, являвшийся одновременно первым заместителем министра обороны СССР, а начальником Объединенного штаба ОВД был первый заместитель начальника ГШ МО СССР. В 1960 — 1980-е гг. ВС, находившиеся в подчинении Министерства обороны СССР, были объединены в следующие пять видов: Сухопутные войска, Ракетные войска стратегического назначения, Военно-воздушные силы, Войска противовоздушной обороны страны и ВМФ. Основным были Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) как главная ударная сила, способная решать стратегические задачи в различных военно-географических районах и на любых ТВД.

По оценке, данной партийно-государственными и военными деятелями брежневского и последующего периода, в рассматриваемые годы боеспособность СВС отвечала в целом задачам, поставленным перед ними, они

были вооружены современным оружием, должным образом обучены, подготовлены и обеспечены. К середине 1960-х гг. баланс по стратегическим вооружениям между СССР и США Советскому Союзу удалось выровнять, и можно было уже констатировать наличие примерного равенства стратегических сил СССР и США, а также военного равновесия между ОВД и НАТО. Особенностью этого паритета было то, что его количественные и качественные параметры являлись угрожающими не только для каждой из сторон, но и для всего человечества.

Признание реальных опасностей в ядерный век привело лидеров сверхдержав к повороту к разрядке и сотрудничеству. Если во Второй мировой войне СССР сыграл решающую роль в разгроме фашизма, то, достигнув военно-стратегического паритета с США, он внес решающий вклад в создание обстановки равной безопасности сторон в сложившемся биполярном мире. Начался процесс диалога между сверхдержавами и их союзниками по контролю над вооружениями, их ограничению, а в дальнейшем и сокращению. В 1972 г. принцип паритета был закреплен договорами.

В силу тотальной закрытости источников разработка проблематики состояния СВС со всеми их составляющими в советской историографии, позднее и в российской, не рассматривалась в качестве приоритетной. Как правило, подобная тематика оставалась предметом изучения в системе военных НИИ и академий в формате или «секретно», или «для служебного пользования». В открытой печати история СВС периода «холодной войны» воспроизводилась преимущественно в популярном изложении с акцентом на разоблачение апологетов империалистических поджигателей войны*.

1960-е — 1970-е гг. характеризовались особенно жестким соблюдением исполнения приказов и наставлений министров обороны СССР и начальников ГШ в отношении недопустимости публикаций, содержащих сведения о состоянии и развитии СВС. Это касалось всех работ, вплоть до статей, рецензий, лекций и пр. В перечне рекомендованных для разработки диссертационных тем, составленных координационной структурой Института военной истории МО СССР, практически отсутствовали темы по истории ВС послевоенного и рассматриваемого периода. Особый запрет существовал на публикации военной тематики в открытой гражданской печати. Разрешения на публикацию давались преимущественно при написании исторических очерков о боевом пути отдельных частей СВС без указания их структур,

* Объектами критики и так называемых разоблачений оказывались работы известных за рубежом советологов, дипломатов, публицистов и др., например, М. Сейерс, А. Кан, Д. Ф. Даллес, Г. Коммаджер, Т. Бейли, Дж. Кеннан, Ф. Виттмер, Т. К. Финлеттер и др.

состава, вооруженности главным образом для системы военного образования и политзанятий.

Событием в развитии военной историографии стала публикация впервые в открытой печати фундаментального труда Генерального штаба ВС «Военная стратегия» под ред. маршала В. Д. Соколовского с обнародованием новой советской военной доктрины. Популяризировалась книга министра обороны Р. Я. Малиновского «Бдительно стоять на страже мира», в которой говорилось о возможности перехода скоротечного периода ракетно-ядерной войны в затяжной и напряженный для ВС страны. Публиковались работы известных в стране военачальников: А. А. Гречко, Н. В. Огарков («История учит бдительности»), В. Ф. Толубко («Ракетные войска»; «Неделин. Первый главком стратегических»), П. С. Кутахов («Военно-воздушные силы»), С. Г. Горшков («Морская мощь государства»), П. Ф. Батицкий («Войска противовоздушной обороны страны»); книга маршала П. А. Ротмистрова носила многозначительное название: «Время и танки». В 1968 г. вышло популярное, наглядно иллюстрированное юбилейное издание «50 лет Вооруженных сил», рекомендованное ГлавПУР к изучению личным составом.

К концу 1970-х гг. можно констатировать определенное увеличение публикаций о ВС: издана обобщающая работа «Советские Вооруженные силы» (1978 г., авторы С. А. Тюшкевич, Б. И. Зверев, В. С. Шумихин, Ю. И. Кораблев); тематические исследования отразили развитие дальней авиации (А. Д. Цыкин «От „Ильи Муромца“ до ракетноносца»), сухопутных войск (И. Г. Павловский «Сухопутные войска СССР») и др. В библиографическом ряду исследований выделялась работа профессора А. А. Бабакова (в соавт.) «Вооруженные силы СССР после войны (1945 — 1986 гг.)». Тема СВС отражалась в трудах докторов военных наук: М. М. Кирьян («Военно-технический прогресс и Вооруженные силы СССР»), В. И. Ачкасов и др. («Боевой путь советского ВМФ»), политработников: Е. Е. Мальцев и др. («Партия и армия»), Н. В. Чередниченко, В. И. Малинин («Советские сухопутные»), Сорокин А. И. («Советские Вооруженные силы в условиях развития социализма»), Рябов В. С. («Путь мужества и славы. Очерк о Советских Вооруженных силах») и др.

В 1975 — 1980 гг. вышло первое издание 8-томной «Советской военной энциклопедии» (11 тыс. ст.) под ред. А. А. Гречко и Н. В. Огаркова, хотя распространение этого издания в то время было ограничено. Для широкого круга читателей было предназначено издание о ВС «Великая Отечественная война: вопросы и ответы» (П. Н. Бобылев и др.).

Особо следует сказать о военном творчестве генсека Л. И. Брежнева, чья работа «Малая земля» (1980), показывавшая его как значимого военачальника, становилась обязательной для политзанятий с личным составом всех частей и подразделений СВС.

В целом в советский период изучение СВС в годы «холодной войны» рассматривалось в строго ограниченном цензурой формате, и, как правило, в качестве источников превалировали официальные выступления, речи и статьи по военным вопросам генсека Л. И. Брежнева, министров обороны и начальников ГШ, представителей высшей военной номенклатуры, мемуары, данные военной печати («Красная звезда», «Военно-исторический журнал»), хотя такой журнал как «Военная мысль» предназначался только для генералов и офицеров. Ряд военных документов исследователи заимствовали из зарубежной историографии, переводных работ, готовившихся издательством «Прогресс» ограниченным тиражом. Источниками при изучении тематики с популярными названиями «братство по оружию» или «навсегда вместе» о сотрудничестве армий стран, входивших в ОВД, рассматривались публикации и документальные сборники, выходившие в этих странах. В целом «холодной войне» было посвящено немало публикаций с большим акцентом на внешнеполитических составляющих, чем состояния ВС⁷.

К концу 1980-х гг., когда противостояние СССР — Запад ослабло, заметно сократилось и количество публикаций по истории ВС и отношениям с США и НАТО.

В 1990-е гг. начавшая складываться постсоветская историография уже резко отличалась от предшествующих лет, главным образом разнообразием тематики, большей доступностью источников, возможностями обнаружения рассекреченных фактов, уровнем необходимых обобщений. 21 мая 1991 г. газета «Красная звезда» с разрешения МО СССР впервые, преодолевая многолетнее табу, опубликовала далеко не полный список стран, где принимали участие в боевых действиях советские «воины-интернационалисты» с указанием времени боев. В последующем эти первоначальные данные были скорректированы, главным образом в отношении советских военнослужащих, противостоявших в рядах повстанческих армий, революционных групп или вооруженных формирований американцам и их союзникам⁸. По понятным причинам мало известно о деятельности советских специальных подразделений (КГБ) и их особых задачах на территории иностранных государств в ходе вооруженных конфликтов.

Процесс историографического освоения темы особенно активизировался в 2000-е гг., когда впервые после снятия запретительных грифов был обнародован подробный конкретный перечень СВС в 1960 — 1980-е гг., а именно, военных округов, армий, корпусов, дивизий, бригад, полков Сухопутных войск (СВ), Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), Военно-воздушных сил (ВВС), Противовоздушной обороны (ПВО), частей спецназа, классов боевых кораблей, подводных лодок, формирований ВМФ, групп войск за рубежом, видов вооружений и боевой

техники, дислокации частей, их нумерации с учетом динамики, почетных наименований и наград, а также персональный командный состав СВС⁹. Появились работы о паритете между СССР и США, равновесии сил ОВД и НАТО¹⁰.

Оценивая постсоветский историографический период, профессор А. А. Кулаков констатирует: «Сегодня ощущается устойчивый, возрастающий интерес к тому времени, стремление понять, каким было общество „развитого социализма“, брежневской стабильности и застоя, были ли в нем альтернативы иного развития, оценить то время с позиций пережитого опыта и сегодняшних проблем»¹¹.

Важным источником в современной временной отрезок явилась публикация рассекреченных материалов октябрьского пленума 1964 г. (международным фондом «Демократия») в части касавшейся вопросов критики Брежневым и другими членами Политбюро военной политики Н. С. Хрущева. Рассекречивание некоторого объема сведений, хотя ограниченных, по проблемам военной политики «брежневского времени» произошло в российских архивах. В РГАСПИ стал доступен ф. 17 ЦК КПСС, содержащий ранее совсекретные материалы протоколов Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), Оргбюро ЦК, закрытых пленумов, конференций партийных органов с обсуждением военных проблем, выступлениями командующих военными округами, руководителей оборонки и НИИ спецпродукции, КГБ и др. Доступны для исследователя военной темы личные фонды секретаря МГК Н. Г. Егорычева и Н. И. Рыжкова (Свердловский обком, «Уралмаш»). К источникам, отражающим военную проблематику, относятся и материалы Л. И. Брежнева, собранные в 9-томном издании «Ленинским курсом», а также многотиражные издания речей, статей, выступлений Генсека и пр. Востребованным источником для исследования военных вопросов остаются воспоминания А. А. Гречко, Р. Я. Малиновского, Н. В. Огаркова, С. Ф. Ахромеева, П. Е. Шелеста, А. И. Микояна, А. Н. Шелепина, В. И. Вареникова, А. Е. Бовина, М. А. Гареева, С. Н. Хрущева и других членов семьи Н. С. Хрущева.

Особенность рассматриваемого периода прежде всего в появлении исследований обобщающего, в известном смысле военно-теоретического характера, посвященных в целом состоянию СВС, военной безопасности, военной доктрине, принятой в рассматриваемый период (А. А. Кокошина, М. А. Гареева, Ю. Балуюевского, В. И. Вареникова, М. А. Моисеева, А. С. Скворцова, В. А. Золотарева и др.). Военные вопросы периода «холодной войны» затронуты в монографических исследованиях политической системы «эпохи Брежнева» профессора Р. Г. Пихоя, а также в коллективном труде «Власть и общество. Уроки истории: к 100-летию революции в России».

В 2003 г. подготовлено юбилейное издание ГШ «Двухсотлетие Военного министерства. 1802 — 2002», в котором конкретно рассмотрены вопросы советской военной политики при Брежневе. Ряд, хотя и немногочисленных изданий, затрагивает проблемы истории ГШ, военного управления, структуры МО СССР, военного строительства, военных округов, их командного состава, Тыла ВС, развития стратегии, тактики, подготовки штабов и войск армий стран Варшавского договора, маневров, видов и родов вооруженных сил (преимущественно ракетные, артиллерия, бронетанковые, инженерные, химические, связь). Многие ученые рассматривают советское военное присутствие в Афганистане и участие в локальных войнах (В. А. Золотарев, В. С. Христофоров, Г. А. Бурутин, А. В. Усиков, А. С. Орлов, А. Огороков, В. А. Гаврилов, С. П. Ташлыков, С. Я. Лавренов, И. М. Попов и др.). Ввод советских войск в Чехословакию рассмотрен И. С. Яжборовской, Г. П. Мурашко, Т. В. Волокитиной, Н. В. Васильевой и др.). Широко представлены вопросы ВС в научных и научно-популярных журналах, военных периодических изданиях («ВИЖ», «ВПК курьер», «Красная Звезда», ТВ канал «Звезда» и др.).

В целом проблема СВС 1964 — 1982 гг. имеет перспективы дальнейшего изучения только при наличии новой источниковой базы.

Экономический и политический кризисы, поразившие СССР в конце 1980-х гг., оказали непосредственное воздействие и на его вооруженные силы. Прежние причины войн отнюдь не исчезли, они жизнестойки, и между государствами постоянно возникают все новые противоречия, в связи с чем весьма важно видеть соотношение политики и военной стратегии. Очевидно, что военная доктрина, обороноспособность с одной стороны, экономическое и технологическое развитие страны с другой — взаимосвязаны, поэтому в современном мире эффективная армия для России, в свете исторического опыта, конечно же необходимый фактор, поскольку перспектива всеобщего ядерного разоружения в обозримой перспективе невозможна.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Пыжиков А., Данилов А.** Рождение сверхдержавы. 1945 — 153. М., 2002. 317 с.

² См.: **Золотарев В. А.** История военной стратегии России. М., 2000. 592 с.

³ См.: **Брежнев Л. И.** Ленинским курсом : Речи и статьи. М., 1974. Т. 4. С. 161, 165.

⁴ См.: **Брежнев Л. И.** Ленинским курсом : Речи и статьи. М., 1979. Т. 7. С. 224.

⁵ См.: **Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.** Глазами маршала и дипломата : Крит. взгляд на внеш. политику СССР до и после 1985 г. М., 1992. 386 с.

⁶ **Бабаков А. Л.** Вооруженные Силы СССР после войны (1945 — 1986 гг.) : История строительства. М., 1987. 100 с. ; Варшавский договор: история и современность.

М., 1990. 256 с. ; Военная безопасность Отечества : (историко-правовое исслед.) / 2-е изд. М., 1998. 462 с. ; Организация Варшавского договора : док. и материалы : 1955 — 1980. М., 1980. 296 с. ; Советские Вооруженные силы на страже мира и социализма. М., 1988. 350 с.

⁷ См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945 — 1985) : Новое прочтение / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995. 512 с. ; Холодная война : Новые подходы; Новые док. / М. М. Наринский и др. М., 1995. 400 с. ; СССР и холодная война / под ред. В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара. М., 1995. 312 с. ; **Корниенко Г. М.** Холодная война; Свидетельство ее участника. М., 1995.

⁸ См.: Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. М., 2000. 574 с.

⁹ См.: **Феськов В. И., Калашников К. А., Голиков В. И.** Советская армия в годы «холодной войны» : (1945 — 1991). Томск, 2004. 246 с.

¹⁰ См.: **Шардаков В. С.** Исторический опыт Советского государства по достижению и поддержанию военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО : (1945 — 1985). М., 1992.

¹¹ Общество и власть : Российская провинция : 1917 — 1980-е гг. (по материалам нижегородских архивов) : в 5 т. Нижний Новгород, 2008. Т. 5. С. 6.

УДК 93

А. Е. Горячев

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

Н. Е. Горячев

*Мордовский государственный педагогический
университет им. М. Е. Евсевьева» (г. Саранск)*

ИЗМЕНЕНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ В МОРДОВСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1980-х — НАЧАЛЕ 1990-х гг.

В статье анализируется изменение криминогенной ситуации в Мордовской АССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. на фоне ухудшения социально-экономического положения в республике.

Ключевые слова: криминогенная ситуация, безработица, социальная напряженность, Мордовская АССР.

На рубеже 1980-х — 1990-х гг. советское общество вступило в эпоху затяжного кризиса, связанного с ломкой традиционных социально-политических представлений и ценностей. Некогда устоявшиеся формы взаимоотношений начинают принимать совершенно иной облик, формируемый в условиях экономической незащищенности населения и тотального разгула бандитизма.

Большинство некогда спокойных провинций Советского Союза превратились в криминальные столицы новой России. Среди таких оказалась и Мордовия. Стоит отметить, что Мордовская АССР в период до начала 1990-х гг. являлась достаточно благополучным и спокойным регионом Советского Союза. Единственный крупный всплеск криминальной активности произошел в середине 1950-х — 1960-хх гг. Связанно это было с масштабными амнистиями и реабилитацией заключенных, происходившими после смерти И. В. Сталина, а так как на территории республики существовала крупная сеть исправительно-трудовых колоний «Дубравлага», многие заключенные после освобождения осели в г. Саранске и его окрестностях и привнесли «воровское» управление в жизнь горожан. Так, город был поделен на определенные территории: «Поселок», «Низы», «Центр», «Жилгородок» и т. д. Однако с 1964 по 1965 г. удалось ликвидировать основные очаги организованной преступности, во многом благодаря созданным оперативно-комсомольским отрядам, которые занимались профилактикой преступности в молодежной среде. К 1966 г. бандитские шайки потерпели поражение, идейно настроенная молодежь смогла занять лидирующее положение в обществе. Хотя присутствие отдельных криминальных элементов ощущалось вплоть до начала 1970-х гг.¹

В середине 1980-х гг. на территории Мордовской АССР сложилась достаточно развитая социальная инфраструктура и благоприятные условия для устойчивого роста благосостояния населения автономии.

Однако начавшиеся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. проблемы в производственной и сельскохозяйственной сфере привели к существенному ухудшению положения населения. Снижение качества жизни прежде всего сильно ударило по большинству семей. Начинают выделяться такие категории семей, как неполные, многодетные, военнослужащих, с детьми инвалидами и т. д. Происходит активное снижение уровня занятых в экономике, изменение отраслевой занятости, растет уровень скрытой и официальной безработицы, в особенности среди женщин и молодежи². Так, к середине 1990-х гг. в Мордовии уровень безработицы был в 2,5 раза выше, чем в целом по России³. В Саранске, Рузаевке, а также в Ардатовском, Чамзинском, Ковылкинском, Инсарском, Лямбирском и Зубово-Полянском районах уровень безработицы среди экономически активного населения составлял 5 — 8 %, среди женщин — 60 %, молодежи — 40 %⁴.

Самый высокий уровень безработицы фиксировался в Инсарском (8,1 %), Ковылкинском (6,7), Чамзинском (6,6), Лямбирском (6,1) и в Саранске (7,2 %). Доля безработных в сельской местности в целом по республике достигала 19,4 % от общей численности⁵.

Уровень денежных доходов среди основной массы населения республики также оставлял желать лучшего: Мордовия занимала 71-е место среди

регионов России, по уровню социально-экономического развития — 69-е место и 4-е место в Волго-Вятском экономическом районе⁶.

Данные тенденции все чаще стали приводить к росту социальной напряженности. В республике на формирование рынка труда очень активно влиял кризис неплатежей, росли задолженности по заработной плате перед работниками бюджетной сферы, начались перебои с выплатами социальных пособий и пенсий⁷.

Таким образом, в конце 1980-х гг. уровень жизни населения республики значительно падает, отмечаются рост безработицы, снижение уровня благосостояния населения, невыполнение социальных гарантий, низкая правовая защищенность. Данные тенденции подталкивали население к выработке собственных методов регулирования общественной жизни, по принципу «выживает сильнейший».

Общество условно разделилось на «адаптировавшихся» к новым условиям (предприниматели, фермеры, наемные рабочие, криминальные элементы и т. д.) и «не адаптировавшиеся» (основная масса населения, лишенная стабильного заработка). Все это привело к деградации общей культуры.

На фоне ухудшения благосостояния большей части населения республики настоящим бичом становится рост алкоголизма и последующие негативные явления. Так, с 18 по 24 января 1990 г. в вытрезвители было доставлено 734 чел., а 829 наказаны за распитие спиртных напитков и появление в нетрезвом виде в общественных местах. Фиксировались многочисленные жертвы «беспробудных застолий и посиделок». Например, в с. Хлебове Теньгушевского района пьяный рабочий нанес ножовое ранение жителю поселка Зубова Поляна, в с. Кишалы Атюрьевского района ножовое ранение получил 24-летний мужчина от «собутельника»⁸.

Наряду с активным освоением предпринимательской деятельности в коммерческой сфере, начинается активный рост криминализации республики.

Так, в сообщении, сделанном в январе 1990 г. министром внутренних дел МАССР В. Ф. Солтагановым, прокурором МАССР В. А. Адушкиным, заместителем председателя Верховного суда республики Р. Х. Зекировым, отмечалось, что оперативная обстановка в республике в 1989 г. продолжала ухудшаться. Существенную лепту в общую криминальную статистику вносил Саранск, где происходило каждое второе преступление. Кроме того, ухудшилась обстановка и в ряде районов, в частности, увеличилось число тяжких преступлений, краж государственного и личного имущества, автотранспорта. Отмечались рост преступности и распространение хулиганства среди несовершеннолетних⁹.

Молодежь, лишенная идеологической организации и нормального заработка, в особенности ее «физическая элита» — спортсмены, начали фор-

мировать новые «законы улицы». Так, Саранск сразу был поделен на четыре крупных района: «Центр» — центральная часть города вокруг кинотеатра «Мордовия», «Светотехстрой» — Пролетарский район, «Химмаш» — Октябрьский район и «Юго-Запад» — микрорайон Юго-Западный. Сложившиеся «границы» находились под надежной охраной. Перешедшему условную линию юноше приходилось встретиться лицом к лицу с теми, кто эту самую границу охранял. Таким образом это стало приносить доход. Молодые люди, которые были вынуждены переезжать из района в район, начинали платить своеобразную пошлину за проход.

К началу 1990-х гг. в Саранске насчитывалось более 40 молодежных неформальных групп, так называемых контор, разного уровня организованности и опасности¹⁰.

Рост криминализации можно проследить в возрастании информационных сводок, которые все больше пестрили заголовками о кражах и разбойных нападениях. Например, в газете «Советская Мордовия» от 23 января 1990 г. дана следующая сводка: «...в лесопарке у с. Лямбиль с телесными повреждениями обнаружен труп 42-летней колхозницы колхоза Победа»; «...за неделю было зарегистрировано 4 грабежа, 19 краж государственного и общественного имущества, в том числе 8 из квартир»; «...в троллейбусе маршрута № 1 преступник украл у женщины кошелек, в котором находилось 140 руб. В автобусе № 6 из дамской сумочки были похищены 326 руб.»¹¹.

В практику все чаще начинают входить разборки между отдельными конторами. Наиболее прославившиеся в уличных разборках ребята становятся лидерами образованных неформальных групп. Среди таковых можно выделить Виктора Качаева — «Витана», Сергея Финаева — «Финая», Сергея Миронова — «Мирона», Михаила Копейкина — «Копея», Владимира Суняева — «Суняя», Александра Земского — «Зимы», Юрия Щукина — «Щукаря» и т. д.

Со временем простые дворовые конторы начинают активный процесс вооружения, от простых дубинок и туристических топориков до огнестрельного оружия. Так, в Дворце культуры профсоюзов сотрудниками милиции у 15-летнего подростка был изъят самодельный пистолет и патроны к нему¹². Массовым источником получения оружия были кражи. Например, в СПТУ-21 из кабинета военной подготовки были украдены два учебных автомата, которые военрук оставил в шкафу, а не отнес в оружейную комнату¹³. Кроме того, в начале 1990-х гг. по Саранску прокатилась серия квартирных краж. В основном взламывали квартиры охотников и выносили огнестрельное оружие¹⁴.

Одним из первых случаев применения огнестрельного оружия в разборках между криминальными группировками стал инцидент в городском

парке им. А. С. Пушкина 11 октября 1988 г. Так, стычка «копеевцев» и «щукарей» переросла в полноценную вооруженную расправу. «Копеевцы» в течение дня выслеживали «щукарей» и обнаружив их у павильона шашлычной на ул. Большевистской, начали преследование. Однако последним удалось скрыться, а раздосадованные преследователи решили выместить свою злость на Зверкове («Зверь») и Серебрякове («Фюрер»), известных как боксеры с «Юго-Запада», которые в то время находились в парке. Между Суняевым и ими произошел конфликт. В результате открытого шквального огня Зверков был убит на месте, а Серебряков доставлен в больницу¹⁵.

Данное событие стало некой отправной точкой в активизации преступных группировок республики. В целом можно говорить о том, что в 1988 — 1989 гг. мордовские конторы обладали необходимым, характерным для полноценной организованной преступной группировки набором (наличие лидера, четкая структура группы, планомерная преступная деятельность, наличие общей кассы, сплоченность, устойчивость, совершение одного или нескольких преступлений и т. д.)¹⁶.

Таким образом, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Мордовии сложилась устойчивая система преступных объединений, которые совершали мелкие хищения, кражи со взломом, разбой и начали переход к практике вооруженных нападений. Данная ситуация была вызвана чередой социально-экономических проблем, возникших в итоге затяжного кризиса всех сфер общественной жизни, проявившегося в СССР в середине 1980-х гг.

Библиографические ссылки

¹ См.: Долженко С. Шестой отдел : Борьба с организованной преступностью. [б. м.], 2018. С. 16 — 17.

² См.: Кильдюшкина И. Г. Республика Мордовия: история, экономика, проблемы : (вторая половина 1980-х — середина 1990-х гг.). Саранск, 2011. С. 29.

³ См.: Пинясова Л. А. Основные тенденции демографического развития Мордовии в 1990-е годы // Экономический потенциал региона. Саранск, 2001. С. 166. (Тр./НИИГН ; вып. 116).

⁴ См.: Котлова Т. М. К проблеме молодежной занятости // Становление государственности Мордовии : сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Мордовии. Саранск, 2000. С. 309.

⁵ См.: Кильдюшкина И. Г. Указ. соч. С. 37.

⁶ См.: Оценка социально-экономической ситуации в Республике Мордовия // Программно-целевое регулирование социально-экономического развития регионов. Саранск, 1999. С. 90 — 99.

⁷ См.: Кильдюшкина И. Г. Указ. соч. С. 31.

⁸ См.: Вино виновато? // Советская Мордовия. 1990. 6 февр.

⁹ См.: Укреплять правопорядок // Там же. 30 янв.

¹⁰ Долженко С. Указ. соч. С. 18.

¹¹ Пресс-группа МВД МАССР сообщает // Советская Мордовия. 1990. 23 янв.

¹² См.: Вино виновато?

¹³ См.: Чай, вино и сигареты // Советская Мордовия. 1990. 7 февр.

¹⁴ См.: Долженко С. Указ. соч. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 22.

УДК 27:93/94

Е. В. Дроботушенко

Забайкальский государственный университет (г. Чита)

МЕХАНИЗМ ЗАКРЫТИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В СЕРЕДИНЕ ЧЕТВЕРТОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.: НА ПРИМЕРЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО СОБОРА г. СРЕТЕНСКА ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЯ

В статье на примере православного обновленческого собора г. Сретенска Восточно-Сибирского края характеризуется один из механизмов закрытия православных храмов в СССР в середине четвертого десятилетия XX в. В основу исследования легли документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), впервые введенные в научный оборот. Отмечается, что инициатива закрытия культовых сооружений православной церкви в рассматриваемое время принадлежала в основном местным властям.

Ключевые слова: православие, обновленчество, Восточно-Сибирский край, Сретенск.

История православной церкви, староцерковной или обновленческой, в Восточном Забайкалье (в административном плане в настоящее время — Забайкальский край) в 1930-е гг. сегодня нашла отражение на страницах научных и научно-популярных изданий только частично. Отдельные аспекты названной истории рассматриваются в публикациях И. С. Цыремпиловой¹.

Несмотря на наличие определенного количества исследований, затрагивающих православную историю Восточного Забайкалья, остается много невыясненных вопросов, одним из которых является закрытие православного собора в г. Сретенске Восточно-Сибирского края.

В основу настоящего исследования легло «Дело о закрытии Сретенского собора в г. Сретенске и о переоборудовании здания под культурно-просветительские цели. 29 сентября 1934 — 3 января 1936» Государственного архива Российской Федерации, материалы которого впервые вводятся в научный оборот².

Сретенск с июля 1930 г. входил в Восточно-Сибирский край. Именно к рубежу третьего и четвертого десятилетий XX в. относится первая попытка

закрытия православного собора города, который к тому времени находился в пользовании общины обновленцев. Закрытие было инициировано местными властями, однако в итоге храм остался за верующими³.

Следует оговориться, что мы, с опорой на документы, говорим о соборе. В одном из документов так храм именует его настоятель в 1934 г. Константин Знаменский⁴. В имеющихся же публикациях исследователи пишут о главном храме г. Сретенска, церкви во имя Сретения Господня⁵.

Возможно, правильно как о соборе говорить именно в 1930-е гг., поскольку в январе 1931 г. было создано Восточно-Сибирское краевое митрополитанское церковное управление (ВСКМЦУ) — орган управления Восточно-Сибирскими обновленческими епархиями. Одной из них стала Сретенская епархия с центром в Сретенске. Правящим архиереем стал архиепископ Константин Знаменский⁶. По традиции принято, что главный храм епархии является собором.

Активизация деятельности советской власти по закрытию культовых построек, реквизиция их у верующих и использование для своих нужд в 1930-е гг. привели к новой попытке закрытия сретенского собора, которая в итоге станет удачной для местных властей.

На наш взгляд, резкое увеличение числа закрываемых храмов во многом связано с тем, что весной 1935 г. умер председатель Секретариата по культам и председатель Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (с 1929 г.) П. Г. Смидович. В предыдущие годы он часто вставал на сторону верующих и выступал за отмену решений о конфискации у них зданий для служб. Об этом читаем в ряде документов⁷.

С одной стороны, в стране в целом активизировались репрессивные действия, в том числе в отношении религиозных учений и их представителей, с другой — исчезли защитники верующих и соблюдения социалистического законодательства о религиях.

История закрытия сретенского собора в середине четвертого десятилетия XX в. началась весной 1934 г.

Как и при попытке закрытия собора в 1930 г., в 1934 г. в городе состоялся ряд собраний рабочих и служащих с обсуждением вопроса о его судьбе. На них высказывалось мнение о необходимости закрытия храма и передачи здания на культурные нужды⁸.

Итогом собраний стало закрытие собора по решению местных властей, что являлось нарушением норм действовавшего социалистического законодательства в отношении религий.

Решение местных властей о закрытии культовых построек для служб в обязательном порядке утверждалось региональными властями, и только после этого храм закрывался. В Сретенске пошли иным путем. Собор закрыли на основании решения местной власти.

В постановлении президиума городского Совета Сретенска «О закрытии Сретенского собора» от 25 июля год не указан, но можно предположить, что 1934. В то же время на документе стоит помета «вторичное», что позволяет с осторожностью говорить о том, что собор для служб фактически был закрыт решением от 25 июля 1934 г.⁹

В Приложении к Протоколу № 17 заседания Президиума Сретенского районного исполнительного комитета от 3 апреля 1934 г. читаем о просьбе к президиуму Восточно-Сибирского крайисполкома санкционировать закрытие собора и передать здание детскому саду. В обоснование легло следующее «требование трудящихся ее города (коллективное собрание рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и учебных заведений, расположенных на территории города) и наличие незначительного нетрудового элемента (до 50 чел.), содержащих собор и посещающих таковой»¹⁰.

В выше упоминавшемся постановлении от 25 июля речь идет о 35 чел., «содержащих собор и посещавших его»¹¹. Данный факт, по нашему мнению, свидетельствует как о недобросовестности местных властей, так о фальсификации цифр в стремлении быстрее «проташить» нужное решение. Сколько на самом деле было верующих не известно.

В том же документе читаем о том, что в соборе «за последнее время» было совершено четыре кражи на сумму 5 коп. серебром «самими служителями культа». Акты о кражах составлялись без представителей Горсовета и милиции, поэтому протоколов нет¹². Представляется, что упоминание про кражи без соответствующего подтверждения было сделано для придания большего негатива по отношению к священнослужителям и религиозному объединению в целом.

Президиум горсовета Сретенска постановил: «1. Собор опечатать, выделить ревизионную комиссию 5 чел. Произвести тщательную проверку всего церковного имущества.

2. Следственным органам и нарсуду немедленно оформить дело о краже имущества служителями культа и судить виновных показательным судом... как за расхищение соц. собственности»¹³.

Очевидно, что формулировка «соц. собственность» в отношении средств религиозного объединения является «натянутой».

В письме архиепископа Константина Знаменского настоятеля Сретенского собора в адрес Митрополитанского краевого Восточно-Сибирского церковного управления указано, что 22 августа 1934 г. комиссия горсовета «потребовала ключи от собора, сняла печати, ранее наложенные горсоветом... и потребовала сдать все имущество». Никаких письменных документов о закрытии собора предоставлено не было. Изъято культовое имущество, около пуда свечей. Документы об изъятии не составлялись. 25 августа «приступили к снятию церковей, а затем куполов»¹⁴.

В одной из телеграмм от 29 июля 1934 г. в адрес Сретенского райисполкома из Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета читаем: «Ищите дело о закрытии Сретенского Собора, оформленное согласно закона о религиозных объединениях»¹⁵. Иными словами, на тот момент времени оформленных документов не было.

Местные власти отправили отношение, согласно которому документы были оформлены и отправлены, на что получили ответ, что ничего не поступало¹⁶.

29 сентября 1934 г. в Постоянную центральную комиссию по вопросам культов поступила жалоба верующих на закрытие храма. В Комиссию по вопросам культов при Восточно-Сибирском крайисполкоме отправлена телеграмма за подписью и. о. ответственного секретаря Комиссии Н. М. Орлеанского, получившего широкую известность как автор книги «Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР», изданной в 1930 г.¹⁷ В названной телеграмме писалось, что «Комиссия предлагает Вам приостановить незаконные действия и выслать все дело»¹⁸. Примерно в то же время в Комиссию поступило письмо с жалобой на действия местных властей из Митрополитанского краевого Восточно-Сибирского церковного управления, где указывалось на нарушение закона¹⁹.

Заключение по делу о закрытии церкви в Сретенске появилось 5 августа 1935 г. за подписью «и.о. отв. секретаря» Узкова: «Церковь закрыть, но поручить КрайИКу рассмотреть вопрос и привлечь к ответственности виновных в самостоятельном закрытии церкви до решения ВЦИК»²⁰. Какая структура давала заключение из документа не ясно. Возможно, заключение дала Комиссия по религиозным культам при ВЦИКе.

Решение о закрытии собора в Сретенске было принято Восточно-Сибирским крайисполкомом 27 апреля 1935 г. (протоколе № 6, п. 046). Основанием для закрытия стало то, что собор не находился в пользовании религиозного объединения, договора на пользование зданием и культовым имуществом заключено не было. Помимо этого, указывалось на наличие требований о закрытии со стороны трудящихся города. Отмечалось, что в Сретенске есть второй храм, в котором верующие могли удовлетворять свои религиозные потребности. Речь шла о кладбищенской церкви, которая, во-первых, была в пользовании «староцерковников», во-вторых, небольшой по размеру. Очевидно, что наличие противоречий между последними и обновленцами не могло привести к желаемому властями результату²¹.

Упоминание в некоторых публикациях, что Сретенский собор (церковь) был закрыт в начале 1930-х гг., можно с уверенностью считать неверным²². Храм окончательно был закрыт в декабре 1935 г. утверждением решения Восточно-Сибирского крайисполкома в Москве.

Отметим, что сретенские власти закрыли для служб культовое сооружение, находившееся в пользовании обновленцев, а не «староцерковников», что говорит о значительном падении роли обновленческого православия. Власти, выступавшие ранее на его стороне в борьбе со «староцерковниками», больше не захотели его поддерживать.

После закрытия собора местные власти сняли колокола, однако не передали их на переплавку, а оставили для собственных нужд. Заместитель председателя Восточно-Сибирского краевого исполкома товарищ Белик в одной из телеграмм потребовал колокола незамедлительно передать, провести расследование и виновных наказать²³. Местные власти в свое оправдание писали, что только один из колоколов забрала администрация «Хлебостроя», но после полученной телеграммы все колокола были переданы на переплавку²⁴.

Постановление Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета о закрытии сретенского собора, принятое 27 апреля 1935 г., было утверждено Президиумом ВЦИК Советов 12 декабря того же года, о чем была послана телеграмма за подписью секретаря ВЦИКа А. К. Киселева в адрес региональных властей, в Комиссию Восточно-Сибирского края по культам и в прокуратуру²⁵.

Из документов известно, что одновременно с собором Сретенска была закрыта церковь г. Черемхово Восточно-Сибирского края (в настоящее время — Иркутская область). Об этом в одной из телеграмм в адрес Комиссии по вопросам культов при ВЦИКе сообщал некто «Тихоненко», отписавшись «За председателя Краевой культурной комиссии»²⁶.

1930-е гг. стали для всего Советского государства решающими в плане борьбы с религиями. Была закрыта основная масса действовавших культовых построек, причем абсолютно всех религиозных учений.

По некоторым данным, в 1934 г. в РСФСР из 105 рассмотренных центральными властями решений о закрытии храмов было утверждено 91. В 1935 г. было закрыто уже 323 храма, в 1936 — 308, в 1937 — 253. Следует отметить, что культовые сооружения верующим в эти годы и возвращали²⁷.

Регионы пострадали по-разному, например, в Иркутской области, действовавшие церкви были; в Читинской области все храмы были закрыты. Именно в ее составе оказался Сретенск, где не осталось действующих культовых построек. С точки зрения местных и региональных властей это можно оценить как весомое достижение в борьбе с религиями. На сегодня однозначно ответить на вопрос, когда была закрыта последняя церковь Сретенска (кладбищенская), не представляется возможным.

Анализ документов свидетельствует, что часто инициатива о закрытии для служб культовых зданий исходила от местных властей. С одной стороны, они решали насущные социальные проблемы (не хватало помещений под

клубы, избы-читальни, библиотеки, общежития); с другой — четко следовали партийным установкам и искореняли религии всеми возможными способами. Кроме того, они отчитывались перед Постоянной центральной комиссией по культам, созданной в 1931 г., вероятно, в том их желание про-являлось выглядеть «достойно».

Механизм закрытия собора Сретенска в 1935 г. полностью повторяет таковой при попытке закрытия храма в 1930 г. Разница только в итоге. Собор был закрыт.

Действия местных властей выглядели следующим образом:

1. Не заключается договор аренды здания с общиной верующих. Его отсутствие являлось основанием для появления утверждений о нарушении религиозным объединением закона.

2. Появляется инициатива о закрытии храма.

3. Активизируется общественность. Проводятся собрания, по итогам которых составляются протоколы с ходатайствами о закрытии собора.

4. На основе наличия требований трудящихся и служащих принимается решение о закрытии культовой постройки на уровне городского совета. Для придания решению большей внешней привлекательности занижаются цифры по количеству верующих, а также вводится элемент криминальной составляющей со стороны священнослужителей.

5. Принятое решение местных властей уходит на утверждение к властям региональным — в Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет. Там решение утверждается.

6. На принятое решение выступают жалобы от верующих, а также священнослужителей в органы власти регионального и центрального уровней.

7. На уровне Постоянной центральной комиссии по культам принимается решение о закрытии собора.

В 1930 г. решение местных властей, утвержденное Дальне-Восточным краевым исполнительным комитетом было отменено в Москве.

По закону храм мог быть закрыт по ходатайству религиозного объединения. Они появлялись, когда последнее, например, не могло уплатить налоги. К появлению таких ходатайств могли подтолкнуть действия местных властей, которые, заключая договор аренды культового сооружения с религиозным объединением, ставили условием капитальный ремонт здания, чего верующие сделать не могли.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Цыремпилова И. С.** Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917 — 1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ, 2008. 135 с. ; **Ее же.** Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917 — 1930 гг. на территории Байкальского

региона // *Власть*. 2012. № 9. С. 160 — 163 ; **Ее же**. Исторический опыт взаимоотношений власти и Русской православной церкви на территории Байкальского региона в 1920 — 1930-е гг. // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. : История. 2017. Т. 22. С. 93 — 100 ; **Ее же**. История Забайкальской епархии в 1917 — 1930-е гг. в архивных документах // *Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры*. 2018. № 3(7). С. 47 — 56 ; **Ее же**. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917 — 1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. 300 с. ; **Ее же**. Трансформация церковно-административного управления в 1917 — 1930-х гг. (на примере Забайкальской епархии) // *Религия, общество, государство*. 2015. № 10. С. 146 — 151 и др.

² Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450.

³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 75. Д. 1692.

⁴ Там же. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450. Л. 40.

⁵ См.: **Чащин А. И., Литвинцев А. Ю.** Православные храмы Сретенска // *Сретенск*. Чита, 2014. С. 74 — 75.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450. Л. 40 ; **Кульпинов С. С.** Несостоявшийся съезд Восточно-Сибирской митрополии в контексте положения обновленческого раскола в Восточной Сибири в 1931-м — первой половине 1932 г. // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. : Политология. Религиоведение. 2019. Т. 29. С. 65.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 48 ; Оп. 2. Д. 1. Л. 34 ; Оп. 1. Д. 3. Л. 105.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 450. Л. 10 — 12, 15 — 18.

⁹ Там же. Д. 450. Л. 34.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Л. 34.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 40.

¹⁵ Там же. Л. 47.

¹⁶ Там же. Л. 49.

¹⁷ См.: **Орлеанский Н. М.** Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930. 223 с.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450. Л. 39.

¹⁹ Там же. Л. 40 об.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Там же. Л. 6.

²² См.: **Чащин А. И., Литвинцев А. Ю.** Указ. соч. С. 75.

²³ ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 450. Л. 31.

²⁴ Там же. Л. 32.

²⁵ Там же. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 2.

²⁷ Комиссия по вопросам культов // *Православная Энциклопедия*. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841840.html> (дата обращения: 04.09.2022).

УДК 93/94

Е. Н. Ефремов*Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЧУВАШСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА В КОНЦЕ 1980-х — 1990-е гг.

В статье рассматривается эволюция государственной политики Чувашской Республики в отношении местного ислама в конце 1980-х — 1990-е гг. Изучение данных процессов сопровождается комплексным анализом архивных данных и историографии проблемы. На основе этого в отечественной исторической науке выделяются основные направления, особенности и проблемы государственно-исламского взаимодействия в хронологических рамках исследования.

Ключевые слова: ислам, конфессии, мусульманская умма, православие, духовное управление мусульман Чувашской Республики.

Конец 1980-х — 1990-е гг. в России характеризуются демократизацией государственно-конфессиональных отношений, изменивших, в частности, политику в отношении традиционного для нашего государства ислама суннитского толка¹. Рассмотрение данных преобразований в сфере государственно-мусульманского взаимодействия является крайне актуальным, так как обусловлено поиском оптимальной модели современной политики Российской Федерации, касающейся мусульманской уммы, в условиях возрастающей политизации ислама как внутри страны, так и на международной арене. С учетом этого приоритетное значение приобретает исследование особенностей государственной политики в отношении ислама в регионах его традиционного распространения, каковым является, например чувашский край².

В отечественной историографии практически отсутствуют современные комплексные исследования по вопросам исламской политики чувашских властей в хронологических рамках настоящей статьи. Можно выделить лишь несколько исследований, где затрагиваются отдельные аспекты исследуемой тематики³. Наиболее значимыми из них являются работы крупного религиоведа Чувашской Республики Л. Ю. Браславского. Его монографии «Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты» и «Религиозные и оккультные течения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы)»⁴ затрагивают процессы организационно-культурного возрождения мусульманской уммы Чувашии в конце 1980-х — 1990-е гг. Вместе с этим обширный архивный материал, приводимый Л. Ю. Браслав-

ским, дает, в том числе, сведения о самых тяжелых советских десятилетиях притеснения советским государством ислама в Чувашии. Сравнение этих трагичных событий с политикой чувашских властей в отношении мусульманской общины в конце 1980-х — 1990-е гг. позволяет более полно определить тенденции и историческое значение последней.

Основные тенденции развития ислама рассмотрены в статьях А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькина «Трудный путь возрождения: мусульманские уммы Мордовии, Чувашии, Марий Эл (1990-е — середина 2010-х гг.)»⁵ и С. Ф. Артемовой и Д. С. Редькиной «Мусульманская умма Среднего Поволжья в первой половине 1990-х гг.»⁶. Впрочем, данные авторы, исследуя восстановление позиций ислама в Чувашии, ограничиваются рассмотрением этих вопросов без анализа политического участия в них властей республики.

В целом, краткий историографический обзор тематики исследования, позволяет сделать вывод о незначительной ее разработке. На сегодняшний день мало изученной остается специфика и особенности политики руководства Чувашии по отношению к здешнему исламу в хронологических рамках статьи. В настоящей статье предпринята попытка восполнить вышеуказанный пробел.

Ислам исторически являлся второй конфессией чувашского края после православия. В 1917 г. мусульманская умма Чувашии была представлена 42 обществами с 40 мечетями, которые в годы советского атеизма практически все были закрыты. В итоге к середине 1980-х гг. мусульманская община Чувашской АССР находилась в глубоком упадке и насчитывала всего 2 мечети, находящиеся соответственно в с. Чкаловское и Трехболтаево.

В первые три года «перестройки» в Чувашской АССР, как и на общесоюзном уровне, не происходит кардинальной демократизации государственной конфессиональной политики, начало которой было положено лишь в 1988 г. Данные перемены способствовали активизации немногочисленной мусульманской общины республики по поводу регистрации религиозных объединений и строительства мечетей⁷.

Несмотря на новый вектор религиозной политики общесоюзного уровня, партийные власти Чувашии в 1988 — 1989 гг. не только не поддерживали создание новых мусульманских организаций, но и в отдельных случаях без законных оснований препятствовали данным процессам⁸. С административно-бюрократическими задержками, в частности, производилась регистрация мусульманских организаций в г. Канаше (1988) и в с. Чкаловское Батыревского района республики (1989)⁹. Всего, помимо двух действующих до «перестройки» мусульманских объединений, в Чувашии к концу 1989 г. было зарегистрировано 5 мусульманских организаций¹⁰.

Проведение конструктивной политики чувашскими властями в отношении местного ислама начинается с 1990 г., чему способствовала дальней-

шая либерализация конфессиональной политики в СССР. Показательным в этом плане стало признание властями Чувашской АССР недостаточного внимания к здешнему исламу по сравнению с местным православием. По данному поводу в «Информационном отчете Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Чувашской АССР за 1989 г. от 30 января 1990 года» отмечалось, что «мусульманская религия в смысле внимания к ней по-прежнему остается на второстепенном месте по сравнению с церковными организациями»¹¹.

Достижение равноправного положения ислама с православием в Чувашии виделось Б. А. Красновым прежде всего в налаживании делового сотрудничества с руководством исламских организаций. В этих целях весной 1990 г. он посещает недавно образованные мусульманские общины д. Бикшики Батыревского района, с. Урмаево и Токаево Комсомольского района, г. Канаша¹².

Резкая демократизация государственно-исламского взаимодействия в Чувашской АССР способствовала поддержке со стороны властей образованию новых мусульманских объединений, что стало особенно заметно проявляться после состоявшегося 13 апреля 1990 г. заседания Республиканского Совета по контролю законодательства о религиозных культурах, где возрождение ислама в регионе провозглашалось в качестве важного направления религиозной политики¹³.

«Лояльность» аппарата Уполномоченного Совета по делам религий по ЧАССР в решении вопросов регистрации религиозных организаций мусульман способствовала росту их численности с апреля по октябрь 1990 г. соответственно с 7 до 12. Вновь зарегистрированными за лето 1990 г., например, стали мусульманские общества в д. Татарские Сугуты и Долгий Остров Батыревского района, которым также предоставлялось право возведения культовых сооружений. В целом, к январю 1994 г. в Чувашии число зарегистрированных мусульманских объединений составило 24¹⁴.

Динамично развивающаяся мусульманская община республики требовала централизованного управления для чего 18 мая 1994 г. при поддержке местных властей было образовано Региональное духовное управление мусульман Чувашской Республики (РДУМ ЧР) под каноническим управлением Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМ). Резиденцией РДУМ ЧР стало с. Шыгырданы Батыревского района Чувашской Республики во главе с муфтием Альбир-хазрат Кргановым¹⁵.

Кроме того, в 1990-е гг. со стороны чувашских властей не остался без внимания и вопрос, касающийся оказания поддержки в строительстве новых мечетей. Например, на основании Указа Президента Чувашской Республики «О мерах по государственной поддержке культуры в Чувашской Республике» № 59 от 10 июня 1994 г. на строительство мечети в г. Чебоксары Каби-

нетом министров республики из резервного фонда было выделено 20 млн руб.¹⁶ 22 сентября 1995 г. Президентом Чувашской Республики Н. В. Федоровым принимается Указ «О государственной поддержке восстановления храмов, мечетей и иных культовых сооружений» № 119. В соответствии с ним региональному Министерству культуры и по делам национальностей поручается по согласованию с ДУМ ЧР до 1 ноября 1995 г. определить объекты историко-культурного наследия мусульман, нуждающихся в первоочередном ремонте и реставрации. Таковой стала одна сохранившаяся мечеть дореволюционного периода в с. Трехбалтаеве Шемуршинского района, на ремонт которой в 1996 г. выделяется 75 тыс. руб.¹⁷

Вместе с этим нельзя утверждать о системной государственной поддержке строительства мечетей в Чувашии периода 1990-х гг. вследствие отсутствия в региональном бюджете статьи расходов на религиозные организации, а также тяжелого социально-экономического положения в республике¹⁸. Данный факт наиболее полно подтверждается письмом от 23 апреля 1999 г. первого заместителя Министерства культуры и по делам национальностей ЧР А. Н. Емельянова председателю мусульманской организации д. Байдеряково Г. В. Феизову, просившего оказать финансовую поддержку при строительстве мечети. «За последние годы в республике построено и отремонтировано много культовых сооружений», — отмечалось А. Н. Емельяновым в письме, — эта работа в основном велась за счет добровольных пожертвований граждан и спонсорской помощи различных учреждений». При этом подчеркивалось, что «участие в данной деятельности органов исполнительной власти республики осуществляется в соответствии с действующим законодательством только в отношении культовых сооружений, признанных памятниками истории и культуры»¹⁹. Так как возводимая мечеть в д. Байдеряково не являлась объектом культурного наследия региона, Минкультуры ЧР отказывалось в рассмотрении вопроса финансирования ее строительства.

Как правило, строительство мечетей в ЧР производилось на денежные пожертвования частных лиц. Например, 10 октября 1996 г. ОАО «Чебоксарский агрегатный завод» РДУМ ЧР на строительство мечети в с. Шыгырдан Батыревского района выделяет 60 млн руб.²⁰

Несмотря на все трудности, в 1990 — 1996 гг. в Чувашской Республике было построено 23 новые мечети. Культовые сооружения мусульман строились не только в местах традиционного распространения ислама в Чувашии, но и в местностях, где их прежде исторически не было (например, в г. Канаш, Шумерля, Чебоксары, Новочебоксарск, пос. Вурнавы, Киря Алатырского района)²¹.

Быстрый рост мусульманских приходов в Чувашии все больше актуализировал необходимость открытия местного мусульманского духовного

учебного заведения. В целях решения данной проблемы при активном содействии органов государственной власти Чувашии в 1999 г. РДУМ ЧР было начато строительство медресе в с. Кайнлык Комсомольского района ЧР, где с 1 сентября 2002 г. планировалось начать обучение имамов для своих приходов. Всего по состоянию на 1 января 2000 г. РДУМ ЧР включало 38 религиозных организаций, располагающих 37 мечетями, что свидетельствовало о приближении организационной численности мусульманской уммы Чувашии к уровню дореволюционного периода²².

Помимо поддержки образования исламских организаций, с 1994 г. одним из важных направлений государственной конфессиональной политики чувашских властей становится сохранение и развитие мусульманской культуры в регионе. Первым шагом в данном направлении стало подписание в мае 1994 г. договора о культурном сотрудничестве между Министерством культуры и по делам национальностей Чувашской Республики и Министерством культуры Республики Татарстан, где, в частности, закреплялись совместные мероприятия по возрождению культуры мусульман данных субъектов Российской Федерации. Благодаря данному соглашению в Чувашии с 1994 г. ежегодно проводятся праздник «Сабантуй» в Батыревском, Комсомольском районах республики, месячник исламской культуры на базе Все-татарского общественного центра г. Чебоксары, в рамках которого традиционными становятся встречи татарской диаспоры по проблемам возрождения исламской веры и культуры, а также концерты коллективов художественной самодельности из Татарстана²³.

В целях восстановления культурных позиций здешнего ислама Кабинетом министров ЧР в адрес Правительства РФ в сентябре 1994 г. направляются предложения, касающиеся создания культурных исламских центров в местах компактного проживания татар Чувашии (Комсомольский, Батыревский, Шемуршинский и Яльчикский районы республики), в которых планировалось проведение обучения и воспитания на татарском языке²⁴.

Для популяризации культуры мусульман республики, Министерство культуры и по делам национальностей ЧР в сентябре 1995 г. предоставляет в Республику Татарстан сведения о местных мусульманских общинах, действующих мечетях и их служителей, религиозных учебных заведениях, необходимых для выпуска справочника «Татарский мир»²⁵. В 1996 г. Министерства культуры в местах компактного проживания татарского населения Чувашии проводит научную экспедиция с целью изучения культуры, социально-экономических запросов татарской диаспоры²⁶.

Вышеуказанные направления государственной политики в отношении местной мусульманской уммы осуществлялись совместно с РДУМ ЧР, что позволяет говорить о вовлечении чувашскими властями ислама республики к середине 1990-х гг. в совместное социальное партнерство²⁷.

Руководство Чувашии способствовало также допуску мусульманских священнослужителей в систему исправительных учреждений. Так, со второй половины 1990-х гг. при финансовой поддержке РДУМ ЧР для осужденных-мусульман молельные комнаты оснащаются в ИК-4 (г. Чебоксары), ИК-5 (г. Козловка), ИК-9 (г. Цивильск), которые часто стали посещать имамы духовного управления²⁸.

Дополнительным показателем партнерского отношения к мусульманской общине региона стало включение в состав межведомственного Совета Чувашской Республики по взаимодействию с религиозными объединениями, образованного 4 августа 1998 г., представителя РДУМ ЧР. Несмотря на то что решения, принимаемые советом, носили рекомендательный характер, он являлся связующим звеном в сфере взаимоотношений органов государственной власти и религиозных объединений, включая рассмотрение вопросов передачи религиозным объединениям имущества; подготовку предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений и требующих решения Президента Чувашской Республики и Кабинета министров ЧР; проведение государственной религиозно-экспертной и др.²⁹

Однако сложившаяся в 1999 г. ситуация вокруг строительства мечети в г. Чебоксары поставила под вопрос формирование дальнейшего сотрудничества между властями ЧР и РДУМ ЧР. Дело в том, что администрация г. Чебоксары в августе 1999 г. отменила ранее принятое решение о выделении в Московском районе г. Чебоксары земельного участка на пересечении ул. Университетской и Ахазова под возведение мечети. Причиной этому якобы послужили многочисленные обращения жителей г. Чебоксары, которые выражали протест против строительства мечети в центральной части города³⁰.

В ответ на это решение последовала незамедлительная реакция муфтия РДУМ РЧ А. Крганова, который 1 сентября 1999 г. официально обратился к Президенту Чувашии Н. В. Федорову. В письме А. Крганов отметил, что начиная с 1994 г. РДУМ ЧР совместно с властями республики ведут планомерную и кропотливую работу, направленную на созидательный процесс, способный удержать общество в конституционных рамках. За годы этой работы, по словам муфтия, получило становление РДУМ ЧР, было открыто более 30 мечетей, а также не допущено проникновение в республику чуждых для российских мусульман экстремистских течений. Далее, анализируя текст письма, выявляется комплекс разногласий между властями Чувашии и местной мусульманской общиной, в которых отказ в предоставлении земельного участка под строительство мечети в г. Чебоксары был скорее поводом для эскалации ранее возникшего конфликта, а не его причиной. Напротив, причину конфликтной ситуации, А. Крганов видел в указании в 1999 г.

мусульманским сообществом на текущие ошибки властей по отношению к местному исламу, что, по мнению муфтия РДУМ ЧР, не могло не послужить основой для взаимных обид и упреков. Следствием этого, указывалось в письме, стало игнорирование властями проблемы по отводу земельного участка под строительство мусульманского комплекса в Батыревском районе республики³¹.

Однако апогеем возникших противоречий 27 августа 1999 г. стал отказ в закладке Чебоксарской мечети, которую планировалось осуществить во время рабочего визита в Чувашию председателя ЦДУМ Т. Таджутдина, о чем делегации РДУМ ЧР было сообщено 25 августа 1999 г. во время рабочей встречи с мэром г. Чебоксары А. А. Игумновым. Причем, по словам А. Крганова, градоначальником Чебоксар были выдвинуты ультимативные требования, согласно которым любая попытка закладки мечети на ранее выделенном месте будет блокирована органами правопорядка города. «Зачем тогда на протяжении 5 лет мы совместно с городскими властями вели подготовку места под строительство мечети и оформляли документы, разрешающие ее возведение», — констатировал в обращении к Президенту ЧР муфтий РДУМ ЧР³².

Вскоре по поручению Президента Чувашской Республики 4 октября 1999 г. состоялось совещание у первого заместителя Председателя Кабинета Министров ЧР П. В. Ивантаева, где было рассмотрено письмо муфтия РДУМ ЧР А. Крганова. По итогам мероприятия РДУМ ЧР было решено предоставить земельный участок в г. Чебоксары под строительство мечети взамен ранее изъятому около ДК «Салют», а также компенсировать расходы, произведенные духовным управлением по освоению ранее выделенной земли³³.

Данное решение чувашских властей позволило в ближайшее время начать строительство мечети в г. Чебоксары и вернуть в прежнее русло конструктивное взаимодействие с мусульманской общественностью республики. Подтверждением этому стала состоявшаяся 4 мая 2000 г. пресс-конференция РДУМ ЧР, посвященная поддержке властей по противодействию исламским радикальным течениям в Чувашии. Выступая перед журналистами, председатель управления муфтий А. Крганов и его заместитель имам г. Чебоксары А. Хайбуллов прежде всего затронули проблему Северного Кавказа. «Там идет война не с чеченским народом или мусульманами, а с международными террористами», — заявил А. Крганов. «Проблема куда глуже: в Россию расширяется приток иностранных мусульманских миссионеров». А. Хайбуллов отметил, что недавно «в Чебоксары приезжали представители Пакистана, которые предлагали профинансировать строительство мечети при условии, что заправлять в ней будут арабы». «Подобные предложения не приемлемы и никогда не будут приняты мусульманским

сообществом Чувашии» — в заключении пресс-конференции подчеркнул муфтий А. Крганов³⁴.

Таким образом, в конце 1980-х — 1990-е гг. в Чувашии формируется новый демократический вектор политики в отношении мусульманской уммы региона. В этот период чувашскими властями поддерживается организационно-культурное возрождение местного ислама, включая частичное финансирование строительства мечетей и местного медресе, создание исламских центров, проведение национальных праздников и др.

Более того, привлечение представителей деловой общественности мусульман Чувашии к участию в работе совещательных структур при республиканских органах власти свидетельствовало о рассмотрении властями местного ислама с позиций социального партнерства. Благодаря этому во второй половине 1990-х гг. мусульманские священнослужители были допущены для совершения религиозных обрядов в уголовно-исправительную систему ЧР. К тому же важным направлением сотрудничества республиканских властей и руководителей РДУМ ЧР стало противодействие проникновению в чувашскую мусульманскую общину радикальных исламских течений.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Надькин Т. Д., Ефремов Е. Н.** Государственная политика в отношении мусульманской общины Мордовии в первом десятилетии 2000-х гг. в контексте формирования российской нации // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 4 (32). С. 140.

² См.: **Ефремов Е. Н.** Русская Православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период : монография. Саранск, 2014. С. 5.

³ См.: **Ефремов Е. Н.** Основные тенденции мусульманского возрождения в Приволжском федеральном округе // Сборник научных трудов КГАСУ. Казань, 2009. С. 198.

⁴ См.: **Браславский Л. Ю.** Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997. 158 с. ; **Его же.** Религиозные и оккультные течения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы). Чебоксары, 2000. 374 с.

⁵ См.: **Мартыненко А. В., Надькин Т. Д.** Трудный путь возрождения: мусульманские уммы Мордовии, Чувашии, Марий Эл (1990-е — середина 2010-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57) : в 2 ч. Ч. 1. С. 106 — 109.

⁶ См.: **Артемова С. Ф., Редькина Д. С.** Мусульманская умма Среднего Поволжья в первой половине 1990-х гг. // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2017. № 1. С. 46 — 51.

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее: ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 24.

⁸ Там же. Л. 45.

⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 4.

¹⁰ Там же. Д. 152. Л. 14.

¹¹ Там же. Д. 153. Л. 17.

¹² Там же. Д. 193. Л. 2 — 3.

¹³ Там же. Л. 61.

¹⁴ Там же. Л. 62.

¹⁵ См.: **Ефремов Е. Н.** Русская Православная церковь и российская умма... С. 58.

¹⁶ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее: ГАСИ ЧР). Ф. 2969. Оп. 1.

¹⁷ Там же. Д. 253. Л. 30.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 4311. Л. 29.

¹⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 2969. Оп. 1. Д. 253. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Д. 203. Л. 31, 39.

²³ Там же. Д. 11. Л. 75, 197.

²⁴ Там же. Д. 15. Л. 214.

²⁵ Там же. Д. 50. Л. 49.

²⁶ Там же. Д. 79. Л. 242.

²⁷ Там же. Д. 253. Л. 5.

²⁸ Там же. Д. 159. Л. 5.

²⁹ Там же. Д. 356. Л. 8.

³⁰ Там же. Д. 253. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 8.

³² Там же. Л. 9.

³³ Там же. Л. 21.

³⁴ Там же. Л. 4.

УДК 94(47)08(470.4/5)(093)

С. С. Ештыганова, А. А. Иванов

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ИЗ ИСТОРИИ ПОВОЛЖСКОГО ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. М. ГОРЬКОГО (1946 — 1991 гг.): ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

История Поволжского лесотехнического института им. М. Горького интересна и многообразна. Технический вуз республики неоднократно менял официальные названия и статус, что, несомненно, сказывалось на престиже института и его деятельности. В статье рассматривается образовательная, научная жизнь организации, основные достижения и перемены вуза с послевоенных лет до периода перестройки.

Ключевые слова: Республика Марий Эл, высшее образование, Поволжский лесотехнический институт им. М. Горького, Марийский политехнический институт им. М. Горького, Марийский ордена Дружбы народов политехнический институт им. М. Горького.

2022 год оказался богатым на юбилейные даты. В этом году значимые события отметили два государственных вуза Республики Марий Эл: Марийский государственный университет (50 лет) и Поволжский государственный технологический университет (90 лет). В настоящей статье внимание будет обращено на технический вуз республики, подготовивший для промышленности значительное количество специалистов.

История Поволжского государственного технологического университета вызывает большой интерес в отечественной историографии. За последние десятилетия публиковались как монографии¹, так и научные статьи² по совершенствованию образовательного, научного и воспитательного процесса в техническом вузе республики. Однако период с 1946 по 1991 г. все еще остался не затронут исследователями.

После Великой Отечественной войны Поволжский лесотехнический институт им. М. Горького (ПЛТИ) вернулся к учебному процессу в мирных условиях. Развитие науки, механизация и автоматизация труда, новое отношение к технике и производству, создание ряда новых промышленных отраслей требовали качественной перестройки производства, новых инженерных кадров³.

В 1946 г. обучение велось на трех факультетах: лесохозяйственном, лесоинженерном, инженерно-экономическом; по специальностям: «лесное хозяйство», «механизация лесоразработок», «лесная экономика и лесной товарооборот»⁴.

На лесохозяйственном факультете с 1948 г. вместо ученых-лесоводов вновь стали выпускать инженеров лесного хозяйства. В 1960-е гг. при факультете открылся совет по защите кандидатских диссертаций, где успешно защитились В. И. Пчелин, К. К. Калинин, Е. И. Успенский и др.⁵ Лесоинженерный факультет получил название в 1945 г., в военные годы он именовался факультетом механизации лесозаготовок и транспорта леса, с 1987 г. — лесопромышленным факультетом. При кафедрах факультета имелись хорошо оборудованные кабинеты и лаборатории⁶. Инженерно-экономический факультет впервые выпустил студентов в апреле 1947 г. Дипломы получили 14 человек⁷. В 1959 г. состоялся последний выпуск инженеров-экономистов лесной промышленности, факультет был закрыт. За 13 лет инженерно-экономический факультет подготовил 570 специалистов. Обучение специалистов данной отрасли продолжилось с 1966 г., но внутри лесоинженерного факультета. В марте 1969 г. инженерно-экономический факультет был вновь восстановлен⁸. В 1959 г. в ПЛТИ был образован механический факультет⁹.

За годы существования лесотехнический институт неоднократно стоял на пороге новых открытий. ПЛТИ из узкоотраслевого превратился в многопрофильный¹⁰. Постановлением Совета министров СССР № 377 от 27 мая

1968 г. Поволжский лесотехнический институт им. М. Горького преобразован в Марийский политехнический институт им. М. Горького (МарПИ)¹¹. Данное событие позволило значительно расширить подготовку инженеров по ряду специальностей для различных отраслей народного хозяйства страны.

После переименования вуза в институте открылись новые востребованные факультеты: радиотехнический¹² (1971), технологии деревообработки¹³ (1974), машиностроительный (1975), мелиоративно-дорожный¹⁴ (1976).

Указом Президиума Верховного Совета СССР № 7446-Х от 1 июля 1982 г. (приказ Минвуза РСФСР от 23 июля 1982 г. № 431) за заслуги в подготовке высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства и развитии научных исследований МарПИ был награжден орденом Дружбы народов и стал именоваться Марийский ордена Дружбы народов политехнический институт им. М. Горького¹⁵.

Всегда рядом со студенческой молодежью были наставники — профессора, педагоги, люди с большим жизненным опытом, передающие эстафету знаний ученикам¹⁶. Значительная часть преподавательского состава МарПИ — это выпускники технического института, которые стали видными учеными, работающими на различных факультетах¹⁷. На протяжении 1960-х гг. в ПЛТИ — МарПИ прослеживалась динамика увеличения числа профессорско-преподавательского состава, а также преподавателей с ученой степенью и званием. Таким образом, к концу 1960-х гг. ученые степени и звания имели 65 чел., или 23,7 % состава (табл. 1).

Таблица 1

**Научно-педагогические кадры
Поволжского лесотехнического института им. М. Горького
(Марийского политехнического института им. М. Горького) в 1960-е гг.**

Учебный год	Профессорско-преподавательский состав, всего, чел.	В том числе с ученой степенью и званием				Итого	в % от общего состава
		профессор, доктор наук	доцент, кандидат наук	старший научный сотрудник			
1960/61	155	2	31	—	33	21,3	
1961/62	168	4	39	—	43	25,6	
1962/63	197	4	43	4	51	25,9	
1963/64	224	4	43	4	51	22,8	
1964/65	227	4	49	2	55	24,2	
1965/66	237	4	52	3	59	24,9	
1966/67	253	6	54	—	60	23,7	
1967/68	274	6	59	—	65	23,7	

Составлена по: ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 98. Л. 1.

Для сравнения в 1990 г. в преподавательском коллективе МарПИ насчитывался 561 преподаватель. Они трудились на 46 кафедрах вуза, 296 чел. были удостоены ученых степеней и званий, из них 17 профессоров и докторов наук¹⁸.

У истоков развития Поволжского лесотехнического института им. М. Горького — Марийского политехнического института им. М. Горького стояли известные ученые и педагоги, отдавшие вузу свои силы, ум и мастерство. Около 20 лет в общей сложности был ректором института М. Д. Данилов. Он был не только настоящим организатором педагогического процесса, администратором, но и видным ученым. Профессору, доктору технических наук М. Д. Данилову принадлежит более 200 работ по лесоводству и ботанике, особое значение он придавал выявлению новых, технически полезных растений и применению их в промышленности¹⁹. Большой и незабываемый след в душе воспитанников вуза оставил Г. К. Незабудкин — ветеран труда ПЛТИ — МарПИ, ученый и педагог, отдавший лесохозяйственным исследованиям почти всю свою жизнь. Исследования Г. К. Незабудкина охватывают широкий круг актуальных вопросов агротехники²⁰. Многие годы своей жизни посвятил опыту разведения дубового шелкопряда в марийских лесах профессор, доктор биологических наук И. С. Аверкиев. Им составлен и издан «Атлас вредителей леса». Участник многочисленных экспедиций, он оказывал огромную помощь лесному хозяйству Среднего Поволжья, внедрению биологических методов борьбы в практику лесозащитных мероприятий лесхозов²¹. Представители многих поколений выпускников ПЛТИ — МарПИ по праву считали себя учениками профессора М. Л. Дворецкого, который внес значительный вклад в развитие лесохозяйственной науки в нашей стране. Им опубликовано свыше 100 научных работ, которые являются основополагающими в области познания природы леса, таксационной науки. Результаты его научных исследований вошли в современные учебники по лесной таксации²².

В послевоенные годы плановый прием в вуз проходил на всех факультетах института. В Поволжском лесотехническом институте им. М. Горького получали профессию инженера молодые люди не только из Марийской АССР, но и других городов России²³.

Для обеспечения подготовки и проведения нового приема институт организовал платные подготовительные курсы на 9 и 4,5 месяца, а также на 30 дней. Объявления о новом приеме в МарПИ публиковались в газетах «Комсомольская правда», «Лесная промышленность», «Кировская правда», «Марийская правда». Администрацией вуза организовывались выступления по радио и телевидению г. Йошкар-Олы²⁴.

В связи с открытием новых факультетов и специальностей в Марийском политехническом институте им. М. Горького увеличивалось количество студентов (табл. 2).

Таблица 2

**Контингент студентов Марийского политехнического института
им. М. Горького в 1968 — 1991 гг., чел.**

Учебный год	Контингент студентов			
	дневное обучение	вечернее обучение	заочное обучение	всего
1968/69	2 983	1 103	1 923	6 009
1969/70	3 275	1 143	1 923	6 341
1970/71	3 617	1 304	2 007	6 928
1971/72	3 960	1 272	1 891	7 123
1972/73	4 232	1 321	1 701	7 254
1973/74	4 553	1 334	1 895	7 782
1974/75	4 829	1 075	1 717	7 621
1975/76	5 096	1 353	2 132	8 581
1976/77	5 357	1 302	2 162	8 821
1977/78	5 548	1 251	2 153	8 952
1978/79	5 730	1 155	2 252	9 137
1979/80	5 881	1 156	2 254	9 291
1980/81	5 986	1 141	2 302	9 429
1981/82	6 094	1 127	2 198	9 419
1982/83	6 075	1 087	2 197	9 359
1983/84	5 820	1 087	1 950	8 857
1984/85	5 432	1 093	1 680	8 205
1985/86	4 831	1 092	1 919	7 842
1986/87	4 723	1 070	1 983	7 776
1987/88	4 616	957	2 022	7 595
1988/89	4 523	911	2 032	7 466
1989/90	4 800	849	1 970	7 619
1990/91	4 550	712	1 875	7 137

Составлена по: Архив музея истории ПГТУ. Д. П16.4.

Подготовка инженерно-технических кадров только дневной формы обучения не обеспечивала растущие потребности народного хозяйства страны в специалистах разных областей. В ПЛТИ еще с 1930-х гг. функционировало заочное обучение. В 1948 г. заочное отделение было реорганизовано в Поволжское отделение Всесоюзного лесотехнического института. В 1956 г. на базе Поволжского ВЗЛТИ образован заочный факультет.

В 1970 — 1980-е гг. заочный факультет был самым крупным в институте: на нем обучалось до 2 300 студентов по 8 специальностям. В сентябре 1991 г. заочный факультет был расформирован. Со студентами-заочниками по специальностям продолжили работу деканы дневной формы обучения.

В конце 1950-х гг. промышленность Марийской АССР требовала все больше специалистов с высшим образованием. В то же время на таких крупных предприятиях военно-промышленного комплекса, как Марийский машиностроительный завод и Завод полупроводниковых приборов, переведенных в Йошкар-Олу во время Великой Отечественной войны, работало очень много молодежи, не имеющей высшего образования. В сентябре 1959 г. был организован набор студентов-вечерников в ПЛТИ. В начале 1970-х гг. на первый курс принимали до 300 чел. Однако в связи с кризисом промышленности в конце 1980-х — начале 1990-х гг. количество абитуриентов резко снизилось, и с 1992 г. прием на вечернюю форму обучения прекратился. За время существования факультет окончили свыше 3 500 специалистов²⁵.

С 1946 по 1991 г. ПЛТИ-МарПИ выпустил более 30 000 инженеров²⁶. В послевоенные годы специалистов для производства стали выпускать многие другие вузы и конкурсы в ПЛТИ с каждым годом снижался²⁷ (табл. 3).

Таблица 3

**Выпуск студентов в Марийском политехническом институте
им. М. Горького с 1985 по 1991 г., чел.**

Учебный год	По форме обучения				
	выпуск специалистов по вузу, всего	дневное	вечернее	заочное	из них по национальности мари
1985/86	1 388	1 078	113	197	247
1986/87	960	649	96	215	176
1987/88	987	656	101	230	196
1988/89	1 106	837	114	155	224
1989/90	1 066	763	110	193	206
1990/91	1 051	697	115	239	181

Составлено по: Архив музея истории ПГТУ. Д. П16.4.

Из данных, приведенных в таблице, видно, что сохранялась высокая доля выпускников дневного отделения. В 1980-е гг. в вузах пользовалось популярностью заочное обучение, рабочие предприятий для поднятия своего профессионализма стремились получить высшее образование. В связи с ростом конкуренции технических вузов МарПИ терял статус престижного института.

В Поволжском лесотехническом институте им. М. Горького в 1961 г. было создано студенческое конструкторское бюро (СКБ). Основным назначением работы СКБ являлось создание новых типов транспортных средств, применяемых в условиях бездорожья. Вездеходы-амфибии на воздушной

подушке «Каспий» и «САВР» были приняты к промышленному производству. Силами студентов ПЛТИ, объединенных в одном из подразделений СКБ, был разработан и испытан в условиях всероссийских и всесоюзных соревнований спортивно-кроссовый автомобиль «Багги», получивший диплом выставки НТТМ-84. Созданные в СКБ новые типы транспортных средств получили широкое признание и экспонировались на международных выставках в Чехословакии, Польше, Франции, США, Канаде²⁸.

Значительную роль в подготовке инженерных кадров играла практика. Большинство предприятий, на которых проходили практику студенты технического института, добросовестно выполняли свои договорные обязательства, создавая условия для успешного прохождения практики. К таким относились Чебоксарский завод тракторных запасных частей, Марийский машиностроительный завод, Марийское территориальное управление строительства и т. д. Некоторые предприятия брали на себя часть расходов, в частности оплачивали билеты в два конца²⁹.

В 1971/72 учебном году МарПИ впервые осуществил обмен студентами на период производственной практики с Варшавским политехническим институтом. Группа студентов в количестве 8 чел. в течение 28 дней (с 5 июля по 28 августа 1972 г.) побывали в Польской Народной Республике. Во время практики молодые люди ознакомились с передовыми предприятиями, с новаторскими методами работы строителей, посетили музеи, выставки, достопримечательные места в Варшаве, Гданьске, Сопоте, Гдыне, Кракове, Закопане. Польские студенты, находившиеся в СССР с 5 по 31 августа 1972 г., отправились экскурсией в Йошкар-Олу, Казань, Ульяновск, Москву, где ознакомились с культурной жизнью нашей страны, оценили строительные организации и проектные институты³⁰. Такой взаимный обмен играл положительную роль в деле сплочения молодежи двух братских стран и установлению деловых контактов между институтами.

В рассматриваемый период большое развитие в ПЛТИ — МарПИ получила художественная самодеятельность и спорт. Ежегодно в вузе проходила «Студенческая весна» — конкурс художественной самодеятельности факультетов, творчества студентов. На факультетах института были организованы народные и эстрадные театры и клубы политической песни³¹. Например, в 1967/68 учебном году вели работу следующие коллективы художественной самодеятельности: духовой оркестр (16 чел.), эстрадный оркестр (10 чел.), СТЭМ (15 чел.), танцевальный (16 чел.), хор механического факультета (60 чел.), хор лесохозяйственного факультета (40 чел.), женский вокальный ансамбль (16 чел.), мужской вокальный ансамбль (8 чел.)³².

В техническом вузе значительное внимание уделялось развитию спорта. В институте были очень сильные секции по регби — чемпионы

РСФСР среди юношей, женскому волейболу и лыжам. По подготовке к сдаче нормативов ГТО ПЛТИ — МарПИ был неоднократно награжден почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ДОСААФ³³. В институте функционировал спортивный клуб «Буревестник», который объединял 3 720 студентов и сотрудников вуза. Основными видами спорта являлись: лыжный спорт, легкая атлетика, волейбол, баскетбол, борьба, стрельба и футбол. Например, в 1971/72 учебном году сборные команды МарПИ приняли участие в 44 соревнованиях вышестоящих организаций с количеством участников 760 чел. В этих соревнованиях команды заняли 32 призовых места, из них 18 первых. Большое внимание уделялось проведению товарищеских встреч с другими вузами соседних регионов³⁴. В летний период времени в МарПИ работал стационарный спортивно-оздоровительный лагерь на озере Яльчик. Его пропускная способность достигала до 160 чел. в смену³⁵.

Таким образом, ПЛТИ — МарПИ с 1946 г. по 1991 г. прошел долгий путь становления и развития в Марийской АССР. Вуз по-прежнему готовил основную часть необходимых кадров для промышленности, лесного и сельского хозяйства. На территории республики было много лесов — более 50 %, неслучайно и высшее образование имело определенную техническую специализацию.

Развитие института шло по нарастающей, открывались новые факультеты, расширяя круг инженеров, необходимых для предприятий республики. В вуз стали поступать молодые люди не только с республики, но и из других городов страны: Чебоксар, Саранска, Казани, Саратова, Пензы, Ульяновска, Курска, Уфы, Сыктывкара, Ярославля. Отличительной чертой ПЛТИ — МарПИ в послевоенные годы можно считать увеличение профессорско-преподавательского состава и студентов, что было вызвано открытием новых факультетов и кафедр. Подготовка инженерно-технических кадров только дневной формы обучения не обеспечивала растущие потребности народного хозяйства страны в специалистах разных областей, поэтому ПЛТИ образовал заочный и вечерний факультет. Это веяние времени позволяло рабочей молодежи получать высшее образование без отрыва от производства.

В послевоенные годы научные разработки ПЛТИ-МарПИ выставлялись на всероссийских и международных выставках, студенты проходили практику за границей. Все это говорит о том, что к началу 1990-х гг. Марийский политехнический институт им. М. Горького стал не только привлекательным образовательным учреждением, но и известным центром науки и новых достижений. Более 30 тыс. инженеров, подготовленных техническим вузом с 1946 г. по 1991 г., трудились не только в Марийской АССР, но и за ее пределами.

Библиографические ссылки

¹ См.: Марийский государственный технический университет : 70 лет. Йошкар-Ола, 2002. 240 с. ; **Туманова Н. Е.** Формирование и развитие технической интеллигенции Марийской АССР в 1920 — 1980-е годы : монография. Йошкар-Ола. 2012. 229 с.

² См.: **Романов Е. М., Демаков Ю. П., Шургин А. И.** Высшей лесной школе среднего Поволжья — 90 лет // Вестник Марийского государственного технического университета. Сер.: Лес. Экология. Природопользование. Йошкар-Ола, 2008. № 2. С. 5 — 16. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11838350_64999978.pdf (дата обращения: 17.03.2021) ; **Ештыганова С. С.** Поволжский лесотехнический институт им. М. Горького в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945) // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 2. С. 140 — 148.

³ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.4.

⁴ Государственный архив Республики Марий Эл (далее: ГА РМЭ). Ф. Р-377. Оп. 16. Д. 170. Л. 2. .

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 115. Л. 17.

⁶ См.: Марийский государственный технический университет. С. 65, 67.

⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 16. Д. 47. Л. 1.

⁸ Марийский государственный технический университет. С. 83 — 86.

⁹ ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 3. Д. 7. Л. 38.

¹⁰ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.3.

¹¹ Марий Эл: 100-летие в архивных документах: 1920 — 2020 : ил. сб. док. Йошкар-Ола, 2020. С. 152.

¹² ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 353. Л. 28.

¹³ См.: **Туманова Н. Е.** Указ. соч. С. 149.

¹⁴ См.: Марийский государственный технический университет. С. 95 — 96.

¹⁵ История Поволжского государственного технологического университета. URL: https://www.volgatech.net/about_the_university/history/ (дата обращения: 24.03.2021).

¹⁶ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.4.

¹⁷ Там же. Д. П20.3.

¹⁸ Архив Поволжского государственного технологического университета. Д. 537. Л. 13.

¹⁹ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.4.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.4.

²³ См.: **Туманова Н. Е.** Указ. соч. С. 118.

²⁴ ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 172. Л. 6 — 18.

²⁵ Марийский государственный технический университет. С. 191 — 192.

²⁶ Архив музея истории ПГТУ. Д. П16.4.

²⁷ См.: **Туманова Н. Е.** Указ. соч. С. 147.

²⁸ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.3.

²⁹ ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 353. Л. 26 — 27.

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.3.

³² ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 98. Л. 64 — 66.

³³ Архив музея истории ПГТУ. Д. П20.3.

³⁴ ГА РМЭ. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 353. Л. 89.

³⁵ Там же. Л. 88.

УДК 94(470.345)

С. А. Ивлиев

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ ПЕРЕСТРОЙКИ (На примере Темниковского района Мордовской АССР)

В статье на примере Темниковского района Мордовской АССР рассматривается осуществление реформ перестройки, выявляются особенности их протекания в провинции.

Ключевые слова: перестройка, провинциальный социум, социально-экономическое развитие, реформы, Темниковский район МАССР.

Словом «перестройка» обычно обозначают период крупномасштабных перемен в экономической и политической жизни СССР, инициированных генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым. В ходе осуществления данных преобразований сущностные основы реформ претерпели столь кардинальные изменения, что из политики «совершенствования социализма» (1985 — 1989 гг.) фактически переродились в его отрицание, когда на политическом верху и в общественном сознании явно обозначился дрейф в сторону принятия «капиталистического выбора» (1990 — 1991 гг.). Данные «метаморфозы», касавшиеся судеб страны, не могли не отразиться и на судьбах провинциального социума.

В первые годы перестройки социально-экономическое развитие Темниковского района находилось на подъеме. Среднегодовое производство валовой продукции в двенадцатой пятилетке (1986 — 1990) возросло на 19 % к среднегодовому производству в предыдущей¹.

В сельскохозяйственной сфере реализация Продовольственной программы КПСС (1982) позволила добиться немалых успехов. В районе был приостановлен обозначившийся в первой половине 1980-х гг. спад производства сельскохозяйственной продукции. Если в одиннадцатой пятилетке (1981 — 1985) среднегодовой темп прироста в аграрном секторе составил всего 1,4 %, то за два года двенадцатой (1986 — 1987) — 39 %. За 1986 — 1987 гг. среднегодовое производство зерна увеличилось на 35 %, картофеля

на 79, мяса — на 47, молока — на 18, шерсти — на 27 %. Сверх плана государству было продано 313 т мяса и 1 900 т молока². Ежегодный же прирост продажи мяса за годы двенадцатой пятилетки (1986 — 1990) в целом составил 5 — 6 %, молока — 3 — 5 %³. В широких масштабах осуществлялась мелиорация земель. Увеличились поставки минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники. Основные производственные фонды колхозов за 1987 г. против 1980 г. возросли на 52 %⁴.

В ходе XII пленума Темниковского райкома КПСС от 11 июня 1988 г. первый секретарь райкома А. А. Вавилкин отмечал: «В последние годы в большинстве колхозов возросли темпы производства мяса, молока, повысилась продуктивность ферм. Три хозяйства (им. XXIV съезда КПСС, им. Кирова и „Путь Ленина“) получили от коровы в целом по хозяйству за прошлый (1987. — *С. И.*) год от 2 800 до 3 100 кг молока, 13 доярок по итогам года надоили более 3 тыс. кг молока от коровы»⁵. «...наметились некоторые позитивные сдвиги в экономике колхозов. Только за 1986 — 1987 гг. ими получено более 6 млн руб. чистого дохода. 50 % хозяйств в прошлом (1987. — *С. И.*) году имели рентабельность более 15 %. В текущем (1988. — *С. И.*) году колхозы в сравнении с прошлым годом наполовину должны уменьшить использование долгосрочных кредитов»⁶.

По данным за четыре года двенадцатой пятилетки (1986 — 1989) среднегодовое производство валовой продукции сельского хозяйства района возросло на 32 %. Среднегодовое производство молока увеличилось на 24 %, мяса — на 51 %, зерна — на 25 %⁷.

Таким образом, сельскохозяйственный сектор районной экономики во второй половине 1980-х гг. успешно преодолел наметившиеся кризисные тенденции, что оказалось возможным благодаря грамотной и продуманной реализации руководством района принятой на майском (1982 г.) пленуме партии Продовольственной программы КПСС, а также благодаря ежедневному кропотливому труду простых сельских тружеников: аграриев и животноводов. В то же время собственно «перестроечные начинания» — переход на хозрасчет, ускорение технического прогресса носили скорее формальный характер и не оказали существенного воздействия на динамику сельскохозяйственной отрасли района, что косвенно подтверждается материалами районных партконференций и другими документами.

В индустриальном секторе за первые три года двенадцатой пятилетки (1986 — 1988) объем выпуска районной промышленной продукции возрос на 14 %, производительность труда — на 13 %. Сверх плана было реализовано продукции почти на 2,5 млн руб. На освоение и внедрение новой техники было вложено около 4 млн руб.⁸ При этом, как особо подчеркивало районное руководство, весь прирост объема промышленного производства оказался получен за счет роста производительности труда⁹.

Анализ трех лет пятилетки (1986 — 1988) показывает, что промышленные предприятия обеспечили выполнение плана по товарной продукции на 103 %, сверх плана было выпущено продукции на 2 млн 286 тыс. руб. Устойчиво работали по производству и реализации продукции коллективы бумажной фабрики «Красная Роза» (директор А. Г. Сметнев), райпромкомбината (директор А. П. Козлов), завода сухого обезжиренного молока (директор С. В. Черников). Среднегодовой темп прироста промышленной продукции по району к уровню прошлой пятилетки за эти годы составил 5,4 %. С опережением районного показателя шли коллективы бумажной фабрики, промкомбината, хлебного и крахмального заводов¹⁰.

Заработная плата за три года пятилетки (1986 — 1988) по району выросла на 10 %. При этом, по словам второго секретаря Темниковского райкома КПСС А. М. Конькова, темпы роста производительности труда опережали темпы роста заработной платы на 7 %¹¹.

В районе постоянно уделяли повседневное внимание производству товаров народного потребления. План трех лет пятилетки (1986 — 1988 гг.) по ним оказался выполнен на 105 %, сверх него было реализовано товаров на 3,5 млн руб.¹²

Таким образом, развитие местной промышленности в первые годы перестройки находилось на подъеме, что, впрочем, не исключало отдельных недостатков. Так, в ходе IV пленума Темниковского райкома КПСС 16 июля 1986 г. районными руководителями указывалось, что «в свете требований июньского Пленума ЦК КПСС» необходимо по-новому подойти к использованию трудовых ресурсов, что в промышленности все еще велик удельный вес ручного труда: в середине 1980-х гг. в расчете на год он снижался менее чем на 3 %. На отдельных же предприятиях он оставался крайне высоким. Например, на заводе малогабаритных ламп ручным трудом было занято около 70 % рабочих¹³.

Можно сделать вывод, что (как и в случае с сельхозпроизводством) в целом успешное функционирование районной промышленности в годы двенадцатой пятилетки (1986 — 1990), особенно в начальный ее период, явилось следствием «инерции» властных антикризисных инициатив начала 1980-х гг., а не претворения в жизнь «горбачевских инноваций» — ускорения, хозрасчета и др. Основная заслуга роста экономики принадлежала равноуровневым органам власти, осуществлявшей грамотную реализацию антикризисных программ, разработанных и начатых еще «брежневским руководством» в 1982 г. и растянувшихся на 1980-е гг.

При вполне позитивном векторе в социально-экономическом развитии (имевшим место вплоть до 1989 г.), духовное развитие социума переживало в отмеченный период явный кризис. Вера в идеалы светлого коммунистического будущего померкла, а адекватной замены ей не находилось. Советский

человек все более начинал жить сегодняшним днем, забывая о грядущем «светлом завтра», бывшем в предшествующие эпохи истории своеобразным «маяком», манящей мечтой.

Интересно, что уже в начале перестройки некоторые наиболее дальновидные члены местного коммунистического руководства чувствовали опасность подобной «утраты мечты» и, как следствие, опасность «идеологической эрозии». Весьма ярко это отразилось, например, в выступлении заведующих отделом пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС В. П. Логиновой на V пленуме Темниковского райкома партии 31 октября 1986 г., которое нашло искреннюю поддержку подавляющего большинства собравшихся (сопроводивших речь оратора громкими аплодисментами). Начав с того, что XXVII съезд поддержал требование «Идеологическая работа — дело каждого коммуниста», она обрушилась на носителей чуждого духа: «Многих затронул мелкобуржуазный потребительский настрой, стремление получать побольше, а жить поспокойнее. Активу надо внимательней проанализировать эту ситуацию, влиять на нее, давать партийную оценку. А у нас во многом проявляется примиренчество... На одно из первых мест сейчас надо выдвигать пропаганду ценностей, присущих нашему советскому образу жизни, развенчивать культ вещей и денег, показывать ценность труда, социальной справедливости, ценности семьи, духовных благ, уважение к человеку труда», — призывала партийная начальница¹⁴.

Однако то, что нередко зорко подмечали местные партийцы, не замечали или не хотели замечать в союзном центре, где все большее влияние приобретала реформаторская команда одного из «прорабов перестройки» — А. Н. Яковлева, тогда как консервативное крыло в окружении М. С. Горбачёва во главе с Е. К. Лигачёвым, постепенно теряло свои позиции.

Серьезные негативные изменения в сфере общественной жизни района стали наблюдаться в 1990 г., когда произошла резкая дестабилизация обстановки в стране, началось противостояние коммунистической партии с возникшими в итоге демократизации общества новыми политическими группировками. Изначально начатые по инициативе сверху перемены выходят из-под контроля властей. Трудности в экономике перерастают в полномасштабный кризис: в 1989 г. экономический рост резко замедляется, в 1990 г. сменяется падением, а к концу 1991 г. страна оказывается на грани экономического коллапса. Происходит катастрофический обвал жизненного уровня населения: реальностью начала 1990-х становятся массовая нищета и безработица. Достигает апогея хронический товарный дефицит: пустые полки магазинов становятся символом рубежа 1980 — 1990-х гг. Перестроечная эйфория в обществе сменяется разочарованием, неуверенностью в завтрашнем дне и массовыми антикоммунистическими настроениями. С 1990 г. основной идеей становится уже не «совершенство-

вание социализма», а построение демократии и рыночной экономики капиталистического типа. Властям не удалось остановить негативные процессы в экономике и социальной сфере. Давали о себе знать разбалансированность денежного обращения, инфляция, ухудшение снабжения населения.

Разумеется, что районный социум не мог оставаться в стороне от происходивших перемен. Большую озабоченность у жителей района вызывал предстоящий переход на рыночные отношения. Вокруг этого вопроса велись противоречивые разговоры, раздавались нелепые слухи. «Мы испытываем острую нехватку в товарах, которые ранее бесперебойно имелись в торговле. Это беспокоит население, особенно семьи с низкими доходами, — говорил в июне 1990 г. первый секретарь райкома КПСС А. А. Вавилкин. — Без насыщения потребительского рынка товарами мы не сможем снять социальную напряженность, стабилизировать экономику и укрепить финансовое состояние», — признавался он¹⁵.

«Общество оказалось под тяжким гнетом всеобщего дефицита — дефицита и экономического, и нравственного, — отмечалось в итоговых материалах сороковой Темниковской районной партийной конференции 6 октября 1990 г. — Налицо падение трудовой дисциплины, общественной морали, рост пьянства»¹⁶. Главная причина происходящего весьма верно усматривалась властями района в имевшей место деидеологизации общества. Вследствие следования директивам союзного центра, — не без горечи признавались они, — «мы постепенно ослабили воспитательную работу как в коллективах, так и по месту жительства... Учреждения культуры пока не стали центрами человеческого общения трудящихся, молодежи. Слабо идет поиск новых форм организации содержательного досуга населения, ограничиваемся все в основном танцами и видеофильмами»¹⁷.

Зато на место нередко пустующих старых клубных учреждений в 1990 — 1991 гг. активно приходили новые, часть из которых несла в молодежную среду уже совершенно иной «ценностный заряд», иную идеологию. Примечательно, что «застрельщиком прозападных новинок» все чаще становился недавний «верный оруженосец» коммунистической партии — комсомол, при посредничестве которого в Темниковском районе были открыты дискуссионные клубы, нередко имевшие явно «антисоветский окрас». По словам секретаря райкома КП РСФСР А. М. Конькова, в 1990 — 1991 гг. в районе действовали 22 дискуссионных клуба, 18 политшкол, было создано 12 комсомольско-молодежных коллективов. Интересно, что многие из этих учреждений создавались на базе учебных заведений: клубы «Молодой политик», общественно-политический центр «Позиция» при Темниковской средней школе № 1 и др., что, конечно, не могло не влиять на неокрепшие

умы учащейся молодежи. Комсомольские пропагандисты района приняли активное участие в подготовке и проведении референдума «о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик», специальное занятие было посвящено теме «Новый Союзный договор — шаг в будущее». При этом ни кто из активистов не удосужился объяснить слушателям, что планируемый новый Союзный договор — линия на прямое разрушение СССР и социализма (фактически, именно против него в августе 1991 г. и восстали участники небезызвестного ГКЧП)¹⁸.

Как следствие утраты идеалов и падения жизненного уровня отмечался рост преступности. «Оперативная обстановка в районе в текущем (1990. — С. И.) году складывается крайне напряженная, — сетовал заместитель начальника районного отдела внутренних дел В. В. Афонин. — За девять месяцев зарегистрировано 107 преступлений по линии уголовного розыска. Это на 38 преступлений больше, чем за то же время в прошлом (1989. — С. И.) году. Резко возросло число преступлений, совершенных в нетрезвом виде, ранее судимыми, уголовно наказуемых хулиганств, краж государственного, общественного и личного имущества граждан, число нанесения тяжких телесных повреждений»¹⁹. Особую тревогу у работника внутренних дел вызывали настроения масс: «...в условиях сложившейся напряженности и обострения в отношениях между людьми и органами государственного управления достаточно небольшой „искры“, которая может вызвать беспорядки, как это уже случилось в одном из районов республики», — подчеркивал он, призывая купировать имеющуюся угрозу волнений грамотной разъяснительной работой вместе с не менее грамотной социальной политикой со стороны районных властей²⁰. «Особенность нынешнего дня состоит и в том, что деятельность КПСС подверглась резкой критике, доходящей до степени огульного отрицания и даже глумления... Нарастает антикоммунистический психоз», — отмечалось в материалах сороковой Темниковской районной партийной конференции (6 октября 1990 г.)²¹.

Всматриваясь в происходящее с позиций сегодняшнего дня, в подобных «революционных» настроениях граждан не трудно заметить не только объективные причины для недовольства (резкое падение жизненного уровня, хронический дефицит, неуверенность в завтрашнем дне), но и субъективные, связанные с действием технологий так называемых оранжевых (или цветных, бархатных) революций, апробированных в конце 1989 г. в странах Восточной Европы — в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии и особенно драматично — в Румынии. Примечательно, что действие данного «оранжевого» фактора проявлялось не только на союзном, общероссийском и республиканском уровнях, но и в условиях провинциальной глубинки, каковой являлся Темниковский район.

Таким образом, опыт реализации реформ перестройки в отдельно взятом Темниковском районе подтверждает, что идеология и социально-экономическая сферы в СССР представляли собой нерасторжимый сплав, и любые попытки эрозии основ идеологии несли опасность для устойчивого функционирования общественного механизма. Основная особенность осуществления реформ в провинции в 1985 — 1991 гг. состояла в замедленной реакции местного руководства на исходящие из союзного центра властные инициативы, связанные с демократизацией, децентрализацией и деидеологизацией всех сфер жизни социума, что объясняется консервативным настроем как политической элиты, так и большинства жителей района. Подобное «запаздывание перемен» являлось своеобразным защитным механизмом местного социума от инициированных правительством резких преобразований, несших в себе угрозу общественной стабильности, в частности ставивших под вопрос устойчивость положения районных властей и спокойствие местного населения. Однако торможение исполнения исходящих из центра директив возымело лишь временный эффект. В конечном счете, развитие процессов децентрализации управления, потеря партийным райкомом контроля над обстановкой в районе во многом определили сущность социально-экономических и политических преобразований в районе. Происходящее выхолащивание идеологической составляющей из общего социально-экономического контента, попытка коммерциализации культурной сферы в начале 1990-х гг. обусловили быстрый спад в области достижений второй половины 1980-х гг., деградацию всех сфер жизни района.

Библиографические ссылки

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее: ЦГА РМ). Ф. 179-П. Оп. 43. Д. 3. Л. 3.

² Там же. Оп. 39. Д. 5. Л. 35 — 36.

³ Там же. Оп. 43. Д. 3. Л. 5.

⁴ Там же. Оп. 39. Д. 5. Л. 36.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 48.

⁷ Там же. Оп. 43. Д. 1. Л. 21.

⁸ Там же. Оп. 39. Д. 1. Л. 6.

⁹ Там же. Оп. 41. Д. 1. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 4 — 5.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же.

¹³ Там же. Оп. 34. Д. 1. Л. 83.

¹⁴ Там же. Л. 141.

¹⁵ Там же. Оп. 43. Д. 3. Л. 44.

¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 15.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Оп. 45. Д. 1. Л. 19.

¹⁹ Там же. Оп. 43. Д. 1. Л. 28 — 29.

²⁰ Там же. Л. 29.

²¹ Там же. Л. 44.

УДК 352.075

И. Г. Кильдюшкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ИНСТРУМЕНТЫ БЮДЖЕТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНА КАК ОСНОВА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье охарактеризованы программно-целевые технологии в управлении развитием бюджетной сферы в Республике Мордовия в условиях совершенствования финансового механизма в регионе — основы местного самоуправления.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная сфера, инструменты бюджетного регулирования, местное самоуправление, финансовые ресурсы, межбюджетные отношения, финансовый механизм.

Положение субъектов Российской Федерации во время глубоких деформаций общественно-политической и социально-экономической системы в 1990 — 2000-х гг. диктовало необходимость разработки мер финансовой стабилизации. В регионах, где реализовывался программно-целевой подход к формированию и расходованию финансовых ресурсов, постепенно создавались условия для их более рационального использования, а наилучшие результаты достигались при формировании бюджетов на основе финансовых норм и нормативов, и совершенствования межбюджетных отношений.

Характеризуя программно-целевые технологии в управлении развитием бюджетной сферы на мезоуровне, следует отметить построение эффективной государственной власти, сосредоточенной на создании оптимальной системы управления, включающей улучшение качества и доступности государственных услуг, ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, повышение эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Успех в этом деле обеспечило совершенствование финансового механизма в Республике Мордовия — основы местного самоуправления.

Согласно Постановлению Правительства Республики Мордовия от 2007 г., Министерством финансов Республики Мордовия на основе прогнозов социально-экономического развития и основных направлений налоговой и бюджетной политики в Республике Мордовия ведется составление среднесрочного финансового плана — документа, содержащего основные параметры республиканского консолидированного бюджета на три финансовых года. В число важных направлений деятельности органов управления по развитию бюджетной сферы в Республике Мордовия входят: управление по результатам, стандартизация и регламентация, создание оптимальной структуры и оптимизация функций исполнительных органов государственной власти, реализация мер по эффективной антикоррупционной политике, повышение эффективности взаимодействия государства и общества, модернизация системы информационного обеспечения исполнительных органов государственной власти, повышение эффективности государственной службы.

По каждому из обозначенных установок достигнуты существенные результаты. Постараемся это доказать.

Законом «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов» в соответствии с бюджетным кодексом Российской Федерации и на основании прогноза социально-экономического развития республики были утверждены республиканский бюджет на 2009 год и на плановый период 2010 — 2011 гг., виды доходов и расходов, установлены правила межбюджетных отношений региона с его муниципальными образованияами и создан порядок регулирования отношений, связанные с государственным долгом республики и контролем за исполнением республиканского бюджета в 2009 — 2011 гг.

Основной функцией органов власти Республики Мордовия на этот период является, прежде всего, обеспечение финансирования защищенных (социально значимых) статей бюджета, удельный вес которых в общем объеме расходов — около 60 %. Ассигнования на социальные траты в бюджете были запланированы в сумме свыше 26 млрд руб. Можно констатировать, что плановые расходы на социальную поддержку населения Республики Мордовия увеличены в 2009 г. на 22 %, а за три года — в 1,5 раза¹. Все социальные выплаты намечалось выполнять в полном объеме с учетом ежегодной индексации.

На 10-й сессии Государственного Собрания Республики Мордовия четвертого созыва был утвержден бюджет республики на 2009 — 2011 гг. С учетом поставленных целей депутаты подошли к принятию бюджета. Это был первый бюджет, принятый не на один, а на три года. По мнению заместителя председателя Комитета Совета Федерации по бюджету А. Н. Смирнова, участвовавшего в работе сессии, Мордовия является одним из немно-

гих регионов, который в условиях мирового финансового кризиса при принятии бюджета пошел не по пути сокращения расходов, а по пути реализации всех намеченных ранее программ.

Слова сенатора отразились и в выступлении 1-го заместителя Председателя Правительства — Министра финансов Республики Мордовия Н. В. Петрушкина, представившего депутатам проект Закона РМ «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов». Правительством Республики Мордовия проект бюджета был подготовлен на основе реального сценария развития экономики и динамики налоговых поступлений, в соответствии с чем общий объем консолидированного бюджета без учета субвенций, субсидий и бюджетных трансфертов из федерального бюджета планировался на 2009 г. в сумме 23,7 млрд руб., на 2010 г. — 24,1 млрд, на 2011 г. — 24,6 млрд руб.²

В Послании Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия на 2010 г. ставилась задача максимального увеличения собственной доходной базы бюджета, проведения инвентаризации бюджетных обязательств и расходов, изыскания возможности для их оптимизации³. Принятый бюджет был сверстан с дефицитом в размере 4 млрд руб. Поскольку предусматривалась большая расходная часть, его выполнение зависело от динамики собственных доходов. Представители власти должны были изыскивать возможности для преодоления дефицита, а участники бюджетного процесса, получатели бюджетных средств — находить внутренние ресурсы для собственного развития. Решением трехсторонней комиссии по межбюджетным отношениям в Российской Федерации оказана особая финансовая поддержка бюджету Республики Мордовия в виде дополнительного транша из федерального бюджета в сумме 2 млрд руб., в 2009 — 2011 гг. — 4,5 млрд руб.⁴

Доходы республиканского бюджета Республики Мордовия формируются за счет федеральных налогов и сборов, в том числе налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, региональных налогов и неналоговых доходов согласно нормативам отчислений, установленных федеральным законодательством, Законом Республики Мордовия № 4 — 3 «О межбюджетных отношениях в Республике Мордовия» от 21 февр. 2008 г. и за счет безвозмездных поступлений. По информации Управления Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по Республике Мордовия, поступления налогов и сборов в территориальный бюджет Республики Мордовия в январе — июле 2009 г. составили 5 789,7 млн руб. По основным налогам, зачисляемым в доход консолидированного бюджета Республики Мордовия, основная доля обеспечена поступлениями налога на доходы физических лиц (50 %), налога на прибыль организаций (16) и акцизов по сводной группе (5,8 %). В формировании доходной части тер-

риториального бюджета Республики Мордовия за январь — июль 2009 г. доля муниципальных бюджетов составила 29,4 %, республиканского бюджета — 70,6 % (в январе — июле 2008 г. — 21,4 и 78,6 % соответственно). За анализируемый период в республиканский бюджет Республики Мордовия поступило 4 087,9 млн руб.

В Мордовии мероприятия административной реформы воплощались в рамках Программы реформирования региональных финансов на 2006 — 2007 гг. Эта работа продолжилась при разработке и реализации ведомственных целевых программ (ВЦП). В 2008 г. реализовывалось 11 ВЦП, их разработали и утвердили 7 главных распорядителей бюджетных средств из 39 (17,94 %). Каждая программа предусматривала конкретные цели и показатели оценки достижения на всех этапах ее реализации (по данным Министерства экономики Республики Мордовия, в Перечень действующих по состоянию на 01.01.2009 г. вошла 31 РЦП).

Инструментом повышения результативности органов исполнительной власти Республики Мордовия становились, наряду с ВЦП, Доклады о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНДы), где все показатели работы отражаются и увязываются со стратегическими целями развития республики и показателями, предусмотренными Указом Президента Российской Федерации № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. В 2008 г. Министерством экономики Республики Мордовия была скоординирована деятельность исполнительных органов государственной власти, иных субъектов бюджетного планирования по разработке ДРОНДов. Все они, как главные распорядители средств республиканского бюджета Республики Мордовия, представляли в Министерство экономики Республики Мордовия и в Министерство финансов Республики Мордовия ДРОНДы на 2009 — 2011 гг. В 2008 г. были разработаны доклады 35 ГРБС из 39 (89,74 %).

В 2009 и 2010 гг. продолжалось формирование единой системы планирования развития территории с включением в нее элементов обеспечения взаимосвязи стратегических, среднесрочных и оперативных целей, задач и мероприятий исполнительных органов государственной власти, увязывающих расходы республиканского бюджета Республики Мордовия с конкретными измеримыми результатами их работы.

Совершенствовалось также правовое регулирование вопросов стимулирования эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия и государственных служащих: создан фонд стимулирования каждого государственного органа в зависимости от итогов работы Республики Мордовия в целом и от выполнения конкретных показателей, принят Указ Главы Республики Мордовия № 82-УГ «Об

утверждении перечня, величины и значимости ежемесячных (квартальных и годовых) показателей эффективности управленческой деятельности государственных органов Республики Мордовия для оценки результатов работы должностных лиц и гражданских служащих Республики Мордовия в 2008 году» от 10 апреля 2008 г.

Эффективной работе органов управления способствовали введенная с 1 января 2009 г. новая система оплаты труда работников бюджетной сферы и мероприятия по исполнению Указа Президента Российской Федерации № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. и распоряжению Главы Республики Мордовия № 364-РГ «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 „Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации“» от 16 июля 2007 г. Указ Главы Республики Мордовия № 122-УГ «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления в Республике Мордовия» от 16 июня 2008 г. реализовывался в контексте с Указом Президента Российской Федерации № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» от 28 апреля 2008 г. Разработаны стратегические документы, на которых базируется Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года и РЦП развития Республики Мордовия на 2008 — 2012 годы.

Значимым фактором деятельности государственных и исполнительных органов власти Республики Мордовия стало урегулирование правоотношений в сфере организации работы автономных учреждений Республики Мордовия: принято Постановление Правительства Республики Мордовия № 118 «О мерах по реализации Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ „Об автономных учреждениях“ в Республике Мордовия» от 31 марта 2008 г., которым были утверждены:

— порядок подготовки предложений о создании автономных учреждений Республики Мордовия путем изменения типа существующих государственных учреждений Республики Мордовия;

— порядок осуществления функций и полномочий учредителя автономного учреждения Республики Мордовия.

Постановление Правительства Республики Мордовия № 198 «Об утверждении Положения об определении условий и порядка формирования задания учредителя автономного учреждения Республики Мордовия и порядка финансового обеспечения его выполнения» от 12 мая 2008 г. регламентировало создание 5 автономных учреждений уже в течение 2008 г.

На основе вышеизложенного можно заключить, что экономическая политика в региональном аспекте в значительной мере определяется поли-

тикой властей региона. Являясь стержнем их планомерной деятельности, в целом она была направлена на институциональное обеспечение преимуществ конкретного субъекта Российской Федерации в сфере инвестиционного климата.

Библиографические ссылки

¹ Пиняев В. Бюджет на три года // Известия Мордовии. 2009. 21 окт.

² Там же.

³ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия. 27 нояб. 2009 г. URL: <https://113rus/news/8880?ysceid=livcd7p0gu213790169> (дата обращения: 10.09.2019).

⁴ URL: www.izvmor.ru и www.info-rm.com (дата обращения: 10.09.2019).

УДК 94.338.242.2(470.345)

И. Г. Кильдюшкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ПОДКЛЮЧЕНИЕ РЫНОЧНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В ЭКОНОМИКУ МОРДОВИИ В 1990-х гг.

В статье проанализированы итоги экономического реформирования в Мордовии на фоне проведения глубоких и системных преобразований начала 1990-х гг. в стране с использованием статистических ресурсов и материалов периодической печати.

Ключевые слова: централизованное планирование, система управления, реформирование, объемы производства, хозяйственные отношения, рыночные инструменты.

С начала 1990-х гг. механизм управления промышленным производством в регионе претерпел глубокие изменения, актуализировав последующие трансформации общественно-политической и социально-экономической жизни в регионе.

Одним из факторов оформления новой системы менеджмента стало возникновение управленческих структур в Мордовии, видоизмененных по сравнению с советскими органами управления. Постановлениями ВС МССР «О структуре и составе Совета министров Мордовской ССР» от 11 апреля 1991 г. и СМ МССР от 18 мая 1991 г. Государственный плановый комитет МССР был упразднен и создан Государственный комитет МССР по экономике¹, впоследствии продолживший реформы. Указом Президента МССР от 23 января 1992 г. он был преобразован в Министерство экономики РМ с

целью проведения единой социально-экономической политики². Для проведения системы исполнительной власти в регионе в формат законодательства о местном самоуправлении и исполнения Указа Президента МССР «О некоторых вопросах организации исполнительной власти в Мордовской ССР» от 18 августа 1992 г. встал вопрос о проведении в декабре выборов глав местной администрации³. Со второго полугодия начались процессы ликвидации органов централизованного планирования (Госснаб, министерские и территориальные снабженческие структуры) и разрушения налаженных хозяйственных связей между предприятиями.

Главная роль при подключении рыночных инструментов в экономику отводилась приватизации, необходимость проведения которой связывалась с неизмеримо высокой долей госсобственности. Приватизация, по мнению отдельных реформаторов, выступала локомотивом государственной политики по повышению эффективности работы предприятий. При тотальном охвате государством всех сторон жизни собственника не существовало. Непривычки к частному имуществу отчуждали от созидания и распределения результатов труда, мешая выходу на арену нового класса, поведение которого было непредсказуемо. В Мордовии для этого были созданы новые структуры с ранжированием по законодательному и исполнительному представительным уровням⁴ (рис.), преследовавшим практическое исключение почвы для злоупотреблений. Фонд имущества МССР, сформированный на уровне ВС как ключевое звено в становлении регионального рынка, был продавцом и представителем собственника. Государственный комитет МССР по управлению госимуществом, образованный по линии исполнительной власти, занимался оперативным управлением. Так создавались государственно-коммерческие структуры при Советах, а вырученные от реализации средства поступали в бюджет⁵.

С 1992 г. в Мордовии началась экономическая реформа — довольно сложный и болезненный процесс. Предпринимаемые шаги по стабилизации экономики финансов и денежного обращения не подкреплялись надлежащими мерами в сфере производства, вызвав глубокий спад и разрыв деловых отношений. С опозданием осуществлялась социальная защита населения⁶. Однако при существовании высокой степени монополизации экономики, отсутствии конкурентной среды, затягивании технологии приватизации, потере управляемости, ослаблении дисциплины и порядка на производстве в этот период появились первые признаки действия рыночных механизмов.

Изменение цен детерминировали спрос, постепенное наполнение рынка товарами и перевод экономических взаимоотношений на денежные регуляторы⁷. Так, в результате роста цен в январе — мае 1992 г. субъектами управления было получено более 4 570 млн руб. прибыли (выше аналогич-

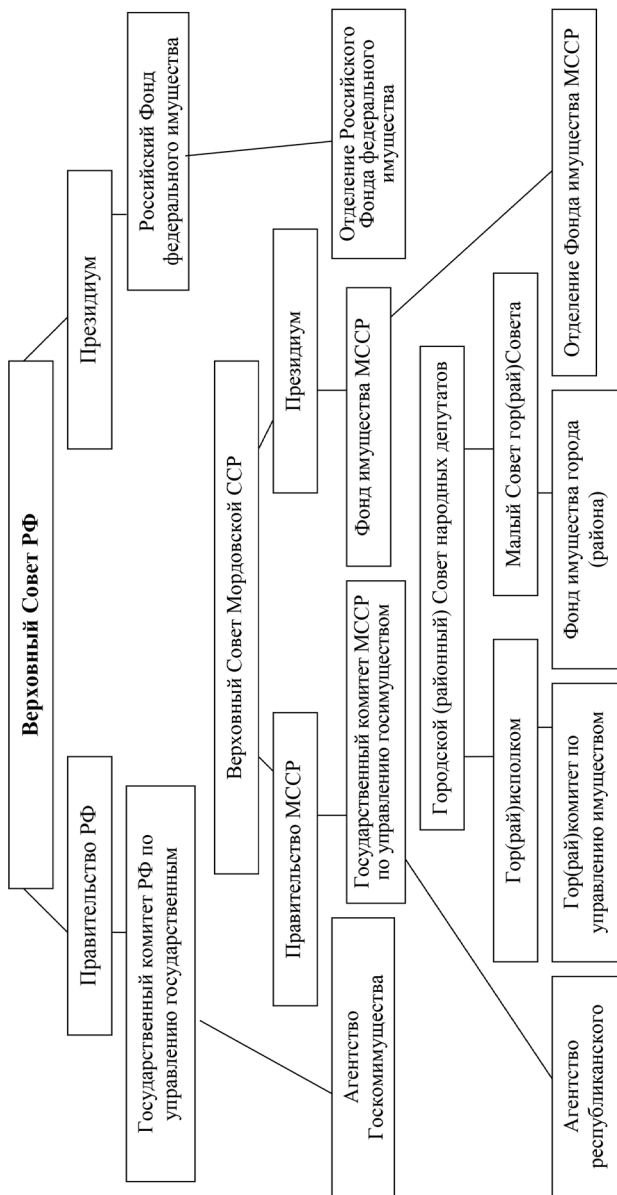

Рисунок. Структура органов, осуществляющих приватизацию

ного периода 1991 г.* в 7,9 раза). При этом прибыль учреждений торговли возросла в 13,0 раз, промышленных предприятий — 8,1, строительно-монтажных организаций — 3,4, предприятий транспорта — в 6,4 раза. Всего по республике нерентабельно работало 20 хозяйствующих субъектов, получивших убытки в 67,9 млн руб.

Согласно подписанному Президентом РФ Б. Н. Ельциным постановлению правительства «О государственном регулировании цен на энергоресурсы, другие виды продукции и услуги» с 18 мая 1992 г. цены на энергоносители в России увеличились в 5 — 6 раз**, активизировав трансформацию государственной бюджетной системы и Мордовской ССР⁸. Так, по данным Мордовского республиканского управления статистики, уровень оптовых цен в промышленности в 1-м полугодии 1992 г. возрос в 13,7 раза, закупочных цен на сельхозпродукцию — в 12,7, розничных цен на товары народного потребления (ТНП) и платных услуг населению — в 7,7 раза. В наибольшей степени выросли цены на предприятиях электроэнергетики (в 16,7 раза), в химической и нефтехимической отраслях (19,1), промышленности стройматериалов (17,0) и пищевкусовой индустрии (в 18,3 раза). Индекс цен и тарифов на платные услуги населению за январь-июнь 1992 г. к соответствующему уровню 1991 г. возрос в 6,3 раза, за июнь по сравнению с маем 1992 г. составил 126,1 %.

Быстрее росли тарифы на услуги по содержанию детей в дошкольных учреждениях (в 14,3 раза), туристско-экскурсионные (11,4), санаторно-курортные и оздоровительные (в 11,1 раза) услуги. Из-за повышения цен на энергоносители цены на товары длительного пользования возросли в 10,0 раз, в том числе на радиотовары — 9,6, мебель — 10,1, ковры и ковровые изделия — 14,0, металлическую посуду — 13,1, часы — 8,5, электротовары — 14,5, стройматериалы — в 12,8 раза. Индекс розничных цен на продовольствие (без алкогольных напитков) с наценкой в июне 1992 г. увеличился в 9,2 раза, в том числе по мясо- и рыбопродуктам соответственно в 10,1 и 12,4 раза, маслу животному — в 16,4, маслу растительному — 14,4, молоку и молочной продукции — 15,1, сыру — 15,3, сахару — 20,0, кондитерским изделиям — 14,5, хлебу и хлебобулочным изделиям — 12,3, макаронным изделиям — в 12,6 раза. Индекс потребительских цен составил 451,5 %, в том числе на продукты питания — 356,8, непродовольственные товары — 472,6, платные услуги — 572,1 %.

* Здесь и далее по тексту все сравнения в основном будут производиться с соответствующим уровнем 1991 г.

** По прогнозной оценке экспертов, объявленной в конце апреля на заседании правительства России в ходе обсуждения этого вопроса, предстоящее подорожание топлива приведет к общему росту цен на потребительском рынке в пределах 50%.

Деструктивные процессы в экономике негативно сказались на структуре занятости населения. Мордовиястат констатировал, что в январе-июне 1992 г. из предприятий и организаций выбыло 40,6 тыс. чел., или 11,2 %. Почти каждый восьмой из них был уволен по сокращению штатов. Уменьшение объемов работ и финансирования инициировало значительное сокращение работников на объектах транспорта, торговли и общепита. Госслужбой занятости РМ было поставлено на учет 6,5 тыс. неработающих граждан, трудоустроено при посредничестве 787 чел. На 1 июля в Мордовии зарегистрировано 2 214 безработных, из них получали пособие по безработице 1 324 чел. При сравнении среднемесячной заработной платы рабочих и служащих за январь-май 1992 г. (1 978,5 руб.) с аналогичным дореформенным периодом заметно ее увеличение в 6,4 раза; у рабочих в промышленности она выше непромышленников в 1,5 раза. Однако нарушались сроки выплат средств на потребление по этим отраслям — на 1 июля долги достигли 92,1 млн руб.⁹

Либерализация цен существенно изменила потребительский рынок¹⁰: при отставании темпов роста денежных доходов от повышения цен возник товарный дефицит, обремененный неотлаженностью каналов сбыта предприятий, а рост запасов товаров в торговле и промышленности вызвал увеличение уровня потребления их населением. В 1-м полугодии 1992 г. было произведено ТНП в фактически действующих ценах на 1 467,5 млн руб. или на 13,3 % меньше уровня 1991 г., продовольственных товаров — на 1 015,0 млн руб. (на 25,9 %). За два квартала 1992 г. было изготовлено вино-водочных изделий и пива на 6,5 % больше аналогичного периода предыдущего года (на 645,2 млн руб.), по непродуктовому ТНП и товарам легкого прома, наоборот, сократилось соответственно на 7,6 % (492,1 млн) и 28,4 % (932,2 млн руб.). По статистике, всего за полгода населением было истрачено на их приобретение 4 166,6 млн руб. (в 5 раз больше), из них около 86 % товарооборота получено за счет роста цен (затоваривание запасов в розничной сети к 1 января текущего года дошло до 30 дней торговли, к 1 июля — 53 дня).

Дороговизна вынуждала большую часть семейного бюджета проедать. На статью «питание» приходилась почти половина потребительских расходов. Перераспределение затрат в пользу «продуктовой корзины» и подорожание непродовольственных ТНП втрое замедлили их реализацию в оптово-розничной сети, почти наполовину — по одежде, трикотажным и чулочно-носочным изделиям, мылу хозяйственному и туалетному, синтетическим моющим средствам, на 39 % — по телевизорам, более чем на 60 % — по радиотехнике и холодильникам. Объем реализации платных услуг населению составил 409,8 млн руб., превысив в действующих ценах уровень шести месяцев 1991 г. в 3,9 раза, в том числе бытовых услуг соот-

ветственно 136,4 млн руб. и в 3,6 раза¹¹ (более 83 % от суммы получено за счет роста цен).

Особенно тяжелая ситуация сложилась в пищевой, легкой и промышленности стройматериалов. Спад во многом объяснялся разрывом межотраслевых и общегосударственных экономических связей. Напряжение усиливалось в том числе по причине невыполнения уже заключенных договоров на общую сумму 5,1 млн руб. Из-за необеспеченности материальными и энергетическими ресурсами потери рабочего времени достигали 19,6 тыс. чел.-дней. Даже при увеличении среднемесячного заработка одного работника в промышленности (в январе — мае 1992 г. он составил 2 016 руб., возрос в 6,5 раза) прослеживался значительный отток специалистов (0,3 тыс. чел. за полугодие (4,0 %)), вызвав снижение производительности труда (на 11,4 %)¹².

Экономическая обстановка в АПК к середине 1992 г. складывалась не лучшим образом. Посевные площади сельхозкультур во всех категориях хозяйств составили 1 099,4 тыс. га. За 6 месяцев зимовки производство мяса уменьшилось на 28 %, молока — на 8, яиц — на 5, в колхозах и совхозах получено меньше телят на 8, поросят — на 2 %. Объемы производства и реализации мяса (скота и птицы на убой в живом весе) снизились на 10,9 тыс. т (23 %), молока — на 18,9 тыс. (10), шерсти — на 101,4 т (18), яиц — на 8,2 млн шт. (8) (как, впрочем, и по поголовью крупного рогатого скота (КРС) — на 23,6 тыс. гол. (4 %), свиней — на 40,3 тыс. (19), овец — на 24,7 тыс. гол. (11 %) в колхозах и совхозах). В личных подворьях населения наблюдалась обратная картина: стадо КРС увеличилось на 6,6 тыс. гол. (5 %), свиней — на 3,1 тыс. (3), овец — на 2,0 тыс. гол. (2 %). Если закупки скота и птицы снизились на 26,3 %, молока — на 15,2, яиц — на 15,8, шерсти — на 11,9, то госзакупки скота и птицы — на 40 — 50 %, молока — на 25 — 30, яиц — на 33 — 43, шерсти — на 50 — 90 %. Капитальные вложения в развитие АПК за счет всех источников финансирования составили 1 005,9 млн руб. (в сопоставимых ценах на 61 % меньше), в том числе за счет государственных централизованных средств — 463,1 млн (37), на укрепление материально-технической базы отраслей переработки — 111,7 млн руб. (11 %). В сельской местности были введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 27,5 тыс. м² (на 59 % меньше); внутрихозяйственные автодороги с твердым покрытием (протяженность 26,04 км), водопроводы (4,06) и газовые сети (15,6 км); зернохранилища (на 4,0 тыс. т), силосные и сенажные сооружения (общая площадь 26,6 тыс. м³), животноводческие помещения (емкость 0,24 тыс. скотомест)¹³.

Из-за значительного удорожания материалов, работ и услуг, сокращения производства в стройиндустрии, разбалансированности ресурсного обеспечения и неплатежеспособности заказчиков в капитальном строительстве

продолжался спад инвестиционной активности. Отмечалось снижение темпов строительства объектов жилищно-гражданского назначения. Несмотря на внушительное повышение цен на стройматериалы, подрядные работы и услуги, стабилизировались темпы возведения населением индивидуальных застроек за свой счет и с помощью государственных кредитов.

Объем перевозок грузов транспортом общего пользования в 1-м полугодии 1992 г. сократился на 28,5 %, железнодорожным — на 26,9, автомобильным — на 28,8, авиационным — на 40,0 %. К 1 июля на прирельсовых площадках предприятий находились: 27 тыс. т цемента, 26,4 — шифера, 1 тыс. т химических и минеральных удобрений. При росте тарифов на транспортировку пассажирооборот транспорта общего пользования снизился на 1,1 %, в том числе авиационного — на 23,4, автомобильного — на 15,2 %¹⁴. С 1 июня были резко повышены тарифы за услуги телефонной связи из-за подорожания оборудования и энергоносителей в 10 — 20 и более раз, а также кабельной продукции. Подорожали и междугородные переговоры: для населения — в 2,3 раза, для предприятий и организаций — в 4,0 раза по сравнению с частниками. По сообщению руководителя республиканской «Союзпечати» И. Кирдяшкина, тиражи центральных газет после объявления переподписки значительно упали, клиент попал в новые клещи, не соотносимые с невысоким качеством услуг: доставка газет задерживалась, телефоны молчали, 1/2 телефонов-автоматов бездействовала, случаи утрат и хищений почтовых отправлений возросли за год втрое. Предприятиями связи Мордовии было оказано народному хозяйству и населению услуг на более чем 52 млн руб. при синхронном снижении объемов доставки газет и журналов (на 2 %), писем, карточек и бандеролей (28), посылок (23), телеграмм (31) и денежных переводов (на 15 %)¹⁵.

Экспорт продукции, осуществляемый по республике 21 предприятием и объединением, за январь — июнь 1992 г. во внутренних ценах составил 270 млн руб., во внешнеторговых — 7,4 млн дол., в том числе по Прибалтике — 98,8 млн руб. (36,6 % от всех поставок, рост в 26,1 раза). По данным Мордовиястата, объем внешней торговли в отчетный период составил 777 млн руб. Импортные поставки превысили экспортные почти вдвое. Машины, оборудование и транспортные средства занимали 88,3 % экспорта (238,4 млн руб.). Слабо осуществлялись бартерные сделки со странами зарубежья и Балтии — на 8,2 % от совокупных объемов поставки (22,2 млн руб.). В республику завозились машины, технологическое оборудование и транспортные средства на 136,5 млн руб. (26,9 %), кожаная обувь — на 129,7 млн руб. (25,6 %). На ее территории было зарегистрировано 6 совместных предприятий, в том числе совместное советско-голландское «Саранск-ТРТ ЛТД» по добыче мореного дуба, деревообработке и производству ТНП¹⁶.

Хозяйственники с горечью сообщали о наступившем коллапсе. В частности, директор приборостроительного завода А. Б. Чубуков указывал на переход на смешанный режим: одни цеха стоят, другие — трудятся, незанятые рабочие отправлены в отпуска. Об угрожающем экономическом положении «Электровыпрямителя» заявлял технический директор Л. А. Рожков, по словам которого падение производства достигло 40 — 50 %. При четырехдневке остро стоял вопрос занятости людей, а настоящая система взаиморасчетов не гарантировала процветания и наличия средств (предприятию должны были почти 1,5 млрд руб., а «Электровыпрямитель» — около 350 млн руб.). Тяжелую ситуацию в МПО «Орбита» главный инженер Ю. И. Торгашин пояснял следующим образом: «Предприятие работает на оставшихся мизерных запасах, объем производства упал на 80 %. Завод на грани остановки — из 6 800 работающих трудятся около 1 000 чел.». Более того, ряд крупных заводов Саранска получил телеграммы с предупреждением об отключении электроэнергии в случае непогашения долгов «Мордовэнерго»¹⁷.

В июле 1992 г. трудовые коллективы предприятий, организаций и профсоюзный актив МССР подготовили открытое письмо Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Председателю ВС РФ Р. И. Хасбулатову¹⁸. В нем отмечалась социальная взрывоопасность обстановки в республике, нарастающая волна остановки предприятий, снижение объемов производства, в том числе ТНП, всеобщая хроническая неплатежеспособность и банкротство, большая задолженность по выплате заработной платы. Из-за вынужденного перехода заводов на 4-дневный режим работы в неделю десятки тысяч рабочих отправлены в неоплачиваемый отпуск, усиливается угроза массовых увольнений, нет средств на содержание детских дошкольных учреждений, объектов здравоохранения, культуры и спорта. Некоторые называли осуществляемые в стране реформы «экономическим рэкетом правительства Гайдара», поставившим на грань полного обнищания как интеллектуалов, так и другие слои населения¹⁹. По оценкам специалистов, у обрыва не менее 90 % демократизируемого общества оказалось в бедственном положении.

Итак, итоги реформирования в Мордовии лаконично аргументируют приведенные выше цифры, перечеркнувшие оптимистические заверения политиков о скорой стабилизации положения. Статистические данные подтверждают начало глубоких системных трансформаций общественной жизни. Переход к рынку предъявил строгие правила производителям, заставляя по-новому взглянуть на экономику²⁰. Прогрессивные руководители постулировали базовые научно-теоретические направления в рамках системного подхода к комплексу мероприятий по методам управления, что позволило им сохранить отраслевое лидерство в непредсказуемой обстановке²¹,

форсируя формирование сбалансированной модели развития региональных кластеров в качестве основы устойчивой работы территории в условиях межотраслевого перекося.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Заседания Верховного Совета Мордовской ССР, шестая сессия (11 — 14 апр. 1991 г.). Саранск, 1992.
- ² Текущий архив Министерства экономики Республики Мордовия.
- ³ См.: О некоторых вопросах организации исполнительной власти в Мордовской ССР : Указ Президента Мордовской ССР // Советская Мордовия. 1992. 21 авг.
- ⁴ См.: Фонд имущества Мордовской ССР. Информ. вып. № 3 // Там же. 11 авг.
- ⁵ См.: Частная собственность всех сильнее! Приватизация // Там же. 19 мая.
- ⁶ См.: **Говрякова Н. Н.** Проблемы реформирования системы социальной защиты // Экономический потенциал региона. Саранск, 2001. С. 219 — 223.
- ⁷ См.: Как работаем, так и живем. Социально-экономическое положение Мордовской ССР в первом полугодии 1992 года // Советская Мордовия. 1992. 29 июля.
- ⁸ См.: Энергия сЦЕНАрия // Советская Мордовия. 1992. 19 мая ; О введении изменений в действие Закона Мордовской ССР «О внесении изменений в Закон Мордовской ССР „О бюджетной системе Мордовской ССР на 1992 год“» : постановление ВС Мордовской ССР // Там же. 19 авг. ; О внесении изменений в Закон Мордовской ССР «О бюджетной системе Мордовской ССР на 1992 год» : закон Мордовской ССР // Там же.
- ⁹ См.: Как работаем, так и живем.
- ¹⁰ См.: **Владимиров В.** «Куплю скатерть-самобранку...» // Советская Мордовия. 1992. 25 июля.
- ¹¹ См.: Как работаем, так и живем.
- ¹² Текущий архив Министерства экономики Республики Мордовия.
- ¹³ См.: Вектор рынка. Социально-экономическое положение Мордовской ССР в первом квартале 1992 года // Советская Мордовия. 1992. 13 мая ; Как работаем, так и живем.
- ¹⁴ Текущий архив Министерства экономики Республики Мордовия.
- ¹⁵ См.: Как работаем, так и живем ; **Костриков В.** Водоворот. Телефон — для богатых? // Советская Мордовия. 1992. 19 июня.
- ¹⁶ См.: В тени бартера // Советская Мордовия. 19 авг. ; Как работаем, так и живем.
- ¹⁷ См.: **Сайгин В.** Коллективное протезе // Советская Мордовия. 1992. 19 июня ; **Белоглазов А.** Кому живется весело? // Там же. 31 июля.
- ¹⁸ См.: Президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н., Председателю Верховного Совета Российской Федерации Хасбулатову Р. И. Открытое письмо руководителей трудовых коллективов предприятий и организаций, профсоюзного актива Мордовской ССР // Там же. 21 июля.
- ¹⁹ См.: **Лапшин Б.** Шоковая удавка // Там же. 2 июля.
- ²⁰ **Ланидус В.** Управление качеством как высшая школа проявления регулярного менеджмента // Семь нот менеджмента (Совместный проект еженедельника «Эксперт» и консалтинговой группы «БИГ»). М., 1998. URL: <http://www.big-group.ru> (дата обращения: 19.08.2019) ; Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2001 — 2005 годы. Саранск, 2002.
- ²¹ См.: Моя аграрная Россия: земледелие, экономика, экология, политика / Н. С. Немцев [и др.]. Саранск, 2006. С. 328 — 338.

УДК 336.712(470.345)

И. Г. Кильдюшкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

А. Ю. Яковлева

Детская музыкальная школа № 7 им. А. С. Ключарёва (г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье охарактеризовано состояние банковского сектора Республики Мордовия в условиях адаптации к новым макроэкономическим трансформациям.

Ключевые слова: банк, банковская система, банковская реформа, экономический кризис, денежно-кредитное регулирование, финансовая политика, организация налично-денежного обращения.

Сложная социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в стране в начале 1990-х гг. сопровождалась рядом проблем в банковской сфере: кризис платежеспособности клиентов, низкое качество кредитных портфелей, рискованная инвестиционная политика, введение валютного коридора, ужесточение резервных требований и др.

Создание Государственной комиссии по экономической реформе вызвало неоднозначную реакцию. На фоне ухудшения экономического положения в регионах происходило снижение уровня жизни населения. Ежемесячно к перечню дефицитных товаров прибавлялись новые, в практику жизни вошла талонная система приобретения продовольственных и потребительских товаров первой необходимости (мяса, колбасы, масла, сахара, мыла и т. п.), исчезли соль и стиральный порошок, появились очереди у табачных киосков. Обнаружился огромный дефицит в государственном бюджете (в 1989 г. эта цифра составила от 35 млрд (чистый дефицит) до 120 млрд руб. с учетом заимствованных Минфином средств из ссудного фонда Госбанка). Возросли вклады в сберегательных банках, так как деньги было не на что тратить¹. Ухудшилось настроение народа, резко снизилась доходность банковской деятельности, что ввергло в банкротство ряд банков.

За годы реформ изменилась не только наша страна и ее экономика. Кардинальные перемены претерпели многие положения экономической науки. Традиционные подходы оказались недостаточными, а новые явления и тенденции потребовали глубокого научного переосмысления и нового инструментария анализа. Тем самым обозначился подготовительный этап создания финансово-коммерческой системы, рынка ценных бумаг, биржевых

операций в совершенно иных условиях, породивший просчеты, разочарования и разорение комиссионных банков, а также подрыв доверия к государственной сберегательной системе².

Второй этап банковской реформы начался с принятия ВС СССР в декабре 1990 г. законов «О Государственном банке СССР» и «О банках и банковской деятельности». Одновременно принимаются республиканские законы, в том числе законы РСФСР «О Центральном банке РФ (Банке России)» и «О банках и банковской деятельности в РСФСР». За многие годы деятельность банков получила законодательную платформу: они объявлены самостоятельными юридическими лицами, экономически самостоятельными учреждениями, не несущими ответственности по обязательствам государства. В 1990 г. создан Центральный банк РСФСР (параллельно с Госбанком СССР). В результате упразднения в 1991 г. Госбанка СССР его функции переданы Центральному банку РСФСР (Банку России), позднее переименованному в Центральный банк РФ (Банк России)³.

Государственный банк СССР, центральные банки республик после выведения из подчинения СМ СССР и СМ республик стали подотчетными ВС, независимым от исполнительных и распорядительных органов государственной власти. Определены уставные капиталы и различные целевые фонды. В соответствии с законом ЦБР создает страховой фонд за счет обязательных отчислений банков. Законы об эмиссионных банках запрещали использование эмиссии денег для финансирования дефицита госбюджета РСФСР, Банк России объявлялся органом денежно-кредитного регулирования экономики республики, объема и структуры денежной массы в обращении.

Денежно-кредитное регулирование экономики РСФСР исполнялось Банком России путем определения норм обязательных резервов, учетных ставок по кредитам, установления экономических нормативов для банков, проведения операций с ценными бумагами. Разрешалось рефинансирование Банком России деловых банков через предоставление им краткосрочных кредитов по определенной учетной ставке. Впервые определялись экономические нормативы для банков — минимальный размер уставного капитала; предельное соотношение между размером уставного капитала банка и суммой его активов с учетом оценки риска; показатели ликвидности баланса; минимальный размер обязательных резервов, депонируемых в Банке России; максимальный размер риска на одного заемщика; ограничения размеров валютного и курсового рисков; ограничения использования привлеченных депозитов для приобретения акций юридических лиц.

Общие политические и экономические факторы 1991 г. резко дестабилизировали денежное обращение распадающегося Союза. Первое значительное повышение цен весной 1991 г. сопровождалось замораживанием вкладов

населения и резким подрывом доверия к денежной политике правительства. Население находилось в напряжении: либо класть деньги на сберегательные книжки в банк, либо держать их на руках для предстоящей покупки товаров. В Мордовии появились продовольственные и промышленные карточки, талоны, купоны, без которых деньги становились ненужными бумажками. Во взаимоотношениях между предприятиями популяризировались бартерные сделки и товарообмен. Устойчивость общей денежной единицы по линии республик не обеспечивалась, напротив, фактически распадалась единая денежная система.

Кризис периодически подогревался слухами о денежной реформе, ажиотажем вкладчиков, очередями граждан в сберегательных банках, то изымающих свои деньги со счетов, то активно сдающих купюры во вклады. Заметное воздействие оказало и отсутствие целостности в методах регулирования банковской деятельности. Не были едиными и главные инструменты денежно-кредитного механизма. В течение 1991 г. Центральный банк РСФСР трижды менял их размер, вызвав недовольство коммерческих банков.

Взаимоотношения между Центральным банком РСФСР и коммерческими учреждениями развивались в тяжелых условиях. Последние жаловались на унизительную процедуру регистрации и неудовлетворительное снабжение их денежной наличностью, а Центральный банк физически не мог подкрепить кассовую наличность, так как деньги из-за товарного дефицита не оседали на руках у населения.

Несмотря на это, второй период банковской реформы дал импульс зарождения коммерческих банков. Закон «О банках и банковской деятельности в РСФСР» запретил деятельность специализированных банков, которые по истечении более трех лет не сумели внести в свою работу качественно новых изменений. Вместо специализированных банков создавались коммерческие, работавшие параллельно. Региональные банки ограничивались инвестиционными источниками для разработки и внедрения инновационных банковских технологий, что требовало повышения уровня эффективности использования и поиска результативных курсов инновационной политики их деятельности за счет совершенствования процесса ее формирования⁴.

Другими словами, 1980 — 1990-е гг. ознаменовались формированием двухуровневой банковской системы, присущей современной экономике (наличие Центрального банка и сети коммерческих банков). Сложившаяся вертикальная структура Банка России соответствовала характеру задач, связанных с реализацией государственной денежно-кредитной политики, эмиссией наличных денег и организацией налично-денежного обращения, предоставлением расчетно-платежных услуг и др.⁵

В 1991 — 1992 гг. под руководством Банка России, принявшего на себя после распада СССР полномочия Госбанка СССР, на основе коммерциали-

зации филиалов спецбанков была создана сеть коммерческих учреждений⁶. При этом развитие банковского сектора от появления первого коммерческого банка в 1988 г. до 1994 г. проходило на фоне глубочайшего экономического спада и высокой инфляции.

Во время второго этапа реформы завершился процесс создания двухуровневой банковской системы: эмиссионные банки выделились в самостоятельное звено в виде центральных (государственных) республиканских банков, коммерческие образовали второе звено для кредитно-расчетного обслуживания предприятий и населения. Однако отсутствие правовой основы тормозило развитие инвестиционных и ипотечных банков в стране.

Создание двухуровневой системы банков определялось противоречивостью рыночных отношений. С одной стороны, свобода предпринимательства и распоряжения финансовыми средствами обеспечивались коммерческими банками, с другой, — требовались регулирование кредитно-денежных отношений, контроль и воздействие ЦБР⁷. Наблюдалось резкое увеличение кредитных рисков. Рост кредитов не сопровождался их адекватным возвратом⁸, вызывая рост просроченных платежей по ссудам и убытков от кредитных операций в целом.

Наряду с макроэкономическими проблемами кредитования предприятий, имелись прикладные: недооценка построения системы кредитования, слабое развитие инфраструктуры, недостаточное аналитическое обеспечение на стадии ранней диагностики банковских ссуд, некачественная оценка кредитоспособности заемщиков. В русле упразднения монополизма в банковской сфере проводилась политика по сдерживанию создания крупных банков, отличных от бывших союзных спецбанков, охватывающих капиталы подчиненных структур. От них отмежевались республиканские кредитные учреждения, а внутри России большая часть региональных банков стала автономными.

Акционирование банковской системы оживилось в конце 1991 г. с объявления о выпуске акций. Тем самым был получен импульс развитию коммерческих учреждений. В целях координации денежной политики в СНГ, преодоления инфляции, подготовки денежных реформ и укрепления позиций коммерческих банков России предстояло войти в третий этап банковской реформы.

В целом кризис денежного обращения прослеживался с середины 1980-х гг., когда произошел разрыв между платежеспособным спросом и товарным предложением⁹. Особенностью начала 1992 г. стало нарастание денежного спроса в безналичной и наличной формах при быстром сокращении товарного покрытия. С 1992 г. политика правительства и ЦБР направлялась на краткосрочную финансовую стабилизацию. Появились отдельные проекты региональных денег, товарно-расчетные чеки для замещения на-

личности, ценные бумаги на предъявителя, выпущенные в обращение коммерческими банками.

В Мордовии в этот период отсутствовала конкретная программа финансового и социально-экономического оздоровления. Одни считали, когда экономическая погода меняется сто раз в день, любая долгосрочная программа — самообман, другие — уверовали в повышение важности плановых трендов. Правительство республики сделало попытку соединить в программе стабилизации экономики тезисные ориентиры со свободой маневра, но на очередной сессии программу забраковал ВС по причине ее неподкрепленности конкретными цифрами. В основе она не отличалась от предшествующих. Принципиальные предложения в ней практически отсутствовали. Исключение составил ответ председателя планово-экономической комиссии ВС М. П. Яушева. Проект «Программы углубления экономических реформ», подготовленный правительством России, анализировался в постоянных комиссиях ВС РФ¹⁰ (кстати, ни в одном из соседних регионов подобные программы не разрабатывались и не принимались).

Новый вариант правительственной программы стабилизации экономики оценивался депутатами ВС Мордовии положительно. Основной акцент в ней был сделан на поддержку АПК: 314 млн руб., полученных по решению правительства сельским хозяйством республики на июль — август 1992 г., затормозили сброс поголовья скота в условиях убыточности производства мяса и молока, когда требовалось либо резко повышать цены на эти продукты, либо дать крестьянину государственную финансовую поддержку. Величина дотаций сельскому хозяйству в контексте стабилизационных мер (1,5 млрд руб.) стала возможной при условии принятия на сессии ВС решения о введении двухпроцентного отчисления от суммы производимой республиканскими предприятиями продукции¹¹.

Предприятия Мордовии получали 0,2 % общероссийского объема прибыли и 4,8 % объема прибыли Волго-Вятского района. По объему прибыли на душу населения Мордовия отставала от российского уровня из-за высокой доли убыточных хозяйствующих субъектов¹². Их кредиторская задолженность превышала дебиторскую, что вело к снижению финансового обеспечения республики.

С 1994 по конец 1995 г. количество действующих банков стало сокращаться, инициировав проявление первых признаков надвигающихся банковских банкротств. Для поддержки отраслей экономики республики 20 июня 1995 г. был образован Фонд при Министерстве экономики Республики Мордовия¹³. Политическая и социально-экономическая стабилизация, наметившаяся с середины 1990-х гг., ускорила адаптацию предприятий к рынку. Федеральная программа экономического и социального развития Республики Мордовия на 1996 — 2000 гг. с размером финансирования св. 10 трл руб.

санкционировала установление контактов с крупными коммерческими банками России («Возрождение», «Российский Кредит», «Инкомбанк», «Онексимбанк», «Тверьуниверсалбанк»).

К 1995 г. на финансовом рынке сформировалась необходимая инфраструктура, выделились самостоятельные крупные сегменты, состоящие из государственных и негосударственных ценных бумаг, межбанковских кредитов, валютного и страхового рынков. Национальный банк вошел в систему межрегиональных электронных платежей, в 1996 г. были созданы 12 коммерческих банков и 7 филиалов, объединенных в ассоциацию. Постепенный подъем экономики в республике начался с 1997 г. с проведения гибкой системы экономического стимулирования предприятий¹⁴.

Биржевая торговля не получила должного развития из-за кризиса в экономике. Рейтинг финансового потенциала республики в 1999 г. составил 62 балла, сократившись за 1996 — 1999 гг. на 6 пунктов. Доходы консолидированного бюджета Республики Мордовия в 1999 г. выросли по сравнению с 1998 г. на 853,0 млн руб.¹⁵ Соотношение объемов бюджетных доходов Мордовии и двадцати первых регионов России указывало на значительное отставание республики от других регионов по финансовому потенциалу.

Положение Мордовии по рейтингу интегрального инвестиционного риска в сравнении с другими субъектами РФ свидетельствовало о значительном его возрастании в 1996 — 1999 гг. — с 66-й на 14-ю позицию (скачок на 52 пункта). На протяжении четырех лет высокими темпами снижался уровень составляющих инвестиционного риска. Наибольшее повышение рейтинга произошло по уровню законодательного, политического, экономического, социального и криминального рисков.

Ситуация в основных сегментах финансового рынка свидетельствовала о нестабильности в стране и регионах. В связи с ликвидацией монополии государства на банковское дело государственными остались системы Центрального банка, Сберегательного банка, Внешторгбанка, Промстройбанка и других банков, подчиненных национальным интересам. Кроме того, на базе государственной собственности функционировали банки, учредители которых — отраслевые министерства и ведомства: Нефтехимбанк, Нефтегазстройбанк, Рыбхозбанк, Связьбанк, Химбанк, Автобанк, «Аэрофлот», Коопбанк Центросоюза и др. С ликвидацией института уполномоченных банков по обслуживанию счетов федерального и местного бюджетов в 1997 г. обязанность исполнения федерального бюджета через органы федерального казначейства для всех министерств и ведомств, включая силовые, была возложена на Министерство финансов РФ¹⁶. К тому же, коммерческие банки обслуживали различные правительственные программы и исполняли делегированные правительством полномочия¹⁷.

Прекращение выдачи централизованных кредитов с 1995 г., переход к политике финансовой стабилизации, замедление темпов инфляции, стабилизация валютного рынка и снижение доходности по операциям на денежном рынке заставили коммерческие банки пересмотреть политику в отношении привлечения средств и кредитования населения, предприятий и организаций. Наряду с тяжелым финансовым положением предприятий, сказалось неумение их руководства проводить серьезные структурные перемены, эффективно расходовать кредитные ресурсы в интересах производства, разрабатывать бизнес-планы и технико-экономические обоснования проектов для привлечения капитала. Несмотря на сокращение банков к 2000 г. и дефайна малых банков, последние численно преобладали в системе.

В условиях кризиса финансовой системы и реального сектора экономики положение многих из них оказалось неустойчивым. Это объяснялось хроническим недостатком капитала и отсутствием резервов под кредитные риски, проведением политики протекционистского кредитования. Несовершенство механизма управления развитием государственного банковского сектора требовало консенсуса вопросов состояния его реформы и перспектив развития, определяющих взаимную ответственность субъектов рынка.

Правительственными структурами предпринимались попытки нивелирования положения. В 1994 — 1995 гг. приняты первая и вторая части Гражданского кодекса РФ. Однако несогласованность и юридические неточности в отношении коммерческих банков и перспектив развития договорных отношений в документе угрожали существованию корректных коммерческих связей. Оздоровление рынка капитала нуждалось в комплексном подходе к совершенствованию уголовного законодательства и установлении прочных деловых традиций. От качественного и количественного роста банковского сектора зависел и выход страны из экономического кризиса.

Резюмируя состояние банковского сектора и его роль в экономике региона можно констатировать, что его адаптация к новой макроэкономической ситуации сопровождалась определенными трансформациями. Качественной характеристикой изменения ее модели развития стало увеличение ресурсной базы коммерческих банков за счет средств предприятий и организаций в условиях высокой инфляции и нестабильности на валютных рынках. В число основных тенденций развития банковской системы в регионе вошли, во-первых, преобразование отделений специализированных банков в региональные кредитные институты и создание самостоятельных банков, спонсируемых местными администрациями и предприятиями, во-вторых, открытие филиалов иногородних банков на территории Мордовии.

Принятая в 1990 г. концепция разрушения монополизма потребовала иной схемы банковской системы, основанной на деятельности нескольких самостоятельных банков — центрального эмиссионного банка (банка банков), не обслуживающего клиентов (за исключением других банков), и деловых (коммерческих) банков, кредитующих предприятия, организации и население. Данная практика соответствовала задачам по созданию нового экономического механизма в России, и она была реализована.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Абалкин Л. И.** Логика экономического роста. М., 2002. С. 158 — 159, 173 — 174.

² Там же. С. 85, 175 — 176.

³ См.: Банковское дело. Управление и технологии : учеб. для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям. М., 2005. С. 38.

⁴ См.: **Хабаров В. И.** Банковский маркетинг. М., 2003. С. 81, 114, 117.

⁵ См.: Банковское дело... С. 53.

⁶ См.: **Ведев А. Л., Лаврентьева И. В.** Российская банковская система в переходный период (1992 — 2002 гг.). М., 2003. С. 10.

⁷ См.: **Митрохин В. В.** Анализ концептуальных подходов к развитию банковской системы // Экономика переходного периода: региональные особенности. Саранск, 2006. С. 206 — 217. (Тр. НИИГН ; т. 6 (123)).

⁸ См.: **Лаврушин О. И., Афанасьева О. Н., Корниенко С. Л.** Банковское дело: современная система кредитования : учеб. пособие. М., 2007. С. 201 — 219, 239 — 248 ; **Мицек С. А.** Краткосрочная финансовая политика на предприятии : учеб. пособие. М., 2007. С. 105.

⁹ См.: Экономика : учеб. М., 1999. С. 637.

¹⁰ См.: **Калитина Н.** ПроГРАММЫ и время // Современная Мордовия. 1992. 1 авг.

¹¹ Там же.

¹² См.: Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2001 — 2005 годы. Саранск, 2002. С. 41.

¹³ См.: Постановление Государственного Собрания Республики Мордовия № 222—I «О порядке и условиях предоставления финансовой помощи и льгот по налогам и платежам в бюджет и внебюджетные фонды» от 21 июня 1995 года // Ведомости Государственного Собрания Республики Мордовия. Саранск, 1995. № 3 — 4. С. 11 — 14 ; Постановление Государственного Собрания Республики Мордовия № 202—I «О фонде финансовой поддержки отраслей народного хозяйства республики» от 20 июня 1995 года // Там же.

¹⁴ Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 42 — 43, 148.

¹⁵ См.: Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2001 — 2005 годы. Саранск, 2002. С. 51.

¹⁶ См.: Российская газета. 1997. 7 марта.

¹⁷ См.: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991 — 1997. М., 1998. С. 522 — 523.

УДК 94(47)«1941/1945»:930

*Л. П. Колодникова**Автономная некоммерческая организация
«Институт национальной памяти» (г. Москва)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI СТОЛЕТИЯ

В статье рассматриваются проблемы исторических уроков, особенностей историко-ведческого и историографического осмысления изучения актуальных проблем истории Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.), информационных боев на «историческом фронте» как внутри страны, так и за рубежом в условиях жестких мировых вызовов. Несмотря на процессы разобщенности внутри современного социума, позитивное влияние на негативные процессы оказывает память об общем историческом цивилизационном опыте истории России, память о тех, кто сражался за Родину во имя будущих поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, национальная память, потери, исторические уроки, источниковедение, историография.

Спустя более 80 лет после начала Великой Отечественной войны по-прежнему чрезвычайно востребованным остается объективное осмысление ее причин, опыта и уроков. Память о Великой Отечественной войне прежде всего оставила ныне живущим два важных исторических урока.

Первый и бесспорный, как истина, это решающий вклад народов СССР в разгром агрессоров, то что мы называем ПОДВИГ НАРОДА. Советско-германский фронт был самым масштабным с точки зрения привлеченных сюда сил и средств противоборствующих сторон, с точки зрения продолжительности и ожесточенности сопротивления, о чем свидетельствует разгром 607 дивизий противника, по личному составу это в 4 раза больше, чем на других фронтах Второй мировой войны. Действующая армия в 1941 — 1945 гг. ежегодно получала в свои ряды по 14 — 16 млн военнослужащих, наполняя почти три тысячи воинских объединений, соединений и частей, более 60 фронтов (разных формирований), повергнувших в небытие 506 немецких дивизий и 100 по принадлежности сателлитов.

Второй — главенствующая роль советского политического руководства в достижении договоренностей с мировыми лидерами о послевоенном устройстве в формате Ялтинско-Потсдамской системы, обеспечившей людям несколько десятилетий жизни без горячей войны.

Великая Отечественная война поставила российскую государственность в экстремальные условия, но в то же время сплотила и укрепила ее,

особым смыслом наполнив мысль о том, что «У всякого народа есть Родина, но только у нас — РОССИЯ».

Далее, если остановиться на некоторых проблемах современной историографии и источниковедения как фундаменте исторического знания о войне, то очевидно, что за короткий исторический период как в центре, так и в регионах были подготовлены многие инновационные издания о войне, осуществлены межрегиональные и международные проекты на основе обновленной источниковой базы, заложены новые системы приоритетов в области методологии исторических исследований. Оценивая достижения и открытия постсоветского периода, необходимо констатировать, что отечественная историография войны по сравнению с зарубежной, в смысле освоения разнообразной тематики, в том числе острых проблем, заняла, и это очевидно, преимущественные позиции. Конечно, переход от моноконцептуального рассмотрения проблемы к множественному, системному видению сопровождался почти кризисными явлениями. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов лучшее из наследия прошлых лет, сегодня именуемого советской историографией.

Отличительными чертами источниковедческого анализа стали многочисленные публикации ранее секретных документов, в том числе из Центрального архива Министерства обороны, хотя только в одном этом хранилище все еще остаются неисследованными и неизвестными миллионы единиц архивных дел о войне, изучение которых, при соответствующих благоприятных условиях, могло бы стать приоритетной задачей будущих поколений историков.

В современной России историки с опорой на новую информацию и новые документы начали процесс фундирования структуры источниковой базы исследований, что существенно повлияло на развитие методологии источниковедения в целом и стимулировало разработку ранее не затрагивавшейся проблематики истории войны.

Таким образом, в условиях изменившегося историографического и источниковедческого пространства в современных условиях осуществляется исследование ключевых проблем истории Великой Отечественной войны, хотя и здесь тоже очевидны особые приметы исследовательского подхода. Если отечественная историография в советский период сосредоточивалась главным образом на рассмотрении таких проблем войны как характер вооруженной борьбы, основные битвы, коренной перелом, роль советско-германского фронта, значение победы в традиционном формате «итоги и уроки войны», то теперь больше внимания стало уделяться социально-политическим проблемам, возникли новые векторы исследовательской разработки темы в региональных центрах России, появились новые документальные свидетельства истории подлинного, а не мифологизированного состояния

советского общества накануне войны, феномена настроений и представлений о будущей войне, реалий отношений «власть и народ» в войне, сохраняется острота исследовательских трактовок трагического начала войны. Особой историографической интерпретацией отличается разработка таких проблем, как геополитические и геостратегические составляющие политики СССР накануне войны, советская военная политика, стратегическое руководство, материальный фундамент Победы, ленд-лиз, а также культурные ценности как жертвы войны.

Можно также констатировать, что исследователи все еще не смогли в полной мере разобраться в крайне противоречивой и окутанной легендами личности верховного главнокомандующего Сталина. Доктор исторических наук С. С. Хромов, которому удалось работать с секретными бумагами И. В. Сталина, в книге «По страницам архива Сталина» делает вывод: «О Сталине написано много. Даже очень много. И нет, пожалуй, ни одной другой крупной исторической фигуры, амплитуда оценок которой была столь широка, как Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили)»¹.

Характерно, что все оценки в существующей литературе чрезвычайно разноплановы, исследователи ожесточены. И уже совершенно инновационным можно назвать исследование тематики повседневности, микроистории, исторической антропологии, уровня гомогенности и стратифицированности «советского общества», а также обращение к непопулярной для советской историографии тематике на примере коллаборационизма. Хотя необходимо отметить, что при воспроизведении проблем «военной повседневности» очевидны пережосы, например, доктор исторических наук С. В. Аристов считает возможным применить понятие повседневность к исследованию судеб миллионов узников, погибших в немецких концлагерях².

Нельзя не сказать и о феномене то затихающих, то вспыхивающих с новой силой информационных боев на историческом фронте как внутри страны, так и за рубежом. Это вполне объяснимо, так как история остается важной составляющей в координатах большой политики, разлом которой в наши дни рушит межгосударственные отношения даже бывших союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Современными военными историками высказана мысль о том, что борьба за память — это особый компонент гибридной войны в политических интересах в странах СНГ, бывших республиках СССР, в Восточной Европе, в государствах, шагающих в ряды НАТО.

Сегодня можно лишь надеяться на то, чтобы в России, в Китае, во всех других странах мира, которые понесли огромные человеческие потери, история Второй мировой войны воспринималась как важный урок при поиске ответов мирового сообщества на глобальные вызовы и угрозы, стоящие перед человечеством.

Историю делает большая политика и политики, но, по сути, подчас ответственными за прошлое оказываются историки, задача которых объективно и беспристрастно воздействовать на мировоззрение общества.

Сегодня можно встретить суждения о том, что жертвы, понесенные советским народом, были чрезмерны, порой неоправданные. Конечно рассекреченные документы свидетельствуют о провалах, просчетах, о пленных, о том, что ход войны пошел таким образом, что пришлось оставить врагу территории с богатейшим экономическим потенциалом, более чем с 70 млн населением. Но чем больше знакомишься с документами войны, утверждаешься в одном — столь силен был враг, что, наверное, иначе просто бы не одолели вражеское нашествие, ту невероятную силу, которая навалилась на страну, заставив Красную армию отступить до Волги и на Кавказ.

Официальная цифра потерь сегодня названа в 27 млн человек. Однако сложилось так, что картотеки потерь военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны: генеральского, офицерского, политического, рядового, сержантского состава*, военнопленных** как уникальный источник для решения проблемы людских потерь в войне, а также трофейные документы все еще в полной мере не обобщены. В связи с этим скорректированная историками цифра потерь отличается от официальной в сторону ее увеличения.

Уходят военные поколения, оставляя нам свои заветы. Уже уходит и поколение, родившихся в годы войны. Новые поколения людей в России уже сильно отличаются от предшественников. Однако вместе с тем, несмотря на жесткие мировые вызовы, тяготы внутреннего положения, люди в России все еще сохраняют духовные народные скрепы, общность судеб, общий исторический опыт, преемственность традиций и конечно память о тех, кто сражался за Родину.

Порой люди задаются вопросом, в какой бы стране мы сегодня жили, если бы не погибли, а живыми вернулись в родные дома миллионы наших соотечественников. Априори можно сказать — мы избежали бы многих горестей и невзгод, и уж точно страна не оказалась бы в состоянии подорванного демографического потенциала, преодолевать который еще долгие годы придется новым поколениям современной России, что реально только при наличии благоприятных условий, ответственности и просто че-

* Работниками архива называется цифра потерь действующей армии на сегодняшний день — более 14 млн человек. Однако имеются альтернативные суждения, например, о необходимости исключить из этой цифры «власовцев» и др. коллаборационистов.

** Имеется более трех миллионов именных карточек. Картотека военнопленных офицеров и генералов, погибших в плену насчитывает 57 300 (трофейные данные).

ловеческой заботы о молодых поколениях, дабы им не стать заложниками мировых демографических вызовов.

Почти 200 млн населения прежнего СССР встретило войну в 1941 г. Прошло 82 года, а население России, по последним данным, может быть и не совсем откровенным, 147 млн человек.

Нет сегодня иной значимой национальной идеи как сбережение людей Отечества.

В современных условиях мировых вызовов проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в силу процессов глобализации (десуверинизации) и глокализации, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой, — к стремлению сохранить ее исторические основы. На культурно-цивилизационном уровне происходят глубинные изменения, незаметные поверхностному взгляду. Процесс глобализации на европейском континенте встретил сопротивление со стороны национальных государств, возникших после Первой мировой войны, но не прошедших цикла своего становления и развития. Именно этот уровень связан непосредственно с вопросом о самосознании нашего общества. Именно оно обеспечивает культурно-цивилизационную устойчивость общества и его успешное развитие. Понятие идентичности обостряется в кризисном состоянии общества, теряющего по разным причинам привычную стабильность, ведущую прежде всего к размыванию исторических и культурных ценностей.

Именно проблема российской идентичности в качестве фундаментальной наполнила одно из заседаний Российской Академии наук, когда Президент РАН академик А. М. Сергеев, казалось бы, неожиданно заговорил о том, что «...общественное развитие невозможно без общественного консенсуса. И основная задача нашей сессии обсудить именно этот вопрос — кто мы такие? Что нас объединяет? Как нам двигаться, чтобы достичь этого консенсуса? Без него не будет успешного научно-технического и общественного развития»³. В продолжение: высказал тревогу в связи с резким отставанием России в области финансирования науки в отличие от других стран⁴.

В ходе этого же заседания академик РАН А. В. Смирнов конкретизировал тезис о том, что в современных условиях идет перекройка культурно-цивилизационной карты мира, и в связи с этим поставил вопрос: «Зачем существует Россия на карте мира?» «Что делает нас „нами“, т. е. общностью, а не просто собранием индивидов, конгломератом отдельных личностей, народностей, этнокультурных образований?» И это в условиях, когда громадные культурно-цивилизационные «материки» — Китай, Индия, исламский мир, — которых прежде с позиций европоцентризма высокомерно относили к «периферии» мирового развития, выходят на мировую арену в качестве

полноценных игроков. Это — новые центры культурно-цивилизационного притяжения, каждый из которых опирается на собственный цивилизационный проект. В этих условиях вопрос о культурно-цивилизационной недоопределенности России приобретает особую остроту, а прорубленное 300 лет назад «окно» в Европу, похоже, так и не превратилось в «открытую дверь». Далее академик обратил внимание на то, что основным уровнем идентичности для России является она сама⁵.

В условиях очевидного идейного и идеологического поиска после 1991 г. в России наметилась и набирает силу крайне тревожная тенденция: сращивание этнического и религиозного в процессе поиска национальной идентичности. Если позволить этой тенденции закрепиться и укорениться, Россия окажется фактически разорвана между несколькими разнонаправленными и разноцентрированными культурно-цивилизационными проектами. «Нам критически необходимо вне конфессиональное, гуманитарное культурное пространство, построенное на принципах рациональности, которое позволит *собрать все культурные потоки современной России* ради их свободного развития и свободного общения»⁶.

Мы используем выражение быть самим собой, т. е. имеем в виду проявления самобытности, которая формируется сплетением культуры и наследия нашей цивилизации. Это проявление самобытности, национальной исторической памяти, сознания и совести, это наше пребывание и чувствование собственной традиции. Если народу удалось выработать надежный культурный плацдарм, он поможет преодолеть неприятности, победить смуту.

Сегодня опасность очевидна и в том, что картина исторического прошлого нации становится объектом манипулирования и направленного конструирования, дебаты намеренно политизируются, а историческая проблематика мобилизуется в политических интересах конкретных субъектов политического процесса.

Практически выкристаллизовались одни и те же вопросы, по которым наиболее часто возникают ожесточенные споры и непонимание. Они следующие: Виновен ли Советский Союз в развязывании Второй мировой войны?; Готовился ли Сталин напасть на Гитлера?; Вопрос о превентивной войне Германии против СССР, готовившегося напасть на Германию; Политическая, экономическая и военная подготовка СССР к войне, Пакт Молотова — Риббентропа и договор о дружбе и границе; «Освободительный поход» или оккупация?; Советизация Прибалтики, Западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии; Катинский расстрел и депортации поляков в СССР; Причины и масштабы неудач первого периода войны; Народное ополчение, заградотряды и штрафбаты; Приказы № 270 и № 227; Вопрос о мотивации советских партизан, других участников вооруженной

борьбы и сопротивления; Было ли сопротивление в тылу врага спонтанным или организованным советскими спецслужбами; Как и кем ковалась победа в советском тылу?; Роль принудительного труда — ГУЛАГ, трудармии, спецпоселения; Роль репрессивного аппарата и внеэкономического принуждения; Имела ли место экономическая и технологическая победа СССР в войне с Германией?; «Второй фронт», роль союзников, Ленд-лиз, его действительные масштабы и значение для СССР; Общественные настроения в разные периоды войны; Степень готовности к добровольному сотрудничеству с врагом; Оккупация и коллаборационизм, националистические формирования на стороне врага, позиция служителей культа; Национальная политика в годы войны и «репрессированные народы»; «Освободительная миссия» РККА или «оккупация» Восточной Европы?; Вопрос о «мести агрессору»; Поведение советских войск на территории Германии и ее бывших сателлитов, Победа «благодаря» или «вопреки» режиму и его вождю?; Попытки дискредитации героев и в целом дегероизации войны и т. д.

На Украине радикально пересмотрена концепция истории войны, создана ее новая версия, очевидна героизация сил и персоналий, сотрудничавших с немцами. Практически сформулирована концепция так называемого украиноцентризма. Такое положение с историческими исследованиями чрезвычайно разобщает общество, особенно с учетом русских и русскоязычных областей Украины. Значительная часть украинских историков не придерживается термина Великая Отечественная война, более употребительными стали Вторая мировая война или советско-немецкая война. Для украинской историографии типична теория так называемой третьей силы, боровшейся и против немцев, и против советского режима.

С позиций приобретенной независимости произошел пересмотр истории войны и в Казахстане. Например, ожесточенные дискуссии и новые взгляды имели место при обсуждении тематики: «Депортация народов — преступление тоталитарного режима» (1996) и «Сопротивление тоталитарному режиму и политические репрессии в Казахстане» (1996).

Набирающие силу межгосударственные информационные столкновения нацелены прежде всего на умаление достижений народов России, пересмотр ее геополитических интересов и приобретений. В современных условиях произошел разрыв информационного пространства, в котором многие десятилетия жили народы СССР, развивались научные исследования и формировались научные школы. Теперь историческая память ставится в зависимость от текущей политической конъюнктуры, интересов национальных элит, в связи с чем характерной чертой историографии государств постсоветского пространства стала линия на то, чтобы *разделить общую победу* народов, их общий подвиг.

В современных условиях искажение истории войны чрезвычайно актуализировавшаяся тема, активно обсуждаемая, вызывающая опасения за оказываемое негативное влияние на традиционные основы мировоззрения.

Сфера национального самосознания и его коллективной памяти подвержена в современных условиях большим рискам. Например, молодежь с формирующимся мировоззрением и не сложившейся в полной мере гражданской идентичностью может оказаться под их влиянием. В связи с этим гуманитарная проблема имеет непосредственное отношение к ближайшему будущему молодого поколения России. Невежество и отсутствие исторической памяти не позволяют пробудить чувство единства народов, столь необходимых в современной России.

Библиографические ссылки

¹ Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 3.

² См.: Аристов С. В. Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза: 1941 — 1944 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2019. 39 с.

³ Вступительное слово президента РАН академика А. М. Сергеева // Вестник РАН, 2020. Т. 9, № 3. С. 203.

⁴ Там же.

⁵ См.: Смирнов А. В. Самосознание российского общества // Там же. С. 221.

⁶ Там же. С. 223.

УДК 930

М. С. Купцова, А. А. Юнусова

*Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета (г. Елабуга)*

БОРЬБА «ЦВЕТНЫХ ЖЕНЩИН» ЗА ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дискриминация «цветных» женщин в американском обществе получила развитие в XIX в. Однако данный вопрос является нерешенным и в настоящее время. В связи с чем представительницам женского пола приходится бороться за права во всех сферах жизнедеятельности. Особо темнокожих женщин волнует вопрос экономического неравенства и харассмента. В статье внимание уделено «третьей» и «четвертой» волне феминизма.

Ключевые слова: темнокожие женщины, США, экономическое неравенство, насилие.

Проблема дискриминации «цветных женщин» в США занимает особое место в исторической науке. Данный вопрос получил развитие в американском обществе в XIX в. Об этом свидетельствуют работы Иды Б. У.-Барнетт «Южные ужасы», «Красный рекорд» и Уильяма Беркхардт Дюбуа «Души черного народа», «Цветные миры». Однако, несмотря на наличие произведений известных писателей, введение различных законодательных актов, принятие закона о гражданских правах в 1964 г., проблема дискриминации афроамериканских женщин остается нерешенной. В связи с чем темнокожие женщины начинают бороться за свои права. В данной работе внимание будет уделено борьбе афроамериканских девушек в период «третьей и четвертой волны феминизма».

Стоит отметить, что после завершения «второй волны» феминизма (1960 — 1980-е гг.) на территории США произошло некое затишье. Безусловно, это было связано с тем, что часть женщин была удовлетворена полученными правами. Однако с этим мнением была не согласна другая часть американского общества, которая положила начало образованию «третьей волны» феминизма (1990 — 2008 гг.). Термин «третья волна» феминизма был введен темнокожей девушкой, Ребеккой Уокер, в 1992 г. после публикации статьи «Как я стала третьей волной» в журнале «Miss»¹. Эта работа была опубликована после громкого судебного разбирательства в 1991 г. Данный процесс произошел после выдвижения обвинений афроамериканской женщиной Анитой Хилл против кандидата в Верховный суд США Кларенса Томаса. Она обвиняла его в сексуальных домогательствах, который он проявлял во время их работы в Министерстве образования и Комиссии по равным возможностям. Однако, несмотря на выдвинутые обвинения, Кларенс Томас был утвержден в качестве судьи Верховного суда США 15 октября 1991 г.² Тем не менее данное слушание вызвало новую волну движения женщин в обществе. Об этом свидетельствует и увеличение количества жалоб о сексуальных домогательствах Комиссии по равным возможностям в сфере занятости (ЕЕОС)³. Следует отметить, что «третью волну» феминизма принято считать продолжением второй. Это связано с тем, что в период «второй волны» феминизма не были решены вопросы, которые волновали часть женщин. В частности, это вопросы сексуальной ориентации и расовых проблем. Достоверность этого факта можно подтвердить термином «лавандовая угроза», которую в 1969 г. вела писательница и яркая феминистка Бетти Фридан⁴. Данное понятие было принято для того, чтобы показать насколько идеи лесбиянок были опасны для женского движения в период «второй волны» феминизма, так как они отвлекали женщин от истинных целей. Например, это получение широких прав в экономических и социальных сферах. Безусловно, позже она извинилась за свои слова, но этот вопрос остался нерешенным. По этим причинам «третья волна» феминизма зани-

малась борьбой за расовые и гендерные права, которые были необходимы девушкам. Прежде всего нужно сказать, что данная борьба происходила мирным путем, т. е. темнокожие женщины говорили о своих проблемах через литературу, искусство и общественную деятельность. В этой работе каждый из этих пунктов будет рассмотрен по отдельности. В первую очередь, стоит обратить внимание на произведения женщин, ведь через них общество знакомилось с теориями и проблемами феминизма в указанный хронологический период. Например, публикация работы американского юриста Кемберли Креншоу «Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color» («Отображение границ: интерсекциональность, политика идентичности и насилие в отношении цветных женщин») привела к возникновению нового термина «интерсекциональность»⁵. Это понятие показывает, что разные идентичности, такие как раса, класс и пол, пересекаются между собой и влияют на то, как обращаются с человеком. Не вызывает сомнения, что новое понятие вызвал резонанс в американском обществе. Это способствовало поддержке работы Кемберли Креншоу другими исследователями. Достоверность этого факта можно подтвердить включением «интерсекциональности» в труд Джудит Батлер «Гендерные проблемы: феминизм и подрыв идентичности». Однако эта работа существенно отличалась от трудов других женщин данного периода. Дело в том, что Джудит Батлер не считает эту книгу феминистической и выступает против некоторых идей феминизма. Она убеждена, что стандарты, принятые в обществе, влияют на гендер человека и это неправильно. По ее мнению, каждый человек должен сам определять мужчина он или женщина, несмотря на биологические особенности.

Рассмотрев деятельность представительниц «третьей волны» феминизма в литературе, остановимся на искусстве. Стоит отметить, что искусство стало прибежищем для цветных женщин, ведь через него они могли поделиться с обществом чувствами и эмоциями. Одной из наиболее известных представительниц искусства является Кэрри Мэй Уэмс. В 1990-х гг. она выпускает серию фотографий «Цветные люди», чуть позже появляется серия «Семейные картинки и рассказы и Серия кухонных столов» (1995 — 1996 гг.), «Майские дни, давно забытые» (2022)⁶. Однако она была не единственной афроамериканской женщиной, которая раскрывала тему расового неравенства через искусство. Например, одной из наиболее известных художниц была Сенга Ненгуди, ее работы имеют индивидуальность. Дело в том, что она использовала нетрадиционные средства, такие как колготки, стручки семян и грязь для создания произведений. Конечно, представительницы «третьей волны» феминизма на этом не остановились и начали заниматься общественной деятельностью. Между прочим, этот способ оказался наиболее эффективным, так как объединял женщин воедино. Одной из таких ор-

ганизаций, стало создание в 1992 г. «Center for Reproductive Rights» («Центр репродуктивных прав»), который занимался вопросами отмены принудительной стерилизации, ранних детских браков и обеспечения безопасных аборт⁷. Кроме того, данное объединение продолжает успешно оказывать помощь женщинам и в настоящее время. Безусловно, в этот хронологический период создавались и организации, занимающиеся вопросами отмены гендерного неравенства и насилия в отношении женщин. Однако со временем решение данных вопросов приобрело другую форму. Это было связано с развитием интернета и социальных сетей, которые довольно быстро приобрели популярность, благодаря чему женщины сообщали о своих проблемах и чувствах в интернете. Об этом свидетельствует и движение «Me Too» («Я тоже»), возникшее в 2006 г. Основательницей является Тарана Берк которая предложила публиковать в сети информацию о сексуальных домогательствах с хэштегом «Я тоже»⁸. Стоит отметить, что это движение является популярным и в настоящее время.

«Третья волна» феминизма завершилась в 2008 г. и в обществе было закреплено мнение, что женщины добились прав во всех сферах жизнедеятельности и говорить о возникновении нового женского движения не имело значения. Однако в 2012 г. зарождается «четвертая волна» феминизма, которая продолжает развиваться и в настоящее время. Отметим, что у новой волны феминизма нет каких-либо конкретных целей, однако девушки пытаются искоренить проблему сексуального домогательства, насилия в отношении женщин и неравенства в экономической сфере⁹.

Прежде всего стоит начать с вопроса о сексуальном домогательстве, который остро обсуждается в социальных сетях в период данной волны. Стоит отметить, что проблема насилия в отношении темнокожих женщин на территории США является актуальной и в настоящее время. Об этом свидетельствует отчет за 2018 г., проведенный «The National Center on Violence Against Women in the Black Community» («Национальный центр по борьбе с насилием в отношении женщин в чернокожем сообществе»). По результатам их исследований, каждая четвертая темнокожая девушка подвергается сексуальному насилию в возрасте до 18 лет, а 35 % женщин пережили ту или иную форму контактного насилия в течение своей жизни¹⁰. Однако правительство страны, общественные деятели и сами девушки принимают меры для улучшения положения. Например, в 2019 г. в 116-м Конгрессе палата представителей приняла закон «О повторной авторизации насилия в отношении женщин»¹¹. В этом документе присутствует 15 разделов, включающих в себя разные пункты, такие как экономическая безопасность, условия защиты жертв и многое другое. Благодаря этому акту женщина, подвергшаяся насилию, может рассчитывать на предоставление помощи от государства. Кроме того, создаются и организации, обеспечива-

ющие защиту девушкам, оказавшимся в такой тяжелой жизненной ситуации, например, «National Resource Center for Sexual Violence» («Национальный ресурсный центр по вопросам сексуального насилия»). Объединение дает женщинам советы касательно сексуального насилия и позволяет изучить этот вопрос благодаря онлайн ресурсам. Рассмотрев методы борьбы женщин против сексуального насилия, остановимся на вопросе расового и гендерного неравенства в экономической сфере. Стоит отметить, что данная проблема широко распространена на территории США и волнует огромное количество темнокожих женщин, которые с ней встречаются. Конечно, можно было бы предположить, что девушки не имеют должного образования, поэтому сталкиваются с безработицей, однако это не так. Достоверность этого факта можно подтвердить исследованиями Национального центра статистики образования: если сравнить 2000 — 2001 гг. и 2015 — 2016 гг., то количество степеней бакалавра, присужденных темнокожим женщинам, увеличилось на 75 %¹². Однако тем не менее девушки не могут найти работу. Следовательно, темнокожие девушки, имеющие образование, сталкиваются с расовым неравенством, но это не единственная проблема. Дело в том, что женщины, имеющие рабочие места, получают заработную плату существенно ниже, чем мужчины. Об этом свидетельствует материал, взятый из исследований «Inequality» («Неравенство»): «Среди работающих полный рабочий день женщины зарабатывали менее 81 цента на каждый доллар, заработанный мужчиной в 2016 году»¹³. Кроме того, ситуацию обострило появление COVID-19, из-за которого многие афроамериканские женщины лишились основной работы и заработной платы. Наличие всех вышеперечисленных проблем привело к некой борьбе темнокожих девушек за экономическое равенство, в ходе которого были предприняты следующие действия. Во-первых, в 2018 г. была образована организация «Освобождение поколений», основателями которой являлись афроамериканцы Джереми Грир и Рис Солана. Данное объединение направлено на искоренение экономики угнетения и созданий условия для экономической реализации цветных людей. Во-вторых, женщинами была создана медиа-платформа «IFundWomen» («Я финансирую женщин»). На сайте этой организации девушки, у которых есть собственные идеи по созданию бизнеса, могут подать заявку на грант и получить финансирование. Об этом сообщает и их реклама: «Для женщин, у которых есть большие идеи, мы здесь, чтобы помочь им воплотиться в жизнь»¹⁴. Однако женщины не остались наедине со своими экономическими проблемами. На помощь к ним присоединилась Комиссия по равным возможностям в области занятости. Она в свою очередь разработала «Стратегический план на 2018 — 2022 финансовые годы». Благодаря реализации пунктов этого плана на территории США удастся устранить и «предотвратить незаконную дискриминацию в сфере занятости»¹⁵.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что проблема дискриминации афроамериканских женщин остается нерешенной. В связи с чем возникает новая волна феминизма — «четвертая». Надо полагать, что ее появление оказалось неожиданным для американского общества. Однако, несмотря на это, «четвертая волна» феминизма в настоящее время активно и успешно занимается решением таких проблем, как прекращение сексуальных домогательств, насилия и экономического неравенства темнокожих женщин. Стоит отметить, что данное женское движение существенно отличается от всех других волн феминизма, так как все единство женщин сосредоточено в интернете и оно развивается благодаря социальным сетям и онлайн организациям.

Библиографические ссылки

¹ **Walker R.** Becoming the third wave. URL: <https://ru.scribd.com/document/322926030/RebeccaWalker-Becoming-the-Third-Wave> (дата обращения: 14.09.2022).

² **CBC NEWS.** Anita Hill vs. Clarence Thomas: Background. URL: <https://www.cbsnews.com/news/anita-hill-vs-clarence-thomas-the-backstory/> (дата обращения: 14.09.2022).

³ **Blakemore E.** How Anita Hill's Confirmation Hearing Testimony Brought Workplace Sexual Harassment to Light. URL: <https://www.history.com/news/anita-hill-clarence-thomas-sexual-harassmentconfirmation-hearings> (дата обращения: 14.09.2022).

⁴ **Питер Н.** Культура заговора: От убийства Кеннеди до «секретных материалов». М., 2010. С. 90. URL: <https://www.rulit.me/books/kultura-zagovora-ot-ubijstvakennedi-dosekretnyh-materialov-read-215212-90.html> (дата обращения: 14.09.2022).

⁵ **Crenshaw K.** Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Т. 43, № 6. URL: <https://www.jstor.org/stable/1229039?mag=kimberle-crenshaws-intersectional> (дата обращения: 14.09.2022).

⁶ Ретроспектива фотографий Кэри Мэй Вимс. Темы расового, гендерного и классового неравенства. URL: <https://www.buro247.ua/culture/news/retrospektiva-fotografykerri-mey-vims.html> (дата обращения: 31.10.2021).

⁷ Center for Reproductive Rights. URL: <https://reproductiverights.org/about-us/> (дата обращения: 14.09.2022).

⁸ Движение «Я тоже». URL: <https://metoomvmt.org/> (дата обращения: 14.09.2022).

⁹ **Annelisa Orlek** Feminism in the USA. URL: <http://serious-science.org/feminism-in-the-us-fromsojourner-truth-to-ruth-bader-ginzburg-6992> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁰ Цит. по: Black women, the forgotten survivors of sexual assault. URL: <https://www.ara.org/pi/about/newsletter/2020/02/black-women-sexual-assault> (дата обращения: 14.09.2022).

¹¹ Violence Against Women Reauthorization Act of 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116thcongress/house-bill/1585/text> (дата обращения: 14.09.2022).

¹² National Center for education statistics. URL: <https://nces.ed.gov/fastfacts/display.asp?id=72> (дата обращения: 14.09.2022).

¹³ Гендерное экономическое неравенство. URL: <https://inequality.org/facts/gender-inequality/#genderincome-gaps> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁴ Финансирование стартапов IFundWomen для женщин. URL: <https://ifundwomen.com/> (дата обращения: 03.11.2021).

¹⁵ Комиссия США по равным возможностям в области занятости. URL: <https://www.eeoc.gov/usequal-employment-opportunity-commission-eeoc-strategic-plan-fiscal-years-2018-2022> (дата обращения: 14.09.2022).

УДК 355/359

Л. А. Матвеева

Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941 — 1945 гг. (г. Саранск)

ПОДВИГИ ЖУРНАЛИСТОВ МОРДОВИИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 — 1945 гг.

В статье рассматривается участие журналистов Мордовии в Великой Отечественной войне, анализируются данные наградных листов на ордена и медали.

Ключевые слова: дивизионные газеты, литературные сотрудники, наградные листы, орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги».

82 года прошло с момента начала Великой Отечественной войны. На фронт отправлялись люди разных профессий, в том числе и журналисты. «Штыком и пером», с оружием в руках они защищали родную землю и одновременно создавали фронтовую летопись. Мордовские журналисты также встали на защиту Родины. В действующую армию было мобилизовано свыше 70 мордовских журналистов. Честно выполняли они свой гражданский и воинский долг, защищая Отчизну от захватчиков.

Всю войну прошел в составе 324-й Верхнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии 50-й армии генерала В. И. Болдина Г. Ф. Малюгин, до призыва на фронт работавший главным редактором Краснослободской районной газеты «Большевистская трибуна». Малюгин сражался под Москвой, участвовал в освобождении Белоруссии, в боях за Кенигсберг. Г. Ф. Малюгин был литературным сотрудником редакции дивизионной газеты «Вперед к Победе». Приказом от 17 сентября 1943 г. он был награжден «Медалью за отвагу», 3 мая 1944 г. — первым орденом Красной Звезды, 22 июля 1945 г. — вторым орденом. В наградном листе на второй орден Красной Звезды говорится, что в период наступательных боев в Восточной Пруссии Малюгин часто бывал непосредственно в боевых порядках стрелков, минометчиков, артиллеристов, своевременно организуя материал для газеты. В них был поднят ряд военных вопросов. Перед наступлением он организовал ряд статей о системе обороны противника. В наступлении давал ценные корреспонденции о героях боев, опыте литработы и т. д. «Через

газету Малюгин воспитывал у бойцов наступательный порыв, любовь к Родине, ненависть к врагу»¹.

С 1942 г. находился на фронте И. Е. Иневаткин — редактор Атюрьевской районной газеты «Колхозная жизнь». В звании старшего лейтенанта он воевал в составе 91-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта. И. Е. Иневаткин был демобилизован в 1944 г. после тяжелого ранения.

По партийной мобилизации ушел на фронт заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома ВКП (б) Д. Е. Рузавин. В 1926 г. в с. Ачадове он организовал один из первых на территории Мордовии (ныне Зубово-Полянский район) селькоровский кружок. Во время войны Д. Е. Рузавин был агитатором Политуправления Воронежского, а затем 1-го Украинского фронтов. «Я, как представитель мордовского народа, — писал он коллективу НИИ мордовской культуры в сентябре 1943 г., — целиком отдаю себя делу освобождения родной земли от фашистских захватчиков. Все свои знания, которые получил за 13 лет учебы в советских учебных заведениях, все свои силы отдаю героической борьбе на Воронежском фронте.

...За неоднократное выполнение заданий командования я награжден высокой правительственной наградой — орденом Отечественной войны I степени и впредь приложу все свои усилия, чтобы быть достойным сыном мордовского народа»².

Кроме того, Д. Е. Рузавин был награжден орденами Боевого Красного Знамени (приказ от 31 марта 1944 г.), Красной Звезды (приказ от 14 апреля 1945 г.), семью боевыми медалями. В наградном листе на представление к ордену «Красная Звезда» находим такие строки: «...В период подготовки операции, работая по заданию в частях 5 гв. армии, 60 армии майор Рузавин провел большую работу среди офицерского, сержантского и красноармейского состава по воспитанию высоких морально-политических и боевых качеств, воспитанию у них чувства ненависти к врагу. Во время наступательных боев на Краковском направлении, майор Рузавин, работая в 59 армии, показал себя умелым организатором политического обеспечения боевых действий...»³.

Уроженец п. Атяшево Атяшевского района И. Г. Казаев находился на фронте в должности редактора газеты «Путь к победе» 136-Киевской стрелковой Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии. Воевал на Северо-Западном, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Приказом от 17 марта 1944 г. был награжден орденом «Красной Звезды». В наградном листе сказано: «Капитан Казаев Иван Григорьевич <...> несмотря на отсутствия типографии во время боев дивизии в тылу врага, наладил выпуск дивизионной газеты на пишущей машинке. Он сам лично вел на передовой массово-разъяснительную работу, собирал материал ночью, печатал газету.

Газета-листочка популизировала героев боев, примеры героизма отдельных бойцов, офицеров подразделений»⁴.

Уроженец с. Старые Найманы Большеберезниковского района С. А. Головин, являясь литработником редакции армейской газеты «Ленинское знамя», приказом по ВС 2-й гвардейской танковой армии от 3 мая 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды. «Майор Головин Сергей Афанасьевич... показал себя энергичным, инициативным, мужественным военным журналистом. Все время, находясь вместе с наступающими частями <...> т. Головин организует для газеты много материалов. Дал ряд интересных статей, показывающих героизм, воинское умение, глубокую преданность к Родине и ненависть к врагу советских войск...»⁵.

Майор Г. Я. Чернов, уроженец с. Большой Азясь Ковылкинского района, был редактором дивизионной газеты 126-й стрелковой дважды Краснознаменной Ордена Суворова дивизии. Приказом от 23 августа 1944 г. он был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе отмечается: «Тов. Чернов участник Отечественной войны с августа 1942 г. Приложил исключительно много энергии для улучшения качества дивизионной газеты, культурного оформления ее. Во время обороны на турецком валу газета мобилизовала весь личный состав на подготовку к наступательным боям, популяризировала боевой опыт и традиции дивизии, частей и подразделений. <...> Во время боев в Крыму и за Севастополь тов. Чернов находился часто в боевых порядках 550 и 366 стрелкового полка, оказывал большую помощь в работе партполитаппарата, в особенности в деле организации выпуска боевых листков, в выпуске специальных листков на переднем крае „Передай по цепи“, которые сыграли большую роль в мобилизации личного состава на выполнение боевых приказов...»⁶.

Двумя орденами Красного знамени отмечен боевой путь литсотрудника газеты «Якстере теште», заместителя редактора «Эрзянь коммуна», редактора журнала «Сятко» А. М. Лукьянова. В годы Великой Отечественной войны он воевал на Западном, 3-м Белорусском фронтах, участвовал в боях с Японией. В наградном листе на первый орден Красной Звезды (приказ от 15 июля 1944 г.) так описан боевой подвиг старшего сержанта: «Тов. Лукьянов служит в редакции газеты „За родину“ 144 стрелковой дивизии с 1941 года. На практической работе проявил себя инициативным и находчивым газетным работником. В сложных условиях наступательных боев с 23 июня по 7 июля 1944 г. тов. Лукьянов образцово выполнял задания по организации материала для газеты, находясь все время в полках дивизии»⁷.

Немало работников печати Мордовии отдало жизни за свободу и независимость своей Родины. С фронтов Великой Отечественной войны не вернулись журналисты: П. Рунков, Ф. Дурнов, П. Карабельщиков, Д. Храмов, А. Рогожин, С. Прохоров, А. Осипов, Я. Норкин, П. Начкин, П. Талдин,

Н. Чекашкин, И. Белов, Г. Баранов, В. Горбунов, П. Батаев, И. Бескин, С. Вернер, В. Водясов, С. Девин, С. Капустин, В. Киреев, Д. Колышкин, Н. Левин, Е. Спирькин, П. Ильин.

П. А. Рунков в 1930-е гг. редактировал Краснослободскую районную газету «Большевицкая трибуна», был внештатным корреспондентом «Красной Мордовии». С лета 1940 г. заведовал отделом партийной жизни «Красной Мордовии». С началом войны П. А. Рунков добровольцем пришел в военкомат и был зачислен в 326-ю стрелковую дивизию, сформированную в Мордовии. В ноябре 1941 г. по повестке военкомата Рунков был направлен во Владимирское военно-пехотное училище ускоренного типа. Получив звание лейтенанта, в феврале 1942 г. Рунков прибыл в 769-й стрелковый полк 141-й стрелковой дивизии, сформированной в г. Алатырь Чувашской Республики. Он был назначен заместителем командира 2-го батальона по политической части.

В письме брату Василию в апреле 1942 г. Павел Алексеевич писал: «Еще в октябре — ноябре прошлого года временно работал в военном трибунале дивизии. Дивизия отправилась на фронт. Трибунальцы приглашали с собой, но я отказался. В ноябре попал на переподготовку и получил лейтенанта. Вот уже месяц нахожусь в Чувашии, в подразделении автоматчиков. Когда на фронт неизвестно, но, во всяком случае, скоро»⁸.

С середины лета 1942 г. части 141-й дивизии держали оборону под Воронежем, на левом берегу Дона в районе населенного пункта Олень-Колодезь. 15 января 1943 г. 769-й полк перешел в наступление в направлении Воронежа. В ходе этой операции 2-й батальон капитана Г. Васина, в составе которого воевал П. А. Рунков, в районе хутора Хмелевый Лес попал в засаду. В этом бою и погиб старший лейтенант. Приказом от 30 апреля 1943 г. он был награжден орденом «Отечественной войны» I степени.

С. П. Вернер в 1930-е гг. был действительным штатным корреспондентом «Красной Мордовии». На фронт он был призван Саранским городским военкоматом 6 января 1942 г. Начал войну на Западном фронте в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. «Если в газетах будете читать о действиях 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, — писал Вернер родным 25 января 1942 года, — помните, что я вместе с ним на полях сражений. Что будет впереди, сказать трудно... Еду на фронт спокойно и без всякой боязни, точно возвратились старые времена гражданской войны, когда я уезжал на фронт...»⁹.

С. П. Вернер показал себя серьезным, ответственным и старательным бойцом, всем сердцем и душой болеющим за свое дело. В связи с этим в июне 1942 г., через шесть месяцев службы, он получил звание старшего сержанта и должность инструктора химвзвода. Кроме того, Вернер как ученый и журналист получил от командования задание — написать историю

своего полка. Он начал вести боевой дневник, куда заносил описания боев и маршрутов своего полка, собирал материалы о сослуживцах и об их ратных подвигах.

В зиму 1942 — 1943 гг. С. П. Вернер сражался с врагом на одном из участков Юго-Западного фронта. В ноябре 1942 г. Вернер писал сотрудникам Научно-исследовательского института при Совете министров МАССР, где он работал до войны научным сотрудником, Коткову и Самаркину: «Ужасно соскучился по научной работе. <...> Как бы я сейчас с удовольствием залез в архив, покопался в древностях. Но... действительность прежде всего. Впереди еще предстоят жаркие бои, а я сейчас — прежде всего воин, призванный защищать свою Родину, и с честью выполняю свой воинский долг. И если придется умереть, так знайте, что ваш друг падет на поле боя, как подобает советскому гвардейцу»¹⁰.

В марте 1943 г. С. П. Вернер был награжден медалью «За боевые заслуги». В тексте приказа о награждении личного состава по 3-му гвардейскому Белозерскому кавалерийскому полку 1-й гвардейской Краснознаменной Ставропольской имени Блинова кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта медалью «За боевые заслуги» говорится, что гвардии сержант Вернер Серафим Николаевич «...при выходе из тыла противника сумел вывести свое отделение без потерь, будучи в разведке в районе Балаклея точно установил наличие противника в указанном районе. Несмотря на ранение лошади, сумел в срок доставить данные о противнике»¹¹.

С середины марта 1943 г. он продолжал сражаться в частях, шедших по направлению к Киеву. Однако освободить Киев ему не довелось. 5 ноября 1943 г. С. П. Вернер погиб в одном из боев на подступах к Киеву.

В. И. Водясов в 1930-е гг. работал заведующим отделом пропаганды газеты «Ленинэнь киява», литсотрудником журнала «Сятко», заведующим культотделом газеты «Эрзянь коммуна». С первых дней войны он был призван на фронт. Служил в звании старшего лейтенанта командиром роты автоматчиков 866-го стрелкового полка 287-й стрелковой дивизии. Приказом от 8 ноября 1944 г. В. И. Водясов был награжден орденом Красная Звезда. В наградном листе читаем: «Смелость и отвагу в сочетании со стремительными действиями он проявил 27.10.1943 года при наступлении на высоту Безымянная, что сев. вост. Новоселки. Будучи командиром резерва <...> он, правильно расставив силы, повел свою роту в наступление на численно превосходящего противника. Находясь впереди наступающих, он во главе своей роты ворвался в траншею противника, несмотря на яростное сопротивление врага и ожесточенный огонь из всех видов оружия. Очистив траншею он, взвесив сложившиеся обстоятельства, стремительно повел свою группу в дальнейшую атаку. Благодаря стремительности наступления, резервная группа с боем прошла 2 км укрепленной полосы противника, решив

выполнение боевой задачи полка. Получив ранение, он не ушел с поля боя и только по приказанию командира полка ушел в санчасть...»¹².

При освобождении с. Гайдетковецкое, расположенного недалеко от г. Мариуполя 1 апреля 1944 г., рота Водясова вступила в бой с батальоном СС. В этом бою погибла почти вся рота, в том числе и В. И. Водясов.

В мае 1944 г. погиб Ф. С. Дурнов, сотрудничавший до войны в Ковылкинской районной газете «Знамя Ленина» в качестве литсотрудника, затем редактировавший (в 1940 — 1942 гг.) журнал «Колхозонь эряф».

В бою за г. Медынь Калужской области в 1942 г. погиб сотрудник «Ленинэнь киява» рядовой П. П. Батаев. В декабре 1942 г. погиб в бою редактор Больше-Игнатовской районной газеты «По сталинскому пути» рядовой В. С. Горбунов. Ответственный секретарь этой же газеты майор П. И. Ильин погиб в сентябре 1944 г., похоронен в г. Топлица в Северной Трансильвании.

На фронте был востребован опыт газетной работы журналистов Мордовии. Наиболее активными сотрудниками военной печати были А. М. Лукьянов, В. И. Радин-Аловский, А. Моро (А. М. Осипов), П. Гайни (П. У. Поздеев), Е. И. Пятаев, И. З. Антонов, С. Е. Вечканов, П. П. Батаев, И. Д. Воронин, П. С. Кириллов, А. С. Щеглов, И. М. Девин, И. Ф. Чумаков и др.

Например, И. Ф. Чумаков зарекомендовал себя активным военкором в различных фронтовых и дивизионных газетах. Войну Чумаков встретил в рядах Советской армии. Окончив шестимесячные курсы Киевского особого военного округа и получив звание политрука, он был направлен в 4-ю ударную армию. С зимы 1942 г. до августа 1943 г. Чумаков воевал в составе 145-й стрелковой дивизии Калининского фронта, которым командовал уроженец Дубенского района Мордовии М. А. Пуркаев. В 1943 г. он получил тяжелое ранение. После выхода из госпиталя был переведен в 262-ю Демидовскую стрелковую дивизию, в составе которой участвовал в освобождении Смоленской области и Белоруссии. Чумаков работал сотрудником газеты «За Родину» 145-й дивизии, «В атаку» — 262-й дивизии, «Вперед на врага» — 166-й дивизии, газеты «Сын Родины» учебно-стрелковой дивизии, был внештатным корреспондентом газеты «Красноармеец» Приволжского военного округа, фронтовой газеты «Вперед на врага» Калининского фронта. За свою журналистскую деятельность И. Чумаков не раз получал благодарности от командования. «Было нелегко, — вспоминает И. Ф. Чумаков, — приходилось на передовую ходить пешком, а это двадцать или более километров. И после возвращения оттуда не садишься отдыхать, а берешь ружьку и начинаешь писать статью для газеты. Да и на передовой во время сбора материала приходилось не только разговаривать с солдатами, но и стрелять в фашистов»¹³.

В редакции газеты «За Родину» политотдела 31-й стрелковой дивизии работал Е. И. Пятаев. С ноября 1933 г. он сотрудничал в газете «Ленинэнь

киява». В действующую армию он был призван 27 июня 1941 г. и направлен на учебу в военно-политическое училище им. Фрунзе, расположенное в г. Горьком. После окончания училища с ноября 1941 г. Пятаев служил в должности политрука роты. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Литературным сотрудником дивизионной газеты «За Отечество» 320-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта работал Г. М. Прекин, после войны долгое время занимавший должность ответственного секретаря, а затем редактора многотиражной газеты «Биохимик» Саранского завода медикаментов. Достаточно подробно Г. М. Прекин останавливается в воспоминаниях на особенностях работы корреспондентов дивизионных газет: «Небольшой коллектив редакции и типографии нашей дивизионной газеты „За Отечество“ постоянно жил напряженной боевой жизнью. Наша дивизия сражалась в составе 5-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант Цветаев. Стояли жаркие июльские дни 1943 г. Взломав вражескую оборону на участке западнее Ростова в направлении районного центра Куйбышево, наша дивизия, сменяя контратаки врага, упорно продвигалась вперед.

В боевых порядках пехоты постоянно находились заместитель редактора <...>, литературный сотрудник <...> газеты.

<...> Сотрудникам редакции приходилось преодолевать опасные участки, чтобы добраться до <...> траншей. Корреспондентам газеты были всегда рады в подразделениях. От них узнавали последние новости на фронтах, с ними охотно делились боевым опытом, им рассказывали о стойкости и героизме товарищей. Случалось, что корреспондентам приходилось прятать блокнот в полевую сумку и вместе с бойцами отражать контратаки врага.

Печатное слово на фронте было очень популярным. Новости войны ловили с жадностью.

В работе военного корреспондента <...> самое главное — уметь поддерживать связь со своей редакцией. Где бы ты ни находился, как бы стремительно ни продвигалась твоя дивизия, служебный и моральный долг требовал от тебя вовремя передать материал в редакцию»¹⁴.

Сотрудничал в дивизионных, окружных газетах М. И. Грошев, селькор газет «Красная Мордовия», «Молодой ленинец». За боевые заслуги М. И. Грошев был награжден двумя орденами Отечественной войны II степени. После войны Грошев работал собственным корреспондентом «Красной Мордовии» по Инсарскому району, ответственным секретарем Саранской, Торбеевской, редактором Ладской районных газет.

Корреспондентом газеты «Патриот Родины» был учитель из с. Новая Александровка Старошайговского района, старший лейтенант И. А. Игошев.

Таким образом, представители мордовской печати сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них за отличие в боях с немецко-фашистскими захватчиками награждены орденами и медалями. Более двадцати журналистов не вернулись с полей сражений, отдав жизни за свободу и независимость Отчизны.

Анализируя тексты наградных листов журналистов Мордовии — участников Великой Отечественной войны, отметим общую черту: в описании подвигов в заслугу ставится работа в газетах с целью совершенствования агитационно-пропагандистской работы, повышения духа борьбы с врагом. Это не удивительно, поскольку вся система советской журналистики работала на общую Победу, на разгром врага. Слова поэта В. Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», — мордовские журналисты воплотили в жизнь, сделали реальностью.

Библиографические ссылки

- ¹ Письма фронтовые. Саранск, 1981. 248 с.
- ² Подвиг народный : сб. Саранск, 1995. С. 127.
- ³ Подвиг народный. URL: <http://www.podvignaroda.ru> (дата обращения: 27.04.2022 г.).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Письма фронтовые. С. 134.
- ⁹ НА НИИГН. И-1199. Л. 59.
- ¹⁰ Там же. Л. 87.
- ¹¹ Подвиг народный.
- ¹² Там же.
- ¹³ Письма фронтовые. С. 98.
- ¹⁴ Прекин Г. Письмо Ильи Эренбурга // Подвиг народный. Саранск, 1995. С. 138.

УДК 94(47).084.3

А. В. Мирясов

Пензенский государственный университет (г. Пенза)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В 1920-е ГОДЫ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье пойдет речь о формировании системы принуждения как факторе мотивации труда на промышленных предприятиях Пензенской губернии в 1920-е гг.

Ключевые слова: система принуждения, Пензенская губерния, промышленные предприятия, трудовая дисциплина.

1920-е гг. являются одним из периодов в истории России, которые подвергаются наиболее активной научной разработке в современной историографии. Столь пристальное внимание к этому ключевому периоду отечественной истории объясняется прежде всего происходящей трансформацией тенденций развития исторического пространства, сменой научной парадигмы в отечественной историографии, которые способствовали глубокому переосмыслению уже оформившихся концептуальных конструкций, моделей постановки проблем и их решения. Серьезные институциональные изменения в методологии научных исследований потребовали нового глубокого анализа широкого спектра как ранее практически не изучавшихся проблем, так и не обойденных вниманием советской историографии.

Как известно, переход к нэпу совершался в условиях резкой смены экономической системы — от капиталистической экономики дореволюционной России, через милитаризованную экономику военного коммунизма (с принудительным характером труда), поставившую страну на грань экономического и политического краха. Задачи восстановления промышленности страны в 1920-е гг. потребовали от властей не только введения новых, более либеральных принципов управления народным хозяйством, но и создания новых форм мотивации труда.

Одной из важных составляющих любой системы правил промышленного предприятия является свод норм, предписывающих поведение работников. Через формальные и неформальные правила управляющий состав руководит персоналом. За неправильное поведение следует наказание, а за правильное — вознаграждение. Исторически работники обычно предпочитали как можно большее ограничение произвола со стороны начальства и расширение сферы правил.

Государство, поставив целью воспитать сознательную трудовую дисциплину на практике, решило достичь методами, которые В. И. Ленин называл «дисциплиной голода», т. е., речь шла о применении системы наказаний, в том числе (а иногда и в особенности) и с применением методов материального и административного наказания. «Для того, чтобы восстановить хозяйство нужна дисциплина... Тут все сентиментальности, всякая болтовня о демократии должны быть выкинуты вон!»¹. «Сентиментальность есть не меньшее преступление, — говорил Ленин, — чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду». Фразеология достаточно воинственная — «шкурники», «враги». Однако В. И. Ленин понимал, что только принуждением ничего добиться нельзя. «Мы правильно и успешно применяли принуждение тогда, когда умели сначала подвести под него базу»², — говорил он в конце 1920 г. Однако еще 9 августа 1918 г. Ленин в телеграмме Пензенскому губисполкому писал: «Необходимо организовывать усиленную охрану из от-

борно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»³. Начало правовому регулированию деятельности лагерей положил декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ»⁴. Организация и заведование лагерями возлагались на губернские чрезвычайные комиссии.

Таким образом, главным инструментом в борьбе с нарушителями трудовой дисциплины в начале 1920-х гг. становятся Товарищеские дисциплинарные суды (ТДС)⁵. В общем, это было естественно, ибо переход от войны к миру не мог быть мгновенным. Гражданская война внесла в этот процесс коррективы, и государство вынуждено было встать на жесткие централизованные позиции в вопросах экономики. В результате создается такая экономическая модель государственного устройства, которая, возможно, и способствовала сохранению Советской России в годы Гражданской войны, но ее продолжение в мирный период могло привести к потере власти большевиков. Более того, крайне тяжелое материальное положение трудящихся в городах и сравнительно благоприятное в сельской местности вынуждало рабочих уезжать из промышленных центров в деревню. В рабочей среде было заметно падение производственной дисциплины. Причины прогулов в годы Гражданской войны обуславливались отсутствием экономических стимулов к труду. Когда работа на предприятиях была не в состоянии обеспечить достойное материальное существование, рабочие в этих условиях вынуждены были искать альтернативные источники существования. По оценке Л. Д. Троцкого, 80 % времени рабочий тратил на поиски продовольствия и только 20 % на работу⁶. Объяснение слабой трудовой дисциплины упоминалось в газете «Труд»: «Чтобы получить дрова и продовольствие по карточкам, приходилось стоять в очереди целый день, а для получения социального обеспечения для членов семей уходили дни»⁷.

В ноябрьском постановлении НКВД 1920 г., адресованном в Губисполкомы страны с грифом «секретно», четко указывалось на то, что основным методом борьбы со всеми видами нарушений трудовой дисциплины считать трудовую повинность⁸. Ставка делалась на меры принуждения, но не через общественные организации, а именно через дисциплинарные суды. В. И. Ленин, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов подчеркивал: «Производственная роль профсоюзов... сплошные пустяки, если у нас нет дисциплинарных судов»⁹. В том же выступлении Ленина на VIII съезде Советов экономический фактор, т. е. улучшение материального положения рабочих и достижения на этой основе нормальной дисциплины труда, не фигурирует.

В 1921 г. в структуре подчинения дисциплинарных судов произошел ряд перемен. По декрету СНК от 5 апреля 1921 г. суды передавались в веде-

ние профсоюзов. По положению, подсудными стали не только рабочие, но и администрация¹⁰. К созданию ТДС подключился и наркомат юстиции, который своим циркуляром от 14 апреля 1921 г. обязал все местные органы принять активное участие в повсеместной организации товарищеских судов. Была определена их точная компетенция, формы и методы наказания виновных. Теперь им были подсудны не только рабочие, но и администрация. Тогда же Наркомюст РСФСР, ВЦСПС и ВСНХ издали «Основную инструкцию по применению Положения о дисциплинарных товарищеских судах», где расписали механизм их работы¹¹. В результате реформы в Пензенской губернии было создано 28 местных дисциплинарных товарищеских судов, из которых 18 находились в Пензе. В 1921 — 1922 гг. дисциплинарные суды действовали в большинстве случаев методами органов борьбы с труддезертиризмом. ТДС действительно способствовали стабилизации дисциплины на предприятиях. Они были как бы фактором устрашения, и далеко не все нарушения трудовой дисциплины доходили до этих судов. Чаще всего дело ограничивалось угрозой применения санкций через суд. Общепринятого производства в ТДС не было, в лучшем случае составлялся протокол и записывались обвинения или характер поступков. Четкой системы административных наказаний не было разработано. Решения принимались, вероятнее всего, относительно субъективного восприятия значимости поступков.

За что же судили дисциплинарные суды? По общероссийским статистическим сведениям в 1921 г. 61,1 % всех нарушений составили невыходы на работу; 12,7 % — нарушение правил внутреннего распорядка; 12 % — хищения; 11,4 % — недобросовестное отношение к работе и 2,3 % — прочие проступки¹². Однако в этом отношении статистические данные имеют весьма противоречивое значение. Прогоулы по неуважительным причинам являлись достаточно устойчивым явлением. Из всех зафиксированных неявок они составляли 40 — 48 % дел. Основная масса прогулов приходилась на начало и конец рабочей недели. Рабочие, совмещая прогульные дни с выходными, уезжали в деревню с целью запастись более дешевыми продуктами питания.

Действительно, в 1921 г. прогулы захлестнули все предприятия губернии. Нужна была экономическая система, которая регулировала бы побудительные мотивы к труду и задействовала самый мощный из них — материальный интерес, а под влиянием экстремальной обстановки — Гражданской войны, разрухи, голода — складывалась противоположная система, гасившая всякое желание трудиться. В информационные сводки ОГПУ по политико-экономическому состоянию РСФСР в этот период в более чем достаточном объеме присутствуют сходные по содержанию обзоры и справки: «...Производительность труда предприятий продолжает падать безостановочно; в некоторых районах рабочие начинают массами покидать предпри-

ятия, расхищая при своем уходе заводское имущество в виде сырья и даже оборудования»¹³. Старая дисциплина труда, державшаяся на «хозяйском глазе» и экономическом принуждении к труду, рухнула. Новая, основанная на сознательности рабочих, еще не сложилась. В этих условиях для укрепления дисциплины рабочих применялись в основном административные меры. Пензенский трубочный завод 21 мая 1921 г. вынужден был остановиться из-за неявики на завод более половины рабочих¹⁴. Положение в Пензенской губернии характеризовалось так: «Голод волнует рабочих, они мало думают о работе, а стремятся достать так или иначе продуктов, дабы не умереть с голода»¹⁵. Высокие цены на рынках делали недоступными продовольственные товары. Рабочие бросали работу, уходили на полнедели в окрестные села за продуктами. Из обзора внутреннего политического положения РСФСР за март 1922 г.: «...Продкризис, кризис дензнаков влечет за собой невыплату жалования и пайка рабочим, рост дороговизны — все также характерные для всех прошлых месяцев факторы, являющиеся и в марте основными причинами недовольства»¹⁶.

Новая экономическая ситуация, переход предприятий на хозрасчет, потребовали изменить и методы воспитания сознательной дисциплины труда. Дисциплинарные суды упирали явно не на сознательность — они устрашали. Специально созданной комиссии поручалось разработать вопрос о праве администрации налагать дисциплинарные взыскания в соответствии с законодательством, т. е., уже к концу 1921 г. сложилось два подхода даже не к судьбе дисциплинарных судов, а по вопросу, как обеспечивать дисциплину труда методами воспитания и поощрения или методами устрашения и наказания. Руководство ВЦСПС склонялось скорее к «воспитательной» линии. В таком случае ТДС, которые должны были скорее карать и запугивать, чем воспитывать и убеждать, явно не вписывались в новую политику, поэтому они были упразднены.

В связи с изменением общеполитической ситуации в стране в начале 1920-х гг., правительство сделало упор на экономические меры наказания. В сентябре 1921 г. СНК внесло изменения в декреты периода военного коммунизма, касаемых управления дисциплиной на производстве: «...в отношении государственных предприятий и учреждений, администрации предоставляется право сверх удержания заработной платы, производить вычеты из премии за совершенные прогулы рабочими и обслуживающим персоналом». Была установлена и такса (или шкала) этих вычетов: за 1 день прогула в течение месяца высчитывать 10 % месячной премии, за 2 дня — 20, за 3 дня — 40, за 4 дня — 60, за 5 дней — 75 %.

Реформирование централизованно-плановой экономической системы в 1920-е годы не привело к укреплению трудовой дисциплины рабочих государственной промышленности. В условиях, при которых заработная плата

слабо зависела от результатов труда рабочего, когда администрация предприятий формально занималась социальными вопросами, бытом людей, трудно было рассчитывать на сознательное и добросовестное отношение работников к своим обязанностям. Вместе с тем неверно было бы говорить, что столь плачевная картина отмечалась в течение всех 1920-х гг. До середины 1920-х гг., когда еще сказывалась определенная либерализация централизованно-плановой экономической системы, в области трудовой дисциплины проявлялось достаточно много положительного. Наблюдались активность и инициативность людей, стремление эффективнее использовать производственное время. В связи с этим отмечалась тенденция сокращения прогулов на предприятиях. Так, по статистическим данным, в Пензенской губернии в 1921 г. на одного рабочего приходилось по неуважительным причинам — 17,0 прогулов, то в 1922 г. — 6,6, 1923 г. — 3,0, в 1924 г. — 2,7 прогулов. С улучшением материального обеспечения рабочих уменьшилось и число прогулов, возникших по болезни. Так, если рабочие Пензенской губернии в год из-за болезней пропускали в 1920 г. — 42,4 дня, 1921 г. — 24,5, то в 1922 г. — 14,9, в 1923 г. — 13,4, в 1924 г. — 13,6¹⁷ дня. Незначительное увеличение числа прогулов приходилось на весенние месяцы, в связи с распространением респираторных инфекций.

К работе по улучшению дисциплины труда на предприятиях активно подключились профсоюзы. В конце 1923 г. ВЦСПС разработал и разослал в отраслевые ЦК и региональные профорганизации «Табель взысканий»¹⁸. Этот документ стал основополагающим в регулировании трудовых отношений на производстве и определении мер наказания за нарушение трудовой дисциплины. Правила эти согласно ст. 53 КЗоТ представляли собой простой образец. Они обладали обязательной силой для тех учреждений и предприятий, где по какой-либо причине не имелось своих правил внутреннего распорядка. На местах могли быть изданы дополнительные правила к центральным. Все эти дополнения должны быть согласованы с союзом (или в РКК) и утверждены инспектором труда. Местные договорные правила внутреннего распорядка вырабатывались администрацией данного предприятия с местным отделением профсоюза или РКК, а затем представлялись инспектору труда на утверждение¹⁹.

Следует отметить, что Правила, разработанные в первой половине 1920-х гг., имели относительную шкалу градаций нарушений. Фактически, называясь «примерными», эти правила позволяли варьировать как структуру, так и их содержанием в рамках нормативных документов общероссийского масштаба. За нарушение правил внутреннего распорядка на виновных налагались взыскания по особо приложенной к правилам табели взысканий в зависимости от тяжести проступков и их повторяемости. Согласно указанной табели мерами взыскания являлись: а) выговор с объявлением по уч-

реждению и извещением местного комитета и б) увольнение. Увольнение могло быть произведено лишь с согласия РКК. Например, принятый «Табель взысканий» Пензенского суконного треста, начавший действовать с 1 июля 1925 г.²⁰ предусматривал пять видов наказаний: 1) выговор в приказе по фабрике с письменным извещением по цеху; 2) с извещением Фабкома; 3) с извещением Губотдела союза; 4) перемещение на низшую должность; 5) увольнение. В общем, здесь явно преобладают меры морального воздействия. Однако за какое-либо нарушение администрации завода была представлена возможность выбирать приемлемый вид наказания.

Надо отметить, что «правила внутреннего распорядка» не являлись единственным средством регулирования взаимоотношений на производстве между рабочими и работодателем. Так, например, на писчебумажной фабрике «Красная Роза» был предпринят следующий шаг: «В целях усиления борьбы за трудовую дисциплину, с 1-го апреля 1926 г. нашим заводоуправлением был введен в обиход штрафной журнал. В нем велась запись взысканий за те или иные проступки, которые совершались»²¹. Восемимесячная запись позволяет судить о количестве и качестве этих взысканий, при чем характерны тут такие факты: «...за прогулы и другие проступки подвергнуты взысканию 40 человек, из них двое уволены, 15 — имеют строгий выговор с предупреждением об увольнении и 23-м объявлен просто выговор. Большинство взысканий наложены за прогулы по пьянке, так как почти все рабочие фабрики, являясь местными крестьянами, боят бесконечные престольные праздники, которые никогда не обходятся без выпивки...»²².

В середине 1920-х гг. существенным сдерживающим фактором, повлиявшим на трудовую дисциплину, выступали задержка заработной платы, повышение норм выработки и резкое повышение расценок²³, а во второй половине 1920-х гг. — дефицит продуктов и предметов первой необходимости. Люди простаивали в очередях за продуктами питания, задерживались в медицинских учреждениях из-за отдаленности последних от расположения предприятия, у многих работников жилье находилось на большом расстоянии от места работы²⁴. Естественно, рабочие на такие явления реагировали негативно, определенным образом их отношение к труду проявлялось в производственной дисциплине, и, как следствие, нарастание негативных тенденций в области трудовой дисциплины²⁵.

Явное ужесточение карательных мер наблюдалось в правилах внутреннего распорядка, зафиксированных в коллективном договоре Трубочного завода на 1926 г. Здесь было предусмотрено 4 вида наказаний: 1) выговор с объявлением по цеху; 2) выговор с объявлением по заводу; 3) выговор с уведомлением райкома союза; 4) увольнение²⁶. В коллективном договоре этого завода на 1927 г. содержалось уже 3 вида наказаний: 1) выговор с объявлением по цеху или отделу; 2) перевод на нижеоплачиваемую работу;

3) увольнение²⁷. Незначительная вариативность в «Табеле взысканий» наблюдалась на текстильных предприятиях губернии в этот период²⁸. Аналогичная ситуация была зафиксирована в коллективных договорах предприятий целлюлозной и бумажной промышленности на 1926 г.²⁹ Более того, в подавляющем большинстве случаев за нарушения трудовой дисциплины назначались взыскания «2» — «3»³⁰.

Проекцией складывающейся ситуации в области трудовых отношений на предприятиях страны явился ряд постановлений, реально ужесточающих взаимоотношения работодателей и рабочих не в пользу последних. Постановление СНК СССР «О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях» от 6 марта 1929 г. фиксировало следующее состояние: «Одной из главных причин, задерживающих рост нашей промышленности... является ослабление трудовой дисциплины среди некоторых отсталых групп рабочих на предприятиях... В результате этого, возросли прогулы, увеличилось число опозданий на работу, наблюдается небрежное обращение с машинами и материалами, невыполнение распоряжений администрации и другие нарушения правил внутреннего распорядка... В этих целях СНК СССР постановляет:

1. Предоставить администрации государственных предприятий право самостоятельно налагать на работников за нарушение трудовой дисциплины все взыскания, предусмотренные табелем взысканий»³¹. Далее в Циркуляре НКТ СССР от 8 марта 1929 г. № 103 о мерах по укреплению трудовой дисциплины фиксировалось следующее: «...большое влияние на невыполнение плана роста производительности труда оказывает наблюдающееся падение труддисциплины. В настоящее время, наряду с пропусками по неважным причинам, наблюдаются такие виды нарушений труддисциплины, как пьянство на производстве, сон на работе, проявления хулиганства, искусственное снижение производительности труда, порча материалов, машин и оборудования, оскорбления и избиения специалистов, небрежность и халатность в соблюдении правил техники безопасности, кражи, симуляции заболеваний и др.

В связи с этим все органы труда должны принять к неуклонному исполнению постановление СНК СССР от 6 марта 1929 года о мерах к укреплению трудовой дисциплины и в частности: 1) учитывать, что действующими табелями взысканий предусмотрена возможность увольнения в качестве меры взыскания при первом же грубом нарушении трудовой дисциплины; 2) учитывать, что табель взысканий дает лишь общие положения, не затрагивающие конкретной обстановки совершения проступка, которая в некоторых случаях может резко усугублять вину работника»³².

27 августа 1929 г. постановлением НКТ СССР был введен новый табель взысканий, который предполагал следующую систему взаимоотношений

рабочих и работодателей. За нарушение трудовой дисциплины администрация предприятия имела право налагать следующие взыскания: 1) выговор с объявлением по цеху или предприятию и извещением фабзавкома; 2) увольнение. Независимо от наложения взыскания по настоящему табелю, предприятие вправе в предусмотренных в законе или коллективном договоре случаях и размерах: а) взыскать убытки, причиненные нарушениями трудовой дисциплины; б) не уплатить работнику зарплату за прогульное или простое время³³. Заметим, что эти правила уже не названы примерными. Более того, при отсутствии местных правил, правила 27 августа 1929 г. являлись обязательными, не требуя утверждения инспектора труда.

В дальнейшем постановлением НКТ СССР от 17 декабря 1930 г. вводился следующий «Табель взысканий», который зафиксировал возможность решения вопросов, касаемых дисциплины труда рабочих, в судебном порядке. «...в случаях злостного нарушения трудовой дисциплины работник должен быть привлечен к уголовной ответственности в трудовой сессии народного суда. При этом администрация вправе, не ожидая приговора суда, уволить работника или отстранить его от работы»³⁴.

Таким образом, начиная со второй половины 1920-х гг. можно утверждать, что происходит снижение заинтересованности рабочих в результатах своего труда. Причинами этого могли быть, как общая деформация системы стимулирования деятельности рабочих в целом по промышленности, что было указано выше, так и частные причины, действовавшие на конкретных предприятиях. Однако, что является весьма интересным, второе играло роль не самостоятельной причины, а индикатора первой. Другими словами, действия (поведение) рабочих, в этом случае, можно принять за более или менее объективные, тогда как руководство промышленных предприятий губернии либо умышленно игнорировали проблемы на местах, либо, являясь просто некомпетентными³⁵, в большей степени, или слепыми, не замечали их. В перечне причин нарушений трудовой дисциплины правомерно выделить и те, что носили морально-этический характер. Здесь подразумеваются складывающиеся взаимоотношения между рабочими коллективами и административным корпусом. Грубость, игнорирование требований рядовых участников производства, высокомерие — эти и другие подобные качества имели достаточно распространенный характер в административной среде. Так, в секретной переписке Кузнецкого Окружного отдела ОГПУ за 1928 г. указывалось: «...сортировщица Госстеклозавода № 2 Дубровина Е. говорит, что директор завода Савельев, почти на всех собраниях призывает рабочих к критике, а вот я лично никак не могу сказать о недостатках в нашем производстве, из-за того, что зав. Силкин В. Д. называет меня склочницей, а директор подтвердил это приказом о переводе меня в гончарный цех, что для меня равно увольнению, ибо я по состоянию здоровья не могу там рабо-

тать»³⁶. На Литвиновской суконной фабрике ткачихи выражали недовольство по отношению к помощнику мастера, который браковал продукцию работниц, не отвечавших на его любезности. В ответ на это женщины решили пойти на «итальянку»³⁷.

Дальнейшее следование государства по выбранному пути в области «завинчивания гаек» в политике стимулирования производительности труда привело к появлению постановлений такого типа: «...большую роль в падении трудовой дисциплины играет недостаточное внимание к этому вопросу рабочих организаций, недостаточно твердая линия судебных органов и органов труда при разборе конфликтов, возникающих на почве нарушения правил внутреннего распорядка, а также слабость руководства предприятиями со стороны административно-технического персонала. Права, которые законом и «правилами внутреннего распорядка» предоставлены администрации для поддержания трудовой дисциплины, используются ею очень слабо»³⁸. Согласно постановлению ЦИК, принятого в 1929 г., за «злостные нарушения карать лишением свободы на срок не менее 1 года»³⁹. В ряде случаев эти действия, не достигшие желаемых результатов, вызвали лишь недовольство рабочих.

Интересен в этом отношении имевший место факт на суконной фабрике «Красный Октябрь», зафиксированный в газете «Голос рабочего» от 27 октября 1929 г.: «...хотя программа фабрики выполнена, но не за счет социалистического соревнования, судите вот почему: всего за 1-й квартал прогулов 4 683 чел. дней, за 4-й квартал — 11 431 чел. дней. Как будто бы и договора на это „соревнование“ не было, но выполнено на 250 %! До соревнования... было только 12 увольнений, а теперь 54. А также было всего 72 выговора, а при соревновании 485 выговоров, это обстоятельство говорит о том, что только благодаря административному нажиму удалось выполнить программу фабрики»⁴⁰.

Итак, подведем итоги. В рассмотренный период сохранилось преобладание материальных стимулов воздействия на рабочего, как в поощрении, так и в наказании. При этом, во-первых, произошел фактический отказ от «чересчур прогрессивных» методов поощрения и, во-вторых, видно явное увеличение роли стимулов группы «принуждение», что в значительной мере отражает основные тенденции развития государственной политики в области труда. В конце 1920-х гг. в связи с индустриализацией и массовым притоком новой рабочей силы трудовая дисциплина начинает падать. Это отмечал еще XIV съезд партии большевиков. Были названы следующие причины этого явления: перегруппировка в составе рабочей и сельской молодежи, наличие безработицы в городах, огромное аграрное перенаселение, рост потребления алкоголя в индустриальных центрах. Начались новый этап борьбы за трудовую дисциплину, возрождение уже забытых приемов и

методов приобщения рабочих к сознательной дисциплине. Впрочем, сознательность уже не упоминается, и методы выдвигаются опять репрессивные.

Широкий ряд производственных особенностей и отношений к работе (таких как своевременный приход на работу, добросовестное выполнение работы, уважительное отношение к оборудованию и др.) на данном этапе развития общества зависели непосредственно от экономического результата своего труда. В связи с этим адекватное восприятие существующей проблемы приводило к видимым результатам в российской промышленности; и, наоборот, отсутствие внимания к ним создавало трудности в промышленном развитии страны, а это в свою очередь сказывалось на падении заинтересованности рабочих в результатах своего труда, которое компенсировалось широким использованием внеэкономического принуждения в виде всеобщей трудовой повинности.

Библиографические ссылки

¹ Трудовая правда. 1927. 22 янв. № 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 42. С. 166 — 167.

³ Ленин В. И. Телеграмма Пензенскому губисполкому // Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 50. С. 143 — 144.

⁴ См.: Известия. 1919. 15 апр. № 96.

⁵ См.: Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2000. Вып. 4. С. 45.

⁶ См.: Киселев А. Ф. Профсоюзы и советское государство : (Дискуссии 1917 — 1920 гг.). М., 1991. С. 146.

⁷ Труд. 1920. 11 окт.

⁸ Государственный архив Пензенской области (далее: ГА ПО). Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 651. С. 20.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 216.

¹⁰ См.: Труд. 1921. 26 апр. № 54.

¹¹ См.: Товарищеские дисциплинарные суды : сб. док. М., 1921. С. 17 — 18.

¹² См.: Вестник труда. М., 1922. № 3 — 4. С. 61.

¹³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 — 1934 г.). М., 2001. Т. 1, ч. 1. С. 259.

¹⁴ ГА ПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 822.

¹⁵ Там же. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 167. Л. 30 об.

¹⁶ «Совершенно секретно»... 2001. Т. 1, ч. 1. С. 120 — 121.

¹⁷ См.: Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920 — 1926 гг. Пенза, 1927. С. 312 — 313.

¹⁸ См.: Рабинович-Захарин С. Л. Внутренний распорядок и дисциплина в предприятиях и учреждениях /3-е изд./ М., 1930. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 16 — 20.

²⁰ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3. Д. 271. Л. 25 — 29.

- ²¹ Трудовая правда. 1927. 22 янв. № 17.
- ²² Там же.
- ²³ См.: «Совершенно секретно»... 2002. Т. 3, ч. 1. С. 120, 138.
- ²⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее:ГА РФ). Ф. Р-5451. Оп. 12. Д. 433. Л. 7 об, 8.
- ²⁵ Там же. Ф. Р.А-390. Оп. 2. Д. 777. Л. 32 — 36.
- ²⁶ ГА ПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1464. Л. 21.
- ²⁷ Там же. Д. 1312. Л. 50 — 91.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 3338. Оп. 1. Д. 296. Л. 77.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. Р.А-390. Оп. 3. Д. 678. Л. 11 — 13.
- ³⁰ РГАЭ. Ф. 3338. Оп.1. Д. 296. Л. 77.
- ³¹ **Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов Б.** Суд и прокуратура на охране производства и труда : в 2 ч. / М., 1932. Ч. 1. С. 478 — 479.
- ³² Кодекс законов о труде с постанетейными разъяснениями, опубликованными до 1 октября 1929 г. : Практ. руководство для работников суда, прокуратуры, РКК, отделов труда, хозяйственников, профорганизаций и пр. М., 1929. С. 144 — 145.
- ³³ См.: **Рабинович-Захарин С. Л.** Указ. соч. С. 30 — 33.
- ³⁴ **Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов Б.** Указ. соч. С. 492 — 493.
- ³⁵ См.: **Barker G. R.** Some problems of incentives and labour productivity in Soviet industry. Oxford, 1996. P. 58.
- ³⁶ ГА ПО. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 226. Л. 196.
- ³⁸ **Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов Б.** Указ. соч. С. 478 — 479.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 20. Д. 2. Л. 13.
- ⁴⁰ ГА ПО. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

УДК 002.2(091)(470.345)

Л. Н. Резяпкина

*АНО «Информационно-аналитическая редакция
„Рузаевские новости“» (г. Рузаевка)*

Н. О. Шкердина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

РАЙОННАЯ ПРЕССА МОРДОВИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ Н. С. ХРУЩЕВА

В статье рассматриваются особенности функционирования районных изданий в условиях реформ 1953 — 1964 гг. в Мордовии. Определены место районной прессы в системе региональной периодической печати и ее роль в информационном пространстве того времени.

Ключевые слова: районная газета, статьи, идеология, хрущевский период.

В хрущевский период мир периодических изданий МАССР претерпел существенные изменения. В 1953 г. в республике самыми распространенными видами газет были республиканские и районные издания. Если общереспубликанские газеты являлись лидерами пропаганды и агитации и одним из ведущих каналов распространения новостей в Мордовии, то местная пресса была предназначена преимущественно для локальной аудитории (района).

Поддержка значительного количества районных изданий Мордовии в 1953 — 1956 гг. была своеобразным шагом руководства страны, направленным, с одной стороны, на популяризацию общественно-политических преобразований и экономических реформ среди населения, с другой — на максимальный охват читательской аудитории и увеличение уровня ее осведомленности в вопросах политического, хозяйственного и культурного развития страны, республики и района.

Все районные газеты Мордовии выступали печатными органами районных комитетов партии, которые совместно с вышестоящими партийными структурами, их отделами пропаганды и агитации и Управлением по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров МАССР пристально следили не только за идеологическим соответствием содержания материалов, выходящих на их страницах, но и за их точностью и актуальностью. На страницах газет находили отражение наиболее значимые факты из жизни района, села и так называемая местечковая информация, которая была востребована читательской аудиторией. Большое внимание уделялось содержательной стороне материалов, которым отводилась ведущая роль в политическом просвещении и культурном воспитании населения республики¹.

В МАССР в 1950 — 1960-е гг. районные газеты выходили с периодичностью от одного до трех раз в неделю на русском языке, тиражом в среднем от 1 тыс. до 4 тыс. экз. Единственным исключением была газета «Колхозный ударник» Лямбирского района, которая в 1956 — 1959 гг. выходила одновременно на русском и татарском языках.

Общими чертами, роднившими редакции районных газет того времени, была их организационная структура, включавшая отделы «Партийной жизни», «Сельского хозяйства», «Писем и организационно-массовой работы», «Культуры и быта», а также типовой рубрикатор, содержавший неизменные колонки, посвященные передовикам сельскохозяйственного и промышленного производства, достижениям в социалистических соревнованиях, событиям общественно-политической жизни СССР и Мордовии, новостям мировой политики, интересным фактам из истории и культуры района и т. д. Несмотря на некую внешнюю унификацию, каждая районная газета Мордовии обладала уникальной историей и творческим коллективом².

Редакции районных газет в 1950 — 1960-е гг. много времени уделяли работе с населением. Основное их внимание было сконцентрировано на подготовке материалов о передовиках социалистических соревнований, выполнении плановых заданий и взятых обязательств, внедрении новаций в промышленное или сельскохозяйственное производство. Штатные и внештатные корреспонденты изданий практиковали встречи с передовиками производства — руководителями предприятий, колхозов, совхозов, рабочими районных промышленных предприятий, доярками, пастухами, механизаторами, агрономами и др. Такие интервью публиковались практически каждую неделю в районных изданиях. Это позволяло понять актуальные вопросы, которые волновали жителей республики.

Другим ярким явлением, присущим районной печати Мордовии в хрущевский период, стала небывалая активизация рабселькорского движения. Сотрудниками районных редакций газет Мордовии велась очень тесная работа с рабочими и сельскими корреспондентами, которые охотно предоставляли материалы в виде писем, небольших тематических заметок, фельетонов, критических статей и т. д. Ежегодно редакции районных газет получали сотни писем читателей, часть из которых была опубликована. Положительным моментом работы издательств было то, что по жалобе на место выезжал корреспондент, который вносил ясность в сложившуюся ситуацию. Для разрешения особо скандальных ситуаций корреспондентами привлекались партработники или сотрудники прокуратуры.

Рабселькорское движение стало своеобразным центром притяжения городской и сельской интеллигенции: совместная работа над статьями привлекала к газете учителей, председателей колхозов, агрономов, доярок и рабочих, что вызывало недовольство у некоторых руководителей, поскольку в прессу попадали факты нарушений режима и условий труда, содержания колхозных животных, условий хранения зернового фонда для посевов, вскрывались факты недобросовестной эксплуатации техники. В 1950 — 1960-е гг. на страницах районных газет выходило много подобных материалов в рубрике «Селькоровский пост». Например, в газете «Коммунист» Ардатовского района вышла статья «Пора думать о зимовке», в которой сельские корреспонденты (дойрка Шагалова, свиноводка Воронина; учетчик МТС Кочегаров, заведующий клубом Турдаков) сигнализировали о плохой подготовке к зимовке скота в колхозе «Воля»³. Корреспонденции подобного формата выходили во всех районных газетах МАССР.

Однако рабселькорское движение в 1950 — 1960-е гг. нельзя назвать спонтанным или стихийным. Оно было хорошо организованным и управляемым. Фактически роль методического указания по работе редакций периодических изданий с рабселькорами выполняло постановление ЦК КПСС «О статье В. Овечкина „Писатели и читатели“, опубликованной в „Литера-

турной газете“ 2 октября 1956 г.» от 4 октября 1956 г. В нем говорилось, что в прессе приветствуется конструктивная критика и воспитание в «в духе партийной принципиальности, непримиримости к недостаткам и внимательного отношения к критическим замечаниям» деятельности руководящего состава ведомств. В данном случае речь шла о критике деятельности Министерства рыбной промышленности СССР и завода внутришлифовальных станков Министерства станкостроительной промышленности⁴. В постановлении давались указания о том, что «в развертывании критики недостатков в работе хозяйственных и других организаций» ЦК КПСС нужно обращать «внимание редакции на необходимость более правильного подхода и объективного освещения затрагиваемых в печати вопросов, не допуская излишней крикливости, произвольных, не основанных на действительных фактах толкований или оскорбительных высказываний в отношении работников, о которых идет речь в материалах, публикуемых в газете, как это допустил т. Овечкин в статье „Писатели и читатели“»⁵. С одной стороны, это должно было способствовать развертыванию объективной и конструктивной критики отдельных недочетов руководства различного уровня в вопросах деятельности колхозов, сельскохозяйственных и промышленных предприятий, с другой стороны, некоторые факты замалчивались, а сигналы передавались партработникам, которые принимали соответствующие меры.

Рабселькоровское движение курировали партийные работники, начиная с уровня колхозной бригады и предприятия и заканчивая работниками отдела агитации и пропаганды республиканской партийной организации. Сотрудниками районных парторганизаций большое значение придавалось селькоровским рейдам, постам и бригадам, а также «селькоровским листкам», оказывающим неоценимую помощь редакциям газет в сборе, обработке актуальной, идейно заряженной информации о фактах, произошедших на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах. Редакционные коллективы Мордовской АССР беспрестанно разнообразили формы и методы работы с рабселькорами. К новым формам работы с рабселькорами можно отнести: «общественные буксиры», «рейды ударных бригад», «агитбригады» и т. д. Кроме того, часто в редакциях проводились районные конкурсы на лучшие рассказы, повести, очерки, посвященные очередному общественно-политическому событию, значимому для жизни страны или региона. К сожалению, отследить динамику развития рабселькоровского движения в 1950 — 1960-е гг. крайне сложно, поскольку редакции районных газет этого периода не предоставили в архив документов, которые содержали статистические материалы о входящей корреспонденции, да и журналов входящей почты районных изданий в фондах ЦГА за эти годы нет.

Все вышеописанное было характерно для большинства районных газет МАССР, но каждая из них испытала большое влияние хрущевских преобразований и обладала неповторимой историей.

Районные газеты МАССР оказывались заложниками партийных решений. Это проявилось в ряде существенных аспектов общественно-политической и социокультурной жизни региона.

В ходе хозяйственных и административно-территориальных изменений в 1959 — 1962 гг. в Мордовии были расформированы редакции 10 районных газет, а сами издания и районные типографии были упразднены и более не восстанавливались. Так, прекратили существование газеты: «Победа» Болдовского района (1944 — 1959 гг.), «По ленинскому пути» Козловского (1936 — 1959 гг.), «По заветам Ленина» Кочелаевского (1944 — 1959 гг.), «За коммунизм» Ладского (1937 — 1959 гг.), «Вперед» Саранского (1935 — 1959 гг.), «Борьба за коммунизм» Старосиндровского (1938 — 1959 гг.), «Колхозная жизнь» Ширингушского (1937 — 1959 гг.)⁶, «Трибуна колхозника» (1937 — 1962 гг.) Мельцанского, «Ленинская трибуна» (1937 — 1962 гг.) Пурдошанского и «Колхозная правда» (1935 — 1962 гг.) Рыбкинского районов Мордовии. Эти районные издания, как и некоторые другие, в 1953 — 1962 гг. выходили в свет с периодичностью два-три раза в неделю тиражом до 2 тыс. экз.

Издание вышеуказанных газет больше не восстанавливалось, но некоторые экземпляры сохранились в библиотеках и архивах республики. Судя по ним деятельность газет строилась на основе тех же принципов, что и у всех районных изданий МАССР 1950-х гг. Их материалы были посвящены описанию общественно-политических реалий и повседневной жизни села Мордовии, участию районных передовиков в социалистических соревнованиях.

В связи с образованием производственных колхозно-совхозных управлений в республике на базе существующих районных редакций газет стали создаваться объединенные межрайонные издания, которые занимались освещением новостей в нескольких районах республики или территории одного укрупненного района. Решение ЦК КПСС о создании межрайонных газет и сокращении численности существовавших до этого районных изданий было вызвано реформой Н. С. Хрущева по реорганизации системы хозяйственного и партийного управления в сельской местности. Постановление «О создании межрайонных газет при территориально-производственных колхозно-совхозных управлениях» от 10 апреля 1962 г. серьезным образом повлияло на развитие районной прессы МАССР⁷.

В Мордовии была осуществлена перестройка всей районной печати. Районные газеты республики были упразднены, а при территориально-производственных колхозно-совхозных управлениях, обслуживающих не-

скольких районов, основаны редакции межрайонных газет Мордовского областного комитета КПСС и Совета министров Мордовской АССР территориально-производственных колхозно-совхозных управлений.

Штат редакций новых межрайонных газет был расширен до 8 — 10 человек: редактор и его заместитель, который одновременно заведовал еще и отделом партийной жизни, ответственный секретарь, заведующий отделом сельского хозяйства, культуры и быта, литературный сотрудник, 1 — 2 специальных корреспондента и фотокорреспондент. Новые межрайонные издания 1962 — 1965 гг. объединили в своих рядах многих сотрудников из расформированных районных газет⁸. Территориальный охват изданиями читательской аудитории представлен в табл.

Таблица

**Объединенные районные периодические издания
колхозно-совхозных управлений МАССР**

№ п/п	Название	Район	Территория охвата
1	«Маяк»	Ардатовский	Ардатовский, Дубенский, Чамзинский, Атяшевский, Большеберезниковский районы
2	«Ленинский путь»	Ковылкинский	Ковылкинский и Инсарский районы
3	«Знамя труда»	Краснослободский	Краснослободский, Темниковский, Пурдошанский, Теньгушевский, Ельниковский и Атюрьевский районы
4	«Победа»	Ромодановский	Ромодановский, Лямбирский и Ичалковский районы
5	«Заря коммунизма»	Рузаевский	Рузаевский район
6	«Трудовая правда»	Старошайговский	Старошайговский район
7	«Сельская новь»	Темниковский	Темниковский и Теньгушевский районы
8	«За коммунизм»	Торбеевский	Торбеевский район
9	«Знамя»	Чамзинский	Чамзинский район

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. 97-П; Ф. 1030-П; Ф. 1378-П; Ф. 1733-П; Ф. 1977-П; Ф. 2241-П; Ф. 2555-П; Ф. Р-1380; Ф. Р-1424; Ф. Р-1471; Ф. Р-1885; Ф. Р-2478; Ф. Р-2743; Ф. Р-3044; Ф. Р-3046; Ф. Р-3109; Ф. Р-6204.

Для Мордовии этот эксперимент, призванный повысить качество районных изданий и оптимизировать издательские расходы был крайне неудачен. Объединенные издания не пользовались популярностью у населения, поскольку в них основное внимание концентрировалось на новостях из административного центра. Новые газеты потеряли часть читательской аудитории, потому что утратили ярко выраженный местечковый характер. Читателей больше интересовала жизнь их села и района, успехи в хозяйственном производстве знакомых им людей, а не «соседей».

Были сложности и в работе корреспондентов. Территории новых административных образований были огромными, охватить все новости штатом сотрудников редакции было крайне сложно. В результате существенно была снижена оперативность в предоставлении свежей информации в редакцию, новости теряли актуальность, а некоторые репортажи не выходили. Еще одной из проблем в жизни районной прессы была диспропорция в количестве новостей, связанных с жизнью сел и деревень, находившихся на периферии новых территориальных образований. В редакции газет больше внимания уделяли новостям, связанным с административным центром. В итоге в 1963 — 1964 гг. в редакции газет и парторганизации стали приходить десятки писем с жалобами на неэффективную работу новых объединенных изданий республики.

Кроме того, в 1959 и 1962 гг. в Мордовии были расформированы и многие районные типографии. В связи с этим в 1965 г. потребовалось полное восстановление материально-технической базы и инфраструктуры ликвидированных районных изданий и типографий, а также встал вопрос о наборе новых квалифицированных сотрудников. В итоге к 1965 г. в МАССР было восстановлено 20 редакций районных газет.

Таким образом, в истории районной прессы Мордовии в 1953 — 1964 гг. нашли отражение наиболее существенные преобразования, происходившие в общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни региона. Большую роль в функционировании районных газет сыграло так называемое рабселькоровское движение. Народные корреспонденты стремились охватить как актуальные, так и малозначительные новости из жизни районов. В то же время рабселькоровское движение в районах Мордовии стало своеобразной «кузницей кадров». Многие из рабселькоров, получив необходимые умения и навыки «конструктивной критики», становились сотрудниками районных и республиканских газет, переходили в сельский актив, выдвигались комитетами партии и комсомола на руководящие посты в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях республики. Некоторые из них связали свою жизнь с литературной деятельностью.

На протяжении всего хрущевского периода происходили значительные преобразования в жизни каждой районной газеты Мордовии, но наиболее существенные изменения в их деятельности произошли в результате административно-территориальных и хозяйственных реорганизаций 1959 г. и 1962 — 1963 гг. В связи с созданием колхозно-совхозных управлений в МАССР были образованы объединенные редакции газет.

Этот эксперимент стал ярким примером непродуманного администрирования в масштабах республики. Стремясь подстегнуть развитие народного хозяйства и оптимизировать затраты на издание объединенных районных

газет, государство не учло интересов потребителей — читателей районных газет. «Районки» играли значительную роль в социальной жизни районов, в которых они выходили. Газеты, наряду с радио, для сельчан были самым доступным источником информации о наиболее значимых событиях местного и республиканского масштаба. В результате в 1962 — 1965 гг. вместе с районами республики сначала были расформированы, а затем восстановлены редакции газет.

Содержательная направленность деятельности периодических изданий МАССР определялась идеологическим курсом коммунистической партии, ориентировавшей потребителя на восприятие «правильной» информации. На страницах районной прессы выходили статьи, в которых тиражировались социальные образцы того, как «советский человек должен жить, работать и отдыхать». С помощью периодической печати осуществлялась трансляция стандартов и приоритетов, заданных официальной идеологией в формах, доступных для основной массы населения республики. Региональная печать выступила мощным средством манипулирования сознанием и настроениями людей. В то же время она была средством не только формирования, но и выражения общественного мнения.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. 87-П. Оп. 1. Д. 495, 550 ; Ф. 129-П. Оп. 2. Д. 38 ; Ф. 5884-П. Оп. 1. Д. 1.

² Там же. Ф. 97-П ; Ф. 1030-П ; Ф. 1378-П ; Ф. 1733-П ; Ф. 1977-П ; Ф. 2241-П ; Ф. 2555-П ; Ф. Р-1380 ; Ф. Р-1424 ; Ф. Р-1471 ; Ф. Р-1885 ; Ф. Р-2478 ; Ф. Р-2743 ; Ф. Р-3044 ; Ф. Р-3046 ; Ф. Р-3109 ; Ф. Р-6204.

³ См.: Пора думать о зимовке // Коммунист. 1960. 12 авг. С. 2.

⁴ Постановление ЦК КПСС «О статье В. Овечкина „Писатели и читатели“, опубликованной в „Литературной газете“ 2 октября 1956 г.» от 4 октября 1966 г. // Справочник партийного работника. М., 1957. С. 363.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА РМ. Ф. 270-П ; Ф. 1238-П ; Ф. 1240-П ; Ф. 1242-П ; Ф. 1243-П ; Ф. 1244-П ; Ф. Р-3044 ; Ф. Р-228 ; **Автайкин И. Е.** Газетный и журнальный мир Мордовии : Ист.-библиогр. очерк. Саранск, 1978. С. 101, 102, 106.

⁷ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР «О создании межрайонных газет при территориально-производственных колхозно-совхозных управлениях» от 10 марта 1962 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35658#09738720787223675> (дата обращения: 10.08.2020 г.).

⁸ ЦГА РМ. Ф. 97-П ; Ф. 1733-П ; Ф. 1977-П ; Ф. 2555-П ; Ф. Р-1471 ; Ф. Р-1885 ; Ф. Р-6204.

УДК 808+82-94

Л. В. Сульдина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве РМ (г. Саранск)*

ДЕРЕВЕНСКИЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ И. А. САЛОВА

В статье рассматривается влияние детских и отроческих впечатлений на формирование личности и творчества талантливого писателя И. А. Салова.

Ключевые слова: Пензенская губерния, село Никольское, И. А. Салов, детство, писатель, природа.

Некоторые писатели становятся известными уже в первые годы литературной деятельности и после смерти их произведения не утрачивают популярности у широкого круга книголюбов. Однако многие одаренные литераторы, известные в свое время, сегодня не пользуются читательским интересом. Таким примером является писатель-реалист Илья Александрович Салов, который во второй половине XIX в. активно издавался в «Отечественных Записках» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Родился И. А. Салов в Пензе в семье небогатых дворян 18 апреля 1834 г.¹ Детство провел в мордовском селе Никольское (ныне Никольская Саловка Старошайговского района) в имении отца — Александра Андреевича.

Вероятно, современное название села как-то связано с родом Саловых. В Государственном архиве Пензенской области хранится документ, свидетельствующий о том, что данный род относился к числу служилых дворян, представители которого владели жалованными землями в мордовском крае².

Детские и отроческие годы, проведенные в с. Никольское, служили неиссякаемым источником для поэтического воображения писателя. Жизнь в деревне научила мальчика наблюдать за тем, какого цвета закат, сколько звезд на небе, какие фрукты уродились в саду и сколько листьев облетело на деревьях и т. д. С первого рассказа «Забытая усадьба» еще юного Ильи окружающий мир, картины родного мордовского края и деревенские мотивы стали важной частью его произведений. Позднее Салов признался: «Описывая какую-нибудь местность, я непременно мысленно переносился в село Никольское, вспоминал тамошние ландшафты, которые и переносил на бумагу»³.

Писатель на протяжении всей жизни с теплотой вспоминал родовое поместье с большим господским домом с мезонином и балконами, огромный пруд и небольшой сад, окружавший усадьбу⁴. С глубокой печалью писал о том времени, когда были вынуждены продать сосновый лес и имение. «Наше

родное село Никольское, — рассказывал писатель, — в ту же зиму было продано с аукционного торга, и мы остались, как говорится, „крыты небом и обнесены светом“»⁵.

О родителях И. А. Салов писал немного. С родителями у будущего писателя-реалиста были достаточно спокойные отношения, не отличавшиеся нежностью и сентиментальностью. Восхищаясь своим отцом, он отмечал: «...был громадного роста, сырого телосложения и отличался замечательной силой. Он сгибал пальцами целковый, разламывал тарелки двумя руками и останавливал за колесо телеги, запряженные в одну лошадь. Отец был страстный охотник, и борзятник, и ружейник»⁶.

Относительно матери Илья Александрович говорил: «Мать моя тоже была сиротой. Не так как отец ее, Юрий Богданович Бибиков, был в свое время каким-то важным генералом, то мать моя и воспитывалась за счет Императрицы Марии Федоровны и вместе со своею родною сестрой Марии Юрьевны Бибиковой, по распоряжению той же Императрицы, была под опекой графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и воспитывалась за казенный счет в Смольном монастыре»⁷.

Занятые светской жизнью и усадебным хозяйством, родители уделяли мало внимания воспитанию детей. Детвора могла лишь несколько раз в день немного пообщаться с мамой и папой. Этим совместное времяпрепровождение ограничивалось. С раннего детства ребенка отдавали на попечение крепостных нянек, к которым те очень сильно привязывались. «Я привык к своей детской, к тому образу в уголке, перед которым на ночь зажигалась обыкновенно лампадка, привык к своей няне, так любовно убаюкивавшей меня в моей постельке...»⁸ — вспоминал И. А. Салов.

Рос Илья вместе с деревенской детворой, которые все же старались сторониться барских детей. В воспоминаниях И. А. Салов писал: «Воспитывали нас на спартанский манер, почему мы не хворали, по крайней мере я, сколько мне помнится, дожив до старости никогда серьезно не болел. Нас не держали в хлопках и выросли мы не тепличными растениями, а просто-напросто такими же неизнеженными, какими растут деревенские дети. Помню, что зимой нас одевали, крытые зеленым атласом, ноги надевали валенки, а на голову ваточные шапки, крытые таким же зеленоватым атласом. В таких-то неприспособленных костюмах мы в трескучие морозы лазали по снежным сугробам, катались с ледяных гор и даже не чувствовали холода»⁹. Ввиду кончины отца и загруженности матери финансовыми вопросами воспитывался Илья свободно, без какой-либо особой системы, большую часть времени находясь па попечении нянек и гувернеров.

Несмотря на то что на протяжении жизни у Ильи Александровича было много наставников, которые сменялись по мере взросления он почитал и любил родителей, но еще более любил и восхищался природой во всех ее

проявлениях. Мало кто знает, что в юные годы у будущего писателя появились страхи перед грозой и открытой водой, которые преследовали Салова всю его жизнь и сказались на его творчестве.

Сильный испуг во время грозы случился, когда на его глазах молния убила человека. «Вдруг грянул гром и я не успел опомниться от этого страшного удара, вдруг увидел, что стог, возле которого был пастух, полыхнул и задымился черным густым дымом. <...> Я побежал туда и увидел, что пастух был уже перекинут на другую сторону стога. Он лежал совершенно голым и наповал убитым молнией»¹⁰. Водобоязнь началась в результате несчастного случая во время купания. По воспоминаниям И. А. Салова, «я и один из бурсаков, некто Гавриил Разумовский, купались в Суре. Заметив, что Разумовский, сорвавшись с обрыва, начал тонуть, протянул ему руку, но на ногах не удержался и вместе с ним попал в омут. Подтянув меня к себе Разумовский сел на меня верхом и так прижал мне руки, что я не мог двинуться. Сидевшие на берегу думали, что мы шалим, и, глядя на нас, подтрунивали. Я помню, что опустившись на дно, я пополз по нему, но, что было дальше — не помню. Опомнился я только тогда, когда очутился на песчаном и отлогом берегу Суры, по которому с испугу долгое время продолжал ползти и вести на себе Гавриила Разумовского. С той поры и до самой старости, я всегда был крайне осторожен, когда приходилось купаться в открытой и незнакомой реке»¹¹.

Значительно на творческую судьбу Салова повлияло общение с людьми литературного круга, Н. П. Огаревым и Н. М. Сатиным, с которыми познакомилось в доме опекуна А. А. Тучкова в с. Яхонтово (ныне с. Долгоруково Пензенской области). Позднее Илья Александрович частенько навещал в гости к Н. П. Огареву в с. Акшине, но в то время в силу своего возраста он еще «не мог достаточно оценить Огарева как поэта, но все-таки почему-то чувствовал к нему симпатию, несмотря на то, что отзывы о нем были крайне для него неблагоприятные: его осуждали, что он занимается такими пустяками, как сочинять стишонки, что это совсем не дворянское дело...»¹².

Через некоторое время после эмиграции Н. П. Огарева имение Акшино перешло к Н. М. Сатину, о котором юный писатель писал: «Это был видный, красивый мужчина: высокого роста, с длинными волосами на голове, бледно-матовым лицом и изящной бородкой. <...> Сатин так же, как и Огарев, не пользовался расположением тогдашнего общества, и про обоих них отзывы были самые неблагоприятные: их осуждали и за писание стихов, и за переводы, и за бороды, носить которые в то время было запрещено»¹³. Любое, даже мимолетное общение, с такими творческими личностями производило неизгладимое впечатление на мальчика и подталкивало всерьез заниматься литературным трудом.

Имение в с. Акшине Салов посещал еще не раз, даже тогда, когда там никто не проживал. В мемуарах И. А. Салов вспоминал: «Это была старинная барская усадьба, тонущая в густой тени старинного парка. <...> парк в котором когда-то молодой Огарев писал свои стихи. В конце парка протекала река и вот про эту самую реку поэт писал когда-то:

А там на берегу реки
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой...
И все, что было там говорено,
И сколько пережито,
Осталось для людей сокрыто
И на века погребено...»¹⁴.

По воскресеньям Саловы ездили на литургию в соседнее село Сивинь (в своем селе только велось строительство церкви) и останавливались у заводчика Н. Д. Манухина. «Отстояв обедню, мы обыкновенно заезжали к нему на чай, — вспоминал Илья Александрович. — Поездки эти запечатлелись в моей памяти, потому что дорога, ведущая из Никольского в Сивинь, была крайне живописна. Летом она пролегла по сосновому бору, который восхищал своей грандиозной колоннадой деревьев, по ветвям которых перелетали белки. Зимой дорога пролегла через пруд, она была короче летней и отличалась тем, что на ней не было ни одного ухаба. Запряжем, бывало, голубую повозку тройкой и мчимся во весь дух от своего подъезда до самой церкви»¹⁵. «Господин Манухин был крайне благообразный старичок: седенький, чисто выбритый и всегда изящно одетый. Он был купец, но ничего купеческого в нем не было, а напротив выглядывал барином лучше иного барина. Жил он открыто, дом имел большой, хорошо меблированный и был великий хлебосол. При доме у него имелась большая галерея, уставленная тропическими растениями и представляющая из себя нечто вроде маленького зимнего сада. У него были свои оранжереи, свои теплицы и красивый сад с роскошными цветниками»¹⁶.

Излюбленным местом отдыха семейства Саловых был пчельник в лесу: «Он расположен в живописном месте, в тени громадных липовых деревьев», «недалеко от пчельника протекала маленькая речонка Вельжа, изобиловавшая небольшими омутками и заводьями»¹⁷. Лес продали из-за долгов, и новый владелец начал его порубку. «Опушка этого леса, так недавно еще зеленевшая стройными, красивыми деревьями липы — уже не существовала. Поверженные на землю, деревья с пожелтевшими листьями и полужаросшими ветвями, лежали словно трупы на поле битвы. Стаи грачей и галок шумно носились в воздухе, оглашая его неистовыми криками. Из-под какого-то сверженного дерева выскочил испуганный заяц и, робко озираясь кругом,

метался из стороны в сторону, не находя привычной ему тропинки... А по лесу, меж тем, слышались стук топоров, треск падающих деревьев, лязг пил и шумный мордовский говор. <...> (пчельник. — Л. С.) стоял уже не в тени леса, а на вырубленной поляне, заставленной кругом стройными рядами распиленных саженков...»¹⁸ — переживал И. А. Салов.

Илья Александрович не только отдыхал и путешествовал, но и учился. Основой домашнего образования в возрасте 4 — 5 лет являлось формирование у ребенка религиозно-нравственных устоев. Салов писал, что первыми учителями были приходской дьячок А. К. Ласточкин — «...мужчина довольно высокого роста с рыжими густыми волосами, красным носом и веснушчатым лицом»¹⁹ и священник П. С. Охотский, недавно окончивший семинарию, обучавшие русской грамоте и закону Божию.

По мере взросления детей, менялся круг наставников. В семью Саловых стал приезжать преподаватель Краснослободского уездного училища — «мужчина высокого роста, с длинными ногами, которыми всегда сидя на стуле, неистово качал, с нависшими бровями и суровым выражением лица. <...> Этот-то учитель и научил меня грамоте»²⁰ — вспоминал И. А. Салов. Для обучения иностранным языкам приглашали иностранцев: немца А. К. Трумхеллера, который не только обучал грамоте, но и с радостью делил все детские шалости²¹ и француза мосье Поле, который помимо прямых обязанностей брал с собой поохотиться²².

На десятом году жизни Илью отдали для продолжения образования в Пензенскую гимназию. Он оказался способным учеником, с хорошей памятью. «Учителя были воспитанные, вращавшиеся в обществе и крайне деликатные. Особенной любовью и уважением пользовался учитель русской словесности Егор Карлович Р — ь» — писал в мемуарах И. А. Салов²³. Е. К. Руммель сыграл значительную роль в приобщении гимназистов к русской литературе: «...Егор Карлович читал нам произведения лучших писателей. Он первый познакомил нас с произведениями Тургенева, в то время только начинавшего писать. <...> ...Познакомил нас с произведениями Загоскина, Евгении Тур, и то же время строго-настрого запретил читать произведения Марлинского. Откровенно сознаюсь, что он первый внушил нам любовь к русской литературе и научил отличать хорошее от дурного²⁴». Несмотря на то что учиться было интересно и познавательно, у Ильи всегда возникало желание вернуться домой, в родное село, именно там навсегда остался кусочек его души.

Обучаясь в пензенской гимназии и не имея возможности посетить отчий дом, Илья частенько вместе с товарищами устраивали вылазки в монастырскую рощу — живописное место, за которым широко расстилались луга с извивавшейся по ним рекою Сурою: «Мы брали с собой закуску: самовар, чай, сахар, удочки, бредни и целый день с утра до ночи резвились там, как

нам хотелось. Некоторые играли, а некоторые ловили удочками или бреднями рыбу в Суре. К обеду, у нас пылал где-нибудь котелок, и мы варили уху <...> Сурская стерлядь и поныне отличается своим вкусом. Раков ловилась там масса...»²⁵.

Во время пребывания в гимназии еще одним развлечением и особенным удовольствием было посещение театра. По свидетельству И. А. Салова, «Пензенский театр не отличался особенной изящностью <...> пьесы давались в то время трагические: драматическое представление в стихах и прозе Н. А. Полевого „Уголино“; драма „Эмеральда или Четыре рода любви“ (сюжет заимствован из романа В. Гюго „Собор Парижской Богоматери“) и т. д.²⁶ Когда спектаклей не было, то навещался в цирк, в то время цирк назывался труппой волтижеров, представления были примитивные, в основном кто-то из труппы ходил по канатам, кто-то выводил танцующую собаку или обезьяну, а вместо клоунов были паяцы²⁷. Театр все же был ближе к сердцу Илюши.

Из-за положение дел в имении Саловых и недостатка капиталов продолжить обучение в гимназии не представлялось возможным. Во-первых, завершилось строительство церкви в с. Никольское, средств на это богоугодное дело не жалелось. Матери Ильи Александровича не раз предлагали бросить стройку. Во-вторых, серьезным толчком к экономическому краху стало дробление хозяйства в 1848 г. между братьями. По наследству сводному брату штабс-капитану А. А. Салову причиталось поле на берегу р. Ожги, куда он перенес выделенную третью часть имения (часть дома и хозяйственных построек). «Усадьба наша приняла совершенно другой вид: дом наш сделался каким-то кургузым, а двор принял вид каких-то жалких развалин»²⁸ — делился И. А. Салов.

Страшный пожар, произошедший летом 1850 г., уничтоживший не только господский дом, но и все село, завершил экономический крах семьи Саловых. «Черный, как сажа, дым застилал всю окрестность, — вспоминал писатель. — ...Никаких пожарных инструментов, конечно, не было. ...Сердце мое облилось кровью: все крестьянские гумна, плотно заставленные одоньями хлеба, словно слились с горевшим селом»²⁹. Средств на восстановление имения не нашлось, и оно из-за долгов было передано врачу Лачинскому³⁰. В поисках средств к существованию семье Саловых пришлось уехать в Москву. Завершились беззаботные деревенское детство и юность с путешествиями, охотой, рыбалкой, театром и гимназией, наступила серьезная взрослая жизнь. «Грустно, грустно, — сокрушался Салов в путевом дневнике 31 января 1852 г., — расставаться с тою деревней... в которой мы так долго прожили, так много испытали и радости, и горя. С каким, бывало, восторгом приезжал я в деревню, будучи еще в гимназии, с каким восторгом я бегал по роскошным лугам, любовался полями, ходил с ружьем вдоль обширного пруда и рек... Как теперь помню... придет приказчик, кашляет в передней,

войдет в залу... поцелует меня и брата и начнет рассказывать про свое хозяйство. Все радуются нашему приезду. Придет, бывало, кормилица, принесет яиц или каких-нибудь ягод и начнет обнимать меня, своего питомца-гимназиста! А теперь? Боже мой! ...Все так грустно!.. Прощай, Никольское...»³¹.

Подводя итог, отметим, что под воздействием окружающей среды, где прошли детство и юность писателя, литературного багажа предшественников и современников сложились взгляд на мир, удивительная способность видеть красоту во всем и довольно оригинальный художественный слог И. А. Салова.

Библиографический ссылки

¹ См.: Салов И. А. Умчавшиеся годы : (Из моих воспоминаний) // Русская мысль. Год восемнадцатый. 1897. Кн. VII. С. 1.

² См.: Тувин А. С. Из истории семьи и творчества писателя Ильи Александровича Салова // Гуманитарий: научно-публицистический альманах : ежегодник ИСИ. 2008. № 7. С. 162 — 164.

³ Салов И. А. Из воспоминаний // Исторический вестник. 1906. № 10. С. 179.

⁴ См.: Салов И. А. Умчавшиеся годы... Кн. VII. С. 1 — 2.

⁵ Там же. Кн. IX. С. 68 — 69.

⁶ Там же. Кн. VII. С. 2 — 3.

⁷ Там же. С. 3 — 4.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 7 — 8.

¹¹ Там же. С. 22 — 23.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же. С. 5 — 6.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 6 — 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Кн. IX. С. 59.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Кн. VII. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 2. 10.

²² Там же. С. 1 — 27.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 21

²⁶ Там же. С. 23, 25.

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же. Кн. IX. С. 56

²⁹ Там же. С. 67.

³⁰ Там же. С. 68 — 69.

³¹ Салов И. А. Грачевский крокодил : повести и рассказы. М., 1984. С. 7.

УДК 947.084+33(091)

О. А. Сухова

*Педагогический институт им. В. Г. Белинского
Пензенского государственного университета (г. Пенза)*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В СССР: ПУТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ*

На основе анализа современной историографии в исследовании раскрывается специфика политики в сфере труда и занятости в сельском хозяйстве СССР. Наиболее важным результатом исследования является анализ мотивов трудовой активности сельского населения в условиях углубления противоречия между мобилизационной экономикой и процессами либерализации труда в СССР.

Ключевые слова: СССР, советское крестьянство, социалистическое соревнование, освобождение труда.

На первый взгляд антагонизм процессов либерализации труда и формирования мобилизационной экономики, немислимой без принуждения, представляется константой, не встречающей возражений. На поверку все оказывается многим сложнее. Индустриальная революция, утверждение «века машин» потребовали кардинальных изменений в системе организации производства, связанных с обезличиванием и упрощением, с автоматизацией и конвейеризацией труда, что проявилось в лишении непосредственных производителей значимых функций и передаче этих функций работодателям: управления сбытом и снабжением; распределения собственного труда во времени; управления производством (переход от интегрированной работы к выполнению лишь отдельных операций); разработки выполняемых операций (совершенствование процессов), что естественным образом привело к снижению уровня оплаты труда¹.

В контексте теории альтернативных финансов (К. Н. Лебедев) логика освобождения труда предстает уже как инволюция, восстановление утраченных при капитализме управленческих функций работников, гарантирующее повышение оплаты труда за их выполнение. Источником возвратного движения выступает профессиональное развитие работника². Концептуально эти представления согласуются с технологическим детерминизмом, па-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020 «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922 — 1991)».

радигой, рассматривающей технологический уклад как ключевой фактор и организационно-экономический механизм регулирования экономики, основу производственной революции³. В данном случае освобождение труда соотносится с институциональной трансформацией, сопровождающей завершающую стадию индустриализации и предшествующую переходу к кибернетической или нано-революции.

В начале XX в. захват власти поставил перед большевиками триединую задачу: сохранить политическое и экономическое господство, обеспечить завершение модернизации и реализовать доктринальные установки в плане построения общества будущего, подготовить новую социальную революцию. На практике это вылилось в сверхсжатие инновационного цикла, и призрачная коммунистическая перспектива была воплощена в качестве новой институциональной формы — социалистического соревнования, жестко регламентированной в пределах государственно-плановой экономики и государственного капитализма. Для советского крестьянства это обернулось одномоментным переходом к механизации земледелия, к «агрофабрике» (вспомним «конвейерный метод» уборки хлебов⁴) и принудительным отчуждением от управления производством. Обратной стороной медали выступало насаждение трудового соревнования как способа интенсификации производства и подъема производительности труда. Надо сказать, что трудовое соревнование, агитационно-идейное воздействие (воспитание), трудовое принуждение и репрессии в доктринальном аспекте воспринимались как неразрывная и исторически обоснованная данность, менявшая свои методы и приемы в зависимости от стоявших перед обществом задач⁵. Хронологически идея социалистического соревнования, «самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота <...> об увеличении производительности труда» берет свое начало из решений IX съезда партии и окончательно обретает форму социалистического мотиватора в обращении XVI конференции ВКП (б) (23 — 29 апреля 1929 г.) ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза. В области сельского хозяйства партийный форум провозгласил начало соревнования по расширению посевных площадей, поднятию урожайности, вовлечению крестьянства в колхозы и кооперацию⁶.

Практические результаты этого призыва проявились в преддверии весенней посевной кампании 1931 г., когда повсеместно в колхозах СССР разворачивается движение ударников и соревнование между районами, областями и краями. Примерно половина коллективных хозяйств включилась в движение ударников. В Центрально-Черноземной области на межрайонных слетах колхозной молодежи и трактористов объявили себя ударниками 15 тысяч колхозников и 750 трактористов⁷. В этом году на Северном Кавказе межколхозным соревнованием было охвачено до 65 % колхозов. Созда-

вались «буксирные» и «сквозные» бригады, помогавшие отстающим и проверявшие выполнение обязательств⁸.

Кнут и пряник коммунистического трудового воспитания сельского населения нашли отражение в разъяснениях Устава сельскохозяйственной артели в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1938 г. К числу предупредительных мер воспитательного характера нарушения внутреннего распорядка колхоза были отнесены: предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, занесение на черную доску, штраф в размере 5 трудодней, перемещение на низшую должность, временное отстранение от работы, повторное выполнение работы без начисления трудодней⁹. На другом полюсе — награждение орденами и медалями, занесение в Книгу и на Доску почета, вручение переходящих знамен, присуждение почетных званий («Мастер хлопка» и др.). Так, по итогам 1947 г. за высокие показатели в урожайности и продуктивности животноводства 1 931 работник сельского хозяйства был удостоен звания Герой Социалистического Труда (из них 1 637 — колхозники); 4 348 человек награждены орденом Ленина, более 12 500 — орденом Трудового красного Знамени, около 40 тысяч — медалями «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие»¹⁰.

Задачам коммунистического воспитания отвечала и организация массовых форм социалистического соревнования, хотя по своей сути стремление к превосходству, «сравнение деловых итогов»¹¹ хозяйствования противоречило тренду на тотальное огосударствление труда (его повинностный характер), жесткой включенности сельхозпроизводителей в систему мобилизационной экономики. Прагматическое прочтение более высокой эффективности индивидуального и кооперированного труда по сравнению с централизованно управляемым государственным предприятием (ЦУГП) позволило использовать элементы системы освобожденного труда для ликвидации «прорывов» в экономике «в безопасной для большевистской власти форме — в форме подразделений ЦУГП» в виде организации социалистического соревнования¹². Именно поэтому состязательность в организации труда априори была связана с предоставлением дополнительного вознаграждения и прочих социальных преференций¹³. Так, тракторист Палкинской МТС Ленинградской области И. В. Васильев в 1936 г., выполнив норму в 754,7 трудодня, получил 135 пудов хлеба и свыше 2 200 руб. Комбайнеры-стахановцы, выполнившие по две нормы, зарабатывали за один сезон по 13 — 18 тыс. руб.¹⁴

Успех подобной инверсии объясняется, как не парадоксально, архаичностью практик производственной повседневности большинства населения страны, его крестьянским составом. Так, по мнению Ю. И. Будович, минимум 70 % крестьянского пополнения рабочего класса в 1930 г. имели опыт

индивидуального или кооперативного (наибольшую ценность имел опыт производственной кооперации) хозяйствования, а, следовательно, выступали носителем освобожденного труда и демонстрировали готовность к совершенствованию исполняемых процессов, самостоятельному распределению труда по времени¹⁵. Другими словами, в результате общинной революции система организации труда в СССР сохранила целостность и интегральность управленческих функций.

Вместе с тем история социалистического соревнования в СССР может быть прочитана и как формирование в квазикапиталистической системе уклада, по организации труда отвечавшего задачам освоения ценностей будущей социальной революции, нового этапа технологического развития. Это наглядно демонстрирует трансформация его содержательной компоненты, его соответствия процессу обретения самоуправляемости труда. Так, освобождение труда от внешнего управления можно ожидать в прохождении следующих этапов: разработка осуществляемых операций; переход к интегральности управления; самостоятельное распределение труда по времени; возвращение функций по сбыту и реализации продуктов производства¹⁶.

Признаки первого этапа без труда просматриваются в стахановском движении или движении новаторов производства. У истоков социалистического соревнования в деревне стояли механизаторы сельского хозяйства. Так, на совещании лучших комбайнеров и комбайнерок, организованном в декабре 1935 г. в Москве, присутствовали 197 работников механизированной уборки, перевыполнивших нормы. Механизаторы К. А. Борин, С. В. Полагутин, Ф. И. Колесов добились двукратного перевыполнения производственной нормы¹⁷. В числе методов повышения производительности труда встречаем: инновации в разделении труда и организации производственных процессов, уплотнение рабочего времени. Примечательно, что в общем русле доктринальных установок, готовность к состязательности определялась близостью механизаторов по культурно-техническому уровню к промышленным рабочим, а, не наоборот¹⁸.

В третьей пятилетке отмечается переход от индивидуальной формы соцсоревнования к деятельности комплексных инженерно-стахановских бригад. Этот метод был успешно применен на строительстве ирригационных сооружений. В марте 1939 г. силами 14 тысяч колхозников Узбекской ССР всего за 17 дней был построен Ляганский канал, в 1939 г. всего за 45 дней (вместо 6 — 7 лет) силами 160 тысяч колхозников введен в строй Большой Ферганский канал протяженностью 270 км¹⁹. Впрочем, добровольность участия сотен тысяч колхозников в строительстве каналов, равно как и применение рационализаторских предложений и управления временем со стороны участников движения, вызывает серьезные сомнения. Тем не менее

даже с учетом фактора политического руководства социалистическое соревнование выступало той областью свободы, в которой происходила апробация инновационных стимулов трудовой активности и усвоение соответствующих ценностных установок.

За счет резервов личного подсобного хозяйства была обеспечена интенсификация сельскохозяйственного производства в годы Великой Отечественной войны. Сверхплановые посевы зерновых и других культур для пополнения фонда обороны, получившие негласное название «гектар обороны», откорм скота, дополнительная сдача продукции сельского хозяйства в продовольственный фонд Красной армии также следует рассматривать как формы социалистического соревнования, патриотический порыв, произрастающий из системы свободного труда. О массовости начинания позволяют судить следующие данные: в 1942 г. в общей сложности в СССР было засеяно не менее 200 тысяч «гектаров обороны». В 1944 г. по инициативе колхозников УССР разворачивается Всесоюзное соревнование за сверхплановую сдачу продовольствия в фонд Красной армии в объеме 15 млн пудов хлеба. Фактический вклад украинских колхозников составил 33 млн пудов зерна и около 16 млн пудов картофеля²⁰.

В годы четвертой пятилетки помимо соревнования за ее досрочное выполнение разворачивается движение за совмещение профессий, с 1948 г. — за высокую культуру производства и отличное качество, снижение себестоимости продукции, повышение рентабельности предприятий. В 1947 г. в СССР был поддержан почин колхозников Алтая: в честь 30-й годовщины Октября они взяли на себя обязательство увеличить посевные площади под яровой пшеницей на 26 %, добиться повышения урожайности до 60 пудов с 1 га. В общей сложности в соревнование включились до 100 областей СССР, порядка сорока регионов в сентябре отчитались о выполнении обязательств.

Противоречивость, чужеродность такого института на фактически огосударственных сельскохозяйственных предприятиях как социалистическое соревнование приводила и к созданию своего рода «потемкинских деревень», когда создавались образцово-показательные участки высокого урожая, получавшие дополнительные ресурсы и обеспечивавшие республике или области высокие показатели по движению рекордистов. Все же, несмотря на массовый характер и масштабы социалистического соревнования, этот сегмент ЦУГП не оказал существенного воздействия на рост производительности труда в сельском хозяйстве в целом. Напротив, данные официальной статистики свидетельствуют о постепенном снижении среднегодовой выработки трудодней колхозниками²¹. Особенно заметное снижение произошло в 1949 г., что связано с введением новых, увеличенных норм выработки. Это отчасти объясняет миссию социалистического соревнования как

определение предельных пороговых значений и инструментов адаптации работников к программам интенсификации производства. Более того, несмотря на угрозу административной высылки, повлиявшую на сокращение доли трудоспособных, не выполнявших установленного минимума трудовой, в 1948 г., к концу десятилетия, вновь начала проявляться тенденция к росту трудового абсентеизма.

Тренд на сокращение трудовой активности в общественном производстве исследователи объясняют этатизацией труда. Так, по мнению Ю. И. Будович, работника, недавно утратившего возможность свободного труда, характеризовала «активная управленческая лень», а потомственного рабочего — «пассивная лень»²². Эта научная гипотеза находит подтверждение в источниках личного происхождения. Так, в одном из интервью В. Я. Узун поделился воспоминаниями о своем детстве в гагаузском селе Молдавии: «Это были крестьяне, первое поколение коллективизированных людей. И они работали в колхозе так, как до этого работали в своем хозяйстве. И к колхозному имуществу относились еще очень бережно. ...Но когда пришло следующее поколение колхозников, тех, кто не работал в частном хозяйстве, поведение изменилось. Если приходила команда пахать, то механизатор, не задумываясь, садился на трактор и пахал вместе с этой оставшейся кукурузой. Размышлений о том, что теряется урожай, что это не очень разумно, уже не было. Есть команда, мне платят за пахоту, и я поехал. Я не говорю о третьем поколении, которое пошло еще дальше и готово было запахать вообще всю необработанную кукурузу, а не то что подбирать отдельные початки»²³. Тем самым нарушение воспроизводства ценностей свободного труда, ограничение самоуправления и подавление стремления к творчеству и участию в управлении трудом с течением времени превращаются в фактор блокировки экономического развития и восприятия инноваций технологической культуры.

В мировой практике в 1960-е — 1970-е гг. эффективной альтернативой автоматизированному, конвейерному труду, философии контракта или фордизма становится новая корпоративная философия, основанная на ценностях «общей судьбы» (тойотизма). Основными признаками новой производственной культуры (и способами повышения эффективности производства) становятся: демократизация производственной деятельности и либерализация труда, его групповая организация, интеграция производственных процессов, экономия основных ресурсов и управление спросом и предложением²⁴.

Первые попытки распространения подобных форм организации труда предпринимаются и в СССР, что указывает на зрелость технологической культуры советского общества, его готовность к усвоению ценностей очередной социальной революции. В 1970-е гг. в советской социологической

науке активно разрабатывается концепция интеллектуализации труда как процесса развития новых качеств личности труженика²⁵. Наиболее ярким (хотя и драматичным) примером реализации подобных идей на практике являются экономические эксперименты И. Н. Худенко, реализованные в 1960-х — начале 1970-х гг. в ряде сельскохозяйственных предприятий Казахстана. Авторская система организации и оплаты труда И. Н. Худенко («безнарядно-звеньевая»), строилась на принципах самоуправления и коллективной работы, товарищества и сотрудничества, поощрения инноваций, оплаты труда в расчете на конечный продукт. Более того, производство планировалось в тесной связи с потребностями работника, рассчитанными по нормативам, разработанным Академией наук. По мнению А. В. Гайсиной, система, предложенная Худенко, обладала более высоким социально-демократическим уровнем экономических отношений по сравнению с философией общей судьбы²⁶.

В 1960-е гг. в трех совхозах Казахской ССР по постановлению республиканского Совмина был проведен социально-экономический эксперимент, условия которого были согласованы со всеми заинтересованными союзными ведомствами — Комитетом по труду, ЦСУ СССР, Минфином и Госбанком СССР. Первым опытом реализации хозяйственного расчета стал многоотраслевой совхоз «Илийский» в Алма-Атинской области, находившийся на тот период в кризисном состоянии.

И. Н. Худенко, фронтовик и талантливый экономист, получил карт-бланш на любые новации в сфере управления. Предложенная Худенко «безнарядно-звеньевая» система организации и оплаты труда не противоречила существовавшим доктринальным установкам, напротив, блистательно подтверждала эффективность коллективного предпринимательства в деле освобождения труда, построенного на основе исторического опыта социалистического соревнования в СССР. Суть метода Худенко заключалась в создании самоуправляющегося трудового коллектива, где каждый работник участвовал в управлении процессом производства и распоряжался плановыми фондами.

Внедрение авторского прочтения звеньевой системы позволило И. Н. Худенко сократить количество работников, главным образом, за счет административно-управленческого персонала и работников, задействованных на вспомогательных работах. Весь начальствующий состав был представлен управляющим, он же главный агроном, и экономистом-бухгалтером. Основными стимулами труда членов коллектива стало самоуправление и оплата исключительно по конечному результату.

Эксперимент начинается весной 1963 г. и уже первый год работы принес неожиданные и ошеломляющие плоды: производительность труда в механизированных звеньях выросла более чем в 20 раз, заработная плата

более чем в три раза (при этом звеньевой получал 350, а механизатор — 330 руб.), а численность работников сократилась в 10 раз. Обращает на себя внимание и социальная ориентация производственной деятельности: в совхозе начинается строительство индивидуальных домов с водопроводами и электроплитами, зимнего сада, появился и собственный театр²⁷.

Первоначально власти сочли полученные результаты неубедительными и объяснили сложившейся конъюнктурой, использованием ресурсов, накопленных предприятием в предшествующие годы и т. д., поэтому И. Н. Худенко предложили организовать проведение так сказать «чистого эксперимента», создать новое предприятие. Так появился замысел «Акчи», реальное воплощение коллективного подряда: на этот раз Худенко создает свое детище, что называется, в чистом поле, с нуля. Предприятие получило официальное название «опытное хозяйство по производству травяной муки» (добавка такой муки, содержащей много белка и витаминов, в рацион коров позволяла увеличить удои на 30 — 40 %). Научным руководителем эксперимента стал заместитель министра сельского хозяйства Казахской ССР, член-корреспондент АН республики А. Е. Елеманов. Хозяйство получило государственные задания на производство зерна и травяной муки. В основе расчета — научно обоснованные нормы затрат времени на единицу продукции, а время пересчитывали в деньги. В итоге, заработная плата начислялась работникам в виде аванса ежемесячно, а в конце года их ждала доплата за реально произведенную продукцию, по итогам работы каждого звена отдельно²⁸. Средства, оставшиеся после продажи продукции государству за вычетом затрат на горючее, удобрения, запчасти и пр., поступали в полное распоряжение хозяйства. Учет и отчетность были включены в функционал каждого работника хозяйства, а высшим органом управления был совет звеньевых, которому подчинялась и дирекция в лице директора М. Ли и экономиста-бухгалтера И. Худенко. Свою деятельность «Акчи» начинает осенью 1967 г. и уже через год «метод Худенко» доказал свою эффективность: производительность труда оказалась в 6 раз, а заработки в 3 раза выше, чем в обычных совхозах, и это еще на этапе незавершенного строительства производственных помещений²⁹. В следующем году дела пошли еще лучше, но в середине третьего года еще до получения результатов хозяйство было ликвидировано по решению местных властей, по официальной версии как убыточное. За фасадом принятых решений — ощущение угрозы всей системе централизованного государственного управления и персонально руководству республиканского министерства сельского хозяйства. Как следовало из выступления начальника планово-экономического отдела министерства Е. Закшевского, «эксперимент Акчи следует срочно прекратить. Сейчас июнь, а в августе — сентябре Худенко реализует свою продукцию, хозяйство получит прибыль, и тогда с ним не совладать». По словам рабо-

чих, на их возражения по поводу убыточности от местного начальства прозвучало: «много получаете», «нарушаете порядок», «самовольничаете»³⁰. Используя привычную методику «навешивания ярлыков», партийное руководство обвинило И. Худенко в провоцировании безработицы и подрыве социального мира. «Радетели» за государство не остановились даже перед колоссальными финансовыми потерями, связанными с ликвидацией предприятия до момента выполнения госзаданий и окончательного расчета за использование государственных же средств производства.

Вскоре обвинения в хищении государственных средств обрели форму уголовного дела. В 1972 г. И. Н. Худенко удалось отстоять свою правоту. По ходатайству И. Н. Худенко и директора совхоза в «Акч»и М. Ли, поддержанному «Литературной газетой», уголовное дело было затребовано Прокуратурой СССР, рассмотрено и прекращено (письмо № 3/779-72 от 7 мая 1972 г.) за отсутствием события преступления. Однако в дальнейшем решение получить причитавшиеся коллективу заработные деньги (иск о выплате компенсации был скреплен печатью уже несуществующей организации) вновь запустило маховик следственной машины. Сам И. Н. Худенко, М. В. Ли и В. В. Филатов были обвинены в покушение на хищение государственных средств и в злоупотреблении служебным положением и 28 августа 1973 г. были осуждены Алма-Атинским городским судом к длительным срокам лишения свободы. И. Н. Худенко получил 6 лет лишения свободы (срок был специально увеличен, чтобы он, как участник Великой Отечественной войны, не мог попасть под амнистию) и скончался в тюрьме от воспаления легких в 1974 г. В 1989 г. все участники процесса были амнистированы за отсутствием в их действиях состава преступления³¹. В воспоминаниях В. Д. Белкин, непосредственный свидетель Казахской трагедии, писал, что эксперимент Худенко представлял собой «не прошлое, а будущее советского хозяйства. И в экономическом, и в социальном смысле»³².

«Дело Худенко» — классический пример противостояния новатора с Левиафаном бюрократической системы. По меткому определению В. Я. Узун, «противником реформ была сложившаяся государственная система централизованного ведения сельского хозяйства»³³. Трагедия И. Н. Худенко была одновременно приговором системе, поэтому его и называли предтечей Перестройки. Однако, как показала история, при ее разрушении был безвозвратно утрачен и уникальный опыт апробации и внедрения практик и установок освобожденного труда.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Лебедев К. Н.** Освобождение труда с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. 2021. № 10 (203). С. 17 — 19.

- ² Там же. С. 21.
- ³ См.: **Гринин Л. Е.** Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций // Кондратьевские волны. 2012. № 1. С. 225 — 226.
- ⁴ См.: **Бондарев В. А.** «Конвейерный метод» как концентрированное выражение налогового-заготовительной политики сталинского режима в колхозной деревне (начало 1930-х гг.) // 1929: «Великий перелом» и его последствия : материалы XII Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 26 — 28 сентября 2019 г. М., 2020. С. 349 — 358.
- ⁵ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 — 1986) : в 15 т. Т. 4 : 1926 — 1929. М., 1984. С. 495.
- ⁶ Там же. С. 496.
- ⁷ См.: История крестьянства СССР. М., 1986. Т. 2. С. 252.
- ⁸ Там же. С. 253.
- ⁹ См.: Коммунистическая партия Советского Союза... Т. 7 : 1938 — 1945. М., 1985. С. 24.
- ¹⁰ См.: История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 89 — 90.
- ¹¹ См.: Коммунистическая партия Советского Союза... Т. 4. С. 497.
- ¹² См.: **Будович Ю. И.** Сущность социалистического соревнования с точки зрения теории альтернативных финансов // Экономические науки. 2022. № 1 (206). С. 30.
- ¹³ См.: Коммунистическая партия Советского Союза... Т. 4. С. 497.
- ¹⁴ См.: История крестьянства СССР. Т. 2. С. 351 — 352.
- ¹⁵ См.: **Будович Ю. И.** Сущность социалистического соревнования... С. 33.
- ¹⁶ См.: **Лебедев К. Н.** Указ. соч. С. 20.
- ¹⁷ См.: История крестьянства СССР. Т. 2. С. 349.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: **Лебедев К. Н.** Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ См.: История крестьянства СССР. М., 1987. Т. 3. С. 251 — 253.
- ²¹ См.: История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 97.
- ²² **Будович Ю. И.** Сущность социалистического соревнования... С. 31.
- ²³ **Узун В. Я., Никулин А. М.** «Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать» // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3. С. 136.
- ²⁴ См.: **Гайсина А. В.** Факторы творческой инициативы в повышении эффективности общественного производства // Евразийское научное объединение. 2018. № 12-4 (46). С. 227.
- ²⁵ См.: **Староверов В. И.** Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978. С. 223.
- ²⁶ См.: **Гайсина А. В.** Указ. соч. С. 228.
- ²⁷ См.: **Харсеева Н. В.** Духовно-нравственные основы российского предпринимательства. Краснодар, 2014. С. 122.
- ²⁸ См.: **Белкин В. Д.** Избранные труды : в 3 т. Т. 3: Тернистый путь экономиста. М., 2015. С. 96 — 97.
- ²⁹ Там же. С. 95.
- ³⁰ **Белкин В. Д.** Указ. соч. С. 98.
- ³¹ Там же. С. 96.
- ³² Там же. С. 95.
- ³³ **Узун В. Я., Никулин А. М.** Указ. соч. С. 144.

УДК 130.2

*А. С. Тимощук**Владимирский юридический институт ВЮИ ФСИН России (г. Владимир)*

ОТ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается социальная модернизация России в XX в., намечены дальнейшие направления социально-экономической трансформации.

Ключевые слова: динамика России, мобилизационная экономика, национальная демократия, лидерская демократия, философия Путина.

Советский проект был незаслуженно и некритично отброшен на новом этапе развития России. В духе гегелевской диалектики его нужно принять как синтез тезиса и антитезиса. Тезис коммунистического общества и антитезис свободного рынка разрешаются в синтезе социального государства. Тезис III Интернационала и антитезис «каждый выживает сам по себе» снимается во взаимовыгодном сотрудничестве. Тезис советской наднациональной идентичности и антитезис этничности снимаются в синтезе российской гражданственности.

Ответственное отношение к большому государству может только быть имперским. Новое понимание империи — это общее дело. Нация, сжатая в кулак. Империя — это не дело верхушки коррупционеров. Она может быть только народной.

Политики в США возвращаются к идее империи. Для себя. Для других они предлагают распад и децентрализацию, что означает ослабление мощи государства. При этом национальный проект США функционирует с рыночным ускорением, они не прошли естественного этногенеза и активно импортируют человеческий капитал. Иммиграция в США является основным источником роста населения и культурных изменений на протяжении большей части истории США. За 200 лет там натурализовалось около 70 миллионов иностранцев, которые передают свою силу и дух новому государству. Хотя в США большие латиноязычные, японские, китайские анклав, в целом, общеамериканская поликультурная идентичность хорошо развивается.

В Югославии простые люди с ностальгией вспоминают, как им было хорошо в империи. Была работа, уверенность в завтрашнем дне, они были востребованы в социалистическом блоке. Сегодня они раздроблены и ослаблены.

Существует мнение, что СССР находился в 1980-х гг. на самом высоком уровне развития и дальнейший демонтаж государства — это только предательство элит и победа ЦРУ. Несомненно, в последний этап своего развития лидер социалистического блока достиг высокого уровня инфраструктуры и

социально-бытового обслуживания. Нельзя игнорировать и накопившиеся идеологические и экономические противоречия: доминирование интересов добывающей и тяжелой промышленности над потребностями легкой, пищевой и сельским хозяйством, неспособность плановой экономики удовлетворить потребности общества. На протяжении всего существования советского государства правительство постоянно закупало за золотовалютные ресурсы продовольствие, оборудование и технику, а затем и потребительские товары, что не может быть показателем исключительности советской экономики.

Учитывая то, что практически все ключевые технологии импортировались из-за рубежа, можно говорить об экономике мобилизационного-копирующего (догоняющего) типа, когда собственная материально-техническая и организационно-идеологическая система труда не позволяет идти инновационным путем. Из этого следует, что, несмотря на свою закрытость, экономика СССР зависела от глобальных факторов: инноваций, притока валюты, сбыта сырья и продукции.

Одна из причин краха СССР — неспособность оставаться глобальным игроком. В концепции мягкой силы привлекательность образа административно-командного государства проиграла либерально-рыночному. Объективно, плановая модель экономики не может быстро ответить на вызовы усложняющегося общества и его экономических связей.

Сталинская штурмовая модель экономики 1920 — 1950-х гг. была эффективна для оборонного рывка, но не для устойчивого развития потребительского общества. Невозможно долго добиваться высоких темпов экономики за счет труда спецпереселенцев, заключенных, бесплатно работающих колхозников, продажи музейных ценностей и изъятия золота и зерна у населения.

Прежде чем говорить о социогенезе российского общества, необходимо резюмировать, какие достижения мы имеем сейчас на начало века. О недостатках государства и общества выступают как публицисты, так и политики. Славные итоги тоже нужно подводить, ибо они и являются векторами нашего успешного будущего. Следует также учесть актуальный контекст, столетний юбилей революционных событий в России, который дает нам возможность рассмотреть устремленность российского общества в будущее масштабно, в диалектике развития науки, техники, культуры, общества, массового сознания; увидеть, как изменилась жизнь, какие новые проблемы возникли.

Начиная с 2000 г. обозначилась очень позитивная тенденция на увеличение производства зернобобовых культур в России. Зерно — это наша продовольственная безопасность, валюта и базовый воспроизводимый ресурс. В СССР был показан рекорд 127,412 млн т зерна в 1978 г. В 2017 г. в России было намолочено 138,3 млн т.

Сходные тенденции роста наметились и в генерирующем секторе электроэнергетики, лесозаготовительной и, что особенно ценно, в лесовосстановительной отраслях. Я выделил именно эти отрасли, потому что это наши возобновляемые фонды и, следовательно, основа долговременного развития.

В 2017 г. мы, наконец, доросли до того, чтобы поставить вопрос об энергоэффективной переработке мусора. Здесь еще очень много предстоит сделать, ведь по подходу к ТБО мы на уровне Индии и Китая, а не швейцарском или японском. Между тем отставание в этой сфере дает возможность создать много рабочих мест в целой новой отрасли — переработка и утилизация отходов. Тем самым мы решаем не только глобальную проблему потребительского общества, но и выходим на показатели устойчивого развития. В свое время созданные повсеместно «Зеленхозы» и «Зеленстрой» решили проблему чистоты российских городов. Оказалось, что чисто там, где убирают. Призывы не мусорить и выходить на субботник хороши тогда, когда есть систематический клининг.

По аналогии с этим, верное управленческое решение будет не только приучать к раздельному сбору мусора население, но и создавать предприятия по переработке отходов. Что касается источника финансирования, то им могут выступить сборы на утилизацию, производство упаковки, пошлины на товары в зависимости от затрат на переработку тары. Налог должен учитывать степень вреда, который наносят природе те или иные упаковочные материалы. Чем более экологична упаковка, тем меньше сбор. Таким образом, прогрессивная ставка должна охватить все от натуральных материалов и стеклотары до картона, пищевого алюминия, пластмассы и комбинированных материалов. При этом мусорный тариф нужно привязать к индексу инфляции.

Учитывая объем свалок, существует потребность введения экосбора не только с производителя и импортера, но и покупателя, поскольку утилизация товара будет проходить, скорее всего, по региону потребления, а не по месту производства. Следующий шаг — поощрение изготовления тары из биополимеров, продуктов переработки целлюлозы, получаемой из травы, кустарников, деревьев, которые обладают важным свойством — они био-разлагаемые.

Переработка мусора — это одно из самых стратегических направлений развития, которое будет определять конкурентное развитие в будущем, наряду с энергоэффективностью, гуманитарными и техническими аспектами безопасности государства и общества, ЗОЖ и медицины.

В 2015 г. в России был поставлен рекорд средней продолжительности жизни за всю историю страны, включая советское время — средняя продолжительность жизни в России достигла 71,4 года.

Сделаны беспрецедентные шаги по повышению рождаемости и заботы о детях. В истории России не было такого комплекса мер, как с 2007 по 2017 г.: материнский капитал, организация мест в детских садах, строительство перинатальных центров, выплаты по рождению первого ребенка в объеме прожиточного минимума, софинансирование регионов с низкой рождаемостью на выплату пособия на третьего ребенка. Мы добились самой низкой детской смертности за сто лет: с 263 ребенка на 1000 родившихся до 6,2. Материнская смертность снизилась в России до исторического минимума 8,3 роженницы на 10 тыс. чел.

За всю историю России приняты самые широкие по своему масштабу меры по борьбе с коррупцией и должностными преступлениями: стратегические, правовые, организационные, оперативные, политические, информационные, просветительские.

Несмотря на заявления о социальной пассивности потребительского общества, в России в последние годы развивается спонтанная социальная активность, добровольчество. Образец такой неофициальной собранности России — это акция «Бессмертный полк» на День Победы.

Инфраструктура, вопреки всем предсказаниям технологического коллапса после СССР, продолжает возводиться: мосты, дороги, линии РЖД, газопроводы и энергоблоки.

До сих пор Россия сохраняла одну из самых социальных государственных пенсионных программ в мире. В настоящее время наблюдается тенденция к переходу от пенсии по старости к страховой. Если государство окончательно осуществит переход, это станет социальной катастрофой для 20 млн бедных в стране.

В глобальном масштабе XXI в. является пока самым мирным, процветающим и благополучным за всю известную нам историю человечества по показателям погибших в конфликтах, продолжительности жизни, снижения детской смертности, сокращения инфекционных заболеваний, малярии и туберкулеза. Существенно, что женщины имеют больше возможностей для трудоустройства и это сокращает количество домохозяйств, живущих за чертой бедности¹.

Когда мы говорим об обществе будущего, важно сохранить здравомыслие и не поддаваться искушению технократии; не начать говорить о лунных городах и массовом космическом туризме, трансгуманизме, ликвидации старения, дармовой энергии водорода и холодного ядерного синтеза.

Русская революция 1917 г. — событие положившее начало новому государству, новому обществу и новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причем в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне грандиозных социальных задач по модернизации отстающей аграрной экономики.

Коммунизм как радикальная социальная утопия отработал свою роль не только в отечественной, но и в глобальной модернизации, дав надежду многим миллионам людей на достойную жизнь. При этом он улучшил не только жизнь масс в отсталых странах, но и способствовал укреплению принципов социального государства в развитых индустриальных государствах. 8-часовой рабочий день, социальная защита, равенство женщин — все эти социальные блага нужно было завоевать и Великая октябрьская социалистическая революция стала одним из рычагов этого всемирного процесса.

Вспоминая революцию и Гражданскую войну, нельзя не отметить, что XX в. был наиболее трагичным и переломным для России, потерявшей миллионы граждан. Эта колоссальная цена избавления от череды опасных иллюзорных целей, которые вынашивала политическая элита долгие годы: «Москва — третий Рим», «Русский флаг над Царьградом», «Мировая пролетарская революция», «Общество без денег и без собственности», «Мировое господство». Отрадно, что XXI век Россия встречает наиболее адекватным целеполаганием — безопасностью и благосостоянием народа².

Что мы возьмем в будущее? Три кита, на которых держится мир — вера, надежда, любовь. Все основные технологии уже есть, некоторые из них достигли предела. Все три типа общества уже присутствуют на планете — аграрное, индустриальное и постиндустриальное. Иные типы обществ — космическое, о котором мечтали русские космисты; коммунистическое — идеал социал-утопистов; постчеловеческое — цель технократов, суть мыслимые, но не достижимые.

В век скоростей, как ни странно, особую роль приобретают традиционные религии, которые за счет своего консервативного и экологического отношения к институту брака и семьи, нравственному содержанию человека, привычкам в питании вносят вклад устойчивого развития в ноосферу общества будущего. Религия и философия нужны для воспитания самодостаточности и удовлетворенности человека. Это противоядие для потребительского общества. Нельзя покупками заменять счастье, это краткосрочный допинг.

Многовековая деятельность России по собиранию евразийских земель не должна уйти в небытие. Сколько этносов и государств исчезло на просторах Евразии! Без единства нельзя выстоять. По одиночке нас сомнут другие пассионарные народы. Мелкие регионы скорее исчезнут, у них нет сил, которые будут определять их долгосрочную идентичность, самость.

Мы не можем радоваться регионализации. Нельзя жить в стеклянном домике и радоваться, кидаясь камнями. Перед фактом глобализации необходимо единение России. Этому препятствуют «нации»: русские не хотят потерять русскость, а национальные образования не хотят потерять политические характеристики. Однако необходимо защитить нашу сверх-нацию от

экспансии глобализма. Отдельные народы жили веками. Если эта целостность будет разрушена, не устоять никому.

Слабость гражданского общества в России составляет силу нации и государства. России нужно вырабатывать много социальных скреп, генерировать мы-онтологию³. Внутренняя природа человека — вырабатывать культурную память, которая сохраняет надбиологическое, социальное. Человек есть сконцентрированная система общественных отношений. Каждый индивид — сконцентрированный народ.

Ответственное отношение к государству может только быть имперским. Новое понимание империи — это общее дело. Нация, сжатая в кулак. Империя — это не дело верхушки коррупционеров. Она может быть только народной.

Разумная национальная политика заключается в том, чтобы ясно сформулировать для всех граждан, кто мы есть и почему мы живем вместе. Все граждане России имеют одну национальность — они россияне. Другие республики в составе федерации должны признать себя для общего блага этносами, не нациями. Это взаимный компромисс. Русские отказываются от своей имперской роли, а другие этносы отказываются от своих национальных устремлений в пользу российской государственности⁴.

«Россия» остается этнонимом лишь в историческом смысле, а в геополитическом преодолевает эти ограничения, вбирая в себя все народы в составе федерации. Это реальная программа, которую воплощали политики от Сталина до Ельцина. Последний так и обращался к гражданам: «Уважаемые россияне». И. В. Сталин писал «русский, по происхождению грузин». Это социально-гражданская трактовка нации. Происходит смещение русскости в пользу единой российской гражданственности. При этом ликвидируется не только политический статус русских, но и других этносов. Политически мы все россияне. Не только нет русской нации, правильно говорить и по отношению к иным государствам, не казахи, а казахстанский народ, не латыши, а латвийский народ. Одновременно внутренние внеполитические формы свободно сохраняются — религиозные, этнические, добровольческие и пр.

Возникает вопрос, как быть с языком, у нас нет российского языка. Да, из практических соображений целесообразно сохранить русский язык как государственный. В этом случае он превосходит свою этническую сущность. Русский становится международным: трансфер, имплементация, истэблшмент. Переводные журналы уже нужно читать со словарем.

Программа единой идентичности начала реализовываться в Советском союзе, где была выстроена «советская» идентичность. Она реалистична. За рубежом называют русскими всех, кто из России, — татар, бурят, но так ли это? Народы не готовы признать себя русскими, как со стороны нас оценивают, но они могут считать себя россиянами.

Нужно думать о приезжих. Противостоит киргизов называть русскими, но естественно при получении гражданства считать россиянами. Иммигранты сохраняют свою этничность и приобретают надэтническую идентичность «россиянин». Завтра может начаться радиоактивный распад России, поэтому действовать нужно сегодня.

Таким образом, государства и нации должны идти в ногу со временем, вписываться в общий мировой модернизационный поток. С другой стороны, нации не должны стать аморфными образованиями. Культурное разнообразие необходимо для человечества, как и биологическое разнообразие для природы.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Pinker S.** The Better Angels of Our Nature. Viking, 2011. 802 p.

² См.: **Тимошук А. С.** Россия Путина как эмерджентный проект // Ученые записки : науч.-практ. журнал (ВФ РАНХиГС). 2018. № 1 (25). С. 78 — 81.

³ См.: **Субетто А. И.** Образовательное общество и реализация стратегии развития образования в XXI в. // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4. С. 7 — 43.

⁴ См.: **Кутырев В. А.** Как нам (не) глобализовать Россию // Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности : сб. ст. участников Всерос. науч.-практ. конф. (25 — 27 октября 2017 г.). Саров, 2017. С. 12 — 14.

УДК 94(47).084.2

В. П. Трут

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (На примере Великой Отечественной войны)

В статье рассматривается научно-образовательная деятельность по защите исторической памяти и противодействию фальсификации истории России на примере Великой Отечественной войны. Характеризуется сущность и содержание данного вопроса. На конкретных примерах показывается сложная и неоднозначная ситуация, сложившаяся в необходимости защиты исторической памяти в нашем обществе на современном этапе. Анализируются роль и значение данного фактора в общественной жизни.

Ключевые слова: научно-образовательная деятельность, историческая память, защита.

Сегодня, в очень сложное и противоречивое, с полной ответственностью можно сказать, переломное время, и руководство, и научное сообщество, и члены различных политических и общественных организаций, и подавляющее большинство рядовых граждан России неоднократно обращали внимание на многочисленные и целенаправленные действия определенных сил как за рубежом, так и непосредственно в нашей стране, фальсифицировать, извратить историю страны в целом, и историю Великой Отечественной войны как одного из важнейших событий истории нашего Отечества в частности. Историческая память, как известно, является одним из системообразующих факторов формирования мировоззрения членов общества, их жизненных позиций, целей, общественной роли, этических норм, морально-нравственного облика и соответствующих моральных качеств.

В обновленной стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 года, в третьем разделе «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» в пункте 26 говорится, что «Обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов: 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»¹. В четвертом разделе «Обеспечение национальной безопасности» в подразделе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в пункте 88 подчеркивается, что «информационно-психологические диверсии и „вестернизация“ культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета. Участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа»². В пункте 93 «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» обеспечивается путем решения следующих задач: «2) защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории»³.

Известно, что самостоятельные, очень важные, в то же время весьма сложные и своеобразные системы, международная и национальная безопасность, исследуются различными научно-теоретическими методами, одним из которых, наряду с ведущими — политическим и факторным анализами — является исторический анализ. Его сферами являются, естествен-

но, наиболее важные, значительные, переломные, эпохальные события и процессы мировой и отечественной истории, оказавшие определяющее влияние на развитие международного сообщества в целом и отдельных стран и народов в частности, последствия которых также продолжают оказывать в той или иной мере влияние на современность.

Одними из таких важных событий явились, безусловно, Вторая мировая и ее составная Великая Отечественная войны. Неслучайно их «политическое и идеологическое эхо» с новой силой зазвучало на международной арене в последнее время. Это связано с теми сложными и масштабными политическими, экономическими и социальными трансформациями, которые сегодня происходят в мире.

Особое значение для нашей страны имеет история Великой Отечественной войны. Это, по образному выражению автора известной концепции исторической памяти П. Нора, «горячая память»⁴ российского народа. По нашему мнению, большого внимания, обстоятельного объективного и всестороннего анализа заслуживают многие важные проблемы Великой Отечественной войны. Среди них, в частности, можно отметить советское военное планирование в мае 1941 г., причины неудач Красной армии на начальном этапе войны, поражения 1941 — 1942 гг. («Котлы» 1941 г., операция «Марс» 1942 г.), приказы Верховного Главнокомандующего № 270 (август 1941 г.) и № 227 (июль 1942 г.), дело генерала А. Г. Самохина, проблема советского коллаборационизма, преступность в Красной армии (за годы войны осуждено около 1 млн чел.), неизвестные аспекты сражений 1941 — 1945 гг. (приграничных, Сталинградского, Курского, Будапештского, Берлинского и многих других), решения Крымской (Ялтинской) и Потсдамской конференций и их последствий для послевоенного устройства Европы и множество других недостаточно изученных и проанализированных дискуссионных проблем войны.

Одной из наиболее показательных, является вызвавшая значительный международный общественно-политический резонанс и активную дискуссию русских и зарубежных историков статья журналиста С. Келлерхоффа, опубликованная 10 июля 2019 г. в известной германской газете «Die Welt» под претенциозным названием «„Победа“ Красной армии, которая на самом деле была поражением». В ней, в частности, автор безапелляционно заявил, что «о триумфе Красной армии под Прохоровкой 12 июля 1943 года до сих пор вспоминают как о „крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны“». Но на самом деле никакой победы не было... Золотая фигура Богоматери восседает на белоснежной, непривычно устремленной ввысь часовне. Этот памятник, расположенный к юго-западу от русской деревни Прохоровка напоминает о триумфе Красной армии в „крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны“, произошедшем здесь 12 июля 1943 года.

Но вообще-то этот памятник нужно немедленно снести. Результаты самых последних исследований, основанные на бесспорно подлинных фотографиях, подтверждают: под Прохоровкой не было советской победы, да и вообще никакого крупного танкового сражения. На самом деле на поле западнее места, где сегодня стоит памятник, более 200 танков советского 29-го танкового корпуса пошли, сами того не желая, в самоубийственную атаку»⁵. Авторитетный историк В. Н. Замулин, автор многочисленных аргументированных работ по истории Курской битвы в целом и Прохоровского сражения в частности, охарактеризовал данную статью Келлерхофа «хорошо нарезанной крошкой из правды, выдумки и предположений. Несмотря на значительные потери, понесенные советскими частями, в том числе танковыми, в очень напряженном и ожесточенном семидневном Прохоровском сражении Красной армии удалось одержать победу и сорвать планы противника. Это общепризнанный факт, признанный практически всеми занимающимися данной проблематикой отечественными и зарубежными исследователями»⁶.

Возникает вполне закономерный вопрос, кому и главное зачем достаточно регулярно осуществляются такие околонучные, дезинформационные и откровенно провокационные информационные вбросы. Ответ очевиден. Это не только один из элементов информационной войны, которая активно ведется против России и общества, но и очевидная попытка оказать непосредственное влияние на историческую память нашего народа, повлиять на трансформацию доминирующих в обществе исторических знаний и представлений, изменить их путем целенаправленных фальсификаций и тем самым добиться кризисных общественных воззрений. Это, в свою очередь, непосредственным образом влияет не только на негативную трансформацию исторической памяти российского народа, но и на один из элементов национальной безопасности нашей страны в гуманитарной, в частности, в научно-образовательной области. В связи с этим в данной сфере необходима постоянная масштабная целенаправленная деятельность всего научно-преподавательского сообщества страны, направленная на сохранение объективной и правдивой исторической памяти россиян и постоянное всестороннее и аргументированное противодействие попыткам фальсификации отечественной истории, в частности, одного из самых важных ее событий, Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

¹ Указ Президента РФ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. С. 8 — 9. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/view/0001202107030001?index=1> (дата обращения: 17.08.2021 г.).

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ **Нора П.** Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 28.

⁵ **Келлерхофф С. (Sven Felix Keiierhoff).** «Победа» Красной Армии, которая на самом деле была поражением // Die Welt (Германия). 2019. 10 июля. URL: <https://inosmi.ru/history/20190710/245448576.html> (дата обращения: 13.07.2022 г.).

⁶ «Инферно из горящих танков». Что выдумал о Курской битве немецкий журналист. URL: <https://ria.ru/20190711/1556399450.html> (дата обращения: 11.05.2020 г.).

УДК 351

И. В. Упоров

Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТОРОВ И ВЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье исследуются особенности взаимоотношений, которые складывались между советской властью и литераторами в первые годы функционирования нового советского государства (1917 — начало 1920-х гг.). Отмечается, что большевики, в отличие от империи, стали целенаправленно использовать возможности художественной литературы для пропагандистских целей политико-идеологического характера. Этот процесс показывается на примере литературного объединения Пролеткульта.

Ключевые слова: литература, советская власть, идеология, Пролеткульт, стихи, государство, пролетариат.

В истории России отношения власть — общество всегда были довольно сложными, что во многом вытекало из жестко централизованных форм государственного управления. Это относилось и к сфере литературного творчества, которое находилась под достаточно жестким контролем государственных структур, не позволявшим литераторам переходить определенные «красные линии». Достаточно указать, например, на судьбу А. Н. Радищева за его «Путешествие», на цензурные уставы XIX в., на «партийность» советской литературы. Вместе с тем нужно заметить, что власть в период абсолютизма не использовала поэзию как политический инструмент для укрепления существовавшей формы государственности, ограничиваясь цензурными запретами и преследованиями тех поэтов, которые были не угодны. Характерна в этом отношении была поэтическая деятельность М. Ю. Лермонтова, чье стихотворение «Смерть поэта» показало власти едва ли не как «воззвание к революции», соответственно были приняты меры по недопущению поэта к широкой читательской публике.

Накануне и после Октябрьской революции 1917 г. ситуация стала складываться совершенно по иному. Пришедшие к власти большевики имели вполне четко определенную политико-идеологическую программу, которую они, собственно, и стали воплощать в жизнь (огосударствление экономики, ликвидация класса эксплуататоров, строительство коммунизма и т. д.), и для ее реализации они стали целенаправленно использовать представителей литературного цеха. Такое взаимодействие в значительной степени обуславливалось большим разнообразием литературных течений, сложившихся к тому времени, включая те, в рамках которых довольно остро критиковалось социально-политическое положение в России и в мире в целом.

Важно при этом заметить, что большевикам не пришлось создавать совершенно новые, как говорится, «под себя», литературные объединения — таковые уже стали появляться еще до революции — после известного манифеста от 17 октября 1905 г., которым провозглашалась, среди прочего, свобода слова. Вот тогда-то, вероятно, российское общество, у которого длительное время не было возможности реализовать свой творческий потенциал, всколыхнулось, чему способствовало также общецивилизационное развитие демократических начал, и на поэтической ниве стали возникать различные кружки и объединения. Большевицкая власть не преминула использовать это обстоятельство для продвижения своего мировоззрения в тогдашнем российском обществе, причем поначалу литературную цензуру от советской власти нельзя было назвать строгой, во всяком случае практически до конца 1920-х гг. в разных изданиях можно было встретить стихи многогранной направленности, чему, безусловно, способствовала политика НЭПа. Тем не менее постепенно, не прибегая к резким репрессивным шагам, большевики сумели сформировать необходимый фильтр в литературной среде.

Тактика взаимодействия власти и литераторов в рассматриваемый период (первые годы советской власти, 1917 — начало 1920-х гг.) особенно наглядна видна на примере отношений власти и поэтов в контексте деятельности небезызвестного Пролеткульта, на чем остановимся подробнее.

Прежде всего заметим, что этому аспекту заметное внимание уделял В. И. Ленин, который вникал в такие детали литературного творчества, которые, казалось бы, не имели отношения к строительству нового социалистического государства. Так, во время одной из встреч с ветераном пролетарской поэзии А. А. Богдановым (один из лидеров Пролеткульта) последний прочитал Ленину стихотворение, где проводилась мысль о том, что революционер не имеет права на личное счастье, на что Ленин ответил, что марксизм отнюдь не отрицает, а, напротив, «утверждает здоровую радость жизни, даваемую природой, любовью и т. д.»¹. Более того, по воспоминаниям Н. К. Крупской, Ленин любил лирические стихи даже больше,

чем революционные, декламировал многих поэтов-лириков, однако не хотел демонстрировать этого другим². Такая позиция, трансформируемая в политику советской власти в области искусства, на наш взгляд, в немалой степени способствовала тому, что многие поэты стали поддерживать советскую власть.

В целом Ленин являлся большим любителем и знатоком поэзии, а о значимости стихов говорил, что часто они «берут за живое»³. По свидетельству Горького, Ленин придавал большое значение поэзии в революционной пропаганде: «В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе»⁴. Подобную мысль он относил и современным ему пролетарским поэтам. Указанные выше обстоятельства имели важное значение в создании Пролеткульта — наиболее крупного и самого известного литературного движения среди всех литературных течений и организаций в 1917 — 1920-е гг.

В связи с этим нужно заметить, что Пролеткульт формально статус общественного движения получил в канун революции (в сентябре 1917 г.) с целью формирования новой, пролетарской культуры на первой конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. Как отмечается в литературе, «идеологические и эстетические установки Пролеткульта, а также принципы его практической деятельности были сформированы в результате, с одной стороны, деятельности социал-демократических партий России в начале XX века, а с другой, были последовательной реализацией культурных и социальных концепций, разработанных русской интеллигенцией до революции»⁵. Позже Пролеткульт организационно укрепился, в состав ЦК Пролеткульта вошли П. Лебедев-Полянский, Ф. Калинин, А. Маширов, В. Игнатов, В. Файдыш, А. Богданов и др. В 1920 г. Пролеткульт пытался выйти на международную арену — во время II конгресса Коминтерна было создано Международное бюро Пролеткульта, тогда появился манифест «Братьям пролетариям всех стран», где на это бюро возлагалась задача распространения принципов пролетарской культуры во всех странах и подготовка Всемирного конгресса Пролеткульта; однако это направление не получило развития. Пролеткульт стал своеобразным проводником большевистских идей в общество прежде всего посредством литературы.

Это движение включало в себя разветвленную сеть культурно-просветительных организаций разного масштаба — от губернских до фабрично-заводских, в которых принимали участие около полумиллиона человек (середина 1920-х гг.), издавались 34 журнала, создавались и действовали литературные, театральные, музыкальные студии и т. д.⁶ В литературных кружках Пролеткульта выступали многие известные поэты и прозаики, среди которых А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, Вл. Ходакевич, К. Чуковский и др. С Пролеткультом сотрудничали также Е. Замятин, Н. Гумилев и другие писатели. И хотя отно-

шения советской власти и Пролеткульта отнюдь не были бесконфликтными (в Пролеткульте полагали, что искусство должно быть независимо от государства), особенно на рубеже 1920 г., тем не менее, Пролеткульт являлся мощнейшим политико-идеологическим инструментом, через искусство неся в ошеломленные революционным кризисом массы информацию о том, какое государство строится, каковы его цели, задачи и т. д.

В этом контексте на начальном этапе своей деятельности, вслед за радикализмом большевиков, среди поэтов Пролеткульта также наблюдался настрой снести старый буржуазный строй до основания. Характерным являлось стихотворение «Мы», написанное пролеткультовцем, одним из лидеров этого движения В. Т. Кирилловым, где, в частности, есть такие строки: «Мы, несметные, грозные Легионы Труда / Мы победили пространства морей, океанов и суши, / Светом искусственных солнц мы зажгли города, / Пожаром восстаний горят наши гордые души. / Мы во власти мятежного, страстного хмеля, / Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты...». / Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, / Разрушим музеи, растопчем искусства цветы»⁷. Это вполне соответствовало содержанию ст. 9 первой советской Конституции РСФСР 1918 г., в которой основная задача советской власти заключалась «в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»⁸.

Как видно, политическая конституционная установка стала находить отражение в поэзии, разумеется, своеобразными средствами данного вида искусства. Неслучайно Пролеткульт активно поддерживался советской властью, в том числе финансово, находясь на попечении Народного комиссариата просвещения. По мнению М. А. Левченко, «в поэзии Пролеткульта создается „облегченный“, приспособленный для трансляции в массы вариант идеологии»⁹. При этом принципы Пролеткульта наглядно описал упомянутый выше поэт, прозаик, публицист, революционер А. А. Богданов, который считал, что искусство является «одной из идеологий класса, элемент его классового сознания... под автором-личностью скрывается автор-класс»¹⁰.

При этом во многих поэтических произведениях пролеткультовцев стремление показать новую, народную идеологию уступало собственно поэтическому мастерству. Возможно, именно поэтому многие поэты-пролеткультовцы так и не закрепились в литературно-поэтической памяти (Ф. И. Калинин, А. Мастерков, А. Строкова, П. Телова, А. Шапочников, Д. Масленников, А. Зирих и др.), и в настоящее время их мало кто знает. Для примера можно привести четырехстишие Н. Очкина: «Вот уж и целый год за нами — / Год славный... Год красный как кровь — / Год битвы упорной

с врагами / За братскую жизнь и любовь»¹¹. Тем не менее Пролеткульт, по выражению Н. И. Бухарина, «идеологически был уже настоящим голосом революции и при том таким голосом, который стоял и на определенной технической высоте»¹². В этом контексте нужно заметить, что в поэзии пролеткультовцев находил мощное отражение один из важнейших символов советской власти — рабочий, олицетворявший диктатуру пролетариата. Показывается, как «фабричный горемыка стал восторженным солнценодцем», и это уже не бесправный трудяга, а рабочий-исполнин, преисполненный революционного могущества и решимости спасти мир от эксплуататоров.

Так, у А. К. Гастева по этому поводу есть такие строки: «Всюду иду со своим молотом, зубилом, сверлом. По всему миру... Шагаю через границы, материки, океаны. Весь земной шар я делаю родиной»¹³. А это уже отражение идеи мировой социалистической революции — Гастев мысленно представляет себя в Берлине, Манчестере, Париже, и все, что он видит, — это уже «мое», пусть пока не сегодняшнее, но уже «бьются огни моего завтра», при этом «я» — это российский рабочий класс. В стихах пролеткультовцев обыгрывается также знаменитый советский идеологический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», заимствованный из Манифеста коммунистической партии» Маркса-Энгельса. Вот лишь два четырехстишия: «Прочь власть царей, холопов капитала! / Долой рейхстаги, дворню богача! / Пора настала сбить их с пьедестала / Ударом пролетарского меча!»¹⁴ (В. Князев); «Пролетарии всех стран!.. / Разрушим Старое / на его костях / Мозолистым Октябрем / Мирового Совдепа стяг / Возьмем!»¹⁵ (С. Обрадович).

Между тем Ленин, соглашаясь в целом с тем, что Пролеткульт приносит советской власти пользу, тем не менее, держал деятельность этого движения в поле своего зрения и не допускал ослабления партийно-государственного контроля за его деятельностью и ставил вопрос так, что идеологические вопросы определяет партия, а не Пролеткульт, а дело Пролеткульта — «распространять не идеи, а марксизм». На этой почве у Ленина были разногласия с Бухариным и Луначарским, которые считали, что пролеткульт все-таки должен иметь какую-то творческую свободу, в том числе в политической сфере, но, разумеется, в определенных рамках.

Показательным можно считать случай, когда в «Правде», редактируемой Бухариным, 27 сентября 1922 г. вышла объемная статья одного из видных идеологов Пролеткульта В. Плетнева о пролетарской культуре. Ленин внимательно прочел, сделал ряд пометок и отправил записку Бухарину: «Посылаю Вам сегодняшнюю „Правду“. Ну, зачем печатать глупости?.. Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не „пролетарской“ науке, а просто учиться. Неужели редакция „Правды“ не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же фальсификация исторического материализма! Игра в исторический материализм!»¹⁶.

Глупостями Ленин считал, в частности, мысль о том, что основная цель Пролеткульта — «творчество новой пролетарской классовой культуры», а сама «пролетарская культура — дело самого пролетариата», на что Ленин задал краткий вопрос: «А крестьяне?». В других местах Ленин указывал, что рабочих в стране мало, и только лишь они не смогут поднять всю экономику, поэтому без крестьян не обойтись (как и без буржуазных специалистов), и в этих условиях создавать классовую пролетарскую культуру в изоляции от трудового крестьянства — «архификция».

Позже не без участия Ленина 1 декабря 1920 г. в той же «Правде» было опубликовано письмо ЦК РКП (б) с соответствующей критикой Пролеткульта. И вот таким образом советская власть в данном случае в лице Ленина подправляла идеологическую деятельность Пролеткульта в нужном направлении, используя это движение как политико-идеологический инструмент. Однако в данном случае для Пролеткульта существенными были и организационные последствия — руководящие органы были упразднены, а среднее звено управления должно было строго руководствоваться решениями партийно-советских органов. В дальнейшем на основе Пролеткульта в 1920-х гг. обособились ряд других литературных организаций: Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП), Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП), Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и др. Эти организации считали себя «орудием диктатуры партии в литературе». Однако в целом низкий уровень поэтики при громких и пафосных идеологических штампах не снижал им авторитета, и многие серьезные поэты сторонились этих массовых литературных движений (например, В. В. Маяковский вступил в РАПП, но вскоре из него вышел).

Тем не менее Пролеткульт при всех издержках оказал существенное влияние на формирование метода социалистического реализма (как выражается М. А. Левченко — «вторжение идеологии в поэтику»), ставшего основным в советской литературе в последующие годы существования советского государства; задачей соцреализма было формирование новой и «нужной» советской власти картины окружающего мира средствами искусства, причем эта картина часто искажала действительность¹⁷. Однако уже к середине 1920-х гг. в условиях НЭПа потребность в многочисленных, и, как правило, идеологически прямолинейных революционных стихах стала снижаться, часть пролеткультовцев, как отмечалось, перешла в другие литературные группировки. Пролеткульт из былого мощного литературно-идеологического движения трансформировался в одно из подразделений Народного комиссариата Просвещения, и уже в начале 1930-х гг. это движение перестало существовать, что было вполне закономерно — к тому времени в СССР уже была сформирована административно-командная система управления, при которой самостоятельное творчество, даже пролетарского характера, власти уже было

не нужно, а требовалась планомерная, контролируемая на основе принципа партийности литература социалистического реализма.

Библиографические ссылки

- ¹ **Эвентов И. С.** Пробуждение новых сил : Ленин о поэзии. Л., 1977. С. 101.
- ² См.: Воспоминания о В. И. Ленине : в 5 т. М., 1969. С. 95.
- ³ Там же. С. 117.
- ⁴ **Горький М.** Собр. соч. : в 30 т. М., 1952. Т. 17. С. 45.
- ⁵ **Левченко М. А.** Поэзия Пролеткульта: идеология и риторика революционной эпохи : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001 С. 11.
- ⁶ См.: **Карпов А. В.** Феномен Пролеткульта и парадоксы художественного сознания постреволюционной России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 154.
- ⁷ **Кириллов В. Т.** Зори грядущего. Пг., 1919. С. 14
- ⁸ Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов 10.07. 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
- ⁹ **Левченко М. А.** Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰ **Богданов А. А.** О пролетарской культуре: 1904 — 1924. Л. ; М., 1924. С. 11.
- ¹¹ Взмахи : сб. Пролеткульта. Саратов, 1919. Вып. 1. С. 29.
- ¹² Первый всесоюзный съезд советских писателей : стеногр. отчет. М., 1934. С. 492.
- ¹³ **Гастев А. К.** Поэзия рабочего удара. Пг., 1923. С. 39.
- ¹⁴ Пролетарские поэты первых лет советской эпохи : сб. стихов. Л., 1959. С. 283.
- ¹⁵ Там же. С. 307.
- ¹⁶ **Ленин В. И.** Сочинения / 4-е изд. М., 1941. Т. 35. С. 475.
- ¹⁷ См.: **Хомякова Ю. О.** «В минутах оргийного ликования...»: Пролеткульт как забытое звено между символизмом и социалистическим реализмом // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 2 (31). С. 116.

УДК 94(47).084.6

А. В. Усов

*Дальневосточный юридический институт МВД России
(Владивостокский филиал) (г. Владивосток)*

СПАСЕНИЕ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «Щ-128» ТИХООКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ЭПРОН (1938 г.)

В статье рассматривается вклад Экспедиции подводных работ особого назначения в укрепление оборонного потенциала Дальнего Востока СССР, на примере спасения подводной лодки «Щ-128» 5-й морской бригады Тихоокеанского флота (1938 г.). Исследование основано на документах из Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ), часть из которых вводится в научный оборот впервые. Основное внимание уделено специфике работ, производимых специалистами ЭПРОНа в районе мыса Попова, залив Америка (современное название — Находка) с 25 по 27 января 1938 г. Освещаются технические тонкости буксировки. Восстановлены имена отличившихся участников операции.

Ключевые слова: ЭПРОН, Дальневосточный бассейн, аварийно-спасательная служба, буксировка, «Щ-128».

Для региональной исторической науки Дальневосточный морской бассейн — один из интереснейших и сложнейших в России, находится в центре научных интересов. Исторический опыт оформления и последующего возрождения Морских сил Дальнего Востока (с 1935 г. — Тихоокеанского флота) не теряет актуальности и продолжает привлекать внимание исследователей. В трудах дальневосточных ученых Ю. М. Зайцева, Е. Н. Галактионова, К. Ю. Колесниченко, П. В. Левшова, Г. А. Ткачевой, А. В. Филипповой¹ и других затронуты разнообразные аспекты, связанные с укреплением береговой обороны, наращиванием оборонного потенциала на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х гг. При всей многогранности проведенных исследований, в них крайне мало внимания уделено значению зарождавшейся централизованной морской спасательной отрасли региона, а именно роли Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) в укреплении обороноспособности Дальнего Востока СССР.

Отдельная Дальневосточная партия ЭПРОНа, созданная в 1932 г., пережила бурное развитие и в 1934 г. была реорганизована в Дальневосточную экспедицию с базированием во Владивостоке на северном берегу бухты Золотой Рог². На 16 декабря 1936 г. в состав Тихоокеанской экспедиции, имевшей статус военной части³, входили аварийно-спасательные отряды⁴: Петропавловский-на-Камчатке, Совгаванский, Николаевский-на-Амуре.

До начала Великой Отечественной войны на Тихоокеанскую экспедицию ЭПРОНа были возложены задачи обеспечения водолазной и судоподъемной службами, гидротехническими и водолазными работами, а также несение аварийно-спасательной готовности на всем Тихоокеанском и Северном побережьях СССР (от границ Японии до реки Колымы включительно), однотипными работами на реках и озерах (от озера Байкал до бассейна рек Амура и Лены включительно). Своим вниманием в аварийно-спасательном отношении эпроновцы должны были охватывать не только Тихоокеанский флот, но и суда Флотилии НКВД, государственного Морского пароходства, Промыслового флота на протяжении от Южно-Китайского моря до Северного моря (расстояние примерно равное 4 800 милям)⁵. Помимо этого специалисты ЭПРОНа обеспечивали учебно-боевую подготовку (УБП) ТОФ и несение аварийно-спасательной службы по спасению подводных лодок и их личного состава⁶. Основными плановыми работами являлись: судоподъемные; по очистке фарватера; аварийно-спасательные; водолазные; по розыску и обследованию, которые проводились на Советском побережье морей Тихого океана⁷.

Самоотверженность личного состава эпроновцев-тихоокеанцев иллюстрирует следующая запись из отчета по спасению (1935 — 1936 гг.) подво-

днои лодки «Щ-103»: «Условия работы для личного состава весьма тяжелы, крупная волна, ветер, морозы, неудобство всяких палубных работ на палубе подводной лодки. Налетевшие внезапно шторма ставили работу в крайне опасные для жизни условия: приходилось мокрым по горло спасать товарища или средства. Часть технических средств налетевшими штормами уничтожена совсем»⁸.

Другим ярким примером блестящего спасения аварийной подводной лодки являются работы по снятию с мели «Щ-128» 5-й морской бригады Тихоокеанского флота в районе мыса Попова, залив Америка (современное название — Находка) с 25 по 27 января 1938 г.⁹

Подготовка работ

25 января 1938 г. в 22 ч. 10 мин. начальником Штаба ТОФ была объявлена аварийная тревога по спасению подводной лодки «Щ-128» 5-й морской бригады ТОФ, которая шла в густом тумане и наскочила на прибрежные подводные камни в районе мыса Попова, залив Америка.

Ледокол «Добрыня Никитич» после погрузки аварийно-спасательного имущества¹⁰, загрузки углем и принятия на борт аварийно-спасательного отряда (АСО) в составе 13 специалистов¹¹ и начальника Штаба ТОФ капитана 2-го ранга А. В. Попова вышел к месту аварии, куда добрался только в 19 ч. 15 мин. Так, время между получением сигнала аварийной тревоги и прибытием на место составило чуть менее суток.

Самостоятельные попытки «Щ-128» сняться с камней результата не дали. До прибытия аварийно-спасательного отряда ЭПРОНа производилась попытка сдернуть с камней подводную лодку при помощи плавбазы «Саратов» (мощность 1 500 л. с.), используя стальной буксир. При «стаскивании» «Саратов» был отнесен ветром в сторону и аварийная подводная лодка дала крен до 45°, оставшись в прежнем положении¹².

Выяснив положение «Щ-128» и ее состояние, ввиду неблагоприятного прогноза погоды, начальником Штаба ТОФ было принято решение немедленно готовить аварийную ПЛ к снятию с камней путем буксировки ледоколом. «Добрыня Никитич» в ночное время не смог подойти к аварийному объекту на близкое расстояние, встав на якоря на расстоянии 450 м.

К моменту прихода АСО уже имелись подробные промеры глубин, что сократило срок подготовительных работ к снятию аварийного объекта с камней.

Специфика работ и их результаты

При помощи моторного катера (мощность 30 л. с.) эпроновцами на «Щ-128» был заведен проводник из стального троса длиной 436 м. Катер работал с перебоями из-за неисправности мотора. За кормовые рымы (скобы) была заведена брага из стального мягкого троса (на три раза). Через

проводник и канифас-блок (блок с особой оковкой) с помощью лебедки завели буксир длиной 260 м, соединив большой скобой с брагой. При этом аварийная ПЛ сидела на камнях, имея крен на левый борт, дифферент на корму, которая по 5-й трюм была на плаву. В корме глубина составляла 12 м, в носу — 3 м.

Пробоин не было, но при этом нос аварийного объекта от форштевня до половины 3-го отсека лежал на подводных камнях. Носовые горизонтальные рули находились на поверхности воды. Носовой частью «Щ-128» потеряла осадку 70 см, от мертвой зыби подвергалась носовой бортовой качке.

Эпроновцами было принято решение буксировать аварийную подводную лодку по курсу. Это было сопряжено с тем, что буксировка в сторону была невозможна за счет наличия больших подводных камней, находящихся в непосредственной близости. Проведенный специалистами Тихоокеанской экспедиции ЭПРОНа подсчет давления на грунт показал, что при создании буксирного усилия до 50 — 60 т аварийная ПЛ должна сойти с камней.

27 января 1938 г. в 16 ч 15 мин. ледокол «Добрыня Никитич», после всех подготовительных работ начал буксировку «Щ-128», которая работала полный ход назад, и в 17:00 была снята. Особенностью снятия выступило то, что нельзя было допускать крен свыше 25°. При крене буксировку предполагалось приостанавливать и выравнивать его балластом, для чего было необходимо продуть все балласты аварийной подводной лодки. Личный состав «Щ-128» при буксировке находился на своих местах согласно аварийному расписанию.

В результате работа по снятию с камней аварийной подводной лодки «Щ-128» была высоко оценена руководителем Тихоокеанской экспедиции ЭПРОНа батальонным комиссаром К. И. Шнуровским. В своем заключении Кесарий Иванович отметил: «...проведена организовано и быстро, чему способствовало хорошая укомплектованность аварийно-спасательной группы. Личный состав показал себя этой работой дисциплинированным и хорошо знающим свои обязанности»¹³. Данная оценка была направлена в адрес Военного Совета ТОФ и начальника Краснознаменного ЭПРОНа Ф. И. Крылова.

Наиболее отличившиеся участники

Из 13 специалистов аварийно-спасательного отряда, направленного на спасение «Щ-138», 8 человек были особо отмечены К. И. Шнуровским в заключении по операции: командир АСО, водолазный специалист Ф. И. Задворный; корабельный инженер ГВВП ТОФ, воентехник 1-го ранга т. Данилов; главный боцман Л. М. Дудин, командиры отделения водолазов Г. Р. Рабодзей и Н. Ф. Завакевич; старшие водолазы Г. Е. Стрюков и И. К. Ельченко; краснофлотец, такелажник Н. И. Кубышкин.

Таким образом, Тихоокеанская экспедиция ЭПРОНа играла важную роль по усилению обеспечения ТОФ и аварийно-спасательной службы в регионе. Эпроновцы-дальневосточники выполняли широкий спектр специализированных водолазных и подводно-технических работ, в их ведении находились вопросы оказания помощи аварийным подводным лодкам и их экипажам. Спасение эпроновцами подводной лодки «Щ-128» 5-й морской бригады Тихоокеанского флота в январе 1938 г. ярко иллюстрирует слаженную и квалифицированную командную работу специалистов, из которых был составлен аварийно-спасательный отряд. Основным средством для выполнения работ выступил метод буксировки. Были использованы различные виды аварийно-такелажного имущества: стальные тросы, буксиры и стропы, а также судоподъемная скоба и канифас-блок. Личным составом аварийно-спасательного отряда на практике были закреплены знания, полученные в ходе теоретической подготовки.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Зайцев Ю. М.** Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.) // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 128 — 138; **Его же.** Оборудование морских коммуникаций Дальнего Востока СССР в военных интересах // Военно-исторический журнал. 2014. № 6. С. 8 — 15; **Галактионов Е. Н.** Государственная политика по укреплению Дальневосточной морской границы СССР в 30-е годы XX века : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2015. 198 с.; **Колесниченко К. Ю., Левшов П. В.** Тяжелая авиация в составе МСДВ — ТОФ в 1932 — 1938 гг. // Морской сборник. 2015. № 8. С. 74 — 82; **Ткачёва Г. А.** Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 5 — 24; **Колесниченко К. Ю., Ткачёва Г. А.** Межведомственное взаимодействие как фактор производственной деятельности Владивостокского торгового порта в предвоенное десятилетие // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 67 — 81; **Филиппова А. В.** Создание судостроительной и судоремонтной базы на Дальнем Востоке СССР в предвоенные годы (1931 — 1941 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 3. С. 93 — 96.

² Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 22. Л. 93.

³ Там же. С. 98.

⁴ Там же. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 473. Л. 40.

⁵ Там же. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 22. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ Там же. Л. 23.

⁸ Там же. Л. 61 об.

⁹ Там же. Д. 36. Л. 1 — 6.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2.

УДК 353:94(470.345).084.9«1953/1964»

П. С. Учватов

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

СОВЕТ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР В 1953 — 1964 гг.

В статье рассматривается Совет министров как высший орган государственного управления Мордовской АССР. Приводятся сведения о трансформации состава этого органа власти, о его руководстве и структуре в 1953 — 1964 гг.

Ключевые слова: «хрущевская оттепель», автономная республика в составе РСФСР, Мордовская АССР, Совет министров АССР, органы государственного управления.

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Мордовской АССР был Совет министров (Правительство) автономной республики, который нес ответственность и был подотчетен перед Верховным Советом МАССР, а в период между его сессиями — перед Президиумом Верховного Совета. Он объединял и направлял работу министерств и других подведомственных учреждений МАССР, объединял и проверял работу уполномоченных общесоюзных и союзно-республиканских министерств; принимал меры по осуществлению народнохозяйственного плана, республиканского и местного бюджетов МАССР; способствовал обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан; руководил и проверял работу исполкомов районных и городских Советов депутатов. Во исполнение законов СССР, РСФСР и МАССР, а также постановлений Советов министров СССР и РСФСР Правительство автономной республики издавало постановления и распоряжения.

Для реализации своих полномочий Совет министров МАССР обладал правом отменять приказы и инструкции министров автономной республики, решения и распоряжения исполкомов районных и городских Советов депутатов, мог приостанавливать решения и распоряжения районных и городских Советов депутатов¹.

Образовывался Совет министров Верховным Советом МАССР в составе Председателя, заместителей Председателя, министров МАССР, председателей государственных комитетов, начальников управлений, руководителей некоторых других центральных органов государственного управления. Всего за рассматриваемый период было сформировано три состава Правительства Мордовской республики: в апреле 1955 г.², марте 1959 г.³ и марте 1963 г.⁴ В период между сессиями Верховного Совета кадровые изменения

в составе Правительства производились Президиумом Верховного Совета, указы которого подлежали утверждению на ближайшей сессии законодательного органа республики. Случаев голосования за графу «против», равно как и «воздержаться» за весь рассматриваемый период не было, утверждение членов Совета министров проходило условно.

Ключевым должностным лицом Совета министров являлся его Председатель, который возглавлял Правительство, организовывал и направлял его работу, проводил заседания. В рассматриваемый период на этой должности работали П. А. Кокорев (1950 — 1954 гг.) и И. П. Астайкин (1954 — 1971 гг.).

Деятельность Совета министров МАССР определялась в значительной степени влиянием И. П. Астайкина, более 16 лет занимавшего пост Председателя. Он в деталях знал особенности республики и имел большой опыт работы в партийных и комсомольских органах: в годы войны был первым секретарем Мордовского обкома комсомола, с августа 1948 г. по июль 1954 г. — секретарем по пропаганде и агитации, затем вторым секретарем Мордовского обкома партии⁵. По воспоминаниям А. Н. Поршакова, «он в глазах населения... выглядел хозяином республики, даже в какой-то мере ее олицетворял»⁶.

Во время принятия решений И. П. Астайкин тщательно все обдумывал и взвешивал, стремясь разобраться в возникающих проблемах до мелочей, обладая феноменальной памятью на числа, лица и имена⁷. Детального знания фактов он требовал от помощников и руководителей, мог строго спросить с них как за некомпетентность, так и за простое опоздание на прием. Министр сельского хозяйства МАССР В. В. Кузьмин вспоминал о нем: «Обмана не терпел. Строгий был. Недаром Иваном Грозным величали»⁸. Партийный и хозяйственный работник Н. И. Бойнов так характеризовал И. П. Астайкина: «Не просто было находиться рядом с ним. Он... до последнего момента чувствовал себя первым лицом в республике, независимо от занимаемой должности и общественного положения. Властный стиль поведения... давал о себе знать, и это приходилось учитывать»⁹. Подчиненные боялись его и в то же время стремились ему подражать¹⁰. Об авторитете И. П. Астайкина рассказывал А. Н. Поршаков: «Влияние И. П. Астайкина на комсомольский актив было таким, что и сейчас, встречая людей тех лет, я узнаю в них кое-что астайкинское: его словечки, привычку все раскладывать по полочкам: „во-первых, во-вторых, в-третьих“... А некоторые переняли его манеру разговаривать»¹¹.

У Председателя Совета министров МАССР были первый заместитель и несколько обычных заместителей. Между ними существовало четкое распределение обязанностей по наблюдению за работой министерств и ведомств, закрепляемое специальными постановлениями Правительства.

Так, постановлением Совета министров МАССР от 20 января 1956 г. утверждалось следующее распределение обязанностей: Председатель Совета министров МАССР И. П. Астайкин курировал вопросы горисполкомов и райисполкомов, Госплан, МВД, КГБ, республиканский военкомат, Управление делами и оргинструкторский отдел Совета министров, Статуправление; первый заместитель Председателя Совета министров В. Ф. Черёмухин контролировал вопросы союзно-федеративной промышленности и соответствующие министерства, ведомства и организации; заместитель Председателя Совета министров В. М. Кузьмин отвечал за развитие сельскохозяйственной отрасли и профильных ей структур; заместитель Председателя Совета министров И. М. Кшнякин ведал работой министерств культуры, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, управления трудовых резервов и учреждений социокультурного блока¹².

Подобное распределение обязанностей в Совете министров МАССР между Председателем и его тремя заместителями с небольшими изменениями сохранялось и в дальнейшем.

Кроме того, в состав Правительства входили министры, председатели комитетов и начальники управлений. Министерства и другие ведомства Мордовской АССР руководили порученными им отраслями государственного управления, входящими в компетенцию МАССР, подчиняясь как Совету министров автономной республики, так и соответствующим министерствам РСФСР. При этом структура исполнительных и распорядительных органов власти в период «оттепели» постоянно менялась. Отдельные министерства и ведомства, руководители которых входили в Правительство, реорганизовывались либо упразднялись, в соответствии с этим изменялся и состав Совета министров. В результате иницилируемых из центра реформ системы управления общая численность входивших в Совет министров МАССР руководителей постепенно уменьшалась. Так, если в начале 1950-х гг. в Правительстве было 23 человека, то в 1955 г. — 21, в 1959 г. — 20, в 1963 г. — 17¹³.

В середине 1950-х гг. Совет министров МАССР отличался довольно непостоянным составом. Так, с лета 1953 г. по март 1955 г. в нем произошло 10 случаев новых назначений¹⁴, в том числе в июле 1954 г. ушел в отставку Председатель Правительства П. А. Кокорев¹⁵. Вместе с тем выдвигались кадры, которым на протяжении ближайших 10 — 15 лет предстояло составить основу управленческого корпуса в хозяйственно-экономической, идеологической и социальной сферах жизни. Хотя перестановки в Совете министров продолжали осуществляться и в дальнейшем (например, с 1955 по 1959 г. их случилось 15, а с 1959 по 1963 г. — 13), высший управленческий корпус республики постепенно стабилизировался. К тому же в ряде случаев

при кадровых назначениях руководители не покидали Совет министров, а перемещались с одного поста на другой. Данные по времени нахождения членов Правительства на одних и тех же должностях также свидетельствуют о том, что во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в республике создавалось управленческое ядро из опытных руководителей. Так, в Совете министров МАССР 1955 г. лишь 1 руководитель (4,7 %) занимал свою должность менее года, 9 (42,8 %) работали на протяжении от 2 до 5 лет, 6 (28,5 %) — от 5 до 10 лет, 3 (14,2 %) — от 10 до 15 лет, 2 (9,5 %) — 15 и более лет. В Совете министров 1959 г. 7 членов (35 %) находились на своих должностях от 2 до 5 лет, еще 7 (35 %) — от 5 до 10 лет, 4 (20 %) — от 10 до 15 лет, 2 (10 %) — 15 и более лет. В Совете министров 1963 г. 3 человека (17,7 %) занимали свои должности от 2 до 5 лет, 7 (41,3 %) — от 5 до 10 лет, 4 (23,6 %) — от 10 до 15 лет, 3 (17,7 %) — 15 и более лет¹⁶. Помимо И. П. Астайкина, из руководителей, длительное время работавших на высоких должностях, следует отметить заместителей Председателя Совета министров М. Ф. Чернова и И. Ф. Соловьёва, министра просвещения М. В. Дорожкина, министра здравоохранения М. Ф. Строганову, министра внутренних дел А. И. Князькина, председателя Госплана А. К. Кладова, министра финансов С. Г. Есина и др.

Возраст высокопоставленного советского управленца 1950-х — первой половины 1960-х гг. в основном был от 40 до 50 лет. В 1955 г. Совет министров МАССР включал 6 чел. (28,5 %) в возрасте от 30 до 40 лет, 10 (47,6 %) — от 40 до 50 лет и 5 (23,8 %) — от 50 до 60 лет. В 1959 г. в его состав входил 1 чел. (5 %) младше 40 лет, 12 (60 %) — от 40 до 50 лет и 7 опытных руководителей (35 %) — от 50 до 60 лет. В составе Правительства 1963 г. 2 чел. (11,8 %) были младше 40 лет, 9 (53,1 %) — от 40 до 50 лет и 6 (35,4 %) — от 50 до 60 лет¹⁷.

С постепенной стабилизацией состава Совета министров соотносятся данные о том, что число министров и начальников управлений младше 40 лет, которых было еще много в начале и середине 1950-х гг., к началу 1960-х гг. начинает снижаться. Среди молодых руководителей тех лет можно назвать заместителя Председателя Совета министров Г. Я. Меркушкина, министра торговли С. А. Полежаева, министра промышленности продовольственных товаров К. Ф. Клименко, начальника Управления промышленности строительных материалов при Совете министров Н. А. Свитина. И. П. Астайкину на момент назначения Председателем Правительства (1954 г.) было 37 лет. Несмотря на общую тенденцию повышения возраста руководящих кадров, в 1950-х — первой половине 1960-х гг. в Совете министров не было ни одного руководителя старше 60 лет: самым «возрастным» членом Правительства, сформированного в 1963 г., был министр финансов А. И. Вожаев (58 лет).

В рассматриваемый период, особенно с конца 1950-х гг., в Правительстве автономной республики увеличивается число представителей титульной нации. Если высший орган государственного управления МАССР, сформированный в 1955 г., включал 11 русских (51,7 %) и 9 мордвин (42,3 %), в том числе 6 — эрзя, 3 — мокша, то в Правительстве 1959 г. мордва составляла большинство. Из 20 чел. 9 были русскими (45 %) и 11 — мордвой (55 %), в том числе 5 — эрзя, 6 — мокша. В Совете министров, образованном в 1963 г., русских было 7 (41,3 %), мордвы — 9 (53,1 %), в том числе 5 — эрзя, 4 — мокша; национальная принадлежность 1 чел. (5,9 %) неизвестна¹⁸. В целом национальный фактор играл значительную роль при выработке кадровых решений, что в полной мере отвечало установившимся в кадровой политике автономных республик негласным правилам, по которым на руководящие должности требовалось выдвигать представителей коренных народов. Но обращает на себя внимание и то обстоятельство, что при подборе кандидатур на так называемые производственные, экономические должности (министр сельского хозяйства, председатель Госплана, министр финансов и др.) национальность не играла определяющей роли. Например, А. К. Кладов, уроженец Липецкой области и русский по национальности, приехал в Мордвию из Северо-Осетинской АССР, где работал в структуре Госплана¹⁹. В 1961 г. он был переведен на пост заместителя председателя Мордовского совнархоза, а его место занял другой опытный руководитель, экономист С. Г. Есин, прежде работавший министром финансов. Он также приехал в Мордвию в начале 1950-х гг. из другой области²⁰. Вместе с тем при назначении на должности, связанные с идеологией и культурой (министры просвещения и культуры, курировавший эту сферу заместитель Председателя Совета министров), национальность кандидата всегда учитывалась.

Социальное происхождение советских управленцев в 1953 — 1964 гг. оставалось преимущественно крестьянским. По сравнению с предшествующим десятилетием здесь мало что изменилось. Выходцев из рабочего класса было сравнительно немного, и еще меньше — из служащих. Так, в Совете министров МАССР 1955 г. было 16 чел. (76,1 %), происходивших из крестьянских семей, 3 (14,2 %) — из рабочих и лишь 1 (4,7 %) — из служащих; социальное происхождение 1 члена Правительства (4,7 %) неизвестно. Высший орган государственного управления, сформированный в 1959 г., включал 14 (70 %) выходцев из крестьян, 4 (20 %) — из рабочих, 1 (5 %) — из служащих; социальное происхождение одного человека (5 %) установить не удалось. В Совете министров 1963 г. 14 чел. (82,6 %) происходили из крестьян, 2 (11,8 %) — из рабочих, 1 (5,9 %) — из служащих²¹.

Подавляющее большинство высокопоставленных региональных управленцев имели дипломы об окончании вузов. Так, в Совете министров, сфор-

мированном в 1959 г., 2 чел. (10 %) имели среднее специальное образование, 1 (5 %) окончил курсы. Остальные 17 чел. (85 %) имели высшее образование, из них 7 — высшее общее, 3 — высшее партийно-идеологическое, 6 окончили партийные учебные заведения, уже имея дипломы об общем высшем образовании, 1 окончил Высшую офицерскую школу МВД СССР. 1 руководитель (М. В. Дорожкин) окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС и в 1956 г. получил ученую степень кандидата наук²². Тенденцию к повышению образовательного уровня советских и партийных руководителей можно проследить уже во второй половине 1940-х гг., в период же «оттепели» она укрепилась еще сильнее. Времена, когда на управленческие должности республиканского уровня выдвигали чистых практиков, образование которых могло ограничиваться сельской школой или, в лучшем случае, техникумом, остались в прошлом. Многие члены Совета министров оканчивали дополнительные партийные учебные заведения, наибольшим престижем из которых пользовалась Высшая партийная школа при ЦК КПСС.

В структуре Совета министров МАССР выделялось его бюро, впервые образованное в 1953 г. Его решения оформлялись как обычные постановления Совета министров, но в то же время оно собиралось чаще, чем полный состав Правительства, и потому могло более оперативно решать текущие задачи. Бюро состояло из Председателя Совета министров, его заместителей и нескольких руководителей отраслевых ведомств, имевших наибольшее значение в административно-управленческой системе республики. Так, в октябре 1953 г. в него вошли: Председатель Совета министров П. А. Кокорев, его первый заместитель С. М. Шорохов, заместители И. А. Столяров и Г. Я. Меркушкин, председатель Госплана А. К. Кладов, министры сельского хозяйства и заготовок С. И. Митякин и финансов С. Г. Есин²³. Остальные члены Правительства и иные заинтересованные лица имели право присутствовать на заседаниях бюро.

Слаженность и четкость в повседневной работе Правительства обеспечивал его аппарат (в документах часто назывался Управлением делами Совета министров МАССР), ключевую роль в котором играл управляющий делами. В рассматриваемый период этот пост занимали И. П. Пахомов (до декабря 1953 г.), В. Д. Кузнецов (1953 — 1954), М. Т. Люпаев (1954 — 1959 гг.) и В. И. Романов (1959 — 1967 гг.). Состоявший из нескольких структурных подразделений, аппарат отвечал за документооборот, занимался подготовкой вопросов для их последующего рассмотрения на заседаниях Совета министров, а также выполнял контролирующую функцию. По состоянию на 1958 г. в нем работало 59 сотрудников²⁴.

Заслуживает внимания также вопрос о влиянии партийных органов на деятельность Совета министров. Бесспорно, обком КПСС играл опре-

деляющую роль во всех сферах управления, причем особенно сильно это проявлялось в выработке любых кадровых решений на уровне Совета министров и отраслевых государственных органов. Однако, несмотря на активное вмешательство партийных органов в работу Совета министров, его самостоятельность в решении хозяйственных вопросов и роль в управлении социально-экономическими процессами в регионе была довольно значительной. Положение Правительства Мордовии в системе региональной власти во многом обуславливалось высоким авторитетом его руководителя, И. П. Астайкина. Как вспоминал советско-партийный руководитель А. И. Силютин, «при председателе Совмина Астайкине никогда не отменяли решений Совмина, как это было потом. Аппарат Совмина был не хуже аппарата обкома, хотя у того было больше возможностей, денег и людей... Астайкин поднял должность предсовмина на необычайную высоту в республике. И саму республику тоже»²⁵.

Завершая краткий обзор Совета министров МАССР в 1953 — 1964 гг., отметим, что хотя в целом его положение в системе органов власти и его статус сохранялись неизменными, Правительство подверглось определенным реорганизациям. Это проявлялось в некоторых реформах структуры, имевших целью упрощение работы Совета министров, а также в трансформации качественных характеристик его состава. Например, большее значение начало придаваться выдвижению местных кадров, в особенности из представителей коренной национальности. Повысился и уровень теоретической подготовки членов Совета министров, подавляющее большинство которых имели высшее образование. По сравнению со второй половиной 1940-х — началом 1950-х гг. можно констатировать и относительную стабилизацию состава высшего исполнительного и распорядительного органа власти МАССР. Именно в рассматриваемый период в республике сформировалась основа руководящего управленческого корпуса, от которого во многом зависело развитие отраслей ее экономики, социальной и культурной сферы.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Конституция (Основной закон) Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 9 — 10.
- ² См.: Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва первая сессия (1 апр. 1955 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1955. С. 156 — 157.
- ³ См.: Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва первая сессия (26 марта 1959 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1959. С. 99 — 100.
- ⁴ См.: Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, шестого созыва первая сессия (27 — 28 марта 1963 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1963. С. 115 — 116.
- ⁵ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 269-П. Оп. 51. Д. 43. Л. 7 — 8об, 42об, 50.

⁶ Мордовия. 1991. 20 дек.

⁷ См.: Столица С. 2001. 19 сент.

⁸ Известия Мордовии. 1997. 7 февр.

⁹ **Бойнов Н. И.** О себе и времени. Саранск, 2012. С. 407.

¹⁰ См.: Столица С. 2004. 6 июля.

¹¹ **Поршаков А. Н.** Доверено руководить. Саранск, 1987. С. 74 — 75.

¹² ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп.1. Д.123. Л. 20 — 22.

¹³ См.: Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, третьего созыва первая сессия (20 апр. 1951 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1951. С. 141 — 142; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва первая сессия. С. 156 — 157; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва первая сессия. С. 99 — 100; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, шестого созыва первая сессия. С. 115 — 116.

¹⁴ См.: Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, третьего созыва четвертая сессия (15 сент. 1953 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1953. С. 117; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, третьего созыва пятая сессия (23 дек. 1953 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1954. С. 108; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, третьего созыва шестая сессия (31 марта 1954 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1954. С. 7 — 9; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, третьего созыва седьмая сессия (17 июня 1954 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1954. С. 91.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 51. Д. 43. Л. 50.

¹⁶ См.: Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва первая сессия. С. 156 — 157; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва вторая сессия (7 — 8 февр. 1956 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1956. С. 131 — 132; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва третья сессия (26 окт. 1956 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1956. С. 109 — 110; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва четвертая сессия (29 — 30 марта 1957 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1957. С. 149; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва пятая сессия (22 окт. 1957 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1958. С. 99; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, четвертого созыва седьмая сессия (26 нояб. 1958 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1959. С. 96 — 97, 127; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва первая сессия. С. 99 — 100; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва пятая сессия (1 — 2 дек. 1960 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1961. С. 130 — 132; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва седьмая сессия (16 — 17 янв. 1962 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1962. С. 131; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва восьмая сессия (5 июля 1962 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1962. С. 102; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, пятого созыва девятая сессия (22 — 23 янв. 1963 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1963. С. 115 — 116; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, шестого созыва первая сессия (27 — 28 марта 1963 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1963. С. 115 — 116; Заседание Верховного Совета Мордовской АССР, шестого созыва пятая сессия (20 июля 1965 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1965. С. 80 — 81.

¹⁷ Мордовия: энциклопедия: в 2 т. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2003. Т. 1. С. 136, 179 — 180, 203, 213, 238, 285, 294 — 295, 302, 314, 350 — 352, 397, 402 — 403, 406, 412, 429, 434, 464, 476, 484, 549; 2004. Т. 2. С. 62, 167, 180, 283, 308, 315, 338, 347, 370, 373, 497, 499, 503, 505 — 506, 523; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 51. Д. 43. Л. 1 — 75; Советская Мордовия. 1971. 12 июня.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Мордовия. Т. 1. С. 402.

²⁰ Там же. С. 314.

²¹ Мордовия. Т. 1. С. 136, 179 — 180, 203, 213, 238, 285, 294 — 295, 302, 314, 350 — 352, 397, 402 — 403, 406, 412, 429, 434, 464, 476, 484, 549 ; Т. 2. С. 62, 167, 180, 283, 308, 315, 338, 347, 370, 373, 497, 499, 503, 505 — 506, 523 ; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 51. Д. 43. Л. 1 — 75 ; Советская Мордовия. 1971. 12 июня.

²² Мордовия. Т. 1. С. 136, 203, 294 — 295, 314, 402, 406, 412, 484, 549 ; Т. 2. С. 62, 167, 315, 338, 347, 373, 497, 503, 506, 523 ; ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 51. Д. 43. Л. 1 — 75.

²³ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1522. Л. 309.

²⁴ Там же. Д. 1795. 56 — 57.

²⁵ Столица С. 2001. 19 сент.

УДК 338.482.224

К. Г. Четаева
(г. Саранск)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

В статье рассмотрены перспективы развития сельского туризма в Республике Мордовия. Даны рекомендации для эффективного развития данной отрасли.

Ключевые слова: сельский туризм, агротуризм, региональная экономика, сельские территории.

Одной из стратегических целей современной государственной политики России является создание условий для устойчивого развития сельских территорий. По поручению Президента РФ В. В. Путина Правительство РФ утвердило «Стратегию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Стратегия), в одно из направлений которой входит развитие сельского туризма. Впервые же о сельском туризме как о перспективном направлении развития экономики на государственном уровне было заявлено в законопроекте, внесенном в Госдуму 17 апреля 2019 г. Законопроект прошел доработку и был утвержден Главой государства летом 2021 г.

Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основах туристской деятельности в Российской Федерации“ и статью 7 Федерального закона „О развитии сельского хозяйства“» от 2 июля 2021 г. № 318-ФЗ, вступившего в силу с 2022 г. (далее Федеральный закон № 318-ФЗ от 2 июля 2021 г.)¹, «сельский туризм — туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с

численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, общения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг». Ожидается, что закрепление понятия «сельский туризм» упростит ведение этого бизнеса и откроет ему доступ к господдержке.

Эксперты АНО «Агентство развития сельских инициатив»² уточняют, что «сельский туризм — это разновидность туризма, предполагающая временные выезды (путешествия) в сельскую местность с целью отдыха с предоставлением услуг гостеприимства, ориентированная на сохранение природного и культурного наследия и использование природных, культурно-исторических и других ресурсов, характерных для данной местности с учетом ее специфики», а «аграрный туризм — разновидность туризма, предполагающая временные выезды (путешествия) к отечественному сельскохозяйственному товаропроизводителю, занимающемуся сельским туризмом. Аграрный туризм является лишь одним из видов сельского туризма».

Агротуризм — это сельскохозяйственный туризм, классифицируется как деятельность фермеров, оказывающих услуги, связанные с отдыхом и обучением населения с целью сбыта сельскохозяйственной продукции и получения дополнительного заработка.

Основными характеристиками агротуризма являются:

— удовлетворение потребностей человека, связанных с практическим участием в процессе производства продукции, в жизни сельской семьи, а также сельского общества;

— удовлетворение эмоциональных потребностей, основанных на желании непосредственного контакта с домашними животными, удовлетворение потребности, связанной с сельской атмосферой.

В Республике Мордовия о сельском туризме как приоритетном направлении развития туристической отрасли региона говорится в главе 4 «Основное мероприятие „Развитие приоритетных видов туризма“» государственной программы Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» в числе прочих видов туризма и далее не упоминается. Уже на этом основании можно подтвердить наличие «слепых пятен» нормативно-правового пространства региона по вопросам агротуризма, усугубляемого отсутствием качественных научных исследований и статистического наблюдения в данной области. В Мордовии имеется хороший потенциал для развития аграрного туризма. Среди преимуществ можно выделить:

— регион на федеральном уровне признан агропромышленным центром, обеспечивающим вклад в экономический рост Российской Федерации более 0,2 % ежегодно;

— 15,7 % валового регионального продукта республики (в 2020 г. по данным Мордовиястат³) составляет сельское хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, что дает полное право позиционировать Мордовию как аграрную республику или «житницу» Приволжского федерального округа и избавиться от устаревших стереотипов о регионе;

— относительно благоприятные климатические условия для агротуризма в Мордовии и удобная географическая и транспортная доступность для туристов из столицы;

— регион является одним из крупнейших центров финно-угорской культуры, что позволит создать на его территории особенный агротуристический модуль, отражающий своеобразную культуру и быт финно-угорской части населения (традиции мордовского народа, местные обряды, мордовская кухня, различные праздники);

— значительное количество крестьянских фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств, на базе которых также можно создать агротуристические звенья и цепочки: по данным Мордовиястат на начало 2021 г. было зарегистрировано 1 112 крестьянских (фермерских) хозяйств⁴.

Например, по данным, опубликованным на сайте Минсельхозпрода Мордовии⁵, в Ковылкинском районе имеют хорошие отзывы о своей продукции следующие крестьянско-фермерские хозяйства: «Перепелиное яйцо мокшанское» (Ковылкинский район, с. Кочелаево), выпускающее яйцо перепелиное и мясо перепелов; ИП Аверьянов Александр Владимирович (г. Ковылкино) — пресноводное пастбищное рыбоводство семьи Аверьяновых. В Атяшевском районе зарегистрированы 13 крестьянских фермерских хозяйств, производящих мясо, молоко, зерно. В Ардатовском районе успешно функционируют порядка 20 крестьянских фермерских хозяйств, производящих мясо, молоко, зерно.

Развитие туризма на сельских территориях должно обеспечиваться соответствующей туристской инфраструктурой, которая на данный момент отсутствует практически во всех районах республики. В связи с этим возможным форматом развития сельского туризма могут стать не только сельские гостевые дома, но и целые «дачные деревни», возводимые как новый объект, а также кооперация нескольких сельских гостевых домов по одному из туристических маршрутов. Так как в настоящее время отсутствует четкая стратегия развития агротуризма в регионе, целесообразно предложить к рассмотрению создание агротуристических ферм. Это подразумевает комфортные гостевые помещения на территории фермерского хозяйства для длительного пребывания (моделирование для

посетителей условий «деревенской жизни» и участия в повседневной жизни фермера).

Перспективным направлением здесь могло бы стать объединение возможностей сельского и событийного туризма, что позволило бы гостям при посещении тематических фестивалей размещаться на территории близлежащих сельских гостевых домов, с возможностью погружения в атмосферу деревенского быта, с дегустацией фермерских продуктов и организацией местного досуга.

Эффективным также представляется объединение сельского и экологического туризма. В его рамках возможна организация тематических экскурсий по территориальным ботаническим, гидрологическим, геологическим и ландшафтным памятникам природы. Для этого имеется определенная основа. Внимание следует обратить на особо охраняемые природные территории, как действующие, так и утратившие статус. Например, утраченный Атяшевский государственный охотничий заказник является приемлемым с точки зрения формирования экологического каркаса и развития туризма, но требует обустройства маршрутов и экологических троп (с организацией тематических ознакомительных туров по заранее разработанному эколого-туристскому маршруту, посещением мест обитания редких видов растений и животных). В Ардатовском районе, наряду с действующими ООПТ (Ардатовский комплексный государственный заказник, памятник природы «Урочище — Шмелев пруд», памятник природы «Торфяное болото» и др.) имеются возможности для кооперации нескольких сельских гостевых домов по реке Алатырь, а в Ковылкинском районе — по реке Мокша.

Развитие агротуризма экономически выгодно прежде всего для самого региона, так как оно располагает средствами для поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и напрямую заинтересовано в главной функции сельского хозяйства — обеспечении населения основными продуктами питания.

Эффект от развития аграрного туризма сельской территории проявляется в уменьшении зависимости поставленной цели (целевых индикаторов) от финансовой поддержки со стороны государства. Так, на начальном этапе для развития агротуризма нужны дополнительные денежные вложения как собственно в индустрию туризма, так и в аграрный сектор экономики в целом. Однако по мере развития агротуризма потребность в таких вложениях уменьшается, поскольку агротуризм сам становится одним из источников финансирования социально-экономического развития сельской территории.

Именно потому в роли движущей силы должен стать сам регион. Государственная поддержка выражается в уже существующих нормативно-правовых актах, регулирующих эти направления туристской деятельности

(принятые изменения и введение понятия «сельский туризм» согласно Федеральному закону от 2 июля 2021 г. № 318-ФЗ), а также в создании новой программы и/или проектов по развитию сельских территорий. Помимо непосредственной поддержки деятельности в области агротуризма, важная задача государственных программ заключается в стимулировании и помощи предпринимателям, особенно из числа сельских жителей, к занятию этим видом деятельности.

В заключение, Республика Мордовия имеет исторические, социально-экономические и географические предпосылки для развития агротуризма, однако для эффективного развития данной отрасли необходимы:

- концепция по организации агротуризма в Республике Мордовия;
- совершенствование нормативно-правового пространства, регулирующего деятельность в сфере сельского туризма и сопряженных с ним областями;
- развитая инфраструктура в сельской местности (ремонт и строительство новых автомобильных дорог, строительство ФАПов, точек общественного питания и других социальных объектов, обслуживающих агротуристические объекты);
- реконструкция и воссоздание памятников исторического, природного и культурного наследия, а также создание новых объектов, способных привлечь туристов.

Библиографические ссылки

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона „О развитии сельского хозяйства“ от 02.07.2021 № 318-ФЗ. КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389013/ (дата обращения: 10.09.2022).

² Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)» / Лебедева И. В., Копылова С. Л. Москва: АНО АРСИ, 2019. URL: https://xn-elaeaca-eegnkjlghcsq1m.xn-plai/assets/files/books/report-research_rural-tourism-in-russia_arsi_2019.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

³ Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2). ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2021. С. 242.

⁵ Сельхозпредприятия АПК республики. Сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия. URL: <http://agro.e-mordovia.ru/organizcii/selpredapk.php> (дата обращения 10.09.2022).

УДК 470

И. З. Шаяхметова*Региональный центр выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Республики Башкортостан «Аврора», (г. Уфа)*

ВЛИЯНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭВОЛЮЦИЮ ГОРОДОВ В РОССИИ В XX в. (На примере Южного Урала)

Административный фактор был основным в процессе образования городов Южного Урала и в дальнейшей их эволюции. Его влияние на урбанизационные процессы было неоднозначным. Города стали ориентирами для расширения геополитического влияния, государственными торгово-таможенными центрами, с размещенными в них служилыми людьми, но и поселениями особого типа с уникальной культурой, привнесенной переселением крепостных крестьян из внутренних регионов страны.

Ключевые слова: город, Южный Урал, градообразование, эволюция, административный фактор.

В дореволюционной России административный фактор градообразования был приоритетным, особенно применительно к окраинам государства. В XVI — первой половине XVIII в. он стал ведущим фактором. Так, Уфа приобрела юридический статус города в 1586 г., Челябинск — в 1781 г., Троицк — в 1784 г., Оренбург — в 1734 г., Бузулук — в 1781 г., Екатеринбург — в 1781 г., Красноуфимск — в 1781 г., Камышлов — в 1781 г., Туринск — в 1600 г., Верхотурье — в 1598 г.¹ Обозначенные города не были органичными поселениями как западноевропейские города, возникшие, в основном, на пересечении торговых путей, в местах притяжения населения, занятого ремеслом, торговлей, промыслами, а также на территориях, имеющих удобное транспортное сообщение: по берегам рек, морей и т. п. Города России XVI — XVIII вв. — это форпосты, опорные пункты границ государства, своего рода ориентиры для дальнейшего продвижения на национальные окраины, восток страны. Искусственность предложенной модели города на территории Южного Урала подтверждается неоднократным разрушением сибирских городов-острогов и городов-крепостей местным населением².

Территория Южного Урала в 1902 — 1917 гг. включала в себя Уфимскую губернию с шестью уездами: Белебеевским, Стерлитамакским, Златоустовским, Бирским, Уфимским и Мензелинским; Оренбургскую губернию с пятью уездами: Оренбургским, Челябинским, Троицким, Орским, Верхне-Уральским; Уральскую область с четырьмя уездами: Уральским, Лбищенским, Гурьевским и Темирским; часть Пермской губернии³. В 1919 — 1923 гг.

регион состоял из Башкирской Автономной Республики⁴, Оренбургской губернии, Челябинской губернии и юго-восточной части территории Пермской губернии. В 1924 — 1934 гг. была образована Уральская область в составе Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний (198 районов и национальных округов). В 1934 — 1935 гг. образовались Свердловская область и Челябинская область⁵. С этого времени Южный Урал включил в себя территории Башкирской АССР, Оренбургской, Свердловской и Челябинской областей.

Таким образом, находясь на стыке Европы и Азии, территория, охватывающая Оренбург, Уфу, Челябинск и Екатеринбург, стала форпостом России на юго-восточных рубежах государства, обеспечила возможности колонизации сопредельных земель и народов.

Административный фактор градообразования может быть дополнен примерами административного воздействия на другие факторы градообразования и эволюции городов. Не вдаваясь в подробности миграционных процессов, отметим лишь формы регулируемой миграции. Миграция является безусловным фактором градообразования и градоразвития. При этом стихийная миграция способствует росту городов, которые уже являются более развитыми и потому притягательными для основной массы населения, находящейся в поисках «лучшей» жизни или более оптимальных условий работы и проживания. Стихийная миграция характерна также для чрезвычайных условий. Например, в рассматриваемый период — это миграции в годы Первой мировой, затем Гражданской войн. Безусловно, активизации стихийной миграции содействовало развитое железнодорожное сообщение в городах Южного Урала.

В условиях плановой экономики стихийная миграция сдерживалась государством такими административными мерами воздействия, как режим прописки, особенно остро этот вопрос стоял в крупных городах; лишение паспортов сельского населения до начала 1960-х гг.; особый режим въезда и выезда в целом ряде территориальных образований; лимит жилья и соответственно прописки. Указанные меры служили прямыми ограничениями стихийной миграции в СССР вплоть до начала 1990-х гг.

Регулируемая миграция подразделяется по формам и масштабу воздействия. Во-первых, путем создания благоприятных условий для жизнедеятельности населения на определенных, как правило, отдаленных территориях, а также территориях с суровыми климатическими условиями: уральские, сибирские, северные, дальневосточные надбавки к заработной плате, дополнительные инвестиции в объекты социальной инфраструктуры таких городов, улучшенное снабжение и т. д. Во-вторых, партийные и прочие общественные призывы — прямое управление государства миграционными потоками. Такие призывы сопровождались идеологи-

ческой пропагандой населения, принудительным направлением партийных и комсомольских руководителей, выдачей командировочных, проездных и т. п. В-третьих, принуждение к переселению, которое является исторически сложившейся формой миграции в России. Заселение Урала, начиная с XVI в., было принудительным переселением крепостных крестьян из внутренних районов страны. Специфической формой принуждения миграции является создание спецпоселений в местах каторги, начало которой было положено еще в XVIII — XIX вв. В советский период эта дореволюционная традиция была обличена в форму спецлагерей. Масштабные принудительные переселения населения в России чаще всего совпадают с периодами «догоняющей» модернизации. В результате принудительно организованной миграции населения и частично комсомольских и партийных призывов в годы социалистической индустриализации возник такой город, как Магнитогорск.

На урбанизационные процессы и градообразование повлиял и такой фактор как разорение села, в сущности, также санкционированный государством. Это происходило путем принудительного изъятия хлеба, которое привело к голоду, введение новых условий труда на селе — нормирование рабочего дня, лишение возможности ведения подсобного хозяйства как необходимого условия выживания в деревне — все это повлияло на отток крестьян с обжитых мест, бегству их в города, до периода введения ограничения паспортного режима. После снятия ограничения паспортного режима и получения паспортов на руки, если не сами крестьяне, то их дети, под влиянием убеждения родителей, покидали села и переселялись навсегда в города, поскольку в городах было больше перспектив. Подобная миграция, по сути, пусть и в скрытой, неявной форме также была инициирована государством.

В результате был создан резервный фонд труда, который можно было направить на стройки пятилетки. Идеологические кампании, которые сопровождали стройки века, не имели бы такого масштабного общественного резонанса, если бы не было огромной армии из бывших крестьян, вынужденных в условиях лишения источников существования продавать свою рабочую силу государству.

Социалистическое государство тормозило нежелательную для экономики страны миграцию и стимулировало ее в нужном направлении. Система ограничения прописки в больших городах, сложности с квартирным обменом между городами, обязательное распределение выпускников высших учебных заведений, лимит на привлечение иногородней рабочей силы, введение льгот для работников в северных и других удаленных районах страны, перераспределение руководителей между центральными и периферийными регионами — все это создало государственную систему

миграции населения в направлении, необходимом для успеха социалистической экономики.

Таким образом, административный фактор был основным в процессе образования городов Южного Урала. Существенную роль он сыграл и в дальнейшей эволюции городов региона на пути в подлинные города с развитой инфраструктурой, объектами социального и культурного назначения, удобной транспортной развязкой. Влияние административного фактора в урбанизационных процессах в различные исторические периоды было неоднозначным. С одной стороны сложно представить процесс другого типа интеграции Южного Урала, особенно национальных его регионов, в структуру российского государства. С этой точки зрения города стали не просто своего рода ориентирами для расширения геополитического влияния, государственными торгово-таможенными центрами, с размещенными в них служилыми людьми, но и поселениями особого типа с уникальной культурой. Специфичность подобных поселений обеспечивалась административно организованным переселением крепостных крестьян из внутренних регионов страны. Они были носителями иного уклада жизни, основанного на земледелии и православии. Переселенцы не навязывали местным жителям свой образ жизни, но вместе с тем взаимопроникновение культур очевидно.

Таким образом, общинный местный уклад был неприкосновенен и, более того, он находился под защитой государства.

Города-крепости и города-остроги обозначили вектор эволюции урбанизационных процессов. Те из них, что находились вблизи судоходных рек или удобных грунтовых дорог, получили импульс к развитию. Напротив, отсутствие этого фактора приводило впоследствии к затуханию городских поселений. Еще более наглядным примером подобного воздействия является начало железнодорожного сообщения в регионе. Масштабность роста и территории, и городского населения под влиянием этого фактора очевидна.

Немаловажной мерой воздействия государства на образование городов и урбанизационные процессы в целом, а впоследствии на систему городского самоуправления явились переселенческая политика и регулирование миграции населения. В разные исторические периоды содержание и формы воздействия государства отличались друг от друга, но общей для них была нацеленность на увеличение плотности населения, повышение доли городского населения, достижение равномерности развития различных регионов страны.

В целом для решения масштабных задач государства административный фактор градообразования вполне оправдан. Однако сохранились при этом и значительно увеличились в размерах и по численности населения только те города-крепости и города-остроги XVI — XVIII вв., которые вклю-

чились в общую систему хозяйствования, стали притягательными поселениями для купцов и мещан. Последнее стало возможным там, где удалось обеспечить должное региональное и межрегиональное сообщение.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Буканова Р. Г.** Закамская черта XVII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1980. 22 с. ; **Ее же.** Города — крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997. 252 с. ; **Ее же.** Города — крепости на территории Башкортостана в XVI — XVII вв. Уфа, 2010. 261 с. ; **Ее же.** Города — крепости в системе управления юго-восточной окраиной России в XVIII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. : История. Международные отношения. 2012. № 4. С. 24 — 27 ; **Муратова С. Р.** На страже рубежей Сибири : Строительство Сибир. укрепленных линий. Тобольск, 2007. 174 с.

² См.: **Буканова Р. Г.** Города — крепости на территории Башкортостана в XVI — XVII вв. ; **Муратова С. Р.** Указ. соч. С. 19.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее: ОГА ЧО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

⁴ ОГА ЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 94. Л. 5 — 7.

⁵ Там же. Д. 1. Д. 30. Л. 1.

УДК 82-43

Т. В. Шугаева, О. Ю. Цыплякова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ: ОЧЕРКОВАЯ ПРОЗА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье представлено очерковое творчество мордовских писателей, многие из которых были очевидцами или участниками Великой Отечественной войны, не потерявшие своей актуальности до настоящего времени и способствующее формированию патриотического сознания, сохранению памяти о трагических событиях.

Ключевые слова: очерк, герой, корреспондент, очеркист, героизм, Великая Отечественная война, советский воин.

По истечении 78 лет со Дня Победы в одной из самых жестоких, кровопролитных войн, к сожалению, мало осталось в живых тех людей, которые в тяжелейших боях защищали Родину. Война в памяти воевавших на фронтах, трудившихся в тылу всплывает самым страшным, горестным воспоминанием. Какой ценой им досталась эта Победа? Они, не жалея себя, свои жизни, сделали все, чтобы мы жили под мирным небом, улыбались и радо-

вались каждому дню. Каждый год и день ветераны и очевидцы этих жестоких событий хотели забыть ужасы военных лет. Как мечтали они, чтобы все народы жили дружно, уважали друг друга, ценили мирное небо над головой и смех каждого ребенка в независимости какой он национальности. Неужели мы их подведем и не сможем сберечь то прекрасное состояние покоя и мира.

После вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну в числе первых добровольцев республики изъявили желание отправиться на фронт многие писатели Мордовии, в числе которых А. Лукьянов, С. Вечканов, В. Коломасов, Э. Пятай, П. Бажаев, А. Юргай, С. Вечканов, В. Радин-Аловский, А. Моро, П. Гайни, И. Антонов, А. Щеглов, П. Кириллов, И. Воронин, И. Девин, В. Радаев, Ф. Пьянзин, И. Чумаков, Ф. Дурнов, Ф. Ильфек и др.

Они понимали, что военные события следует освещать как можно оперативнее, доводить до читателя не только факты, которые впечатляли сами по себе, но и на достоверном материале показывать нестигаемую волю, крепкий дух и мужество советских воинов. На фронте мордовские писатели не только защищали Родину с оружием в руках, но и выступали в роли военных корреспондентов. Столкнувшись с новой для себя ролью, они искали художественную форму, которая отвечала бы требованиям оперативности, доходчивости, образности, аналитичности и агитационности.

Эти качества были присущи в большей мере очерку, что выдвинуло его в годы Великой Отечественной войны на передний план.

Тематика военных очерков мордовских писателей весьма разнообразна. Во многих из них показаны мужество и героизм советских воинов, боевой дух бойцов Красной армии, а также представлены батальные сцены. Характеры раскрываются в самых острых драматических ситуациях.

Важное место в военное время в творчестве писателей-очеркистов занимала тема тыла: А. Щеглов «Тейтертне састь мастерскоев» («Девушки пришли в мастерскую») (1941), А. Мартынов «Весемесь фронтонтень, ансяк цидярдвовольть солдатнэ» («Все для фронта, только бы выстояли солдаты») (1941), «Урожай» (1941), «Патриоткат» («Патриотки») (1942), И. Деров «Колхозниктнень патриотической тевест» («Патриотические дела колхозников») (1941), И. Баранов «Алкуксонь патриотт» («Настоящие патриоты») (1942), И. Пяткин «Патриоттнэнь тевест» («Дела патриотов») (1942), Ф. Ильфек «Прок бойсэ» («Как в бою») (1942), «Вечкема» («Любовь») (1942) и др. На долю мордовских женщин, подростков, стариков и детей выпали поистине героические испытания. Несмотря ни на что, труженики тыла не только выживали сами, но и из последних сил помогали бойцам на фронте: отдавали сбережения на изготовление оружия, боеприпасов, приобретение продовольствия и одежды для советских воинов.

В тот период сформировалось особое сознание читателя и писателя под влиянием предельно сокращенной дистанции между литературой и действительностью, читателем и героем произведения, участником событий, автором и его аудиторией, что, в сущности, привело к размыванию жанровых границ, к синкретизму форм. Необходимость соблюдения военной тайны диктовала авторам очерков жесткие требования, когда приходилось лишать документальный очерк присущих ему точных имен, наименований частей, названий географических пунктов. От этого материал становился больше похожим на художественный.

С точки зрения выполняемых функций, очерк развивался от информационного к аналитическому. Преобладание одной разновидности очерка над другой в разные периоды войны, изменение их форм были связаны со многими «внешними» факторами. Прежде всего в роли таких факторов выступали стратегические и политические задачи, сформулированные в соответствующих постановлениях и указаниях. В Положении, утвержденном в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главным политуправлением Красной армии «О работе военных корреспондентов на фронте», в качестве главной задачи военных корреспондентов был «показ людей фронта — бойцов и командиров Красной Армии, хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициатива, военное мастерство, ненависть к немецко-фашистским захватчикам, стойкость, самоотверженность и дисциплина в выполнении приказов командования»¹. Очеркисты придерживались жесткой идеологической схемы, в которую укладывалось все разнообразие человеческих характеров. Десять разных командиров с различными характерами в сходных обстоятельствах будут действовать почти одинаково, по двум-трем схемам. Это и определило наличие схем, клише в показе военного человека. В биографии такого героя нет никаких «пятен», а в общих чертах все они удивительно похожи, даже по своим человеческим качествам: скромны, серьезны, спокойны, коммуникабельны и бесстрашны. Им присущи одни и те же качества — любовь к Родине, презрение к смерти и ненависть к фашизму.

Некоторый схематизм и скудность сведений о героях отчасти объяснялись причинами организационного характера. Корреспонденту приходилось в кратчайшие сроки прибывать на место, искать расположение штаба, узнавать о событиях и отличившихся бойцах, беседовать с ними и быстро возвращаться обратно. На фоне постоянного перемещения частей, масштабного отступления и недостатка военного опыта выполнение поставленных задач было крайне сложным. В связи с этим утвердилась почти неизменная форма очерков с таким представлением героев: портретная зарисовка, в которой на первом месте служебная, а не личностная характеристика конкретного человека, немного биографии и краткое описание боевого эпизода

(П. У. Гайни «Два поиска», «В минуту крайности», «Внезапность и решительность», «Любимец бойцов»; И. Д. Воронин «Подвиг сержанта Мирошниченко», «Снайперы»; И. З. Антонов «Единоборство», «Часовой», «Как фрицы позавтракали»; «Сержант Алексей Иконников»; М. Л. Сайгин «В танке врага», «Лицом к лицу», «Тигрань эшелон» («Эшелон тигров») и др.

Писатель П. У. Гайни с боями дошел вплоть до Дуная, участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. В годы войны был активным военкором, длительное время выполнял работу секретаря редакции дивизионной газеты «На разгром врага» 2-го Украинского фронта. Многие его материалы печатались во фронтовых газетах. За боевые заслуги Гайни награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, пятью медалями. Кроме целой галереи героев-мужчин, в очерковом творчестве военных лет Гайни много внимания уделил показу женщин-фронтовичек, которые оставляли семейный очаг и добровольно уходили на фронт. Вместе со своими мужьями, отцами, братьями делили тяготы военного времени и славу военного подвига. Выстоять и победить нашим женщинам помогли умения стрелять, постоять за себя, быть бдительной, твердой и решительной. В годы войны их характер закалился, стал более суровым. В тылу в отсутствие мужчин они взяли на себя все заботы: работали на производстве и в колхозах, растили детей, вели домашнее хозяйство, сеяли и пахали. На фронте же воевали наравне с мужчинами, боевые задания выполняли не хуже мужчин, о чем свидетельствуют 87 званий Героя Советского Союза, присвоенных им во время Великой Отечественной войны. Представительницы слабого пола овладели едва ли не всеми военными специальностями, были санитарками, связистками, летчицами, зенитчицами, радистками и просто рядовыми бойцами. В этом плане интерес представляет очерк «Связистка» П. Гайни. События передаются в произведении со слов самой героини — связистки Ольги Матвеевой, что придает повествованию достоверность и искренность. Вместе с автором читатель сопереживает героине, любит ее кристально чистой душой и бесстрашием девушки, для которой исполнение долга перед Отечеством превыше всего. Ольга, как и все ее подруги, ненавидит войну и всех тех, кто ее навязал. Война нарушила личные планы девушки, которые она строила, заканчивая среднюю школу, отняла у нее кров. Ей безмерно жаль людей, безвинно погибших на полях сражений. Жизнь вынуждает ее вступить в эту войну. Защитить любимую Отчизну от врага, внести лепту в общенародную победу над фашизмом становится для нее первоочередной задачей. В этом она, как и все советские люди в военное время, видит смысл жизни.

Другой мордовский писатель И. З. Антонов был призван в ряды Советской армии в начале 1942 г. Служил в пехотном подразделении, был рядовым солдатом. Затем молодому, но талантливому журналисту доверили

должность ответственного секретаря редакции газеты 141-й стрелковой дивизии 60-й армии «Родина зовет». Боевой путь И. З. Антонова проходил не только по территории нашей Родины, он также участвовал в освобождении Чехословакии, Венгрии, Австрии и Румынии. За проявленные мужество и героизм в Великой Отечественной войне награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и несколькими медалями.

Все произведения военных лет создавались писателем в землянках и траншеях в недолгие часы фронтового затишья. Рядом с ним находились его читатели и герои. В очерке «Сержант Алексей Иконников» И. З. Антонов поднимает тему любви к Отчизне, ради которой солдаты готовы идти на самопожертвование. Только по чистой случайности герой остался в живых, поскольку вражеская пуля в любую минуту могла бы оборвать его молодую жизнь. Алексей тогда не думал о себе, его мысли были заняты только одним: взять рубеж, находившийся у врага. Это в свою очередь во многом зависело от того, сумеет ли он поднять в атаку бойцов, приблизившихся к немецким траншеям. Рискуя жизнью, Алексей поднялся во весь рост и с криком: «Вперед, друзья! Рванем!»² первым бросился на врага. Приведенный сюжет автором не выдуман, а взят из военных будней. «Все мы, кто шел в эти годы под пули, снаряды и бомбы, шли с мыслью о том, что готовы отдать свою жизнь, лишь бы жила наша любимая Родина, был свободен и счастлив сам народ»³.

В образе сержанта Алексея Иконникова сконцентрировались лучшие черты характера, необходимые защитнику Родины, свойственные целому народу. Идеализация при изображении героя военного периода была присуща в разной степени почти всем мордовским писателям, которые воспроизводили, как правило, в своих произведениях плакатный образ героя. «Сержант Алексей Иконников никогда не искал подвигов. Русская смекалка, бесстрашие, хладнокровие в сочетании с боевым умением сами рождали подвиги»⁴.

Психологическая характеристика реального человека, которая была важна в мирное время, замещалась в военной прозе пафосным штампом, выполняющим пропагандистские функции. Эта стилевая особенность портретных очерков военного времени была свойственна практически всем очеркам, отчего герои получались очень похожими друг на друга.

Таким образом, в очерках 1941 — 1944 гг. герои без каких-либо индивидуальных особенностей внешности, языка, мыслей, в основном с характерами без слабостей и недостатков. На первом плане — задачи военного времени, и главный герой — как образец. По мнению авторов, редакторов и политработников, у читателей-бойцов не было времени вникать в психологические тонкости, поэтому писатели старались воздействовать на них фактом. Соблюдение военной тайны и цензура долгое время не давали широко развернуться очерку, потому что трудно писать о событии, не ука-

зывая географических сведений, номеров военных частей и фамилий командующих. По этим соображениям «закрытой» осталась деятельность высшего командования, центральных штабов, госаппарата, что в конечном счете иногда приводило к единообразию в области тематики и литературным штампам в области формы. Особенностью очерков военного периода была прямая зависимость от политической обстановки, от политических и нравственных задач, весьма жестко регламентированных партийным руководством. Накладывали свой отпечаток и условия, в которых приходилось действовать военной печати. Это прежде всего обстановка постоянной опасности. Портретная разновидность очерков в данных условиях пусть в весьма ограниченном виде, но позволяла обходить указанные препятствия, преодолевая плакатность, излишний оптимизм, больше внимания уделять психологии личности, человеку с его переживаниями, радостями и горестями.

С годами все шире раздвигаются границы наших знаний об эпохе бесмертного народного подвига, все острее затрагивается тема памяти о погибших у будущих поколений. После окончания Великой Отечественной войны эта тема в мордовской очеркистике была глубже художественно осмыслена и разработана. Очерк послевоенного периода развивался от изображения факта и передачи информации к попытке глубокого осмысления происходящего, анализу истоков, художественному обобщению. Портретная разновидность очерка, демонстрирующая схематичность, плакатность черт конкретного человека, обращается к образу всего сражающегося народа через углубленное внимание к психологии личности, характера, от передачи опыта ведения конкретной военной операции к созданию масштабной картины войны, от создания очерков-предупреждений о бдительности к внутренним врагам к проведению идеи о всеобщей расплате всех народов за эту войну, от решения проблемы взаимодействия между командирами и солдатами до решения проблем послевоенного устройства, места отдельного человека в жизни как мыслящей частицы мироздания (А. Соболевский «Солдат из Бреста» (1964), И. Афонин «В логове врага», «Риск», «Армейские будни» (1971), С. Ларионов «Аф юкштави шит» («Незабываемые дни») (1969), И. Шумилкин «Эзь синдев» («Не сломались») (1995), В. Дергунов «Свал народонь седейсэ» («Всегда в сердце народа») (1975), А. Ширяев «Коштонь азорт» («Хозяева неба») (1975), П. Инчин «Партизанонь тевть» («Дела партизан») (1975), сб. «Дорогами испытаний», «Вечная слава» (1958), «Толонь кява» («Дорогами огня») (1994) И. Калинкина и др.).

Темы и проблематика очерков послевоенного времени весьма разнообразны. Например: «Солдат из Бреста» А. Соболевского — воспоминания очевидца, прошедшего войну, испытывавшего ужасы концлагеря; «В логове врага» И. Афонина — рассказ о советском воине, побывавшем на вражеской

территории (Берлине) с предложением советского командования капитулировать всему немецко-фашистскому гарнизону, сдать оружие и подземные укрепления; «Свал народонь седейсэ» («Всегда в сердце народа») В. Дергунова, «Аф юкстави шит» («Незабываемые дни») И. Пиняева — дань памяти погибшим и участникам великих событий, что очень актуально и на современном этапе.

Авторы очерков подводят читателя к выводу, что человек — не просто жертва обстоятельств, а личность, способная, если это необходимо, противостоять всем трудностям и выжить, как это сделали герои Василий Тютин (Соболевский), прошедший через нечеловеческие условия концлагеря, и Григорий Никанорович Кухарев (Афонин), совершивший подвиг в центре фашистского логова, в Берлине, и получивший звание Героя Советского Союза.

Мы не должны забывать, какой ценой была достигнута победа, какой ценой был сохранен мир. Нашему поколению стоит брать пример с еще живых и почитать уже ушедших от нас героев Великой Отечественной войны. Они подарили всем нам будущее. Меньшее, что мы можем сделать для героев Великой Отечественной войны, — помнить.

Таким образом, военная обстановка, ход сражений требовали немедленного отклика. Со страниц книжных изданий литература переместилась на газетные полосы. В годы войны стал популярен жанр — фронтовые корреспонденции и очерки. Очерки военных лет написаны непосредственно во время военных действий, вернее, в короткие промежутки между наступлениями и отступлениями. Очеркисты, как правило, фронтовики, в своих произведениях опирались на реальные события, на свой фронтовой опыт. С первого дня Великой Отечественной войны героизм простого советского солдата стал образцом для подражания. В связи с этим для очерков военных лет характерно широкое использование декламационных интонаций. Очеркисты в своих произведениях выражают точку зрения, что исход войны решает герой, сознающий себя частицей воюющего народа.

За годы войны и послевоенное время очерковая проза пережила значительную эволюцию. Первоначально война освещалась в схематично-беллетризованном варианте, позже фронтовая действительность постигалась писателями в сложной диалектике героического и повседневного.

Библиографические ссылки

¹ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении : сб. док. и материалов. М., 1972. С. 215.

² Антонов И. З. Сержант Алексей Иконников // Армейская правда. 1943. 14 авг.

³ Там же.

⁴ Там же.

УДК 37(091)(470.34S)

И. А. Фирсова

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

МОРДОВСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА В 1920-е гг.: АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

В статье рассматривается процесс формирования национальной школы в мордовском крае в 1920-е гг., анализируются основные проблемы ее развития: решение вопросов о языке преподавания, недостатке квалифицированных педагогических кадров, издании учебников.

Ключевые слова: мордовский край, национальная школа, мордовский подотдел Совета просвещения национальных меньшинств.

Организация просвещения среди нерусских национальностей (в том числе и мордвы) стала одним из ключевых вопросов создания новой советской системы образования.

До октября 1918 г. решение проблем просвещения национальных меньшинств находилось в ведении Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) и Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Главными направлениями их деятельности стало создание советов народного образования на местах, активное распространение идей трудовой школы, ведение разъяснительной работы среди национальной интеллигенции¹.

Осенью 1918 г. в структуре Наркомпроса был создан отдел просвещения национальных меньшинств. 31 октября 1918 г. Наркомпросом РСФСР было принято постановление «О школах национальных меньшинств», в котором отмечалось, что все национальности, населяющие Российскую Федерацию, пользуются правом организации обучения на своем родном языке. На все школы национальных меньшинств во всей полноте было распространено «Положение о единой трудовой школе»².

Просветительская работа среди мордовского населения имела свои особенности. Для мордовского края была характерна национальная неоднородность населения, наблюдалась экономическая и культурная отсталость по сравнению с центральными промышленными регионами. Кроме того, создание новой системы образования в Мордовии начиналось в неблагоприятных обстоятельствах — ощущался недостаток подготовленных кадров, особенно из мордвы, и финансовых ресурсов.

Мордва проживала на территории нескольких губерний. Наиболее высокий процент мордовского населения был в Спасском уезде Тамбов-

ской губернии (46,3 %), Ардатовском уезде Симбирской губернии (40 %), Краснослободском и Инсарском уездах Пензенской губернии (соответственно — 24,7 % и 23,3 %)³. В других уездах Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Нижегородской губерний, из уездов и волостей которых впоследствии сложилась Мордовская АССР, мордвы проживало менее 20 %. При этом ни в одной из губерний представители мордовской национальности не составляли большинства, как правило, проживали на территории 1 — 2 волостей, что также осложняло проведение работы по просвещению⁴.

Однако, несмотря на указанные обстоятельства, уже летом 1919 г. на основании обследований, предпринятых центральными органами народного образования и совещаний, проведенных с мордовскими работниками, была намечена программа развития системы школьного образования среди мордовского народа.

Основную работу по организации просвещения мордовского населения развернул мордовский подотдел, созданный в структуре Совета просвещения национальных меньшинств Наркомпроса.

В мордовском подотделе Совета просвещения национальных меньшинств работал вначале инструктором, затем его заведующим, один из крупнейших знатоков истории и культуры мордовского народа, организатор просвещения среди мордвы Г. К. Ульянов (1864 — 1943 гг.).

В 1920 — 1930-е гг. его статьи часто появлялись на страницах центральных и местных газет и журналов, таких как «Жизнь национальностей», «Народное просвещение», «Просвещение национальностей». В 1920 г. благодаря Г. К. Ульянову в Самарской, Симбирской и Саратовской губерниях были созданы мордовские просвещенческие органы, в Москве, Казани и Самаре стали работать литературно-переводческие комиссии по подготовке учебной, художественной, агитационно-пропагандистской литературы на мордовском языке⁵.

13 — 20 августа 1919 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание работников просвещения народов нерусского языка. Его решения стали основой организации просвещения среди мордвы. На совещании шла острая дискуссия между сторонниками полного идейного организационного слияния просветительской работы среди всех народов России и «автономистами», выступавшими за обособление системы просвещения каждой нации. В результате было принято решение о единстве деятельности по просвещению национальных меньшинств независимо от их языка.

Под непосредственным влиянием этого съезда были проведены Челпановское совещание в Ардатовском уезде Симбирской губернии и Самарское совещание по вопросам просвещения среди мордовского населения. Главным вопросом совещаний была система школьного образования и ее проблемы.

На основе инструкции «Об организации и деятельности подотделов национальных меньшинств на местах» в 1919 г. мордовские подотделы и секции были организованы при губернских и уездных ОНО Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Нижегородской губерний.

Начиная с 1918 г. развитие мордовских национальных школ шло по восходящей линии. Количественный рост сети мордовских школ приостановился в начале 1920-х гг. Если в 1920/21 учебном году в Самарской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Уфимской, Нижегородской губерниях было 965 мордовских школ 1-й ступени и 13 школ 2-й ступени, то в 1923/24 учебном году их осталось соответственно 504 и 2⁶.

Главными препятствиями для нормального функционирования мордовской национальной школы были недостаток учителей из мордвы и отсутствие учебников на мордовском языке, а также общие для всех школ материально-технические проблемы.

Вплоть до 1922 г. преподавание в подавляющем большинстве школ велось на русском языке. Создание учебников на мордовском языке было весьма сложным делом. В качестве основы мордовской письменности было решено использовать русскую графику. Провести научную разработку норм мордовского языка в столь короткий срок было невозможно, а так как издание учебников, газет и журналов, книг на мордовском языке требовалось незамедлительно, в правописании был принят принцип: «пиши, как говоришь».

В работе над созданием первого советского букваря на мордовском-эрзя языке, который вышел в свет в 1922 г., принимали участие М. Е. Евсевьев, Е. Б. Буртаев, Ф. И. Завалишин, Е. В. Скобелев, З. Ф. Дорофеев, Г. К. Ульянов и др. В 1923 г. было создано Центральное издательство народов СССР. С 1924 по январь 1927 г. им были выпущены буквари, книги для классного чтения, арифметические задачки на эрзянском и мокшанском языках⁷. Конечно, качество новых мордовских учебников было не совсем удовлетворительным, прежде всего в педагогическом отношении, но их содержание отражало успехи социалистического строительства и соответствовало задачам воспитания молодого поколения.

В 1920-е гг. был проведен ряд совещаний и съездов по вопросам просвещения мордвы. Первый Всероссийский съезд по просвещению мордвы был созван в сентябре 1924 г. по инициативе мордовской секции при ЦК РКП (б) и Бюро просвещения мордвы при Наркомпросе РСФСР в Москве. На съезд прибыли деятели народного просвещения из всех губерний, где проживала мордва. На съезде было отмечено, что необходимым условием улучшения просвещения мордвы является организация обучения на родном языке и признано необходимым ввести обучение на родном языке в школах 1-й ступени.

Второй Всероссийский съезд по просвещению мордвы состоялся 13 сентября 1925 г. На нем обсуждались вопросы о подготовке и переподготовке учителей для мордовских школ, о переводе обучения в мордовских начальных школах с русского на мордовский язык и др.⁸

В августе 1928 г. в Москве работала Всероссийская мордовская методическая и языковая конференция. В ней приняли участие видные деятели просвещения мордвы, научные работники, авторы учебников, преподаватели Мало-Толкаевского, Алатырского и других мордовских педтехникумов, учителя мордовских школ. Среди участников конференции были М. Е. Евсеев, Д. В. Бубрих, Ф. Ф. Советкин, М. И. Наумкин, И. Ф. Прокаев и др.⁹ Конференция обсудила ряд методических вопросов, связанных с улучшением обучения в мордовских школах.

В целом на всех этих совещаниях отмечалось неудовлетворительное состояние школьного образования среди мордвы. Для того чтобы поднять его на более высокий уровень, необходимо было ввести обучение на родном языке, увеличить финансирование системы школьного образования, расширить сеть учительских курсов и техникумов, открыть мордовские школы 2-й ступени и т. д. Проведенные совещания сыграли значимую роль в укреплении и дальнейшем развитии мордовской национальной школы¹⁰, но чаще всего принимаемые на них решения и резолюции были сформулированы в виде «добрых» пожеланий (по выражению Е. В. Скобелева) и нередко не могли учесть всю специфику и особенности функционирования национальных мордовских школ в различных уездах и губерниях.

Проблемы развития школ мордвы рассматривались и на губернском уровне. Так, на первом Пензенском губернском совещании работников мордовских школ в январе 1926 г. главным на повестке дня был вопрос о переводе обучения на родной язык. К основным проблемам, мешающим осуществлению директив центра, были отнесены: острый недостаток учебников (особенно букварей), отсутствие подготовленных педагогических кадров и методической работы. Вместо методического руководства учителя получали лишь указания разъяснительно-агитационного характера¹¹. На совещании было принято решение переводить обучение на родной язык везде, где только возможно.

Ключевым вопросом во внутренней жизни мордовской национальной школы на всем протяжении 1920-х гг. был вопрос о языке преподавания. Мордва (особенно мордва-эрзя), по классификации Наркомпроса, была отнесена к группе национальностей, «сбитых со своего национального пути, у которых родной язык имеет слабое применение и которые проявляют тяготение обучать детей на русском языке»¹².

Этот вывод был сделан на основе обследования ряда школ Ульяновской (бывшей Симбирской), Самарской и Тамбовской губерний. Следует отметить, что население мордовских сел не возражало против обучения своих детей на родном языке, но нередко высказывало опасения практического характера — боялось того, что «обучившись на мордовском, дети не будут знать русского, который необходим для дальнейшей жизни»¹³.

Перевод преподавания на родной язык в мордовских школах начал осуществляться в 1923/24 учебном году. В отчетах уездных ОНО Мордовии отмечалось, что с переводом преподавания на мордовский язык, «занятия стали давать хорошие результаты — дети легче учатся читать, лучше понимают объяснения учителя, а учитель впервые увидел осмысленность своей работы»¹⁴. В этих условиях важное значение приобретала задача подготовки кадров национального учительства, недостаток которого остро ощущался.

В 1926 — 1927 гг. в Ардатовском уезде была 71 мордовская школа, в которых работали 79 учителей, из них лишь 45 владели национальным языком; в Рузаевском уезде в 1925 г. во всех мордовских школах преподавание велось на русском языке; в Краснослободском уезде из 58 мордовских школ 32 имели учителей мордовской национальности¹⁵.

Несомненно, что существовавшая к середине 1920-х гг. сеть мордовских школ не могла полностью удовлетворить потребности населения в образовании.

В 1928 г. был образован Мордовский округ в составе Средне-Волжской области. Совет Народных Комиссаров РСФСР отметил экономическую и культурную отсталость Мордовского округа, заметный разрыв в культурном развитии между основным слоем населения (прежде всего русским) и национальными меньшинствами (мордвой и в меньшей степени татарами), которых в составе округа было 36,5 %.

Таким образом, перед Мордовским округом стояли огромные задачи по развитию системы школьного образования, ее подтягиванию до общероссийского уровня, что и предстояло решить в последующие годы.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Фомин А. И.** Организация руководства просвещением национальных меньшинств в первые годы советской власти 1917 — 1920 // История СССР. 1984. № 4. С. 122.

² См.: Народное образование в СССР : Общеобразовательная школа : сб. док. 1917 — 1973 гг. М., 1974. С. 145.

³ См.: **Купряшкин Т. Е.** Революция 1905—1907 годов на территории мордовской АССР. Саранск, 1941. С. 6 — 7.

⁴ См.: **Ульянов Г. К.** Мордва // Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). М., 1927. С. 81 — 87.

⁵ См.: **Красовицкая Т. Ю.** Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством. М., 1992. С. 128 — 129.

⁶ См.: **Ульянов Г. К.** Указ. соч. С. 82.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1986. Ч. 1. С. 368.

⁹ Там же. С. 369.

¹⁰ См.: **Талдин Н. В.** Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956. С. 38.

¹¹ Культурное строительство в Пензенском крае. 1917 — 1938 : док. и материалы. Саратов, 1986. С. 166.

¹² Народное образование Мордовской АССР : док. и материалы. Т. 1 : 1918 — 1928 гг. Саранск, 1962. С. 34.

¹³ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее: ЦГА РМ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 205-9. Л. 114.

¹⁴ См.: Культурное строительство в Пензенском крае. С. 167.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44-3. Л. 91.

Российское культурное пространство в ракурсе современных исследований

УДК 008(470.345):025.3

Н. Н. Абдуганиев

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ТРАНСЛЯЦИЯ МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ БИБЛИОТЕК РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

В статье рассматривается роль библиотек в социализации подрастающего поколения Республики Мордовия.

Ключевые слова: мордовская культура, подрастающее поколение, традиции, библиотека.

Образ жизни включает организованную совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей в обществе, куда входит уклад и стиль жизни в семье. Целью этнической социализации как составной части, элемента общей социализации выступает развитие и саморазвитие личности в ходе усвоения этносоциальных ролей, культуры межэтнических отношений, принятых в обществе. Ее критериями выступают этническая идентичность личности, содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей и нормотипическое поведение как показатель ее адаптированности к среде. Агентами этносоциализации выступают семья, школа, СМИ, этнические общественные организации, учреждения культурной и социальной сферы. Основными областями культуры общества являются отношения между людьми, человека с природой и с самим собой. К типам культурных учреждений относятся библиотеки, способствующие сотрудничеству между семьями и личностями¹. В библиотеках проводят разные мероприятия, направленные на укрепление интереса к национальным праздникам. Создавая определенное пространство социализации, семья формирует основы этнически окрашенных моделей поведения и этнокультурной самоидентификации. При этом наиболее ярко данная тенденция проявляется в сельских локальностях и многопоколенных семьях. Вплоть до 30-х гг. XX в. у мордвы, проживающей в Мордовии, бытовали 2 формы семьи: простая (малая, или нуклеарная) и сложная². Например, бытование у мордвы сложных се-

мей подкрепляется сведениями, содержащимися в работе В. Н. Майнова³, В. А. Ауновского⁴ и др. Описывая семейный быт мордвы Симбирской губернии 70-х гг. XIX в., Ауновский отмечал, что «нередко можно встретить семьи из 20 и более человек, живущих нераздельно, в мире и согласии, и только по крайней тесноте, помещающихся в разных избах, но на одном дворе, под управлением деда или прадеда, которому все члены семьи оказывают полное послушание»⁵. Во второй половине XX в. семьи сельских жителей преимущественно были простые (полные и неполные), из одного-двух поколений, состоящие из родителей с неженатыми (незамужними) детьми⁶. По мере формирования новых отношений в семье вырабатывались и вырабатываются новые взгляды на воспитание детей, которые определяются природно-географическими и социально-экономическими условиями, а также нормами обычного права и этическими соображениями и находят выражение в этнопедагогике⁷. Народная педагогика представляет собой совокупность педагогических знаний и опыта, накопленных эмпирическим путем, используемых для обучения, воспитания и социализации подрастающего поколения и реализуемых в повседневной жизни через произведения устного народного творчества, традиции, обычаи, детские игры и игрушки, художественно-прикладное искусство⁸. Таким образом, семейно-бытовая культура народа складывалась в строго определенной этносоциальной сфере в течение длительного времени. Она формировалась и развивалась в процессе накопления и интеграции жизненного опыта членов семьи, их системы взглядов, предпочтений, мнений, стереотипов поведения, способов взаимодействия с другими людьми. Та или иная организация семьи порождала специфические черты домашнего быта, обусловленные национальной принадлежностью членов семьи, традициями, обычаями и иными факторами. При этом национальная специфика семейно-бытовой культуры всегда социально детерминирована.

Взаимодействие библиотеки и семьи — это наиболее эффективный путь приобщения ребенка к чтению. Важно подчеркнуть, что у родителей и библиотеки имеются свои средства воздействия на читателя-ребенка. Библиотека, предлагая формы и методы работы с семьей, позволяет расширить сферу воздействия семьи на процесс чтения. Задача библиотеки сегодня — изучить интересы семьи и помочь в воспитании человека высокой культуры и высокого уровня социальной адаптации.

В своей практической деятельности культурно-просветительные учреждения республики строили работу согласно решениям хозяйственно-экономических задач республики, района, села. Об этом говорят данные архива ЦГА РМ. Подавляющее большинство изб-читален являлись центром культурно-массовой работы на селе. В них читались лекции и доклады, организовывались книжные выставки, ставились концерты и др. Так, в течение

4 месяцев в 1952 г. в культурно-просветительных учреждениях Мордовии прочитано 8 000 лекций и докладов, оформлено 220 книжных выставок⁹. Для ведения лекций и докладов создана сеть сельских и районных лекторских объединений и групп. В республике насчитывалось 32 районные лекторские группы и 316 сельских объединенных лекторов. За 1952 г. было прочитано 20 717 лекций, из них на мордовском языке — 745¹⁰. Библиотеки республики за вышеуказанный год провели 755 читательских конференции и литературных вечеров, было организовано 2 827 книжных выставок, проведено 1 136 обзоров, 18 210 громких чтений и бесед¹¹. В 1952 г. в детских библиотеках была широко развернута «...пропаганда художественной литературы, в т. ч. мордовской литературы... С этой целью проводили литературные вечера, громкие чтения, организовывали книжные выставки и оформляли плакаты. Козловская районная библиотека провела литературный вечер на тему: «Мордовская литература в послевоенные годы». К вечеру был оформлен плакат «Мордовская народная сказительница Ф. И. Беззубова» и книжная выставка «Произведения мордовских писателей». Литературные вечера, посвященные творчеству мордовских писателей, проводили и другие библиотеки¹². В отчете Мордовской республиканской библиотеки имени А. С. Пушкина говорится: «Особое внимание обратить на обслуживание коренного населения книгой на родном языке и на пропаганду мордовской литературы»¹³. Были организованы 32 тематические выставки¹⁴. В разделе об Участи в подготовке и проведении квалификации библиотечных кадров отмечено, что «совместно с Управлением по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Мордовской АССР» проведено 2 республиканских совещания библиотечных работников и одно межрайонное совещание двух кустов (Саранского, Ковылкинского), на которых обсуждался вопрос о работе библиотек по обслуживанию коренного населения на родном языке; пропаганде мордовской литературы»¹⁵.

Деятельность библиотек по трансляции мордовской культуры в социализации подрастающего поколения с привлечением взрослых членов семьи продолжалась постоянно, что подтверждают и современные данные*. Например, МБУК «ЦГБС для взрослых» работает по комплексной Программе «Наследие по распространению, сохранению знаний об истории и культуре мордвы; ГБУК «Мордовская республиканская юношеская библиотека» по постоянно действующей программе «Краеведение: история, традиции, культура»; МБУК «Ромодановская ЦРБ им. Н. Эрка» — «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Ромодановском муниципальном районе».

* Результаты анкетирования библиотек Республики Мордовия.

Разнообразны и содержательны книжно-иллюстративные выставки. По тематике они приурочены к памятным датам, Дням родного языка и др. (выставка-память, выставка-юбилей; выставка-панорама, выставка-знакомство, книжно-иллюстративная выставка, книжная полка-презентация), например, «Многоцветное чудо» о мордовском национальном костюме (выставка-знакомство); «Мордва России» (МБУК «КДЦ Большеберезниковского района»). «Нет на свете Родины милее, чем моя мордовская земля» — книжная выставка (МБУК «Ардатовская ЦРБ им. Н. К. Крупской»); «Финно-Угрия. Духовно-нравственный потенциал» — выставка-панорама (МБУ «Центр культуры Ковылкинского района), «Жизнь мордвы в фотографиях М. Е. Евсевьева», «Имя, взятое у народа», посвященное творчеству С. Эрзи (2014) (МБУК «Торбеевская районная библиотека); выставки-персоналий, посвященные памятным датам К. Г. Абрамова А. М. Доронина) Л. Руслановой, В. Д. Еремкина, П. С. Кириллова, В. Мишаниной, А. Н. Баргова и др. (МБУК «Центральная районная библиотека» Большеигнатовского района); «Народы дружат книгами» — презентация выставки-просмотра, которая состоит из 3 разделов, где представлены 108 национальных и краеведческих книг 17 народностей, в том числе эрзян, мокшан (ГБУК «Мордовская республиканская детская библиотека»); «Передай добро по кругу» — творческие чтения (презентации мордовских национальных сказок) (ГБУК «Мордовская республиканская детская библиотека»).

Системно и разнообразно для представителей мордовских диаспор организуются библиографические обзоры. Они соответствуют содержанию и несут разнообразный характер — библиографические обзоры у выставки, пресс-обзор, краеведческая гостиная и др., например: «Семейные обряды и праздники» — библиографический обзор; «Мудрость мордвы в знаниях и слове» (о народной медицине) (МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района РМ»)

Проводятся беседы, конкурсы, викторины, дни информации, День книжной дружбы, например, краеведческий час «Русские и мордва — кто мы, какие мы?» (МБУ «ЦРБ Чамзинского муниципального района»). «С волшебным клубочком по мордовским сказкам» — конкурс; «Обращение к истокам» — викторина (МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района РМ»).

Разнообразны формы проведения других информационных мероприятий по этнокультуре: выставка-заставка, этнокалейдоскоп и др., например, «Выставка национальных костюмов мордовских сел Торбеевского района» (МБУК «Торбеевская районная библиотека»).

Интересна тематика культурно-просветительских мероприятий к знаменательным национальным датам, проводимые под следующими рубриками: вечер с чтением книг, урок этнографии о народах, фольклорный празд-

ник, литературный, познавательный или краеведческий час и др., например, «Книга и чтение в жизни мордовского народа» — День информации (МБУ «ЦРБ Чамзинского муниципального района»); «Народы Мордовии — дружная семья» — урок этнографии (ЦРБ МБУ «ЦК» Zubovo-Полянского района); «Руки ваши золотые для нас шедевры создают» — выставка декоративно-прикладного искусства (МУ «Ельниковская ЦБ»); «Вкусное солнышко» — фольклорный праздник (ежегодно) об обычаях Масленицы, в котором принимают участие дети различных конфессий и национальностей (татары, мордва, русские, цыгане) (МБУ «ЦРБ Чамзинского муниципального района»); обзор материалов о фольклоре, обычаях, традициях, о национальной кухне и одежде мордовского народов («ЦРБ» Ичалковского муниципального района).

Родной язык — это первоначально усвоенный человеком язык (язык «колыбели», язык матери). На основании родного языка формируются первичные навыки речевого взаимодействия. С его помощью осуществляется первичная социализация и культуризация личности, ознакомление с нормами, ценностями, традициями своего этноса. Родной язык является одним из основных признаков этнической (национальной) самоидентификации, поэтому, как правило, национальность совпадает с родным языком. С усвоением другого языка и использованием его не только в общественной практике, но и в быту, в семье, родной первоначальный язык постепенно вытесняется вновь приобретенным. В смешанных браках родным языком ребенка может стать язык матери или отца¹⁶. Библиотеки РМ проводят много мероприятий, посвященных родному языку, например, «Эрзянь келень чи» (День эрзянского языка) (МБУК «Атяшевская ЦРБ»). «День эрзянского языка» — литературно-музыкальный вечер (МБУ «ЦРБ Теньгушевского муниципального района»); «Я голову пред ним склоняю снова — его величество, родное слово» — тематический вечер, посвященный Дню родного языка (ГКУК «Республиканская специальная библиотека для слепых»); «Молодежь и культура межнационального общения» — библиотечные уроки (МБУ «Центр культуры» Краснослободская межпоселенческая библиотека Краснослободского муниципального района); «Финно-угрия! Мир детства и книги» — игра-путешествие по финно-угорской литературе (МБУК «Центральная районная библиотека» Большеигнатовского муниципального района Республики Мордовия).

Праздник — это торжественный день, знаменующий о каком-либо важном событии и сопровождающийся различными увеселительными мероприятиями. Типология праздников многообразна: народные, национальные и др. Проведение праздников характерно для КДЦ Республики Мордовия. Широкое отражение в деятельности библиотек нашло проведение традиционных мордовских праздников с воспроизведением обрядов, обы-

чаев. Например, «Пиже Троица чи», «Эрзянь Лисьмапря», «Роштува баба», «Масленица», «Благодати и тепла вам в праздник светлой Троицы» с проведением эрзянского обряда «Троицянь Одирьвань ютамо» (с. Урусово), «Гундонь ильтема» (с. Низовка), «Норовавань суюконамо» (с. Чукалы) Ардатовского муниципального района; «Праздник Блина», «Праздник урожая» (ежегодно, сентябрь) («МБУК «Атюрьевский районный дом культуры»); фольклорно-обрядовый праздник «Игриштя» (с. Шугурово), праздник лаптя «Эрзянь карть» (с. Березники) МБУК «КДЦ Большеберезниковского муниципального района»; праздники сел «Мой край в судьбе России» (МБУ «Центр культуры» Ичалковского муниципального района. МБУК «ДК Кадошкинского муниципального района» традиционно стал проводить русские, мордовские, татарские праздники, в которых участвуют народы всех национальностей района: «Сабантуй», «В гостях у березки», «Лушник», «КазОмэсе», «Широкая масленица» и т. д. Интересно и красочно проходит Международная научная музыкально-этнографическая экспедиция «Музыкальный фольклор финно-угорских народов: традиции и современность» (МБУК «Дубенский РДК»)¹⁷.

Библиотеки участвуют в межрегиональных праздниках, тематических акциях, смотр-конкурсах, фестивалях, дискуссионных межэтнических площадках, например, «Раськень ойме» (Душа народа) — межрегиональный фестиваль ландшафтной скульптуры по мотивам финно-угорских народов (с. Подлесная Тавла) (МБУК «Кочкуровская ЦРБ»); дискуссионные межэтнические площадки предполагают встречи, знакомство с этнокультурой народов в мини-музеях библиотек, конкурсы рисунков, интернет-музеи, например, «Финно-угорские параллели» — межрегиональный интернет-мост к 1000-летию Единения мордовского народа с народами Российского государства совместно с ГБУК «Коми республиканская юношеская библиотека» (г. Сыктывкар). Основная цель межрегионального интернет-моста — познакомить молодежь с национальными традициями и культурой финно-угорских республик (ГБУК «Мордовская республиканская юношеская библиотека»). Библиотеки имеют и собственные разработки, например, рекламно-информационное издание «Раскень Озкс»; «Мордовские спортсмены — гордость России» (ЦБ); Издание буклета «Велень Озкс» (МБУК «Центральная районная библиотека» Большеигнатовского района).

Таким образом, значительная роль трансляции мордовской культуры в социализации подрастающего поколения принадлежит библиотекам, которые на культурно-исторической основе популяризируют национальную культуру, историю этнических групп в России и Мордовии; оказывают информационную поддержку в изучении национальных языков, предоставляют информацию о семьях и культуре мордовских диаспор. В результате реализации разных программ развития библиотеки укрепляют свои позиции

как центры поддержки национальных культур, межнационального культурного обмена и гармонизации межэтнических взаимоотношений, изучения многообразия культур, обеспечивающих информационно-культурные и образовательные потребности населения Мордовии. Одним из аспектов их деятельности является трансляция традиционного уклада семьи и семейных отношений, поскольку они являются основной движущей силой развития культуры.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Хоруженко К. М.** Культурология. М., 2003. С. 110 — 192.
- ² См.: **Балашов В. А., Савинов Л. И.** Облик современной семьи. Саранск, 1987. С. 30.
- ³ См.: **Майнов В. Н.** Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 155.
- ⁴ См.: **Ауновский В. А.** Иностранческие населенные места Симбирской губернии // Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Т. 2. С. 154.
- ⁵ Там же. С. 154.
- ⁶ См.: **Балашов В. А., Савинов Л. И.** Указ. соч. С. 37.
- ⁷ См.: Мордва : Очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004. С. 368.
- ⁸ См.: Этнопедагогика народов Поволжья // Очерки истории образования и педагогической мысли в мордовском крае (середина XVI — начало XX вв.). Саранск, 2001. С. 12.
- ⁹ Центральный государственный архив (далее: ЦГА РМ). Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 94. Л. 12.
- ¹⁰ Там же. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Д. 95. Л. 1.
- ¹² Там же. Д. 94. Л. 52.
- ¹³ Там же. Д. 95. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 15.
- ¹⁵ Там же. Л. 28, 29.
- ¹⁶ См.: **Козлов В. И.** Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1995. С. 157.
- ¹⁷ См.: **Никонова Л. И., Абдуганиев Н. Н.** Этнокультурная деятельность: из опыта досуговых инициатив учреждениями культуры Республики Мордовия // Инновационная деятельность в образовательных организациях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (29 марта 2018 г., Ульяновск). Ульяновск, 2018. С. 404, 405 ; **Никонова Л. И.** Культурно-познавательная анимация в гармонизации межэтнических отношений и развитии национальных культур: к перспективе деятельности библиотек Республики Мордовия // Социально-культурная анимация: от идеи к воплощению : материалы X Междунар. форума (22 — 23 апреля 2016 г., Москва). М., 2017. Вып. 10. С. 156 — 165.

УДК 39(470.345)

Н. Ф. БеляеваМордовский государственный педагогический университет
им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

РОЛЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОРДВЫ

В статье рассматриваются традиции освоения территории обитания, влияние природно-климатических факторов на формирование этнического самосознания мордвы.

Ключевые слова: адаптация, менталитет, этническое самосознание, культура, природная среда, традиции.

Слово «менталитет» в русском языке стало использоваться во второй половине XIX в. В переводе с французского *mentalite* и латинского *mens, mentis* означает ум, мышление. В «Популярном словаре русского языка» «менталитет» толкуется как способ мышления, особенности мировосприятия, мироощущение личности, социальной группы или целого народа¹. На формирование этнического менталитета влияют различные факторы: экономические, политические, идеологические, а также природно-климатические. Этнос и природная среда составляют единую экологическую систему. Окружающий мир во многом определяет склад характера этноса, ряд психологических предрасположений и эмоциональных проявлений, оказывает влияние на стереотип мышления, нормы поведения. Оценивая роль природно-климатического фактора в формировании национального менталитета, И. А. Ильин отмечал: «Душа народа находится в живой и таинственной взаимосвязи с его природными условиями, и потому не может быть достаточно объяснена и понята без этой взаимосвязи»².

Процесс освоения территории связан с адаптацией человека к среде обитания. Каждая культура формирует свой особый адаптированный, комфортный образ реальности, образ осваиваемого пространства. Приспосабливаясь к природной среде, этнос вырабатывает определенные стереотипы поведения, привычки и навыки, а также закрепляющие их психологические установки, эмоциональные реакции, задающие контуры национального характера. В определенной связи с условиями деятельности находятся нормы и идеалы его культуры, предпочтения и отрицательные реакции, совокупность которых обозначается понятием «менталитет».

Мордовский народ издревле занимает территорию Среднего Поволжья — зону преимущественного распространения северных хвойных лесов, многочисленных рек, родников и т. д. Огромные массивы хвойных, смешан-

ных и лиственных в южных районах лесов тянулись в то время с небольшими разрывами по всему пространству между Окой и Волгой. Лес являлся концептом «натурфилософии» мордвы, определившим основные культурные характеристики этнического ландшафта и экологическое поведение людей в нем. Это поведение во многом характеризовалось личностным отношением к пространству, генетически восходящим к традициям культуры охотников и собирателей. Эту особенность отметили многие исследователи. В частности, С. Архангельский писал: «Истари мордовский народ любил селиться и жить среди дремучих лесов»³.

Природные условия определяли и занятия мордвы. Живя в дремучих лесах, они с давних времен занимались земледелием, придерживаясь подсечной системы хозяйства. Большое количество зверей, дичи, пчел в лесах и рыбы в реках способствовало развитию охоты, рыболовства, пчеловодства и скотоводства. В. Майнов, исследуя быт мордвы-мокши Темниковского уезда, писал, что русские соседские крестьяне заметили, что самые лучшие для заселения места почти всегда были заняты мордвой: «Назем да лесок — мордве уголок, — говорили они по этому поводу»⁴.

Среди природных факторов, повлиявших на формирование менталитета, большая роль принадлежит воде и водным источникам. Природно-географические особенности территории проживания мордвы характеризуются наличием большого количества разнообразных водоемов, что во многом предопределило материально-пространственную структуру поселений. Практически все поселения располагались в непосредственной близости от главных водных артерий региона: Мокши, Суры, Инсара, Вада, а также по берегам многочисленных малых рек и речушек. В основе названия многих мордовских сел лежит слово «лей» — река, речка: Мокшалай, Семилей, Нерлей, Леплейка, Варжалей, Каргалайка и т. д. Анализ топонимического материала свидетельствует, что более 80 % поселений располагалось по рекам, речкам или ручьям. Традиции жить около водоемов мордва сохраняла и при переселении в другие регионы. Эта особенность отражает народный афоризм: «Где лес и вода — там и мордва».

Окружающий ландшафт оказал существенное влияние на формирование характера мордовского народа. Так, В. А. Ауновский отмечал: «Отличительные черты характера мордвы объяснить не трудно. Натолкнувшись на местность плодородную, довольно щедро наделенную дарами природы, защищенную густым лесом, богатую водой — мордва, естественно, должна была остановиться на ней...»⁵. В основе восприятия внешнего мира у мокши и эрзи лежал принцип разумного природопользования, гармоничного сосуществования с окружающим миром, следования и подчинения законам природы. Согласно мировоззрениям мордвы, человек, живущий в лесу, должен был стать частью природы, чтобы добиться получения постоянных

результатов, а это значит действовать соответственно устоявшемуся природному ритму. Эти обстоятельства послужили фоном для развития таких черт характера, как неторопливость, методичность в выполнении работ, сдержанность в проявлении чувств. Деятельность в лесу оказала определенное влияние и на формирование эмоционального склада. Большую роль играла необходимость тонко чувствовать, воспринимать и соотносить различные факты действительности. В лесном массиве, представляющем собой во многом закрытое, замкнутое пространство, человек должен был воспринимать явления в комплексе, находить между ними сходства, чтобы по различным приметам ориентироваться, определять возможность получения того или иного результата.

Долгое проживание на одной территории отложило неизгладимый отпечаток на мировоззрение, манеру общения внутри мордвы, образ жизни, хозяйственный уклад. Характерной особенностью нравственно-этического сознания мордвы на ранних этапах его развития был довольно заметный экологизм, распространение моральных оценок на природные объекты: на животных, деревья, реки, родники. Антропоморфизация окружающей среды являлась одним из факторов формирования гуманистических идеалов и нормативов поведения. Мокша и эрзя воспринимали природу как часть самого себя, и отношение к ней имело нравственный смысл. Стремление организовать свой образ жизни в гармонии с окружающей средой и равновесии с ее ресурсами способствовало выработке определенных правил поведения. О ценности восприятия окружающего мира свидетельствует наличие священных заповедных рощ, деревьев, которым придавалось магическое значение. Многим деревьям и кустарникам приписывались магические качества по принципу их «положительности» или «отрицательности». Исходя из этого, одни породы деревьев наделялись свойствами безусловной «святости», другие — ритуальной «нечистоты». Например, дуб ассоциировался с силой, могуществом, яблоня — красотой, липа — здоровьем, а береза наделялась защитными функциями от злых сил, болезней. Деревья в религиозной практике выступают и как канал связи земного и небесного, мира мертвых и живых. Так, во время моления «озатя» (старик, распорядитель общественным молением) взбирался на дерево и вступал в связь с богами, передавая им просьбу своих сородичей. Как вместилище богов, они являлись культовыми центрами многих молений, объектами благоговейного уважения и почитания, поэтому их окружали особой заботой и вниманием. Эту особенность отмечали многие исследователи. И. Лепехин писал: «Мордва почитает деревья как нечто священное, под ними устраивают керемети»⁶. На такие деревья накладывалось строжайшее табу: запрещалось не только их рубить, но и ломать ветки и сдирать кору. Мордва была убеждена, что неминуемая смерть грозит всякому, кто отважился бы ударить дерево топором.

Природоохранительные функции частично были заложены в запретах убивать тех или иных животных, птиц. Так, во избежание несчастья, не дозволялось разорять птичьи гнезда, убивать голубей, лебедей, земляного зайца. Под предлогом смерти жены или матери во время родов строго запрещалось убивать самок животных. Чтобы добиться расположения природных сил, искупить свою вину, устраивали различные моления, совершали обряды, жертвоприношения. Данными актами пытались откупиться от природы за содеянное и тем самым избежать опасности со стороны ее автономных сил⁷.

О внутренней связи мордвы с природной средой обитания свидетельствуют названия поселений, в основе которых лежат природные объекты, растения, деревья: Пичпанда, Старая Пырма, Пиче веле (Пуркаево), Пичевка, Сузелятка, Кажлодка, Верхний Урделим, Пиксауры, Пичеуры и т. д.

Бессознательную психологическую ориентацию на природную среду мордва сохраняла и поселившись в иное окружение. Критерием успешной адаптации являлось соответствие типов ландшафтов тому стереотипу, который сложился у них в процессе закрепления традиционного уклада жизни, имеющий тенденцию сохраняться у последующих поколений. Данное положение мы можем проиллюстрировать на примере саратовской мордвы. Например, из 20 мордовских поселений Кузнецкого уезда названия 14 сел связаны с особенностями природных объектов: Дубровка, Донгузлей, Чирклей, Яксарка и др.⁸

Связь этноса с окружающей средой закрепились в виде обычаев, семейных и общественных традиций, религиозных представлений. В мировоззрении мордвы природные объекты подвергались обожествлению и каждая из них имела своего бога покровителя: Ведьава — покровительница воды, Вирьава — леса, Модаава — земли, Паксяава — поля. Чтобы их задобрить и заручиться их покровительством, устраивались моления, сопровождающиеся жертвоприношениями.

Природно-климатические условия приводили к необходимости кооперации усилий родственных коллективов. Это обстоятельство обусловило склонность мордвы к общественной, общинной жизни, что оказало влияние на формирование предрасположенности к корпоративному поведению и осознанию себя в единстве со своим социальным окружением. Коллективизм вырабатывался как культурная норма, требующая подчинения мыслей, воли и действий индивида требованиям социальной среды. Эта норма складывалась в условиях общинной жизни патриархального быта. Она, с одной стороны, способствовала организации крестьянского труда и всего уклада деревенской жизни (решение вопросов «всем миром»), с другой — получала одобрение со стороны власть имущих, поскольку облегчала управленческие людьми. Из десятилетия в десятилетие, из века в век в мордовском

этническом сознании складывался стереотип: единство, общность, корпорация — высшая ценность, одно из главных условий выживания, в которых оказался мордовский народ. Выделение личности из корпоративной среды (семьи, общины, мира) воспринималось мордвой настороженно и враждебно. Находясь в постоянной зависимости от природы, мордва привыкла довольствоваться малым, возникла определенная психологическая установка на неприхотливость, имущественное и социальное равенство.

Низкая урожайность, зависимость результатов труда от погодных условий обусловили чрезвычайную устойчивость общинных институтов, являющихся определенным социальным гарантом выживаемости основной массы мордовского населения. Мордовская община просуществовала вплоть до 30-х гг. XX в., а ряд общинных традиций сохраняется до настоящего времени и играют определенную роль в формировании менталитета.

Таким образом, естественная природная среда, социальная среда и компоненты традиционной культуры представляют единую взаимосвязанную систему. Этнос, функционируя долгое время в природной среде, особенно на начальных этапах развития, вынужден приспособливаться, формируя специфические способы адаптации к ней. Этот фактор определяет своеобразный склад характера представителей этноса, ряд психологических предрасположенностей и эмоциональных проявлений, которые оказывают влияние на формирование ценностей, стереотипов мышления и поведения этноса.

Библиографические ссылки

¹ См.: Гуськова А. П. Популярный словарь русского языка : толково-энцикл. сл. М., 2003. С. 475.

² Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1996. Т. 6. С. 377.

³ Архангельский С. Строения и занятия мордвы. СПб., 1845. С. 84.

⁴ Майнов В. Н. Один день среди «мокши» (отрывок из записной книжки) // Древняя и новая Россия. 1878. № 10. Т. 3. С. 129.

⁵ Ауновский В. А. Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии за 1869. Симбирск, 1896. С. 5.

⁶ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768 и 1769 г. СПб., 1771. С. 162.

⁷ См.: Беляева Н. Ф. Нравственные ценности в традиционном поведении мордвы // Волжские земли в истории и культуре России : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию создания Рос. гуманитар. науч. фонда (РГНФ) (8 — 11 июня 2004 г., Саранск) : в 2 ч. Саранск, 2004. Ч. 1. С. 95 — 96.

⁸ См.: Маркелов М. Т. Избранные труды. Саранск, 2009. С. 146.

УДК 304.2

О. А. Богатова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

«ДЕКОММУНИЗАЦИЯ» СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

В статье анализируется содержание историко-политических гражданских инициатив в России XXI в., направленных на формирование массового негативного отношения к советскому прошлому, их взаимосвязь с общественно-политическими проектами «переходного правосудия», выявляются технологии их продвижения в форме политико-правовой аргументации, социально-психологической диагностики общественной потребности в проработке социальной травмы советских репрессий, имитации диалога «потомков палачей и жертв».

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, социальная травма, декоммунизация, советское прошлое.

Предметом исследования является деятельность негосударственных акторов исторической политики в современной России как практики обращения правящих элит с социальными представлениями о прошлом в аспекте делегитимации и дегуманизации советского режима. Автор ставит задачи характеристики этой деятельности как проекта изменения отношения к советскому прошлому и обоснования программы социальных реформ, а также средств ее реализации — пропаганды проекта «переходного правосудия», обоснования необходимости «проработки» советского прошлого в качестве социальной травмы и гражданских инициатив, направленных на имитацию национального примирения через покаяние.

Так как историческая политика, или политика памяти, «имеет дело не столько с историей — систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, — сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т. е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом»¹, то деятельность «мнемонических акторов», направленная на регулирование социально одобряемых представлений о прошлом, включает широкий спектр социальных практик, связанных с общественными инициативами, их экспертным обоснованием и интерпретацией в социальных исследованиях, популяризацией в средствах массовой информации и массовой культуре, подготовкой «мемориальных законов», в свою очередь, служащих целям политических и социальных реформ.

Так, анализ мемориальной политики постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, выполненный Д. Колевой, показывает,

что коммеморация и музеизация политических репрессий в них, начиная с 1990-х гг., представляли собой часть широкой программы реформ, включавшей мероприятия по люстрации, реституции национализированной собственности, уголовные процессы против коммунистических функционеров и законодательное признание «преступлений коммунистических режимов», сопровождавшееся идеологической «холокостизацией коммунизма»².

В постсоветской России процесс «декоммунизации» исторической политики всегда имел объективные ограничения в виде признанного международным сообществом статуса российского государства как основного правопреемника СССР, исключавшего полную делегитимацию советского режима. В связи с этим, несмотря на то что, по оценкам польской исследовательницы З. Богумил, возвращение памяти о ГУЛАГе в период перестройки и основанная на нем переоценка советского прошлого продолжают оказывать заметное влияние на его современную интерпретацию³, законодательной криминализации коммунистического режима в России не произошло.

Мемориальные музеи (Государственный музей истории ГУЛАГа в Москве и т. п.), в которых декларируется и визуализируется связь массовых политических репрессий с программными высказываниями основателей СССР, а сами они характеризуются как приверженцы революционного террора, инкапсулируют антикоммунистический нарратив, но не служат обоснованию актуальной антикоммунистической политики, в отличие от бывших стран «социалистического блока». Однако негосударственными акторами исторической политики криминализация коммунистического режима продолжает обсуждаться в качестве гражданской инициативы.

В XXI в. изменяется предполагаемый формат реализации этой инициативы с уголовно-процессуального («советский Нюрнберг») на формат общественного обсуждения в рамках «комиссии правды и примирения», аналогичной южноафриканской. Деятельность этого государственного органа, работавшего с жертвами и предполагаемыми виновниками преступлений апартеида и предоставлявшего виновным амнистию при условии полного раскаяния и признания политических мотивов преступления, рассматривается в качестве модели признания преступной политики предыдущего режима в целом, как и в ЮАР.

Эта инициатива соответствует императиву национального примирения через покаяние, сформулированному еще в 1990-е гг. А. И. Солженицыным: «Какое может быть национальное примирение прямо так, сразу, между жертвами и палачами, между угнетателями и угнетаемыми? Сперва угнетатели и палачи должны раскаяться»⁴. Соответствующее направление в исследованиях социальных травм советского периода, представляющее собой экспертное обеспечение гражданских инициатив Вольного исторического

общества, Комитета гражданских инициатив и ряда других НКО, разделяет их позицию по организации в современной России институтов «переходного правосудия», включая «метакомиссию правды и примирения для России», видя ее цель в «социальной инженерии», способной «пересобирать разделенное общество вокруг правды, которая не только (и не столько) точно и основательно представлена, сколько просто и внятно сформулирована»⁵.

К задачам этих институтов относят как наказание виновных в нарушениях прав человека в советский и постсоветский периоды в лице «наследников и правопреемников советского режима»⁶, так и компенсацию жертвам их потомкам материального и символического ущерба, понесенного в результате советской национализации частной собственности как мероприятия, относящегося «к числу политических репрессий»⁷, начиная с 1917 г., а также изменение доминирующего в России исторического нарратива в направлении его криминализации советского режима в качестве «террористического» и символического «превращения советского террора в такую же этико-юридически-мемориальную сущность, как американское рабство или Холокост»⁸.

В парадигме «переходного правосудия» любые мероприятия как советских, так и постсоветских государственных институтов в России, включая деятельность комиссий по реабилитации жертв политических репрессий, Закон РСФСР 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», публичные заявления представителей российской элиты, создание и реконструкция в 2014 г. Государственного музея истории ГУЛАГа, принятие в 2015 г. Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, создание мемориалов (в том числе Соловецкого камня и Стены скорби в Москве), участие первых лиц государства в публичной коммеморации в День памяти жертв политических репрессий и т. д., оцениваются как неадекватные и недостаточные.

Характерное для этого фрейма политики памяти размывание границы между советским, постсоветским и нацистским режимами основывается на концепте «диктатуры» или «автократии», заменившем понятие «тоталитарной диктатуры» в западных исследованиях. Например, это обобщение использует Б. Гроппо в лекции 2005 г., объясняя российской общественности, что «травматическое прошлое есть у многих стран, в особенности у тех из них, что пережили диктатуры. Сами диктатуры могут иметь разные природу: это могут быть фашистские, коммунистические, милитаристские режимы, более или менее кровавые», — и предлагая ей образцы проработки коллективных травм, основанные на деятельности институтов переходного правосудия, инициированного «снизу», сообществами родственников жертв военных диктатур Аргентины и Чили, послуживших впоследствии моделями для Н. В. Эппле и Г. Б. Юдина⁹. Автор книги о ГУЛАГе Э. Эпплбаум, высту-

пая перед российской аудиторией в 2007 г., характеризует «вторжение в Чечню в 90-х гг.» как результат забвения российской элитой сталинских депортаций и «моральный эквивалент повторения германского вторжения в Польшу»¹⁰.

Другую особенность исторической рамки концепции «переходного правосудия» — характеристика всей политики советской власти как преступной и террористической, начиная с Октябрьской революции 1917 г., — необходимо подчеркнуть в сравнении с официальной юридической и историко-политической концепцией советских репрессий, уделяющей основное внимание периоду консолидации советского режима с конца 1920-х гг. Анализ оценок исторического значения и последствий Октябрьской революции представителями российской политической элиты в юбилейном 2017 г., выполненный О. Ю. Малиновой, А. И. Миллером, Д. В. Ефременко, А. М. Понамаревой, показал, что они продолжают декларировать установку на идеологическое «примирение и согласие», избегая криминализации революции, гражданской войны и советского режима в целом, с учетом их международного значения и статуса России как правопреемника СССР.

К образцам компромиссных оценок революции в российском политическом дискурсе относят, например, характеристику С. В. Лавровым российской революции как «нормальной, по европейским меркам, революции»¹¹, и «тезисы платформы национального примирения» В. Р. Мединского, включающие одновременно «осуждение идеологии революционного террора» и «уважение к памяти героев обеих сторон («красных» и «белых»), искренне отстаивавших свои идеалы и невиновных в массовых репрессиях и военных преступлениях», а также «признание преемственности исторического развития от Российской империи через СССР к современной России»¹².

В противоположность этим установкам, авторы концепции «переходного правосудия для России» оценивают «Октябрьский переворот и последующий разгон Учредительного собрания» в качестве безнаказанного «преступления по законам российского государства, а именно бунта против верховной власти — статья 100 Уголовного уложения 1903 года в редакции постановления Временного правительства от 4 августа 1917 года», вред от которого, однако, был исправлен посредством «принятия Конституции Российской Федерации на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года»¹³, не задаваясь вопросом о легитимности как Временного правительства, так и референдума 1993 г. в соответствии с законами Российской империи. Попытка автора статьи задать этот вопрос в общем чате в процессе обсуждения доклада Н. А. Бобринского о перспективах «переходного правосудия для России» на видеоконференции закончилась очисткой сообщений чата.

На дефицит юридических аргументов указывает и предложение использовать с целью «пересмотра репрессивных мер против вооруженного соп-

ротивления коммунистическому режиму» законодательство «белых» правительств¹⁴, служившее базой «белого террора», но не национального примирения. Так, постановление Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России от 30 июля 1919 г. декларировало необходимость наказания всех «виновных в подготовке захвата государственной власти..., либо в участии в сообществе, именуемым партией коммунистов (большевиков), или в ином сообществе, установившем власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или иных подобных организаций, либо содействовавших укреплению этой власти или осуществлению ее задач» через «лишение всех прав состояния и смертную казнь»¹⁵.

В этой ситуации дополнительным аргументом в пользу «переходного правосудия» выступает его оценка в качестве формы «коллективной терапии». Такая характеристика исходит из психологизации понятия коллективной травмы как социального процесса¹⁶ и сведения травмированного общества к сумме травмированных индивидов, испытывающих постоянный страх перед повторением массового террора. Эта метафора, присутствующая, например, в известном любительском фильме Ю. Дудя «Колыма — родина нашего страха», обосновывается результатами исследования трансгенерационных психологических травм у потомков жертв сталинских репрессий, столкнувшихся вследствие потери старших членов семьи с проблемами социальной дезадаптации и фрустрации¹⁷. Так, доклад «Какое прошлое нужно будущему России?» членов Вольного исторического общества (2017), характеризует современную Россию как страну «на грани ментальной катастрофы», «с подвешенной исторической памятью и множеством крайне болезненных неразрешенных вопросов»¹⁸.

Отсюда следует тезис, сформулированный, в частности, в докладах международной конференции «Травма прошлого в России и Германии: психологические последствия и возможности психотерапии» (2010 г.), о необходимости терапии травмы советских репрессий в форме коллективного «проговаривания», так как травмированные индивиды самостоятельно не справляются с задачей ее «проработки» и вынуждены использовать непродуктивные стратегии «вытеснения» или «отыгрывания» на другом объекте уже в роли агрессора: «Все мы — „тоже пострадавшие“. Не в том смысле, что все мы (или наши родители и деды) были непосредственными жертвами тоталитарного государства, а тем, что несем в себе эти тоталитарные объекты и попеременно отыгрываем обе их стороны»¹⁹.

Выполненное в качестве экспертного обоснования инициатив в области «политики памяти» Вольного исторического общества и Комитета гражданских инициатив социологическое исследование Д. О. Хлевнюк и Г. Б. Юдина — массовый опрос «Моральные дилеммы XX века» (2019) —

также исходит из допущения о том, что травма сталинских репрессий в России не проработана, а общество нуждается в подборе моделей его коллективной «терапии». Исследователи рассматривают в качестве таковых исторически специфичные случаи решения проблем «трудного прошлого» в разных странах (включая Камбоджу, Сербию, Испанию, ЮАР и т. д.), формулируя на их основе наборы индикаторов так, как если бы они представляли собой результат логического анализа основных понятий исследования.

Используя в качестве индикатора готовности к раскаянию на уровне общенациональной истории не валидный по отношению к предмету исследования вопрос об отношении к проблеме ответственности Римско-католической церкви за инквизиционные процессы (вариант ответа: «Это путь к обновлению и возрождению церкви»), они делают вывод, что 60 % опрошенных «не считают слабостью» представленные в опросе примеры «покаяния за прошлое своей семьи или страны» и, таким образом, «готовы — вместе и заново — пережить XX век»²⁰.

Сомнения в валидности методики этого исследования выразила в своей рецензии эксперт Фонда Карнеги М. А. Липман, отметившая искажение в нем исторических фактов, игнорирование ряда значимых для целей опроса переменных и скептически оценившая тезис о необходимости национального покаяния в современной России и позицию авторов, которые претендуют на роль «терапевтов» коллективной травмы, исходя «из того, что общество больно, даже если оно с ними не согласно или просто об этом не думает»²¹.

Как можно заключить, тезис о необходимости публичного осуждения советского прошлого как формы коллективной терапии для психологов и социологов в постсоветской России исходит из предвзятого объяснения деактуализации памяти о советских репрессиях в массовом сознании на основе концепта травматического вытеснения, неспособного устранить ее деструктивный потенциал. Таким образом, отсутствие наблюдаемых симптомов социальной травмы интерпретируется как показатель ее актуальности, а не завершившейся проработки.

Другой аспект социальной инженерии мемориальной «декоммунизации» составляют активистские практики формирования и «прокачки идентичности» конструируемых активистами социальных категорий: «потомков жертв» и «честных потомков палачей»²², рассчитанных на массовый подражательный «копикэт-эффект» и вдохновленные германскими практиками денационализации²³. К числу таких практик относятся, например, интернет-проекты расследований сталинских репрессий и увековечения памяти их жертв, выступления в СМИ с публичными обвинениями родственников в «преступлениях коммунизма». Хотя в исследованиях неофициальной

«второй памяти» подобные проекты характеризуются как полностью свободные от идеологии спонтанные «низовые» гражданские инициативы²⁴, в данном случае речь идет об инициированной и организованной гражданскими активистами практике, находящей отклик у людей, осведомленных о проектах и предоставляющих для обнародования факты своей семейной истории.

Большая часть мемориальных «копикэт-практик» (проекты «Последний адрес», «Топография террора», «Человек в истории») в последние годы осуществлялись на информационной или организационной базе Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» либо при поддержке зарубежных институций. Так, награжденный в 2016 г. премией Комитета гражданских инициатив в номинации «Воздух свободы» автор интернет-расследования «Степан Карагодин» томский дизайнер и аспирант Д. Карагодин с 2015 г. является гражданином Литвы, отказавшимся от российского гражданства, а его сайт зарегистрирован в качестве проекта Вильнюсского университета²⁵.

Идеология этого проекта, направленного на демонстрацию публичного осуждения «палачей» и покаяния их потомков, включая, например, публикацию письма с извинениями от имени внучки сотрудника НКВД, причастного к репрессиям против деда Д. Карагодина, и ответного предложения «обнулить ситуацию», сформулированного в терминах наследственной вины («Я протягиваю Вам руку примирения, как бы ни тяжело это мне сейчас было сделать (помня и зная все)... Вы своим письмом сделали главное — были искренны, а этого более чем достаточно, для всего. Живите со спокойной душой, а главное с чистой совестью. Ни я, ни кто-либо из моих родных или близких никогда не будет ни в чем Вас винить»²⁶), вызывает противоречивую реакцию даже у гражданских активистов, идентифицирующих себя как «честных потомков палачей», при условии осознания того факта, что их предки не раскаивались в своих идеологических мотивах и никому не делегировали права каяться от своего имени.

Так, если журналистка К. Чудинова публично заявляет о своем отказе чтить память репрессированной прабабушки — революционерки и большевички, в качестве «исторического персонажа, который строил страну, режим, систему, подписывал партбилет Крупской, дружил с Лениным и даже лишал людей жизни»²⁷, то историк М. Е. Габович, вспоминая об участии своих родственников из числа сотрудников НКВД и КГБ в обороне Москвы, считает себя не вправе «устраивать суд как над покойными предками, так и над здравствующими современниками», выражая сомнения в аналогичном праве «постсоветских интеллектуалов» заявлять о коллективной ответственности за советское прошлое²⁸.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в характеристике инициатив в области исторической политики в России XXI в. необходимо исходить из их связи с более масштабными общественно-политическими проектами «переходного правосудия», реституции национализированной собственности, идеологического и правового осуждения коммунистической идеологии и возможного изменения политического режима, принимая во внимание как побудительные мотивы, так и возможные последствия этих трансформационных проектов. Основное содержание идеологического проекта «примирения через покаяние» можно охарактеризовать как неплюралистическое постдемократическое предложение для элит, аргументированное их заинтересованностью в «укреплении своей легитимности как внутри своей страны, так и за ее пределами»²⁹. Ссылки на коллективную память тех или иных социальных категорий, включая потомков жертв репрессий, в этом проекте конструируются по принципу мнимого референта, а условием его реализации представляется информационная и политическая гегемония его идеологов.

Библиографические ссылки

¹ **Малинова О. Ю., Миллер А. И.** Символические аспекты политики памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. ст. / под ред. В. В. Лапина и А. И. Миллера. СПб., 2021. С. 14.

² **Koleva D.** Memory Archipelago of the Communist Past. Public Narratives and Personal Recollections. Cham, 2022. P. 31.

³ **Богумил З.** Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе // Неприкосновенный запас. 2010. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/3/kresty-i-kamni-soloveczkie-simvoly-v-konstruirovanii-pamyati-o-gulage.html> (дата обращения 10.09.2022).

⁴ Александр Солженицын: «Я приехал как раз вовремя...» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 2 (6). С. 73.

⁵ **Эппле Н. В.** Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2020. С. 503.

⁶ Там же. С. 491.

⁷ **Бобринский Н. А.** Постсоветское переходное правосудие в России: достижения и упущенные возможности // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 156.

⁸ **Эппле Н. В.** Указ. соч. С. 502.

⁹ См.: **Гроппо Б.** «Как быть с „тёмным“ историческим прошлым» — Бруно Гроппо о том, как осмыслять трагичное прошлое // Полит. ру. 04 марта 2022. URL: <https://polit.ru/article/2022/03/04/brunoarchive> (дата обращения 10.09.2022).

¹⁰ **Эпплбаум Э.** Покаяние как социальный институт // Полит.ру. 07 июня 2007. URL: <https://polit.ru/article/2007/06/07/pokayanie> (дата обращения 10.09.2022).

¹¹ Столетний юбилей революций 1917 года и российская политика памяти. Комеморации столетия революции в России: от памяти к политикам памяти (Стенограмма дискуссии) // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М. ; СПб., 2018. С. 150.

¹² Документ дня: Платформа национального примирения России. Министр культуры России сформулировал пять тезисов, обеспечивающих преемственность истории страны // Лента.ру. 20 мая 2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/> (дата обращения 10.09.2022).

¹³ **Бобринский Н. А.** Постсоветское переходное правосудие в России: достижения и упущенные возможности // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 159.

¹⁴ Там же. С. 161.

¹⁵ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919 года / Под ред. С. В. Мироненко. М., 2008. С. 820.

¹⁶ См.: Cultural trauma and collective identity. University of California Press, 2004. P. 168 — 169.

¹⁷ **Бейкер К., Гиппенрейтер Ю. Б.** Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях // Теория семейных систем Мюррея Боуэна : Основные понятия, методы и клиническая практика. М., 2008. С. 419 — 450.

¹⁸ Доклад «Какое прошлое нужно будущему России?». 23.01.2017 // Комитет гражданских инициатив. С. 3. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/>. (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁹ **Тимофеева М. Н.** Травма прошлого (сталинского режима) в клиническом материале российских пациентов // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/travma-proshlogo-stalinskogo-rezhima-v-klinicheskom-materiale-rossijskih-pacientov> (дата обращения 10.09.2022).

²⁰ Преодоление трудного прошлого: сценарий для России // Трудная память. URL: <http://trudnaya-pamyat.ru/> (дата обращения 10.09.2022).

²¹ **Липман М. А.** Коллективное раскаяние? Кого и перед кем? // Colta.ru. 16 января 2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/23355-mariya-lipman-ob-issledovanii-preodolenie-trudnogo-proshlogo-stsenarij-dlya-rossii> (дата обращения 10.09.2022).

²² **Зевако Ю. В.** «Потомки палачей» в пространстве памяти об эпохе политических репрессий (на примере проекта „Расследование Карагодина“) // Galactica Media. 2022. № 2. С. 61.

²³ **Габович М. Е.** Отражения на фоне: советская интеллигенция и германское покаяние // Новое литературное обозрение. 2022. № 1 (173). С. 119.

²⁴ См.: **Юдин Г. Б.** Вопрос доклада и доклад как вопрос // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 29.

²⁵ **Микрюков С.** Еще один экс-томич отказался от Родины // Московский комсомолец. 21.01.2017. URL: <https://tomsk.mk.ru/articles/2017/01/21/eshhe-odin-ekstomich-otkazalsya-ot-rodiny.html> (дата обращения 10.09.2022).

²⁶ **Эппле Н. В.** Указ. соч. С. 360.

²⁷ **Чудинова К.** Палач, но не жертва // Сноб. 30.10.2018. URL: <https://snob.ru/entry/167483> (дата обращения 10.09.2022).

²⁸ **Габович М. Е.** Коллективная память и индивидуальная ответственность. Заметки по поводу статьи Дины Хапаевой // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/06/300-mikhail_gabovich_kollektivnaja_pamjat_i_indivi-dualnaja_otvetstvennost_zametki_po_povodu_stati_diny_khapaevoj.html (дата обращения 10.09.2022).

²⁹ **Эппле Н. В.** Указ. соч. С. 498.

УДК 811.511.152.1

О. Г. Борисова*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПИСКОВ ЭРЗЯНСКОГО ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА «СИМВОЛ ВЕРЫ» 1791 г.

В статье рассматриваются лексические, морфологические, синтаксические и фонетические различия между двумя списками эрзянского памятника письменности XVIII в.

Ключевые слова: письменный памятник, рукопись, текстологический анализ, различия, эрзянский язык, «Символ веры».

Письменная форма мордовских литературных языков в первые два столетия своего существования развивалась в территориальных вариантах¹. Самый ранний (эрзянский) возник во 2-й половине XVIII в. (1784 — 1793 гг.) в Нижегородской духовной семинарии. Его создателями явились епископ Нижегородский и Алаторский Дамаскин и семинаристы «природою из мордвы». Нижегородский территориальный вариант представлен целым циклом рукописных источников (около 12). Он отражает начальный этап становления письменной формы эрзянского литературного языка. По жанру и содержанию рукописи подразделяются на панегирические и религиозные тексты, в том числе учебные, а также на словари и словники. В нижегородский цикл входит входящее из 12 положений молитвословие «Символ веры» в двух оригинальных списках. Исследователь славянских переводов данного текста А. М. Гезен подчеркивал: «Символ веры всегда и везде является первым и необходимейшим пособием для распространения христианства среди какого-либо народа, потому что в нем содержится изложение основных истин или догматов вероучения. <...> который... должен быть переведен на общепонятный народный язык... прежде всякой другой статьи христианской письменности»². В 1791 г. эрзянские тексты были отправлены епископом Дамаскиным в Петербург, вероятно, библиографу Л. И. Бакмейстеру³, так как именно он занимался «собираанием разных языков в примерах». Оба списка сегодня хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Аделунга (№ 7). Мордовские рукописные материалы собраны в отдельную тетрадь. В ней 11 источников, три из которых составлены на латинской графике и не относятся к нижегородскому циклу («Mordwinisch. Aus Witsen» — выдержки из голландско-мордовского списка слов книги Н. Витсена 1692 г., «Mordwinische Sprachproben» — эрзянско-немецкий список из 83 слов, где эрзянская часть дана на кириллице

це, и «Dialektus Mordwinorum» — небольшой историко-этнографический текст о мокше и эрзе).

Условно первый список памятника имеет название «Символь вѣры. Переведень на мордовской языкъ. Кирдима кямимань, путозь эрзя кель ланксъ». Рукопись составлена на церковнославянском и эрзянском языках. Материал распределен в два столбца: в левом — церковнославянский текст, в правом — его перевод на эрзянский. Тексты написаны аккуратно, одним почерком, исправления практически отсутствуют, однако имеются отдельные добавления. На первой странице рукописи в левом верхнем углу присутствует запись «Получ[ено] Генваря 16 дня 1791 года», на последней в конце текста — «Переводил богословія и философіи слушатель Григорій Симилайский»⁴. Обозначим его как список Симилайского (далее — СВС).

Второй список имеет заголовок только на русском языке «На мордовскомъ переводѣ». Он вложен в первый (л. 207 — 208). В левом верхнем углу листа также приведена запись «Получен Генваря 16 дня 1791 года», т. е. обе рукописи поступили в один и тот же день, в конце текста дается приписка «Перевел риторики ученик Григорій Нововеров»⁵. Обозначим его как список Нововерова (далее — СВН). Рукопись также составлена в два столбца. Церковнославянский текст в обоих источниках идентичен, переводы же на эрзянский язык несколько отличаются друг от друга. Нашей задачей явилось выявление, изучение и теоретическое обобщение лексических, морфологических, синтаксических и фонетических различий между этими двумя списками.

Зафиксированные в параллельных контекстах лексические различия можно классифицировать на следующие подгруппы, или типы: 1) диалектные, связанные с особенностями говора составителей. Среди них: а) варианты в употреблении усеченной и полной форм числительного *вя/вяйке* ‘один’ в значении ‘единый’, относительного местоимения *кона/коната* ‘который’ и определительного *вясе/вясеме* ‘все/всё’ (табл. 1);

Таблица 1

Варианты числительного один в значении ‘единый’

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Вѣрую во единого Бога Отца	Кямянь вя пазнень тятянень	Кямань вяйкининь пазнень тятянинь
И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія едиnorodного	И вя покшъ кирдицяненъ Нишке пазнень цюранень вячачтомонь	Вяйкининь Нишке пазнень цюранинь пазень вяйке чачмонинь

б) варианты, связанные с употреблением относительного местоимения *кона* 'который' в первом списке и вопросительных *кйй* 'кто', *мязе* 'что' во втором. Кроме того, в первом тексте переводчик часто использует местоимение *конато* 'который' в функции анафоры (табл. 2).

Таблица 2

Варианты местоимений

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Иже отъ Отца исходящаго	Кона тятясто лисникшине	Коната тятясто чачлишь
Верую во... Вседержителя	Кямань... вясеме кирдиця- нень	Кямань... вясекирдицянинь
Иже отъ Отца рожденнаго	Кона чачсь тятясто	Кйй тятясто чачмонь
Глаголавшаго пророки	Конань кортавцьт икиле ювтницять	Мязе икиле ювтницять кортавцьт
И воплотившагося отъ Духа Свята	И конато чачумонзо сайсь ваньксь ойместо	И санзе киске ойместо ваньксень
И воскресшаго въ третій день по Писаниёмъ.	И конато стясь колмоце чись кода сюрмацьт.	И стякшность колмоце чисто сюрмадга.
И възшедшаго на небеса	И конато кусць мянелць	И кяпитець мяниль ланксъ

Итак, в первом списке памятника широко употребляются усеченные формы числительного *вя* 'единый, один', а также в анафорической функции относительное местоимение *конато* 'который'.

2) Разнотчения, связанные с использованием полных и контекстуальных синонимов (табл. 3).

Таблица 3

Варианты синонимов

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
1	2	3
полные		
И сидяща одесную Отца	Озадо ащи виде кець пелей тятянь	И ойсекшенесь видѣ кець юнь тятянь
Верую во... Вседержителя Творца небу и земли	Кямань... вясеме кирдицянень тяицянень мянелъ и масторонь вясемень	Кямань... вясекирдиця- нинь тяицянинь мянелень и модань вясиминь
Свѣта отъ свѣта	Валдонень валдосто	Ашень ашесто
И възшедшаго на небеса	И конато кусць мянелць	И кяпитець мяниль ланксъ

Окончание табл. 3

1	2	3
контекстуальные		
Иже отъ Отца исходящаго	Кона тятясто лисникшине	Коната тятясто чачлись
И въ Духа Святого Господа Животворящаго... спокланяема	И ванкъс ойменень покшъ кирдицяненъ, эрямкъс тьяцяненъ ...коне... сюкунекшнетъ	И ванкъс ойменень Пазонъ Эрямотьяцясь ... конатнининь... сюкунить
Иже отъ Отца рожденнаго	Кона чачь тятясто	Кій тятясто чачмонъ
И воплотившагося отъ Духа Свята	И конато чачумонзо сайсь ванкъс ойместо	И саизе киске ойместо ванкъсенъ
При Понтійстемъ Пилатѣ	Понтійской Пилацто икилѣ	Сонзе икиле
Во оставленіе грѣховъ	Кадумкъс апаро тявть	Васулгавтанъ пязетьсто
И жизни будущаго вѣка	И эряmodo икилѣ пиньгенъ	И эрямонъ ули пиньгенъ

3) Лексические варианты авторского стиля, отражающие словотворчество составителей-переводчиков (табл. 4).

Таблица 4

Варианты словотворчества

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Отъ Духа Свята, и Маріи Дѣвы вочеловѣчшася	Сайсь ванкъс ойместо и Марьянь тяттерсто ломанць вялявць	И саизе киске ойместо ванкъсенъ и тяттерсте Марьянь и ломаньгаць

Итак, самая большая группа лексических разнотчений представлена контекстуальными синонимами.

Морфологические разнотчения, или варианты, связаны с функционированием в параллельном контексте: 1) суффиксов датива в первом списке и генитива или номинативного аккузатива во втором; 2) иллатива в первом и элатива во втором в конструкциях, обозначающих время; 3) иллатива в первом и синонимичной ему послеложной конструкции во втором; 4) иллатива в первом и номинатива во втором; 5) посессивных показателей при послелогах во втором списке (табл. 5); 6) финитных форм глагола в первом и инфинитных во втором; 7) глагольных суффиксов фреквентативного способа действия -кшн и -с, которые во втором списке встречаются чаще; 8) форм действительных причастий незаконченного действия в первом тексте и данных же причастий законченного действия во втором; 9) форм возвратного залога в первом и объектного спряжения во втором (табл. 6).

Таблица 5

Морфологические варианты (именные формы)

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Бога истинна отъ Бога истинна	Виде пазень [Паз-DAT], виде пазосто	Видѣ пазонь [Паз-GEN], пазосто видѣнь
Рожденна, не сотворенна	Чачтозень [чачтозь- DAT. РТСР.PST] апакъ тьяивтезень [тъяивтезь-DAT. РТСР.PST]	Чачтозь [чачтозь- NOM. РТСР. PST] апакъ тятьт [тъя- емс-NEG]
Распятого же за ны при Понтійстемъ Пилагѣ, и страдаваша, и погребенна.	И чавозень [чавозь-DAT. РТСР.PST] минь кись Понтійской Пилацто икилѣ, и писчивтезень [писчивтезь-DAT. РТСР.PST], и калмовтозень [калмовтозь-DAT. РТСР.PST].	Чавозь [чавозь- NOM. РТСР. PST] крїость ланко миникъ гись сонзе икиле пицевць [пицевтемь-3SG.PST], и калмозь [калмозь- NOM. РТСР.PST].
И воскресаго въ третій день по Писаніемъ.	И конато стясь колмоце чись [чи-ILL] кода сїормацть.	И стякшнось колмоце чисто [чи-EL] сїормадга.
И възшедшаго на небеса	И конато кусць мянелць [мянель-ILL]	И кяпитець мяниль ланкъс [лангс-POST]
И седяща одесную Отца	Озадо ащи виде кець [кедь-ILL] пелей тятянь	И ойсекшенесь видѣ кедь [кедь-NOM] іонь тятянь
Нась ради	Минекъ кись	Миникъ гисыникъ [гис-1PL]

Таблица 6

Морфологические варианты (глагольные формы)

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
И воскресаго въ третій день по Писаніемъ.	И конато стясь колмоце чись кода сїормацть [сїормадомс-3PL.PST].	И стякшнось [стямс- MULT.3SG.PST] колмоце чисто сїормадга [сїормадомс-IFN].
И седяща одесную Отца	Озадо ащи виде кець пелей тятянь	И ойсекшенесь [озамс- MULT.3SG.PST] видѣ кедь іонь тятянь
Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема	Конане тятянзо и цїоранзо марто сїокунекшнетъ [сїокунямс- MULT.3PL.NPST]	Конатнининь тятя марто сїокунить
Живымъ и мёртвымъ	Эрицятнень и кулуцятнень [куломс- GEN.PL.DEF. РТСР. НАВ]	Ярицятнинь и кулузитнининь [куломс- GEN.PL.DEF. РТСР. PST]
Имъ же вся быша	Конасто вясе тьяивсь [тъяемс- PASS.3SG.PST]	Сонь же тязе [тъяемс-3SG>3SG.PST]

Итак, в параллельных контекстах в первом списке памятника по сравнению со вторым шире функционируют падежные формы датива и иллатива, формы действительных причастий; в последнем же активнее используются посессивные суффиксы, послеложные конструкции, формы фреквентативных глаголов, объектного спряжения и инфинитивов.

На синтаксическом уровне в списках выявлены разночтения в форме объекта при глагольном управлении (аблативное или генитивное) (табл. 7) и порядке слов (табл. 8).

Таблица 7

Варианты глагольного управления

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Чаю воскресенія мертвыхъ	Учанъ стямодо [стямо-ABL] кулуцятнень	Учанъ стямонь [стямо-GEN] кулуцятнинь
И жизни будущаго вѣка	И эрямодо [эрямо-ABL] икилѣ пиньгень	И эрямонь [эрямо-GEN] ули пингень

Таблица 8

Разночтения в порядке слов

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Иже отъ отца рожденнаго	Кона чачь тятясто	Кій тятясто чачмонь
Преждѣ всѣхъ вѣкъ	Вясемедь икиле пиньгень	И киле вясеминь пиньгь
Нашего ради спасенія	Минекъ кись ойме ванумань	Миникъ ойме ванмонь гись
И воплотившагося отъ Духа Свята	Конато чачумонзо сайсь ваньксь ойместо	И саизе киске ойместо ваньксень
Главолавшаго пророки	Конань кортавць икилѣ іовтницяць	Мязе икиле іовтницяць кортавць

В списках памятника имеются фонетические разночтения. В тексте первого варианта зафиксированы процессы аффрикатизации, которой регулярно подвергаются согласные /c/, /c'/ в позиции после сонорных и полугласных, например: *мянелць* (СВС) 'на небеса', *ломанць вялявць* (СВС) 'вочеловѣчшася'. Здесь же фиксируется нарушение гармонии гласных в падежном показателе элатива, например: *тяитерсто* 'от девы', *мянелцто* 'с небесъ' (ср. со вторым списком: *тяйтерсте* 'от девы', *мянелсте* 'с небесъ'). Кроме того, в тексте второго списка в первом слове наблюдается и-овая огласовка (табл. 9).

Таблица 9

Варианты огласовки гласных непервого слога

Оригинал	Перевод	
	СВС	СВН
Отца	Тятянь	Тятянинь
Сына	Цюорань	Цюоранинь
Вседержителя	Вясеке кирдицянь	Вясекирдицянинь
На небеса	Мянець	Мяниль ланксъ
Насъ	Минекъ	Миникъ
И земли	Масторонь вясемень	Модань вясиминь
Спокланяема	Сюкунекшеть	Сюкунить

Тексты составлены на диалекте, в котором употребляется фонема /ä/ в первом слоге, передаваемая буквой **я**.

В целом первый список памятника представляет собой более свободный в языковом отношении перевод, чем второй, имеющий канонические черты. В последнем отражается стремление составителя к точной передаче не только смыслового содержания оригинала, но и его языковых особенностей (например, порядка слов), из-за чего в нем прослеживаются некоторые черты буквализма. Вместе с тем этот текст более богат различными языковыми формами и содержит интересные лексические новообразования.

Таким образом, проведенный текстологический анализ языка памятника письменности XVIII в. позволит пополнить и расширить фактографическую базу эрзянского литературного языка и будет способствовать изучению его истории.

Список сокращений

NOM — номинатив, GEN — генитив, DAT — датив, ILL — иллатив, EL — элатив, ABL — аблатив, SG — единственное число, PL — множественное число, DEF — определенное склонение, 1 — 1 лицо, 3 — 3 лицо, NPST — непрошедшее время, PST — прошедшее время, IFN — инфинитив, РТСР.НАВ — действительное причастие незаконченного действия, РТСР. PST — действительное причастие законченного действия, NEG — отрицание, POST — послелог, MULT — мультипликатив, PASS — возвратный, пассивный залог.

Библиографические ссылки

¹См.: **Феоктистов А. П.** Мордовские литературные языки: история и современность // Республиканская научно-практическая языковая конференция «Язык: пробле-

мы, нормы, перспективы», 17 — 18 декабря 1993 г. : стеногр. отчет. Саранск, 1995. С. 15 — 30.

² Гезен А. Очерки и замѣтки из области филологіи, исторіи и философіи. Вып.1 : Исторія славянскаго перевода Символовъ вѣры : Критико-палеографическія замѣтки. СПб., 1884. С. 2.

³ См.: Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письмен-но-литературных языков. Саранск, 2008. С. 71 — 72.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 7. Д. 120. Л. 205 — 206, 209.

⁵ Там же. Л. 207 — 208.

УДК 392.5

М. С. Волкова

МОУ «Центр образования „Тавла“» СОШ № 17 (г. Саранск)

М. Г. Якунчева

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МОРДВЫ-ЭРЗИ ДУБЕНСКОГО РАЙОНА МАССР

В статье рассматривается роль женщины при проведении свадебной обрядности мордвы. Авторы уделили внимание замужним женщинам, которые проводили и сопровождали весь свадебный ритуал. Особое внимание в статье уделено свахе как главному действующему лицу свадебного обряда.

Ключевые слова: женщина, семья, свадебный обряд, сваха, невеста.

Статус женщины, ее роль в семье и в обществе во многом зависели от положения рода в социуме, а также от уровня развития материальной и духовной культуры данного народа. В настоящее время произошли существенные перемены, которые привели к модификации ролевых функций женщины. Образу женщины в истории и культуре мордовского этноса обращались многие ученые, художники, писатели, поэты. Изображение женщины имело разный характер — от магического и ритуального, мифологического до реалистического. С ее образом связан колоссальный, едва обозримый мир многообразных представлений в мифологии, религии и эпосе, в этике и эстетике каждого народа. В нем отразился многовековой опыт жизни людей.

Носителями традиционной культуры как в прошлом, так и в настоящем являются сельская община, семья. Ролевые функции этих групп менялись с течением времени. Например, на ранних этапах развития этноса хранителями и основными носителями обрядов были женщины, на что указывает ряд

языческих божеств женского рода: Кудоава, Модаава, Баняава, Паксяава, Вирьава и т. д.¹

Большое влияние на сохранность и проведение обрядовой жизни общины оказывали замужние женщины. Многие исследователи отмечают, что именно они являются хранителями семейных и общественных ритуалов. На всех этапах исторического развития женщина занимала в семье значительное место. Ее положение в большой мордовской семье определялось личными качествами и трудом, который она вкладывала в общее хозяйство. Самый высокий статус достигался женщиной в браке, который обозначался как глава семейства: кудазорава — «хозяйка дома, главная хозяйка». В традиционной культуре хозяйка семьи (дома) считалась хранительницей домашнего очага. Полагали, что от ее умения и знаний зависит жизнь, здоровье и благополучие как членов семьи, так и всего хозяйства. Под ее руководством соблюдались обычаи, отмечались календарные и религиозные праздники. Участие старшей женщины в семейных обрядах воспринималось семьей и социумом в целом как одна из главнейших ее обязанностей².

Важную роль выполняла женщины при создании новой семьи, т. е. при проведении свадебного обряда. Мордовская свадьба — это интересное и уникальное по национальному и традиционному масштабу торжество, которое сохранило важность до настоящего времени. Мордовская свадьба состояла из следующих действий: сватовство; приготовление к свадьбе; приезд свадебного поезда к невесте; свадьба в доме жениха; свадьба в доме невесты; день потех или ряженных.

Сватовство в мордовской свадьбе являлось одним из основных моментов и проходило в несколько этапов. Первый этап — предварительная договоренность о сватовстве. Перед сватовством родители жениха должны были узнать, примут их родители невесты или нет. Для этого отправляли обычно женщину, которая была знакома с членами семьи девушки, так называемую *икельце яки* (букв.: «вперед ходящий»). В доме невесты она обязательно садилась под матицу (местопребывание домашнего бога), разговор начинали сначала о посторонних предметах, затем переходили к цели посещения. Родители невесты, как бы не были рады такому предложению, в первый раз отказывали сватьям. Иные это делали из-за обычая, но многие затягивали сватовство с той целью, чтобы как можно больше разгласилось сватовство их дочери и чтобы, таким образом, дать возможность и другим посвататься³.

Второй этап сватовства, собственно само сватовство, где участвовали родители жениха и родственники невесты. Окончательно просватанными считались молодые люди лишь после третьего этапа сватовства. Во многих мордовских селах на этом этапе будущая свекровь и будущая сноха обменивались подарками. По словам информаторов, обычно снохе дарили платок, а она вышитую рубаху [ПМА: Биушкина].

Последним этапом сватовства является назначение дня свадьбы. Родители жениха с двумя-тремя родственниками отправлялись к родителям невесты назначать день свадьбы, т. е. день приезда свадебного поезда за невестой.

В настоящее время обряд сватовства полностью упростился. Четыре встречи сватов с родителями невесты сократились до одной. Часто данная встреча устраивается самими молодыми, чтобы познакомить родителей и объявить день свадьбы. Во время сватовства будущая свекровь и сноха не обмениваются подарками, обычно приносят для невесты цветы и сладости (конфеты, торт).

Центральным этапом свадебного цикла была и остается свадьба в доме жениха и невесты. В доме невесты свадебные обряды начинались с посещения девушки родственницами, которые приносили кашу, сдобные лепешки и по паре лаптей. Мордва Большеберезниковского района с кашей приносила топленое масло, мордва Дубенского района вместо каши приносила специальный пирог — курник, а кашу готовила мама невесты. Обряд угощения невесты кашей ушел в прошлое. До сих пор в мордовских селах сохранился обряд мытья невесты в бане. Баню для невесты обязательно должны были топить замужние женщины или женатый мужчина из рода невесты. Вечером в доме невесты крестная развешивала вдоль окон приготовленные невестой полотенца — в дар свахе, крестному отцу («покшкуда»), хозяйну (отцу жениха) [ПМА: Биушкина].

После этого начинали собирать сундук. Обряд укладки сундука («парень вачкамо» (э.)) был важным моментом мордовской свадьбы. Он является показателем материального благосостояния невесты, при этом должен был «обеспечить» ей счастливую семейную жизнь. Укладывала сундук невесты также замужняя женщина (крестная либо жена крестного отца) в снях. В избе не было принято производить эти действия, так как, по мнению мордвы, на потолке находилась земля, а между двумя землями, можно собирать только покойников. Перед укладкой сундук «очищали» от нечистой силы: сначала обводили внутри зажженной свечой, потом иконой. Первым клали в сундук каравай хлеба («шумбра кши»), потом — пять серебряных монет (четыре по углам, пятую на середину, на каравай), затем — принесенные родственниками лепешки, на них лапти⁴. После укладки сундука невеста дарила полотенце прадедам и прабабушкам. Полотенце это вешали на икону, которой потом ее благословляли перед венцом. В доме жениха эту икону вместе с полотенцем ставили в божницу.

В доме жениха накануне свадьбы лучшие стряпухи пекли свадебные пироги для свадебного поезда. Кроме того, из теста готовили пару голубков. Количество испеченных пирогов было различно: в одних селах 9, в других — 7 или 5, в Дубенском районе всего 3. Пироги, испеченные сверх

нормы, назывались *варчамо прякат* (пробные пироги). Их подавали на стол гостям для пробы — насколько удались свадебные пироги⁵.

Каждый пирог имел название и назначение. Самый большой — *лувонь киши* («хлеб породнения») — имел круглую форму с лубочным обручем во круг и состоял из 12 слоев. Без лубка он не выдержал бы и развалился, его разукрашивали самодельными цветами. Обычно данный пирог помещали в корыто и несли с двух сторон. В день свадьбы один голубок дарился матери невесты, за дочь, другой — после возвращения отдавался матери жениха⁶.

Большое значение в мордовской свадьбе играли: сваха («кудава»), дружка («уредев»), его помощники крестный («покшкуда»), причитальщицы, поезжане («кудат»). С изменением свадебной обрядности у мордвы многие эти действующие лица утрачивают свое значение. Как уже отмечалось, почти повсеместно исчезли свадебные причитания, а с ними отпала необходимость в причитальщицах.

Однако по-прежнему большую роль в свадебном поезде играет сваха («кудава»), ею обычно была крестная мать жениха или другая родственница. Ею не могла быть мать жениха, незамужняя девушка, вдова или беременная женщина, считалось, что эти женщины могут принести несчастье новой семье.

Утром в день свадьбы жених и несколько пожилых родственниц ехали за свахой. Она без сопровождения жениха не приезжала в его родительский дом. Около ее дома женщины пели обрядовые песни, в которых просили выйти сваху встретить гостей. Сваха выходила на улицу с хлебом-солью и приглашала гостей в дом. Дома она давала наказ домочадцам, одаривала того, кто оставался вместо нее, так как она домой возвращалась только через несколько дней. Раньше и через неделю или две. Свадьба длилась долго, пока обходили дома всех родственников как со стороны невесты, так и со стороны жениха. Обычно свадьба заканчивалась проводами свахи домой. Родители жениха перед домом сваху встречали как самого почетного гостя. При входе в дом сваха бросала на пол колечко, которое символизировало подарок божеству дома. По преданию мордвы, божество дома необходимо было задобрить, чтобы на свадьбе не случилось что-либо плохое⁷.

К приходу свахи в доме жениха собирались родственники и поезжане. Поезжан приглашали за стол, чтобы перед дорогой помолиться и пересчитать их: должно быть нечетное число.

Вторым главным лицом в свадебном обряде считался дружка. Сегодня он может быть просто другом жениха, раньше у него была функция охраны всего свадебного поезда от порчи. В основном все кушанья, поданные на стол, первым начинал есть он. Мать жениха как хранительница очага оставалась дома, она лишь провожала сына с хлебом и солью. Родители перед

отъездом благословляли жениха: отец брал в руки икону, которую оставляли дома, она считалась хранительницей очага новой семьи. После благословения хлеб передавали дружке. Он держал в левой руке хлеб, правой брал за руку жениха, сваха за другую руку и они друг за другом выходили из избы. За ними выходили остальные поезжане и отправлялись за невестой. В доме невесты обменивались хлебом.

Отъехав несколько сажен от двора, процессия останавливалась, дружка с хлебом и кнутом три раза обходил свадебный поезд (огораживал). После этого к поезду не допускались посторонние лица⁸.

Следующий ответственный момент мордовской свадьбы — это благословение молодых в доме родителей невесты. При благословении закрывались все двери, окна, печная заслонка, чтобы нечистая сила не могла помешать молодым. На середину комнаты выдвигали стол, на него ставили хлеб и соль. У стола, взявшись за руки, вставали сваха, жених, невеста, крестный и хозяин (отец или старший брат жениха, который отвечал за «казну», т. е. за все расходы жениха в доме невесты).

Перед благословением мама невесты, свахе и дочери на шею накидывала полотенца, крестному и хозяину завязывала на пояс. Отец и крестный невесты благословляли молодых иконой, а мама и крестная — хлебом. После чего икону передавали крестному жениха, а хлеб — отцу жениха. Первым из дома выходил крестный с иконой, замыкал процессию хозяин с хлебом.

Перед домом родителей жениха молодых встречали отец с иконой, мать с караваем и солью и родственница в вывернутой шубе и шапке, а в руках у нее была скворода с хмелем. Эта переодетая женщина называлась медведем.

В этом образе переплетались языческие верования мордвы. Считалось, что переодевание может защитить молодых от нечистой силы и колдунов. Хмель являлся символом плодovitости и легкости. Обсыпая молодых хмелем, приговаривали: «Пусть будет у молодой столько же детей, сколько на хмелю бывает шишек. Пусть молодая будет так же легка в работе, как хмель». После этого молодых вводили в дом: впереди шел дружка, он одной рукой за собой вел жениха, а другой подметал веником пол, чтобы под ноги молодых не попало наговорное вещество и не испортило их. В доме уже был накрыт стол, на котором посредине стояли икона, три зажженные свечи и горшок с кашей. Молодых обводили вокруг стола три раза: впереди шел дружка, потом жених с невестой, а за ними сваха: «И где молодые третий круг начали, там они и садятся». Когда вся родня жениха садилась за стол, невесту уводили, чтобы «голову перевязать по-женски». У мордвы до замужества девушка ходила с непокрытой головой [ПМА: Биушкина].

Постель молодым в основном стелила либо сваха, либо замужняя сестра жениха. По воспоминаниям информаторов, когда молодые ложились

спать, свекровь подходила к молодым и благословляла еще раз, чтобы в новой семье было много детей.

Свадьба раньше длилась около недели или больше, все зависело от запаса продуктов. На третий день было принято ехать в гости к невестинной родне, потом — жениха. Если невеста из другой деревни, свадьба могла затянуться и на две недели, пока молодые объедут всех. Со временем мордовский свадебный обряд сохранил общую структуру, однако утратил многие традиционные особенности. Исчезли некоторые послесвадебные обычаи, такие как хождение молодой через неделю к матери за прялкой или знакомство молодого мужа с родственниками жены. Утрачены и определенные религиозно-магические действия, обычаи, запреты предупредительного и ограничительного значения: втыкание иголок или булавок в одежду жениха и невесты, обход свадебного поезда и т. д. В прошлое ушла и баня молодухи, которую для нее топили замужние женщины рода жениха через неделю после свадьбы.

Таким образом, мордовская женщина является хранительницей не только домашнего очага, но и национальных ценностей своего народа. Ее роль в бытовой культуре незаменима. В одной из наиболее важной области семейной обрядности мордвы — свадебной — она занимает важное место как в проведении свадебных мероприятий, так и в процессе передачи народных традиций и обычаев.

Полевой материал автора:

1. Биушкина Надежда Федоровна, 1938 года рождения, с. Ардатово Дубенского района Республики Мордовия.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. С. 15 — 20, 65.

² См.: Беляева Н. Ф. Мордовская семья // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 364 — 368.

³ См.: Волкова М. С. Семейные обряды мордвы республик Поволжья и Приуралья // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2005. С. 114.

⁴ См.: Волкова М. С. Семейные обряды // Дубенский район. История. События. Люди. Саранск, 2008. С. 182 — 183.

⁵ См.: Волкова М. С. Семейные обряды мордвы республик Поволжья и Приуралья. С. 115 ; Ее же. Семейные обряды. С. 186.

⁶ См.: Волкова М. С. Семейные обряды. С. 182 — 186.

⁷ Там же.

⁸ См.: Корнишина Г. А. Традиционная обрядовая культура мордвы // Мордва. С. 422 — 423.

УДК 811.161.1

Е. В. Глазкова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

В статье рассмотрены функциональная роль терминов философских наук и религии в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, приемы их введения в повествование и семантические изменения в конкретных контекстах.

Ключевые слова: художественное произведение, А. А. Бестужев-Марлинский, функция термина, семантическая трансформация термина.

Писатель-романтик А. А. Бестужев-Марлинский (1797 — 1837) был одним из первых русских литераторов, начавшим употребление терминологической лексики в качестве художественно-выразительного средства¹. Это способствовало становлению индивидуального стиля писателя, основывающегося на привлечении и особом использовании нетрадиционных, новых для русской поэзии и прозы языковых средств.

Объектом нашего рассмотрения являются термины философских наук (философии, логики) и религии, обнаруженные в творческом наследии писателя². Всего зафиксировано 118 терминов, которые употребляются 390 раз. Почти 24 % этих терминов (27 из 82 понятий религии и 1 из 36 — философии и логики) выступает только в прямом значении, остальные (более 76 %) — в семантически и функционально трансформированном виде. Цель анализа — выявить функциональную роль рассматриваемой группы терминов, приемы их художественной адаптации и семантические изменения, что важно для исследования индивидуально-авторского стиля А. А. Марлинского и в определенной мере процессов, происходивших в русском литературном языке начала XIX в.

В художественном творчестве писателя анализируемая лексика выполняет прежде всего э к с п р е с с и в н о - о ц е н о ч н у ю функцию. Яркие, эмоционально насыщенные образы возникают, например, при перифрастическом переосмыслении автором терминов философии и религии, основывающемся на живописных ассоциациях: «...Всего более полюбил он бродить по великолепным комнатам дворца, известного под именем Эрмитажа... <...> То был осязаемый микрокосм души человеческой, начиная с грязной вещественности Теньера до недосягаемой святости Урбино...» [1981, т. 2, с. 229]. Здесь писатель создает оригинальный образ Эрмитажа

как мира произведений искусства при помощи термина *микрокосм* (греч. 'малый мир'), который в древнегреческой философии означал человека, являющегося средоточием большого мира (макрокосма) и таинственно связанного с ним³. Под *грязной вещественностью* подразумевается, очевидно, упоминаемая в тексте картина «Деревенский праздник» (1646) известного фламандского живописца Д. Теньера, изображавшего городской и крестьянский быт, которой противопоставляется соотносимая с предметом религиозного почитания «Сикстинская мадонна» (1513 — 1514) итальянского живописца Рафаэля, являющаяся вершиной его творчества (контекстуальная антонимия материального и духовного). В некоторых случаях отмечается перифрастическое употребление понятия *я*, использовавшегося в философской речи первой половины XIX в. для обозначения абстрактной личности, воплощения субъективного начала, например: «...Каждый человек усваивает все особенным образом: мудрено ли же, что вечно неизменная природа, разделенная на миллионы преходящих я, будет отражена в каждой грани разнообразно...» [1958, с. 186]. Смысловое наполнение представленных выше образов усиливают эпитеты *грязный, недостижимый; проходящий*. Удачно и перифрастическое переосмысление в другом контексте открывающегося перед глазами персонажей Каспийского моря в качестве «зеркала вечности» [1981, т. 2, с. 115].

Особый интерес представляет пример, где Марлинский создает олицетворенный образ злословия: «Корабль... сохранил сердце Правина девственным и в нем силы юности. Они бушевали неужеримо, особенно когда светская философия надевала на себя мундир Границына и пенила и кипятила их своими кислотами» [Там же, с. 243]. В основе этого образа лежат метафорически переосмысленные суждения о светском обществе (*светская философия*) «злословника» ротмистра Границына. Для передачи остроты этого злословия и вызываемой им реакции у капитана фрегата Правина, впервые появившегося в светском обществе, автор удачно использует прием персонификации (*надевала на себя мундир Границына*), а также лексику, обозначающую химические понятия (*кислота*) и процессы (*пенила, кипятила*). Подчеркнем, что все представленные выше образы показывают тяготение Марлинского к эффектности выражения.

Экспрессивно-оценочная функция рассматриваемой лексики, преимущественно религиозной, реализуется также путем сравнения. Это, как правило, конструкции со сравнительными союзами, например: «Ух! холод, и дождь, и гром, и ветер, будто светопреставленье» [1981, т. 1, с. 165]. Зафиксировано также лексическое сформулированное сравнение, в основе которого лежит гиперболическое преувеличение силы звука: «Нет слов, нет звуков, чтоб выразить... свист урагана, встретившего препону: кажется, весь ад пирует и хохочет...» [1981, т. 2, с. 198].

В повести «Фрегат „Надежда“» встречается оксюморон, передающий женский восторг: «...салютные выстрелы загрели со всех судов. Ах! какой это был прелестный ад!» [Там же, с. 185]. Здесь слово *ад* употребляется в значении 'невыносимый крик, шум, грохот' [БАС, 2004, т. 1, с. 109]. В четырехтомном «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук» (СПб., 1847; далее — СЦСРЯ), зафиксировано только одно переносное значение — 'место, где бывают частые раздоры, несогласия, вражды и пр.'.

Редко религиозная лексика становится средством х а р а к т е р и с т и к и человека. В этих целях Марлинский использует различные приемы. Так, овладевающее человеком раздраженно-враждебное чувство он передает с помощью метафоры: «...я узнал муки ревности, я спознал с адам злобы» [1981, т. 1, с. 172]. В другом случае восхищение персонажа любимой женщиной строится на каламбуре и контекстуальной антонимии: «Ты божественна... потому что заключаешь в себе рай и ад» [1981, т. 2, с. 266 — 267]. Здесь «обыгрываются» терминологическое и нетерминологическое значения слов *рай* ('место вечного блаженства для душ праведников после их смерти' и 'радость, блаженство'⁴) и *ад* ('место, где после смерти пребывают души грешников, обреченных на вечные муки' и 'условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо' — БАС, т. 1, с. 108, 109).

Для обозначения, а также характеристики различных качеств, состояний и взаимоотношений человека писатель использует прием сравнения: сравнение-идентификацию («...с особой связкой „есть“ („суть“), которая может быть и нулевой»⁵): «...у него [Наполеона] на лице написано число 666, он же есть антихрист...», «...ты-то и есть нечистый дух... Русский ли предлагал русскому изменить отчизне...» [1981, т. 1, с. 428, 165]; конструкции со сравнительными союзами: «Это [капитан Правин] душа в обществе... добр, как ангел, и смел, как черт!...», «Ты беснуешься, будто кликуша (Так называют в просторечии одержимых бесом. — *А. Марлинский*) перед Херувимскою*», «...ты не боролся со своею страстью, не бежал от искушения, не принес себя в жертву, — нет, ты как языческий жрец, зарезал жертву во имя истукана** любви — и сам пожрал ее» [1981, т. 2, с. 194; т. 1, с. 164; т. 2, с. 268 — 269]. Последний пример — отрывок из монолога совести капитана Правина — представляет собой удачно сконструирован-

* Херувимская — христианское церковное песнопение [ССРЛЯ, 1965, т. 17, стб. 120].

** Истукан — статуя, изваяние, которым язычники поклоняются как божеству; языческий божок, идол [БАС, 2007, т. 7, с. 477].

ный и осмысленный автором образ эгоистической любви героя, обесславившей и лишившей всего княгиню Веру.

Разнообразно перифрастическое употребление Марлинским религиозной лексики для обозначения и характеристики человека. Вот как, например, представляются молодому шляхтичу Льву Колонтаю, еще не выбравшему спутницу жизни, окружающие его женщины: «Горько было для его счастья и самолюбия обнять испещренных скудельных* **идолов** вместо высоких существ, созданных его мечтою» [1988, с. 131]. Здесь восприятие образа строится на контрасте (*высокие существа*). В другом контексте возникает оригинальный образ автора, размышляющего о мечтах юности: «Море, море! тебе хотел я вверить жизнь мою... <...> ...Статься может, **отшельник света** в **плавучей келье**, не знал бы я душевных гроз...» [1981, т. 2, с. 253]. Перифраза *плавучая келья* в данном случае является удачным описательным выражением, заменяющим слово *корабль*. Писатель обращается к перифразе и при обозначении физического состояния человека, например смерти: «Говори или ты будешь молчать до Страшного суда» [1988, с. 98]; изображении любовных взаимоотношений, в частности их нравственной стороны: «...капитан оторвал у него от губ подвенечную чару», «Грешно человеку с душою вербовать ее [княгиню Веру] в дружину падших ангелов» [1981, т. 1, с. 431; т. 2, с. 256]. Первая из двух последних перифраз употребляется вместо выражения *отбил невесту*, вторая — вместо выражения *вовлечь в порочающую связь*. В последнем примере в основе образной аналогии лежат военные понятия *вербовать* и *дружина*.

Для некоторых терминов философии и логики, использованных в художественных произведениях Марлинского, характерно расширение значения. Так, вышеупомянутое понятие *микрокосм* дается в значении 'малая часть чего-либо целого, в которой выражена его сущность, самые характерные его особенности' [БАС, т. 10, с. 171]: «О самолюбие, самолюбие, где ты не повторяешь себя! в чем не находишь своего **микрокосма** и **тождества**» [1981, т. 2, с. 337]. Здесь бытовое переосмысление получает также термин логики *тождество* ('полное сходство, подобие предметов, явлений и т. п.' — ССРЛЯ, 1963, т. 15, стб. 528). Расширение значения зафиксировано у понятия *стоик*, обозначающего представителя стоицизма (одного из главных течений эллинистической и римской философии, классическая форма которого отличалась крайней жесткостью и ригоризмом этического учения⁶), и образованного от этого понятия прилагательного *стоический*. Писатель использует их в значениях 'тот, кто стойко и мужественно переносит жизненные испыта-

* Скудельный (устар.) — глиняный; перен. хрупкий, слабый, бренный [ССРЛЯ, 1962, т. 13, стб. 1083, 1084].

ния' [ССРЛЯ, 1963, т. 14, стб. 909]: «Виктор был от природы весьма весело нрава... но он... был **стоик** в сравнении с резвостью Жанни» [1981, т. 1, с. 365 — 366], и 'стойкий, мужественный в жизненных испытаниях' [ССРЛЯ, т. 14, стб. 909]: «Упершись по грудь в воде, оно [проклятое четвероногое (лошадь)] с **стоическим** хладнокровием выносило град ударов острыми турецкими стременами в бока...» [1958, с. 452]. Термин *логика* в СЦСРЯ трактуется как 'наука рассуждать правильно; умословие'. Марлинский неоднократно использует данное понятие и во всех случаях в значении 'ход рассуждений, умозаключений' [БАС, 2007, т. 9, с. 271], например: «Брат мой... шумел, как во время бури... осыпая картечью клятв **логику** противников (в споре о существовании врожденной боязни покойников. — *Е. Г.*)...», «...Так как дело идет о благополучии их обоих на всю жизнь (о браке. — *Е. Г.*), то он не хочет прибегать... ни к каким сетям лственной **логики**... дабы убедить или увлечь ее, но просто изложит свои намерения...» [1981, т. 1, с. 271, 232]. Приведенные примеры употребления писателем понятий философии и логики в расширенном значении иллюстрирует один из важных процессов развития словарного состава русского литературного языка — детерминологизацию.

Часто понятия философии и богословия становятся средством создания комического (иронии, шутки). Такой эффект возникает при их метафорическом употреблении применительно, например, к философским размышлениям автора: «Дело в том, чтобы выследить развитие гражданственности у разных народов, и... и... Куда это завезла меня верховая метафизика (во время путешествия верхом. — *Е. Г.*)?» [1958, с. 188]; к человеческим взаимоотношениям: «Обыкновенно, в первой степени любвого масонства, ученики стараются узнать и угадать все вкусы, все прихоти, все причуды милой особы...», «Как вы [княгиня] искусны в **теологии**... Вы до золотника знаете, что весит поцелуй на весах неба...» [1981, т. 1, с. 374; т. 2, с. 244]. В последнем контексте ирония становится злой. Капитан Правин, страстно влюбленный в княгиню, состоящую в браке, упрекает ее в рассудочности и нежелании переступать границы нравственных норм поведения в их взаимоотношениях.

Кроме того, отмечено едко-насмешливое метонимическое употребление термина богословия *хаос*. Метонимия основана на связи между библейским фактом и названием музыкального произведения (оратория «Сотворение мира» [1978] Й. Гайдна): «Уши они [люди] увесили серьгами, угощают Гайденовым **хаосом**...» [1958, с. 357].

В комических целях автор использует также перифразу. Например, мореход Савелий шутливо говорит новобранцу о морском крещении: «Погоди, брат Алеша, мы тебя в соленой купели **выкупаем**» [1981, т. 2, с. 294]. В другом контексте москвитяне насмешливо выражают готовность сразить-

ся с новгородцами: «...милости просим: мы готовы мечом охристосовать* с дорогими гостями» [1981, т. 1, с. 66].

В произведениях Марлинского встречается ироническое экспрессивно-оценочное употребление анализируемой лексики, например метафорическое переосмысление терминов логики и философии в размышлениях о платонической любви: «Платонизм... подложит вам под голову подушку из пуха **софизмов**, убаюкает **гармонией сфер****...» [1981, т. 2, с. 239]. В этих целях автор использует также сравнение. Это прежде всего конструкции со сравнительным союзом *как*, например: «...Эти смерчи, как бесы перед **заутреней**, вьются около носу...» [1981, т. 1, с. 342], «В конце залы стоял шкаф со стеклами, раскрашенный и украшенный, как часовня» [1988, с. 109]. К сравнению-идентификации писатель прибегает при создании развернутого сатирического образа современного ему века, представленного в лице древнегреческого философа-киника Диогена (ок. 400 — ок. 325 г. до н. э.), который практиковал крайний аскетизм (по преданию, жил в бочке), доходивший до эксцентрического юродства: «**Век наш** — истинный **Диоген**: надо всем издевается. Он катил бочку свою по распутиям всех стран, давя ею цветы и грибы без различия. ...Он ...освистывает **Платоново бессмертие**; и потом с **циническим** бесстыдством хвастает своею наготою» [1981, т. 2, с. 214]. Здесь автор метонимически упоминает критиковавшееся Диогеном учение о бессмертии души одного из выдающихся древнегреческих философов-идеалистов Платона (427 — 347 гг. до н. э.). Обращает на себя внимание также каламбурное употребление Марлинским прилагательного *цинический*, образованного от термина *цинизм*, обозначающего одну из философских школ Древней Греции, отвергавшую нравственные общественные нормы, призывавшую к аскетизму и т. п., считая это средством достижения духовной свободы⁷. Писатель «обыгрывает» его специальное (‘относящийся к учению циников, или киников’) и бытовое (расширительное — ‘откровенное пренебрежение к нравственным, этическим и иным нормам поведения личности’ ССРЛЯ, т. 17, стб. 693) значения. Следует отметить, что первая лексикографическая фиксация данного понятия относится лишь к 1864 г. — в словосочетании *циническая школа* (Там же).

* Христосоваться — целоваться троекратно, поздравляя с праздником пасхи [ССРЛЯ, т. 17, стб. 477].

** Гармония сфер (музыка сфер) — античное эстетико-космологическое учение о том, что космос — ряд небесных сфер (Луна, Солнце, пять планет, неподвижные звезды), каждая из которых при вращении издает свой музыкальный звук, а расстояния между сферами и издаваемые ими звуки соответствуют гармоническим музыкальным интервалам (см.: Большой энциклопедический словарь. М., 1991, с. 276).

Особый интерес в творчестве Марлинского вызывает гипербола, построенная на объединении логически несовместимых понятий, которые комически характеризуют силу природного явления: «...не ждал я никак такого шторма: все ветры и все черти спущены, кажется, теперь со своры...» [1981, т. 2, с. 196]. Комизм образа усиливают ассоциации, связанные с охотой (*свора* — 'ремень, шнур, на котором водят охотничьих собак' ССРЛЯ, т. 13, стб. 446).

Нередко анализируемая лексика выполняет характерологическую функцию, становясь ярким образно-оценочным средством комического обозначения, характеристики человека, его взаимоотношений. Так употребляются, например, метафорически переосмысленные понятия логики, с помощью которых писатель изображает поведение, внешность и речь человека: «...Всего убедительнее действовала на него логика любезности и красоты Ольги; все силлогизмы его оканчивались и начинались укорительным вопросом: „что скажет на это сестра Валериана?“» [1981, т. 1, с. 247].

Метафорические эпитеты, образованные на основе терминов философии и религии, привлекаются автором в следующих случаях: для иронической оценки сущности человека: «Какое вещественное создание человек! — начал штабс-ротмистр Ничтович. — Каждая игрушка его тешит, каждая безделица огорчает. Малейшая боль расстраивает нравственные способности, и перемена погоды действует на его расположение духа» [Там же, с. 86]; насмешливое выражения отношения к конкретному человеку: «Капитан Монтань (французский офицер таможи. — *Е. Г.*)! — вскричала испуганным голосом хозяйка. — Это настоящее божеское посещение, — сказал Саарвайерзен» [Там же, с. 382]; саркастической оценки выдержки чрезвычайно любопытного человека — *виртуоза* (музыковедческий термин): «...оно [название человека *добрый малый* и *лихой малый*]... заключает в себе всякую всячину, начиная с людей истинно благородных... до... виртуоза, подслушивающего у дверей, — терпимость истинно христианская, достойная подражания» [1981, т. 2, с. 213 — 214]. Особый интерес представляет пример, где оригинально «обыгранный» автором метафорический эпитет лежит в основе характеристики взаимоотношений в светском обществе: «Явившись в свет с твердым сомнением, решительным намерением быть настороже от всех и от всего... [капитан фрегата] ...готов был отдать последнюю пуговицу... за квakerское пожатие руки» [Там же, с. 215]. Здесь вновь проявляется стремление автора поразить читателя необычностью, замысловатостью фразы, заключающееся в употреблении прилагательного *квakerский* — производного от практически не встречающегося в художественной литературе богословского термина *квaker* (англ. quaker, букв. — трепещущий, трясун; член протестантского движения, считающего высшим выражением веры добродетель⁸), вместо прилагатель-

ного *дружеский* ('выражающий расположение к кому-либо, доброжелательность' — БАС, 2006, т. 5, с. 397). При этом «обыгрывается» и самоназвание квакеров — «Друзья» (в Евангелии так Иисус Христос называет апостолов (Ин. 15.15); официальное название — Религиозное общество Друзей)⁹. В другом случае комически переосмысленный метафорический эпитет, обозначающий высокое положение человека в государстве, образован путем трансформации термина-словосочетания *великий пост*: «...я бы советовал тебе, дядя Наум (стрелецкому голове, назначенному воеводой. — *Е. Г.*), оставить здесь половину дородства, чтобы твой растянутый кушак и красные щеки не были укоризною иным **великопостным лицам**, которые уж ни свет ни заря собираются к заутрене в Архангельский собор...» [1988, с. 87]. Здесь речь идет о высокопоставленных лицах, которые, «чтобы понравиться царской матери-инокине (матери молодого царя Михаила Федоровича. — *Е. Г.*)», соблюдали все религиозные предписания, в том числе пост. Кроме того, «обыгрываются» значения слова *лицо* 'передняя часть головы человека' и устар. 'человек, занимающий высокое общественное положение...' [БАС, т. 9, с. 247, 250].

Иногда метафора и метафорический эпитет используются автором для характеристики человека, построенной на контрасте: «К чести Границына прибавить надобно, что он был самый откровенный болтун и самый бескорыстный злоязычник. За душой у него не схоронится, бывало, ни похвала врагу, ни насмешка приятелю, и часом он беспощадно смеялся над самим собою. Иной бы сказал: „это **апостол правды**“, другой бы назвал его **кающимся грешником**...» [1981, т. 2, с. 214].

Разнообразно перифрастическое употребление Марлинским анализируемой лексики для комического обозначения и характеристики человека. В этих целях писатель удачно переосмысливает, например, часть тела человека (голову): «...пошарьте-ка (обращение к лекарю Стеллинскому. — *Е. Г.*) в **кивоте*** **своего гения** — не отыщете ль в нем какого-нибудь действительного средства против сумасшествия?» [Там же, с. 189]; статус священника, принимающего покаяние в грехах, как кавалера дамы: «...панна Марила [пусть] отложит до другого времени свою **исповедь**, как ни досадно это ее **черноусому духовнику**... (при появлении во дворе незнакомца. — *Е. Г.*)» [1988, с. 106]; ученую степень и звание: «...Молодой человек, прекрасной наружности, закутанный шалью... задумчиво сидел против меня и часто с беспокойством поглядывал на часы, встал и подошел к окну. Выразительно было бледное лицо его, и его впалые черные очи, казалось, хотели пронзить

* Кивот (устар.) — застекленная створчатая полка или шкафчик со стеклянной дверцей для икон; божница [БАС, 2007, т. 8, с. 62].

темноту и дальность <...> (Отставной полковник) — Ты, господин **доктор трансцендентальной философии*** (обращение полковника к своему племяннику, которого он считал «пречудаком», живущим в ином, не доступном пониманию мире. — *Е. Г.*), наверное, не будешь встречать... равнодушно бурю...», «Жена у него [его высокоблагородия или его превосходительства] **профессор туалетного богословия**» [1981, т. 1, с. 259; т. 2, с. 218]. В последнем контексте перифраза основана на разложении термина-словосочетания и его бытовой трактовке. Аналогичное употребление термина *гармония сфер* (шутливая трансформация) помогает автору передать душевное состояние человека: «Валериан был восторжен; ему казалось **гармоническая музыка сфер** гремела *туш* его благополучию...» [1981, т. 1, с. 231].

Для комической оценки внешности, личностных и профессиональных качеств человека писатель использует также сравнение. Яркий иронический образ женщины возникает, например, в речи морского офицера в результате развернутого сравнения, основанного на военно-морских и религиозных ассоциациях: «Уж эта мне черноглазая княгиня! <...> ...Хороша собой **как царская яхта**, вертлява **как люгер**** и, говорят, умна **как бес...**» [1981, т. 2, с. 191]. В другом контексте в основе комического изображения внешнего вида человека лежит оригинальное сравнение, построенное на контрасте понятий, обозначающих и характеризующих канун и сам церковный праздник: «...сухощавый Гензиус и шаровидный хозяин, **как постный сочельник** и **сытное рождество**, замкнули шествие (к столу. — *Е. Г.*)» [1981, т. 1, с. 385]. Еще более неожиданное шутливое сопоставление моря с церковным праздником становится своеобразной характеристикой профессиональных качеств персонажа: «На руле (катера. — *Е. Г.*) сидел заслуженный урядник, который свыкся с бурями и опасностями... для которого, по собственному его выражению, море было **масленица...**» [1981, т. 2, с. 272]. Иногда объектом иронии становятся служители церкви, например: «Девушки еще за куклами так же часто говорят *люблю*, **как дьячки аминь**, нисколько не понимая, что это значит...» [1981, т. 1, с. 391]. В другом контексте автор язвительно характеризует высокомерное поведение знати в храме: «Казалось бы, у престола всевышнего человек должен был забыть или, по крайней мере, умерить гордость свою, — напротив, он выказывает ее в храме больше, чем где-нибудь, и выставляет себя, **как на идолопоклонение**» [1988, с. 128].

* Трансцендентальная философия (идеализм) восходит к концепции И. Канта, родоначальника немецкой классической философии (Ф. Шлегель, Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Фихте и др.) (см.: Трансцендентализм ; Трансцендентальное // Большая Российская энциклопедия. М., 2016. Т. 32, с. 352, 355).

** Люгер — трехмачтовое судно с рейковым парусным вооружением (Большой энциклопедический словарь. С. 736).

Представляет интерес пример иронического изображения верующих, об истинной религиозности которых говорит регулярное посещение ими находящегося рядом с церковью питейного заведения: «Колонтаю жид платит за корчму, а **добрые католики** здесь греются, озябнув в церкви, или освежаются, когда в ней жарко» [1988, с. 128]. Комический образ верующих основан на использовании эпитета *добрый*, выражающего противоположную оценку. Усиливает иронию контекстуальная антонимия действий или состояния верующих в корчме (*греются, освежаются*) и в церкви (*озябнув, когда в ней жарко*).

Важной функцией рассматриваемой лексики в произведениях Марлинского является к а л а м б у р н а я. Такое ее употребление основывается преимущественно на полисемии, когда «обыгрываются» терминологическое и нетерминологическое значения слова, например: «Обломанный (пострадавший во время шторма. — *Е. Г.*) фрегат „Надежду“ прибуксировали ближе к берегу... Работы на нем кипели... <...> ...Палубы изображали прекрасный отрывок хаоса» [1981, т. 2, с. 273]. Здесь слово *хаос* используется одновременно в философском ('беспредельное мировое пространство с изначальным смешением всех стихий' — ССРЛЯ, т. 17, стб. 30) и богословском ('об изначальном смешении стихий в библейской легенде о сотворении богом вселенной' — Там же) смыслах, а также в расширенном значении 'крайний беспорядок, неразбериха' [Там же, стб. 31]. Однако вызывает некоторое недоумение употребление автором эпитета *прекрасный*, в котором звучит и восхищение, и легкая ирония, в то время как речь идет о трагическом событии. В следующем иронически окрашенном контексте: «Совершив **autodafé** над лоскутками (имеется в виду сожжение разорванного на мелкие куски послания к возлюбленной. — *Е. Г.*), Виктор вышел в сад... собраться с мыслями на новое объяснение» [1981, т. 1, с. 376] «обыгрываются» специальное ('...публичное сожжение еретиков и еретических книг на костре...' — БАС, т. 1, с. 311) и переносное ('об уничтожении произведений литературы и искусства' — Там же) значения слова *аутодафе*. Воспроизведение его на французском языке усиливает комический эффект.

В произведениях Марлинского нами обнаружено также каламбурное употребление понятий религии и философии, основанное на созвучии: «Как романтик нашего времени, **одержимый бесом бесконечности**, бродит по горам и по долам... разгадывает говор листьев...» [1981, т. 1, с. 365]. Кроме того, здесь «обыгрываются» фразеологизмы *одержимый бесом* ('по суеверным представлениям — такой, в которого вселился бес...' — БАС, 2009, т. 13, с. 504) и *одержимый чем-либо* ('находящийся полностью во власти, всецело охваченный (каким-либо чувством, переживанием, мыслью и т. п.)' — Там же). В другом оригинальном каламбуре, построенном на созвучии приставок, в результате акцентуации первого слога в слове

событие (сб-бытие) возникают философские ассоциации (контекстуальная антонимия понятий *сознание* и *бытие*): «Чувство беспредельности завладело им [Савелием, управляющим карбасом]... Товарищи Савелья... погружены были в такое же безответное, немое созерцание... природы в себе и себя в природе, в чувство **сознания**, неразлучного **событию**...» [1981, т. 2, с. 298].

В ряде случаев рассматриваемая лексика, отдельные факты, связанные с философией и религией, использованы для х а р а к т е р и с т и к и знаний персонажей, их самовыражения, например: «(Человек в зеленом сюртуке) Кадожи, как говорят, суть главные блюстители **масонских лож**, из которых... известно, шотландская считается за старинную. Не будучи великими магистрами, они важнее всех магистров, потому что лишь им открыта главная общая цель братства. Они могут находиться во всех степенях, но всегда скрытно, всегда никем не знаемы и, сохраняя в руках своих главные средства, путешествуя по свету для наблюдений, для дела и успехов **вольных каменщиков**. — Так бы вы и сказали, — примолвил рязанский помещик. — Попросту сказать, он был **атеист**, то есть **фармазон**^{*} и отчасти волтерианец. Сосед мой прошлого году наслал мне... целую кипу книг об их **вере**; поклоняются моське, батюшка! Никто не мог удержаться от смеху, слыша такое определение **масонства**» [1981, т. 1, с. 261].

Нередко герои говорят языком автора — сложным и образным, например: «(Драгунский капитан) Один только граф М-р нашел в палаче лицо утешительное для человечества, как в представителе божеского правосудия на земле. Брат мой, правда, не читал о том ни строчки, но и прочитав, покорный голосу природы, не поверил бы этой коварной **логике Торквемады**^{**}, где высокие причины смешаны с унижительными орудиями» [Там же, с. 273], а также ироничным: «Киньте его в подвал!.. — зарычал Бруно, беснуясь. <...> Кандалы по рукам и ногам, да посадить его на пищу **святого Антония**^{***}!» [Там же, с. 185]. В последнем, полном сарказма, контексте представлено устойчивое выражение *сидеть на пище святого Антония*.

В другом примере, характеризующем знания писателя, устами героя в форме неожиданного сопоставления философского и бытового контекстов дается своеобразная характеристика взглядов представителей трансценден-

* Фармазон (устар. простореч.) — то же, что франкмасон; масон [ССРЛЯ, 1964, т. 16, стб. 1262, 1550].

** Торквемада Томас (1420 — 1498) — испанский инквизитор, доминиканский монах, осудивший на сожжение более 10 тысяч «еретиков» (см.: **Кулешов В. И.** Комментарии. Т. 1, с. 477).

*** Антоний Фивский (ок. 251 — ок. 356) — основатель монашества в Египте, занимался умерщвлением плоти, для чего питался хлебом и солью (см.: **Кулешов В. И.** Комментарии. Т. 1, с. 473). В ССРЛЯ пищей Антония Фивского называются травы и коренья (1948. Т. 1, стб. 156).

тальной философии: «**Трансценденталисты** находят в человеке сокращение всего мира. В тебе, Лилия, нахожу я, только изящную, возвышенную, прелестную природу» [1981, т. 2, с. 343]. Ф. З. Канунова отмечала: «Многое привлекает Бестужева в немецкой идеалистической философии, главное... она давала теоретически последовательное объяснение проблемы личности... <...> ...Писателю импонировали в ней... мысли о свободной духовной деятельности человека...»¹⁰. Следующий контекст: «(Хорунжий Солтык) Где **бог** строит свой храм, там и **лукавый** ставит свою западно...» [1988, с. 128] представляет собой частично трансформированную цитату из проповеди (1588) капеллана, будущего архиепископа Кентерберийского (1604 — 1610) Р. Бэнкрофта: «Там, где Иисус возводит церковь, дьявол ставит часовню»¹¹. В речи хорунжего под западной подразумевается корчма, расположенная рядом с церковью.

Иногда средством самовыражения персонажей являются пословицы религиозной тематики. В одном случае пословица служит образным подтверждением высказанной героем мысли, в частности в разговоре матросов, некоторое время живших в Голландии: «Вот уж напрасно охаял Голландию... Чего тебе здесь не доставало? Можжевеловой — хоть не пей, свежины вдоволь. ...Хлеб белый как месяц, сыр объеденье да утром еще и кофей! — Хвали, хвали хозяев, а они себе на уме... Видел, брат, я, что они с кофей-то одной жижицей нас потчевали, а гущу себе оставляли. А про сыр и говорить нечего, — весь в дырах! <...> — У всякого своя заведенция... — примолвил Юрка. — **В чужой монастырь со своим уставом не ходят**» [1981, т. 1, с. 400]; в другом — в трансформированном виде становится иронической характеристикой показной добродетельности и набожности: «(Князь Серебряный) ...как близко, добрый человек (обращается к бедному крестьянину. — *Е. Г.*) [до Самполя]? — В старину было пять миль... да панья смиловилась: велела только трем быть. — Добрая же у вас панья. — И храни бог, какая добрая: сама нам сказывает, что за нас в церкви молится; да пан эконом нас обманывает: последнюю корку и курку отнимает... а все говорит: „Панья велела“. — ...Это, видно, по-нашему: у ханжей и на Руси **одним кошкам масленица**» [1988, с. 102]. Здесь переосмысливается пословица «Не все коту масленица, будет и великий пост». В речи персонажей отмечено также шутивное использование (сравнение) знания народных поверий: «Выползли (на берег. — *Е. Г.*) мы [моряки с разбившейся шлюпки], как раки, чтоб **не замерзнуть, как ужом после воздвиженья**» [1981, т. 1, с. 349]. По народным представлениям, на Воздвижение, праздник православного календаря (14/27 сентября), «змея... не движется, обмирает, прачется; или лезет по деревьям... в теплый край...»¹².

Таким образом, анализ художественных произведений А. А. Марлинского в аспекте употребления философской и религиозной лексики показал,

что она выполняет в основном экспрессивно-оценочную функцию. Понятия религии широко привлекаются для обозначения и характеристики человека. Важной функциональной особенностью рассмотренных лексических групп является их комический (образный, образно-оценочный и характерологический — как средство обозначения и характеристики человека) и каламбурный потенциал. Перечисленные функции реализуются в основном посредством перифразы, метафоры, сравнения, игры слов и контекстуальной антонимии, иногда — персонификации, гиперболы и оксюморона. В комических целях писатель использует также метонимию. Отмечено сочетание философской и религиозной лексики с понятиями химии, общенаучными, музыковедческими, военно-морскими, охоты. Все это вызывает семантическую трансформацию терминов (метафоризация, расширение значения, ироническое употребление), обусловленную, в частности, переносом в несвойственные контексты (бытовая сфера, любовные отношения, мир искусства, природа, военное дело и др.).

Библиографические ссылки

¹ См.: **Булаховский Л. А.** Русский литературный язык первой половины XIX века : Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957. С. 353 — 355.

² См.: **Бестужев-Марлинский А. А.** Сочинения : в 2 т. М., 1981. Т. 1. 487 с. ; Т. 2. 592 с. (Далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в скобках, с указанием года издания, тома и страницы) ; **Его же.** Сочинения : в 2 т. М., 1958. Т. 2. 742 с. ; **Его же.** Ночь на корабле : повести и рассказы. М., 1988. 366 с. (Далее ссылки на эти источники будут даваться в тексте в скобках, с указанием года издания и страницы).

³ См.: Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб., 2008. Т. 10. С. 171. (Далее в тексте: БАС).

⁴ Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1961. Т. 12. Стб. 559, 560. (Далее в тексте: ССРЛЯ).

⁵ **Лезметс Х. Д.** Метафора в русской романтической прозе 30-х годов XIX века (на материале произведений А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Полевого, В. Ф. Одоевского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. С. 16.

⁶ См.: **Лосев А. Ф.** Стоицизм // Большая Советская Энциклопедия. М., 1976. Т. 24, ч. 1. С. 526 — 527.

⁷ См.: Киники // БАС. 2007. Т. 8. С. 53.

⁸ См.: **Кулешов В. И.** Комментарии // Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. 1981. Т. 2. С. 538.

⁹ См.: **Грушко К. П.** Квакеры // Большая Российская энциклопедия. М., 2009. Т. 13. С. 434.

¹⁰ **Канунова Ф. З.** Эстетика русской романтической повести (А. А. Бестужев-Марлинский и романтики беллетристы 20 — 30-х годов XIX века). Томск, 1973. С. 127 — 128.

¹¹ Оксфордский словарь цитат / под ред. Э. Ноулз. Оксфорд, 2004.

¹² **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 226.

УДК 009+327

*А. А. Гофман, А. С. Тимощук**Владимирский юридический институт ФСИН России (г. Владимир)*

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

Динамика времени заставляет актуализировать процессы, ценности, идеалы, которые казались отработанными, сданными в утиль. Циклический характер политики, общественных отношений, международного права вернул советское прошлое, заставил по-новому посмотреть на советскую мобилизационную экономику, переоценить противостояние империализму В. И. Ленина и И. В. Сталина и последующую либерализацию Н. С. Хрущева. Глобальное противостояние систем на фронтире Украины вызвало также разнообразные процессы в национальной памяти европейских государств: рессентимент, поиск врага, реваншизм.

Ключевые слова: образы будущего, конструирование будущего, коммеморативные вызовы, специальная военная операция.

Человечество пыталось три поколения жить без масштабных войн, забывая понемногу голод, бомбардировки, карточную систему, бедность. Развитая потребительская культура стала оценивать неблагоприятные условия как «некомфортно», «неблагостно», «не по фэн шуй». Мы забываем, что благосостояние было обеспечено суммой факторов, таких как мировое распределение труда в воспроизводстве дешевых денег, энергоресурсов, товаров и рабочей силы.

Растущее население и утрата способности к самоограничению в потреблении приводят к столкновению на границах аллокации общего ресурса. США после Второй мировой войны создало убедительную систему либерального монетаризма, однако при приближении к пределам развития (the limits of growth) она стала вырождаться в свои естественные биологические формы — колониализм и фашизм. Правила через доллар перестают работать. Международное право как Pax Americana разрушается самим их создателем. Гегемон новейшей истории, США, после распада СССР потерял противовес своему могуществу, стал прибегать к локальным вооруженным конфликтам, использовать гибридные технологии для создания управляемого хаоса (терроризм, нацизм, радикализм, твиттер революции, химические провокации, биологическое оружие, зеленый переход, пандемия и т. п.).

Если антропогенез — это борьба альтруистических генов с эгоистическими, то человечество пока проигрывает в этой борьбе. Выработано несколько моделей управления общими ресурсами, однако все они опираются либо на эгоизм (монетаризм, капитализм, рыночный индивидуализм, либе-

ральный рынок), либо на коллективизм (социализм, коммунизм, общинные религиозные проекты). Социалистическая программа исходит из обучения коллективной ответственности, приобщению к культурным богатствам всего человечества, интернационализма. Коммунисты старались образовывать всех, исходя из того, что нужно развить каждого человека культурно.

Монетаризм создал более жесткую кастовую систему, чем в традиционных обществах. Коллективный Запад — это разделительная система, которую К. Маркс в своей социологии критиковал как профессиональный кретинизм, где процветает дегуманизация и массовая культура, происходит замена высокой культуры комиксами. Именно в этой среде зарождается фашизм как корпоративная идеология элит, использующих открытый терроризм ради сохранения власти финансовых кругов.

Конфликт во фронтальной Украине в 2022 г. обнажил неожиданные маркеры новой постмодернистской нормальности, такие как фото нациста со свастикой, молящегося у Стены Плача в Иерусалиме. Отныне аргумент, что Президент В. А. Зеленский еврей по происхождению и, по определению, в Украине не может быть нацизма, стал лишь отсылкой к старой нормальности. Коллективный Запад легализовал нацизм и иные формы радикализма (фашизм, терроризм) как методы достижения победы в гибридной войне. 3 марта 2022 года американские сенаторы открыто праздновали победу в Конгрессе: США удалось сравнить две соседние страны, что означало неминуемое ослабление России по их плану. Они ждали финансового краха, разрушения экономики, политической дестабилизации РФ. Вместо этого намечались контуры разлома Pax Americana. Многополярный мир, который ранее был лишь политической стратегемой, стал обретать зримые очертания: критика либеральной долговой системы, деолларизация, импортозамещение, реиндустриализация, переход к мобилизационной модели экономики, милитаризация. Коллективный Запад через поддержку фашизма и нацизма в Украине содействовал сплочению россиян и глобальных антиимпериалистических сил, оживил память о Великой Победе. Боевые действия в Украине — это гигантская реконструкция Второй мировой с современным вооружением, когда снова освобождают Славянск и Горловку, Мариуполь и Херсон, Харьков и Николаев.

24 февраля 2014 г. перед Россией встала сверхзадача воссоздать себя не только технологически, но и культурно, так как до последнего даже содержание Первого канала было, по форме, копией западной медиа культуры, а советское прошлое подавалось по либеральной эстетической программе (киноленты «Штрафбат», «На Париж», «Спасибо деду за победу», «Гитлер капут!», «Т-34», «Зулейха открывает глаза» и т. п.). В разгар проведения СВО, российское телевидение снова продемонстрировало контрпатриотические продукты, которые так красноречиво раскритиковал кинокритик

Е. В. Баженов (Bad Comedian). Перед Россией стоит сложнейшая проблема сборки патриотизма не только в лучших образцах этики и эстетики, но и в условиях новой нормальности и постмодернистской медиа коммуникации¹.

До сих пор человечество двигалось путем аккультурации и заимствования технологий. Создание полного цикла, включая автономные коммеморативные потоки, — это совсем другие затраты. Тенденции к культурной и технологической автономизации обозначились в период противостояния стран старой и новой индустриализации в начале XX в., во время которого активно использовался этнический фактор. В статье изучается вопрос гибридизации этнического и национального, регионального и глобального, старого и нового. Гибридизация — это форма сохранения устойчивости в ситуации полифуркации, поливариантности, многофакторности. Одним из таких маркеров гибридизации потоков памяти стал показательный мем «Когда мы услышали „Аллах Акбар“, то перекрестились и сказали: „Ну, Слава Богу, русские пришли!“». Жительница Мариуполя, прятавшаяся в подвале от обстрелов, невольно выразила важнейшую идею национального синтеза России: русский отныне не является этнонимом, это собирательный образ единой исторической судьбы разных народов России, где в хоре национальной ассамблеи сливаются голоса бурятов, тувинцев, якутов, башкиров, татар, марийцев, эрзя, мокша, чеченцев, лакцев, аварцев, адыгов, абхазов, армян, грузин, славян и др.

Телеграм канал Р. А. Кадырова @RKadyrov_95 стал настоящим форвардом СВО, достигнув отметки 2,4 млн подписчиков. Рамзан Ахматович экономно публикует сообщения, в отличие от других групп, где в сутки может проходить более 200 репортажей и обзоров. Помимо новостей с украинского фронта из первых рук, которые и привлекли такое количество подписчиков, глава Чеченской республики знакомит читателей со знаковыми событиями мусульман, новостями региона, что способствует информированию россиян о жизни региона.

Прямые, ясные, боевые послания и заявления главы Чеченской республики набирают несколько тысяч комментариев. Р. А. Кадыров на своем опыте знает, что «Украина» — это синдром, технология отработки коллективным Западом технологии «разделяй и властвуй», которая ранее применялась в Афганистане, Чечне и Сирии. В связи с этим он встретил во всеоружии обострение конфликта в феврале 2022 г., создав еще в 2013 г. в Гудермесе «Российский университет спецназа», где отрабатывается опыт, добытый в борьбе с международным терроризмом. С 24 февраля 2022 г. РУС фактически стал центром добровольческого движения по борьбе с украинским нацизмом и фашизмом. Ислам стал более близок и понятен православным, буддистам, светским волонтерам, так как они вместе встали на защиту общечеловеческих ценностей — справедливости, равенства, интернациона-

лизма, поэтому мем российской весны 2022 г., слова простой женщины, сидевшей в подвале Мариуполя, стал так популярен. В ее просторечном высказывании этническая и гражданская идентичность сливаются, равно как и сторонний наблюдатель может не проводить дифференциации между этносами России, называя их всех Russians.

Первый Президент Чеченской республики А. А. Кадыров переломил план международного терроризма по Кавказу, заняв позицию сотрудничества с Россией. Наймиты совершили на его жизнь 13 покушений². Дело отца продолжил его сын с такими же состраданием, благородством и отвагой. Р. А. Кадыров лично переубеждал террористов-камикадзе в Чечне, полагая, что каждый спасенный молодой человек — это вклад в мирное будущее. Так и в Украине, Рамзан Ахматович постоянно обращается к служащим ВСУ и СБУ, убеждая их перейти на сторону интернационализма и справедливости. Ему знакома формула обмана, которые спецслужбы использовали в Чечне: «Каждый нохчи должен стать шахидом, смертником за веру и за свободную Ичкерия». Подобно этому сейчас отрабатывается схема «воевать до последнего украинца за ценности мирового империализма». Западные спецслужбы использовали политическую нестабильность на Кавказе ради ослабления России, что привело к двум чеченским кампаниям и созданию негативного имиджа вокруг ислама. Однако потоки национальной памяти пластичны: после СВО образ чеченца воспринимается как образ храброго защитника справедливости. Аналогично, не следует верить мрачным прогнозам о «вражде между украинцами и русскими на несколько поколений». Национальная память пластична: она вытесняет негатив в благоприятных условиях и актуализирует его в условиях недостатка ресурсов. Ближайшие 100 лет у России достаточно энергетических ресурсов, чтобы поддержать мир в Евразии, дело только за лидерами мнений, чтобы создать дружественный фон для восстановления положительного баланса национальной памяти.

Мемориальные повороты уже не раз имели место в российской истории на примере образа Турции, Франции, Великобритании, США, Финляндии. Так, достаточно посмотреть на заголовки газет и увидеть, как менялась политическая конъюнктура в репрезентации Германии в России: «К советско-германскому кредитному соглашению» (21 августа 1939 г.), «Германия и СССР стали на путь дружественных отношений» (24 сентября 1939 г.), «немалую роль в развитии советской промышленности, включая оборонную, сыграли закупки в Германии станков и другого заводского оборудования. Они способствовали укреплению оборонной мощи СССР»³. После нападения Германии на СССР ее образ был справедливо демонизирован в медиаполитике, что преодолевалось после ВОВ через выстраивание новых отношений с ГДР и ФРГ.

Образ чеченца как врага в массовом сознании россиян был постепенно нивелирован организационными и медийными усилиями Р. А. Кадырова и окончательно преодолен самоотверженной поддержкой СВО чеченцами. Р. А. Кадыров имеет четкое понимание, как действуют западные спецслужбы, которые ищут точки раскола общества и внедряют радикальных политических лидеров, которые внушают ложные ценности своим последователям. Набор средств провокации в Украине такой же, как и в Чечне: инсценировка насилия российской армии для создания образа врага среди местного населения; нападения на руководителей, представителей духовенства; запугивание местного населения. Страна, которая попала в разработку западных спецслужб, не имеет субъектности, ни верховной власти. У нее есть только один путь — это стать боекомплексом против РФ, которая имеет огромную ресурсную базу. Россия воюет против империалистического-ревизионистского мирового правительства, финансирующего наемников с радикальной идеологией и практиками: ИГИЛ, «Азов» и т. п. Показательно, что во время СВО, Р. А. Кадыров в силу ряда объективных причин стал медиаперсоной спецоперации, метко попав в архетип «некоренного патриотизма» вслед за Рюриком, Лефортом, Берингом, Екатериной Великой, Барклай-де-Толли, Багратионом, Рокоссовским и другими подобными актерами, когда представитель недоминирующей этнической группы решает жизненно важные вопросы большой национальной общности и выражает ее интересы⁴.

Выводы. После Отечественной войны 1812 года, Великой Отечественной войны мир держался на плечах воинов, так как война дает острое понимание мира. Однако в гибридной ситуации, когда война ведется скрыто, локально, война и мир перемешаны, и ужас Второй мировой уже практически забыт новыми поколениями.

Мировая империалистическая элита использует радикальные группы для разжигания терроризма, нацизма, фашизма. Вместе с тем империалистическая практика осуществления государственных переворотов дискредитировала англосаксонскую модель демократизации или скрытого управления через протестные движения. Благодаря коллективному Западу на наших глазах происходит перековка российских политических элит, закалка патриотических сил и закрытие оппозиционных каналов. Арест счетов российского истеблишмента, изъятие их недвижимости и введение иных персональных санкций только консолидирует российское общество, доселе разобщенное на богатую прозападную элиту и бедную массу россиян. Спецоперация несет огромный антикоррупционный и патриотический смысл. Она обесценила антироссийское творчество множества либералов в стране, существовавших на западные деньги.

Эпичность идеологическому противостоянию придает ограниченность ресурсов и растущее население Земли. В начале XX в. начала рушиться

колониальная система, многие страны встали на путь технологического суверенитета. Столкновение новых акторов было предопределено самим ходом индустриализации и поисками жизненного пространства, что породило новую радикальную биополитику: депортации, интернирование, содержание в лагерях. Бесчеловечная биополитика нацистской Германии была обусловлена архаичным антисемитизмом, в условиях механизации общества принявшего характер машины смерти. Германская модель империализма не имела изощренной упаковки, она была основана на пещерных расовых архетипах. Англосаксонское доминирование более тщательно продумано и оснащено медийно, финансово, технологически. Использование демократических институтов как инструментов неоколониализма представляет весьма искусное вооружение. Что, однако, не запрещает ему быть обоюдоострым, так как Россия не собирается захватывать новые территории, оставляя самим жителям сделать свой выбор.

Статья не может дать ответа на все вызовы деконструкции национальной памяти, но мы должны учитывать, что те духовные скрепы россиян, которые были сильны ранее, сегодня уже не консолидируют все слои общества. Следовательно, необходимо генерировать новые социальные связи для конструирования общероссийской идентичности, которая в новое время основана не на религии и идеологии, а на общей исторической судьбе, вехах которой выступили революция, репрессии, испытание Войной, индустриализация, распад СССР и его новая сборка в виде Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ).

Основная проблема возможного расширения Союзного государства — каким образом сохранить единство в неоднородном социокультурном контексте. Как реагировать на этнический патриотизм, вроде «Почему мы не защищаем русских? Где законы о русской нации?» Авторы приходят к выводу, что управление коммеморативной евразийской политикой может стать одним из оснований устойчивости государства⁵.

Рассматривая конфликты в истории России, мы выполняем важную функцию социальной памяти, воспроизводя антиномичную историю взаимодействия народов. Византизм, франкофильство, англофильство, германофильство, американофильство, синофилия и эти же термины, только с «фобия» — все это переплетающиеся тренды социокультурной динамики, реагирующие на события внешней и внутренней политики. Столкновение идеологических платформ, форматирующих национальную память, выступает ответом на грядущий ресурсный голод. Социалистический ответ России — это одна из понятных альтернатив идее выживания «золотого миллиарда».

Можно ли быть патриотом России и не поддерживать СВО? Установка против СВО — это непонимание исторического хода развития России, ко-

торая постоянно находилась под санкциями от конкурентов, опираясь в отстаивании своих интересов на армию, флот, патриотических лидеров и многострадальный народ. Сейчас количество «союзников» значительно выросло, к ним присоединились такие технологичные подразделения как РВСН, РСЗО, ПВО, ПРО, РЭБ, ВКС.

Что касается поддержки от других международных субъектов, то на помощь нам безвозмездно редко кто-то приходил. Некоторые примеры помощи нашей стране в трудный час существуют и оттого они достойны особого уважения и памяти — все хорошее мы должны помнить всегда. Монголия, Тыва, с точки зрения своего бюджета оказали безмерную помощь в Великой Отечественной войне. Помощь США в эти же годы в виде ленд-лиза также была весома. К сожалению, США сейчас одержима недружественными действиями, поддерживая нацистскую хунту в Украине.

Политика России проста, мало менялась и должна оставаться такой ради долгосрочных целей устойчивого развития: свое не отдавать, чужое брать, только если с этой территории ведется экспансия других стран и подрыв наших интересов. Необходимый пояс безопасности означает, что Россия поддерживает дружественные отношения с соседями, которые не развивают наступательные виды вооружений и не размещают базы НАТО на своей территории. В ином случае Россия предпринимает необходимые меры безопасности в регионе, включая демилитаризацию и, если это необходимо, дерадикализацию (денацификацию, борьбу с терроризмом), как это было в Грузии, Сирии, Украине.

Тем, кто обвиняет Россию в экспансии и реваншизме, достаточно посмотреть на политическую карту и увидеть, что с абсолютным большинством стран по контуру у России за всю историю практически отсутствует открытая конфронтация и аннексионистские устремления (Норвегия, Беларусь, Молдова, Азербайджан, Армения, Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Иран, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Китай, Монголия, КНДР, Япония, США). С большинством из них Россия живет много веков в дружбе, добрососедстве и взаимном уважении. Есть отдельные страны, которые в большей или меньшей степени реализовывали угрозы НАТО для России или до сих пор проводят гибридные недружественные действия (США, Япония, Грузия, Украина, Эстония, Литва, Латвия, Финляндия, Норвегия), по отношению к ним Россия применяет адекватные меры противодействия. Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Крым и Донбасс — это примеры защиты своих национальных интересов, которые приняли военизированный характер в результате исчерпания переговорных возможностей. Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Армения, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Китай являются пример договорных примеров мирного урегулирования споров и

таких примеров гораздо больше, чем милитаристских. Те, кто торгует своим суверенитетом со странами НАТО, используют свои ресурсы и народонаселение для создания угроз РФ, сами разрушают свою государственность. Самый яркий тому пример — Украина, где конъюнктурный политический истеблишмент (Порошенко, Зеленский, Яценюк, Тягнибок, Стерненко, Ярош, Фарион, Турчинов, Аваков, Билецкий, Мосейчук и др.) своими близорукими действиями создал угрозу для устойчивого развития своей страны.

Библиографические ссылки

¹ См.: Гофман А. А., Тимощук А. С. «Доблестные украинцы продолжают смело отступать, а жестокие и алчные русские трусливо наступают»: разрушение неклассической коммуникативной реальности в результате СВО // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 522 — 523.

² См.: Паненков А. А. Координация совместных действий прокуратуры и Главы Администрации А. А. Кадырова по борьбе с терроризмом // Genesis: исторические исследования. 2014. № 5. С. 17 — 52.

³ Сиполс В. Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939 — 1941 гг. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 29 — 41.

⁴ См.: Гофман А. А., Тимощук А. С. Россия в трансструктурном мире: идентичность, конструирование общего будущего, коммеморативные вызовы (ч. 2) // Социальные отношения. 2022. № 2 (41). С. 75.

⁵ См.: Гофман А. А., Тимощук А. С. Казус «Тайра» как когнитивная и коммуникативная проблема // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169). С. 477 — 478.

УДК 316.356.2

Т. М. Дадаева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На основе данных социологического опроса студенческой молодежи изучена социальная память молодежи о достижениях советского периода, выявлена коллективная позитивная память о советском прошлом, что способствует формированию устойчивой общероссийской идентичности у молодежи.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, коллективная память, советское прошлое, гражданская идентичность, студенческая молодежь, социологический опрос.

Одним из первых, кто обратился к концептуализации понятия «социальная память», был М. Хальбвакс — основатель научного направления *memory studies*. Он отмечал, что прошлое в настоящем вспоминается всегда с какой-либо целью, часто политической и связанной с идентичностью той или иной группы или легитимацией определенного рода действий¹. Близка к пониманию социальной памяти категория «культурная память», представленная А. Ассман. Автор понимает под ней особую для каждой культуры форму создания, передачи и осовременивания культурных смыслов, она социально учреждается и искусственно формируется. Культурная память состоит из «обосновывающих воспоминаний», которые утверждают законность и оправданность существующего порядка вещей². Концепт культурной памяти подразумевает объективацию потока социальной памяти в пространстве и времени: создание текстов, сооружений и т. д. Ученые выделяют две категории культурной памяти — «мягкую» (книги, дискурсы, тексты) и «твердую» (памятники, музеи и т. д.)³.

Российский социолог Ж. Т. Тощенко историческую память рассматривает как выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания⁴.

Интересным представляется подход канадского социолога И. Ирвин-Зарецкой, которая использует термин социально-культурная инфраструктура памяти. Она считает, что «воспоминание имеет собственную инфраструктуру; часть ее используется постоянно, часть может простаивать в течение долгого времени»⁵. Памятники, музеи и мемориальные комплексы, государственные праздники, публичные ритуалы, топонимия пространства, произведения литературы и искусства (кино), знаки, символизирующие солидарность (ленты, цветы и проч.) выступают в качестве элементов инфраструктуры памяти. Другой французский исследователь П. Нора вводит понятие «узлы памяти» как ключевые события прошлого, которым «национальная история» придает особый смысл⁶. В первую очередь государство определяет подобные события как «узлы памяти», закрепляет их в школьных учебниках истории, тиражирует в СМИ, в произведениях искусства, в кинематографе с тем, чтобы внедрить в массовое сознание.

В статье использовались данные анкетного опроса «Историческая память России глазами современной молодежи» учащейся молодежи (студен-

* Статья написана по результатам социологического исследования, проведенного при поддержке гранта РФФИ №18-411-130004 «Роль исторической памяти в конструировании общегражданской идентичности молодежи: региональный аспект».

ты вузов и ссузов), г. Саранска и трех районов (Ковылкинский, Рузаевский и Краснослободский) Республики Мордовия. Опрошено 586 человек, согласно квотной выборке по полу, возрасту и уровню образования (246 юношей (42 %), 340 девушек (58 %); 18 — 21 год (51 %), 22 — 24 года (49 %), студенты вузов (78 %), студенты ссузов (22 %).

На вопрос «С какого периода, события, начинается история России?» большинство учащейся молодежи отметили образование Киевской Руси (60 % студентов вузов, 48 % — студентов ссузов). Вторым значимым событием выступает образование Российской империи и Московского государства в XV в. (13 %), на третьем месте — образование Российской Федерации (11 %). Образование СССР как значимое событие чаще отмечали студенты ссузов (7 %) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов о периоде, событии, с которого начинается история России, в зависимости от образования, %

Варианты ответа	Вуз	Ссуз	Выборка
Образование Киевской Руси	60	48	59
Образование Московского государства в XV в.	13	9	13
Образование Российской империи	13	17	13
Образование СССР	4	7	4
Образование Российской Федерации (1990-е гг.)	10	19	11
Итого	100	100	100

Респонденты дали следующие варианты ответов на вопрос «В какой период российской истории Вы бы хотели жить, если бы у вас была такая возможность?». Большинство студентов вузов и ссузов хотели бы жить в настоящем — 33 % и 35 % и в будущем (19 % и 29 % соответственно). В тройку ответов входят времена СССР, 1950 — 1970-е гг. (оттепель, период застоя), (15 %). Вероятно, это связано с некоторой романтизацией советского периода в сознании молодежи, поскольку старшее поколение (родители, учителя) часто рассказывает об этом периоде с ностальгией (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов о периоде российской истории, в котором хотели бы жить, если была бы такая возможность, в зависимости от уровня образования, %

Варианты ответа	Вуз	Ссуз	Выборка
1	2	3	4
Настоящее	33	35	33
Будущее	19	29	20
Времена СССР, 50 — 70-е гг. XX в.	16	4	15

Окончание табл. 2

1	2	3	4
XIX в.	7	2	6
80 — 90-е гг. XX в.	5	13	6
XVII—XVIII вв.	4	4	4
Древние времена	3	5	4
Средние века	3	4	3
Затрудняюсь ответить	10	4	9
Итого	100	100	100

В качестве главных исторических событий, вызывающих гордость большинство опрошенных отметили победу в Великой Отечественной войне (16 % и 16 %), первый полет человека в космос (14 % и 11 %), победу в Отечественной войне 1812 года (11 % и 11 %), отмену крепостного права (7 % — студенты вузов) и крещение Руси (8 % — студенты ссузов). Необходимо отметить, что значимость победы в Великой Отечественной войне и первый полет человека в космос как главные события отмечали и по данным общероссийских исследований 1999 г.* и 2018 г.⁷

Большинство студенческой молодежи вузов на вопрос «Какие исторические события заставляют вас сожалеть о том, что Вы являетесь гражданином России?» отметили убийство царской семьи (14 %), большинство студентов ссузов высказали мнение, что таких событий в России нет (13 %), далее идут сталинские репрессии (13 % и 12 % соответственно), война в Афганистане, распад СССР, раскулачивание, война в Чечне (9 % — студенты вузов), убийство царской семьи, распад СССР, война в Чечне (10 % — студенты ссузов), раскулачивание (5 % — студенты ссузов).

В результате социологического анализа была выявлена корреляция между сопричастностью членов семьи опрошенных (показатель участия членов семьи в событии оказался значимым) к недавним событиям истории России и оценкой этих событий. Другими словами, семейная история респондентов, оказывает значимое воздействие на формирование их исторической памяти. Это касается сталинских репрессий, войны в Афганистане, раскулачивания, депортации. Так из 100 % респондентов, родные которых участвовали в войне в Афганистане, 43,0 % сказали, что данное событие заставляет их сожалеть о том, что они являются гражданами России; 39,8 % из тех, чьи родные были жертвами политических репрессий, 39 % чьи род-

* Экспериментальное исследование, проведенное Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) совместно с Фондом Эберта: когортный анализ пяти поколений (16 — 25, 26 — 35, 36 — 45, 46 — 55, 56 — 65 лет; выборка — 3 000 чел.).

ные были раскулачены, и 25,4 %, чьи родные были депортированы, испытывают чувство сожаления (стыда), что они граждане России.

Согласно теории В. Ирвин-Зарецки, праздники выступают важным элементом инфраструктуры исторической памяти и играют значимую роль в формировании гражданской идентичности учащейся молодежи. Наиболее популярными праздниками у молодежи являются Новый год как общенациональный праздник (14 % — студенты вузов и 14 % студенты ссузов), День Победы как общегосударственный праздник (11 % и 10 %) и религиозный праздник Пасха (11 % и 10 %), далее Международный женский день (10 % и 9 %) и День защитника Отечества (9 % и 9 %). Локальные праздники, связанные с мордовской этничностью (Раськень Озкс, Велень Озкс, Акша Келу) не получили статистической значимости (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов о праздниках, которые отмечают респонденты вместе со своими друзьями, членами семьи, в зависимости от уровня образования, %

Варианты ответа	Вуз	Ссуз
Новый год	14	14
Пасха	11	10
День Победы (9 мая)	11	10
Международный женский день (8 марта)	10	8
День защитника Отечества (23 февраля)	9	9
Масленица	8	8
Православное Рождество	8	8
Старый новый год (14 января)	5	7
День России (12 июня)	5	6
День всех влюбленных (14 февраля)	5	4
День труда (1 мая)	4	4
День российского студенчества (25 января)	3	3
День народного единства (4 ноября)	3	3
День космонавтики (12 апреля)	1	2
Сабантуй	1	1
Курбан-байрам	1	1
Раськень Озкс, Велень Озкс	< 1	1
Акша Келу	< 1	1
День славянской письменности и культуры	< 1	1
Всего	100	100

Необходимо отметить, что общенациональные праздники новейшей истории России не часто отмечались респондентами (день России (12 июня) и День народного единства (4 ноября) заняли 6-е и 8-е места).

Большинство респондентов (54,5 %) считает, что все граждане России, будучи представителями разных национальностей и культур, являются единым российским народом, 17,2 % полагают, что пока нет, но в будущем это возможно, 15,9 % считают, что не являются единым российским народом.

Респонденты отмечали следующие факторы, чтобы считаться настоящим россиянином: для студентов вузов — надо родиться в России (18 %), необходимо прожить в России большую часть жизни (18 %), чувствовать себя россиянином (17 %); для студентов ссузов — надо родиться в России (24 %), иметь российское гражданство (21 %), прожить в России большую часть жизни (15 %), уважать российский политический строй и законы (12 %).

Большая часть опрошенных (73 %) так или иначе (суммируем ответы «определенно да» и «скорее да, чем нет») гордятся тем, что проживают в России, 54 % — тем, что проживают в Мордовии (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов о том, гордитесь ли Вы тем, что проживаете в Республике Мордовия в зависимости от уровня образования, %

Варианты ответа	Вуз	Ссуз	Выборка
Определенно да	19	38	21
Скорее да	33	29	33
Скорее нет	19	7	18
Определенно нет	12	13	12
Затрудняюсь ответить	17	14	16
Итого	100	100	100

Отметил, что 90 % респондентов вузов и 78 % студентов ссузов так или иначе согласны с суждением, что Россия должна быть таким государством, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности. Не согласны 8 % студентов вузов и 15 % студентов ссузов.

Большинство опрошенных (47 %) в первую очередь считают себя россиянами, 28 % — в равной степени гражданами России и Республики Мордовия и 14 % — гражданами мира. Согласно опросу, общегражданская российская идентичность ярче выражена у студентов вузов (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов о том, к какой государственности Вы себя относите в первую очередь?, %

Варианты ответа	Вуз	Ссуз	Выборка
1	2	3	4
Считаю себя в первую очередь россиянином	50	33	47
Считаю себя в первую очередь жителем Республики Мордовия	6	10	7

Окончание табл. 5

Считаю себя в равной степени гражданином России и Республики Мордовия	25	40	28
Считаю себя гражданином мира	14	15	14
Смотря где нахожусь	3	2	3
Затрудняюсь ответить	2	—	1
Итого	100	100	100

Большинство студенческой молодежи отметили, что всегда посещают праздничные мероприятия, связанные с Днем победы (56 %), с Днем города (34 %), с Новым годом (27 %), с Днем России (26 %), с Масленицей (18 %). В качестве книг, которые объединяют россиян (которые все читали и любят) были отмечены «Война и мир» (31 %), «Евгений Онегин» (14 %), «Мастер и маргарита» (12 %). Любопытны ответы о культурных и политических деятелях, с которыми для молодежи ассоциируется Россия. Так, 14 % из ответивших отметили следующих актеров: «Безруков А.», «Бондарчук Ф.», «Вицин Г.», «Волков Ф. Г.», «Козловский Д.», «Леонов Е.», «Лановой В.», «Машков В.», «Миронов А.», «Нагиев Д.», «Никулин Ю.», «Охлобыстин И.», «Папанов А.», «Петров А.», «Серебряков А.», «Табаков О.», «Утесов Л.», «Хабенский К.», «Турчинский В.», «Воля П.», «Зыкина Л.», «Кожевникова М.», «Литвинова Р.», «Раневская Ф.»; 7 % — режиссеров: «Шукшин В.», «Бекмамбетов Т.», «Говорухин С.», «Гайдай Л.», «Герман А.», «Михалков Н.», «Станиславский К.»; 55 % — политических деятелей: «Горбачев М. С.», «Ельцин Б. Н.», «Ленин В. И.», «Путин В. В.», «Ульянов», «Хрущев Н. С.», «ДюВальс Франсуа», «Брежнев Л. И.». Из ответов очевидно, что большинство как культурных, так и политических деятелей, с которыми у молодежи ассоциируется Россия — это деятели советского времени.

Таким образом, восприятие молодежью советского прошлого является позитивным, отмечается высокая оценка достижений того периода, что позволяет говорить об преобладании устойчивой коллективной социальной памяти о советском прошлом как о фундаменте для формирования устойчивой общероссийской идентичности.

Библиографические ссылки

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. М., 2007. С. 213.

² Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской, М., 2004. С. 125.

³ Эткнд А. М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С. 7 — 14.

⁴ **Тощенко Ж. Т.** Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3 — 14.

⁵ **Irwin-Zarecka I.** Frames of Remembrance: The dynamics of Collective Memory. New Brunswick etc., 1994. p. 124.

⁶ **Нора П.** Расстройство исторической идентичности // Мир истории. 2010. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>.

⁷ **Горшков М. К., Шереги Ф. Э.** Историческое сознание молодежи // Вестник РАН. 2010. Т. 80, № 3. С. 195 — 203 ; Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М., 2018. С. 22, С. 38.

УДК 08:654.19(470.345) (Морд)

Н. А. Грановская

Филиал ФГУП ВГТРК ГТРК «Мордовия» (г. Саранск)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЙНОГО ПОЛЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОРДОВИИ

Автором рассматриваются тенденции и перспективы развития медийного поля в полиэтническом пространстве Мордовии. Изучается процесс инкультурации регионального социума на современном этапе. Гипотетически дается заключение о том, как заинтересовать подрастающее поколение использовать в речи национальный язык.

Ключевые слова: Телевидение, полиэтническое пространство, Республика Мордовия, национальный язык, медийное поле.

В ходе проведенного исследования установлено, что электронные средства массовой информации не только обладают огромным ресурсом для участия в процессе инкультурации регионального социума на современном этапе, но и занимают в данном процессе лидирующие позиции, так как в основе формирования и совершенствования культуры регионального общества лежит процесс оперативной передачи знаний, умений и навыков, отражающих богатство народных традиций. Это особенно ярко звучит в условиях полилингвистического региона. Обладая самым современным набором технических средств, способных аккумулировать, формировать, обрабатывать и оперативно передавать уникальные знания в виде информации, влияющей на сознание аудитории при условии активизации ее духовно-нравственной сферы, роль электронных СМК в этом процессе оказывается непревзойденной.

Потоковые, трансмедийные, мультиканальные — это совершенно новые формы поведения, сформированные в новых условиях информационного общества, которые, по мнению Е. Л. Варгановой¹, формируются под влиянием качественного изменения источников формирования медийной среды.

Изменения проявились в появлении новых электронных СМК, среди которых есть сетевые и конвергентные издания. Прочные позиции занимает и интерактивный аспект. Аудитория получает возможность участвовать в формировании медиапространства. Нельзя сбрасывать со счетов процесс цифровизации современного ТВ, который в корне изменил качество подготовки и передачи телеинформации².

Перед создателями телевизионного вещания встал вопрос о создании образа на телеэкране, который будет способствовать выполнению задач региональной инкультурации. Одним словом, это должен быть образ, снабженный всеми необходимыми свойствами и качествами, которые обязательно затронут в сознании аудитории духовно-нравственную сферу. Анализируя структуру экранного образа и методы его создания, С. Н. Десяев в 2003 г. отмечал: «Очевидно, что недалек тот день, когда цифровое телевидение, компьютерные сети и Интернет составят единое целое, будут интегрированы в глобальную информационную структуру, расширение полосы частот позволит перебазировать в нее традиционные вещательные службы — РВ и ТВ. Широкополосная спутниковая связь вместе с сетью оптоволоконных кабелей обеспечит доступ в Интернет любому желающему»³.

С. Н. Десяев, являясь ученым-практиком, все во многом предугадал. Действительно, время вооружило «до зубов» телерадиокомпании техническими средствами создания образа любого назначения и для решения любых задач.

Однако кроме технического вооружения, которое совершенствуется с каждым днем, необходимо еще и эффективное контекстуальное наполнение телепередач, которые призваны активизировать в сознании аудитории духовно-нравственную сферу. Для этого изначально необходимы адекватные организационные решения. Руководство каналов должно, прежде всего, перед своими сотрудниками поставить задачу по обогащению контекста передач нужными в настоящее время знаниями. В ходе контент-анализа сеток вещания региональных каналов, мы уже обнаружили подтверждение тому, что содержание строится в основном на материалах, собранных в основном на приданиях старины глубокой. Это в условиях полиэтнического региона с его богатой языковой палитрой, самый простой метод заполнить образовательный кластер телепередач на региональных телеканалах. Однако вещатели тем самым нарушают баланс и смещают вещание в сторону видеоматериалов архаичного содержания. Это самые узнаваемые образы: старинная национальная одежда, домашняя утварь ушедших в прошлое веков, бревенчатые стены, лапти, старинные национальные блюда, песни и, что самое важное — язык! Он несет исключительно старинную традиционную культуру. Создается впечатление, что нет ему места в современном мире, хотя сохранение национальных языков Мордовии провозглашено

практически национальной идеей. Это абсолютно правильно, поскольку язык априори единственный полноценный носитель культуры того или иного народа. Однако необходимо на современном этапе ответить на два основных вопроса: «Почему на языке предков неохотно говорят дети?», «Когда язык будет оживать?».

Не нужно быть ни практиком, ни теоретиком для того, чтобы найти ответы на эти вопросы. Они лежат на поверхности. Мы сами виноваты в том, что молодежь неохотно использует язык в повседневности. Кому же захочется говорить на языке, который является символом старины, а не прогрессивного общества?

Как утверждает Б. М. Сапунов, в эпоху цифровой революции, происходящей в недрах информационно-коммуникационных технологий, телевидению отводится исключительно важная функция — культурно-образовательная. При этом следует подчеркнуть, что именно образовательная, не воспитательная, потому что процесс воспитания подвластен лишь двум социальным институтам: «семье» и «церкви». Иначе эту функцию Б. М. Сапунов трактует, как «просветительскую». Процесс получения знаний, впрочем, как и их передачи во многом изменился под давлением средств массовой коммуникации. Это неоднократно подтверждали педагоги, говоря о наступившей революции в системе образования. Распространение экранной культуры возымело массовый характер⁴.

Оживать язык начнет только тогда, когда он будет необходим для связи в современных условиях. На чем строится данная связь? На том, что язык способен описать современные явления, участвовать в развитии различных сфер жизни региона. Хороший пример использования национального языка можно найти в Республике Татарстан. Там уже долгое время работает телевизионный канал «ТНВ новый век». В контексте вещания различные ток-шоу, игры, дискотеки проходят исключительно на татарском языке. Молодежь с удовольствием поет песни на национальном языке, но с современным контекстом. Передачи для детей и про детей тоже показаны с использованием национального языка. Язык всем понятен. Не вызывает затруднений и стеснения при применении. Язык живет с тобой в одной среде и помогает тебе в этой среде выжить и развиваться. К. Д. Ушинский утверждал, что «Родной язык является величайшим народным наставником. Исходя из того, что родной язык есть единственное орудие, посредством которого мы усваиваем идеи, знания, а потом передаем их. Самостоятельные мысли вытекают только их самостоятельно приобретенных знаний о тех явлениях и предметах, которые окружают ребенка»⁵.

Поскольку региональное медиакультурное пространство имеет собственные количественные и качественные характеристики, то и следует ожидать от него как от сформированного социального конгломерата при-

тязаний на признание, для того что бы озвучить собственные требования. Уже сейчас понятно, что структура готова самостоятельно удержать баланс. Прогрессивная часть адептов всей электронной журналистики (ТВ, РВ, социальные сети) будет требовать усовершенствования технических возможностей для участия в активном процессе формирования контента. Вторая часть (в основном это пожилое население) готово требовать усовершенствования контента за счет фундаментальных произведений, классических программ и передач. Иными словами, оппозиция процессу инкультурации генерирует конструктивную критику и за счет интерактивных возможностей, пытается повлиять на формирование контента. Интересен тот факт, что абсолютно все социальные слои аудитории попадают под воздействие медийного поля, и так или иначе проявляют к нему свое отношение.

Анализируя перспективы развития телевизионного вещания в регионе и опираясь на ранее полученные результаты исследования, приходим к выводу о том, что телевизионное вещание неизбежно проходит путь конвергенции, т. е. сближения с другими формами производства и передачи информации в условиях электронной технической среды посредством цифровых технологий. При таком условии развития ТВ приобретает определенные характеристики медийности. В. Е. Соломин утверждает, что необходимо присвоение определенных характеристик сетевой журналистике. Они, согласно утверждению исследователя, позволяют различные сетевые проекты отнести к СМИ. Характеристики выражаются, прежде всего, в усовершенствовании технологий производства и передачи информации, обеспечения ее восприятия, расширения возможностей функционирования Интернета⁶.

При расширении возможностей телевизионного вещания посредством его конвергенции с другими электронными информационными площадками необходимо учитывать тот факт, что оно подвергается таким воздействиям, как «гипертекстуальность» и «мультимедийность». Гипертекстуальность придает обычному тексту мегафункциональность, поскольку включает его в глобальную сеть поиска и ссылок. Гипертекст становится своеобразным гиперорганом глобальной информационной системы. Суть его остается прежней, но стремительно возрастает возможность моментально подтвердить или опровергнуть те или иные умозаключения, тут же пустив логику по новому, возможно более эффективному пути развития. Усиливается и процесс верификации уложенных в контексте истин. Гипертекстуальность призывает на свою сторону весь ресурс, обеспечивающий технологию поиска новых доказательств, «сомышления», противоречий, конструктивной критики и т. д. И все это ради рождения новых истин, и решения социальных задач, поставленных перед конкретными электронными СМИ⁷.

Мультимедийность же не учитывает логику и истину. Для этого процесса важна экспрессия, создание выразительных образов, которые придадут тексту неповторимую окраску, обеспечат необходимые условия его легкого восприятия. Мультимедийность призывает на свою сторону все имеющиеся технические средства выразительности и стимулирует дальнейшее технологическое совершенствование процесса производства и передачи информации.

Еще одна очевидная тенденция перспективного развития телевизионного вещания как части единого электронно-цифрового информационного пространства — это привлечение аудитории к созданию контента. Так, в 2018 г. мы приступили к проведению масштабного эксперимента, который должен дать ответ только на три очень значимых для данного исследования вопроса:

1) Возможно ли повышение эффективности функционирования ТВ в условиях конвергенции?

2) Возможно ли создание высокоэффективного информационного пространства посредством конвергенции с иными электронными информационными площадками?

3) Возможно ли эффективное достижение поставленных перед единым информационным пространством целей посредством реализации заданного проекта?

Уже на первом этапе реализации социально-исторического проекта под названием «Мордовская Голгофа» подтвердилась гипотеза о повышении эффективности ТВ-вещания в результате конвергенции его с другими электронными информационными площадками. Поскольку часть контента ушла (дублировалась) на страницы официального сайта, то заметно увеличилось число посещаемости. Основываясь на это, делаем вывод о повышении аудиторного интереса к происходящим на электронной площадке активности.

В течение второго этапа на сайте была размещена информация с условиями, согласно которым каждый мог принять участие в реализации социально-исторического проекта. Сайт тут же откликнулся активностью зрителей и радиослушателей. Все дело в том, что параллельно на двух телевизионных каналах: «Россия 1» и «Россия 24» и двух радиоканалах «Радио Россия. Мордовия» и «Маяк-Fm» публиковались истории, связанные с реализацией выбранного проекта. Истории касались непосредственно зрителей, их родственников, друзей, знакомых и т. д. На сайте была организована специальная гостевая площадка, куда мог зайти каждый, описать собственную историю. Это говорило не только о количественной, но и о качественной эффективности от создания информационного пространства и совместного формирования контента. Некоторые гости с наиболее подходя-

щей для сценария историей становились героями телевизионных и радио-произведений, которые легли в основу реализации социально-исторического проекта «Мордовская Голгофа». Это уже третий этап проекта, когда на телевидении был создан одноименный документальный телевизионный фильм. Активизированная часть аудитории представила свои истории уже в фильме, который навсегда пополнил золотой фонд региональной фильмографии. Четвертым этапом реализации проекта и эксперимента настоящего исследования стало определение перспектив дальнейшей работы. Ее обозначила сама аудитория, предложив многочисленные идеи по поиску людей (свидетелей события) и способов увековечения памяти о рассматриваемых исторических событиях.

При реализации научного эксперимента активность аудитории показала наличие процесса инкультурации. Люди рассуждали на определенные исторические темы, применяя при этом соответствующую семантику, производили определенные действия, направленные на решение общих с информационным пространством задач. При этом стоит отметить, что в основе совместного формирования контента лежали далеко не архаические компоненты, несмотря на выбранный исторический проект, а мысли, умозаключения, результаты наблюдения, взаимодействия именно сегодняшних дней. В результате проведенного научного эксперимента, нам удалось сформулировать схему процесса инкультурации. По нашему мнению, она может выглядеть в виде следующего алгоритма действия:

1. Снабдить аудиторию механизмами социальной адаптации к восприятию новых информационных форм;
2. Благодаря снабжению аудитории новыми знаниями, умениями, навыками (возможно и примерами эмоционального отражения того или иного события, происходящего в регионе) повысить уровень адаптации личности к новшествам, которые возникают в информационном обществе, выходя за условные границы воздействия электронных СМИ;
3. Способствовать интеграции аудитории в общенациональное и мировое информационное пространство;
4. Способствовать созданию успешной личности в современных условиях;
5. Воспользоваться плодами производства (результатами деятельности) успешной личности.

Если рассматривать региональное медийное поле как целостную культурологическую систему, то очевидными становятся закономерности дальнейшего его развития, согласно законам развития систем.

Для более эффективного анализа необходимо определить, чем же представлено активное медийное поле в регионе (поле, на котором разворачиваются активные социальные действия, способные оказывать заметное

влияние на формирование у аудитории определенного отношения к происходящим событиям).

Для определения методологии анализа и обобщения полученных в ходе исследования данных, потребовалась формулировка теоретического определения такого сегмента информационного общества, как «региональное медийное поле» — это медиакоммуникационное пространство, способное создавать открытую площадку для активных социальных действий, влияющих на формирование у аудитории определенного отношения к происходящим событиям.

Данные, полученные в ходе процесса наблюдения, указывают на то, что медийное поле в Республике Мордовия представлено, прежде всего, электронными площадками, обеспечивающими обратную связь, т. е. интерактивную функцию. Для того чтобы наиболее презентабельно подтвердить или опровергнуть вышеизложенное утверждение, мы провели опрос среди активной в медийном направлении части общества. «Опросник» был составлен следующим образом:

Считаете ли Вы, что медийное поле Вашего региона представлено в равной степени всеми имеющимися на его территории СМИ?

Считаете ли Вы, что медийное поле Вашего региона представлено исключительно его телевизионным и радиовещанием?

Считаете ли Вы, что медийное поле Вашего региона представлено электронными СМИ?

Удалось опросить 570 человек (в основном это студенты и случайные люди, ответившие на телефонный звонок). В ходе данного экспресс-статистического исследования голоса распределились следующим образом:

На первый вопрос утвердительно ответили — 26 чел.;

На второй вопрос утвердительно ответили — 51 чел.;

На третий вопрос утвердительно ответили — 493 чел.

Полученные данные позволяют нам утверждать, что в регионе весьма активна сетевая журналистика. Поскольку правильно ответило подавляющее большинство опрошенных, продемонстрировавших знания основ региональной, в том числе и сетевой журналистики. А она не что иное, как феномен развития современного общества, имеющий колоссальные показатели скоростного и глобального масштабов.

Мы полагаем, что все тенденции развития медийного поля связаны, прежде всего, с поступательным движением непрерывных информационных потоков и «реверсного» их характера. Последнее явление строится на комментировании и новой интерпретации контента.

Возможность свободного выражения различного мнения аудитории, альтернативности открытых суждений — один из главных системных при-

знаков современного регионального медийного поля. Такая свобода может выступать и в качестве базиса культурного разнообразия медийного пространства. Когда каждый оперирует полученной информацией по своему усмотрению. Данное обстоятельство требует анализа и ответа на вопрос: является ли социально безопасным контент, формируемый по принципу «абсолютной свободы»?

Анализ современной юридической базы приводит нас к выводу о том, что безопасность контента прямо пропорциональна уровню эффективности контроля над формированием контента регионального медийного пространства. Ситуация осложняется еще и тем, что региональное медийное пространство имеет поликультурный характер. Данная региональная особенность ставит перед местными СМИ задачу учитывать при формировании контента поликультурный национально-региональный фактор. И формируя собственные контенты, учитывать интересы представителей национальностей, проживающих на территории Республики Мордовия. Известно, например, что один и тот же образ в различных культурах может иметь различное значение.

Итак, вопрос социального контроля над формированием контента медийного регионального пространства в настоящее время остается открытым по той причине, что большую его часть составляют социальные медийные объекты, не зарегистрированные как самостоятельные средства массовой информации и, соответственно, не несущие ответственности за содержание собственных информационных страниц. Отсюда наблюдается огромное количество нецензурных выражений. Часто раскрываются подробности частной жизни людей, оказавшихся в центре внимания сетевых медийных объектов. Последние, стремясь расширить зону своего влияния, вовлекают в различные конфликты все большее количество жителей региона. С одной стороны, таким образом происходит формирование новых медийных площадок для открытого высказывания частных суждений. С другой стороны, становятся реальными угрозы как для отдельных лиц, так и для устойчивости многих социальных структур. Причиной тому служит отсутствие должного уровня государственного контроля над деятельностью сетевых медийных объектов.

Медийное пространство, продолжая развиваться, согласно законам развития систем, способно сегментироваться по различным социально-политическим признакам. Данную тенденцию мы относим к положительным факторам, который интегрирует аудиторию вокруг обсуждения различных социальных проблем. Аудитория подобных медийных объектов становится целевой (люди с ограниченными возможностями здоровья; военнослужащие; заболевшие новой коронавирусной инфекцией; многодетные семьи; дети-сироты; иные социальные группы, сформированные по общим соци-

альным признакам). Данный вид медиакоммуникации позволяет осуществлять консультативную функцию, оказывать социальную поддержку и оперативно информировать аудиторию (участников) о различных законодательных и иных социальных переменах, способных оказать значительное влияние на улучшение качества жизни людей. Интересы и запросы аудитории в данном случае подогревают процесс формирования медийной площадки и, соответственно, ее медийного объекта. Для наиболее эффективного его изучения необходимо сформулировать теоретическое определение, которое позволит нам установить, что медийный объект, сформированный согласно вектору «из вне» — это средство массовой коммуникации, сформированное под влиянием аудитории и под воздействием реверсных механизмов, возникающих в процессе совершенствования технических средств.

Обобщая вышесказанное, отметим, что согласно теории о развитии систем, находясь в начале пути формирования, региональное медийное поле проявляет некое «развертывание», т. е., вбирая в себя все новые, как дифференцированные, так и интегрированные информационные потоки медийного поля посредством влияния неограниченного количества авторов, трансформирует информацию, интерпретирует ее и, наконец, транслирует в информационное пространство уже в новом виде.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Вартанова Е. Л.** Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М., 2013.

² См.: **Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.** Психология жителей интернета. М., 2011. 224 с.

³ **Десяев С. Н.** Образ времени и время образа. Саранск, 2003. С. 81.

⁴ См.: **Сапунов Б. М.** Культурология телевидения. М., 1999. С. 46.

⁵ **Ушинский К. Д.** О значении родного языка. URL: <http://www.Studopedia.ru> (дата обращения: 26.08.22).

⁶ См.: **Соломин В. Е.** Факторы медийности сетевой журналистики // Журналистика в условиях социально-политической конвергенции российского общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию создания кафедры журналистики и 25-летию открытия специальности «Журналистика» в Мордов. гос. ун-те им. Н. П. Огарева (2014 г.). Саранск, 2015. 228 с.

⁷ См.: **Никитенко А. А.** Интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность, как детерминирующие типологические признаки сетевых изданий // Вестник ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 159 — 166.

УДК 316.722

Н. В. Дулина

Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (г. Волгоград)

В. А. Мансуров, Е. И. Пронина, П. С. Юрьев

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)

Г. С. Широкалова

Приволжский филиал Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук (г. Нижний Новгород)

Д. В. Шкурин

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье на материалах социологического исследования студентов из всех регионов Российской Федерации (N=9751) выявлено их отношение к нематериальному наследию национальных культур и включению его элементов в повседневную жизнь молодежи. Авторы приходят к выводу, что их вытеснение закономерно в обществах модерна и постмодерна, поэтому требуется постоянная поддержка государством народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

Ключевые слова: народная культура, традиции, Россия, студенты.

30 декабря 2021 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан Указ, согласно которому 2022 год был объявлен «Годом культурного наследия народов России». Его цель — популяризация народного искусства, сохранение культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей нашей страны. Разделяя мнение об актуальности данных проблем, Российское общество социологов (РОС) весной 2022 г. провело исследование «Культурное наследие и связь поколений», одной из задач которого являлось сравнение культурных идентификаций студентов вузов из разных Федеральных округов Российской Федерации. Одной из гипотез исследования было предположение, что сложный национальный и конфессиональный состав России, несмотря на общие образовательные стандарты, является значимым фактором цивилизационной идентичности молодежи. Исследование исторической памяти студентов о Великой Отечественной войне, проведенное РОС в 2020 г.¹, доказало единообразие представлений и отношений к событиям середины XX в. вне зависимости от места жительства. Это естественно, поскольку россияне живут в условиях единого, хотя и противоречивого информационного поля,

учатся по сравнительно единой образовательной программе². С другой стороны, обнаружилась значимость такого фактора как религиозность респондентов³.

В отличие от многих исследований вопрос о религиозности респондентов нами был задан не в общепринятой форме: «Вы — человек верующий?», а «Вы — человек религиозный?». Это позволило «очистить» группу «верующих» от тех, кто верит в инопланетян, космический разум и т. п. Как показали результаты проведенного исследования 2020 г., религиозные студенты оказались более патриотически настроенными по сравнению с теми, кто индифферентен к религии.

В связи с этим в исследовании 2022 г., посвященного изучению отношения студенческой молодежи России к культурному наследию, мы ожидали существенных различий в распределении ответов по регионам России, но их значимость оказалась неожиданной. Далее мы будем приводить данные, полученные в рамках именно этого социологического исследования.

После редактирования собранного массива анкет, полученных в ходе упомянутого выше исследования, в базе данных (по основному объекту исследования: студенты российских вузов — граждане России) было сохранено 9 751 наблюдение. В том числе по федеральным округам:

Приволжский федеральный округ (ПФО) 3 433 чел. (35,2 %);

Южный федеральный округ (ЮФО) — 2 329 чел. (23,9 %);

Центральный федеральный округ (ЦФО) — 1 416 чел. (14,5 %);

Уральский федеральный округ (УрФО) — 1 054 чел. (10,8 %);

Сибирский федеральный округ (СФО) — 453 чел. (4,6 %);

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) — 431 чел. (4,4 %);

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) — 379 чел. (3,9%);

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) — 256 чел. (2,6%).

Из-за особенностей стихийной выборки пропорции относительно численности студентов в федеральных округах не выдержаны, но в каждом федеральном округе опрошено достаточно студентов для проведения сравнения между округами. Метод сбора первичной информации в данном исследовании — он-лайн анкетирование (с использованием Google-form)*.

Рассмотрим специфику ответов студентов разных регионов на вопросы о важности народной культуры для современного человека (табл. 1).

* Вся предварительная обработка данных (формирование общего массива эмпирических данных, его редактирование, обработка и пр.), полученных в ходе исследования, выполнены кандидатом соц. наук, доцентом УрФУ Д. В. Шкуриным (разработчиком программного комплекса Vortex).

Таблица 2

Мнение студентов о важности сохранения национальной культуры, %

Как вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Да, если он ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций	43,8	49,1	41,0	39,8	61,3	48,7	39,5	70,7
Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов	49,6	46,3	52,3	55,1	34,1	45,6	56,3	25,6
Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность	6,6	4,6	6,7	5,1	4,6	5,7	4,2	3,7
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Пропуски: 0 из 9 751 (0,0 %).

Отрицает важность национальной культуры в среднем один студент из двадцати, что свидетельствует о том, что глобалистская культура не агрессивна в молодежной среде. Разница по федеральным округам очень значительна. Необходимость уважительного отношения к другим культурам преобладает в четырех округах, еще в трех доли ориентированных, прежде всего, на свою культуру и признающих необходимость учета национального многообразия близки. На наш взгляд, это показатель, свидетельствующий о позитивном принятии факта многонациональности / многоконфессиональности состава России и залоге устойчивости отношений между народами. В СКФО и ДФО ситуация иная. Модернизация жизни коренных народов на этих территориях прошла очень своеобразно: часть из них «вписалась» в процесс промышленного производства, утратив национальные традиции и приобретя новые под влиянием миграции славянских групп, ставших референтными. После формирования национальной интеллигенции, особенно гуманитарной, «маятник» качается в сторону осознания собственной самобытности как условия сохранения этноса. Миграция сельского населения в города может придавать этому процессу и конфликтный характер, что ярко проявилось в девяностые годы после разрушения СССР. Надо учитывать и многоэтничность народов Кавказа, многие из которых имеют очень небольшую численность, что порождает особые тайповые отношения взаимопомощи.

Вопрос «Считаете ли вы важным сохранение народной культуры?» является в определенной мере контрольным для предыдущего (табл. 2).

Таблица 2

Мнение студентов о важности сохранения национальной культуры, %

Считаете ли вы важным сохранение народной культуры?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам	76,8	82,1	75,4	74,2	82,4	76,5	73,5	83,9
Народная культура — пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления	8,3	7,2	10,5	8,3	8,0	10,0	8,4	6,6
Затрудняюсь ответить	13,3	9,4	11,3	14,8	8,4	12,3	15,7	9,5
Другое	1,6	1,3	2,8	2,7	1,2	1,2	2,4	0,0
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Пропуски: 0 из 9 751 (0,0 %).

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,054; Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Отличие количества «глобалистских» ответов в табл. 1 и 2 в рамках статистической погрешности. Значительна доля «затруднившихся с ответом» особенно велика в СФО и СЗФО. Можно предположить, что «метания» вызваны пониманием того, что жизнь требует других стандартов, хотя отказ от культуры предков — это утрата самоидентификации.

Насколько вербальное признание важности национальной культуры соответствует образу жизни молодежи можем проследить по табл. 3.

Таблица 3

Отношение студентов к народной культуре, %

Укажите каким образом вы лично проявляете отношение к народной культуре	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Учат и пользуются родным языком в повседневности	73,4	74,9	81,5	74,8	75,9	75,7	77,8	77,7
Читают литературу на родном языке	64,7	72,8	83,0	78,0	50,4	70,0	80,3	46,2
Готовят блюда национальной кухни	54,8	57,8	55,3	51,4	64,1	54,2	60,0	58,4
Уважают и соблюдают народные обычаи	52,8	56,0	44,5	45,9	73,4	51,6	53,7	81,0
Слушают национальную музыку	43,0	43,7	42,2	41,3	56,6	43,5	44,1	40,3
Знают и поют народные песни	35,5	34,7	28,5	33,0	37,5	32,4	33,4	23,6

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Собирают библиотеку на родном языке	31,8	37,7	44,1	44,5	23,2	30,3	37,5	19,3
Танцуют народные танцы	22,4	24,4	15,3	20,2	39,2	20,4	16,4	36,4
Исполняют религиозные обряды	20,4	22,7	16,7	21,6	33,6	16,9	14,8	59,0
Используют народную медицину	20,0	17,9	16,3	15,6	20,7	17,3	16,7	20,7
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	16,5	15,2	8,0	7,8	21,0	12,4	10,1	30,5
Воспитывают детей в традициях своего народа	15,3	18,4	14,9	12,8	26,1	17,6	12,3	30,8
Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	12,4	13,7	9,7	7,3	17,4	10,9	12,3	11,8
Играют на национальных музыкальных инструментах	11,0	11,6	8,6	5,5	30,8	10,9	7,9	10,8
Освоили народные промыслы	10,4	10,6	7,8	5,0	16,8	9,7	6,6	16,4
Используют в одежде элементы народного костюма	9,1	10,3	7,4	12,4	30,5	10,3	7,9	18,0
Имеют собственный национальный костюм	6,7	7,9	4,7	4,1	39,5	6,6	4,1	11,8
ИТОГО:	500,2	530,3	488,5	481,2	656,7	490,7	495,9	592,7

Пропуски: 1 949 из 9 751 (20,0 %).

Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,068; Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

В наибольшей степени элементы народной культуры присутствуют в повседневной жизни у студентов, живущих в Дальневосточном федеральном округе: на каждого респондента приходится в среднем 6,6 ответов, менее всего — в Северо-Западном федеральном округе — 4,8 ответа. Этот округ традиционно наиболее подвержен влиянию западного образа жизни: здесь реже готовят блюда национальной кухни, в меньшей степени уважают и соблюдают народные обычаи, обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру и т. д.) за советами, осваивают народные промыслы, вышивают, вяжут, лепят в народном стиле, играют на национальных инструментах. Дело не только в приграничном соседстве. Перечисленным элементам нет места в темпе жизни жителя современного мегаполиса: их освоение требует больших временных затрат. Ежедневный фастфуд необходим, а редкие экскурсии за фольклорной экзотикой в музей или «глубинку» вполне удовлетворяют потребность в приобщении к истории.

Иная картина в наиболее удаленном от Запада Дальневосточном регионе. Из 17 показателей присутствия в обыденной жизни элементов народной культуры 9 имеют самые высокие показатели, в то время как, например, в Северо-Кавказском федеральном округе, имеющем большую долю многочисленных коренных народов с сильными традиционалистскими отношениями, но включенных в курортный и туристический бизнес, всего пять.

Специально оговорим показатель «Воспитывают детей в традициях своего народа». Среди студентов практически нет имеющих детей. В связи с этим ответ на этот вопрос характеризует семью респондента. Семья по-прежнему остается значимым фактором определения жизненных путей молодежи во всех сферах⁴.

Отметим еще одну закономерность: чем этнически более однороден округ, тем больше говорящих и читающих литературу на родном языке (табл. 4).

Таблица 4

Национальность респондентов, %

Ваша национальность?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Азербайджанец/ка	0,6	0,9	1,2	0,4	0,0	1,9	0,3	0,6
Армянин/ка	0,2	1,7	0,4	0,4	0,0	0,9	0,6	0,0
Башкир/ка	9,0	0,1	0,1	0,4	0,0	1,3	0,3	0,0
Казах/ка	0,3	1,7	0,1	0,4	0,2	0,8	1,2	0,0
Русский/ая	66,7	81,0	88,6	83,4	16,5	76,3	83,3	3,1
Татарин/ка	15,1	1,2	1,3	1,7	0,0	4,8	0,9	0,3
Тувинец/ка	0,0	0,1	0,1	0,0	0,7	0,0	1,4	0,0
Украинец/ка	0,4	0,9	1,1	2,1	0,2	1,9	1,2	0,0
Якут/ка	0,1	0,2	0,2	0,0	64,0	0,0	0,0	0,3
Чеченцы	0,0	0,4	0,1	0,4	0,0	0,9	0,0	44,0
Лезгины	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	0,9	0,0	2,2
Аварцы	0,0	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1	0,0	3,4

Пропуски: 1 304 из 9 751 (13,4 %).

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,444; Вероятность ошибки (значимость): 1,000.

В таблице представлены только те нации, представителей которых в выборке более 1 %.

Например, в ЦФО 88,6 % русские — разговаривают и читают литературу на родном языке, соответственно, 81,5 % и 83,0 %. В ДФО якуты составили 64,0 %, 16,5 % — русских, 11,3 % — других народов, а разговаривают и читают литературу на родном языке 75,9 % и 50,4 %, что свидетельствует о постепенном вытеснении национальной литературы. В Республике Саха (Якутия) в связи со столетним юбилеем Республики в последние годы идет активная государственная программа по возрождению национальной культуры и, прежде всего, значения языка. К сожалению, подобный этнокуль-

турный ренессанс всегда включает элементы поиска «виновных» через противопоставление мифологизированного далекого прошлого и недавнего настоящего⁵.

Особая ситуация в СКФО, где живут десятки малых коренных народов, но не все из них имеют письменность. Например, в Республике Дагестан проживают 102 народности, из которых 36 являются коренными, и лишь 14 из них, насчитывающие более 50 тысяч, имеют свою письменность, алфавит, и государственный язык⁶. Поэтому говорящих на родном языке на 30 % больше, чем читающих на нем.

Отметим еще одну особенность: 13,4 % опрошенных не назвали своей национальности. Возможно, это проявление тенденции, ярко заявившей себя в переписи 2010 года, когда вынужденные отвечать переписчику опрашиваемые называли себя «эльфами», «людьми земли», «афророссиянами» и т. д.⁷ Кстати, в переписи 2021 года можно было причислить себя к нескольким национальностям, учитывая, что в России много смешанных семей и есть те, кто не идентифицирует себя с одной из них⁸. Наконец, при заполнении анкеты можно было просто пропустить этот вопрос.

Чем больше доля респондентов, чья первичная социализация проходила в сельской местности, тем больше в их жизни элементов народной культуры (табл. 5).

Таблица 5

Населенные пункты, в которых проходило детство студентов, %

В каком населенном пункте вы росли?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
В деревне	6,1	3,1	2,0	3,1	14,6	2,9	3,3	0,5
В селе	12,3	21,7	5,3	7,1	32,8	7,6	16,3	38,3
В поселке городского типа	14,6	16,0	10,7	10,5	12,8	14,5	17,7	9,3
В малом городе	20,4	19,1	17,9	21,1	16,5	27,3	20,8	10,3
В среднем городе	18,7	20,4	25,8	28,5	17,4	28,5	16,7	18,7
В большом городе	25,8	16,6	12,3	28,5	3,5	17,0	23,4	14,5
В столице своей страны	2,1	3,1	26,0	1,2	2,6	2,2	1,8	8,4
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Пропуски: 0 из 9 751 (0,0 %).

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,189; Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

Распределение ответов наглядно показывает большую роль малых населенных пунктов в сохранении народной культуры. Более тесная связь с семьей наблюдается в ДФО, студенты которого дали наибольшее количество ответов о сохранении элементов народной культуры. Там же самая малая доля тех, кто рос в столичном или большом городе (6,1 %). И наоборот, из студентов ЦФО и СЗФО, давших наименьшее количество ответов о сохра-

нении элементов народной культуры, доля выросших в столице и крупном городе — 38,3 % и 29,7 % соответственно.

Подведем итоги. Исследование позволило зафиксировать снижение значимости национальной культуры у молодежи. Причины этого процесса вполне объективны: ритм современной жизни, особенно в больших городах, навязывает упрощенные стандартные формы бытовой культуры. Отказ от них ведет к исключению из референтного сообщества, ориентированного на материальный и социальный успех в формах, пропагандируемых СМИ как одобряемую норму. Не согласные с либеральными ценностями вынуждены искать анклавы, в которых приоритетность традиционных моральных устоев и образа жизни сочетается с новыми формами удаленной занятости, как например, в родовых поместьях, коммунах и т. д.⁹

Библиографические ссылки

¹ См.: Спасибо прадеду за Победу... : моногр. по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005 — 2010 — 2015 — 2020 гг.). Екатеринбург, 2020. 352 с.

² См.: Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19 — 35 ; Патриотом быть обязан? (об отношении к событиям и фактам истории Великой Отечественной войны современных российских студентов и соотечественников, проживающих за рубежом : сопоставительный анализ / Н. В. Дулина [и др.] // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 3. С. 35 — 45.

³ Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Межконфессиональное взаимодействие народов Юга России // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение : сб. материалов конф. «Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение» (1 — 3 нояб. 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2019. С. 191 — 193.

⁴ См.: Павлов Б. С., Пронина Е. И., Павлов Д. Б. Родительские советы как фактор профессионально-трудовой социализации молодежи в регионе // Большая Евразия : Развитие, безопасность, сотрудничество : Ежегодник. М., 2020. Вып. 3. Ч. 2. С. 893 — 899.

⁵ См.: Пудов А. 100-лет культуры: много или мало для Республики? URL: <https://sakhalfire.ru/100-let-kultury-mnogo-ili-malo-dlya-respubliki/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ Дагестанцы. URL: <http://inter.pskovlib.ru/info/etnomir2017/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁷ Перепись выявила в России гномов и самураев. URL: <https://www.vesti.ru/article/2137318> (дата обращения: 16.12.2011).

⁸ Россияне смогут назваться в переписи населения печенегами и эльфами — РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbfreenews/61656f8e9a79472133659a06> (дата обращения: 20.04.2022).

⁹ См.: Широкалова Г. С. Новые формы организации сельской жизни: поиск альтернатив // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., приуроченной к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2022. С. 236 — 244.

УДК 398.33(470.4)

И. В. Зубов

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

РАСТИТЕЛЬНАЯ И ЗООМОРФНАЯ СИМВОЛИКА В ОБРЯДЕ И ФОЛЬКЛОРЕ ПРОВОДОВ ВЕСНЫ МОРДВЫ ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена рассмотрению растительной и зооморфной символики на примере завершающего весенне-летний цикл обряда проводов весны. Анализируются традиционные формы его проведения и современные трансформации по материалам, полученным в ходе полевых экспедиций на территории Республики Мордовия, Республики Татарстан, а также Нижегородской и Самарской областей. Рассматривается проекция семантики растительности в приуроченных фольклорных произведениях.

Ключевые слова: провода весны, фольклор, обряд, мордва.

Одним из первых к проблеме реконструкции и анализа песенного репертуара и обрядов, связанных с весенне-летним циклом в мордовской фольклористике в XX в. обратился К. Т. Самородов. К нему исследователь относил песни — призывы весны, масленичные, великопостные, вербного воскресенья и песни, посвященные проводам весны¹. Однако если начальному периоду ученый уделил значительное внимание, в частности, отмечая детали выпекания обрядовой пищи, обходу домов молодежью, исполнению определенных песен, соответствующих обстановке, то завершающему этапу практически не нашлось места в его работе. Окончанием весенних обрядов К. Т. Самородов называет Троицу и связанные с ней провода весны. Дальнейшее изучение календарно-обрядового цикла у мордвы подтверждали его наблюдения, обозначая хронологические рамки проводов весны, связанных у мордвы с православными праздниками². При этом отличительной особенностью их проведения оставалась главенствующая роль образа растительности, через который реализовывалась идея плодородия. Укорененность веры в ее силу проникала и в последующие за весенними летние циклы обрядов. Так, опираясь на материалы А. А. Шахматова и А. Мартынова по мордве нижегородской и саратовской губернии, Г. А. Корнишина указывает на то, что раньше «...мордовские девушки украшали себя зеленью и цветами в Петров день. Накануне они мылись мочалками из растений и цветов, а затем раскидывали их по полу бани. Считалось, что хлестание в это день зеленью и ветками принесет здоровье, красоту и плодovitость»³. Важно отметить, что неразрывность обряда и фольклора, а, следовательно, и смысловой наполненности совершаемых действий с приуроченными произведениями в весеннем календаре подчеркивается и в этномузыкаведческих

исследованиях. Так, Н. И. Бояркин, обращаясь к троицким песням, отмечал, что у мордвы-мокши они традиционно исполнялись «...небольшими семейными группами певцов во время традиционной обрядовой еды в поле и огороде»⁴. Л. Б. Бояркина проводит весну у мордвы называет традиционным праздником, приуроченным к последнему воскресенью троицкой недели⁵, однако в его описании опирается на тесную связь религиозной основы и фольклора в его бытовании. В частности, ученым отмечено три основных этапа его проведения: озкс (моление), троицьянь чувтось мельга молема (поход за троицким деревом) и карнавал «Гундонь ильтямо» (проводы весны).

При кажущейся статичности структуры этого обряда нужно помнить, что она не является полностью идентичной у мордвы-мокши и эрзи, тем более за пределами Республики Мордовия. Полевые экспедиции последних лет показывают, что существовали и отличия в локальных вариантах, бытовавших или до сегодняшнего дня существующих на разных территориях проживания мордвы. Так, в Зубово-Полянском районе МАССР во второй половине XX в. в песнях проводов весны продолжали звучать пожелания урожая, больше характерные для начального этапа встречи весны и ее «заклички»: «Весна, весна, / Весна-красавица! / Ты всю землю зеленью одела, <...> Было бы побольше / Теплых дождичков, / Теплых дождичков, / Летних гроз. / Уродились бы в полях густые хлеба, / Народились бы в семьях / Умные мальчики»⁶. В приуроченном к обрядам проводов весны тексте, записанном у мордвы-эрзи Куйбышевской (ныне Самарской) области в 1961 г., инициирование урожая происходит через гиперболизацию свойств растительности, распространенную в приуроченных произведениях мордвы: «...Бог пусть даст <...>/ Хороший налив хлебам, / Чтобы была с камыш солома, / С кнутовище колос»⁷. Отличия, раскрывающие прагматику обрядов и песен, нуждаются в более глубоком изучении, поскольку способствуют раскрытию особенностей формирования общего фольклорного ландшафта на территории проживания мордвы. Иницирование подобных исследований связано, на наш взгляд, еще с одним фактором. Весенние песни-заклички раньше, со слов информантов, прекращали исполнять к троицкой неделе, что, вероятно, связано с проведением обряда проводов весны. Таким образом, можно сделать предположение, что он носил пограничный характер, и его бытование четко очерчивало завершение определенного этапа календарного цикла мордвы.

Помимо растительной символики, проявляющейся в песнях, молитвенных обращениях и благопожеланиях, исполнявшихся в период проводов весны, заметным явлением в нем были зооморфные образы. В частности, речь идет о таком персонаже, как «конь» (чучело, либо группа исполнителей, изображающих «коня»). Наряду с символом солнца, конь представлял-

ся духом растительности, возрождающейся весной природы. Вождение «коня» по улицам, дворам, полям с целью достижения благополучия и высокого урожая как в отдельном хозяйстве, так и в селении в целом осмысливалось как вождение самой весны. Шествие «коня» (иногда с мальчиком на спине) сопровождалось хороводами и песнями, некоторые из них посвящались непосредственно весне. Заключительная часть этого действа проходила обычно на ржаном поле, где с песнями, плясками и играми разбирали чучело «коня» до следующего года. В XXI в. развлекательное значение таких представлений усиливаются, однако функции главных персонажей, в сравнении с ранее существовавшими практически не замещаются и не исчезают. Так, в 2019 г. в с. Рыбкино и Черемис, д. Барки Ковылкинского района Мордовии были записаны сведения, подробно описывающие ежегодно проводимых здесь проводов весны, называемых «русалка». В этот день, обычно через неделю после Троицы, здесь делают чучело коня, которое проводится по улицам под пение и пляски жителей. Сам «конь» постоянно шутивно озорует — брыкается, нападает на прохожих. Однако общение с этим персонажем осмысливается как часть предохранительной и аказиональной обрядности — люди должны после этого меньше болеть, во дворах должен лучше плодиться скот и т. д.

Еще одним олицетворенным персонажем проводов весны является береза. Ключевое значение этого дерева наглядно просматривается, например, в традиции именно под украшенной «березой-невестой» ставить стол с едой для участников действа. В материалах М. Е. Евсевьева⁸, относящихся к XIX в., встречается описание проводов весны, где девушки уходили в лес с приготовленной заранее пищей, пекли яичницу, здесь же делали из молодых берез подобие ворот и водили хороводы, исполняли песни. О существовании сходного обычая в XX в. у мордвы-эрзи в Лукояновском районе Нижегородской области писал Н. В. Морохин⁹, указывавший на традицию наряжать девушек, участвующих в праздновании, которые затем водили хороводы, пели песни, а в конце бросали в реку березовые ветки. Такой обычай был зафиксирован и у мордвы-эрзи с. Чукалы и Луньга Ардатовского района Мордовии, где после завершения хороводных игр молодую березу под свадебную песню несли к реке и бросали в нее. Во время проводов весны у мордвы отмечались также другие традиции: девушки-участницы обменивались нательными крестами (кумились); плели (завивали) венки и бросали их в воду, что, вероятно, было связано с верой в судьбу, зависящую от Ведьавы; заламывали березовые ветки. Театрализованные формы проводов весны у мордвы и эрзи описаны В. С. Брыжинским. Среди участников этого праздничного действа выделяются Калинат, Спужалат; Вирь ломатть (м., «Лесные люди»), Палакс рвяня (м. «Крапивная молодушка»), Панчф рвяня (м. «Цветочная молодушка») как олицетворения просыпающейся

природы. Задачей этих персонажей было визуально передать содержание исполняемых песен и развлечь участников.

Березу, которую мордва во время проводов весны часто именовала «невеста-береза», можно отнести к персонажам весенних обрядово-праздничных действий репродуцирующего характера. Обрядовые действия и игры с ее участием устраивали обычно в период завершения весенне-полевых работ. По мнению П. И. Мельникова, проводившего некоторые аналогии между мордовской и славянской мифологией, в период славянских летних Святок, позже получивших название «Троица», у мордвы был свой национальный праздник, проводившийся преимущественно женской частью населения¹⁰. Возможно, речь идет именно об обрядовых представлениях, связанных с «невестой-березой», поскольку последние имеют временное и идейно-тематическое сходство с летними Святками у славян. Кроме того, береза является закрепившимся в фольклоре образом девушки, реже женщины. Вождение хороводов вокруг березы, или ее ветки, украшенной разноцветными лентами, платками, кольцами и предметами рукоделия, фиксировались у мордвы во второй половине XX в. почти повсеместно. Хороводы водили чаще пожилые женщины. В начале они угощали всех брагой и пирогами, подзадоривали прибаутками, а затем все вместе пели мордовские и русские песни, плясали, участвовали в играх и шуточных сценках. После этого начиналась ключевая часть обрядово-праздничных действий, главной целью которой являлось символическое объединение двух основ жизни, источников существования крестьянина — воды и земли. Эти представления олицетворяла молодая береза или ее ветка, которую несли к реке топить*. В данный момент береза выступала в роли невесты, а юноша, несущий ее на вытянутых руках, — жениха. Обычай бросать «невесту-березу» в воду означал объединение невесты (земли) с женихом (водой), подчеркивающее неразрывную связь двух стихий, призыв к антропоморфным силам природы, с целью их побуждения к воспроизводству продуктов земледелия. Принесение воде в качестве жертвы «невесты березки» также является отголоском языческой веры мокши и эрзи в могущество окружающего мира природы, положительное отношение которого к человеку обеспечивалось, как и у многих других народов, обязательным элементом — жертвоприношением.

* В 2021 г. в Большеберезниковском районе РМ в ходе работы полевой экспедиции удалось выяснить, что в некоторых селах района до последнего времени во время проводов весны носили украшенную ветку дерева (обычно березы) в поле, где участники ее бросали, и возвращались в село для дальнейшего празднования. У мордвы-эрзи Чамзинского района в 2022 г. были записаны сведения о том, что до недавнего времени украшенную березовую ветку было принято приносить в село, ставить на центральной площади как главный атрибут праздника проводов весны.

Отголоски этих верований встречаются до сих пор. Так, проекцией продуцирующих обрядов можно считать прямое обращение к центральному персонажу с просьбами о хорошем урожае и здоровье, как это происходит в с. Старые Турдаки Кочкуровского района РМ. Здесь весну провожают в следующее воскресенье после Троицы. Для этого наряжают парней кленовыми ветками целиком, закрывая и лицо, и называют их Тундо («Весна»). Ряженные приходят в село, где встречающие их жители обращаются к ним с просьбами.

В некоторых селах Кочкуровского района проводы весны, отмечаемые на Троицкой неделе (всю неделю или в определённый день, в зависимости от локализации) называют «Игрища», а местом проведения выбирают лесные поляны, что также вероятно связано с былым культом растительности. Информанты сообщали, что после завершения праздника траву с этих полей приносили в дом, и держали некоторое время «для здоровья» в семье.

В с. Новая Пырма «Веснань ютамо» («Проводы весны») проходили в следующее после Троицы воскресенье. Центральным персонажем здесь был «конь» — его чучело, которое наряжали на краю села. Здесь также присутствовали две молодые девушки, головы которых украшали венками из березы и клена. Их функции — ношение «весны» сопровождалось танцами возле каждого дома, где останавливалась процессия. Действия этих персонажей завершались за селом, в поле, куда выходили все участники. Здесь чучело коня разбирали, стелили на землю полотенце, на которое раскладывали принесенную еду — брагу, пироги и др., после чего начинали моление. Пожилые женщины, которые его проводили, произносили пожелания здоровья, мира, чтобы молодые женщины рожали детей. Кроме того, обязательным считалось произнесение пожелания, которое завершало собой весенний период и открывало летний: «Пандя озимь теть, ней розь!» («Хватит тебе, теперь рожь!») [ПМА: Адмайкина].

Определенные трансформации локальных продуцирующих календарных обрядов, связанных с праздничной культурой русского населения, имеющих параллели с обрядами проводов весны, распространенными на территории Мордовии, просматриваются в «Овтонь якавтома» («Вождение медведя»), сохранившимся до сих пор и проводимым, как и раньше, на второй день Троицы (Духов день) у мордвы Республики Татарстан. Ряженный в ветки деревьев «медведь», роль которого в зависимости от конкретного села исполняли женщины, мужчины, или дети наделялся здесь в том числе функциями подателя дождя: в случае, если считалось, что год предстоит засушливый, он должен был во время обхода села облить людей водой, разбрызгивать ее, тем самым обеспечивая дождь. То же самое должны были делать и встречающие его жители. Согласно материалам рукописных источников, сформированным по результатам экспедиции 1971 г., известно, что

вождение по селу ряженого медведя бытовало по крайней мере в с. Киртели. Экспедиция 2021 г. показала, что обряд этот существовал практически во всех исследованных селах, известен очень давно и имеет на сегодняшний день хорошую сохранность. В с. Кильдюшево, Кадышево, Киртели и Урюм медведя водят практически ежегодно. Несмотря на определенное нивелирование обрядовых обстоятельств и дополненность развлекательными функциями, «Овтонь якавтома» до сих пор является важной составляющей жизни, событием, которое стараются не пропускать местные домохозяйки. В с. Кильдюшево обычно «медведя» провожали к ближайшему водоему, снимали с него все ветки и бросали в воду, а сами участники обряда залезали в воду и купались или обливали друг друга.

Относительно изменений, коснувшихся песенного репертуара, имеющего отношение к проводам весны, нужно отметить, что в поздний период фиксации весенних праздничных и обрядовых произведений, связанным с развитием вторичных фольклорных коллективов, появляется и новая жанровая составляющая исполняемых в этот период песен. Заметно употребление неприуроченных бытовых и лирических произведений, а также произведений, получивших в этом случае вторичную приуроченность. При этом оставалась неизменной сама традиция ансамблевого пения как неотъемлемого элемента проводов весны. Так, в Ковылкинском, Зубово-Полянском, Кочкуровском и Чамзинском районах Мордовии информанты, вспоминая о своем участии в этом обряде, указывали на обязательность исполнения песен «хором», поскольку «праздник был большой для всех, и всегда там песни пели» [ПМА: Миркикина]. Сохраняются и определенные обстоятельства их исполнения — часто наблюдается присутствие растительности (ветки деревьев и травы), которой не только украшают дома, но и носят с собой по улицам. Однако в самих произведениях, среди которых встречаются лирические, сатирические, круговые песни, частушки, главный символ весенне-летнего обрядового комплекса — растительность, уходит на второй план, формируя новое социокультурное значение проводов весны — празднование.

Полевой материал автора

1. Адмайкина Е. Г., 1947 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
2. Миркикина А. Д., 1934 года рождения, с. Большое Маресево Чамзинского района Республики Мордовия, запись 2022 г.

Библиографические ссылки

¹ См.: Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980. С. 65.

² См.: Имайкина В. Л. Обрядовый календарь зимнего сезона у мордвы // Ученые записки Мордовского университета. 1968. № 64. С. 72 — 93 ; Корнишина Г. А. Тради-

ционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. 150 с.

³ Корнишина Г. А. Указ. соч. С. 35.

⁴ Мокшанские приуроченные песни и плачи междуречья Мокши и Инсара. Саранск, 1981. С. 14.

⁵ См.: Бояркина Л. Б. Тундань прважама // Мордовская музыкальная энциклопедия / под общ. ред. Н. И. Бояркина. Саранск, 2011. С. 334 — 336.

⁶ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. С. 156.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ См.: Евсеев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. 552 с.

⁹ См.: Морохин Н. В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997. 224 с.

¹⁰ См.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. 134 с.

УДК 130.2:94

Н. И. Изергина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)*

ТВОРЧЕСТВО ИВАНА ИЛЬИНА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

В статье показывается значение работ И. А. Ильина, посвященных России, ее истории и культуре, для формирования исторической памяти в условиях жесткого противоборства ценностей и процесса разрушения исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, постсоветская трансформация, Иван Ильин, манипуляция, технология.

Отмечая актуальность проблемы, следует подчеркнуть большую востребованность концепции исторической памяти в условиях общественно-политических трансформаций постсоветского периода и междисциплинарный характер ее исследований, что породило множество определений исторической памяти. Согласно Википедии, «историческая память — набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа»¹.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-130002 р а «Финно-угорские народы России: опыт системного анализа».

Следует согласиться с мнением о том, что с течением времени возрастает политическая и идеологическая актуальность исторической памяти, выступающей как «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом»², что очень важно в современном российском национал-строительстве.

Историческая память как часть культуры общества сохраняет оценки прошлого, обеспечивает преемственность времен и поколений. Современный мир представляет собой арену жесткого противоборства ценностей во всех сферах жизни общества, особенно в духовной сфере. Происходит процесс «разрушения исторической памяти и внедрения в массовое сознание мифов, на основе которых развенчиваются традиционные ценности»³. Манипуляции исторической памятью приводят к искажению смысла событий, к преувеличению (преуменьшению) значения одних событий и к забвению других. Иначе говоря, манипуляции исторической памятью проявляют ее деструктивные возможности, в основе которых лежит субъективный фактор, намеренное желание нанести ущерб политическому оппоненту, ослабить или даже уничтожить его через обман, искажение реальности. Делается это для управления коллективным сознанием и поведением людей с использованием разнообразных современных технологий.

В целом процесс разрушения исторической памяти предполагает создание новых смыслов через разрушение сложившегося стереотипа или включение знакомой идеи в новый контекст. Наиболее ярко в постсоветский период это наблюдается в отношении к нашей победе во Второй мировой войне, а для нас — Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. О состоянии исторической памяти европейцев красноречиво говорит тот факт, что в большинстве своем они считают освободителями Европы от фашизма американцев, а СССР равняют с гитлеровской Германией. В связи с этим современным западным политическим мифотворцам, имеющим целью, как минимум, ослабить современную Россию, являющуюся правопреемницей Советского Союза, вынесшего основные тяготы войны с фашизмом, объективная оценка реальности не нужна. Им нужны злонамеренные мифы для внедрения их в сознание большого количества людей и управления ими в своих интересах. Между тем реальность такова: Красная армия освободила почти 50 % территории современных европейских государств с населением более 120 млн чел. в 16 независимых сегодня странах Европы. В освобождении еще 6 стран Красная армия участвовала вместе с союзниками. Только при освобождении Польши, Чехословакии, Венгрии, Германии и Румынии погибло 1 051 088 советских солдат⁴.

Умаление значения идеи Великой Победы над фашизмом российская либеральная оппозиция осуществляет путем постоянного включения ее в контекст вопроса о том, нужны ли были победы такой ценой? Тем самым

игнорируется главное, духовный смысл вопроса о войне народа за свою свободу и независимость, который очень точно передан следующими строками песни из кинофильма «Белорусский вокзал»:

«Летит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым.
И значит нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим».

В. В. Кафтан и Л. И. Чернышова анализируют наиболее знаковые технологии для разрушения исторической памяти о Великой Победе, опирающейся на учет реальности, а не ее игнорирование или искажение.

Технология «Окно Овертона», согласно которой для внедрения чуждой для данного общества идеи необходимо ее продвигать постепенно, от полного отвержения до широкого обсуждения, принятия массовым сознанием и законодательного закрепления. Эта технология используется для поэтапного продвижения предателей в ранг национальных героев. Так, бывший генерал Красной армии А. Власов представляется не как предатель, а как борец со сталинизмом, диссидент и практически национальный герой. То же происходит сегодня в отношении предателей Бандеры и Шухевича в Украине.

Технология подмены понятий ориентирована на выдачу какого-либо явления за то, каким оно в действительности не является. В этом контексте предпринимаются попытки представить советскую и современную Россию как агрессора против Германии и Украины.

Технология перестановки акцентов нацелена на то, чтобы одно утверждение выставить новым и важным, а другое — замаскировать или замолчать.

Технология иронизации предполагает тонкую скрытую насмешку, осуждение под видом похвалы. Фактически попытки юмористически представить, например, Холокост, являются кощунственными в отношении жертв войны, косвенно оправдывающими фашистских военных преступников.

С помощью технологии бриколажа преобразуется значение объектов или символов посредством нового использования или нестандартных переделок несвязанных вещей. Примером подобной технологии служит отождествление героизма девушек-снайперов в годы Великой Отечественной войны с маниакальным убийством.

Разрушение духовных идеалов осуществляется при помощи технологии десимволизации. Символическая Георгиевская ленточка, посвященная празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне, в современной Украине стала символом сопротивления националистической власти, сохранения памяти об общей истории и общей Победе над нацизмом и фашистской военщиной. Те же на Украине, кто преследует интерес разру-

шения исторической памяти, борются с этим символом, называя «колорадами» тех, кто продолжает носить этот символ Победы, и призывают травить и сжигать их. Образ победителей фашизма как «вредителей» дополняется образом «ватников», отличающихся алкоголизмом, «квасным» патриотизмом, «православием головного мозга», «рабским менталитетом», любовью к власти и ненавистью к Западу. Делается это для искоренения из исторической памяти образа народа-победителя, совершившего великий ратный подвиг, в основе которого величие духа многонационального советского народа.

Выхолащивание духовной значимости героизма, сведение его к случайности, снижение героического потенциала нации достигается благодаря технологии дегероизации. Герой представляется как духовно ущербная личность, так или иначе его образ делается менее привлекательным и пригодным для подражания в настоящее время.

Технология десакрализации сводится к обесцениванию священных образов, мировоззренческих установок. Общественная акция «Бессмертный полк» является подтверждением сакрального отношения россиян к Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Одновременно были попытки со стороны оппозиционных журналистов представить дело так, как будто бюджетники приняли участие в акции не потому, что для них Великая Победа имеет священное значение, а за лишний отгул на работе⁵.

Из изложенного выше следует вывод о том, что процессу разрушения исторической памяти, ослабляющему, разрушающему и подрывающему единство многонационального российского народа, необходимо противопоставить процесс ее сохранения и эффективного формирования.

Среди разнообразных источников формирования исторической памяти важную роль играют нарративные источники (мемуары, историография и т. д.). Многочисленные труды великого русского философа И. А. Ильина посвящены объективному исследованию истории и культуры России, постижению их своеобразия и смысла. Они получили признание современных ученых в качестве русской классики. Без преувеличения можно утверждать, что творчество этого философа есть хранилище исторического опыта русского народа, критически и одновременно патриотически осмысленного, а потому имеющего актуальное значение для строительства современной России и формирования образа ее будущего, дающего правильные ценностные ориентиры развития.

О неподдельной любви к родному народу и глубокой религиозной вере в жизнь свидетельствуют слова Ильина из его письма И. С. Шмелеву: «...мое честолюбие в том, чтобы мои книги после моей смерти еще долго строили Россию... Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский национальный интерес»⁶.

В числе работ о России, русском народе и русской культуре особо выделяются «Родина и мы» (1926), «Яд большевизма» (1931), «О России. Три речи» (1934), «Творческая идея нашего будущего: Об основах духовного характера» (1937), «Пророческое призвание Пушкина» (1937), «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта «Европа и душа Востока»», (1940), «Советский Союз не Россия» (1949); журнал «Русский колокол» (1927—30); «Мир перед пропастью. Политика, экономика и культура в коммунистическом государстве» (1931), «Сущность и своеобразие русской культуры» (1942), «Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований» (1945), «Наши задачи» (1956), «Проект Основного Закона Российской империи» (1996)⁷.

Значение отмеченных трудов философа для формирования исторической памяти определяется в целом тем, что И. А. Ильин обращается «к России в ее историческом целом», рассматривает «пути, и судьбы, и задания нашей Родины, основы и первоосновы ее культуры», их силу и соблазны и анализирует все это через призму души русского человека, его сознания и деяний⁸. Духовная культура народа, по мысли Ильина, является не только его лучшими свершениями и созданиями, она живет и творится в каждом из нас: «Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость»⁹.

Ответ на вопрос о том, что делает нас русскими, данный выдающимся мыслителем в первой половине XX столетия, в современных условиях, связанных с трансформационными и глобализационными процессами, остается чрезвычайно злободневным.

Благодаря русским бескрайним просторам и шири равнин, пишет Ильин, «русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязание неизведанных, небывалых возможностей». Она дает нам «способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве». Одновременно она несет в себе «опасности — тягу к безвластью, беззаконию, произволу и замешательству...». Поскольку духовная культура нуждается в дисциплине, постольку «дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение»¹⁰. Наша свобода требует оформления, т. е. соединения с волей, законом и долгом в жизни. На основе единства свободы и дисциплины философ считал возможным разрешение такой проблемы русского национального характера, как колебание «между слабохарактерностью и высшим героизмом». Именно из живого единства свободы и дисциплины рождалась «священная традиция России — выступать в час опасности и беды добровольцем, отдающим свое достоинство и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное...»¹¹.

В Великой Отечественной войне наша Победа тоже родилась из этого живого единства свободы и дисциплины и из этой священной традиции

добровольчества, жертвенного служения всенародному делу защиты Отечества. В связи с этим Великая Победа 1945 года для нас не просто часть нашей ратной истории, но высшее героическое проявление национального характера, священная ценность, позволяющая каждому осознать и воспринимать себя русским.

Еще одна проблема национального характера, порожденная «огромными природными богатствами», по Ильину, заключается в соблазне «бесхозяйственности, беспечности и лени»¹². К сожалению, примеры бесхозяйственности, беспечности встречаются нередко и в нашей сегодняшней жизни, хотя писал о них философ еще 85 лет назад. Показательным примером вопиющей бесхозяйственности на сегодняшний день является проблема вырубки лесов.

Суровая русская природа с ее резкими колебаниями научила нас «во всем идти до конца и не бояться смерти». В контексте этой черты национального характера Иван Ильин отмечает наше чрезмерное «самоуничижение», выразившееся в XIX — начале XX в. в решении, что «мы — перед Западом — ничто». Однако самая большая опасность в связи с данной чертой национального характера — впадение в «духовное всесмешение»: потеря грани божественного и небожественного, добра и зла, что и случилось перед революцией¹³.

В основе русскости, согласно философу, лежит религиозно-открытая душа и пришедшая из Православия «уверенность, что священное есть главное в жизни». Он задается в связи с этим вопросом: «И что останется от нас, если мы разведем и утратим нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мироприятию, наше чувство непрестанного предстояния?»¹⁴

Отмечая созерцательность русской души, философ указывает, что сопровождающие ее мечтательность и безволие, особенно в чрезмерной степени, также представляют опасность и призывает неустанно укреплять «верность и цельность нашего русского характера»¹⁵.

Особенностью духовной культуры России, по мнению мыслителя, является то, что она, прежде всего, есть «культура сердца, совести и чувства... служения, самоотречения и жертвенности... веры и молитвы... храбрости и подвижничества», а не культура рассудка¹⁶. С этой особенностью связана опасность беспочвенной, безвольной и пагубной политики, моральной заочности.

Расцвет всей русской культуры Ильин связывал с очищением национального характера от перечисленных соблазнов и опасностей.

Для формирования исторической памяти важен непредвзятый взгляд на историю, которая заключает в себе, по Ильину, не только прошлое народа, но и его будущее, его задания.

Философ обращает внимание на три трудности («бремени») и связанных с ними задания русского народа в его истории.

Первая трудность — «необъятное», «непокорное», «беззащитное» пространство, которым Россия вынуждена была овладеть, чтобы сохранить себя, выжить под натиском «вторгающихся отовсюду орд кочевников и армии оседлых соседей», а не по причине властолюбия, жадности и агрессивности как это часто пытаются трактовать нынешние недруги России. Вторая трудность связана с суровой природой — оторванность от моря, губительные засухи, ранние заморозки, безлесые степи и т. д. И третья трудность, определившая неповторимую судьбу и задание русского народа в истории, есть многоплеменной состав населения, включая «треть не славян и около одной шестой нехристианских исповеданий». Отсюда историческое задание — создать такие условия, чтобы «каждое включаемое племя нашло бы себе место и свободу посылно цвести»¹⁷, с которым мы успешно справились, создав уникальную цивилизацию, в которой все народы не просто мирно уживаются друг с другом, но составляют духовно-ценностное единство. Известно, что недооценка этого фактора стала одним из просчетов Гитлера в войне с Советским Союзом, обусловившем его поражение. Думается, и оттого, что Отечественная война 1941 — 1945 гг. наглядно продемонстрировала силу и значение единства нашего многонационального народа, мы трепетно бережем память о ней как о священном событии нашей истории. Чтобы сохранить себя в современной истории, мы не можем и не должны позволить каким бы то ни было разрушителям исторической памяти, переформатировать наше сознание в данном вопросе.

В свете описанных трудностей очень актуально звучит вывод И. А. Ильина о том, что представляет собой наша история, который считаем уместным привести без сокращений. Он таков: «И это бремя превратило всю нашу историю в живую трагедию жертвы; и вся жизнь нашего народа стала самоотверженным служением, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о «некультурном народе» или «низшей расе»...»¹⁸.

Преодолевая трудности, наш народ научился, по выражению Ильина, «незримо возрождаться в зримом умирании», «побеждать отступая», «жить в крайней скудости, незримо богатея духом», «возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета». Вслед за выдающимся философом, отметим, что наша история научила нас спасаться «духом жертвы, духом подвига, духом единения»¹⁹.

Подытоживая, подчеркнем, что историческая память избирательна, поэтому все события нашей истории, запечатлевшие этот дух, должны быть сознательно включены в ее пространство. Творчество И. А. Ильина, посвященное России, ее истории и культуре, анализу роли духовного фактора в ней, безусловно, помогает осуществить такой выбор. К нему важно обращаться и школьнику, и студенту, и ученому, и государственному деятелю, и каждому россиянину, любящему и берегущему как святыню свою Родину.

Библиографические ссылки

¹ Историческая память // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.04.2022).

² **Соколова М. В.** Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. URL: <http://pish.ru/blog/archives/142> (дата обращения: 15.04.2022).

³ **Кафтан В. В., Чернышова Л. И.** Историческая память: мифы и реальность // Меняющиеся ценности в современном мире. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28303433> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Иван Александрович Ильин: жизнь, творчество, из наследия // Файловый архив студентов. URL: <https://studfiles.net/preview/1874554/> (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ Там же.

⁸ **Ильин И. А.** О России. Три речи. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/103456-ivan-ilin-o-rossii-tri-rechi.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

УДК 821.511.152+82-2

А. В. Каторов, А. М. Каторова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В ДРАМЕ В. И. МИШАНИНОЙ «ЭРЬЗЯ. ВАЛДОС ЛИВТИЦЯ» («ЭРЬЗЯ. ЛЕТАЮЩИЙ К СВЕТУ»)

В статье анализируется историческая драма В. И. Мишаниной о жизни и творчестве выдающегося мордовского скульптора С. Д. Эрзи (Нефедова) в аспекте соотношения в ней исторической действительности и художественного вымысла. На основе сравнения содержания произведения с опубликованными документами, письмами и воспоминаниями современников, касающимися жизни Эрзи, делаются выводы о полном соответствии реальности изображенных событий и дат.

Ключевые слова: драма, принцип историзма, историческая личность, действующее лицо, персонаж.

2021 год ознаменован в художественной культуре Мордовии выходом в свет драмы «Эрзя. Валдос ливтиця»¹ («Эрзя. Летящий к свету») В. И. Мишаниной и постановкой по ней спектакля в Мордовском государственном национальном драматическом театре, посвященной 145-летию со дня рождения великого мордовского скульптора Степана Дмитриевича Эрзи (Нефедова). По утверждению автора, работа над произведением велась на протяжении долгого времени по причине потребности в изучении большого количества материала, в аналитическом осмыслении фактов жизни и творчества. Правдивость ее слов не вызывает сомнения, так как при обращении к историческим личностям необходимо обязательное соблюдение принципа историзма, достоверности в изображении событий и характеров. Нашей главной задачей является установление того, насколько точно автору удалось воссоздать в конкретных картинах отдельные периоды жизни скульптора, колорит и дух ушедшей исторической эпохи.

Отметим, что воссоздание исторической личности обуславливает не только использование специфических литературных способов и приемов, но и изображение окружающих лиц, от которых во многом зависит судьба героя. С учетом данного обстоятельства автор ввел в анализируемую драму, кроме главного героя Степана Эрзи, несколько реально существовавших лиц. Наиболее важные обозначены в афише (перечне действующих лиц), менее значимые встречаются в самом тексте произведения. К числу первых относятся И. В. Сталин, Н. В. Глоба, П. И. Лебедев, а также Луис

Орсетти. Их выбор объясняется тем, что в драме акцент поставлен на обрисовке последних лет жизни Степана Эрзы, на том периоде, когда он добивался возвращения из Аргентины в Советский Союз. Несмотря на второстепенную роль, показ данных персонажей весьма значим с точки зрения более глубокого раскрытия образа главного героя. В связи с этим первоначально определим, в какой мере их изображение соответствует исторической правде.

Первым из вышеназванных лиц в драме (вторая картина первого действия) предстает Луис Орсетти — аргентинский философ, переводчик, журналист, писатель, секретарь и друг скульптора, который во многом способствовал возвращению Эрзы на Родину, а также сохранению и передаче Мордовии его бесценного архива. В афише указано: «Луис Орсетти — аргентинань журналист, Эрзынь секретарезэ» [2021, № 11, с. 60] («...аргентинский журналист, секретарь Эрзы»)*. На наш взгляд, автор здесь вполне обоснованно сосредоточил внимание читателя лишь на его национальной принадлежности, роде деятельности и выполняемой в отношении Эрзы функции. Целесообразно в отношении Луиса отметить и точность указанных дат. В ремарке читаем: «1946 ие. Аргентина... Эрзынь 70 иеть» [Там же, с. 64] («1946 год. Аргентина... Эрзы 70 лет», далее Луис в беседе с Эрзой сообщает: «Маэстро, мон тонеть ёвтнекшнинь, курок Аргентинасо панжови Советской посольства... Течи пачтясть, посольства марто иневенчесь пачкоди таштамковонь васенце чинтень» [Там же] («Маэстро, я уже говорил вам, что скоро в Аргентине заработает Советское посольство... Сегодня сообщили, что 1 сентября прибывает пароход с посольством на борту»). Как видим, информация о возрасте главного героя и годе возобновления дипломатических отношений между СССР и Аргентиной соответствует действительности. Не расходится с реальностью и созданный Мишаниной образ Луиса как главного помощника и верного друга Эрзы, о чем можно судить по опубликованным письмам бразильца, адресованным племяннику скульптора Михаилу Ивановичу Нефёдову².

В отношении следующего персонажа Николая Васильевича Глобы, обозначенного в афише как «ректор Строгановского художественного училища» и изображенного в четвертой картине первого действия, возникает много вопросов, прежде всего о его роли в драме, которую внятно объяснить невозможно. Из диалога узнаем, что Степан делал декорации к драме А. С. Пушкина «Русалка». Данное утверждение нельзя считать соответствующим действительности, так как, по имеющимся сведениям,

* Здесь и далее перевод авторов.

по данному произведению ставились лишь оперы А. С. Даргомыжского (первая постановка датируется 1856 г., за 20 лет до рождения Эрьзи). Кроме того, до приезда в Москву Степан работал в иконописных мастерских городов Алатыря и Казани, расписывал церкви приволжских сел и городов, что никак не соотносится с театральными постановками. Далее становится известно, что Глоба отказал будущему скульптору в приеме на учебу по причине солидного возраста (24 года). Данную информацию считаем излишней, так как Эрьзя с 1902 по 1906 г. обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, директором которого с 1896 по 1917 г. был князь Алексей Евгеньевич Львов, чему имеются документальные подтверждения³. Кроме того, упоминаемое автором училище с 1901 по 1918 г. (в годы обучения Эрьзи в Москве) имело название «Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище» и руководил им директор, а не ректор, как указано в афише и тексте. Таким образом, здесь наблюдается явное несоответствие реальной действительности.

Со следующим персонажем — Поликарпом Ивановичем Лебедевым, председателем Комитета по делам искусств при Совете министров СССР (1948 — 1951), встречаемся во второй картине второго действия. Насколько этот образ соответствует своему прототипу, сказать сложно, так как информация о нем в опубликованных источниках немногословная и весьма сдержанная. Известно лишь, что в 1951 г. он был уволен с должности председателя после постановки в Большом театре оперы композитора Г. Л. Жуковского «От всего сердца», вызвавшей недовольство И. В. Сталина, с формулировкой «за плохое руководство работой комитета». За эту оперу композитор сначала получил Сталинскую премию 3-й степени, а затем Постановлением Совмина СССР был ее лишен⁴. В драме Лебедев представлен как высокопоставленный руководитель, в течение 3 лет препятствовавший возвращению скульптора на Родину: «Кие тынк нолдыдизь? Мон колмо иеть ульнинь тынк самонк каршо» [2021, № 12, с. 68] («Кто вас впустил? Я три года был против вашего возвращения!»). Вместе с тем в первой картине второго действия в уста племянника автором вложена мысль о том, что против Эрьзи выступает чуть ли не весь Союз художников. В подтверждение сказанного процитируем текст: «Леляй, мон а содан мезе тень оштё теемс. Художествань академиянь прявтнэ ды Художникень вейсэндыяксоь а марявольтькак тондеть! Важодевксэть ловить стяконь тевекс. А неить эйтэст масторонок туртов кодаможк лезэ, мекевлангт, зыянонь кандыяк лемдить сынст» [Там же, с. 66] («Дядя, я не знаю, что еще мне сделать! Руководство Академии художеств, Союз художников о тебе не желают и слышать! Они не признают твои работы!.. Они не считают твоё творчество полезным для страны! Напротив — вред-

ным!»). В данном случае можем однозначно утверждать соответствующий действительности лишь факт работы П. И. Лебедева в должности Председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР в год возвращения Эрзы на Родину.

Имя Иосифа Виссарионовича Сталина упоминается в седьмой картине первого действия в беседе Эрзы с иностранными журналистами и во второй картине второго действия в разговоре с Лебедевым. Сам же образ вождя представлен в третьей картине, где в диалогической форме описывается сон скульптора. Подчеркнем, что изображение характера Сталина не выходит за рамки реального, в драме он предстает как натура противоречивая, каким и был в настоящей жизни.

Стоящая перед автором задача — показать один из тяжелейших периодов в жизни Эрзы, в течение трех лет ожидавшего возвращения вместе со своими работами на Родину — обусловила трудности ее решения. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, во многом определяются допущенные автором недоработки. Кроме указанных выше несоответствий реальной действительности, следует указать неточность в указании времени пребывания скульптора в Аргентине — 25 — 26 лет вместо реальных 23⁵: «Лебедев. А кие комсьветее иес кучнидизь Аргентинав?» Эрзы. Комськотово иес...» [2021, № 12, с. 69] («Лебедев. А кто вас отправлял в Аргентину на двадцать пять лет?» Эрзы. «Двадцать шесть...»).

Библиографические ссылки

¹ См.: **Мишанина В. И.** Эрзы. Валдос ливтиця // Сятко. 2021. № 11. С. 60 — 80 ; 2021. № 12. С. 41 — 81 (Далее ссылки на этот источник даются в тексте в скобках, с указанием года издания, номера и страницы).

² См.: Степан Дмитриевич Эрзы (1876 — 2001) : Переписка. Статьи о творчестве. Воспоминания. Каталог произведений / сост. В. С. Дворецкая. Саранск, 2001. С. 71 — 89.

³ Там же. С. 54 — 57.

⁴ В Совете Министров СССР. Об опере «От всего сердца» Г. Л. Жуковского. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/257917-v-sovete-ministrov-sssr-ob-opere-ot-vsego-serdtsa-g-l-zhukovskogo-13-05-1951-g#mode/grid/page/1/zoom/5> (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ См.: Степан Дмитриевич Эрзы... С. 63.

УДК 398(470.345)

Р. Н. Каукина

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Н. Н. Чернова

МОУ «Старотеризморгская средняя общеобразовательная школа» Старошайговского района РМ (с. Старая Теризморга)

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО МОРДВЫ с. СТАРАЯ ТЕРИЗМОРГА СТАРОШАЙГОВСКОГО РАЙОНА РМ

В статье раскрываются основные жанры устного народного творчества мордвы с. Старая Теризморга, где значительное место занимают предания, легенды и песни.

Ключевые слова: Старая Теризморга, устное народное творчество, мордва, легенды, предания, лирические песни.

Устное народное творчество — значительная часть культуры каждого народа. У мордвы оно богато, своеобразно, высокохудожественно. Из древности ведет свое начало такая специфическая особенность, как тесная связь его с другими видами народного искусства: музыкой, пением, пляской, игрой.

Старая Теризморга является старинным селом, в котором очень бережно относятся к сохранению и изучению фольклора, традиций и обычаев.

В богатом и разнообразном по содержанию и жанрам устно-поэтическом творчестве с. Старая Теризморга значительное место занимают предания и легенды. Из глубин веков передавались из уст в уста повествования о прошлом села. Собранные легенды и предания в основном топонимические. Цель их — объяснить происхождение названий местностей. Вот что можно узнать из предания о возникновении села Старая Теризморга. «Тяниень велеть вастета кассть туста шобда вирьхть. Пяк сидеста вирень кярома сашендольхть ломатть и лия велеста. Атяньке-бабаньке ульсть Атерень. Пяк кунара Севонць ульсь пяк кели и кърхка. Сидеста аватне сашендсть лия щамонь муськома. А сембе вирень кярыхне ётцестъ ляить туркс. Синь ёткстост ульсть и руст. Фкя тяфтама рузонь алясь кармась ётама ляить туркс и няезе веленять. Авась арьсесь, што алясь ёрай ётамс тя шири и мярьгсь: „А вон, через морга“ (Ляить туркс веляфтфоль оцю моргу шуфта). Алясь арьсесь, што велеть лемоц „Черезморга“. Васце ульсь Черезморга, а сядя тов Черизморга»¹ («Когда-то очень давно, на месте сегодняшней Теризморги росли непроходимые леса. Приходили сюда люди рубить лес из окрестных деревень и сел. Тогда река Сивинь была глубокой и многоводной. Часто женщины приходили сюда стирать. В лес приходилось идти через речку.

Однажды забрел сюда за лесом русский мужчина. Увидел, что нужно переходить через широкую реку и спросил у стиравшей женщины: „Как называется это село?“ Женщина, не зная русского языка, поняла вопрос по-другому. Она подумала, что мужчина спрашивает, как пройти через реку. Она показала на толстое бревно с суком и сказала: „Через морга“ („сучок“). Она не знала, как по-русски называется „сук“, и назвала по-мордовски „морга“. С тех пор мужчина рассказывал про населенный пункт с названием „Через-морга“. Раньше село называлось Черезморга, позднее произошло уподобление звука „Ч“ в звук „Г“, сейчас село называется Теризморга»*.

Вот что мы узнали о топониме «Стиремляй» («Девичья река»). «Аф пяк ичкезе веленьконь эзда ули ляй, конань лемоц „Юмама ляй“ или „Стиремляй“. Тя ляйбрясь оцю-оцю, потмосонза шуди аф оцю ляйня. Яксекшность тя ляйбрати иможс, кайгорянец. Тусь кайгорянец стирь мазанц мархта. Вирьяг якасть ламос, кочкасть кайгоряндовок аф кържа. Стирь афи фатясь, кода эръгодсь мазанц эзда. А мазац, кода изь вешенде стирть эса, коданга ашезь мув. Тусь куду съкамонза. Ламоксть якасть вешендемонза, но мърнесесь шавонь кятть»² («Недалеко от нашего села есть овраг, который называется „Стиремляй“ („Девичья река“). Он очень глубокий, на дне которого течет родник. В давние времена в этот овраг ходили за ягодами, разными кореньями. Как рассказывают старожилы села, хозяйкой этого оврага была Вирьява, которая жила в лесу. Ей этот овраг нравился своей красотой и лекарственными растениями, которые росли в нем. Вирьява давно присматривала среди приходивших сюда женщин и девушек хозяйку для этого оврага, а сама бы ушла в лес хозяйничать. Ей жалко было оставлять овраг без присмотра. Пришли однажды за ягодами женщина с девушкой, а девушка была неземной красоты. Вот и тогда заприметила ее Вирьява и решила, что она и останется в овраге. Незаметно увела Вирьява ее вглубь оврага, там и оставила. Как не искала ее женщина, найти не смогла. И никто ее больше не видел, никому она больше не показывалась на глаза»).

Вокруг села находятся несколько родников. Они располагаются и в поймах реки Сивинь, и возле колхозного сада. Есть родники и на другой стороне села (в сторону Шувары). О каждом роднике есть легенда. Вот одна из них: «Мзярда-бди пяк кунара, тьяса ашельхть нинге келуналхт, а ульсь аньцек кели паксят, фкя алясь ванць стада. Тишесь ульсь пяк сери, сяс жувататне ярхцесь прянь апак кепсек. Постуфсь якась-якась мельгасть и велесь лугать лангс. Псиса эждсь шись, и сяс постуфськяшь тишетнень ёткс, марнек ацам алу, конань эзда мольсь келмоня. Аф мяляфтсы сон, кати мато-

* Перевод авторов.

довсь, кати аш, но комодсь сон сянь эзда, что модась алонза тарозевсь. Абондомбачк ашезь шарьхкоде, мезе лиссь, а тоса арьсесь, што мадсь мень-
гя звернянь варяня лангс. Но модась кармась курокста кеподема. Постуфсь
аньцек кенерсь комотемс шири, кода пильге алдонза кеподсь ведень столба.
Алясь пяк эводсь и ласьксь стадати, траксне саворня ярхцесть тишеда. А
ведь всё лиссь и лиссь, и курок сембе лугась кяшевсь ведьса. Шись ульсь
пяк пси, а постуфсь маштсь ведец. Сонь стане сась симомац, што апак ватт
пелеманц лангс, маладсь лисьф ведти, кядьлапша амольдсь ведня и вар-
жазе. Веднясь кельмоньяль и пяк аруволь кода сельмоведь. А таньфоц афи
азондови кода пароль. Тракснеге кармасть лугаста ведть эса симома. Иля-
денди, тумстонза, сявсь алясь мархтонза ведня кядьгозонза, штоба кандомс
вели, а то аф верондайхть веляряйхне, кодама чуда сон нийсь. Панезе по-
стувсь стадать куду, а тоса сонь учезе пара куля — сонь шачсь цёрац.
Мзярда азондозе алясь лихтибрыть лисеманц, то сембе тейнза мярьгсть,
што ся ульсь видение. Лихтибрынь мумась — од эряфонь ушедома»³ («Ког-
да-то очень давно здесь были лишь луга и пастбища. Здесь паслись стада.
Трава здесь была высокая, густая, поэтому коровы паслись спокойно.
Пастуху ничего не оставалось делать, как прилечь и спрятаться в траве.
Солнце палило беспощадно, а от травы шел приятный холодок. Пастух
думал о своей семье, как ее прокормить, чем одеть. Детей у него было
шестеро, да вот-вот седьмой родится. С этими мыслями он и заснул, а
проснулся он от того, что земля под ним зашевелилась, стала ходить ходу-
ном. Сначала он подумал, что нечаянно прилег на норку какого-нибудь
зверька, но земля начала подниматься все выше. Только он успел отско-
чить, как из-под земли поднялся столб воды. Вода лилась и лилась, пока
не залила все пастбище. Сначала он испугался такого чуда, но любопыт-
ство охватило его, и он зачерпнул воды. Вода была чистая, как слеза, и
холодная, как лед. Коровы тоже стали пить воду. Он зачерпнул воды, чтобы
взять ее с собой, иначе в селе не поверят такому чуду. Пригнал вечером
пастух стадо, а дома его ждала приятная весть: у него родился сын. А
когда он рассказал о произошедшем чуде, все сказали, что это было виде-
ние. В народе говорят, если обнаружишь родник, значит, зародилась новая
жизнь»). В настоящее время этот родник люди оберегают, чистят, постро-
или сруб вокруг родника, чтобы каждый нуждающийся мог утолить свою
жажду.

Большое место в устном народном творчестве села принадлежит народ-
ным песням, потому что Старая Теризморга — это село с высокой певческой
культурой. Именно в песнях мы можем увидеть красоту, чистоту и вырази-
тельность мордовского языка, а также много различных образных средств:
эпитетов, метафор, сравнений. Нами собрано более 20 песен. Следующим
этапом явилась классификация материала. Песни анализировались с разных

сторон. Лирические песни села Старая Теризморга можно разделить на следующие жанры: социально-бытовые; трудовые; плясовые и шуточные; о природе; о рекрутчине⁴.

Социально-бытовые песни. В рамках работы было исследовано и собрано в селе Старая Теризморга более 13 социально-бытовых песен, их еще называют персональными песнями. Социально-бытовые песни посвящены общественному и семейному быту, воспеванию труда и любви, весенней обновляющейся природе. Исследователь мордовской лирики А. Д. Шуляев подчеркивает, что «в прошлом их исполнение имело магический смысл, однако, в конце XIX в. он утратился, и песни стали исполняться как увеселительные»⁵. В основе социально-бытовых песен лежат хозяйственные занятия, прежде всего земледельческая деятельность. С их помощью наши предки хотели облегчить труд, расположить в свою пользу воображаемые сверхъестественные силы. В Старой Теризморге любимой песней, где воспевается тяжелая женская доля, является песня «Костянь Дарюнясь» («Даря дочь Константина»). Известна история создания этой песни. Ее нам рассказала старейшая жительница села Ямашкина Нина Андреевна. «Дарья была красивой девушкой на выданье, мать отправила ее в соседнее село для приготовления приданого (она вместе с подружками вышивала, вязала, шила себе приданое). В день уезда в свое село, Дарья увидела очень плохой сон. Возвратившись в Старую Теризморгу, Дарья весь день была печальной, на что мать ей сказала, чтобы вечером она пошла к своим подружкам повеселиться. Дарья сказала матери, что не хочет идти, боится чего-то, так как накануне увидела очень плохой сон. Мать убедила все же ее пойти на вечерние посиделки. Прошла ночь, а на утро Дарью нашли мертвой. После похорон мать Дарьи пригласила к себе, сочинителей песен и попросила сложить о ее любимой Дарьюшке песню, о ее жизни, о ее красоте»⁶.

Самыми распространенными в Старой Теризморге являются, конечно, песни о женской доле, в селе очень часто можно услышать «Иванонь Марють», «Орякайтъ», «Киреювонь Алёнась», «Богатый мокшанин», «Лёша Козьянясь», «Бабанянь цёрась», «Макаренко», «Алямань Просась».

Песни о рекрутчине. Песни о рекрутчине и солдатчине появились в XVIII в. после выхода указа Петра I о рекрутских наборах. Много песен сложено о солдатской службе. По приказу Петра I солдаты служили и по 6, и по 25 лет. В этих песнях слышится боль рекрута о родной стороншке, о своей семье. В Старой Теризморге таких песен сохранилось немного — это «Море», «Шайговские солдаты», «Симбирский ошке»⁷.

Плясовые и шуточные песни. Плясовые песни в основном исполнялись на свадьбах. Эти песни сопутствовали свадьбе с самого начала и соответствовали настроению, царящему на праздничном пиру. Широко в

селе исполнялись и исполняются плясовые песни на «Троицу». Девушки и юноши собирались около березки, пели веселые песни. В Старой Теризморге ни одна свадьба не обходится без песен «Луганяса келунясь», «Панжедова ортаннентень», «Велеть песа кудня», «Вярде няян, мезь няян», «Якань, якань ялганякай» и др. К шуточным песням относятся также песни-веснянки. В них героям чаще давались отрицательные характеристики⁸.

Лирические песни о природе. По архивным источникам известно, что Старая Теризморга в конце XVII в. находилась в окружении большого лесного массива и вела охотничий образ жизни. В связи с этим воспевание могущества и красоты леса, вера в его тайные силы и преклонение перед ним составляют обширную область сюжетов песенного творчества. Особую группу составляют произведения весенне-летнего цикла. Сюда входят песни, посвященные призыву весны («стундань сееремат»), великопостные («позяромо морот»), вербного воскресенья («вербама морот»), а также песни, посвященные проводам весны. По рассказам старожилів села, весенние обряды и песни помогли лучше подготовиться к севу и уходу за новым урожаем, чтобы своевременно провести посев яровых и огородных культур. Выпекались пироги в виде жаворонка, их поднимали высоко и закликали приход весны пением веснянок⁹.

Таким образом, в устном народном творчестве мордвы с. Старая Теризморга отразились представления о мире и человеке, его назначении на земле, идеалах красоты и счастья.

Библиографические ссылки

- ¹ Личный архив Бикеевой Нины Михайловны, 1928 года рождения.
- ² Личный архив Ямашкиной Нины Андреевны, 1928 года рождения.
- ³ Личный архив Бикеевой Нины Михайловны, 1928 года рождения.
- ⁴ Личный архив Черновой Нины Николаевны, 1964 года рождения.
- ⁵ Шуляев А. Д. Лирические песни. Саранск, 1991. С. 96.
- ⁶ Личный архив Ямашкиной Нины Андреевны, 1928 года рождения.
- ⁷ Личный архив Бикеевой Нины Михайловны, 1928 года рождения.
- ⁸ Личный архив Ямашкиной Нины Андреевны, 1928 года рождения.
- ⁹ Личный архив Бикеевой Нины Михайловны, 1928 года рождения.

УДК 2-5:271.2(511.152)

Г. А. Корнишина*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск)*

ПРАВОСЛАВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ

В статье рассматриваются характер и формы влияния православия на обрядовую культуру мордвы. Акцент сделан на равнозначности взаимодействия дохристианских и христианских компонентов, в результате чего сформировались синкретические виды обрядности. В настоящее время подобные ритуалы продолжают играть важную роль в жизни мордвы, а православная культура в целом выступает важным фактором ее интеграции в российское сообщество.

Ключевые слова: обрядовая культура, православие, дохристианские верования, синкретизм, сезонные обряды.

Обрядовая культура мордвы не является статичным явлением, она изменялась с развитием общества, с развитием ее основного носителя — мордовского этноса, в результате чего создавались новые обрядовые формы и структурные элементы. На трансформацию обрядности мордвы большое влияние оказало, например православие, которое к концу XIX в. прочно укрепило в народной среде. В результате данного процесса многие обряды и праздники, возникшие в более ранний период, стали соотноситься с церковным календарем. Образы дохристианских божеств сливались с православными святыми. Древние традиции переплетались с канонами церкви. Например, в традиционных молениях (озксах) стали принимать участие священники. Они использовали во время их проведения такие атрибуты православия, как иконы, воду, освященную в церкви, лампы и т. п. Такое взаимное приспособление, синкретизм дохристианских и православных верований привели к прочному сплаву, где уже трудно различить, что в нем осталось от древних традиций, а что привнесено христианством.

Синкретизм наблюдается практически во всех областях обрядовой жизни мордовского народа. Например, в сезонной обрядности, тесно связанной с хозяйственными занятиями народа, основным культом был культ плодородия, зародившийся в глубокой древности. Олицетворение данного культа было различным в ту или иную историческую эпоху. В древности это были примитивные магические действия, которые затем вылились в почитание таких покровителей плодородия, как Норовова, Паксява, Мас-торова. В дальнейшем им на смену приходят христианские святые.

Как уже говорилось выше, сезонные праздники в основном стали определяться датами церковного календаря. Например, кульминационными моментами зимних праздников были 1 и 6 января. В то время различными средствами (молитвами, одариванием людей и божеств, гаданиями о предстоящих событиях (в том числе и о будущем урожае) и т. д.) старались обеспечить благополучие людей в наступающем году. В этом проявлялась так называемая магия первого дня, вера в то, что совершаемые действия должны были иметь воздействие на весь последующий период. Это и обильные трапезы с набором ритуальных блюд (каша, хлеб, пироги, свиная голова), причем не только для людей, но и для домашнего скота. Считалось, что хорошо покормленный в эти дни скот не будет голодать и в остальное время года.

Вера в магию первого дня проявлялась и в так называемых ритуалах колядования, когда дети и молодежь ходили по домам и исполняли песни-благопожелания колядки, таунсяи, в которых желали хозяевам добра, здоровья, увеличения приплода скота, а также пополнения в семье. Колядников обязательно одаривали, причем благополучие семьи представлялось зависимым от обилия розданных даров. С распространением христианства святочно-новогодние обряды дополнились подобными колядованию обходами домов, во время которых славили Христа. Происходили они в первый день Рождества, а не накануне как колядования. Кроме того, если колядники произносили благопожелания в сенях или под окном, то рождественские песни исполнялись в избе. Славильщикам давали деньги, конфеты, а не пироги и хлеб как предыдущий день. Однако, как и колядники, исполнители рождественских песнопений, осуществляли обряд «посевания», во время которого по дому рассыпали зерно, имитируя таким образом весенний сев. Эти действия должны были способствовать хорошему урожаю и благосостоянию хозяев дома.

Важным православным праздником является Крещение. Оно знаменовало собой окончание святок, которые считались временем активного действия враждебных сил, мешавших подготовке и проведению полевых работ. Для того чтобы изгнать потусторонние силы, традиционно накануне праздника жители обходили селение, ударяя в различные железные предметы (печные заслонки, сковороды), стреляли из ружей. Помимо этого, проводили тщательную уборку домов и подворий. В качестве оберегов использовали и предметы христианского культа: ладан, святую воду, иконы. Одним из действенных средств против «нечистой» силы считался символ креста. Его наносили мелом или углем на двери, ворота, оконные рамы. Кроме того, печеные из теста или сделанные из щепы кресты, освященные в церкви, размещали в доме, а также в хозяйственных постройках. Таким образом стремились обезопасить их от различных невзгод.

Главным событием Крещения было великое водосвятие, т. е. освещение воды в храмах и в водных источниках. После этого освещенную воду набирали в различные емкости для употребления ее дома, а также обливались ею, окунались в прорубь. У мордвы до настоящего времени сохраняется вера в живительную силу освященной крещенской воды. В этот праздник стараются совершить омовение святой водой в проруби на реке Иордани. В восточных районах Мордовии, где мало полноводных рек подобные крещенские омовения обычно совершаются на родниках, возле которых практически в каждом селе построены специальные купальни. Например, такая купальня есть у родника Утомлисьма, который находится между с. Атяшевым, Кулясовым и поселком совхоза «Сараст». Родник издревле почитался жителями этих селений. Здесь традиционно проводились моления древним мордовским божествам. Освященная во время Крещения вода в течение последующего года хранилась дома и использовалась при разных заболеваниях людей, домашнего скота, освящении нового жилища, во время похоронно-поминальных обрядов.

В весенне-летних праздниках, так же как и в зимних, наблюдается сочетание древних и православных традиций. Одним из первых больших весенних праздников является Вербное воскресенье. Название данный праздник получил от вербы. В народе вербе и ее сережкам приписывалась особая сила в связи с тем, что это дерево расцветает в ту пору, когда еще не растаял снег. В связи с этим раньше накануне этого праздника мордовские девушки обходили дома, ударяя спящих людей и домашних животных веточками вербы для того, чтобы передать людям и скоту живительные, плодоносящие силы растения. После утверждения канонов православия вербу стали освящать в церкви, что, по мнению мордвы, еще более повысило ее защитные свойства. Недаром освященные ветки вербы клали в корм для скота, чтобы предохранить его от падежа. Вербу также прикрепляли в красном углу дома, за иконами, втыкали за косяки дверей в хлевах и сараях, стараясь таким образом защитить их от молнии. Из этих же соображений вербу носили и на пчельник. Вербные сережки считались предохранительным средством от различных болезней.

В настоящее время обычай освящения вербы в церкви сохраняется повсеместно не только в сельской местности, но и в городах. Ее также хранят целый год около икон. В тех домах, где держат скотину, особенно коров, в первый выгон их со двора хозяйки погоняют животных такими веточками вербы. Раньше при этом они приговаривали: «Пусть бог их охраняет, когда они пьют холодную воду, едят зеленую траву, даст им здоровья»¹.

Большая группа обрядов, совершаемых мордвой, сосредоточена вокруг Пасхи — одного из главных христианских праздников. У мокшан Пасха называется *Оцю ши*, у эрзян — *Инечи* (Великий день). Возможно, это свя-

зано с тем, что до христианизации в этот день проводилось моление верховному божеству — Инешке пазу. В мировоззрении мордвы Пасха воспринималась не только как праздник по поводу воскрешения Иисуса Христа, но и как радость, связанная с пробуждением и обновлением природы.

Неделя перед Пасхой, называемая Страстной, наполнена приготовлениями к достойной встрече праздника. Во время нее проводят уборку домов, улиц, раньше старались избавиться от старых вещей, особенно ветхой обуви. Всю эту работу стараются закончить к предпасхальному четвергу, названному в народе «чистым». В предпасхальную субботу хозяйки красят яйца, готовят праздничную еду. К Пасхе обязательно пекут пироги, куличи разных размеров, на которых тестом, крашеным зерном, темной или светлой глазурью делают изображения креста, букв ХВ (Христос воскрес). Готовят и творожную пасху с изюмом и ванилью. Перед этим праздником также занимаются убранством жилища. На самое видное место вывешиваются нарядные полотенца, теперь очень часто с пасхальной символикой. По поверью, на них садятся души предков, которые «посещают» дом во время праздника. На стол перед божицей ставятся крашеные яйца, куличи, пироги и т. д.

Традиционно к Пасхе раньше варили брагу, поэтому суббота так и называлась «позань пидемачи» (день приготовления браги). Готовили и медовое пиво — «пуре», «инечинь пуре». Его сообща варили мужчины из родственных семей. Участники этого обряда не только пили пиво сами, но и обливали им лошадей. Таким способом старались обеспечить их здоровье и хорошую работу во время пахоты.

На Пасху проводится торжественное богослужение в храме. Пасхальные молебны, по народным воззрениям, способны защитить людей от бед и несчастий. На этом же молебне освящаются крашеные яйца, пироги и пасхальные куличи. Во время пасхальной службы совершается крестный ход. Раньше после того как хозяйки возвращались домой после пасхальной службы, они с иконой, караваем хлеба и освященными яйцами обходили все жилые и хозяйственные постройки, напевая при этом пасхальные гимны. Таким образом старались защитить свое жилище и домочадцев от различных напастей, а также обеспечить их здоровье и благосостояние.

Характерной чертой народной обрядности пасхальной недели у мордвы является и поминание усопших предков. Для этого сразу после окончания пасхальной службы женщины ходят на кладбище, приглашая души покойных родичей посетить родной дом. В прежние времена им заранее готовили постель, топили особую «баню предков» — покштень-бабань баня, где ставили таз с водой, клали мыло и мочалку. В доме накрывали два стола: в красном углу для Пасхи и прадедов, другой в противоположном углу — для предков. Во время торжественной трапезы подавали так называемое атянь пуре (пиво предков), его варили в предпасхальную субботу. Перед началом

трапезы зажигали родовую свечу предков — «атянь штатол». Перед ним молили умерших родичей о благополучии всех присутствующих. Сейчас, конечно, таких обрядов нет, но во время посещения кладбища на Радоницу, которая отмечается во вторник после пасхальной недели, по обычаю на могилах родственников оставляют крашеные яйца и другую еду. При этом также просят у них благословления на хорошую жизнь.

Широко распространенным обычаем является сбор детьми яиц на Пасху. Раньше хозяева первого мальчика, пришедшего за яйцами, сажали на подушку или шубу, чтобы наседка высидела много цыплят и куры начали поскорее нестись.

До настоящего времени родственники, соседи, друзья обмениваются крашеными яйцами на протяжении всей пасхальной недели. С пасхальными яйцами связано много примет и поверий. Полагали, что они могут остановить пожар, уберечь имущество от воров. Пасхальные яйца зарывали в землю перед началом сева, чтобы зерна были такими же крупными, как яйцо. По народным поверьям у человека, у которого пасхальное яйцо, полученное при первом христосовании, не портилось — весь год будет удачным. Недаром и сейчас освященные яйца принято хранить целый год до следующей Пасхи в качестве оберега.

Обряды летнего цикла были направлены на защиту посевов от засухи, града и других природных явлений. У мордвы издревле в начале лета проводились моления, которые должны были обеспечить благоприятную погоду, хороший урожай, здоровье людям и скоту, благополучие в хозяйстве. Состав участников этих молений был разнообразным. В них могли участвовать как все члены сельской общины — «велень озкс», так и отдельные половозрастные группы: мужчины — «атянь озкс», женщины — «бабань озкс, бабань каша», молодые девушки — «стирь или тейтерень озкс». Под влиянием христианства ритуальные функции этих молений перешли к обряду обхода полей — «паксянь кругом велявтома, паксянь кружама». В нем обязаны были принимать участие все члены общины, кроме маленьких детей и немощных стариков. Обход начинался у церкви или кладбища. У водного источника (реки, ручья, родника) совершался молебен о благоприятной погоде, обильном урожае. Кроме того, с дохристианских времен долгое время сохранялся обычай обливания всех участников шествия водой. Делалось это с целью предотвращения засухи. Емкости с водой доставляли и в селение, где обливали животных и тех односельчан, которые не принимали участие в обходе².

Кульминацией летнего обрядового цикла был праздник Троицы, воспринявший древние представления мордовского народа, связанные с почитанием растительности. Недаром во время этого праздника зеленью и цветами украшали дома, улицы, церкви. На троичском богослужении происходит

освещение зелени и травы. Освященную траву и ветки деревьев, так же как и веточки вербы, сохраняют дома, полагая, что они обладают способностью оберегать от болезней.

Важным обрядом весеннего цикла был первый выгон скота на пастбище. Для того чтобы обеспечить безопасность домашних животных, их плодovitость устраивали моление первого выгона скота — «ливтема панема озкс». Его, как правило, устраивали в овраге с родником, где по склонам делали костры. Если поблизости от села не было оврага, то для скота делали специальную траншею. Сельское стадо прогоняли между кострами, так как полагали, что огонь обезопасит животных от болезней и злых сил. С вхождением в быт мордвы христианства вместо костров стали использовать церковные свечи и иконы. Кроме того, на моление стали приглашать священника, который кропил скот святой водой.

Неотъемлемую часть летних праздников составляют Спасы, связанные с христианскими представлениями о Христе-спасителе. Первый Спас отмечают в первый день Успенского поста 1 (14) августа, второй — 6 (19) августа или Преображение Господне), третий — 16 (29) августа (или Спас Нерукотворный, праздник в честь иконы с изображением Спасителя). В народном сознании они связаны не только с христианским содержанием, но и с завершением определенного этапа хозяйственной деятельности, уборкой урожая, сбором меда и плодов. Исходя из этого, Спасы получили народное название — медовый, яблочный, хлебный или ореховый.

Включив их в христианский культ, церковь придала им православное содержание. Так, бытовавший запрет на употребление тех или иных овощей или плодов до определенного срока связывался с понятием «греха». Разговение первыми плодами должно было произойти лишь после их освящения в церкви. Ученые полагают, что происхождение данного обычая в далеком прошлом было связано с экономическими факторами: истощением пищевых запасов и необходимостью общественного регулирования их потребления. Существует и другое объяснение — пищу накапливали для будущих жертвоприношений. Дж. Фрэйзер утверждал, что поедание первых плодов было сакральным актом первого причастия, после которого можно было без всякого вреда и опасения со стороны божеств, есть их. Он прослеживает, как постепенно это таинство приобщения к божеству сменилось принесением первых плодов в жертву богам³.

Так называемые пищевые запреты сохраняются до настоящего времени. Например, и сейчас пожилые люди, особенно женщины, стараются не употреблять до Преображения (так называемого яблочного Спаса) яблоки нового урожая. Лишь после освящения их в церкви, они вводят эти плоды в рацион. Ранее мордва, кроме церковного моления, совершала и домашнее моление в честь покровителя яблонь. Его просили сохранить зеленые ябло-

ки от бури и ураганов, от острозубых мышей и зайцев, а также уродить много сладких яблок, чтобы они собирались целыми «косминами». Бога также звали сесть за стол и отведать яблок. После этого все домочадцы садились за стол, ели яблоки, отделяя кусочки для покойных родичей. В некоторых мордовских селениях сохраняется обычай посещения в этот день кладбищ, где оставляют на могилах родственников первые плоды.

Подобное сочетание дохристианских и православных элементов наблюдалось и во время медового Спаса. Вплоть до начала XX в. мордва перед началом качания меда проводила моление на пчельниках. Одним из обязательных напитков на нем было медовое пуре, которое варили на месте моления. Хозяева пчельников обязательно жертвовали первый воск, добытый во время вырезки меда, для родовых свечей — штатолов. Впоследствии это моление было приурочено к Ильину дню. С пасек оно переместилось в дом. Хозяева освящали первый мед в церкви, а затем каждый в своем доме произносил над ним молитву: «Как пчелы собирают сладкий мед, так пусть в нашем доме добро, богатство копиться». Затем приглашали умерших предков есть сладкий мед и пить медовое пуре. В конце просили их беречь «тружеников — пчел от воров — разорителей, мороза — стужи и злых глаз»⁴.

В осеннем цикле народного календаря самое важное место занимают обряды, посвященные окончанию уборочных работ и сбора плодов. По народным поверьям боги не всегда охотно расставались с дарами земли. В связи с этим, перед началом сбора фруктов, овощей и злаков в их честь устраивались моления. Одним из самых торжественных, многолюдных и архаичных обрядов осеннего цикла был большой трехдневный праздник «велень озкс» — сельское моление. По другому его называли «паронь пандома» — букв. плата за добро. На него обязательно приглашали сельского священника, который проводил благодарственный молебен в честь сбора хорошего урожая, а также просил православных святых сохранить его от пожаров, грызунов и гниения. После этого все приступали к общей трапезе.

К числу любимых праздников мордвы относится также Покров (14 октября). В это время заканчивались основные сельскохозяйственные работы, был собран урожай, поэтому мордва считала его самым удачным для устройства свадеб. Данная традиция сохраняется и сейчас. Широко бытует поверье, что браки, заключенные на Покров, счастливые, ибо сама Богородица покровительствует данной свадьбе. В народе говорили: «Покров девку платком покрывает». Повсеместно девушки-невесты произносили заговор: «Покров, Покров, землю покрой снегом, а меня хорошим женихом-мужем»⁵.

Во время праздника Покрова пожилые женщины совершали обряд, который должен был очистить дома сельчан от всякой грязи, насекомых, т. е. подготовить их к зимнему сезону. Для этого женщина наряжалась в костюм Покров бабы, надевала вывернутую наизнанку шубу, обувала лапти,

на шею вешала пучок пеньки, из пеньки же делала бороду, садилась верхом на палку, в руки брала веник и в таком виде ходила из дома в дом. Там она пела, плясала и проводила веником по стенам и потолку, желая хозяевам здоровья и достатка.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что как в традиционной, так и в современной жизнедеятельности мордвы многие обряды являются примером тесного взаимодействия дохристианских и христианских компонентов, в результате чего сформировались их синкретические формы. В настоящее время подобные ритуалы продолжают играть важную роль в жизни мордвы, а православная культура в целом выступает существенным фактором ее интеграции в российское сообщество.

Библиографические ссылки

¹ **Корнишина Г. А.** Календарно-обрядовые традиции // Мордва Самарского края: история и традиционная культура. Самара, 2021. С. 229.

² Там же. С. 211.

³ **Фрэзер Д. Д.** Золотая ветвь. М., 1980. С. 532 — 548.

⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. С. 168.

⁵ **Беляева Н. Ф.** Престольные праздники мордвы-мокши (XIX — начало XX в.) // Проблемы истории, культуры и права. Саранск, 2002. С. 10 — 15.

УДК 659:316.776:008:687

Е. Д. Кузнецова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ДИСКУРС МОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу современного дискурса моды как объекта культурологического исследования. В ней описываются основные механизмы устройства рекламного дискурса моды и его функционирования во взаимосвязи с культурными особенностями маркетинговых материалов.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, мода, культура, реклама.

В данном исследовании сделан акцент на анализе рекламного дискурса в индустрии моды как стремительно развивающейся системы со сложной полифункциональной структурой. Отечественная и зарубежная наука засвидетельствовала самые разнообразные подходы к пониманию дискурса. В

философском прочтении дискурс часто трактуется как обмен идеями на основе консенсуса между его принципиально равными участниками, а также как набор понятий и умозаключений, принадлежащих одной и той же коллективной системе знаний. В теории межкультурной коммуникации дискурс — это «целостное и завершенное коммуникативное событие в устной/письменной форме, наделенное социокультурным измерением высказывание»¹. В лингвистике текста феномен рекламы часто исследуется с прагматической точки зрения в контексте дискурса. Рекламный дискурс представлен здесь как совокупность текстов или высказываний, связанных между собой по содержанию и образующих интертекстуальный диалог в коммуникативном сообществе. Отдельные сообщения дискурса составляют и при этом дифференцируют одну общую тему, связывающую дискурсы между собой тематическими и концептуальными отношениями².

В отношении моды интересным представляется систематизация дискурса известного отечественного филолога В. И. Карасика, выделившего личностно-ориентированный и институциональный дискурс, последний из которых описывается ученым как речевое взаимодействие представителей социальных групп, реализующих свои статусно-ориентированные возможности в рамках сложившихся общественных институтов, которые определяются потребностями общества на конкретном этапе развития³.

Французский философ Р. Барт производит классификацию трех основных систем дискурса моды, которые в настоящее время находят непосредственное отражение в маркетинговых текстах. Так, исследователь выделяет собственно образы, обладающие ограниченной знаковостью и пластической структурой; описания, вербально эксплицирующие и комментирующие знаковые образы; реальные продукты моды⁴.

Историческим фоном анализа дискурсов моды является так называемая модель западной моды, которая характеризуется новизной, изобилием форм и стилей, их быстрыми изменениями и глобальным распространением, что ведет к массовому потреблению модных товаров в любой точке земного шара.

Посредством интерпретации концепта высокой моды с ассоциативной сетью таких понятий, как «мечта», «красота», «успех», «богатство» в рекламе создается определенный образ, модель поведения, названная «воображаемым гедонизмом». При таком подходе даже формирование самого ментального представления о возвышенном мире красоты и моды порождает большее удовольствие, чем сам процесс приобретения и использования новых брендовых товаров, тем самым не сама материальная модель, а лишь ее идеальное отображение составляет новый культурно-маркетинговый нарратив.

С критической точки зрения модные дискурсы внушают потребителям идеологию излишнего потребления. Критики также утверждают, что

мода — это процесс запланированного устаревания трендов, меняющий самовосприятие потребителей, их культурные и социальные идеалы, которые продвигают поверхностные, материалистические взгляды на жизнь и способствуют формированию постоянной неудовлетворенности своим внешним видом и реальным образом жизни.

Тенденции развития западной модели моды, продвигаемые рекламой через средства массовой информации, социальные сети, блоги и т. д., часто интерпретировались как важная основа идеологии потребления, которая питает мировую общественность витальной энергией и движет финансово передовые капиталистические экономики Западной Европы.

Однако текущая общественно-экономическая ситуация разграничила модные миры России и стран Запада: приостановка фактической деятельности отдельных иностранных брендов, их полный уход с отечественного рынка, замороженные рекламные кампании, отрезанные каналы маркетинговой коммуникации вновь разделили потребительскую активность обществ на два противоположных, исторически сложившихся культурных дискурса моды. В новых реалиях модные дискурсы часто используются для укрепления чувства принадлежности не только к отдельному социальному классу или группе, но и к конкретной народности, а в глобальном масштабе и к определенной цивилизации⁵.

Современные тенденции преобладания имиджевой рекламы в модном дискурсе определяют тесную взаимосвязь, своего рода переплетение, дискурса моды с социальными отношениями в обществе и самоидентификацией отдельно взятого клиента. Сегодня для местных потребителей, ранее хорошо знакомых с западными модными брендами одежды или косметики, а также разделяющих ценности этих брендов, даже наличие полного доступа к маркетинговым материалам известных торговых марок с готовыми «популяризированными» образами становятся противоположностью, антиподом при создании собственного стиля. Следовательно, уже на данном этапе сформированы персонализированные параметры российского модного дискурса, через призму которого потребители проявляют уникальность. Популярность вновь набирают локальные производители, тщательно культивирующие и транслирующие аутентичность россиян через специально подобранные образы, с большим вниманием к формам, орнаментам, цветам и их культурным интерпретациям.

Общий анализ показывает, что российские потребители адаптируют, комбинируют и трансформируют культурно разделяемые модные дискурсы, «...чтобы те соответствовали их непосредственному социальному окружению, интересам и жизненным ценностям. Тем самым дискурсы моды становятся средством, с помощью которого потребители аффилируют к определенным культурным устоям и мировоззрениям. Как известно, «любая эпоха

„настраивает“ речь особенным образом, и исторические события привносятся в нее новые слова и речевые обороты — так называемые маркеры времени⁶.

Посредством присвоения смысловых значений дискурса моды потребители сопоставляют и интегрируют множество имплицитных теорий для реализации различных аспектов своей повседневной жизни, тесно связанных с миром моды. Для потребителей феномены моды служат яркими маркерами в нарративах их личной истории. Одна из психологических функций локализованных интерпретаций заключается в том, что они помогают каждому потребителю увидеть самого себя как активного создателя личного уникального стиля, а не как пассивного покупателя, следующего за трендами производителей. Для потенциальных клиентов значимой оказывается не только продукция бренда как таковая, но и его наименование, логотип, философия, ценности, продвигаемые идеалы красоты и новые категории, определенные в отношении моды. Все эти аспекты должны соответствовать текущей идеологической структуре общества, в рамках которого происходит реализация той или иной маркетинговой кампании.

Обобщая выше сказанное, отметим, что данные потребительские интерпретации моды выражают систему ценностей, описанную в теоретических трудах культурологов как этос современности — неприкосновенность индивидуальности и самоуправляемый разум. Таким образом, потребители используют идеологическую напряженность между культурно доступными модными дискурсами, чтобы сформулировать персонализированное чувство моды, которое идет вразрез с тем, что они считают доминирующей модной ориентацией в социальной среде⁷.

Библиографические ссылки

¹ Лаптева И. В. Текст и дискурс в культуре : «Произведение диалога через века» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 117.

² См.: Косицкая Ф. Л. Каталог моды как симфония дискурсов // Вестник ТГПУ. Томск, 2006. Вып. 9. С. 35 — 40.

³ См.: Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.

⁴ См.: Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М., 2018. 502 с.

⁵ См.: Siegert G. Werbung in der Medien- und Informationsgesellschaft. Wiesbaden, 2010. S. 99 — 121.

⁶ Лаптева И. В., Кузнецова Е. Д. Исследование современной речевой культуры на материале неологизмов коронавирусной эпохи // Центр и периферия. 2021. № 2. С. 80.

⁷ Jung M. Wörter — Argumente — Diskurse. Was die Öffentlichkeit bewegt und was die Linguistik dazu sagen kann // Sprache — Sprachwissenschaft — Öffentlichkeit. Berlin, 1999. S. 143 — 171.

УДК 37.017:172.15

Е. И. Кулько

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия (г. Горки)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья раскрывает особенности подходов к формированию ценностных ориентаций студенческой молодежи в образовательном процессе.

Ключевые слова: развитие личности, система образования, ценностные ориентации.

Главная роль системы образования заключается в формировании личности специалиста, адаптированной к социальным условиям. Исход данного процесса будет зависеть от учета особенностей формирования социального заказа на специалиста в современных условиях. Становление социальной зрелости молодежи, ее жизненный выбор происходят во всех основных сферах жизнедеятельности человека, реализуясь посредством обучения и воспитания, усвоения и преобразования опыта старших поколений. Основными социально-психологическими регуляторами этого процесса и одновременно показателями положения молодежи в обществе выступают ценностные ориентации.

Проблему ценностей и их роли в развитии исследовали философы — Аристотель, Конфуций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, И. Кант, Ф. Ницше и др.; социологи В. Ядов, В. Лисовский и др.; психолого-педагогические взгляды на ценностные ориентации личности находим в трудах И. Беха, Б. Ананьева, Г. Балла, Л. Выготского, И. Зязюна, А. Леонтьева, С. Максименко. В научной литературе проблема ценностных ориентаций исследуется в связи с развитием и воспитанием конкретных ценностей. Ценностные ориентации личности анализируются во взаимосвязи с формированием социальной позиции личности (Т. Мадьковская), изучаются в контексте педагогической диагностики (В. Петрушин), рассматриваются в связи с исследованиями духовной культуры, духовных потребностей (Т. Баранова, В. Бутенко, Л. Коваль, С. Морозова)¹.

Разработка и становление идеологии государства, а на ее основе соответствующая интерпретации психолого-педагогических основ теории и практики воспитания студентов в вузе, смогут обеспечить устойчивость молодого специалиста с точки зрения комфортной адаптации его не только в своей стране, но и в общецивилизационном пространстве. Масштабность

социально-экономических, общественно-политических, социокультурных перемен в мире, предъявляет к человеку новые требования, расширяющие его возможности. В то же время эти перемены включают человека в ситуацию известной конкуренции, которая связана со значительным напряжением его духовных и физических сил, с потребностью в постоянном профессиональном и культурном совершенствовании. В этих условиях в значительной мере актуализируется проблема развития у молодого человека системы ценностей, сочетающих высокоразвитую духовную культуру с деловой активностью, целеустремленностью, трудолюбием. В связи с этим задача вуза как одного из ведущих социальных институтов общества состоит в том, чтобы готовить не только высококвалифицированных специалистов, но и высокообразованных, нравственно зрелых граждан, патриотов, способных участвовать в решении текущих и перспективных вопросов государства и общества.

Одновременно изменения в обществе, политике, экономике, культуре отразились на ценностных ориентациях, нормах и правилах поведения, осложнили процесс воспитания учащейся молодежи. В ее среде имеет место социальная тревожность, неуверенность, агрессивность и жестокость; увеличилось число учащейся молодежи с деликвентным поведением, у части студенчества утрачивается доверие к старшему поколению, наблюдается рост бездуховности, пассивности в усвоении важных нравственных ценностей. Таким образом, налицо противоречие между запросами общества на социально, духовно и морально зрелую творческую личность и реально сложившейся ситуацией, которая проявляется в недостаточной работе вуза по определению аксиологических приоритетов личности и развитию их в конкретной образовательно-воспитательной деятельности по профессиональному становлению².

Сегодня ценностное развитие личности студента средствами воспитательной работы вуза как проблема чрезвычайно актуализировалась. Это процесс «встречи» различных мировоззрений, менталитета, воспитания, поведения, итог которой не победа какой-либо одной стороны, а совместно достигнутый уровень социализации или ресоциализации. Здесь вполне логично предположить, что эффективность воспитательной работы возможно обеспечить, если осуществлять данный процесс непрерывно и последовательно на всех этапах обучения студентов. При этом прежде всего необходимо определение аксиологических приоритетов в развитии личности студентов, а затем разработка и внедрение в учебно-воспитательный процесс соответствующей системы воспитательных методов и средств. Для этого целесообразно решение следующих задач:

- 1) проанализировать и обобщить существующие психолого-педагогические и междисциплинарные подходы к решению проблемы ценностного развития личности студентов;

2) исследовать с помощью психолого-педагогических и социологических методов (тестирование и анкетирование) состояние и тенденции процесса развития ценностных ориентаций у студентов, выявить их особенности и способы реализации в воспитательном процессе вуза.

В качестве основополагающих принципов исследования обозначенных задач возможно предположить следующие:

— целевая направленность процесса воспитания и обучения в высшей школе;

— системный характер воспитания и обучения в вузе;

— практическая направленность учебно-воспитательного процесса;

— дифференцированный характер воспитательных стратегий в вузе;

— адекватность использования интенсивных технологий в воспитательном процессе вуза.

Предполагается, что практическим результатом решения поставленных задач могут быть концептуальные положения, программные документы, практические мероприятия по организации воспитательной работы со студенческой молодежью³.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Донских О. А.** Трансформация ценностных ориентаций // *Философия образования*. 2013. № 2. С. 121 — 127.

² См.: **Ситаров В. А.** Ценностные трансформации современной студенческой молодежи // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 2. С. 202 — 210.

³ Там же.

УДК 37.013.42(470.345)

И. В. Лаптева

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Социальный проект рассматривается как один из инструментов продвижения гуманитарного знания. Автор знакомит с проектной (грантовой) деятельностью Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, основанной на социальном партнерстве с общественными организациями.

Ключевые слова: социальный проект, гуманитаристика, грант, проектная деятельность, НИИГН.

Социальное проектирование наряду с конструированием и футурдизайном является одним из механизмов целенаправленного воздействия на многообразие социокультурных изменений, поэтому проектная деятельность занимает важное место в современной жизни, позволяя раскрыть социально-ориентированный потенциал — приобрести опыт работы в социальном пространстве, опыт самоорганизации и организации работы в команде.

Проектная деятельность НИИГН (в частности, грантовая) относится к внеплановой работе института — это разработка концепций и оформление коллективных грантовых заявок на участие в конкурсах региональных и федеральных органов исполнительной власти, Российского фонда фундаментальных исследований Российского военно-исторического общества, Российского фонда культуры¹, Фонда «История Отечества», Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, Фонда президентских грантов, Президентского фонда культурных инициатив и других грантодающих организаций, которые позволили воплотить в жизнь шесть социальных проектов за последние пять лет.

В этом контексте показательно социальное партнерство НИИ как «опорного центра взаимодействия ведущих научных сообществ России с Мордовией» (В. А. Юрчёнков) с культурно-образовательными учреждениями и общественными организациями, которое было поставлено на постоянную основу и приобрело долгосрочный характер. Так, результатом совместной деятельности института и регионального отделения Российской военно-исторического общества, которое с 2017 г. возглавляет директор института Галина Александровна Куршева, стали научные конференции, проекты-победители грантовых конкурсов, открытие 4 памятников и около 70 мемориальных досок.

В рамках партнерства института и Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа в 2020 г. разрабатывались проектные идеи этнокультурных и просветительских проектов для получения грантовой поддержки. Сетевое сотрудничество в рамках культурно-образовательных направлений осуществляется с Мордовской региональной общественной организацией «Культурно-языковое многообразие территории» (до 2022 г. — «Общество немецкого языка и культуры»), благодаря которому были налажены научные связи с Австрийским институтом им. Больцмана и инициированы локальные просветительские и образовательные проекты.

Среди направлений проектной деятельности выделяются такие, как сохранение национальной культуры региона (уход за памятниками, изучение мордовского языка через культурно-образовательную деятельность, проведение культурно-образовательных мероприятий, знакомство с национальной самобытностью и пр.), сохранение памяти о знаменательных страницах

истории (поддержка ветеранов, уход за мемориалами, работа с молодежью, музейная, архивная работа и пр.)

Как известно, в подростковом и юношеском возрасте закладываются духовно-нравственные ценности и отношение к Родине, обществу, начинают реализовываться социальные практики, формируются инициативность и ответственность. В научных исследованиях, посвященных проектной технологии, звучит тема ее положительного воздействия на качество образования, воспитания и жизни в целом. Многие ученые отмечают высокий развивающий и мотивационный образовательный потенциал проектной деятельности и ее возможностям формирования социально-коммуникативных компетентностей (В. А. Болотов, Ю. В. Громько, Е. Д. Пахмутова, Е. С. Полат и др.). Все исследователи едины в мнении, что социальный проект использует «особые инструменты в сфере раскрытия человеческого потенциала» и практику расширения пространства жизни через партнерские отношения, решая проблему конкретной целевой аудитории. В публикациях описываются проекты по психологической поддержке и социализации обучающихся, безопасности детей, воспитанию любви к родине², интерпретации реальности через воспроизводство культурных традиций и исторической памяти³, разностороннему (в том числе физическому) развитию личности⁴. Существует мнение, что «ситуация всеобщей пандемии диктует условия по вовлечению и участию граждан в социально-значимых проектах»⁵.

Рассуждая о проекте в целом, четко выделяются его ключевые признаки: наличие проблемы и измеримого результата, ограниченность во времени, поэтому любую деятельность, которая соответствует этим признакам, можно считать проектом. Социальным же считается такой проект, который направлен на решение социальной проблемы определенной целевой группы. Это комплекс действий и мероприятий, направленный на достижение цели, выполнение задач и получение заранее запланированных результатов для решения актуальной для конкретной группы людей. Решением социальных проблем занимаются, в первую очередь, органы власти, с недавних пор активны волонтеры, некоммерческие организации и бизнесмены, пытаясь коренным образом изменить жизнь людей. К характерным особенностям социального проекта относится то, что целевая группа пользуется его услугами бесплатно, так как деньги привлекаются из сторонних источников.

Социальное проектирование имеет несколько этапов: проект начинается с выбора целевой группы и выявления социальной проблемы. Любой социальный проект решает какую-то социальную проблему, под которой понимают общественно важные вопросы и ситуации на определенной территории для конкретной целевой группы людей, которые требуют коллективных усилий по их решению. Главное, чтобы после реализации проекта

целевая группа ощутила улучшение качества жизни, так как именно решение проблемы становится главным результатом проекта.

Что же нужно предпринять для того, чтобы воплотить социальный проект в жизнь? Сначала его нужно тщательно продумать и проработать: обеспечить логическую связность его элементов: проблемы целевой группы, на решение которой он направлен, цели, задач и мероприятий; сформулировать, каких именно результатов вы хотите достичь; выбрать масштаб проекта; определить, какие ресурсы вам понадобятся; спланировать реализацию проекта поэтапно: понять, что и когда целесообразно делать. Из-за неправильного планирования и непонимания механизма работы с проектом большое количество прекрасных идей не было реализовано.

В конце проекта мы должны точно сказать, достигли мы ее или нет в определенные сроки и к определенному моменту, поэтому в формулировке цели используются такие фразы, как «создание условий», «вовлечение», «информирование», «формирование навыков» и пр. Цель зеркальна нашей проблеме: например, если проблема — асоциальное поведение какой-то группы, то цель — создание условий для социализации этой группы. Связка «проблема — цель — задачи» должна быть «железной», иначе вся логика проекта выстроится неправильно, и он не будет успешным или вообще не будет реализован.

В качестве примера возьмем две целевые группы: 1) подрастающее поколение (в том числе учащиеся СОШ и СПО РМ) в возрасте 15 — 18 лет, 2) учителя истории и попробуем решить следующую проблему — подрастающее поколение не знает выдающихся краеведов Мордовии. Если одной из причин возникновения проблемы является «дефицит актуальных материалов для учителей истории по региональному краеведению Мордовии», значит нашей задачей будет подготовка для учителей таких продуктов или услуг, как материалы по региональному краеведению в формате, интересном для подростков (лонгриды, интерактивные квесты, онлайн-конкурсы, виртуальные флешмобы, интернет-блоги, видеочелленджи, сторителлинги и др.).

Таким образом, «будущее создается сегодня, создается нашими действиями (а главным образом — бездействием)» (С. В. Переслегин), поэтому его можно конструировать или проектировать. Социальное проектирование позволяет сотрудникам НИИГН благодаря поддержке грантодающих фондов содействовать в решении социальных проблем разновозрастных групп населения Республики Мордовия, создавая условия для формирования гражданской, патриотической и культурной идентичности, в том числе, привлекая молодежь к общественно-значимой деятельности. Опыт реализации исследовательских проектов и успешных практик позволяет Институту отвечать на вызовы современности и социальные запросы, что является залогом его успешного развития.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Зарубина О. В.** Журнал «Центр и периферия» в числе победителей грантового конкурса Российского фонда культуры в 2021 г. (отчет о реализации проекта «Подготовка и выпуск периодического печатного научно-публицистического журнала „Центр и периферия“ № 1 — 4, 2021») // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1. С. 231 — 232.

² См.: **Утебаева З. Н.** Социально-значимый проект «В память о Великой победе» // Методология и технология проектной деятельности в образовательном учреждении : сб. материалов I Всерос. науч.- практ. конф. Астрахань, 2021. С. 109 — 112.

³ См.: **Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н.** Сурский оборонительный рубеж в проектной деятельности Регионального отделения РВИО в Республике Мордовия // Центр и периферия. 2021. № 4. С. 10 — 14.

⁴ См.: **Светлакова Н. И.** «Страна героев» — проект-мотивация государственного музея спорта // Вестник спортивной истории. 2020. № 2(21). С. 78 — 83.

⁵ **Гробер Е. М.** Особенности проявления гражданского самосознания при реализации социально-значимых проектов в условиях пандемии // Основы экономики, управления и права. 2021. № 5(30). С. 16.

УДК 08:070(470.345)(Морд)

И. В. Лаптева, Е. К. Никулин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

**ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА»
(На примере Республики Мордовия)**

В статье затрагиваются проблемы, развивающиеся со времен пандемии: а) низкий интерес со стороны молодого поколения к культурным мероприятиям, а также памятникам культуры и б) недостаточная активность региональных органов власти в привлечении инвестиций на развитие и поддержание культурных памятников. Проведен анализ данных в сфере развития национального проекта «Культура». Изучены мероприятия, которые проводились с 2019 по 2021 г.

Ключевые слова: культура, Республика Мордовия, развитие СМИ, информационная деятельность, культурные мероприятия, интерес к культуре.

В настоящее время поддержка и развитие отрасли культуры государством являются необходимым условием для устойчивого развития российского общества. Развитие потенциала человечества — одна из главных составляющих общества — определяется эффективностью отраслей соци-

альной сферы, которая во многом зависит от их ресурсообеспеченности, а также от эффективности управленческой системы в данной области.

Сегодня в сфере социальной отрасли на федеральном уровне происходит ряд масштабных целевых программ, названных национальными проектами и направленных на повышение уровня жизни людей и безопасность экономического развития страны. Учитывая, что огромные ресурсы тратятся на их финансирование из федерального бюджета, управление данными процессами возложено на субъекты Российской Федерации¹.

Исходя из уже имеющихся данных, а именно научных трудов Е. М. Бухвальда и О. В. Вознесенской², внимание акцентируется не только на степени освещенности в различных регионах через СМИ мероприятий в сфере культуры, но и на обратную связь людей, иными словами, потребителей новостной информации, на общественный резонанс вокруг культурных событий национального проекта «Культура».

Национальный проект «Культура» разработан в соответствии с указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 и скорректирован в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474. Его реализация началась 1 января 2019 г.³

В рамках данной статьи реализация нацпроекта будет рассмотрена на примере Республики Мордовия, которая считается одним из культурно развитых регионов страны и в отрасли культуры опирается на законодательные документы, представленные на рис.

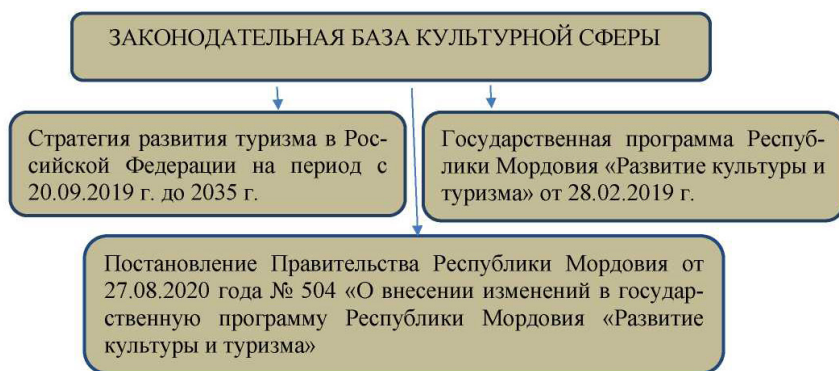

Рисунок. Законодательная база культурной сферы Республики Мордовия

Цель статьи — проанализировать инновации в государственной поддержке сферы культуры через внедрение нацпроекта, выявить основные проблемы реализации данных проектов в регионе. Исследование проведено методом сбора статистической информации о реализации нацпроектов. Использованы методы анализа и сравнения. Информационной базой исследования стали сайты федеральных и региональных органов власти в сфере культуры.

При этом свою актуальность не теряют задачи сохранения и накопления культурных традиций, направленные на улучшение условий организации культурной деятельности населения, особенно это касается удаленных от крупных культурных центров населенных пунктов. Эти задачи помогут в деятельности главным учреждениям культуры, искусства и кинематографии.

Начиная с 2019 г. стали появляться материалы в публицистической и научной литературе, посвященные сущности, реализации и целевым показателям национального проекта «Культура»⁴, к которым относятся: «увеличение на 15 % числа посещений организаций культуры и увеличение в 5 раз количества обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры»⁵. Привлечь интерес планируется за счет строительства и реноваций центров культурного развития в 2022 — 2024 гг., направленных на улучшение качества культурной среды.

Реализация национального проекта «Культура» требует выполнения большого списка задач и достижения множества поставленных целей, но для всего этого нужны ресурсы: с финансовой стороны, без которых ни о каком развитии речи идти не может, кадровые, включающие управленческие перспективы, а также переработка нормативно-правовой базы.

Мы согласны с точкой зрения О. В. Вознесенской⁶ в сфере «Культуры и искусства», что реализация национальных проектов невозможна без активного участия субъектов Российской Федерации. Реализация национальных проектов в регионах зависит от определения целевых показателей, объема выделяемых ресурсов для их достижения и контроля над расходованием: «Достаточно ли 113,5 млрд рублей на его реализацию?».

Констатируя обзор научной литературы, следует отметить, что отечественные исследователи указывают на своевременность, целесообразность и перспективность национального проекта «Культура» как на региональном, так и на федеральном уровнях. Практическая польза представленной работы состоит в изучение ранее неисследованной научной проблемы, которая появилась в условиях эпидемиологической ситуации COVID-19 и в предложенных рекомендациях по созданию положительного общественного резонанса вокруг мероприятий в сфере культуры с целью повышения культурного уровня современного населения.

Мониторинг культурных событий национального проекта «Культура» на основе региональных данных средств массовой информации представляет собой регулярную систему наблюдения за фактическим положением дел в сфере культуры Республики Мордовия с целью систематического анализа и оперативного выявления изменений, оценки тональности новостных сообщений, прогнозирования их развития, предупреждения нежелательных последствий.

Материалом исследования послужили отчеты Министерства культуры Республики Мордовии за 3 года (с 2019 по 2021 г. включительно). Для сравнения были изучены материалы с начала реализации программы в РМ.

С начала реализации проекта учреждения культуры начали активно пользоваться социальными сетями, что повлияло на увеличение численности людей, интересующихся культурным развитием региона, а также повлияло на привлечение посетителей молодого возраста. Многие имеют официальные аккаунты в социальных сетях (Инстаграм, ВКонтакте, Telegram).

Коронавирусная инфекция COVID-2019 положительно повлияла на интернет развитие культурного сегмента, благодаря ей произошел толчок в развитии информатизации, начали проводить «online» мероприятия.

В соответствии с Указом Г лавы Республики Мордовия «О введении на территории Республики Мордовия режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции COVID-2019» от 17.03.2020 г. № 78-УГ⁷, культурно-массовые мероприятия проводились в формате «online».

К наиболее значимым мероприятиям 2020 г. можно отнести:

- Открытый Межрегиональный Республиканский конкурс народного творчества «Играй, гармонь!» (29 февраля 2020 г.);
- Республиканский фестиваль военно-патриотической песни «О Родине, о подвиге, о славе!» (9 мая 2020 г.);
- Межрегиональный фестиваль русской народной песни «Околица», посвященный Дню славянской письменности и культуры (24 мая 2020 г.);
- Республиканский национально-фольклорный праздник «Акша келу» (7 — 12 июня 2020 г.);
- II Республиканский литературный праздник «Поэтическая лира» (5 июня 2020 г.);
- Единый День фольклора (18 июля 2020 г.);
- V Открытый фестиваль народной песни «Песни ямщиков» (1 августа 2020 г.);
- Персональную выставку «Творю и радуюсь» самодеятельного художника Н. Шумкина (21 августа — 22 сентября 2020 г.);
- Республиканскую online-выставку «Лирика природы Мордовии» (14 сентября 2020 г.);

— Республиканский фестиваль-конкурс татарской песни «Авылым тавышлары» (19 сентября 2020 г.);

— Республиканскую online-выставку матрешек «Расписная красавица» (29 сентября 2020 г.);

— Республиканский фестиваль-конкурс национального песенно-обрядового творчества «Шумбрат!» (16 ноября по 16 декабря 2020 г.);

— Республиканский фестиваль мордовской (эрзянской, мокшанской) песни «Од вий» (4 декабря 2020 г.);

— Республиканский инклюзивный фестиваль художественного творчества инвалидов «Вместе мы сможем больше» (21 декабря 2020 г.)

В 2020 г. учреждения культуры вели активную работу по продвижению информации о своей деятельности через несколько информационных каналов взаимодействия: внутренние информационные системы, федеральные и региональные порталы, социальные медиа.

Основной внутренней информационной системой для всех учреждений культуры Российской Федерации является платформа PRO.Культура — проект Министерства культуры Российской Федерации.

На 1 января 2021 г. на портале зарегистрировано 146 учреждений культуры Республики Мордовия, предоставляющих информацию миллионам пользователей. За 2020 г. подведомственными учреждениями анонсировано свыше 2 000 мероприятий⁸.

«Государственный каталог музейного фонда — это собрание коллекций живописи, предметов прикладного искусства и археологии, редких книг, документов, фотографий и пр. в цифровом виде на едином портале www.goskatalog.ru. На 1 января 2021 г. в нем собрано и опубликовано 62 961 экспонатов и предметов из государственных и муниципальных музеев Мордовии»⁹.

Учреждения культуры нашего региона используют социальные сети для распространения изображений (например, через Instagram), интерактивные онлайн-выставки и распространение видео на платформе YouTube как средство коммуникации и продвижения. В 2020 г. совокупное количество просмотров контента в социальных медиа достигло 25 млн.

В апреле — мае 2020 г. в формате online-трансляций видеозаписей коллективов прошел зональный отборочный этап Всероссийского фестиваля-конкурса любительских творческих коллективов, проходящий в рамках национального проекта «Культура». Организаторами фестиваля являются ФГБУК «Государственный Российский дом народного творчества имени В. Д. Поленова», органы управления культурой и дома народного творчества субъектов Российской Федерации. Республику Мордовия представил лауреат Государственной премии Республики Мордовия народный хор «Ветеран» МБУК «Дворец культуры городского округа Саранск» (руководитель —

А. И. Родькина), которому было присвоено звание лауреата III степени в номинации «Академические хоры и вокально-хоровые ансамбли».

В преддверии празднования 75-летия Великой Победы Министерством культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия в online-формате была запущена народная акция «Поем песни Победы!», участие в которой приняли учреждения культуры каждого муниципального района.

Кроме того, этой дате был посвящен Республиканский фестиваль «О Родине, о подвиге, о славе...», проведенный 9 мая 2020 г. в режиме «online» на сайте ГБУК «Республиканский Дом народного творчества».

В рамках празднования Дня славянской культуры в Республике Мордовия проведен Республиканский фестиваль русской народной песни «Околица», а также трансляция online-экскурсии по зданию Кочелаевского Центра русской культуры имени Ф. В. Сычкова, флешмоб «Поем русские народные песни», праздник русского костюма. Все мероприятия прошли в online-формате, число просмотров — 550.

Ежегодный Республиканский национально-фольклорный праздник «Акша келу» («Белая береза») прошел с 7 по 12 июня в online-формате и включил несколько online-мероприятий с общим числом просмотров 1 850.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 248 и решением Международного совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств «О проведении в Российской Федерации VI Всемирной фольклориады» 18 июля 2020 г. в рамках Единого дня фольклора было проведено свыше 100 мероприятий: фольклорные концерты, обряды, мастер-классы, выставки декоративно-прикладного искусства, посиделки и др. Все мероприятия прошли в online — формате¹⁰.

1 августа 2020 г. в online-формате состоялся V Открытый фестиваль народной песни «Песни ямщиков». Участие в гала-концерте приняли участие 164 человека из муниципальных районов Республики Мордовия, г. о. Саранск, а также городов Сарова и Первомайска Нижегородской области. Число просмотров — 820.

С 16 ноября по 16 декабря прошел Республиканский национально-фольклорный праздник «Шумбрат!», посвященный 90-летию со дня основания мордовской автономии. В рамках праздника проведен фестиваль-конкурс национального песенно-обрядового творчества коллективов муниципальных образований Республики Мордовия (online-формат), смотр Центров национальной культуры, а также выставки-презентации национальных книг и периодических изданий.

Трансляция гала-концерта Республиканского фестиваля-конкурса национального песенно-обрядового творчества «Шумбрат!» в online-формате состоялась 13 декабря 2020 г. на официальном сайте ГБУК «Республикан-

ский Дом народного творчества», YouTube-канале, в группах социальных сетей ВКонтакте, Одноклассники. Количество просмотров — 1 201.

С 9 по 11 октября 2020 г. в Республике Мордовия прошел представительный форум с участием юных хранителей нематериального культурного наследия России — Российская детская фольклорная Ассамблея, которая проводилась в рамках федеральной целевой программы «Культура России» (2019 — 2024 гг.) на 2020 г. при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия и являлась творческим проектом Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова и Республиканского Дома народного творчества Мордовии¹¹.

В Ассамблее приняли участие юные хранители нематериального культурного наследия России — детские и юношеские фольклорные коллективы, солисты-исполнители в возрасте от 7 до 18 лет. Участие в Ассамблее приняло свыше 400 самодеятельных артистов из Башкортостана, Бурятии, Коми, Мордовии, Удмуртии, Алтайского и Пермского краев, Белгородской, Владимирской, Воронежской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и других областей, а также из Санкт-Петербурга.

Все мероприятия Ассамблеи были проведены с соблюдением мер санитарно-эпидемиологической безопасности, связанной с эпидемией коронавируса (COVID — 19).

Координатором и методическим центром для учреждений клубного типа муниципальных районов республики и городского округа Саранск является ГБУК «Республиканский Дом народного творчества».

В 2021 г. сеть культурно-досуговых учреждений насчитывала 480 единиц (в том числе 450 в сельской местности). На базе клубных учреждений в 2021 г. функционировало 2 959 клубных формирований с числом участников — 33 085 чел., 2 180 самодеятельных художественных коллектива разных жанров, в том числе — 155 со званием «народный», «заслуженный» и «образцовый». Сравнительные данные за два года приведены в таблице.

Таблица

**Основные показатели учреждений культурно-досугового типа в 2021 г.
(в сравнении с 2020 г.)**

Год	Число клубных формирований	Число участников клубных формирований	Число коллективов самодеятельного народного творчества	Число публикаций на платформе PRO.Культура.РФ
2020	2 810	30 979	2 076	224
2021	2 959	33 085	2 180	612

Составлена по: Сайт Министерства культуры Республики Мордовии. URL: <https://mktrm.ru/news/2253> (дата обращения: 26.06.2022).

В целях улучшения культурного обслуживания населения, сохранения культурного наследия и повышения творческого потенциала сельских жителей в рамках национального проекта «Культура» в 2021 г. проведен капитальный ремонт 5 культурно-досуговых учреждений в сельской местности.

В целях сохранения и развития нематериальной культуры народов, проживающих на территории Республики Мордовия, ведут свою работу 7 национально-культурных центров.

С 20 по 29 ноября 2020 г. в рамках Республиканского национально-фольклорного праздника «Шумбрат!» прошел смотр центров национальной культуры. В ходе смотра комиссия ознакомилась с работой мастерских и творческих студий, действующих на базе центров, а также провела документальную проверку деятельности учреждений.

Таким образом, общемировая самоизоляция из-за пандемии COVID-19 сыграла огромную роль в сфере культуры. Органы власти стали рассматривать возможность использования альтернативных цифровых площадок, применять технологии виртуальной реальности, и это позволило сохранить интерес со стороны населения к объектам культуры и искусства, а руководству Республики Мордовия — продолжать реализацию планово проводить мероприятия в данный период времени. Следствием этого стали: повышение интереса к цифровым продуктам в сфере культуры, неизбежная отмена на неопределенный срок многих культурных событий в стандартном «живом» формате, замедление темпов выполнения проектных мероприятий «Культура».

В регионе создавалась и развивается информационная online-система поддержки всех национальных проектов, которая обеспечивает возможность получения актуальных сведений о целях и ходе их реализации. Наибольший интерес в среде пользователей к мероприятиям регионального проекта «Культурная среда» объясняется популярностью услуг, предоставляемых республиканскими культурно-просветительскими и досуговыми центрами, актуальными и для отдаленных районов республики.

Из-за эффекта «новизны» и онлайн-доступности конечного продукта (виртуальные экскурсии, выставки, концерты, театральные постановки и кинопоказы) мероприятия в рамках программы «Цифровая культура» в 2020 и 2021 гг. вызвали устойчивый интерес. За счет повышенного интереса читателей прессы, аудитории телеканалов и пользователей социальных сетей к творческому самовыражению талантливых индивидов востребованным остается и проект «Творческие люди».

Библиографические ссылки

¹ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 26.06.2022) ;

О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 26.06.2022).

² См.: **Бухвальд Е. М.** Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 54 — 58 ; **Вознесенская О. В.** Проблемы реализации национальных проектов в сфере культуры и пути их решения // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности : сб. науч. тр. магистрантов и преподавателей. Челябинск, 2020. С. 118 — 123.

³ Сроки реализации национального проекта «Культура»: 01.01.2019 — 31.12.2024. См.: Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. М., 2019. С. 28 — 31.

⁴ Национальный проект «Культура». URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project> (дата обращения: 26.06.2022).

⁵ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 26.06.2022).

⁶ См.: **Вознесенская О. В.** Указ. соч.

⁷ О введении на территории Республики Мордовия режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции COVID-2019 : Указ Главы Республики Мордовия от 17.03.2020 № 78-УГ. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/mordovia/1334821/> (дата обращения: 26.06.2022).

⁸ PRO Культура.РФ. URL: <https://pro.culture.ru/intro#events> (дата обращения: 26.06.2022).

⁹ Госкаталог.РФ. Министерство культуры Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections> (дата обращения: 26.06.2022).

¹⁰ Официальный интернет-портал правовой информации. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации VI Всемирной фольклориады». URL: <http://publication.pravo.gov.m/Document/View/0001201706010021?mdex=0&rangeSize=1> (дата обращения: 26.06.2022).

¹¹ Сайт Министерства культуры Республики Мордовии. URL: <https://mktrm.ru/news/2253> (дата обращения: 26.06.2022).

УДК 81'373

А. В. Малышев

МОО «Историческое сознание» (г. Кулебаки)

РОДНИК КАЛНАКСА (КОЛНАКС) КАК ПРИМЕР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ САКРАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

В статье рассказывается о преемственности великороссами Поволжья традиций, связанных с почитанием водных объектов, от автохтонного населения, и описывается пример такой преемственности.

Ключевые слова: Нижегородская область, великороссы Поволжья, языческие верования мордвы, родник Калнакса, гидронимия Среднего Поволжья.

Среди сакральных мест и пространств, почитаемых великороссами, важное место занимают водные объекты. Характерно, что в большинстве это разного рода источники и родники или ключи. При этом с совершенной уверенностью можно утверждать, что сакрализация водных объектов началась задолго до прихода к нашим предкам православия и унаследована ими из языческого прошлого. Уже потом эта сакрализация была переформатирована в соответствии с требованиями христианской религии, впрочем, не исключавшими на бытовом уровне сохранения некоторых пережитков языческих обрядов, связанных и с определенным водным объектом и в целом с водой.

В тех же местах современной Центральной России, куда предки великороссов пришли как переселенцы и колонисты, и, смешавшись с местным автохтонным населением, как раз и составили основу современного русского населения, поклонение водным объектам «перенималось» уже от туземных жителей, как своеобразная «эстафета». Соответственно и поклонение этим объектам складывалось согласно требованиям принесенного с собой православия, т. е. принимались и местные языческие обряды, связанные с тем или иным родником, но наполнялись другими смыслами, так или иначе объясняемыми христианской верой.

Об одном из таких «местнотимых» водных объектов, «эстафета» сакрализации которого принята великороссами от предшествующего коренного населения, пойдет речь в этом исследовании.

В юго-западной части Нижегородской области, известной своим расположением на богатых водоносных пластах имеется огромное количество родников, как следствие выхода этих водоносных подземных жил на поверхность. Как правило, большинство этих родников, особенно находящихся вблизи населенных пунктов или в их черте, являются благоустроенными и посвящены православным святым, т. е. так или иначе связаны с православными обрядами. Все это непременно сопровождается разного рода местными легендами о чудесных явлениях или исцелениях.

Эти легенды вместе с непрерывавшимися среди местных жителей, даже в так называемый «советский» период российской истории, традициями почитания родников практически изжили из народной памяти прежние «дорусские» их названия. Они «заменены» названиями, полученными при освящении источника («Ключик Иван Богослов», «Казанский источник», «Богоявленский ключ» и др.), или связанными с именами каких-то местных жителей («Пашенькин ключ», «Манькин родник» и др.). Однако вблизи поселка Гремячево городского округа Кулебаки Нижегородской области имеется источник, который наряду со своим «новым», православным названием среди местных жителей устойчиво известен под своим «первым» именем, полученным, очевидно, от финно-угров.

Родник, расположенный в трех километрах к северу от Гремячева, в народе издревле известен под именем Калнакса (Ка(о)лнакс). Самое простое объяснение этого названия можно произвести из мордовского *кална-кса*, что означает «рыбка есть», т. е. в источнике водится маленькая рыбка. Однако никакой рыбы, пусть и самой маленькой, в Калнаксе никогда не водилось. Подобное толкование выглядит как «механистическая» этимологизация, когда подбирают похожие по звучанию слова из предполагаемого языка, совершенно не заботясь о смысловом наполнении.

Если же говорить о смысловом наполнении, то можно допустить, что в названии скрыто мордовское *калма* (могила), в котором звук «м» перешел в «н». Что касается *-са*, то это древнейший топоформант чрезвычайно распространенный по всей территории Средневожья или в виде *-са (-за)* или в виде *-ша (-жа)*. Гидронимы с таким формантом встречаются в данном регионе повсеместно. Река, в которую родник Калнакса несет свои воды, и на левом берегу которой стоит Гремячево, называется Тёша. Крупным правым притоком Тёши является река Сережа. Выше по течению в Тёшу слева впадают речки Акша и Иржа, в 20 км ниже по течению в нее же впадает речка Шилокша, которую местные старожилы до сих пор называют Шилокса. Возможно, данный топоформант принадлежал еще предкам мордвы и использовался для оформления названий водных объектов. В русскоязычном о-кающем говоре местных жителей Калнакса перешло в Колнакс в соответствии с родом названия, но жители постарше еще и до сих пор называют родник Калнакса.

Если обратиться к аналогам гидронима Калнакса на карте России, то такое же название упоминается в русских документах XVI в. Данный гидроним существовал в Вологодских землях¹. Сегодня это название трансформировалось в Кавнокса — речку 13 км длиной бассейна Северной Двины. Очевидно, что здесь название, принадлежавшее онимической системе до-русского (финно-угорского) населения края, было переименовано в говорах русских переселенцев.

В сочетании с мордовской основой *калма* в гидрониме *Калнакса* можно увидеть «могилу у воды» и допустить, что в древности рядом с родником находилась могила, или кладбище. Известно, что места захоронения в верованиях древней мордвы были особенно почитаемыми. Родник Калнакса расположен на правом берегу Тёши, на самом краю поймы реки. Это обстоятельство действительно позволяет допустить, что здесь существовал древний могильник, принадлежавший предкам мордвы — финно-уграм, в погребальных обрядах которых реки играли роль своеобразных «дорог смерти», соединявших «верхний» и «нижний» миры².

Впрочем, если кому-то такое объяснение покажется слишком сложным, то еще одна версия указывает, что в названии скрыто мордовское числитель-

ное *колмо* (три), в виде *колмонза* (трое, троица), и здесь объяснением названия может служить местное предание гласящее, что в старину рядом с родником стояли три неохватных вяза. На одном из них однажды случилось чудесное явление лика Архистратига Божия Михаила, после чего из-под этого вяза забил святой источник. Впоследствии здесь были построены часовня и купальня.

Таким образом, буквально гидроним может быть истолкован как «троица у воды». А сама легенда, как и то, что название сохранилось в обиходе русскоязычного населения, говорит о том, что оно было воспринято от коренных жителей, у которых рядом с родником в древности было языческое капище.

Исследователь мордовской языческой религии Н. Ф. Мокшин указывал, что мордовские моления обычно проводились под определенными породами деревьев, среди которых был, в том числе и вяз³. При этом П. И. Мельников утверждал, что у мордвы каждая порода деревьев имела своего духа-покровителя⁴. Вдобавок и родник, бьющий из-под корней, в мордовской мифопоэтической традиции считался целебным⁵. Все это позволяет предположить, что поклонение местных жителей роднику воспринято ими от предшествующего автохтонного населения. С этим может быть связана и легенда о чудесном явлении лика архангела Михаила, и вера в целительную силу родниковой воды.

Дело в том, что в языческих молениях дерево могло моделировать субъект, воспринимающий языческую жертву⁶. В данном случае православные колонисты столкнулись с тем, что местные язычники проводили свои моления у трех деревьев и приносили им жертвы. Это было воспринято как поклонение дереву, или божеству «в дереве» (на дереве), которое, несомненно, сделалось для православных своеобразной персонификацией черта, или в целом «врага рода человеческого».

Последующее явление на стволе одного из вязов лика самого «воинственного» архангела — «Меча Господня» и «Вождя Небесного Воинства» Архистратига Михаила, могло символизировать победу над этим «врагом».

Предания, связанные с Калнаксой, передаются в селе из поколения в поколение, и в легенде про три вяза есть продолжение гласящее, что один местный бондарь, который «Бога не боялся и людей не стыдился» решил срубить эти вяза для изготовления бочек. Залез бондарь на дерево, но, замахнувшись топором, вместо вяза отрубил себе ногу. Якобы после этого события верующие еще больше стали почитать родник⁷. В этой легенде бросается в глаза алогизм, связанный с тем, что для того чтобы срубить дерево бондарь на него залазит. Это можно объяснить только через призму языческих обрядов мордвы, когда при молении жрец возата взбирался на дерево⁸. Очевидно, в легенде завуалирован переход от языческого поклонения роднику к его христианской святости, знаком которого стала травма

полученная жрецом, как наказание от христианского Бога. Из обычаев, связанных с Михаило-Архангельским родником (Калнаксой), до настоящего времени сохранилась традиция вечерних крестных ходов к роднику.

Крестный ход начинался после дойки коров и заканчивался далеко за полночь. Ночная молитва у родника считается особенной, объединяющей земляков⁹. И хотя церковнослужители сходятся во мнении, что мирянам в отличие от монахов не следует молиться ночью, здесь мы видим исключение из этого правила. При этом следует заметить, что оговорка про окончание дойки коров сделана неслучайно, так как дойка — прерогатива женская, а в ночных крестных ходах к Калнаксе участие принимали, да и теперь принимают, главным образом, женщины. Считается, что это повелось со времен существования советской власти, при которой женщины на селе сделались хранительницами православных традиций.

Однако из записей П. Мельникова о молениях нижегородской мордвы известно, что в молении богине Анге-Патяй, совершаемом возле реки или источника, участвовали только женщины, и моления эти затягивались до глубокой ночи¹⁰. Разумеется, здесь мы не можем утверждать о каком-либо наследовании древней традиции, но сам по себе факт крестного хода, совершаемого в вечернее и ночное время в православии является явлением исключительным — ночные крестные хода совершаются только в ночь с Великой Субботы на Пасху, и на третий день после праздника Успения Пресвятой Богородицы.

Сакральное пространство родника местными почитается безоговорочно. До сих пор не известно ни одного случая осквернения источника или связанных с ним построек и вещей. Источник всегда признавался очень сильнодействующим в духовном плане, и одержимые нечистым духом «еще за три версты не выдерживали благодатной силы исходящей от него, и бесы выходили из страждущих». Вода родника считается целебной, и в Гремячеве известно немало историй чудесных исцелений от этой воды¹¹.

Молебны на роднике в день Архангела Михаила проводятся при большом стечении верующих. После молебна принято обливаться водой из источника, но желающих бывает так много, что священник просто окропляет присутствующих водой из чаши¹². Рядом с родником на возвышении установлен поклонный крест. По местной традиции, к роднику также принято приходить и в период болезней и невзгод, чтобы просто искупаться в оборудованной купели. В последние годы благоустройство пространства родника продолжается. Родник Колнакс остается местом притяжения верующих, и как местная достопримечательность предлагается для посещения гостям поселка.

Таким образом, на примере приведенных выше фактов из истории источника Колнакс мы можем говорить о преемственности сакрального

объекта православными верующими от древнего автохтонного населения и переформатировании обычаев, связанных с данным объектом, в соответствии с христианской атрибутикой и обрядами. Об этом свидетельствуют сохранившиеся предания и дошедшее до нас древнее название источника.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Башнин Н. В. Сотная грамота Т. А. Карамышева на вотчину Григорьево-Пельшемского Лопотова монастыря в Замошской волости Вологодского уезда 1543/44 г. // Saint-Petersburg Historical Journal. 2014. № 1. С. 248.
- ² См.: Мартынов В. Н. Волго-Камье в эпоху раннего железа. Арзамас, 2012. С. 54.
- ³ См.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968. С. 21.
- ⁴ См.: Мельников П. И. Очерки мордвы. Н. Новгород, 2011. С. 320.
- ⁵ См.: Бояркин Н. И. Памятники мордовского народного музыкального искусства : в 3 т. Саранск, 1994. Т. 2. С. 31.
- ⁶ См.: Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 403.
- ⁷ См.: Клопова М. Н., Шекуров В. А. Православное Гремячево XVII — XXI столетия. Арзамас, 2011. С. 96.
- ⁸ См.: Мельников П. И. Указ. соч. С. 348.
- ⁹ См.: Клопова М. Н., Шекуров В. А. Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰ См.: Мельников П. И. Указ. соч. С. 350, 358, 366.
- ¹¹ См.: Клопова М. Н., Шекуров В. А. Указ. соч. С. 96 — 97.
- ¹² Там же. С. 110.

УДК 39(=811.512.145)(045)

А. В. Мартыненко

Мордовский государственный педагогический университет им. Е. М. Евсевьева (г. Саранск)

ПРЕПОДАВАНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлен анализ развития татарской национальной школы и особенностей преподавания татарского языка в советской и постсоветской Мордовии.

Ключевые слова: Мордовия, татары, татарский язык, этнокультурное образование.

В настоящее время татары-мишари являются третьим по численности (после русских и мордвы) этносом Республики Мордовия (РМ). Они проживают в 60 населенных пунктах республики, в том числе в городах Саранск и Рузаевка. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года,

татарское население РМ составляло 43 392 чел., т. е. 5,2 % населения республики¹.

На протяжении веков, наряду с русским и мордовским населением, татары в значительной степени формировали этноконфессиональный ландшафт и социокультурный облик региона. Более того, на протяжении веков развивались мордовско-тюркские и, в частности, мордовско-татарские языковые взаимовлияния, о чем пишет, например, филолог Н. В. Бутылов: «Мордовско-тюркские языковые контакты своими корнями уходят в глубокое прошлое... В VII — VIII вв. после образования Хазарской державы, произошло усиление этих контактов. А после появления болгар в Среднем Поволжье, создавших в этом регионе мощное государство — Волжскую Булгарию, и особенно после монголо-татарского завоевания, мордовско-тюркские контакты приняли непрерывный характер. < ... > Тюркизмы мордовского языка, — продолжает указанный автор, — не однородны по семантике. Находясь почти во всех тематических группах лексики, они отражают различные стороны жизни и деятельности человека, окружающей природы»².

Неотъемлемой и важной частью татарской культуры Мордовии, как и всего Поволжья, было образование на родном языке. У татар традиция обучения грамоте на основе арабского алфавита уходила корнями в средневековье. Функции обучения осуществляли мусульманские профессиональные школы — мектебы и медресе, которые, как правило, действовали при мечетях, и в которых процесс образования сводился к постижению исламской (суннитской) догматики и исламской юриспруденции (фикху) по ханафитскому мазхабу — традиционному для татар правовому толку.

В имперский период отечественной истории такое образование у татар также осуществлялось через систему мектебов и медресе. Например, в конце XIX — начале XX в. на территории современной Мордовии функционировало 78 мектебов и медресе: 30 — в Краснослободском уезде, 17 — в Саранском, 15 — в Темниковском, 14 — в Инсарском, 2 — в Спасском уезде³.

Наибольшее число мектебов и медресе приходилось на Инсарский, Краснослободский, Саранский и Темниковский уезды. Так, в 1900 г. в Инсарском уезде насчитывалось 14 школ, в которых обучалось 277 учеников-шакирдов, в Краснослободском — 30 школ (654 шакирда и 109 учениц), в Саранском уезде — 17 школ (300 шакирдов и 67 учениц). Вплоть до революций 1917 г. в мектебах и медресе Мордовии наблюдался неуклонный рост числа учащихся⁴.

Именно в этих профессиональных школах, наряду с богословскими дисциплинами, в которых большую роль играл арабский язык, и светскими дисциплинами на русском языке, преподавались татарское чтение и письмо.

Однако эта система образования и просвещения татарского населения Мордовии была ликвидирована советской властью в 1920 — 1930-е гг. Альтернативой разрушенному большевиками конфессиональному образованию стала новая, советская система школьного образования, одним из важных сегментов которой стало формирование национальной, в том числе татарской, школы.

Большую роль в развитии советского проекта татарской национальной школы в Мордовии сыграл Окружной комитет нового тюркского алфавита, образованный в 1928 г. В том же году на совещании актива татарской секции Мордовского окружного комитета ВКП(б) было принято решение о введении нового тюркского алфавита в татарских школах тогдашней Средневолжской области. Алфавит вводился с учетом обеспеченности татарских школ Мордовии соответствующими учебно-методическими материалами, учебными пособиями, букварями и т. п. Как известно, с 1928 г. в основу татарской письменности был положен латинский алфавит (вместо арабского, в качестве образца здесь выступала реформа языка в кемалистской Турции, союзной в тот период Советской России). Однако в 1939 — 1940 гг. татарская письменность была переведена на русский алфавит, что сохраняется до настоящего времени.

Согласно данным об уровне начального образования татар Мордовии в конце 1920-х гг., приведенным историком Р. Р. Юсуповым, из 890 начальных школ татарскими были 59, т. е. 6,6 % от их общего количества. Указанный исследователь делает вывод о большей степени обеспеченности начальным образованием татар Мордовии, по сравнению с русскими и мордвой, справедливо указывая на то, что здесь необходимо учитывать удельный вес татар в общей численности населения региона. Необходимо отметить, что в рассматриваемый период средний уровень грамотности татар Мордовии был выше, чем у мордвы, а татарское население к началу 1930-х гг. достигло стопроцентного охвата школьным обучением, т. е. раньше, чем население русское и мордовское. Например, во второй половине 1930-х гг. в Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике в среднем строилось 2 татарские школы⁵, а к 1960 г. число татарских школ в республике достигло 32⁶.

Кроме того, с 1934 по 1954 г. в МАССР действовало Лямбирское педагогическое училище, готовившее учительские кадры для татарских школ.

В целом, в Советском Союзе татарская национальная школа, как в Татарской АССР, так и в других регионах компактного проживания татар, включая Мордовию, развивалась параллельно с русской. Например, специалист по татарам-мишарям Р. Г. Мухамедова отмечала, что к середине 1970-х гг. «за пределами Татарии на родном языке в школах обучается 216 тыс. детей»⁷.

В начале постсоветского периода большую роль в развитии татарской национальной школы Мордовии сыграло региональное этнокультурное движение татар. В июне 1991 г. было создано республиканское общество национальной культуры «Якташлар» («Земляки»), на организационной основе которого через десять лет, в декабре 2001 г., была образована единая национально-культурная автономия⁸. В 2007 г. «Якташлар» и НКА татар РМ объединились в единую, действующую до настоящего времени организацию, название которой объединило названия двух предыдущих — Региональная НКА татар Республики Мордовия «Якташлар».

В 1990-е — начале 2000-х гг. лидеры татарского этнокультурного движения РМ выражали открытое недовольство ситуацией в сфере преподавания татарского языка в республике, а также недостаточной степени его обращения в местных СМИ. Все это воспринималось и трактовалось национальными активистами едва ли не как многолетняя «дискриминация» татарского населения Мордовии. Несмотря на алармистский и достаточно резкий тон подобной риторики, необходимо признать, что в «девяностые» и «нулевые» число татарских школ в республике стало снижаться, ощущался заметный дефицит преподавательских кадров и учебно-методической литературы. В этом смысле обеспокоенность активистов НКА «Якташлар» была вполне оправданной, ведь речь шла о сохранении и развитии языка, значение которого в жизни любого этноса невозможно переоценить, поскольку язык «это важнейший механизм формирования культурной отличительности, существенный элемент индивидуальной и культурной идентичности»⁹.

Свою деструктивную роль сыграло и то, что в рассматриваемый период этнокультурные связи татар РМ с Казанью были крайне слабы и непостоянны. Вплоть до начала 2000-х гг. руководство и общественно-политическая элита Республики Татарстан не проявляли должного внимания к этнокультурным и образовательным проблемам татар, живущих в Мордовии. Таким образом, «мордовские» татары фактически находились в своеобразной культурной изоляции.

Позитивные перемены, связанные с налаживанием конструктивного диалога и партнерства между республиканскими властями и этнокультурными объединениями татар Мордовии, наметились в 2003 г. Например, 22—24 января указанного года в Мордовии впервые прошли Дни татарского просвещения, в рамках которых республику посетила весьма представительная делегация из Татарстана во главе с тогдашним министром образования этой республики Ф. Харисовым. Гости, в число которых входили видные деятели татарской культуры, ученые вузов, педагоги-методисты, руководители школ и гимназий, писатели и артисты, ознакомились с учебным процессом в местных татарских школах. Кроме того, в ходе проведения

Дней татарского просвещения было подписано соглашение между министерствами образования РМ и РТ о подготовке педагогических кадров для татарских школ в Мордовии и для мордовских школ в Татарстане, о комплектовании школьных библиотек учебниками по родному языку и литературе и т. д.

Необходимо оговориться, что этнокультурное образование на татарском языке в РМ по своим масштабам неизмеримо скромнее, чем в Республике Татарстан, что обусловлено относительно небольшой численностью татар Мордовии. Например, историк К. А. Аблязов характеризует ситуацию в Татарстане в данной сфере следующим образом: «Современная развитая структура татарской этнонации только в Татарстане включает более 1200 татарских школ и гимназий с десятками тысяч учителей, самостоятельные кафедры и университеты в вузах, даже отдельные вузы с сотнями преподавателей-татар»¹⁰. О динамичном характере развития данной образовательной системы пишут этнологи Г. Ф. Габдрахманова и Л. В. Сагитова: «Сегодня в Татарстане сформированы и внедряются новые принципы, формы и технологии изучения татарского языка, ведется поиск эффективных механизмов, стимулирующих его изучение»¹¹.

Что же касается Республики Мордовия, то в настоящее время в ней функционируют 19 татарских школ. Национальные татарские школы есть в Дубенском, Кадошкинском, Кочкуровском, Лямбирском, Ромодановском, Рузаевском, Темниковском, Торбеевском, Ельниковском и Атюрьевском районах Мордовии.

Во многом типичным примером является школа села Татарская Пишля Рузаевского района РМ, в которой татарский язык преподается с 1 по 11-й классы в объеме трех уроков еженедельно. Примечательно, что татарский язык учат все дети, независимо от национальности (в селе, наряду с татарами, проживают русские, мордва, таджики, армяне). Однако татарские ученики дополнительно сдают в девятом классе экзамен по родному языку. С. С. Саляева, учитель родного языка в школе данного села, комментирует ситуацию с отношением учащихся и их родителей к данной учебной дисциплине: «Если и бывает какое-то непонимание, то только со стороны родителей, но я всегда стараюсь объяснять: чем больше человек знает о традициях, о культуре народа, который живет рядом, тем он богаче. А кто, если не школа, будет центром сохранения родного языка и культуры? Нужно просто поговорить с мамой, а ребенку и не надо ничего объяснять, он-то с удовольствием ходит на эти уроки»¹².

Несколько другой формат преподавания национального языка реализуется в двух школах районного центра Лямбиль, в котором также компактно проживает татарское население. Здесь татарский язык преподается со 2 по 7-е классы в рамках образовательной программы с этнокультурным компо-

нением. Кроме того, в двух школах Мордовии параллельно изучаются татарский и эрзянский языки. Это школа с. Кочкурово Дубенского района и школа с. Сабаево Кочкуровского района. Здесь на уроках родного языка каждый класс делится на «татарскую» и «эрзянскую» подгруппы.

Учебная и учебно-методическая литература по татарскому языку и татарской литературе поступает в соответствующие национальные школы Мордовии из Татарстана, в частности — в рамках программы сотрудничества правительства данных двух субъектов РФ. Так, в декабре 2018 г. в ходе заседания упомянутой выше «Якташлар» состоялась церемония передачи очередной партии учебников по татарскому языку представителям министерства образования РМ, во время которой председатель НКА татар Мордовии Р. Аширов, в частности, сказал: «У нас реализуется комплекс мер для сохранения национальной культуры и языков народов, проживающих на территории республики. В эту работу вовлечено татарское население. Люди, и, что особенно важно, молодежь, имеют возможность приобщиться к наследию предков, говорить на языке своих отцов и дедов. Татары Мордовии не теряют связи с истоками своих национальных традиций и обычаев»¹³.

Необходимо отметить, что мониторинг ситуации с преподаванием татарского языка в Мордовии осуществляется на постоянной основе со стороны министерства образования и педагогического сообщества Татарстана, в рамках государственной программы по сохранению, изучению и развитию государственных языков РТ. Так, например, в ноябре 2016 г. в РМ работала делегация татарстанских педагогов во главе с заместителем министра образования и науки РТ И. Мухаметовым. Делегация ознакомилась с работой Республиканского межшкольного центра национальных культур, действующего на организационной площадке саранской гимназии № 19, а также татарской национальной школы с. Кривозерье Лямбирского района РМ и Лямбирского детского сада № 3. Подводя итоги данного визита, И. Мухаметов отметил: «Мы благодарны региональным властям за то, что они бережно относятся к этнокультурным школам. Это продуманная, мудрая политика руководства Мордовии... Два региона во многом поддерживают друг друга. Учебники для татарских школ Мордовии Татарстан передает бесплатно. Мордовия также помогает мордовским школам в регионах, в том числе в Татарстане»¹⁴.

Что касается ситуации с подготовкой кадров учителей татарского языка и татарской литературы для школ Мордовии, то в настоящее время такая работа ведется только в одном республиканском вузе — Мордовском государственном педагогическом институте имени М. Е. Евсевьева. В 2010 г. здесь было открыто соответствующее отделение филологического факультета, обучение на котором проводится как в дневной, так и заочной

форме. Причем выпускники «татарского» отделения получают две специальности — «учитель татарского языка и литературы» и «учитель русского языка и литературы»¹⁵. К слову, на сегодняшний день учителей татарского языка готовят в трех регионах страны — Татарстане, Башкортостане и в Мордовии.

Кроме того, с 2017 г. в стенах Мордовского педагогического института, также на организационной площадке филологического факультета, проводятся курсы повышения квалификации «Методика преподавания родного (татарского) языка и литературы в условиях ФГОС ОО» для учителей татарского языка и литературы. Для проведения курсов на регулярной основе привлекаются ведущие и высококвалифицированные специалисты Казанского (Приволжского) федерального университета.

Проявлением интегративного взаимодействия школы и вуза в развитии преподавания татарского языка являются республиканские предметные олимпиады по татарскому языку, которые также организует и проводит Мордовский педагогический институт. Данные олимпиады ориентированы на учащихся старшей школы (9 — 11-е классы), а победители делегируются в Казань на межрегиональную языковую олимпиаду. Задания разрабатываются специалистами Татарстана, с учетом особенностей изучения и преподавания татарского языка в разных субъектах РФ. Олимпиадные упражнения содержат тесты на проверку знания татарской грамматики, а также творческие задания.

В целом, ситуация с преподаванием татарского языка в национальных школах Мордовии в значительной степени отражает общероссийскую динамику развития национальной школы во всем ее этнокультурном разнообразии. Этнологи В. А. Тишков и Ю. П. Шабаев по данному поводу отмечают следующее: «В настоящее время из примерно 200 языков и диалектов, на которых говорит население России, в качестве родных языков обучения и языков изучения в системе общего образования функционирует 89 языков (помимо русского). С точки зрения этнокультурной политики это очень высокий стандарт защиты языков, которого нет в других странах с подобным языковым разнообразием. За последние двадцать лет увеличилось количество школ (в основном в городской местности), в которых изучается родной язык или на нем ведется преподавание. В настоящее время такими являются 56 % всех российских школ, тогда как в 1991 г. их было всего 13 %»¹⁶.

Таким образом, сложившаяся в советский период система татарских национальных школ в Мордовии адаптировалась к новым социокультурным и этнополитическим постсоветским реалиям, и преподавание татарского языка не только сохранилось в данном субъекте Российской Федерации 1990-х — 2010-х гг., но продолжает эффективно функционировать и развиваться.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2014. С. 68.
- ² **Бутылов Н. В.** К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции : сб. ст. Саранск, 1999. С. 594.
- ³ См.: **Кошина О. В.** Этноконфессиональная ситуация на территории Мордовии и ее влияние на развитие образования во второй половине XIX — начале XX в. // Социально-демографические проблемы Поволжья в этническом измерении : сб. ст. Саранск, 2007. С. 224.
- ⁴ См.: Очерки истории образования и педагогической мысли в мордовском крае (середина XVI — начало XX в.) / Под ред. Е. Г. Осовского. Саранск, 2001. С. 134 — 135.
- ⁵ См.: **Юсупов Р. Р.** Социально-экономическое и социокультурное развитие татар-мишарей Мордовии в период советской модернизации в конце 1920-х — 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009. С. 132 — 135.
- ⁶ См.: **Автайкин И. А.** Проблемы национального образования в Республике Мордовия // Успехи современного естествознания. 2004. № 11. С. 47—48.
- ⁷ **Мухамедова Р. Г.** Татары // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 232.
- ⁸ См.: **Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Республика Мордовия. Национально-культурная автономия татар: потенциал, проблемы, перспективы // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН. 2008. № 138. С. 19 — 22.
- ⁹ **Тишков В. А.** Этнология и политика. М., 2005. С. 223.
- ¹⁰ **Аблязов К. А.** Историческая судьба татар : в 2 т. Саратов, 2012. Т. 2. С. 267.
- ¹¹ Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. Казань, 2015. С. 25.
- ¹² Душа мордовская, язык татарский // Известия Мордовии. 2010. 18 февр. С. 3.
- ¹³ Татары Мордовии не теряют связи с истоками своих национальных традиций! // Столица С. 2018. 11 дек. URL: <https://stolica-s.su/news/society/170607> (дата обращения: 03.04.2019).
- ¹⁴ **Никитина Т.** Представители Татарстана благодарны руководству Мордовии за сохранение татарских школ // Известия Мордовии. 2016. 29 нояб. С. 6.
- ¹⁵ **Давыдова А.** Первый выпуск учителей татарского языка в Мордовском пединституте // Юлдаш. 2015. № 26, 8 июля. С. 1.
- ¹⁶ **Тишков В. А., Шабаетов Ю. П.** Этнополитология. Политические функции этничности. М., 2013. С. 328.

УДК 398.8(=511.111)

Е. Н. Мокшина, Е. А. Лебедева

Национальный исследовательский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

О ФОЛЬКЛОРНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ МОРДВЫ

Статья посвящена анализу современных фольклорных музыкальных традиций мордовского народа. В ней отмечается, что из всех жанров народного песенного творчества мордвы сегодня наибольшее распространение получила частушка, являющаяся живым и доступным средством выражения народных настроений, чувств и мыслей. Кроме частушек, широкое бытование у мордвы имеют произведения детского фольклора. Жизнь ребенка неразрывно связана с народной музыкой и поэзией. Родные песни звучат для него с колыбели. Мордовский детский фольклор во всем многообразии жанров умело сочетает художественное и педагогическое начало. Таким образом, фольклорные музыкальные традиции мордовского народа живут и развиваются в наши дни.

Ключевые слова: мордва, музыка, фольклор, этнография, традиции.

Из всех жанров народного песенного творчества мордвы в настоящее время наибольшее распространение получила частушка. Это любимый жанр преимущественно молодежи. Среди молодых людей наблюдается стремление накопить большой частушечный репертуар. Многие девушки заводят себе альбом, в который записывают припевки. Частушка является живым и доступным средством выражения народных настроений, чувств и мыслей. Этот жанр представляет собой тип короткой, чаще четырехстрочной, лирической песни с общественно-политическим или бытовым содержанием.

Процесс формирования мордовских частушек протекал в основном в течение XX в. очень быстро. Этому в значительной степени способствовало широкое распространение среди мордвы русских частушек. Русская частушка представляла собой наглядный образец нового песенного творчества. Попадая в мордовскую среду, она не могла оставаться без изменений. В ней одни поэтические традиции заменялись другими, соответствующими мордовской народной поэзии¹. Как прямое следствие влияния русской частушки в мордовской среде, можно выделить следующие виды частушек: 1) русские частушки, исполняемые мордвой; 2) частушки, переведенные на мордовский язык; 3) собственно мордовские частушки; 4) макаронические частушки, т. е. смешанные, например:

Мне мой милый изменил,
Монь алужом кадымим,
Стала плакать, аварьгадынь,
Испугалась, тандадынь.

Содержание мордовских частушек — многообразная человеческая жизнь, которая передается через переживания и чувства героев. Среди частушечных персонажей следует выделить основной — образ лирического героя. Он присутствует в любой частушке. Каждая частушка его чем-то дополняет, а любая черта его характера подвергается проверке временем в среде народа. При этом одни частушки теряют свою актуальность, другие продолжают жить и волновать. Идейно-тематический диапазон мордовских частушек широк: о Ленине, партии, Родине; о новой культурной жизни; о труде и подвигах; сатирические и шуточные; об исполнении частушек; любовные, бытовые и др. Композиции мордовских частушек характеризуются, в основном, теми же формами (монолог, диалог, приемы параллелизма), что и русских частушек. Большую роль играет не только напев, но и интонация, заключающая в себе ключ к пониманию содержания частушек. Следует отметить, что частушки как специфический жанр фольклора трудно поддаются переводу. В связи с этим в поэтическом понимании их оригинал, как правило, значительно выше переводов².

Кроме частушек, широкое бытование у мордвы в наше время имеют произведения детского фольклора. Термин «детский фольклор» ввели в фольклористику русские ученые в середине 20-х гг. XX в., но к единому мнению долго не могли придти. Современные фольклористы пришли к выводу, что произведения детского фольклора нужно относить к произведениям, как специально созданным взрослыми для детей, так и перешедшим к детям из репертуара взрослых и созданным самими детьми, а именно: 1) произведения, специально созданные для детей (колыбельные песни, потешки, пестушки, прибаутки, сказки); 2) произведения, перешедшие из репертуара взрослых в детский (загадки, скороговорки, игры, заклички, приговорки, колядки); 3) произведения, создаваемые самими детьми (дразнилки, поддевки, считалки)³.

Мордовский народ создал богатый детский фольклор. Жизнь ребенка неразрывно связана с народной музыкой и поэзией. Родные песни звучат для него с колыбели. Уже в первые месяцы жизни ему доступна простая мелодия, которая успокаивает, усыпляет малыша. Поэтические образы близки ребенку. В традиционных колыбельных песнях поется о птицах, животных, предметах домашнего обихода. Эти песенки в известной мере знакомят ребенка с внешностью и повадками птиц, значительную группу составляют песни о будущем ребенка. Женщина выражала свою мечту увидеть сына сильным и ловким в любой работе, а дочь — умелой рукодельницей, хорошей хозяйкой.

Пестушками сопровождаются различные движения ребенка, начиная с самых простых. Пестушки помогают детям потягиваться, сидеть, ходить. Словами сопровождается и обувание ребенка, одевание. Игры и забавы по

мере роста детей постепенно усложняются. Пестушки начинают уступать место потешкам; иногда они исполняются параллельно. Потешками взрослые развлекают ребенка. С потешек начинается и обучение детей счету. Мудрый народ уже на втором году жизни начинает учить малышей счету. Для этого используются различные игры с пальчиками детей. Кроме счета, из таких песенок ребенок усваивает некоторые наставления: что нужно делиться угощением с другими, не быть жадным, не обижать маленьких и прочее. Простой незамысловатый текст сообщает ребенку первые понятия о труде. Дети постепенно знакомятся с песенками более сложного содержания. Пестушки и потешки уступают место прибауткам. Это шуточные песенки, не связанные с игрой. Прибаутки выполняют и нравоучительную роль. В них всегда наказывается кошка, слизавшая сметану, или зайчик, забравшийся в огород. Дети постарше поют их сами. В устной поэзии самих детей важное место занимают произведения, в своей основе восходящие к обрядовым действиям⁴.

Заклички — стихотворное обращение к солнцу, дождю, ветру, временам года — восходят к древним магическим заклинаниям природы, но теперь это лишь детская забава, игра. Дети обычно скандируют или расппевают заклички, повторяя их по несколько раз. К древней обрядовой поэзии восходят и детские приговорки. Это — небольшие песенки-обращения к различным птицам, насекомым. В приговорках сохранились следы древних магических заговоров и заклинаний. Многие приговорки содержат обращения к птицам: курице, гусям, чибису, ласточке, ястребу. Особенно разнообразны окрики ястреба, выслеживающего наседку с цыплятами. В одних случаях ему обещают вместо желаемой добычи горячий камень в клюв, в других — пугают, что горит его гнездо с птенцами⁵. Самостоятельной детской обрядовой поэзии не существовало. Дети принимали участие в обрядах взрослых, где им отводилась определенная роль. Детские колядки по содержанию и форме близки к песням, исполняемым взрослыми.

Ребенок с колыбели играет. В процессе игры он учится мыслить, воспроизводит и осваивает многие действия взрослых. В ходе игры постепенно формируются детская сноровка, сообразительность, ловкость, другие ценные и нужные качества. Многие игры наряду с чисто спортивными элементами содержат в себе интересный словесный материал. В одних текстах, произносимых перед началом игры, предлагаются условия ее ведения, в других — либо выбирается водящий, либо происходит деление участников на партии. Когда необходимо всем участникам разделиться на две подгруппы — используются жеребьевки. Однако самой распространенной и любимой является считалка. Дети старшего возраста любят состязаться в повторении труднопроизносимых фраз и стихков. Это скороговорка — веселая

безобидная игра, во время которой ребята часто ошибаются, путают звуки, искажают слова, чем вызывают смех товарищей. С помощью скороговорок не только развлекаются, но и «учатся говорить». Тексты скороговорок, как и многие прибаутки, дразнилки, считалки, трудно поддаются переводу на русский язык. При их переводе почти всегда теряется смысл оригинала и вся прелесть скороговорки⁶.

Своеобразны произведения несколько иной словесной игры — дразнилки и подделки. Дразнилками являются звучные, остроумные стишки, используемые детьми для того, чтобы подразнить кого-либо из своих сверстников. Не будь в текстах рифмы, дети не стали бы их произносить. Словесная и звуковая игра увлекает ребенка не меньше, чем заключенный в дразнилке юмор. Вышучиваются имена, внешность и черты характера. Чтобы подшутить над товарищем, поддеть его, дети прибегают к подделкам. Считающий себя смелым и опытным во всех детских проказах без всякого предупреждения подступает к своему стеснительному товарищу и предлагает что-нибудь повторить за ним. Все окружающие ждут последствий и, когда ответивший ставит себя в смешное положение, довольные удавшейся шуткой, хохочут. Обычная форма подделки — диалог.

Активно живут в детской среде загадки. В настоящее время они почти полностью перешли к детям. Если несколько десятилетий назад загадки у мордвы часто исполнялись среди взрослых, то сейчас это почти не наблюдается. Взрослые оставили загадки детям. Сказка также является одним из востребованных жанров детского фольклора. Для дошкольника и младшего школьника интересны и понятны сказки о животных и отдельные волшебные сказки. Взрослые нередко рассказывают детям докучные сказки. Это небольшие по объему произведения шутливо-сказочного характера⁷.

Мордовский детский фольклор во всем многообразии жанров умело сочетает в себе художественное и педагогическое начало. Идеалом народа во все времена было стремление к социальной справедливости, мечта о победе добра над злом. В разных жанрах рассыпано множество назиданий, рожденных народной мудростью. Современный детский фольклор мордвы представляет собой сложное сочетание старого и нового, традиций и новаторства. В сохранившихся от прошлого жанрах происходят качественные изменения⁸.

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что в настоящее время мордовский музыкальный фольклор не утратил своей значимости. Наибольшее развитие получила частушка как жанр бытовой поэзии, которая исполняется в музыкальном сопровождении и как капелла. Темы частушек разнообразны, но, как правило, всегда жизненны. Мордовский народ из поколения в поколение стремится сохранить свои музыкальные традиции и для этого

воспитывает подрастающее поколение, с рождения прививая ему любовь к народному фольклору. Музыка тесно связана с поэзией, поэтому детский фольклор наряду с колыбельными и колядками, которые декламируются нараспев, содержит стихотворные подпевки, потешки и загадки. Таким образом, мордовская музыкальная культура живет и развивается, создаются профессиональные и любительские коллективы, специализирующиеся на исполнении народных песен.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Беляева Н. Ф.** Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2000. 305 с. ; **Бояркин Н. И.** Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983. 421 с. ; **Бояркина Л. Б.** Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность : энцикл. справ. Саранск, 2006. 389 с.

² См.: Все о Мордовии : энцикл. справ. Саранск, 2005. С. 627.

³ См.: Занимательная фольклористика / под общ. ред. Л. В. Седовой. Саранск, 2015. 112 с. ; Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. Саранск, 1986. С. 215.

⁴ См.: **Беляева Н. Ф.** Указ. соч. ; **Мокшин Н. Ф.** Материальная культура мордвы : этногр. справ. Саранск, 2002. 208 с. ; **Его же.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004. 320 с.

⁵ См.: **Беляева Н. Ф.** Указ. соч. С. 64.

⁶ См.: Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975. С. 415.

⁷ См.: **Мокшин Н. Ф.** Финно-угры в русской и мировой культуре // Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры. Саранск, 2014. С. 4 — 11 ; **Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.** Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. Финно-угроведение. 1997. № 13. С. 18 — 25 ; Этнография финно-угорских народов / Н. Ф. Мокшин [и др.]. Саранск, 2017. 176 с.

⁸ См.: **Бояркин Л. Б.** Указ. соч. С. 151.

УДК 27-523(470.345)

Е. Н. Мокшина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

А. В. Супонькин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХРАМА КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В САРАНСКЕ

Статья посвящена рассмотрению истории создания и деятельности храма Казанской иконы Божией Матери — одного из наиболее больших и красивых в Саранске,

расположенного в Пролетарском районе. Храм проводит существенную работу по возрождению, сохранению и развитию православной веры в нашем городе и республике.

Ключевые слова: Саранск, храм Казанской иконы Божией Матери, православная вера, миссионерство, воскресная школа.

Храм Казанской иконы Божией Матери — один из наиболее больших и красивых в Саранске. Расположен он в Пролетарском районе на ул. Коваленко, д. 49а. В настоящее время храм является Архиерейским подворьем, его настоятель — Высокопреосвященнейший Зиновий, митрополит Саранский и Мордовский (Корзинкин Анатолий Алексеевич). Клириками в храме служат ключарь подворья и секретарь Саранской епархии протоиерей Виктор Хохлов; благочинный церковью Северо-Западного округа г. Саранска иерей Виталий Шибанов; протоиерей Сергей Аверин; иерей Алексей Ивашков; иерей Василий Матвеев; иерей Георгий Горюнов; диакон Максим Зеленков¹.

Отметим, что свое наименование храм получил от названия почитаемой чудотворной иконы Богородицы — Казанской иконы Божией Матери, явившейся в Казани в 1579 г. По сей день она является одной из самых чтимых икон Русской православной церкви. Наиболее значимыми в русской истории стали три Казанские иконы: явленная в Казани, Московская и Санкт-Петербургская. Иконографически Казанскую икону принято относить к сокращенному варианту Одигитрии. Такие иконы восходят к первообразу, хранившемуся во Влахернском храме в Константинополе.

История создания храма началась в октябре 2000 г. по благословлению Владыки Варсонофия со сбора документов для регистрации храма Казанской иконы Божией матери в государственных органах. Администрация г. Саранска выделила место под его возведение. 23 декабря 2000 г. Владыка Варсонофий освятил место под строительство и закладной камень. При этом событии присутствовал в то время генеральный директор ОАО «Лисма» В. В. Литюшкин. В январе 2001 г. был заключен договор между «Лисмой» и приходом о благотворительной помощи.

С момента сбора документов существенную финансовую помощь при возведении храма оказывал священнослужитель Саранской и Мордовской епархии насельник Иоанно-Богословского Макаровского монастыря иеромонах Николай, до пострига — митрофорный протоиерей Григорий Чабин, долгие годы бывший настоятелем Никольского храма г. Саранска, находящегося в Октябрьском районе. В начале лета 2001 г. стройплощадка была обнесена забором, в июле началась работа по забивке свай, в которой активное участие принимал В. С. Флеганов и возглавляемое им предприятие «Спецстроймеханизация». По окончании работ он принял решение не брать за них денег.

В 2002 г. начинается заливка бетонного ростверка и укладка бетонных блоков. В августе 2002 г. митрополитом Сергием в присутствии Владыки Варсонофия, Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина, Генерального директора «Лисмы» В. В. Литюшкина и настоятеля храма священника Сергия Калаганова была заложена капсула с памятной датой. До конца 2002 г. были уложены почти все блоки. В 2003 г., в связи с ухудшением финансового положения на заводе «Лисма», строительство храма шло вяло. В конце июля 2004 г. по благословлению Владыки Варсонофия приход самостоятельно начал строительство храма. Благодаря помощи бывшего настоятеля Никольского храма г. Саранска протоиерея Григория Чабина, приход находит строительную бригаду, которую возглавил В. В. Семанченков. Начался завоз песка, щебня под полы цокольного этажа и заливка полов бетоном. Осенью 2004 г. ставятся окна на цокольном этаже, а позже и двери. Зимой было проведено электричество. 13 марта 2005 г. в Прощенное Воскресение был отслужен молебен и освящен иерейским чином цокольный этаж храма. С 14 марта 2005 г. в храме начинается служба. В то время отопления еще не было, а весна стояла холодная и дождливая, вся вода текла в храм. Над престолом и жертвенником были сделаны навесы из целлофана. С этого момента богослужения на цокольном этаже стали проводиться регулярно.

Жители Саранска, проживающие в этом районе, активно включились в строительство храма. Это была поистине всенародная стройка. С самого начала в строительстве храма активное участие принимал завод ЖБК-1 и его генеральный директор Н. Ф. Бурнайкин. Все началось со скидок на изделия и работы, а закончилось безвозмездной помощью. Весь коллектив завода принял участие в благом деле. Кроме того, большую помощь в возведении храма оказало предприятие «Волгостальконструкция» во главе с его генеральным директором Ю. И. Бочкиным. В 2007 г. В. В. Литюшкин помог купить плиты длиной 9 м, которые не производились на ЖБК-1, и металлические балки. В 2009 г. он оплатил все четыре окна храма и все кресты. Осенью 2009 г. началось строительство одного из подсобных зданий для вспомогательных помещений. В 2010 г. В. В. Литюшкин оказал благотворительную финансовую помощь на покупку колоколов. В 2010 г. ООО «Ринг» в лице директора А. П. Овчинникова выделило финансовую помощь на покупку колоколов. ОАО «Саранский ДСК» в лице генерального директора А. В. Литюшкина бесплатно выделило строительный кран, который работал круглогодично на протяжении почти всего строительства храма. В июле 2011 г. в Саранске с 3-дневным визитом побывал патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Основной целью его визита стало освящение храма в честь Казанской иконы Божией матери, что произошло 21 июля 2011 г.

С самого начала храм Казанской иконы Божией Матери ведет большую духовную, благотворительную и миссионерско-просветительскую деятельность. Здесь создан отдел социального служения, который проводит следующую работу: 1) посещение на дому больных (в первую очередь, прихожан храма) для посильной помощи по хозяйству и духовного окормления; 2) посещение больниц, домов инвалидов и престарелых, интерната; 3) оказание помощи малоимущим. Традиционным является посещение комплексного центра социального обслуживания Саранска.

При храме Казанской иконы Божией Матери организованы Библейские беседы, которые еженедельно, по вторникам, долгое время проводил иерей Василий Матвеев. Библейские беседы организованы с целью последовательного изучения Священного писания. На них читается и обсуждается Священное писание, происходит знакомство с его различными толкованиями, актуализируется слово божие в нынешней жизни. Священник ведет с участниками кружка диалог и отвечает на их вопросы.

Для организации обучения детей основам религии работает воскресная школа. В России существуют воскресные школы разных конфессий, однако наиболее распространены православные. Воскресной школа называется не потому, что открыта только по воскресеньям (хотя большинство из них действительно работает в выходные дни), название связано с главным праздником христианского мира Воскресением Христовым. При отборе преподавателей в школу наибольшее внимание уделяется моральным качествам и квалификации. Занятия могут проходить в формате чаепитий, дискуссионных клубов и др. В воскресных школах не изучают предметы из школьной программы. Их цель — духовное воспитание молодежи, приобщение к христианским ценностям и культуре.

В качестве программы для воскресных школ выступают рекомендации отдела образования РПЦ. Однако что именно и как преподавать решает руководитель школы. Если школа при монастыре, то это монах, а в «мирских» воскресных школах — священник или его жена (матушка). Одни школы делают упор на богословское образование, в других главное место уделяется творчеству и общению. Обычно занятия в воскресных школах проходят в группах по возрастам, хотя деление это не строгое. Если ребенку хочется заниматься вместе со старшей сестрой и братом — это приветствуется. Для каждой возрастной группы — свой круг занятий. Дети младшей группы (5 — 7 лет) приходят на занятия вместе с родителями, и пока малыши заняты танцами, рисованием, пением, лепкой или пальчиковыми играми, взрослые могут поговорить со священником. Занятия средней группы (8 — 10 лет) длятся 2 — 3 часа, и дети посещают их уже без родителей. Учителя в игровой форме рассказывают им библейские истории, ученики рисуют, готовят театральные постановки и изготавливают

поделки. В некоторых школах эти вещи продаются на благотворительных акциях. Детей приучают к мысли, что труд во благо других — одна из высших человеческих ценностей. Занятия с ребятами старшей группы (11 — 14 лет) больше похожи на школьные уроки. Они длятся по 3 — 4 часа в день и могут включать в себя изучение Библии и других священных текстов, церковнославянского языка, истории церкви и религиозного этикета. Также ученики занимаются церковным пением, знакомятся с основами иконописи, практикуются в традиционных народных промыслах. Ребята старшей группы нередко отправляются в паломнические поездки. В преддверии церковных праздников в некоторых школах для подростков организуются квесты, викторины по Святому писанию и даже КВНы. Наиболее активные дети и родители награждаются грамотами и благодарностями.

Воскресная школа при храме Казанской иконы Божией Матери начала свою работу по духовно-нравственному воспитанию молодого поколения в 2006 г. Первым ее руководителем стал настоятель храма протоиерей Сергей Калаганов. С 2015 г. директором воскресной школы является иерей Алексей Ивашков. Главной задачей, которая ставится, является воцерковление и церковное воспитание детей. На 2022 г. общее число учащихся составило — 70 детей. В старшей группе — 16, в средней — 24, в младшей — 30. Здесь преподаются такие предметы, как Закон Божий, музыка, изобразительное искусство, имеется своя театральная студия.

Кроме того, при храме действует молодежное движение, созданное на базе Саранской епархии, где председателем отдела молодежного служения является О. В. Зеткина. Кроме того, при храме есть своя просфорная, свечной цех, магазин «Благолепие», где широко представлена церковная продукция СТБ «Щигры» и продукция ХПП «Софрино». В большом ассортименте в этом магазине иконы, иконные доски, киоты, полки для икон, духовная литература и многое другое.

Храм Казанской иконы Божией Матери с 20 августа 2013 г. и по настоящее время проводит благотворительную акцию «Соберем детей в школу». Ее главной целью является сбор канцелярских товаров (ручки, тетради, альбомы, карандаши, гуашевые краски, линейки, циркули, цветная бумага, картон пеналы, детские школьные рюкзаки и др.). Ведется также сбор денежных средств, необходимых для приобретения спортивной одежды и обуви, школьной формы.

Регулярно в храме проходят экскурсии по всему сооружению с подъемом на колокольню, с которой открывается незабываемый вид на улицы г. Саранска. Клирики храма Казанской иконы Божией Матери духовно кормят детский приют «Надежда», активно участвуют в духовном образовании его воспитанников.

Из наиболее ценных святынь РПЦ в храме Казанской иконы Божией Матери находятся частицы Святых мощей и гроба Святителя и исповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. Работы по благоустройству храма продолжаются. По благословению Высокопреосвященнейшего Зиновия, митрополита Саранского и Мордовского, полным ходом идет его роспись. Храмовая роспись — это своего рода евангельская проповедь, которая несет в себе богословский смысл и настраивает верующих на горячую молитву. При храме расположена иконописная мастерская. По традиции особое внимание в монастырях и храмах Руси всегда уделялось иконописи. Икона, являясь «окном в Царство Небесное», служит посредником в общении человека с Божественным миром, и важно, чтобы писалась она не только технически и канонически грамотно, но обязательно с молитвой и благоговением. Раньше при написании иконы в монастыре молилась вся братия, поэтому иконы прежних времен завораживают своей духовной возвышенностью. Иконописцы свято чтят древние иконописные традиции. При создании иконы не может быть ничего неважного и второстепенного. Иконописец перед работой всегда беседует с клиентом. Он учитывает все — историю конкретной семьи, ключевые события и важнейшие даты. При работе используют только высококачественные материалы, что позволяет передавать икону из поколения в поколение. Среди них можно выделить качественные лаки и краски, доски и сусальное золото. Написать икону под силу лишь настоящему мастеру. А использование качественных материалов и древних технологий позволяет передавать икону своим потомкам. Мастера пишут иконы не только для церквей, но и для прихожан. Все желающие могут приобрести в иконописной мастерской следующие православные писанные иконы: венчальные, именные, семейные, мерные, иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы. Можно заказать изготовление любой другой иконы. Доступны качественные реставрационные работы.

Богослужения в храме Казанской иконы Божией Матери совершаются ежедневно. Казанский храм является подшефным святому источнику в честь Казанской иконы Божией Матери, что расположен в районе Ключаревских дач г. Саранска. На источнике регулярно проходят водосвятные молебны с участием клириков храма, уборки источника и прилегающих к нему территорий. Прихожане регулярно участвуют во внебогослужебной деятельности, помогая в посадке сельскохозяйственных культур на нужды храма. При храме работает трапезная, которая периодически помогает бездомным и кормит их горячей едой. Таким образом, безусловно, храм Казанской иконы Божией Матери ведет большую работу по возрождению, сохранению и развитию православной веры в г. Саранске и Республике Мордовия в целом².

Библиографические ссылки

¹ Храм Казанской иконы Божией Матери. URL: <http://www.hramkazanskoi.ru> (дата обращения: 31.08.2022).

² См: **Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.** Основные тенденции в сфере этноконфессиональных отношений у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере мордвы) // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 164 — 168.

УДК 2(470.345)«19/20»:930

Т. Д. Надькин, Д. В. Власенко

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОРДОВИИ XX — НАЧАЛА XXI вв. В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье дан обзор научных исследований конфессиональной истории Мордовии в постсоветский период. Особое внимание уделяется исследованиям, посвященным истории Русской православной церкви и мусульманской уммы (общины), являющихся наиболее многочисленными и влиятельными конфессиями в республике, взаимодействию конфессий с властями и межконфессиональным отношениям в 1990-х — середине 2010-х гг.

Ключевые слова: конфессиональная история, Республика Мордовия, постсоветский период, новейшая историография, Русская православная церковь, мусульманская умма, религиозные меньшинства.

Проблемы и перспективы религиозного «ренессанса» в российских регионах в постсоветский период стали темой исследований ученых историков, этнологов, религиоведов, политологов, философов, филологов и др. Такая ситуация представляется нам закономерной, так как после отказа от коммунистической идеологии и навязывания атеизма религия стала играть важную роль в общественной и политической жизни каждого субъекта РФ, среди которых и Республика Мордовия.

В постсоветской Мордовии исследования по указанной тематике можно условно разделить по нескольким научным направлениям: история и современное состояние традиционных конфессий, их влияние на культуру и быт народов в республике, положение религиозных меньшинств, борьба с деструктивными культурами, состояние межконфессионального диалога, взаимодействие с властями.

Различные аспекты деятельности Саранской и Мордовской епархии РПЦ в начале 2000-х гг. нашли отражение в публикациях экспертов Сети

этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН А. В. Мартыненко и Н. В. Шилова¹. Кроме того, в 2013 г. была опубликована коллективная монография, в которой прослеживаются основные этапы истории РПЦ на территории Мордовии от Октябрьской революции 1917 г. до начала XXI в.²

Что касается конфессиональной истории мусульманской общины (уммы) на территории Мордовии, то в 2009 — 2011 гг. в Саранске был защищен ряд кандидатских диссертаций по современной умме Республики Мордовии — от социологического анализа конфессиональной принадлежности татар РМ до проявлений салафитского экстремизма в рассматриваемом регионе³. Современное состояние мусульманской уммы республики анализируется также в публикациях одного из работников Духовного управления мусульман (ДУМ) РМ М. Ш. Салимова⁴.

Значительный вклад в изучение истории уммы указанного периода внесли А. В. Мартыненко и Н. В. Шилов⁵. В их трудах прослеживается взаимосвязь между событиями в умме РМ с общей ситуацией в российской умме, оказывающей на мусульман Мордовии многостороннее и многоуровневое влияние. В 2005 г. в Институте этнологии и антропологии (ИЭА) РАН был издан текст С. В. Грачева, А. В. Мартыненко, Н. В. Шилова, представляющий собой анализ православно-мусульманского диалога в его межконфессиональном и межкультурном измерениях, а также на разных уровнях — глобальном, российском и региональном. В частности, названные авторы прослеживают фактическое зарождение и формирование диалога между Саранской и Мордовской епархией РПЦ и уммой (мусульманским сообществом) Республики Мордовия во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг., отмечая при этом важную роль в данном диалоге организационной площадки региональных вузов⁶. Тема межкультурного взаимодействия Русской православной церкви и российской мусульманской уммы, в том числе на территории современной Мордовии, также анализируется в монографии Н. Е. Ефремова⁷. Данный автор фактически солидарен с А. В. Мартыненко и Н. В. Шиловым в трактовке рассматриваемого явления, прежде всего, как социального партнерства с намеренным избеганием поиска каких-либо точек соприкосновения в догматике и религиозной культуре по аналогии, скажем, с диалогом между Римско-католической церковью и отдельными арабо-мусульманскими интеллектуалами.

Проблеме межконфессионального диалога (преимущественно между РПЦ и мусульманской уммой) в Республике Мордовия посвящена также коллективная монография Ф. А. Айзютова, М. Ю. Бареева, Ю. В. Буровой, Е. А. Коваль, А. С. Лузгина и А. К. Моисеева⁸.

К числу обобщающих работ по современной этноконфессиональной ситуации в Мордовии можно отнести публикации О. А. Богатовой, специ-

алиста-исполнителя мониторинга, проводимого на базе Мордовского государственного университета⁹. Необходимо также отметить монографию Н. В. Шилова «Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита», опубликованную в 2014 г. и включающую в себя специальный раздел по конфессиональной ситуации в постсоветской Мордовии¹⁰.

Для изучения истории и культуры мордовского (мокшанского и эрзянского) народа значительную роль играют исследования по истории христианизации мордвы, влияния православия на ее культуру и быт, общественную жизнь и т. д. В связи с этим большой вклад в изучение истории православия на территории Мордовии в общем контексте развития религиозной жизни мордовского народа внесли научные труды докторов исторических наук Н. Ф. и Е. Н. Мокшиных. Начатая еще в советский период разработка профессором Мокшиным этноконфессиональной проблематики получила свое логическое продолжение в его совместном труде с Е. Н. Мокшиной «Мордва и вера»¹¹, а затем уже в авторской монографии профессора Мокшиной «Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX — начале XXI века»¹². Основные тенденции и особенности развития православия в Мордовии в новейшее время, т. е. от кризиса в предреволюционные и революционные годы, атеистических гонений в советский период, возрождение традиционных основ религиозной жизни мордовского народа с начала 1990-х гг. были подробно освещены в исследовании А. В. Маланкина¹³. Проблема места и роли православия в жизни мордовского народа стала также предметом исследования профессора Н. Ф. Беляевой и ее аспирантки Н. Н. Яушкиной¹⁴.

Научные публикации о различных религиозных меньшинствах Мордовии длительное время были малочисленны и представлены небольшими статьями по некоторым протестантским общинам¹⁵, кришнаитам¹⁶, иудеям¹⁷, езидам (курдам-зороастрийцам)¹⁸, бахаи¹⁹, а также по сторонникам мордовского (прежде всего, эрзянского) язычества²⁰.

Заметным вкладом в исследования процессов религиозного возрождения на территории Республики Мордовии стала диссертационная работа Д. В. Власенко²¹, который представил в ней анализ процесса возрождения Русской православной церкви на территории постсоветской Мордовии — от Саранской и Мордовской епархии до Мордовской митрополии, подробно проанализировал различные направления деятельности духовных управлений мусульман республики, рассмотрел динамику взаимодействия и социального партнерства отдельных конфессий с органами государственной власти республики, а также участие традиционных конфессий в мониторинге и профилактике на территории РМ деструктивных культов и экстремистских религиозных течений.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Мартыненко А. В.** Феномен конфессиональных меньшинств в Республике Мордовия (в контексте формирования толерантности в современном российском обществе // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. Ч. 2. С. 61— 65 ; **Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Республика Мордовия. Неоиндуистская община в Саранске // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. 2005. № 103. С. 7 — 8.

² См.: Русская православная церковь в Мордовии в советский и постсоветский периоды: от гонения к возрождению. Саранск, 2013. 113 с.

³ См.: **Бареев М. Ю.** Конфессиональная ситуация в татарском этносе Республики Мордовия : (социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2009. 20 с. ; **Постнов А. В.** Нетрадиционные течения в мусульманской общине (умме) Российской Федерации в 1990-е — начале 2000-х гг.: историко-политический анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2011. 22 с.

⁴ См.: **Салимов М. Ш.** Радикальное салафитское движение в Мордовии: история, последствия деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-2(44). С. 160 — 163.

⁵ См.: **Мартыненко А. В.** Православно-исламский межкультурный диалог в Республике Мордовия: потенциал, проблемы, перспективы // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2010. № 2. С. 95 — 100 ; **Мартыненко А. В., Власенко Д. В.** Организационный раскол в умме Республики Мордовия в 2000 — 2014 гг.: причины, деструктивный потенциал, последствия // Там же. 2014. № 3. С. 146 — 149 ; **Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Социокультурные и этнополитические особенности ислама в Республике Мордовия // Сборник Русского исторического общества : Россия и мусульманский мир. М., 2003. Т. 7 (155). С. 226 — 233 ; **Девятаев А. С.** Ислам в Республике Мордовия в 1990-е — начале 2000-х гг. (социокультурный и этнополитический аспекты развития) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010. 24 с.

⁶ См.: **Грачев С. В., Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Православное христианство и ислам в Мордовии: проблемы межкультурного диалога. М., 2005. 35 с.

⁷ См.: **Ефремов Е. Н.** Русская православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период. Саранск, 2014. 184 с.

⁸ См.: **Айзятв Ф. А.** Межконфессиональный диалог как основа религиозной политики региона (на примере Республики Мордовия) / Ф. А. Айзятв [и др.]. Саранск, 2012. 228 с.

⁹ См.: **Богатова О. А.** Этнокультурная идентификация и религиозные практики населения Мордовии // Финно-угорский мир. 2009. № 3. С. 88 — 101.

¹⁰ См.: **Шилов Н. В.** Этнополитическое развитие в Мордовии в условиях постсоветского транзита. Саранск, 2014. 264 с.

¹¹ См.: **Мокшин Н. Ф. Мокшина Е. Н.** Мордва и вера. Саранск, 2005. 532 с.

¹² См.: **Мокшина Е. Н.** Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX — начале XXI века. Саранск, 2006. 306 с.

¹³ См.: **Маланкин А. В.** Русская православная церковь на территории Мордовии в XX — начале XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 23 с.

¹⁴ См.: **Беляева Н. Ф., Яушкина Н. Н.** Место и роль православия и духовенства в культуре мордвы: традиции и современность. Саранск, 2013. 115 с.

¹⁵ См.: **Асанова Ю. Ш.** Деятельность мокше-эрзянской лютеранской церкви в Мордовии // Проблемы истории, культуры и права : сб. ст. Саранск, 2001. С. 45 — 48 ; **Асанова Ю. Ш., Шилов Н. В.** О деятельности религиозной организации «Свидетели Иеговы» // Там же. 2002. С. 18 — 22 ; **Власенко Д. В.** Протестантизм в Мордовии в 1990-е — начале 2000-х гг. // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2013. № 2 (14). С. 139 — 141.

¹⁶ См.: **Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Республика Мордовия. Неоиндустская община в Саранске.

¹⁷ См.: **Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Республика Мордовия. Зарегистрирована еврейская религиозная община // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. 2005. № 104. С. 11 — 12.

¹⁸ См.: **Мартыненко А. В., Шилов Н. В.** Республика Мордовия. Община езидов // Там же. 2008. № 134. С. 8 — 9.

¹⁹ См.: **Ефремов Е. Н.** Указ. соч.

²⁰ См.: **Власенко Д. В.** Феномен язычества в Республике Мордовия // Этноконфессиональные процессы в регионах постсоветской России: общее и особенное : сб. науч. ст. Саранск, 2014. С. 132 — 135.

²¹ См.: **Власенко Д. В.** Конфессиональная ситуация в Мордовии в 1990-е — первой половине 2010-х гг. : автореф. дис. ... кан. ист. наук. Саранск, 2016. 24 с.

УДК 398(=511.152)

М. А. Нарватова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

СКАЗОЧНЫЙ ФОЛЬКЛОР МОРДВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается сказочный фольклор мордовского народа как исторический источник его жизнедеятельности. Отмечается, что сказка является важным элементом культуры мордвы, отражает ее историческую память, мировоззрение и жизненную философию.

Ключевые слова: мордва, сказка, фольклор, исторический источник, традиции.

Сказка занимает значительное место в фольклоре мордовского народа. Из поколения в поколения передавались устные рассказы с интересным и необычным содержанием.

Большое количество народных мордовских произведений было зафиксировано учеными в фольклорных и этнографических экспедициях. Сказки, собранные в экспедициях М. Е. Евсевьевым¹, использовались последующими исследователями уже не только как литературные и языковые источники, но и как историко-этнографические, дающие представление о жизни и дея-

тельности мордовского народа. Огромный вклад в сохранение исторической действительности и фольклорных особенностей мордвы, которые так или иначе нашли отражение в сказках, внесли следующие дореволюционные этнографы В. Н. Майнов, П. И. Мельников-Печерский, А. П. Смирнов, А. А. Шахматов². Среди современных этнографов-исследователей, занимающихся этой темой, можно выделить Н. Ф. Мокшина, Г. А. Корнишину, А. С. Лузгина, Е. Н. Мокшину, Ю. Н. Сушкову и др.³

Мордовские народные сказки условно делятся на три основных вида: сказки про животных, бытовые и волшебные. Следует иметь в виду, что элементы одного вида проникают в другие виды сказок, тем самым обеспечивая интерес к ней слушателей. Так во всех видах сказок присутствует элемент волшебства, кроме этого во многих сказках, независимо от вида, в той или иной степени фигурируют животные. Необходимо отметить, что практически в каждой сказке можно выявить тот или иной социально-бытовой момент жизнедеятельности мордовского народа.

Особенностью бытовых сказок является историческая действительность, отражающая повседневный быт мордвы. Данный вид сказок направлен на формирование у юных слушателей истинных жизненных ценностей и установок. Они дают представление о жизнедеятельности мордовского народа, его хозяйственных занятиях, одежде, утвари, пище, устройстве общественного и семейного быта. В бытовых сказках, как правило, чудодейственные элементы минимализированы и герой справляется со всеми трудностями сам благодаря своей смекалке и находчивости. Бытовая сказка направлена на воспевание положительных качеств героя. В сказке «Быки провалились» батрак наказал попа, который заставлял работать в большой православный праздник, хотя совсем иначе говорил в своих проповедях в церкви. Так простой трудяга благодаря находчивости и оплатил свой труд — продал быка, и организовал себе выходной, а поп остался «в дураках»⁴. Именно из бытовых сказок мы узнаем, что мордовский народ промышлял охотой, рыболовством, бортничеством, разводил домашний скот, занимался земледелием. В сказке «Ежовые рукавицы» можно проследить семейно-бытовой уклад мордовской семьи: жена ведет хозяйство и беспрекословно подчиняется мужу. Подобный эпизод есть в фантастической сказке «Марфа, Фрол и черт Танчутка», где Фрол хитрит, чтобы супруга принесла воды, сготовила еду и даже поставила сваренную картошку на стол⁵.

Для волшебных сказок характерны следующие особенности: события разворачиваются в двух пространственно-временных мирах, конфликт всегда разрешается при помощи чудодейственных сил, характерны частые повторения. Многим мордовским сказкам присуще дублирование сюжетов или их определенных элементов, особенно из русских сказок. Однако уникальность сказок мордвы состоит в том, что в них есть персонажи, которых нет

в сказках других народов. Ярким примером этому служит персонаж Куйгорож одноименной сказки. Вероятно, из-за уникальности данного героя сказка «Куйгорож» является, пожалуй, самой известной сказкой мордвы. Сюжет данной сказки очень поучителен. Ленивые хозяева, нежелающие работать, решили вывести Куйгорожа, который будет делать за них всю работу. Привез старик из леса яйцо, старуха высиживала его три недели — так появился Куйгорож. Это небольшое существо, обладающее неведомой силой, которое беспрерывно нужно озадачивать работой. Старик со старухой смогли поручить ему всего несколько заданий, затем хозяева не услышали требования Куйгорожа о новой работе и он новую избу с добром раскидал по бревнам, а старик и старуха в итоге остались ни с чем⁶. Идея данной сказки состоит в том, что не нужно надеяться на неведомую силу Куйгорожа, необходимо самим прикладывать усилия и трудиться.

Еще один пример волшебной сказки «Черные онучи», где отражено много бытовых моментов. Например, даже в самом названии фигурирует традиционный предмет одежды мордвы — онучи. Онучи — это длинная полоса ткани около 30 сантиметров шириной, которой в прошлом обматывали ногу под лапти или сапоги. На сегодняшний день данное слово считается анахронизмом, поскольку вышло из обихода вместе с тем, как отпала необходимость в данном предмете одежды. Однако оно сохранилось в одноименной сказке. В этой же сказке четко прослеживается мировоззрение мордовского человека, его понятие о богатстве. Падчерица-трудяга помогла отелиться корове, ожеребиться лошади, объгнаться овечке и в благодарность за это на обратном пути получила стадо коров, лошадей и овец, что сделало ее обеспеченной невестой⁷.

Во многих сказках, независимо от их вида, в той или иной степени фигурируют животные. Однако сказки о животных выделяются в отдельный вид. Данный вид сказок характеризуются тем, что героями повествования являются домашние животные и дикие, обитающие в лесах. Особенностью данных сказок является вымышленная реальность. В мордовских сказках, как правило, не фигурируют «заморские» животные, которых мордва не встречала в своей жизни. В них обычно встречаются такие животные как кошка, собака, корова, петух, куры, гуси, лошадь, а также дикие: лиса, медведь, заяц, волк. Примерами сказок про животных служат «Пустачейка», «Лиса и журавль», «Глупый петух», «Пугливая мышь» и др. В сказках животные наделены человеческими чертами, как положительными, так и отрицательными. Как правило, добрые персонажи побеждали злых и завистливых героев. Однако в сказках нет идеализированного героя, также как и нет единых носителей определенного качества, например, лиса не всегда самая хитрая, примером служит сказка «Пусточейка». Т. В. Зуева отмечает, что «в сказках о животных сохранились следы того периода примитивного

ведения хозяйства, когда человек мог только присваивать продукты природы, но еще не научился их воспроизводить. Основным источником жизни людей в то время была охота, а хитрость, умение обмануть зверя играли важную роль в борьбе за выживание. Поэтому заметным композиционным приемом животного эпоса является обман в его разных видах: коварный совет, неожиданный испуг, изменение голоса и другие притворства⁸. Яркий пример хитрости в борьбе за выживание отражается в сказке «Пусточейка», где птичка по своей глупости скидывала своих птенчиков лисе, пока ее не научила ворона как ей следует поступать. Надо отметить интересный факт, что в данной сказке стереотип хитрости — лису, обманывает ворона. Ворона научила Пусточейку, что отвечать лисе, когда она придет в очередной раз. Кроме того, лиса принесла Вороне горшок масла, чтобы той было вкуснее, а птица съела масло и улетела. Как правило, сюжет сказок о животных не сложен и в нем мало событий; сказки подобного вида в своем большинстве представлены в повествовательной форме с обильными диалогами, что при должном исполнении позволяет представить ее как драматическое действие.

Надо отметить, что часто животные являются не только главными персонажами сказок про животных, но и дополняют сюжеты других сказок. Например, в сказке «Дуболго Пичай» гуси привели героя Виртяна к гробу девушки. Отличием волшебных сказок от сказок о животных является то, что главный герой в них — человек, а не животное. Волшебные сказки представляют особый пласт, который демонстрирует фантазию народа. Т. В. Зуева отмечает, что «волшебные сказки ученые называли „мифическими“, „чудесными“, „фантастическими“, однако термин „волшебные“, введенный В. Я. Проппом, употребляется чаще всего»⁹.

В тексте сказок мордвы часто фигурируют различные дохристианские божества: Вирьава, Ведьава, Нишкепаз, Юртава и др. Отражение элементов языческих верований народа также является важной особенностью мордовских сказок. В них божества наделены волшебной силой, и каждое из них встречается в своей стихии, например, Вирьава — в лесу, Ведьава — в воде¹⁰.

Таким образом, сказочный фольклор является важным источником в изучении жизнедеятельности мордовского этноса. Передаваясь из поколения в поколение, сказки донесли до нас много важной информации, которую сложно было зафиксировать по-другому и она могла просто исчезнуть.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Евсевьев М. Е.** Избранные труды : в 5 т. Т. 3 : Мордовские народные сказки и загадки. Саранск, 1964. 412 с.

² См.: **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. 267 с. ; **Мельников П. И. (Печерский А.).** Очерки мордвы. Саранск, 1981. 134 с. ; Мордовский этно-

графический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910. 848 с. ; **Смирнов А. П.** Заметки о мордве в памятниках мордовской старины Нижегородской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1893. Т. XI. Вып. 3. С. 286 — 290.

³ См.: **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. 150 с. ; **Мокшин Н. Ф., Лузгин А. С.** Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. Саранск, 2012. 255 с. ; **Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.** Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе // Финно-угроведение. 1997. № 13. С. 18 — 25 ; **Их же.** Мордва и вера. Саранск, 2005. 532 с. ; Этнография финно-угорских народов / Н. Ф. Мокшин, Е. Н. Мокшина, Ю. Н. Сушкова, В. В. Гришаков. Саранск, 2017. 176 с.

⁴ См.: Мордовские народные сказки. Саранск, 1978. 417 с.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ **Зуева Т. В.** Русский фольклор. М., 2002. С. 142.

⁹ См.: **Зуева Т. В.** Указ. соч. С. 147 ; **Пронп В. Я.** Морфология сказки. М., 1969. 168 с.

¹⁰ См.: **Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.** Мордва и вера.

УДК 39+303.425.5

Никонова Л. И., Трибушина С. Д.

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР: К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПРОЦЕССА АККУЛЬТУРАЦИИ МОРДВЫ

В статье рассматриваются процессы аккультурации (ассимиляции и интеграции) мордвы на разных этапах развития этноса под влиянием социально-экономических факторов, миграции и урбанизации. Анализируют современные тенденции на замедление аккультурации путем возрождения традиционной культуры через деятельность общественных организаций и учреждений культуры.

Ключевые слова: аккультурация, исторические события, мордва, расселение, миграции.

Концепция аккультурации была разработана в 30-х гг. XX в. американскими учеными Р. Редфилдом, Р. Липтоном, М. Херсковичем. В этнологии под аккультурацией понимается процесс, в ходе которого одна этническая группа, вступая в продолжительный и непосредственный контакт с другой, отличной от нее в культурном отношении, изменяет свою первоначальную культурную модель. Восприятие людьми одной национальности полностью или частично культуры другой этнической общности может быть осуществлено естественным процессом жизни людей¹. В зависимости от того, каковы формы и способы взаимодействия (завоевание, экономическая эксплуата-

тация, мирное и равноправное сотрудничество), результаты аккультурации могут быть разными: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция (идентификация как со старой культурой, так и с новой)².

В отношении мордовского народа учеными рассматривались преимущественно ассимиляционные процессы мордвы, например, профессором В. И. Козловым ассимиляция анализировалась в контексте расселения мордвы³, профессором В. А. Юрчёнковым — этнической истории мордвы и миграционных процессов⁴, профессором Н. Ф. Мокшиным — этнической истории мордвы XIX — XX в.⁵, Е. А. Вдовиным — через трансформацию обрядовой культуры мордвы XVIII — XIX вв. в условиях двоеверия⁶ и др. Аккультурация мордвы в контексте с народами Поволжья приводится финским ученым С. Лаллуко, который под аккультурацией представляет «процесс, в котором склонность выбирать первичные отношения из среды своей собственной этнической общности сохраняется, несмотря на то, что культурные различия постепенно размываются»⁷.

Аккультурация мордвы развивается под влиянием ряда факторов: экономических (хозяйственной деятельности, развития промышленности, кооперирования сельского хозяйства и др.), политических (политика христианизации, русификация всех сфер жизни и т. п.), естественных процессов жизни человека (хозяйственная деятельность, межэтнические браки и др.), способствующих установлению этнокультурных связей разных народов.

Экономическими предпосылками диалога культур стало развитие обмена и торговли в связи с увеличением объема результатов хозяйственной деятельности. Так, если у мордвы до середины I тысячелетия охота служила преимущественно средством получения продуктов питания, то на рубеже I — II тысячелетий она становится источником получения пушнины для обмена. Проживание в одинаковой природно-климатической среде обитания способствовало сходному ведению земледельческого и других видов хозяйства, что также отражалось на этнокультурных процессах. Так, мордва заимствовала сельскохозяйственные приспособления (соху от русских, тяжелый двухлемешный плуг сабан от тюркских народов), ряд сельскохозяйственных культур (капусту, чечевицу, редис, огурцы и др.)⁸. С развитием рыночных отношений, позволявших установить связь с разными городами страны, этнокультурные контакты усилились. Так, в XVII в., например, саранский рынок был связан с Москвой, Арзамасом, Темниковом, Саратовом, Астраханью и др. Мордва здесь торговала хлебом, скотом, воском, пушной, медом, хмелем, дровами, изделиями из дерева, кожей и т. п.⁹

На аккультурацию мордвы существенное воздействие оказали исторические события и политика государства — процесс обрусения и христианизация мордвы. Согласно данным В. И. Козлова, Н. Ф. Мокшина, В. А. Юрчёнкова, процесс обрусения мордвы происходил по мере создания на ее

территории русских поселений. История их основания различна, но, как правило, они возникали или в результате так называемой вольной колонизации, или путем организованного переселения русских крестьян помещиками и монастырями. В результате мордва к концу XVII в. потеряла численное преобладание на своей основной этнической территории.

Важным процессом, существенно сказывающемся на аккультурации, является смешение браков¹⁰. Этот процесс мог иметь как естественный, так и организованный характер. Естественный процесс возник в результате миграционных процессов и урбанизации. Организованный наблюдался еще в начале XIX в. Так, полковник Толстой, владелец мордовской деревни Березовка Казанской губернии, в которой в 1830-е гг. проживали 264 человека мордвы, переселил туда из других своих деревень 200 русских крестьян. «Целью такого переселения, — писал К. Фукс, — было не только умножить число хлебопашцев, но особенно — сроднить оба народа посредством женьитьбы»¹¹. В настоящее время количество смешанных браков среди представителей мордовского этноса велико.

Профессор В. А. Тишков отмечал, что «существенным фактором, способствующим ассимиляции мордвы была и остается миграция, которая привела к росту дисперсности мордовского народа»¹². Миграции в разные исторические периоды были вызваны социально-экономическими и политическими факторами, были добровольными либо организованными. Так, во второй половине XIX — начале XX в. большую роль сыграло отходничество. Отходники из мордвы первоначально лишь временно покидали деревни в поисках подсобного заработка (сохранение земельного надела в общине было одним из важных факторов, сдерживавших отходников от ухода из своих деревень), но постепенно социально-экономические связи отходников с деревней ослабевали, часть их закреплялась в городах, на промышленных предприятиях, приисках¹³. Миграционное движение усилилось после отмены крепостного права. По переписи 1897 г., в шести губерниях Волжского региона (Самарская, Симбирская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская и Нижегородская) проживало 86,2 % от всего мордовского населения страны. На аккультурацию повлияло развитие промышленности и кооперирование сельского хозяйства в послеоктябрьский период, в связи с чем в экономической жизни мордвы произошли серьезные изменения — началась подготовка квалифицированных национальных кадров рабочего класса Мордовии, где важное место принадлежало школам фабрично-заводского обучения. В этом немалую помощь оказали промышленные предприятия Нижнего Новгорода, Самары, Саратова и других городов, в результате чего мордовское население потянулось в город: на заработки и учебу. Если в 1930 г. рабочие-мордва составляли около 3 % всех рабочих Мордовии, то к 1937 г. их уже было 22,3 %¹⁴.

Аккультурация стала расширяться и за счет факторов процессов урбанизации, в результате которой происходила смена сельской культуры на городскую. Если в условиях царской России мордва жила почти исключительно в сельской местности и была народом крестьянским, то в советское время росла численность городского мордовского населения.

Сложившаяся высокая дисперсность этноса не могла не отразиться на процессах аккультурации, но в то же время наблюдается и активное возрождение самосознания, что позволяют утверждать данные, собранные во время этнографических экспедиций по изучению основных районов мордовской диаспоры. Целью исследований стали историко-этнографическая характеристика мордовского населения регионов России, освещение проблем его расселения, вопросы традиционного хозяйства, культуры и быта. Анализ современных социально-экономических и культурных преобразований системы его жизнеобеспечения сделан в рамках научного проекта «Мордва России»*.

Осознание имеющихся проблем, попытки затормозить ассимиляционные процессы обусловили активное участие мордовской диаспоры в создании и деятельности движения за национальное возрождение. Национальные организации мордовского народа на территории российских регионов отчетливо демонстрируют тенденцию к укреплению контактов с Мордовией. Представители диаспоры активно привлекаются властями республики для участия в крупных республиканских мероприятиях.

Таким образом, процессы аккультурации мордвы выражены на всех этапах истории. В зависимости от форм и способов взаимодействия результаты аккультурации в каждый конкретный период различны. Наблюдаются основные стратегии аккультурации: ассимиляция и интеграция (идентификация как со старой культурой, так и с новой). На аккультурацию существенное влияние оказывало расселение, смешение браков и т. д. В настоящее время аккультурация мордовского народа с одной стороны, продолжается в результате урбанизационных процессов, характерных как Российской Федерации, так и Республике Мордовия, с другой стороны, идет интуитивный процесс возрождения традиционной культуры через возросшую деятельность общественных организации мордовского народа и политики властей в области национальных отношений, что вызывает особый интерес историко-этнографического изучения этого феномена.

* Серия книг «Мордва России» // ГКУ НИИГН при Правительстве Республики Мордовия: официальный сайт. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/mordva-rossii> (дата обращения: 10.09.2022)

Библиографические ссылки

- ¹ Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М., 2007. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/yudina-migraciya-slov-term-2007-a.htm> (дата обращения: 10.09.2022 г.).
- ² См.: Садохин А. П. Этнология. М., 2000. 256 с.
- ³ См.: Козлов В. И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. Вып. 1. С. 5 — 62.
- ⁴ См.: Юрчёнков В. А. Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. 30 с.
- ⁵ См.: Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы (XIX — XX в.). Саранск, 1977. 279 с.; Его же. Ассимиляционные процессы в мордовской деревне второй половины XIX — начала XX века // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 16 — 19.
- ⁶ См.: Вдовин Е. А. Трансформация обрядовой культуры мордвы XVIII — XIX веков в условиях двоеверия : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2009. 18 с.
- ⁷ Лаллука С. Восточно-финские народы России : Анализ этнодемогр. процессов. СПб., 1997. С. 98 — 99.
- ⁸ См.: Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 347.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. С. 132.
- ¹¹ Цит. по: Народы Поволжья и Приуралья. С. 352.
- ¹² Тишков В. А. Республика Мордовия. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/ko_lectivn/na_puti_k_/respublika7.html# (дата обращения: 10.09.2022 г.).
- ¹³ См.: Народы Поволжья и Приуралья. С. 349.
- ¹⁴ Там же. С. 351.

УДК 316.7+94(47)+908

О. А. Пивцайкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ: МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И КОРПОРАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ ИВАНЕ ДМИТРИЕВИЧЕ ВОРОНИНЕ

В статье рассмотрены сложившиеся на данный момент мемориальные практики в память о выдающемся мордовском ученом И. Д. Воронине. Анализ сложившейся практики позволяет говорить об активном интересе научного сообщества и общественности региона к наследию краеведа.

Ключевые слова: И. Д. Воронин, научное наследие, меморизация, коммеморативные практики.

Сохранение истории развития научной мысли, достижений и имен ученых — составная часть стратегии развития отечественной науки. Науч-

ное познание базируется на том, что приобретение новых знаний и развитие науки совершаются конкретными людьми на основе научного творчества, которое является объектом исследования современных историков науки¹. Анализ сложившейся практики позволяет говорить об активном интересе научного сообщества к своему наследию. Оно используется для развития социальных связей и проявления собственной идентичности, а также в качестве источниковой базы новых исследований. В настоящее время наиболее распространенными формами сохранения научного наследия являются два взаимообусловленных блока коммеморативных практик — сохранение идей выдающихся ученых и их использование в новых научных разработках².

Одной из знаковых личностей регионального гуманитарного знания является известный ученый, краевед, общественный деятель Иван Дмитриевич Воронин. В данной работе путем воссоздания общей повествовательной конструкции юбилейных дат и иных знаковых событий, посвященных Воронину, попытаемся определить динамику «воспоминаний», выявить причины, по которым научное сообщество сочло необходимым сохранять память о выдающемся мордовском ученом.

Комплекс мемориальных источников о И. Д. Воронине начинает формироваться непосредственно после его кончины, с 1983 г. Он представлен некрологами, мемориальными докладами, отдельными статьями и докладами, посвященными памяти ученого. В текстах публично выражались скорбь и соболезнования в связи с его уходом из жизни, публиковались воспоминания о нем. Для данного комплекса документов, имеющих выраженную «поминальную» составляющую, характерно присутствие «клише» в текстах, наличие персонифицированных ценностных ориентаций и так называемая присваивающая модель самоидентификации автора³.

В итоге общественному осознанию утраты ученого, с именем которого связан сформированный культурный облик региона, как и собственно началу процесса формирования мемориального образа Воронина, способствовала публично-оформленная рефлексия региональных исследователей и общественных деятелей, многие из которых были его учениками и коллегами, соратниками и идейными партнерами по творческим и общественным организациям. Свои соболезнования в связи с кончиной ученого высказали видные политические деятели, общественная, научная и культурная элита республики. В официальном тексте некролога в ранжированном порядке представлены достижения ученого, последовательно выстроены социально значимые события, с обозначением причастности к ним И. Д. Воронина. Отмечая широкий научный и эстетический кругозор, в тексте некролога была дана оценка ученому, в которых зафиксирована значимость его личности для региональной культуры и науки⁴.

После ухода ученого из жизни начинается переосмысление общественно-научной значимости его личности и роли как ученого-литературоведа, основоположника научного краеведения в республике, историка, педагога, и духовного лидера своей эпохи, обогатившего региональную культуру. Практически сразу произошел запуск процесса меморизации через осознание «невозместимой потери» для науки и общества с уходом этого человека. Таким образом, начало формироваться новое «место памяти», связанное с именем ученого, в корпоративной научной культуре и обществе.

Самые ранние мемориальные традиции в отношении личности ученого были представлены одной из самой из самых распространенных разновидностей коммеморативных практик в современном научном сообществе — конференциями и научными чтениями. Относительно фигуры Воронина подобные практики берут начало с 1999 г. Начиная с этого периода в Саранске на базе Историко-социологического института Мордовского государственного университета состоялись I Воронинские научные чтения, позже вошедшие в регулярный «календарь» академических событий региона. Материалы I и II Воронинских чтений были представлены в сборнике «Саранск: город и горожане», опубликованном в 2002 г.⁵ В 2005 г. издательским центром Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева был подготовлен сборник «Саранск: история и образ города-провинциала», в который вошли материалы III Воронинских научных чтений⁶. Спустя 2 года, в 2007 г., в свет вышел четвертый сборник Воронинских чтений — «Саранск. Идеалы и повседневность городской культуры»⁷. В 2011 г. вышел последний на данный момент сборник материалов — «Саранск: исторические очерки»⁸. В 2022 г. вновь была возрождена традиция проведения Воронинских чтений⁹.

К мемориальным практикам увековечения памяти И. Д. Воронина в научной среде следует отнести и регулярно проводимые на базе Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина республиканских краеведческих чтений, материалы которых выходят в ежегодном издании под названием «Краеведческие записки», ведущие свою историю с 1981 г. На сегодняшний день состоялись уже 28 конференций. Главной целью чтений является популяризации научных исследований по истории, культуре и природе мордовского края. В круг участников конференции входят ученые, преподаватели, аспиранты и студенты, сотрудники архивов, музеев, библиотек — все те, кого сегодня можно назвать последователями И. Д. Воронина, чьи научные интересы связаны с изучением истории и культуры Мордовии. Отдавая дань памяти основателю современного краеведения, в «Краеведческих записках» нередко поднимается тема памяти и наследия Ивана Дмитриевича¹⁰.

Важной составляющей процесса увековечивания памяти о краеведе стало издание, переиздание и введение в научный оборот его научного наследия. Так в 2005 г. НИИГН при Правительстве Республики Мордовия в серии «Наследие» были опубликованы избранные труды ученого, среди которых «Саранск» и «Саранская живописная школа»¹¹. Отдельными материалами в разных изданиях выходили ранее неопубликованные работы ученого и документы из личного архива: родословная Ворониных, составленная самим Иваном Дмитриевичем¹², переписка ученого, отзывы и рецензии на его книги, стенограмма заседания ученого совета по защите диссертации И. Д. Воронина «А. И. Полежаев: Жизнь и творчество»¹³.

Главным событием в последовавшем цикле мемориальных практик стало празднование 100-летия со дня рождения И. Д. Воронина. Согласно плану мероприятий, посвященных юбилею И. Д. Воронина, были реализованы различные циклы мемориальных событий, которые условно можно разделить на два направления:

— Увековечивание памяти И. Д. Воронина — присвоение имени И. Д. Воронина Мордовскому республиканскому объединенному краеведческому музею, издание избранных сочинений И. Д. Воронина, книгу воспоминаний об ученом, публикация материалов IV Воронинских чтений (о которых было сказано выше), реставрация барельефа на надгробном памятнике ученого, установление бюста Воронина работы скульптора Н. М. Филатова на территории МРОКМ.

— Пропаганда творческого наследия И. Д. Воронина — проведение очередных IV Воронинских чтений, организация торжественного вечера, выставки-просмотра печатных материалов о жизни и творчестве ученого и юбилейной экспозиции в его память, подготовка радио и телепередач и публикаций в СМИ, раскрывающих жизненный и творческий путь выдающейся личности (Распоряжение Правительства Республики Мордовия от 7 ноября 2005 г. № 1220-р.).

Эстафета мемориальных традиций, связанных с переосмыслением научного наследия исследователя, была подхвачена в среде ученых, изучающих различные вопросы истории и культуры региона, что является свидетельством актуальности и востребованности научных наработок предшественника и в наши дни. Так различные аспекты творческого наследия И. Д. Воронина нашли отражение в разработке диссертационных исследований Т. М. Гусевой¹⁴, Е. В. Фролкиной¹⁵, Т. И. Кильдишкиной¹⁶, Н. Н. Позднякова¹⁷, Л. В. Сульдиной¹⁸, Н. Г. Дрондиной¹⁹. Идеи и наследие И. Д. Воронина, нашедшие свое воплощение в работах современных исследователей — пример обеспечения коллективной идентичности, которая в действиях, связанных с обращением к научному наследию и актуализацией накопленного культурного багажа ученого, становится коммеморацией.

Коммеморация поддерживает живую связь с прошлым. Если память по существу — это взаимодействие между повторением и запоминанием, то коммеморация и есть это сознательное повторение. Примером такого сознательного повторения можно назвать и ряд книг и иных публикаций, посвященных памяти краеведа. Обширную нишу здесь занимают исследования дочери ученого профессора, доктора философских наук Н. И. Ворониной. В память об отце ей были опубликованы книги: «Иван Дмитриевич Воронин: портрет на фоне столетия» (Саранск, 2005), «Старый дом мой пронизан теплом» (Саранск, 2011)²⁰ и ряд публикаций, в которых раскрываются значимость трудов ученого и представлена характеристика его личности. Роли Воронина в культуре региона много внимания было уделено доктором исторических наук, профессором В. А. Юрчёнковым²¹. В работах историка, посвященных научному наследию краеведа, по отношению к главной работе ученого «Саранск» впервые вводится понятие «феномен»²². А. В. Юрчёнков отмечал новаторство и авторскую позицию автора при составлении книги. По сути, историк закрепил за Ворониным репутацию первого летописца города. Значимость научных исследований и общественной деятельности И. Д. Воронина в своих публикациях отмечал ученый-краевед, историк и публицист С. Б. Бахмустов. В статьях Бахмустова заложена память об ученом как о патриоте, гражданине, человеке глубоко неравнодушного к судьбе родного города, его памятникам, истории, культурному наследию²³.

Кроме того, в публикациях, посвященных памяти известного краеведа, помимо репутации патриота, первооткрывателя, основоположника современного краеведения, в мемориальном образе Воронина закрепляются такие характеристики, как «ученый энциклопедист»²⁴, собиратель истории²⁵, энтузиаст и учитель²⁶, талантливый руководитель и научный вдохновитель²⁷.

Помимо текстов, социальная память находит свое выражение и в материальных проявлениях «мест памяти»: в виде памятников, музеев, улиц, носящих имя культурного героя. По словам П. Нора, места памяти — это то, что поддерживает сообщество разными способами, но в то же время это сообщество вовлечено в процесс трансформации и обновления²⁸. На сегодняшний день таким «местом памяти», где сконцентрирована память об ученом, является Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей, носящий имя ученого. В фондах краеведческого музея представлен личный архив И. Д. Воронина²⁹.

Еще одним «местом памяти», где собрана информация, относящаяся к жизни и деятельности И. Д. Воронина можно считать музей истории МГУ им. Н. П. Огарева. В фондах музея истории университета хранятся документы личного происхождения, лекционные записи и тетради ученого. Кроме того, воссоздан рабочий кабинет профессора Воронина — стол, канцеляр-

ские принадлежности и раскрытые тетради, в которых почерком ученого выведены заметки.

Несомненно, к «месту памяти» профессора Воронина следует отнести и музей им. А. И. Полежаева. Открытый 2001 г. в Саранске к 360-летию основания города, сегодня он является памятником творчества поэта, имя которого заново открыл для жителей республики для всей России И. Д. Воронин. Сотрудниками музея им. А. И. Полежаева уделяется внимание памяти Воронина не только как ученого, который раскрыл основные вехи судьбы и творчества поэта, но и как личности, который внес значительный вклад в формирование культурного облика региона.

Подводя итоги, отметим, что увековечивание памяти о И. Д. Воронине в последние десятилетия имеет одну отличительную черту: сформированный на сегодняшний день образ выдающейся творческой личности ученого-патриота И. Д. Воронина стал неотделимым от восприятия его научного наследия. Память о нем все меньше становится быть персонифицированной. Она уже не принадлежит узкой группе ее носителей, лично знавших Ивана Дмитриевича, а обретает общественную значимость, культивируясь в рамках корпоративных традиций ученых, получает свое «оформление» в современной национальной культурной памяти и одновременно влияет на выстраивание приоритетов в оценке актуальных культурных ценностей.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Юревич А. В.** Культурно-психологические основания научного знания // Проблема знания в истории науки и культуры. М., 2001. С. 155 — 192.

² См.: **Мурзинцева А. Е., Кушнарева Л. Л., Эрдынеева С. Э.** Научное наследие в академических учреждениях Бурятии: формы сохранения и актуализации // Исторический курьер. 2021. № 2(16). С. 36 — 47; **Астахова И. С.** Научное наследие выдающихся ученых на территории европейского северо-востока России: мемориальные кабинеты и проекты // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 218 — 228.

³ См.: **Корзун В. П., Колеватов Д. М.** Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России : Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Омск, 2009. С. 197, 199.

⁴ Иван Дмитриевич Воронин : Некролог // Советская Мордовия. 1983. 31 мая.

⁵ См.: Саранск: город и горожане : материалы I и II Воронин. науч. чтений (Саранск, 15 нояб. 1999 г. ; 30 окт. 2000 г.). Саранск, 2002. 288 с.

⁶ См.: Саранск: история и образ города-провинциала : материалы III Воронин. науч. чтений. Саранск, 2005. 304 с.

⁷ См.: Саранск: идеалы и повседневность городской культуры : материалы IV Воронин. науч. чтений. Саранск, 2007. 320 с.

⁸ См.: Саранск: исторические очерки : материалы V Воронин. науч. чтений. Саранск, 2011. 248 с.

⁹ См.: Информационное письмо. VI Воронинских научных чтениях «Саранск исторический и современный» URL: <https://mrsu.ru/ru/sci/conferences/vi-voroninski-nauchnye-chteniya-saransk-istoricheskiy-i-sovremenny/> (дата обращения: 12.09.2022).

¹⁰ См.: **Воронин Н. И.** И. Д. Воронин: научная биография литературоведа и краеведа // Краеведческие записки. Саранск, 2016. С. 52 — 58 ; **Пивцайкина О. А.** Деятельность Союза писателей Мордовской АССР под руководством И. Д. Воронина // Там же. 2009. Саранск. 2010. С. 139 — 143.

¹¹ См.: **Воронин И. Д.** Избранное / И. Д. Воронин ; редкол.: В. А. Юрчёнков (председатель), Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2005. 432 с.

¹² См.: **Воронина Н. И.** Иван Дмитриевич Воронин: портрет на фоне столетия. Саранск, 2005. С. 161 — 176 ; **Воронин И. Д.** Родословная Ворониных (краткие сведения) // Саранск: история и образ города-провинциала : материалы III Воронин. чтений. С. 14 — 19.

¹³ См.: Стенограмма заседания ученого совета по защите диссертации И. Д. Воронина «А. И. Полежаев: Жизнь и творчество» на соискание ученой степени кандидата филологических наук // Там же. С. 22 — 42.

¹⁴ См.: **Гусева Т. М.** Социокультурное развитие российской провинции во второй половине XIX в. (на примере Мордовии) : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2004. 20 с.

¹⁵ См.: **Фролкина Е. В.** Дворянская культура российской провинции (на материале мордовского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007. 24 с.

¹⁶ См.: **Кильдюшкина Т. И.** Социокультурное развитие мордовского края в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 20 с.

¹⁷ См.: **Поздняков Н. Н.** Культура российского провинциального города города XVIII — начала XX вв.: пространство и образ (на примере городов мордовского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. С. 17.

¹⁸ См.: **Сульдина Л. В.** Эволюция культурного пространства городов Мордовии в XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007. С. 7 — 8, 14 — 15.

¹⁹ См.: **Дрондина Н. Г.** Литературное краеведение как культурологическая проблема (на материала мордовского края) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2010. 18 с.

²⁰ См.: **Воронина Н. И.** Иван Дмитриевич Воронин: портретна фоне столетия... Саранск, 2005. 184 с. ; **Ее же.** Старый дом мой пронизан теплом. Саранск, 2011. 24 с.

²¹ См.: **Юрчёнков В. А.** Воронины: историко-генеалогический очерк // Центр и периферия. Саранск. 2003. № 1. С. 100 — 103.

²² См.: **Юрчёнков В. А.** Иван Дмитриевич Воронин и феномен «Саранска» // И. Д. Воронин. Избранное. Саранск, 2005. С. 7.

²³ См.: **Бахмутов С. Б.** Первый из граждан // Известия Мордовии. 1995. 6 сент. ; **Его же.** Иван Дмитриевич Воронин: значение личности и трудов // Саранск: город и горожане. Саранск, 2002. С. 25 — 28.

²⁴ См.: **Вдовина Л. Р.** Энциклопедист родного края // Саранск: история и образ города-провинциала : материалы III Воронин. науч. чтений. С. 51 — 53.

²⁵ См.: **Савин О. М.** «На добрую память от автора...» // Времен связующая нить. Пенза, 1991. С. 266 — 275.

²⁶ См.: **Забавина В. М.** Покой ему только снился... // Саранск: город и горожане. Саранск, 2002. С. 29 — 30.

²⁷ См.: **Васильев Л. Г.** Наши верные спутники (О книгах И. Д. Воронина) // Всегда вместе. Саранск, 1985. С. 94 — 107.

²⁸ См.: **Нора П.** Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб, 1999. С. 27.

²⁹ См.: **Самаркина Г. А.** Ученый, писатель, педагог (К 115-летию со дня рождения И. Д. Воронина). URL: <http://mrkm.ru/novosti/-uchenyu-pisatel-pedagog-k-115-letiyu-sodnya-rozhdeniya-i-d-voronina/> (дата обращения: 19.11.2021).

УДК 930.2/908

С. А. Прокопенко

*Институт истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал»
(г. Ульяновск)*

КРАЕВЕДЕНИЕ И «МИКРОИСТОРИИ»: ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

В статье рассматриваются возможности применения «микроистории» в краеведческих исследованиях советской повседневности. На примере районных газет и многотиражек.

Ключевые слова: краеведение, «микроистория», Ульяновская область, г. Мелекес, социальное дисциплинирование.

К началу нашего столетия «микроистория»* прочно вошла в арсенал специалистов в области отечественной истории. На сегодня существует довольно много статей и учебных пособий, анализирующих историографические и методологические аспекты этого процесса инкорпорации. Таким примером сжатого изложения всего комплекса указанных проблем является статья И. Б. Орлова, хотя и написанная на базе только германоязычной и переводной литературы¹. Не вдаваясь в детали дискуссий, остановлюсь на вопросах, имеющих непосредственный выход на проблему качества краеведческих исследований.

Несомненно, успех «микроистории» — это следствие и проявление постмодернистского кризиса. Более узко — это реакция на зашедшую в тупик «глобальную историю» в версии «Анналов», на серийные экономическую и демографическую истории, пережившие в 1960 — 1970-е гг. свой расцвет.

Применительно к нашей стране особую роль сыграл крах социалистического эксперимента, и, как следствие, теории, которая легитимировала эту практику. Такое движение профессионалов в сторону спасительного, как казалось, нарратива, столкнулось со встречным потоком многочисленных

* Автор рассматривает «микроисторию» как особое направление в историографии.

любителей-краеведов, движимых потребностью вернуться к своим корням, и выстроить, таким образом, новую идентичность на личном и семейном уровнях.

До сих пор несомненно лидерство генеалогических исследований среди любителей истории, о чем говорит популярность ряда специализированных сайтов. Однако сегодня в Ульяновской области видно влияние сознательной «исторической политики» властей. В конце 2015 г. НИИ истории и культуры Ульяновской области (ныне Центр истории и культуры АНО «ЦСИ Ульяновской области») провел опрос об исследовательских приоритетах местных краеведов. Было роздано 600 анкет, доступными для обработки оказались 156. Опрос показал, что среди интересов краеведов преобладает история своих населенных пунктов — 59,6 %, биографии известных земляков — 53,8 %, история Великой Отечественной войны — 44,9 % и школьное краеведение — 34,6 %. Довольно высок процент респондентов, занимающихся литературным краеведением — 26,3 %². Такие результаты во многом объясняются, с одной стороны, областным проектом «1000 городов и поселений Ульяновской области», с другой — юбилеем войны и проводимым в регионе «Годом литературы». Однако количественный показатель исследований, к сожалению, не очень сказывается на их качестве. В этом смысле перспективным выглядит «брак» краеведения и «микроистории».

Как показывает практика, «микроистория» обычно востребована в трех случаях:

- 1) при написании биографий (особенно «обычных» людей);
- 2) как иллюстрация правила или исключения;
- 3) как самостоятельное исследование на «микроуровне».

Для чистоты эксперимента сосредоточимся на третьем варианте, рассматривая предыдущие как частные случаи последнего.

Глубоко неверны попытки отождествления «микроистории» с нарративом. Из концептуальных составных микроисторического подхода нами выделяется замена традиционного одного контекста множеством контекстов. Особое внимание уделяется репрезентативности казуса (модели). По большому счету, именно во втором вопросе проявились значительные расхождения между столпами «микроистории» — К. Гинзбургом и его учеником Дж. Леви. Вплоть до готовности последнего использовать для верификации биографии возможности просопографии (коллективной биографии)³.

Отметим, что возможности «микроистории» прежде всего использовались для реконструкции прошлых эпох. Основными источниками при этом были судебные документы, а для Западной Европы еще и нотариальные протоколы. Однако и в XX столетии в нашей стране советский режим, с одной стороны, создал ситуацию дефицита частных источников, с другой — актуализировал проблему казуса в формально унифицированном

обществе. Речь идет, в частности, не только о разных видах сопротивления индивидуумов или небольших социумов власти, но и выявленной проблеме «социального дисциплинирования», обнажившей в том числе проблему репрессивного, по сути, сотрудничества государства и общества против несогласных.

В этом смысле нам кажутся значимыми возможности газет, особенно районных и многотиражек первых десятилетий советской власти. Приведем несколько примеров «асоциального» (с точки зрения власти и революционной морали) поведения по материалам газет Мелекесского района и г. Мелекесса (ныне г. Димитровград Ульяновской области).

Начнем с важнейшей задачи — воспитания «нового человека». 1 августа 1923 г. газета «Рабоче-крестьянская правда» опубликовала анонимное письмо с подробным разбором, вплоть до цитирования. Письмо написано, как считает работник редакции Клипаков, человеком из мира просвещения, но не рядовым учителем, а «высокого (?) ума, но низкого качества». Вердикт анонима в отношении школьной политики ясен: «Школа — это угрюмое запертое здание, это сборище обносившихся исхудалых детей, получающих не „разумное, доброе вечное“, а порции казенного дурмана по дозировке центрального аптекаря Луначарского. Это правительственное предприятие для предупреждения и пресечений интеллигентности, тонким слоем покрывавшей нашу общественность еще в недавнее прошлое». Но для нас интересны даже не сами цитаты критика, а реакция на него. Неприкрытая уверенность в собственной правоте и вера в скорое торжество нового мира: «Что школы наши угрюмы, что они часто заперты, что дети обносившиеся и исхудалые — это для трудящихся не секрет, а азбучная истина. Но они знают, что путь между капитализмом и коммунизмом неизбежно длительный и тернистый, ... в течение, быть может, 10 лет»⁴. Наступил 1927 г., заметим, вполне благополучный для уезда — плод проведения политики землеустройства. Что же пишет газета о положении в городской школе № 1?: «В школе 500 ребят, из которых 100 совершенно не видят дома горячей пищи по 2 — 3 недели, 46 истощены малярией, малокровием и туберкулезом»⁵.

Еще показательнее давление на религиозные организации, отголоски чего отразились в газете. Весной 1927 г. — в год начала широкого антирелигиозного наступления — под ударом оказался учитель пения в педагогическом техникуме (а также в школе) Ф. С. Тельнов. На свою беду он пытался совместить преподавание с пением в храме. «Группа учителей» озаботилась тем, что в воскресенье 27 марта в соборе Мелекесса должен был

* Здесь и далее орфография оригинала.

состояться большой концерт духовной музыки, с участием хора под руководством Тельнова. «Допустимо ли такое совместительство?» — вопрошали коллеги и сами же отвечали: «Работать в школе, где должна проводиться антирелигиозная работа, и одновременно помогать церкви в ее агитации? Мы думаем, что нет... от таких учителей Отделу Образования надо совершенно освободиться и в частности от Тельнова и сдать его в церковный архив.

Пусть лучше школа останется без учителя пения, чем иметь в рядах учителей таких, как Тельнов, который своей работой в церкви подрывает авторитет советского учителя.

Пусть Тельнов выбирает одно из двух — школу или церковь...»⁶.

Отдел народного образования попробовал сопротивляться. Однако к делу подключилось Уездное Оргбюро Союза Безбожников: «Авторы заметки вполне правильно подходят к разрешению вопроса о несовместимости работы в школе и церкви... Из достоверных источников известно, что учитель Тельнов мало того, что сам активно участвует в церкви, вовлек в эту работу и учащихся.

Оргбюро вполне согласно с заключением авторов заметки: лучше совсем не иметь в стенах Педтехникума и других школ таких учителей, как Тельнов, чем калечить молодежь.

Дело за Отделом Народного Образования и Союзом Рабпрос! [работников просвещения — С. П.]».

Первыми сломалось руководство техникума: «Администрация Педтехникума неоднократно в категорической форме протестовала против работы Ф. С. Тельнова в церкви: неоднократно делались товарищеские замечания, официально доводилось до сведения Союза рабпрос. Т. Тельнов давал слово не работать, но данное слово не исполнял. Поэтому администрация Педтехникума с осени текущего учебного года приглашала на службу рекомендованного Губпросом т. Гусева.

Администрация считает, что поведение т. Тельнова, несмотря на его несомненные заслуги, безусловно не совместимо с работой воспитателя Советской школы»⁷.

В следующем номере капитулировал и уездный отдел народного образования: «Приказом по УОНО от 18-апреля отмечено несовместимое со званием учителя Советской Трудовой Школы участие г. Тельнова, преподавателя пения городской школы-семилетки № 2 имени Неверова, в духовном концерте с предупреждением, что при повторении подобных действий он будет освобожден от работы в школе-семилетке»⁸.

Еще драматичнее ломка судеб прослеживается по покаянным письмам православных священнослужителей и мусульманских духовных лиц. Летом появилось письмо, озаглавленное редакцией «Снимаю с себя звание

попа-мироода. За кем очередь?». В нем священник с. Шламка Меликесского уезда А. Поповский, 23 лет от роду, объявил о том, что снимает с себя звание попа-мироода и просит о восстановлении себя «в правах гражданства, чтобы честным и полезным трудом в нашем Советском государстве приносить хотя бы маленькую пользу вместо того, чтобы приносить большой вред». Впрочем, понять этого молодого человека, ставшего священником во многом случайно и прослужившего в приходе один год, можно. Как он пишет, «во время моего служения в селе Шламка я часто задумывался над религиозным вопросом, будучи, хотя и немного верующим. Читал Дарвина и много других ученых исключительно на антирелигиозные темы и... перестал верить и счел самым честным прекратить обман среди отуманенных людей»⁹.

Намного сложнее, думается, далось решение мулле д. Енганаево Чердаклинской волости Н. Г. Сивакову. Он происходил из потомственных мулл — «прадеды мои были муллами». Сам он был муллой с 1908 г., восемь лет обучался в Казани. Как он пишет: «Воспитываясь среди духовенства, я с малолетства был одурманен религией. Как и мои родители, я благодаря влиянию нездоровой среды до последнего времени одурманивал и обманывал темные массы татар... После Октябрьской Революции я пристально стал присматриваться к сущности религии. Занимаясь изучением современной литературы, в особенности антирелигиозных книг и журналов, я пришел к убеждению, что всякая религия есть дурман для человека, и мы, муллы, обманывали, одурманивали темные массы татар.

Теперь, убедившись в лжи всех пророков, я окончательно порываю связь с религией, с большим восторгом снимаю звание муллы и думаю честно и добросовестно выполнять все требования Великого Октября, быть честным и полезным Советскому государству.

Прошу восстановить меня в правах гражданства и не считать меня вредным элементом для Советского Союза»¹⁰.

Нет надобности доказывать, что сами по себе эти два эпизода были исключением из правила. Однако они свидетельствуют о столкновениях в обществе по вопросу отношения к религии. Причем на селе, в отличие от города, в те годы большинство занимало позицию глухого сопротивления атеистической агитации. Вот крик души исключенного из комсомола Л. Н. Рысакова из Нового Аделякова: «Когда в деревне женятся, то по обычаю венчаются в церкви.

Как же быть комсомольцам, которых родители хотят женить и заставляют венчаться, говоря: „Ты женился без венца, так уходи из дома“?

Если же не женишься, то опять будут ругать родители. А женишься и повенчаешься в церкви — исключат из Комсомола...

Убедительно прошу Укомол при утверждении протокола ячейки меня не исключать, а оставить в рядах комсомольской организации»¹¹. Не помогло — исключили.

Газеты дают примеры и других форм сопротивления. Например, противоречило официальной историографии отношение к ударничеству. Отнюдь не все на производстве были в восторге от него. Так, орган парткома, ВЛКСМ и союза текстилей Мелекесской льнопрядильной фабрики проговорился о вырвавшемся на поверхность конфликте — недовольство рабочих повышением норм выработки в результате ударнического движения. В начале января бригады Горбунов и Голованов сагитировали свои коллективы на отказ заключить новые договоры с администрацией. Хотя зачинщиков обвинили в «саботаже, срыве промфинплана и дезорганизации производства, коммунисты и лучшие производственники — ударники бригады не дали должного отпора...»¹².

Если расширить географию местной периодики, а тем более привлечь иные источники, мы получим более представительную выборку разных типов поведения, ставящую под сомнение привычные штампы о степени общественного конформизма. Микроанализ, единый в трех аспектах — предметном, источниковом и инструментальном — позволяет в данном случае восполнить лакуны советского периода истории. Мозаика краеведческих исследований, при условии соблюдения базовых норм верификации, вполне способна расширить границы нашего понимания повседневности советского времени.

Библиографические ссылки

¹ Орлов И. Б. Микроистория: «атомизация» исторической реальности или ее иной образ? С. 1 — 10. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/13/1231126164/Микроистория.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).

² См.: Баранникова А. В., Ошкин В. В. Об итогах социологического исследования, проведенного на Первом съезде краеведов Ульяновской области. Ульяновск, 2016. С. 3.

³ См.: Antropologia y microhistoria: conversacion con Giovanne Levi // Manuscrits. 1993. № 11. P. 26.

⁴ Рабоче-крестьянская правда. 1923. 8 авг. С. 2.

⁵ Там же. 1927. 4 апр. С. 3.

⁶ Там же. 26 марта. С. 4.

⁷ Там же. 21 апр. С. 3.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же. 2 июля. С. 3.

¹⁰ Там же. 17 июля. С. 2.

¹¹ Там же. 19 февр. С. 3.

¹² Штурмовик. 1933. 15 февр. С. 1.

УДК 94(470.51)«1917/1941»:069

О. П. Ратникова

*Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского
федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск)*

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ УДМУРТИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1917 — 1941 гг.)

В статье рассматривается история формирования первых коллекций краеведческих музеев Удмуртии в 1917 — 1941 гг. В то время в стране большое внимание уделялось сохранению историко-культурного наследия и пополнению музейных собраний предметами старины. В межвоенный период краеведческие музеи Ижевска, Глазова, Сарапула и Можги комплектовались предметами, поступавшими из Государственного музейного фонда, в результате научно-исследовательских экспедиций, а также от горожан и местных предприятий.

Ключевые слова: Удмуртия, межвоенный период, краеведческие музеи, формирование коллекций, предметы старины.

События Октября 1917 г. стали поворотным моментом в истории России, коренным образом изменившим ее политическую, социальную и культурную жизнь. Сохранение предметов старины, учет культурных ценностей, правовое регулирование со стороны государства и система мер по выявлению, сохранению и трансляции культурного наследия являлись одним из важных звеньев культурной политики в стране.

Декреты, постановления, распоряжения, принятые в первые годы Советской власти, заложили основы охраны культурного достояния: Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР (СНК) «Об охране научных ценностей» от 5 декабря 1918 г., Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» от 3 марта 1923 г., Декрет СНК РСФСР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» от 19 апреля 1923 г., распоряжение Наркомпроса РСФСР «Об использовании местных музеев» от 19 мая 1927 г. № 69. В 1921 г. был создан Государственный музейный фонд¹.

Основа каждого музея — музейные предметы и коллекции. В связи с этим первостепенной задачей краеведческих музеев Удмуртии стало комплектование фондов. В 1920-е гг. были открыты музеи в Ижевске и Глазове, в 1936 г. — Можге, в 1909 г., еще в дореволюционное время — музей в Сарапуле. Пополнению фондов музеев предметами старины посвящены многочисленные работы исследователей и музейных сотрудников. Так, в контексте региональной истории О. М. Мельникова дает характеристику комплектования фондов музеев Ижевска, Глазова и Сарапула археологиче-

скими предметами². Т. И. Останина описывает историю формирования археологической коллекции краеведческого музея в Ижевске³. Деятельность музеев Ижевска и Сарапула, пополнение их музейного собрания этнографическими материалами, поступившими, в том числе, в результате научно-исследовательских экспедиций, отражены в статьях А. Е. Загребина и А. Ю. Юрпалова⁴.

Источниковой базой исследования выступает делопроизводственная документация, отчеты, протоколы заседаний, деловая переписка из фондов Центрального государственного архива Удмуртской Республики, Управления по делам архивов МО «Город Сарапул», Архивного отдела Администрации г. Глазова, научных архивов музеев Ижевска, Глазова, Сарапула и Можги, архива издательства «Можгинские вести», а также материалы периодической печати, прежде всего газет «Красное Прикамье» (г. Сарапул), «Ижевская правда» (г. Ижевск), «Ленин`я» (г. Можга), «Ленин Сюрес» (г. Глазов).

В первые годы советской власти от укомплектованности музейных собраний, особенно предметами, отражающими исторические события региона, зависела экспозиционная и просветительская работа, в первую очередь, имеющая по своему содержанию идеологическую составляющую.

Одними из первых коллекций краеведческих музеев Удмуртии в период 1917 — 1941 гг. стали естественно-научные, этнографические, археологические и художественные собрания. В краеведческом музее Сарапула вышеуказанные коллекции начали формироваться еще в дореволюционное время. Он был организован в 1909 г. решением Сарапульской земской управы как Музей сарапульского земства и стал первым общедоступным краеведческим музеем на территории Среднего Прикамья. Ввиду многократной смены административной подчиненности города Сарапул, ставшего частью Удмуртии только в 1937 г., музей постоянно менял свой статус и название, в 1917 — 1937 гг. — более 10 раз.

На 1913 г. собрание музея насчитывало 2,5 тысячи единиц хранения: предметы этнографии, коллекции насекомых и бабочек, картины художников XIX — начала XX в. и коллекции археологической керамики, переданной в музей в результате археологических работ, проведенных в 1910 — 1913 гг. под руководством Л. А. Беркутова⁵. В годы Гражданской войны музеем руководил таксидермист Д. В. Шабердин (1919 — 1929). Благодаря ему начинает активно комплектоваться чучелами животных и птиц естественно-научный фонд, поскольку большую часть чучел он изготавливал собственноручно.

В Можгинском краеведческом музее также работал специалист, обладающий навыками таксидермии. Известно, что мастером по препарированию животных и птиц являлся Корсаков. Им были изготовлены чучела водоплавающих и других птиц, зверей местной фауны⁶. В отделе природы в

1937 г. демонстрировалось 124 экспоната, в основном зверей и птиц, за время охотничьего сезона фонд пополнился еще 30 экспонатами⁷.

Кроме чучел животных и птиц, научно-естественные коллекции двух музеев комплектовались редкими палеонтологическими экземплярами. В 1924 г. в Сарапульский музей жителем Сарапула Корниловым была передана часть скулы с зубами мамонта, в 1939 г. Можгинский музей пополнился двумя бедренными костями и ребром мамонта, обнаруженными детьми колхозников Тетерина и Ложкина в лесу⁸.

Предметами, переданными частными лицами, комплектовались и другие музейные запасники. Об этом свидетельствуют записи в книге поступлений краеведческого музея в Сарапуле: «...20 июня 1920 г. от Шабердина — лапти из лыка; 1927 г. — нагрудник удмуртский; 8 ноября 1927 г. от Бардымского райисполкома — рубашка (верхнее платье) женская холщовая полосатая, шаль вязаная шерстяная с черной каймой (башкирская), скатерть маленькая вязаная, наволочка вышитая, платок носовой, фартук женский с нагрудником, тканый с желто-красным узором (башкирский), колпак бархатный, зеленый, полотенца, лапти; 28 апреля 1929 г. от Моцевитина — убор головной женский «Кокосник, парчовый»⁹.

Неравнодушные к истории своего города и края горожане были активными участниками комплектования музейных коллекций, часто в их число входили краеведы, преподаватели местных образовательных учреждений. Так, в сборе предметов старины для Музея местного края в Глазове помогали учителя истории и краеведы. Ценные экземпляры музеем приобретались либо принимались в дар. В начале 1920-х гг. были приобретены у населения города и уезда археологические и этнографические материалы: удмуртские, бесермянские, чувашские, татарские костюмы, вышивки, украшения, предметы быта и др. В результате, к 1925 г. в фондах Глазовского музея числилось 1 137 предметов этнографического отдела, 266 — отдела природы, 14 предметов историко-археологического, 17 — экономического отдела и 81 — художественного¹⁰.

Заметки, обращения музейщиков о приеме пожертвований и передаче предметов, имеющих историческую ценность, часто печатались на страницах периодических изданий Ижевска, Глазова, Сарапула и Можги.

Кроме местных жителей передавали предметы в музей городские организации. Известно, что в 1920 г. началу формирования музейного собрания Музея местного края в Ижевске содействовала эпидемия тифа, в то время закрылись учебные заведения, в связи с чем препараты по естествознанию, а также учебные пособия из ветеринарной лаборатории были переданы в фонды¹¹. В 1924 г. в музее насчитывалось 356 экспонатов, в 1925 г. его фонд увеличился на 860 предметов, в основном за счет 2 коллекций: бумажных денег (411 предметов) и гипсовых изделий (103 предмета), заказ на изготов-

ление которых был сделан управлением делами художественно-репродукционной мастерской музейных слепков Ленинградского отделения Главнауки¹². В 1928 г. Сарапульский краеведческий музей принял от предприятий города музыкальные инструменты, бытовавшие в Прикамье, слесарные и столярные изделия из учебно-показательных мастерских.

В формировании художественных коллекций музеев большую роль сыграл Государственный музейный фонд. В начале 1920-х гг. из Государственного музейного фонда в краеведческий музей Глазова поступили картины, севрский и саксонский фарфор, коллекция нумизматики¹³. В 1924 — 1926 гг. коллекции художественного собрания Сарапульского музея пополнились двадцатью редчайшими предметами искусства — работами художников конца XIX — начала XX в.: И. Айвазовского, В. Васнецова, С. Кувшинниковой и др.¹⁴ В 1925 г. из фонда поступило 193 предмета, в 1926 г. — 11. В список входили картины, гравюры, фарфор и мрамор, а также редкости, принадлежавшие ранее известным коллекционерам: предпринимателю-парфюмеру Г. Брокеру, российскому промышленнику П. И. Харитоненко, Английскому клубу и т. д. В марте 1928 г. согласно циркулярному отношению Главнауки пополнение музеев из хранилищ Государственного музейного фонда и из запасных собраний центральных музеев было прекращено¹⁵.

Комплектованию музейных собраний способствовали научно-исследовательские, этнографические и археологические экспедиции, где большое внимание уделялось сбору полевого материала, предметов быта и т. д. Так, в коллекции «Письменные источники» Сарапульского музея хранятся материалы этнографической экспедиции 1928 г., на основе которых удается проследить ход экспедиции: «...в 1928 году один из учредителей музея Ф. В. Стрельцов, практикующий врач, организовал экспедицию в село Старый Мултан. Сотрудники экспедиции, прибыв на место, увидели перед собой не глухую деревушку, окруженную лесными дебрями, где ведутся ритуальные действия, а большое село — центр православного прихода, где уже много лет существует церковь и церковно-приходская школа. Село находится недалеко от крупной пристани на реке Вятке — Вятские Поляны, от большого Пермско-казанского тракта. В результате этой экспедиции был собран большой этнографический материал»¹⁶.

Редкие археологические и этнографические образцы пополнили коллекцию Ижевского музея в 1926 — 1936 гг., поступившие от научно-исследовательских экспедиций, инициаторами и участниками которых стали ученые К. П. Чайников (Кузубай Герд), аспирант Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов советского Востока, ученый секретарь археологического подотдела Главнауки С. Г. Матвеев и аспирант отделения археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН А. П. Смирнов.

Приехав в 1926 г. в Вотскую автономную область, К. Герд застал коллекции музея в удручающем состоянии — музей не имел квалифицированных специалистов, предметы не были датированы, тем самым затруднялся процесс их использования в научных и просветительских целях. Кроме того, на протяжении первых двадцати лет работы музей так и не смог получить подходящего помещения, постоянные переезды пагубно влияли на сохранность коллекций.

С целью пополнения музейного собрания К. Герд организует и проводит научно-исследовательскую работу, в первую очередь, направленную на сбор этнографического материала. Он совершает поездки по населенным пунктам Вотской автономной области: г. Можга, с. Можга, Большая Уча, Вавож. В итоге собраны более 50 рукописей на удмуртском языке и другие материалы, раскрывающие культуру удмуртов¹⁷.

В апреле и июле 1926 г. состоялись поездки в д. Эмезьгурт (Малиновка). Во время экспедиций проведены антропологические исследования представителей удмуртского рода Докья, записаны тексты обрядовых песен, сказки, загадки, пословицы, исторические предания и легенды. Очередная исследовательская поездка была совершена 1 — 4 августа 1926 г. практиканткой музея В. Чирковой (в конце 1920-х — начале 1930-х гг. — заведующая Глазовским музеем местного края) в д. Якшур Якшур-Бодьинской волости Ижевского уезда. В период руководства музеем К. Гердом были приобретены новые экспонаты: образцы продукции почти всех предприятий области, предметы, характеризующие жизнь и быт народов края¹⁸.

В этом же 1926 г. в области начались археологические изыскания, проводимые С. Г. Матвеевым и А. П. Смирновым. В течение 1926 — 1930 гг. работы прошли в северных районах Удмуртии — около деревень Солдырь, Адам, Дондыкар, где еще с конца XIX в. было выявлено большое количество городищ и могильников. В апреле и сентябре 1929 г. обнаруженные материалы после камеральной и научной обработки поступили в Областной музей краеведения. Другие находки с Кушманского городища и могильника Чемшай, полученные в 1930 г. в результате археологических работ, дополнили фонды Глазовского краеведческого музея.

В 1931 — 1932, 1936 гг. А. П. Смирновым проводились разведочно-раскопочные работы в западных и юго-восточных районах современной Удмуртии. В результате в фонды Ижевского музея было передано 8,4 тысяч археологических материалов¹⁹.

Несмотря на многочисленные поступления в 1930-е гг. в местные краеведческие музеи предметов старины, из-за отсутствия компетентных работников, а также необходимых помещений под музей и фондохранилища в Глазове и Ижевске, проблема обеспечения сохранности коллекций стала ключевой в деятельности учреждений. В 1933 г. от Наркомпроса в музей

Ижевска был направлен циркуляр «По всем Краеведческим музеям» № 17153 от 31 мая 1931 г. «В сектор науки Наркомпроса поступают сведения о безобразном хранении музеями хранящихся в их фондах картин, древних икон, тканях и др. предметов материальной культуры. Сектор науки предлагает под личной ответственностью заведующего Музея произвести немедленную проверку состояния фондов и устранить все дефекты хранения, собирав в Сектор науки в двухдекадный срок о выполнении сего циркуляра»²⁰.

К сентябрю 1934 г. в Областном музее местного края удалось оборудовать помещение для резервных экспонатов и произвести инвентаризацию всей «экспонатуры» с общим количеством 3 185 единиц. Однако на фоне положительных результатов наблюдались и сложности в работе учреждения культуры, связанные с низкой дисциплиной, слабой финансовой базой и другими проблемами.

О недочетах в хранении и учете фонда Глазовского музея отмечалось в протоколах заседаний секции Народного образования исполкома Глазовского городского совета депутатов УАССР. В 1936 г. на очередном заседании заведующий музеем А. Н. Лекомцев докладывал о работе музея местного края: «... работа музея заключается в том, чтобы обогатить человека знаниями. Средством познания явлений — способ показывания экспонатов». При этом он акцентировал внимание на том, что по некоторым темам, например, революционному движению, материалы в музее отсутствуют, в связи с чем определил приоритетные задачи: проведение научной работы, составление списков и учет экспонатов, подготовка на них паспортов²¹.

На начало 1937 г. собрание Ижевского музея насчитывало более 17 000 экспонатов, Сарапульского в 1939 г. — 13 371, Можгинского краеведческого музея к 1940 г. — до 2 000 предметов²².

Предвоенные годы стали для музеев республики серьезным испытанием, их деятельность в это непростое для страны время существенно изменилась. Сарапульский музей, кроме своих коллекций и фондов переведенного в 1939 г. в Сарапул Ижевского музея, разместил в здании музей-хранилище с экспонатами, эвакуированными их Ленинградских пригородных дворцов-музеев, а в августе 1941 г. был временно законсервирован. Здание дома культуры, где размещался Глазовский краеведческий музей, было отдано под военный госпиталь, музей закрыли. Музей в Можге также прекратил деятельность.

Таким образом, в межвоенное время усилиями заведующих музеями, несмотря на сложности, связанные с квалификацией персонала, ограниченностью помещений, комплектования музейных собраний, удалось сформировать, сохранить и преумножить богатейшие тематические коллекции по истории местного края, которые в настоящее время являются бесценным источником для исследователей и краеведов.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Рябчикова Д. Ф.** Государственный музейный фонд: возникновение и осмысление понятия (1918 — 1991 гг.) // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 39 — 54.
- ² См.: **Мельникова О. М.** Археология в российской провинции: исследователи, научные сообщества, парадигмы (по материалам археологических исследований на территории Удмуртии в 1900 — 1930-х гг.). Ижевск, 2014. 136 с.
- ³ См.: **Останина Т. И.** Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда: годы становления и свершений // История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики : сб. ст. Ижевск, 2013. С. 186 — 200.
- ⁴ **Загребин А. Е., Юрпалов А. Ю.** Из истории этнографического музееведения: Ижевский музей местного края (1920-е гг.) // Вестник Поморского университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 10. С. 4 — 10.
- ⁵ См.: **Останина Т. И.** Национальный музей...
⁶ Ленин'я. 1937. 23 мая. № 40 (450).
⁷ Там же. 12 апр. № 29 (439).
⁸ Там же. 1939. 11 июня. № 64 (681).
⁹ Сарапульский музей-заповедник. Книга поступлений. Часть № 1. 1909.
- ¹⁰ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее: ЦГА УР). Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 418. Л. 42 об.
- ¹¹ **Ратникова О. П.** Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубая Герда (1920 — 1941 гг.): проблемы становления и развития // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 177 — 190. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/14_42_2022.pdf. (дата обращения: 03.05.2022).
- ¹² **Перевертайло Н. М.** БУК УР «Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда» (1920 — 1939 гг.) // Научный архив Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда. Б/н. 66 с.
- ¹³ Глазов : Ист. очерк. Ижевск, 1980. 304 с.
- ¹⁴ Управление по делам архивов МО «Город Сарапул». Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. 8. Л. 78.
- ¹⁶ Красное Прикамье. 2002. 22 мая.
- ¹⁷ См.: **Останина Т. И.** Национальный музей...
¹⁸ См.: **Загребин А. Е., Юрпалов А. Ю.** Указ. соч.
¹⁹ См.: **Останина Т. И.** Археологические и этнографические экспедиции Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда: экскурс в историю // Музейные чтения в Арсенале : материалы Всерос. науч.-практ. конф. к 95-летию Национального музея Удмуртской Республики им. Кузубая Герда. Ижевск, 2015. С. 39 — 47.
- ²⁰ Научный архив Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда. № 241.
- ²¹ Архивный отдел Администрации г. Глазова. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 47. Л. 55–55 об.
- ²² Научный архив Сарапульского музея-заповедника. Ф. Р-608. Оп. 3. Д. 45. Л. 43.

УДК 39(98)

М. М. Торопова*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСОВ: СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ МОРДВЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Опираясь на данные этнографической экспедиции 2013 г., в статье проанализирована степень сохранности и трансформации семейного обрядового комплекса мордвы Крайнего Севера.

Ключевые слова: этнос, мордва, этнографическая экспедиция, арктическая территория, Красноярский край, духовная культура, семейные обряды, обряды жизненного цикла.

Одной из актуальных проблем современного мира является бережное отношение к культурному наследию этносов и его сохранению. В данном аспекте большое внимание уделяется вопросам народной культуры, что обостряет интерес к национальным традициям и обрядам. Особое место в изучении и дальнейшем сохранении традиционной духовной и материальной культуры переселенцев занимают этнографические экспедиции. Их цель, прежде всего, в выявлении степени сохранности и трансформации элементов культуры народа, проживающего на иноэтничной территории, поскольку межэтническая интеграция предполагает глубокие взаимовлияния и культурные контакты.

На территории Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края с давних пор проживали различные народы, в том числе и представители мордовской национальности, которые создавали свою культуру, приспособленную к суровым условиям¹. В связи с этим с 22 сентября по 4 октября 2013 г. сотрудниками отдела этнографии и этнологии НИИ при Правительстве Республики Мордовия, доктором исторических наук, профессором Л. И. Никоновой (руководитель экспедиции), старшим научным сотрудником Т. Н. Охотиной, научным сотрудником М. М. Тороповой (Фадеевой) была проведена этнографическая экспедиция по маршруту: г. Саранск — г. Дудинка — г. Норильск — пгт. Диксон Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района Красноярского края.

Согласно данным Всероссийской переписи населения численность постоянного населения пгт. Диксон, одного из самых северных населенных пунктов России, в 2010 г. составляла 676 чел.², из них 4 % населения — мордва. Это добровольные переселенцы из г. Саранск, Рузаевка, с. Мордов.

Пишля и Левжа Рузаевского района РМ, д. Калиновка ныне Zubovo-Полянского района РМ и др. В результате этнографической экспедиции были выявлены основные причины переселения мордовского населения на исследуемую территорию — это большая социальная поддержка населения, предоставление населению льготной пенсии, районного коэффициента и процентных надбавок к заработной плате и др.

Как известно, традиционная обрядность является одним из наиболее устойчивых компонентов народной культуры, в которой до сих пор частично просматриваются пережитки архаических форм обычаев и верований³. В духовной жизни мордовского населения, как и у всех народов Севера, большое место занимают многочисленные обряды, церемонии и ритуалы. Несмотря на то что в традиционные обряды мордвы добавились элементы культур народов Севера, в семейных обрядах наблюдается сохранение основных национальных черт, на что значительно влияет связь с Республикой Мордовия.

Одним из важнейших событий в жизни любого человека является создание семьи. В связи с этим это знаменательное событие у всех народов издавна сопровождалось разнообразными обрядами⁴. «Каждая населенная мордвою местность, а иногда и отдельная деревня, — отмечал М. Е. Евсеев, — имеет свои особенности как в обрядах, так и в причитаниях невесты. Особенности эти взаимно дополняют друг друга и дают, таким образом, возможность к восстановлению полной картины мордовской свадьбы»⁵. Н. Н. Фадеева рассказала, что до ЗАГСа родители с иконами благословляли молодую пару, на мордовском языке желали им счастья, под ноги жениха и невесты стелили полотенце, а раньше тулуп, для благополучия и богатства. После росписи молодоженов также встречали с иконами, обсыпали сладостями, монетами и крупой (гречка, рис) [ПМА: Фадеева]. Несмотря на то что первоначальный смысл таких свадебных обрядов, как обсыпание молодых зерном, битье горшков и т. д., среди мордвы Севера постепенно забывается, он частично продолжает существовать, но уже в видоизмененной и переосмысленной форме. Многие элементы свадебной церемонии потеряли первоначальное магическое и охранительное значение и приобрели развлекательный характер. Так, в силу того, что в настоящее время молодые предварительно сами договариваются о женитьбе, сватовство как обязательный обряд свадебного ритуала приобретает лишь символический характер (обсуждение срока свадьбы, размеры расходов и т. д.). Нельзя не заметить, что в современной мордовской свадьбе исчезли обряды и обычаи, связанные с закреплением свадебного договора — заклад, рукобитье и др., не соблюдаются такие обряды, как причитания невесты, возвращение молодой в дом родителей после свадьбы, обряд надевания невесте головного убора замужней женщины и т. д.⁶

В настоящее время основа свадьбы мордвы Севера — общерусская. Так, по словам М. И. Молевой, на Диксоне все свадьбы, в том числе и мор-

довские, проходят в основном по русским традициям и празднуют этот день в кафе или в столовой [ПМА: Молева].

Рождение детей издавна сопровождалось разнообразными обрядами. Родильно-крестильные обряды у всех народов, в том числе и у мордовского населения, проживающего на Севере, — это комплекс рациональных и магических действий, направленных на обеспечение благополучных родов, сохранение здоровья матери и ребенка⁷, оказание благоприятного воздействия на нового члена семьи и его приобщение к эталонам соответствующего бытового уклада, а также ограждение от бед всего родства⁸.

О будущем потомстве начинали заботиться с момента вступления в брак. Так, в свадебном цикле наблюдаются обряды, направленные на деторождение, например, обсыпание молодых зерном или хмелем и т. д. [ПМА: Фадеева].

Многие родильные обряды мордвы связаны с поверьями и религиозными представлениями, сложившимися у мордовского населения еще в дохристианский период. Позднее эти представления претерпели некоторые изменения под влиянием христианства⁹. У мордвы и у всех народов Севера беременная женщина должна была соблюдать определенные запреты, например, ей запрещалось присутствовать на похоронах и т. д.¹⁰

Одним из самых торжественных обрядов детского цикла у мордовского населения было крещение¹¹. К нему готовились все родственники новорожденного. Особо важная роль в проведении крестин отводилась крестным родителям. По традиции кума готовила подарки ребенку: рубашку, крест, шапочку, пояс и пеленку, в которую принимали ребенка от батюшки после купели¹². По словам Фадеевой, раньше детей крестили «на материке», а после того как на Диксоне открыли церковь, стали крестить здесь [ПМА: Фадеева].

Родильно-крестильные обряды у мордвы, проживающей на Севере, довольно сильно изменились, частично исчезли, так как бытование различных форм тесно связано с изменением социально-экономических и культурных условий проживания.

С точки зрения сравнительного анализа этнокультурных традиций мордвы и представителей других этносов, проживающих на Севере, значительный интерес, представляют похоронно-поминальные обряды. Данный комплекс ритуалов определяется типичными для всех народов представлениями о потустороннем мире, куда приходил человек после своей смерти. Повсеместно эти обряды состояли из множества действий, направленных на облегчение перехода в потусторонний мир, устранение возможных препятствий на этом пути, создание благополучных условий «жизни» на «том свете»¹³.

Похоронный обряд — это цикл действий, совершаемых родственниками и соседями с момента наступления смерти человека, в ходе его погребения,

поминок вплоть до окончания срока траура¹⁴. Условно их можно разделить на предохранительно-очистительные, похоронные и поминальные. Суеверный страх смерти, неумение объяснить ее причины у всех народов породили немало примет и поверий о кончине человека¹⁵, так как умерший считался источником опасности для живых¹⁶. Так, у мордвы жилище, где умер человек, считалось «нечистым», поэтому, после выноса гроба с покойным из дома обязательно мыли полы. Нганасаны погребали с умершим все его вещи, считая, что они грозят неминуемой смертью. По народным представлениям, умерший человек, прикасаясь к вещам, оставлял на них часть своей жизненной силы, которая может притянуть жизни других людей в «страну Мрака» [ПМА: Фадеева]. Коренные народы Севера поворачивали передок нарт умершего с южного или восточного направления на север или запад¹⁷.

Издавна у мордовского населения в качестве предохранительных и очистительных предметов использовали золу и железные предметы: нож, топор, ножницы и др.¹⁸ «Чтобы души живых не были уведены мертвецами», все ночи до похорон, а иногда и до 40 дней, в жилище мордвы и других народов Севера должен был гореть свет¹⁹.

Проживание в тесном контакте с суровой природой стало определяющим фактором в формировании некоторых элементов похоронной обрядности. Так, И. А. Ломовцева отмечала, что умерших людей их родственники стараются вывозить «на материк», редко кто хоронит «на острове», так как вечная мерзлота со временем выталкивает гроб на поверхность земли. По словам информаторов, если же хоронят людей на Севере, то стараются хоронить рядом с умершими родственниками [ПМА: Ломовцева].

Ориентировка тела при захоронении у всех народов была связана с представлениями о местонахождении загробного мира. У всех православных народов, в том числе и у мордвы, традиционным считается опускание гроба с покойным в могилу лицом на восток, в ногах ставят крест. Ненцы, эвенки, эвены и др. также хоронили умерших лицом на восток²⁰.

Нельзя не отметить, что у многих коренных народов Севера «стороной мертвых» считалось северное и западное направление. Кеты и селькупы клали покойника ногами по течению реки, нганасаны хоронили умерших лицом на запад, с XX в. — на север и северо-запад.

Мордовское население Севера поминают умерших на 9, 20 и 40-й день, закрывают все отражающие предметы в доме, соблюдают траур от полугода до 1 года, в зависимости от степени родства с умершим. Ханты, манси, эскимсы соблюдают траур 5 дней (если умер мужчина) и 4 дня (если умерла женщина), нганасанки в течение 4 — 5 месяцев не заплетали косы, если умер муж или отец²¹. По словам информаторов, все стараются посещать могилы умерших родственников и знакомых хотя бы раз в год [ПМА: Ломовцева].

Таким образом, в процессе исследования были выявлены традиционные особенности духовной культуры переселенцев. Среди мордовского населения наблюдается сохранение некоторых национальных черт, в основном среди представителей старшего поколения, проявляющиеся в песнях, традиционных блюдах, в одежде. В связи с активными межэтническими контактами в духовной культуре мордвы проявляется сходство с элементами обрядовой культуры некоторых народов Севера, что привело к формированию нового, более простого комплекса народной культуры.

Полевой материал автора

Фадеева (Куркина) Наталья Николаевна, 1981 года рождения, пгт. Диксон Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края, запись 2013 г.

Молева Мария Ивановна, 1932 года рождения, пгт. Диксон Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края, запись 2013 г.

Ломовцева Ирина Анатольевна, 1963 года рождения, пгт. Диксон Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края, запись 2013 г.

Библиографические ссылки

¹ См.: Коренные малочисленные народы Таймыра: традиции, быт, культура. Красноярск, 2005. С. 101.

² Всероссийская перепись населения 2010 года. Итоги по Красноярскому краю. URL: <http://www.24.gosstat.gov.ru/foider/39102> (дата обращения: 27.09.2013).

³ **Иванова В. С.** Обрядность северных манси в конце XIX — начале XXI века: локальные особенности. URL: <http://www.dissercat.com/content/obryadnost-severnykh-mansi-v-kontse-xix-nachale-xxi-veka-lokalnye-osobennosti> (дата обращения: 16.07.2014).

⁴ См.: Мордва : Историко-культур. очерки. Саранск, 1995. С. 235.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ См.: Северная энциклопедия. М., 2004. С. 814.

⁸ См.: Мордва... С. 248.

⁹ См.: **Федянович Т. П.** Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX — 70-е гг. XX в.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 80.

¹⁰ См.: Северная энциклопедия. М., 2004. С. 814.

¹¹ Традиционная родильная обрядность. URL: http://www.vbrg.ru/articles/karelija/vepsy/traditsionnaja_rodilnaja_obryadnost/ (дата обращения: 05.12.2020).

¹² См.: Мордва... С. 252.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ См.: Северная энциклопедия. С. 768.

¹⁵ См.: Мордва... С. 257.

¹⁶ См.: Северная энциклопедия. С. 768.

¹⁷ Там же. С. 769.

¹⁸ См.: Мордва... С. 257.

¹⁹ См.: Северная энциклопедия. С. 769.

²⁰ Там же. С. 770.

²¹ Там же. С. 772.

УДК 39

*С. Д. Трибушинина**Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ЭТНОЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО МОРДВЫ (На примере социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники»)

В статье рассматриваются современные тенденции на виртуализацию в сфере этнокультуры в социальных сетях. Автор вводит понятие «этноцифровое пространство», включая в него все проявления этнического характера в виртуальном пространстве всемирной сети: сайты, группы и сообщества, отдельные страницы пользователей, предоставляющие информацию о народах, их особенностях, площадки для общения представителей того или иного этноса. В России и Ближнем Зарубежье наиболее активная этническая жизнь ведется в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники». В этнической сфере активная популяризация касается языка, мордовской национальной культуры, пищи, обычаев, обрядов, праздников.

Ключевые слова: мордва, этнос, этноцифровое пространство, социальная сеть, «ВКонтакте», «Одноклассники».

В современном мире наиболее актуальными становятся проблемы развития цифрового пространства, распространившегося на все сферы жизнедеятельности человека. Виртуализация постепенно распространяется и на этническую сферу, что позволяет говорить о все большей роли в популяризации этнического образа народов во всемирной сети Интернет, в том числе в социальных сетях. Ю. А. Узлов отмечает, что этнокультура в современном мире утрачивает относительно локальный характер и развивается в сторону увеличения интеграционных процессов, влияющих на трансформацию культуры этноса¹. Этому активно способствует развитие систем массовой коммуникации, Интернета, в науке появляется понятие «виртуальной этничности», рассматриваемое в работах З. В. Сикевич и А. А. Федоровой, отмечающих ее важную социальную роль «информационного фильтра» в современном инновационном мире с точки зрения психологического комфорта при общении в традиционной среде².

В научных кругах в последнее время активно изучается проблема функционирования виртуального пространства мигрантов. А. П. Глухов отмечает, что оно играет роль компенсаторного механизма в условиях социальной депривации при переселении на новое место жительства³. Американским ученым Д. Бринкерхофф в научный оборот введено понятие «цифровая диаспора» как «электронное сообщество мигрантов»⁴. Это явление характерно и для мордовской диаспоры. В виртуальном пространстве воспроиз-

водится общение между членами диаспор разных регионов страны и Ближнего Зарубежья, что позволяет мигрантам активно вливаться в жизнь диаспоры и при этом оставаться в курсе последних новостей и знакомиться с культурными особенностями собственного этноса, что особенно актуально для потомков переселенцев. Попытка дать оценку роли виртуального пространства мордвы в формировании диаспоры была произведена журналистом Е. Спиридоновой в статье «Через Интернет мордовская диаспора изучает родные языки», в которой рассматривается ряд интернет-сообществ, таких как группы в социальных сетях⁵.

В контексте понятия «цифровой диаспоры» в этноцифровом пространстве мордовского народа присутствуют сайты общей этнической направленности (дается общая информация об этносе, особенностях его материальной и духовной культуры, новостная лента содержит данные о событиях, имеющих этническую ценность и т. д.), сайты диаспор и землячеств разных регионов Российской Федерации, например, сайт Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия мордвы Республики Татарстан», действующей в рамках Региональной общественной организации «Ассамблея представителей народов, проживающих на территории Республики Татарстан» (РОО «Ассамблея народов Татарстана») ⁶, сайт «Мордовская диаспора» ⁷; сайты национальных общественных организаций (сайты Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа ⁸; группы этнической направленности в популярных социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и др.; разнообразные сообщества на развлекательных порталах, например, «Яндекс Дзен», «Живой Журнал» (LiveJournal.com) и др. Представители мордовского этноса в ряде регионов не имеют отдельной общественной организации, а входят в более крупные общественные образования финно-угорской направленности, в таком случае сайты и группы этих организаций предоставляют информацию о мордве наряду с другими народами, входящими в их состав, например, сайт Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации ⁹.

Широкий диапазон интернет-сообществ этнической направленности не позволяет сделать обширный обзор всего этноцифрового пространства в рамках одной статьи, поэтому остановимся на специфике мордовского этнокультурного пространства наиболее популярных российских социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники». Выбор данных социальных сетей в исследовании обусловлен их популярностью среди всего русскоговорящего Интернета, к представителям которого относится мордва.

Этнокультурное пространство социальных сетей представляет многоуровневое и многофункциональное явление. В социальных сетях присутствуют этнические группы, объединяющие представителей мордовского этноса не зависимо от местности проживания, например, группы «Мордва»

в социальной сети «Одноклассники», «Мордовия — МОРДВА (Эрзя, Мокша)» во «ВКонтакте» и др. Этнос мордва состоит из двух субэтносов — мордва-мокша и мордва-эрзя. В виртуальном пространстве присутствуют сообщества, объединяющие представителей каждого из них: «Мордва-Мокшане», «Мокша»¹⁰ и «Эрзя»,¹¹ «Эрзяне — Эрзят...»¹² в «Одноклассниках», «Мокша: люди, язык, традиции»,¹³ во «ВКонтакте». Виртуальное общение в этнических группах позволяет расширить географию общения с представителями этноса, проживающими далеко за пределами исконной территории. В социальных сетях присутствует большое количество групп мордвы из разных регионов страны, районов и городов с разной численностью подписчиков. В первую очередь это группы регионов исконного проживания мордовского этноса «Шумбрат, Мордовия! Саранск Мокша Эрзя Рузаевка», «СЕРДЦА МОРДОВИИ. Мордовия — Саранск, Рузаевка, мордва», «Местная Мордовская (эрзяно-мокшанская) НКА г. Пензы» («Одноклассники»), группы отдельных населенных пунктов — «КИВАТЬ — крупный мегаполис», «Ельниковские МОРДВА + РУССКИЕ», сообщества разных регионов «ВКонтакте» функционируют сообщества «Мордва в Крыму», «Мордва Башкортостана», «~Мордва в Москве~», «Мордва в ПИТЕРЕ» и др., в сети «Одноклассники» — группы «Мордовская диаспора», «Мордва Тольятти и Поволжья: Мокша и Эрзя» и др.¹⁴

Большое количество культурной информации содержится в группах и сообществах учреждений культуры Республики Мордовия, Нижегородской, Пензенской, Ульяновской и других областей, например, в «Одноклассниках» есть группы РДК Атюрьева, Темниковская районная библиотека.

Особую нишу в этновиртуальном пространстве занимают ресурсы по изучению родного языка. Запрос на изучение языка предков и общение является одним из самых насущных в современном мире, где в условиях ассимиляции, сопутствующей миграционным и урбанизационным процессам. В данном случае социальные сети представляются удобной площадкой для общения. В «ВКонтакте» функционируют группы «ЭРЗЯНЬ КЕЛЬ [ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК]»¹⁵, «Мокшанский язык»¹⁶ и т. д.

З. В. Сикевич и А. А. Федорова, рассматривая понятие виртуальной этничности, подчеркивают ее роль символической среды, «своеобразного информационного фильтра», позволяющего за счет консервативного взгляда на общесоциальные ценности обеспечить человеку комфортную эмоционально-устойчивую среду¹⁷. В этом контексте значение имеет этническая самоидентификация. В рамках этноцифрового пространства большую роль играет этническая самоидентификация, позволяющая в дальнейшем взаимодействовать с цифровым культурным пространством своего этноса. В исследуемых социальных сетях данный вид запросов присутствует в общих этнических группах и в группах, объединяющих жителей различных насе-

ленных мест. Он может включать просьбы определить по фото, фамилии или языковым навыкам этническую или субэтническую (мокша, эрзя) принадлежность кого-либо из предков пользователя. Так, в сообществе «Мордовия — МОРДВА (Эрзя, Мокша)» в сети «ВКонтакте» Татьяна Самойлова интересуется субэтнической принадлежностью своих предков по фамилии Кендяловы, переехавших из д. Подлесная Тавла Кочкуровского района в Сибирь в 1920-е гг. Они были одними из основателей деревни Павловка Беловского района Кемеровской области (ныне пос. Павловка Ленинск-Кузнецкого района), но впоследствии переехали в г. Санкт-Петербург¹⁸. Пользователь О. Дубинина на основании данных о родине своих бабушки и дедушки, д. Зыбино Пензенской области, делает предположение, что родственники были эрзей, и просит посмотреть выложенные фото с целью определить, соответствуют ли их черты антропологии эрзян¹⁹.

Выступает цифровое пространство и в качестве инструмента поиска потерянных корней. Подобные запросы отмечаются во всех типах групп и сообществ. Так, в сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» выкладывают отдельные посты о своих предках, переселившихся в другие регионы в разные исторические периоды либо оставляют соответствующие запросы в комментариях. В группе «Мордовская диаспора» в «Одноклассниках» Ирина Карина из Оренбурга ищет мордовские корни в Пензенской области. Она пишет, что ее прабабушка Груня родила старшую дочь Татьяну в «с. Ижмор Земетчинского района в 1924 году», после этого семья переехала в Оренбургскую область и связь с родиной прервалась²⁰, в группе «Кивать — крупный мегаполис» Татьяна Владимировна Сидоркина-Манаскина из Самары предпринимает попытку через группу села, из которого родом ее предки, найти родственников матери²¹.

В современной трактовке этническая культура включает в себя все традиционные элементы, материальные, духовные и социальные, исторически сложившиеся в процессе развития этноса и развивающиеся в исторической социодинамике²². Функционирование этнической информации на виртуальных площадках «ВКонтакте» и «Одноклассники» имеет ряд характерных особенностей. В рамках социальных сетей этнокультура мордовского народа предстает в качестве условно традиционной, в сообществах и группах происходит активное общение между представителями мордвы, обмен воспоминаниями об этнических традициях своего народа, воспроизводившихся их окружением, этномедицинской информации и др., например, Т. Пьянкова-Сидоркина из Ярославля в комментариях под рассказом «Уникальные мордовские лапти» в группе «Мордовская диаспора» вспоминает, что ее бабушку Елизавету хоронили в мордовских лаптях и самотканых портянках²³. Л. Лаврентьева (Кудашова) из г. Нижневартовск подчеркивает, что ее бабушка из с. Тетюши похоронные лапти

для себя плела сама (умерла она в 1993г.)²⁴. В «Одноклассниках» в группе «Мордва Башкортостана» модераторами создана рубрика «Национальная кухня», в которой представлены видео с приготовлением традиционных блюд. Много интересной информации содержится в комментариях, пользователи сети обмениваются рецептами как аналогичные блюда готовили в их семьях.

Однако, вычленение истинно принадлежащих конкретному этносу знаний затруднено и подвержено активному влиянию внеэтнических элементов. В связи с этим условно можно выделить внесетевые элементы, оказывающие на представителей во внесетевой жизни, и внутрисетевые, транслирующие псевдо-традиционные ценности внутри цифрового пространства. К внесетевым факторам можно отнести социально-экономические и культурные трансформации, происходящие как на этнической родине представителей мордовского этноса, так и за ее пределами, такие как слияние православных и языческих традиций в осуществлении обрядов, урбанизация населения, в том числе и мордовского, приводящая к значительной утрате этнокультурных особенностей, и процессы, характерные для этнической диаспоры, такие как ассимиляция и аккультурация.

В этнографии социальные сети можно рассматривать как дополнительный современный источник полевых сведений о жизни, быте, культурных традициях и языковых данных мордовского народа. Праздники и культурно-массовые мероприятия, творческие фестивали и другие важные события с этническим колоритом часто освещаются в новостной ленте, выкладываются фото и видео материалы, участники групп делятся сведениями о традициях и обычаях, сохранившихся в их семьях или описанных старшим поколением. Особенно полезен опыт работы в этнических сообществах социальных сетей при изучении мордовских диаспор других регионов России и Зарубежья, так как она существенно расширяет географию исследований. Следует отметить, что работа с Интернет-источниками ни в коей мере не может заменить экспедиций ввиду особенностей взаимодействия с виртуальной аудиторией (наличие «хейтеров»*, недоверчивое отношение к современным технологиям старшего поколения, являющегося основными носителями знаний и др.).

Таким образом, в настоящее время этноцифровое пространство прочно вошло в жизнь этносов. В Интернете функционируют различные ресурсы этнической направленности: сайты организаций и обществ, группы и сообщества в социальных сетях и т. д. Наиболее активно этническое сообщество

* Прим. автора: негативно настроенные пользователи цифрового информационного пространства, выражающие недовольство.

представлено в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Через интернет-ресурсы представители мордовского народа предпринимают попытки субэтнической самоидентификации, изучение мордовского (мокшанского или эрзянского) языка, знакомство с традиционной культурой предков. В рамках социальных сетей значительную роль играет фактор внутриэтнического общения, имеющий большое значение для представителей мордовской диаспоры, проживающих в иноэтнической среде.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Узлов А. Ю.** Этнокультура и ее трансформация в современном мире // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 97 — 101.

² **Сикевич З. В., Федорова А. А.** К проблеме соотношения реальной и виртуальной этничности // Социодинамика. 2018. № 8. С. 43 — 49. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27142 (дата обращения: 11.09.2022).

³ См.: **Глухов А. П.** Виртуальная этнонациональная идентичность мигранта: отражение в зеркале российских социальных сетей // Научное периодическое издание «CETERIS PARIBUS». 2015. №4. С. 143.

⁴ См.: **Jennifer M. Brinkerhoff.** Digital Diasporas. Digital diasporas: identity and transnational engagement. Cambridge, 2009. P. 86.

⁵ **Спиридонова Е.** Через Интернет мордовская диаспора изучает родные языки // Информационный портал «Финноугория»: Филиал ГРДНТ им. В. Д. Поленова «ФУКЦ РФ», 2007 — 2021. Сыктывкар, 2011. URL: <https://finnougoria.ru/news/publications/25202/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁶ Региональная общественная организация национально-культурная автономия МОРДВЫ РТ. URL: <http://mrdv.addnt.ru/about/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁷ Мордовская диаспора. URL: <https://www.mordovians.ru/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁸ Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. URL: <https://mordvarf.com/> (дата обращения: 11.09.2022).

⁹ Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации. URL: <https://afunrf.ru/> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁰ Мокша // Одноклассники: сайт. URL: <https://ok.ru/moksha> (дата обращения: 11.09.2022).

¹¹ Эрзя // Одноклассники: сайт. URL: <https://ok.ru/erzya> (дата обращения: 11.09.2022).

¹² Эрзяне — Эрзят... // Одноклассники: сайт. URL: <https://ok.ru/tazneevtsy> (дата обращения: 11.09.2022).

¹³ Мокша: люди, язык, традиции // ВКонтакте: сайт. URL: <https://vk.com/mokshet> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁴ Одноклассники: сайт. URL: <https://ok.ru> (дата обращения: 11.09.2022)

¹⁵ Эрзянь кель [эрзянский язык] // ВКонтакте: сайт. URL: <https://vk.com/erzanjkelj> (дата обращения: 11.09.2022).

¹⁶ Мокшанский язык // ВКонтакте: сайт. URL: <https://vk.com/mokshatlt> (дата обращения: 11.09.2022).

- ¹⁷ Сикевич З. В., Федорова А. А. Указ. соч.
- ¹⁸ Мария Самсонова // ВКонтакте: сайт. URL: <https://vk.com/id6573593> (дата обращения: 11.09.2022).
- ¹⁹ Мордва Эрзя // ВКонтакте: сайт. URL: https://vk.com/club4194584?w=wall-4194584_180%2Fall (дата обращения: 11.09.2022).
- ²⁰ Мордовская диаспора: поиск родственников // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/mordovians/topic/154061911425279> (дата посещения: 11.09.2022).
- ²¹ Кивать — крупный мегаполис // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/kivat/topic/67145326513005> (дата посещения: 11.09.2022 г.).
- ²² Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии. СПб., 2009. № 3. С. 189 — 195. С. 190. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12920951> (дата обращения: 11.09.2022).
- ²³ Уникальные мордовские лапти // Мордовская диаспора. Одноклассники. URL: <https://ok.ru/mordovians/topic/151718106104063> (дата обращения: 30. 03. 2021).
- ²⁴ Уникальные мордовские лапти // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/mordovians> (дата обращения: 12.09.2022).

УДК 908

А. И. Трошин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается сущность исторической реконструкции как феномена реальности, без которого сложно представить современную историческую науку и обыденность.

Ключевые слова: историческая реконструкция, направления реконструкций, виды исторических реконструкций, живая история, бугурты, турниры, мордва.

В современном социокультурном пространстве историческая реконструкция занимает значительное место. В российском культурном пространстве, по мнению И. И. Кошина и О. В. Кошиной, первые сходные с современными историческими реконструкциями представления организовывались еще в начале XX в., например, спектакли, посвященные осаде Севастополя во время Крымской войны, сражению у Бородино и др.¹ В традиционном представлении реконструкция тесно связана с методологи-

ей истории. Она основывается на анализе исторических и культурных данных и воспроизведении того или иного исторического события². Сама идея реконструкции может трактоваться как раскрытие большинства основных параметров прошлого через воспроизведение их со всей возможной точностью либо как элемент исторического объяснения, аргументированного факторами и имеющего преимущественно теоретическое построение³. В. Э. Гордин и Л. М. Алушкин позиционируют реконструкцию как театрализацию и материализацию ностальгии, формирующую лежащую в ее основе постпамять⁴.

В современных реалиях историческая реконструкция, направленная на воссоздание, восстановление объектов материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона, является неотъемлемой частью культурной жизни.

В исторических реконструкциях можно выделить два основных вида. К первому виду можно отнести турниры (бугурты или сражения), направленные на изучение и применение на практике элементов военного искусства разных эпох. Они функционируют преимущественно в рамках научной и музейной деятельности, так как требуют значительной научной подготовки, анализа данных, финансовых затрат и др. Данный вид наиболее известен широкой общественности, часто является «частью проектной деятельности»⁵ и включает в себя реконструкцию битв эпохи Наполеона, Великой Отечественной войны и т. д. Такие исторические реконструкции могут быть постановочными и спортивными. Так, в Мордовии многие фестивали и республиканские праздники сопровождаются образовательными историческими реконструкциями, часто в рамках «междисциплинарных проектов»⁶. Например, основатель и руководитель проекта реконструкции мордовской национальной борьбы и финно-угорских состязательных традиций «Тюштянь налксемат» («Игрища Тюшти») Павел Мигунов в течение 20 лет восстанавливал особенности национальной борьбы⁷. Этот проект имеет этническое, образовательное и воспитательное значение: сохранение и трансляция традиционной культуры мордовского народа, приобщение к здоровому образу жизни, воспитание молодого поколения методами мордовской народной педагогики.

Второй вид — «живая история» — воссоздает повседневный быт жителей какого-либо места в определенный исторический период. Сюда можно отнести воспроизведение быта разных сословий в рамках музейной деятельности, что соответствует скорее этнографическому направлению исторической науки, например, воссоздание повседневного быта жителей какого-либо места в определенный исторический период. Так, мастер-классы по изготовлению предметов быта и культов по технологиям предков (разные виды традиционных оберегов, жаворонков и др.), инсценировки

сценок из жизни разных сословий распространены в музейной деятельности. Хорошо иллюстрирует данный вид исторических реконструкций воспроизведение мордовских обрядов в ходе проведения праздников в мордовских селах республики и других регионов. Так, наиболее известен в Мордовии Республиканский национально-фольклорного праздник «Раськень озкс» в с. Чукалы Большеигнатовского района, воспроизводится ритуальная трапеза «Вейсэнь ярсамкат». В селах Мордовии ежегодно проводят обряд украшения березки и плетения из ее ветвей венков на праздник «Акша келу» на Троицу и др. Аналогичные реконструкции проводятся в других регионах, например, в с. Садовка Стерлитамакского района Республики Башкортостан 14 мая сельским домом культуры реконструируется обряд «Сырькаень каша» (букв.: «Бабушкина каша»), приуроченный к окончанию полевых работ⁸.

В современном социокультурном пространстве в рамках данного можно рассматривать гастрономическую реконструкцию. В Мордовии значительное внимание уделяется реконструкции приготовления традиционных мордовских блинов, «медвежьей лапы», картофельных ватрушек кургоня, которым посвящен фестиваль с аналогичным названием в Рузавском районе.

Выделяют любительское, научное и музейно-образовательное направления. Научная и музейная деятельность предполагают более точное с научной точки зрения воспроизведение элементов, внимание к деталям. Любительское направление не претендует на точность воспроизведения. В данном виде важен скорее сам факт воспроизведения действия, через которое оно закрепляется в памяти как значимое. Так, в с. Садовка упор делается на восстановление процесса приготовления ритуальной пшенной каши. Ее варят на костре на опушке у родника, готовят в национальных костюмах. В месте проведения мероприятия устанавливают деревянные качели. Однако в традиционном обряде используются глиняные горшки, помимо каши важным блюдом является яичница⁹.

Таким образом, историческая реконструкция на современном этапе развития представляет собой весьма неоднородное интегрированное явление. Традиционное, устоявшееся понимание исторической реконструкции, подвергается на современном этапе достаточно существенным изменениям, большое внимание уделяется не только военным историческим реконструкциям, но воспроизведению части жизни простого человека, включающего быт и обряды. Историческая реконструкция развивается, совершенствуется и является весьма актуальной на данный момент, входит в туристические программы, является важной частью музейной деятельности. Любое из ее направлений имеет право на существование и заслуживает отдельного исследования. При этом в большей степени это относится именно к люби-

тельской форме исторической реконструкции, ставшей в последнее время достаточно популярной и интересной весьма широкой публике, как к своеобразному социокультурному явлению.

Библиографические ссылки

¹ Кошин И. И., Кошина О. В. Развитие исторической реконструкции как составляющей культурно-познавательного туризма. URL: file:/// razvitie-istoricheskoy-rekonstruktsii-kak-sostavlyayushey-kulturno-poznavate (дата обращения: 10.09.2022).

² См.: Куршева Г. А. Историческая память как основа сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эрзянского) народа // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 17 — 21.

³ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. 486 с.

⁴ См.: Гордин В. Э., Алушкин Л. М. Историческая реконструкция как форма театрализации и материализации ностальгии // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 3 (36). С. 1 — 20.

⁵ Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н. Сурский оборонительный рубеж в проектной деятельности Регионального отделения РВИО в Республике Мордовия // Центр и периферия. 2021. № 4. С. 10 — 14.

⁶ Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. CLIL-проекты как важная составляющая обучения // От дифференциации наук — к трансдисциплинарности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Абакан, 2019. С. 152 — 155.

⁷ Павел МИГУНОВ: «Мы живем в национальной республике. Давайте поддерживать национальные традиции!» // Известия Мордовии. 2021. 15 июня. URL: <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/pavel-migunov-my-zhivem-v-nacziionalnoj-respublike-davajte-podderzhivat-nacziionalnye-tradiczii/> (дата обращения: 10.09.2022).

⁸ Сырькаень каша // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/mnkrb/topic/154007889941822> (дата обращения: 10.09.2022).

⁹ См.: Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы. Саранск, 2004. 320 с.

УДК 811.511.152.1

О. Ю. Цыплякова, Т. В. Шугаева

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

МЕСТО ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Е. В. ЧЕТВЕРГОВА

В статье рассматривается богатство фитонимической лексики в художественной прозе Е. В. Четвергова на примере книги «Иень тюст» («Краски года»), приводится классификация фитонимов и раскрываются их функциональные особенности.

Ключевые слова: фитоним, фитонимическая лексика, художественная проза, сравнение.

Фитонимическая лексика (фитоним — греч. *phytonim* «растение», *опута* «имя, название» — названия растений) занимает важное место в составе любого языка и в языковой картине мира этноса, так как «содержит информацию не только об окружающей природной среде, но и о взаимодействии с культурной общностью. Национальная картина мира своеобразно преломляется в творчестве художников слова, поскольку они используют лексемы, выражающие национальные концепты, в соответствии с определенными творческими задачами»¹. Представляется интересным рассмотреть богатство и разнообразие фитонимической лексики произведений Е. В. Четвергова. В качестве материала нами выбрана книга «Иень тюст» («Краски года»), куда вошли короткие рассказы, в которых «...аволь аламо тешкст тикшетнень, чувтотнень обуцядост, оршамопельдест тунда, кизна, иень перть»² «...немало зарисовок о травах, деревьях, об их одежде весной, летом, в течение года», ярко изображен растительный мир родного края.

В фитонимической лексике произведений писателя встречаются следующие группы наименований:

а) общие наименования (*чувто* «дерево», *тикше* «трава», *куро*, *кураки* «куст, кустарник», *цеця*, *чахра*, *баляга* «цветок», *панго* «гриб»);

б) собственно фитонимы — названия деревьев, кустарников, трав, цветов, плодов, огородных растений, грибов (*килей* «береза», *укиктор* «клен», *каль* «ива», *тумо* «дуб», *пиче* «сосна», *умарина* «яблоня», *пизёлкс* «рябина»; *бояркуро* «боярышник», *индьеркс* «жимолость»; *шкерьге* «свербига восточная», *вириявань сурсеме* «папоротник», *куконька* «марена», *пиципалакс* «крапива»; *горнипов* «купальница», *куконь эрьгть* «ландыш», *мако* «мак»; *умарь* «яблоко», *мастумарь* «земляника», *атямарь* «вишня», *чевгель* «калина», *пизёл* «рябина»; *куяр* «огурец», *кишумань* «редька», *модамарь* «картофель»; *розь* «рожь», *товсюро* «пшеница»; *килей панго* «подберезовик», *пекше панго* «гроздь» и т. д.;

в) наименования частей растений — партитивные фитонимы (*лопа* «лист», *тарад* «ветка», *недькс* «ствол», *пургондавкс* «почка», *цюцёв* «гроздь»);

г) наименования совокупностей (*вирь* «лес», *килейпуло* «березняк», *кальпуло* «ивняк», *пичепуло* «сосняк», *пичевирь* «сосновый лес», *вирьпуло* «лесок»).

Общие наименования в рассказах Е. В. Четвергова встречаются довольно часто, например: *Сеерить минень-сюонь тюссо эрьва кодат цецят, чувт, куракишт* (с. 51) «Кричат всякими цветами разные цветы, деревья, кустарники»; *Якстере, прок артозь сувтеме, чипаесь стакалгадсь ды новольсь пиретнень пева пижелдыця чувтнэнь вельксэс* (с. 90) «Красное, словно покрашенное решето, солнце отяжелело и опустилось над зеленеющими деревьями за огородами»; *Меельце чахратне мазыйть. Балягатнень*

ютко кодат ансяк а вастневить: сеериця якстереть, прянь иньця ожот, наян сэнтъ, ашот, тюжат... (с. 94) ‘Последние цветы красивые. Среди цветов какие только не встречаются: кричащие красные, нескромные желтые, кокетливые синие, белые, коричневые...’; *Сэняжа сувонть пачк чиить икельгам олгонь капат, чувтт, куракиит...* (с. 9) ‘Сквозь голубую пелену проплывают [букв.: бегут] передо мной стога соломы, деревья, кустарники...’; «*Пангос* якамось — сэтьме оцинямо», — *сёрмадсь эсь шкастонзо рuzонь сёрмадыцясь Аксаков*» (с. 77) ‘„Поход за грибами — тихая охота“, — писал в свое время русский писатель Аксаков’.

Наиболее многочисленной из вышеперечисленных групп является вторая — собственно фитонимы, среди которых широко представлены названия деревьев: *килей* «береза», *каль* «ива», *тумо* «дуб», *укиитор* «клен», *пиче* «сосна», *пекше* «липа», *пизёлкс* «рябина», *атямарькс* «вишня», *лёмзёркс*, *ламарь* «черемуха», *пой* «осина», *куз* «ель», *селей* «вяз», *лепе* «ольха», например: *Килейтне, конат инастъ прят чокинестэнтъ ашо-чист, истямокс тень уш этъ неяво* (с. 148) ‘Березы, которые хвалились вечером белизной, такими мне уже не казались’; *Сиртесъ пургонды весемеде мейле. Пря иньтъ пиче обуцясот ламартне, кальтне, килейтне* (с. 31) ‘Ясень распускается позже всех. Хвалятся своим зеленым видом черемухи, ивы, березы’; *Течинь вирьсэнтъ кецневить сельмень колмо тюст: раужо — тумо ды пекше* комоленъ, сэньиить-якстере — вишпилявонь ды кувтолдыця пиче — лопань (с. 29) ‘В сегодняшнем лесу мои глаза радуют три цвета: черный — комлей дуба и липы, сине-красный — медуницы неясной и сверкающий зеленый — листьев’; *Ков а варитан, вановтом эшкеви тумос, укииторс, пекшес* (с. 29) ‘Куда не посмотрю, взгляд натывается на дубы, клены, липы’; *Мезть тесэ ансяк а касыть: килейть, укииторт, бояркурот...* (с. 43) ‘Что здесь только не растет: березы, клены, боярышники...’; — *Арсемскак а мезть: оно маласот пичесь, седе тов укииторось, бокасот пекшесь, селеесь, лепесь...* (с. 50) ‘— Нечего и думать: вот рядом сосна, далее клен, рядом липа, вяз, ольха...’ и т.д.

Чаще других в произведениях Е. В. Четвергова встречается фитоним *килей* «береза», например: *Килейть, килейть, килейть... Ашот, ашот, ашот... Косо сынъ, килейтне, седе ашот?* (с. 97) ‘Березы, березы, березы... Белые, белые, белые... Где они, березы, самые белые?’; *Варитат лиясто кодамоак кадозь кудо пряс — тосо, теке одирьва, мазылгали килей* (с. 45) ‘Посмотришь иногда на крышу какого-то заброшенного дома — там, как невеста, красуется береза’; *Аштинь килейнентъ икеле...* *Саия прястомъ пилоткам ды сюконинь тензэ. Сон истя мольсь минек, Эрзянь Масторонь, килейтненъ ёнов!* (с. 46) ‘Стоял перед березонькой... Снял с головы пилотку и поклонился ей. Она так была похожа на наши, Эрзянской Земли, березы’. Это неслучайно. Береза (*килей* — э., *келу* — м.) в народной культуре

олицетворяла плодородие, женское начало. По эрзянскому преданию, берега впервые выросла на могиле красивой и смелой девушки Кили, сражавшейся с ногайцами. В ее честь и назвали дерево. У мокши она символ 3 миров: ушедших предков, мифологических покровителей и земных жителей. В свадебном обряде она символизирует красоту, стройность невесты. Традицию хлестать по спине березовыми прутьями, украшать ветками свадебный поезд и другие считали оберегом от нечистой силы, гнева богов. К священной березе ходили с мольбой о здоровье. Чудодейственные свойства ее отражены в причетах, сюжетах народных песен³. Следовательно, и в произведениях мордовских писателей, по нашим наблюдениям, этот фитоним представлен достаточно широко.

Разнообразием отличается перечень дикорастущих трав, таких как *вишпиляв* «медуница неясная», *вирывань сурсеме* «папоротник», *шкерьге* «свербига восточная», *кендял тикше* «клоповник сорный», *сэнь баяга (удый тикше)* «прострел раскрытый (сон-трава)», *курканолго* «первоцвет», *ашо кенже* «белокопытень», *штатол тикше*, *кукила*, *верькс тикше* «чистотел», *пиципалакс* «крапива», *кирмалав* «репейник», *чей* «осока» и др., например: *Стака иетнестэ шкерьгесь марявилъ тантеекс* (с. 56) 'В тяжелые годы свербига казалась вкусной'; *Пиле потсом гайгезевсть эйкакишингестэ содавикс гайтть: вишпиляв курынентъ вельксэ чарась-велясь мокинашика промо* (с. 22) 'У меня в ухе зазвенели с детства знакомые звуки: над кустом медуницы кружилась пчела'; *А содылинь: кувака ашиназа, прок лияназ, черензэ вирень азоравась кизна свал судрякины-вадяшавтти папоротникень лопасо. Секскак те поки толга ёнов молиця тикшетень мерить вирывань сурсеме* (с. 98) 'Я не знал: длинные белые, словно лен, волосы хозяйка леса летом всегда расчесывала-выпрямляла листьями папоротника. Поэтому эту похожую на большое перо траву называют гребень вирывы'; *Пелькстамодонтъ марясь удый тикшесь, конадо льякс мерить сэнъ баяга* (с. 24) 'О споре прослышала сон-трава, которую по-другому называют прострел раскрытый'; *Кодат лемть ансяк а вастневить тикшетень ютксо. Ули истямояк: чачо тикше. Льякс тензэ мерить ловцо, штатол тикше, эли, монь мельс те седеяк тукины, кукила. Рузкс мерить чистотел* (с. 33) 'Какие только названия не встречаются среди трав. Есть и такая: цвет-трава. По-другому ее называют молоко, свеча-трава, или, мне больше нравится, кукила. По-русски называется чистотел'.

В группу частотных наименований входят названия цветов: *куконь эрьгъ* «ландыш», *горнипов* «купальница», *сэнь цеця* «василек», *роза*, *фиалка*, *орхидея*, *гладиолус* и т. д., например: *Якан-пакан микинемань моргатнень юткова. ...гладиолуст, тюльпант, вишпилявт, куконь эрьгъ* (с. 38) 'Хожу-брожу между торговыми столами. ...гладиолусы, тюльпаны, купены, ландыши'; *Куконь эрьгъ, куконькат, тюльпант... Сынъ мазыйть, сынъ*

оймень эждийть, сынъ... (с. 15) 'Ландыши, марены, тюльпаны... Они красивые, они согревают душу, они...'; Вечкемась ды авечкемась молитъ покиолгавтыця сулика ёнов. Комавтсы прянзо васенцесь вельксээнзэ, пиципалаксонть несы тантейстэ качадыця якстере розакс, варишты омбоцесь — розась, балягань инязорось, велявты пиципалаксокс (с. 145) 'Любовь и нелюбовь похожи на увеличительное стекло. Первая опустит голову над ним, душистой красной розой видит крапиву, посмотрит вторая — роза, царица цветов, превращается в крапиву'; Вень фиалкась орхидеятнень юткто. Покишязо сонзэ — ковось (с. 49) 'Ночная фиалка из семейства орхидных. Ее бабушка — луна'.

Большим разнообразием отличаются названия грибов: *килей панго* «подберезовик», *карво панго* «сыроежка», *пиче панго* «рыжик», *пекшие панго* «груздь», *чага панго* «трутовик скошенный», *ашо панго* «белый гриб» и др., например: *Лездась, некак, сонсь Пазось: эртевьс [коткудавось] карво пангос (с. 76) 'Помог, наверное, сам Бог: наткнулся [муравей] на сыроежку'; Вант, колмодо ламо пиче пангот иля керя! Улезз тетъ казнекс вейке ашо панго, ветеде аволь седе ламо — килеень... (с. 78) 'Смотри, больше трех рыжиков не срежай! Пусть будет тебе подарком один белый гриб, не больше пяти — подберезовиков'; Чага пангось, кона педясь ды тапардавсь поки раужо-тюжа пинксэкс килеенть перька, невясь тень алкуксонь овтолвксекс (с. 98) 'Трутовик, который прилепился и обвился большим черно-коричневым обручем вокруг березы, показался мне настоящим медвежонком'.*

Наименования огородных растений и злаковых культур в прозе писателя встречаются также довольно часто (*кишумань* «редька», *куяр* «огурец», *модамарь* «картофель», *пурька* «морковь», *пейнечурька* «чеснок»; *розь* «рожь», *товсюро* «пшеница», *пинеме* «овес», *суро* «просо»), например: *Кишуманень корсяня танстесь пидезь пида келем ды курго менельксэм (с. 56) 'Горький вкус редьки обжигает мой язык и небо'; Мон умо-о-ок чарькодия — кадовтано куяртомо. Нетъ кодат куярт... куш сайтъ пелюма ды ледить (с. 89) 'Я давно понял — останемся без огурцов. Это какие огурцы... хоть косу возьми и скоси их'; Сёксня, моданть кельмема малава, виднить пурькат ды петрушка, путнить пейнечурькат (с. 135) 'Осенью, перед заморозками, сеют морковь и петрушку, сажают чеснок'; Тарган модамартъ (с. 123) 'Копая картофель'; Сёксень ды тундонь видевьт сюротне артовсть сырнень тюссо. Велетнень перька яки-азгонди кенерезь розень чине (с. 61) 'Осенью и весной посеянные хлеба окрасились золотым цветом. Вокруг села гуляет аромат спелой ржи'; Савкины истят ваттак марсемс: зьянось, келя, ламо эйтэнэ [озяздонть], суронь паксятнень лангс кайсеви (с. 137) 'Приходится слышать и такие слова: вреда, говорят, много от него [воробья], на засеянные просом поля нападает'.*

В рассказах Е. В. Четвергова обширно представлены партитивные фитонимы, такие как *тарад* «ветка», *лопа* «лист», *недькс* «стебель, ботва, ствол», *пургондавокс* «почка», *цюцёв* «гроздь», *керь* «кора» и др., например: *Рацяня, аволь уш од поенть алце лопанзо зярс пижеть* (с. 96) «Нижние листья раскидистой, уже не молодой осины еще зеленые»; *Петерь, петерь — маряви, кода ризнэзь прыть ожо лопатне* (с. 100) «Кап-кап — слышно, как с грустью падают желтые листья»; *Чувось раужст мери. Раужо тарадт, раужо цяхмат, раужо почкат...* (с. 31) «Дерево кажется черным. Черные ветки, черные грозди, черные почки...»; *Сонзз [чувтыненть] човине тарадкензэ нева прок кие-бути понгавтнесь ашо тештинеть* (с. 126) «На концах его [деревца] тонких веток словно кто-то развесил белые звездочки»; *Эрзяк те тикшентень мерить ашо кенже, рузокс — белокопытник... Лопанзо те тикшенть келейть. Кирди сынст кувака недькс* (с. 28) «По-эрзянски эту траву называют ашо кенже (белый ноготь), по-русски — белокопытник. Листья у этой травы широкие. Держит их длинный стебель»; *Аволь весть содавтнимим ожо вановт сёксесь. Ламоксть панжстнизь пургондавксост вальмам икеле умарьктнэ* (с. 80) «Не один раз навещала меня желтоглазая осень. Много раз яблони перед окном распускали почки»; *Чинь ютазь кувсеме кармась ламаресь. Цюцёвонзо эзь ашолгадо* (с. 38) «Через день стала стонать черемуха. Ее грозди не побелели»; *Венствия кедем, увтия вест тарадонтъ ды кенжсэ коцькердыя керензэ. Эрикс паро чувто* (с. 17) «Протянул руку, нагнул одну ветку и ногтем поцарапал кору. Живое хорошее дерево».

Группа наименований совокупностей включает в себя названия различных сочетаний дикорастущих или специально посаженных деревьев, составляющих единое целое и имеющих базовое имя — совокупность: *вирь*, *вирть-укишорт* «лес», *вирькикс* «лесополоса», *пичевирь* «сосновый лес» и др., например: *Ков а варитат — вирь... Вирь, вирь, вирь* (с. 126) «Куда не помотришь — лес... Лес, лес, лес»; *Вирькиксэнтъ кувалт киванть кашан кудов* (с. 61) «Вдоль лесополосы по дороге спешу домой»; *Учить пельденек паро валт ды тевть аволь ансяк вирьга-укишорта эрицятне* (с. 20) «Ждут от нас хороших слов и дел не только жители лесов»; *Одктомсь, теке симсь пуредэ, сыре пичевиресь* (с. 75) «Помолодел, словно выпил кваса, старый сосновый лес». Отдельно выделяются наименования совокупностей, основным показателем собирательности которых является аффиксоид *-пуло*: *килейпуло* «березняк», *вирьпуло* «лесок, лес», *кальпуло* «ивняк» и т. д., например: *...вирьпулонтень пурнавсть, марявсь тень, весе письмартнэ* (с. 62) «... в лесок собрались, казалось мне, все скворцы»; *Шалнось тонавтницятнеде вирьпулось* (с. 63) «От учеников гудел лес»; *Ведь кальпуло. Куракинтнэнь юткова... пиципалакт* (с. 114) «Ивняк у воды. Среди кустов... крапива»; *Ней вана таго норови [нармушкась] ильтямс те килейпулостонтъ*

(с. 118) ‘Теперь опять старается [птичка] выпроводить с этого березняка’; *Чадыковдо мейле виртнес-вирьпулотнес варшты сэтъмечи* (с. 29) ‘После апреля в леса-лесочки заглянет тишина’. *Окойники ютавинь улцянтъ трокс ды совинь килейпулотень* (с. 54) ‘Наконец перешел через улицу и зашел в лесок’.

Значимость фитонимических образов подтверждается тем, что фитонимы у Е. В. Четвергова нередко выносятся в сильную позицию — название произведения, например: «*Килеень морсемат*» («Пения берез»), «*Ламарь чувтось сонензэ лездась*» («Черемуха ей помогла»), «*Керятано аволь тарадонтъ...*» («Рубим не ветку...»), «*Вень фиалка*» («Ночная фиалка»), «*Чачомаль тень туминекс*» («Родиться б мне дубком»), «*Пангос якамось...*» («Поход за грибами...»), «*Он Якстере цецядо*» («Сон о Красном цветке»), «*Кадык кадови тикшекс*» («Пусть остается травой»), «*Горниповне*» («Купальница»), «*Прыть лопатне, теке эрязь читне*» («Падают листья, словно прожитые дни»), «*Чахрат, चाहрат...*» («Цветы, цветы...»), «*Кода поесь, эли...*» («Как осина, или...»), «*Мекс лайши поесь?*» («Почему плачет осина?»), «*Косо килейтне седе ашот?*» («Где березы белее?»), «*Зярдо ушодыть лопатне прамо?*» («Когда начинают опадать листья?»), «*Олянь кальне*» («Олина ива»).

Необходимо отметить, что описания фитонимов составляют значительную часть коротких рассказов писателя. Они украшают язык произведений, делают его ярким, образным и насыщенным, например: *Панжия келес вальманть. Икелензэ ожо, аволь сэрэй-келей туминетнестэ каятотсь музыка... Седе ве ёно, эръкентъ чирева, — лепень куро. Сон зярс пижсе. Ожо пона сёксесь эйзэнзэ эзь пачкодть. Седе васолга, Сурань вить, седе сэрэй чирева таргавсь Томбалькс виресь. Сон допрок эзь ожолгадо... Ютынъ лия вальмас. Суликатнень икельга ожо чама сёксесь понгавтнесь ожо шаршавт. Истямокс неявить вальманть каршо укшиторонть келей, теке кедькоморот, лопанзо... Мезе кази тень колмоце вальмась? Ды таго ожо гайтть, ожо кольнемат!.. Рацяня тумонтъ вакссо зорякс артозь кураки. Ве ёндо неяви якстере-ожо пона вирезкекс, кона порни тикше аванзо вакссо...* (с. 107 — 108) ‘Распахнул настезь окно. Перед ним от желтых, небольших дубков раздалась музыка... Чуть в сторонке, на берегу озера, — куст ольхи. Он пока зеленый. Желтой масти осень до него не дошла. Подальше, по правому высокому берегу Суры, протянулось Залесье. Оно совсем не пожелтело... Подошел к другому окну. Перед стеклами желтолицая осень развесила желтые занавески. Так выглядят широкие кленовые, словно пригоршни, листья перед окном... Что мне подарит третье окно? И опять желтые звуки, желтое кокетство!.. У развесистого дуба раскрашенный зарей кустарник. Со стороны кажется ягненком красно-желтой масти, который рядом с матерью щиплет траву...’; *Ванан, ды чувтынесь тень кармась неявомо тейтерекс. Сон*

ашти аванзо икеле ды а соды, кода идемс эсь прянзо стьяконь кис мурнемадонть. Ашти тиришэ икеле прянъ нолдазъ, сельместэнэзъ вейкень-вейкень мельга неверить, прок хрустальень кснавт, зръгана сельведть. Покордамонь сэпе, оймень сэредькс, ачарькодема, энялдома, майсема ды кемема неявить вановтсонзо (с. 74) ‘Смотрю, и деревце стало казаться мне девушкой. Она стоит перед матерью и не знает, как защитить себя от напрасных упреков. Стоит перед родной с опущенной головой, из глаз одна за другой капают, словно хрустальные горошины, крупные слезы. Обидная горечь, душевная боль, непонимание, мольба, мука и вера чувствуется в ее взгляде’. Как видно, природа вокруг нас живая для тех, кто неравнодушен к ней. Если быть наблюдательным, то можно узнать много любопытного о «неинтересных» деревьях, растениях, кустарниках, цветах, травах и т. д. Для автора же они — все одушевленные. В его рассказах мир природы сопоставляется с миром человека. Люди сравниваются с растениями, а растительные организмы наделяются свойствами людей: их способностью дышать, видеть, говорить, чувствовать и любить.

В заключение подчеркнем: в художественном мире Е. В. Четвергова «обнаруживается главная его особенность — чувство любви к природе мордовского края»⁴. Его отличает умение видеть окружающий мир в разноцветных и неповторимых красках. Следовательно, писателя по праву можно назвать художником родной земли. Книги Е. В. Четвергова востребованы и всегда находят живой отклик в сердцах людей. Они прививают любовь к природе, помогают полнее ощутить и осознать связь литературы с жизнью, расширяют и обогащают знания о родных местах.

Библиографические ссылки

¹ Цыплякова О. Ю., Шугаева Т. В. Цветовая палитра фитонимической лексики в прозе Е. В. Четвергова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 159.

² Нуянь Видяз. Иень тют: нурькине ёвтнемат. Саранск, 2003. С. 6. (Далее ссылки в тексте: (с.)).

³ Девяткина Т. П. Культ деревьев // Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 467.

⁴ Цыплякова О. Ю., Шугаева Т. В. Указ. соч. с. 164.

УДК 398.2+808.1

И. И. Шеянова*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

ОБРАЗ БОЖЕСТВА ЛЕСА В МОРДОВСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ И В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЮРЧЁНКОВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье рассмотрена трансформация мифологического образа божества леса в мордовской народной и литературной сказке. Особое внимание уделено литературным произведениям В. А. Юрчёнкова, в которых основным персонажем является мифологический персонаж Вирява. Образ литературной сказочной Вирявы сопоставлен с фольклорным.

Ключевые слова: мордовская народная сказка, литературная сказка, сказочный герой, мифологический образ.

Сказка как своеобразный жанр народного и профессионального творчества издавна занимает важное место в фольклоре и литературе всех народов мира. На ней сказалось влияние различных исторических эпох, начиная от первобытного общества до наших дней. Все это свидетельствует об исключительной роли сказок в культурно-бытовой практике народа и об их тесной связи с жизнью народа. Однако до настоящего времени мордовская сказка остается менее изученной, чем другие жанры.

В устном народном творчестве мордвы *сказка* (м. ёфкс, э. ёвкс) является одним из наиболее популярных жанров. Литературная сказка — это менее распространенный жанр в профессиональном творчестве мордовских авторов. Но несмотря на свою популярность, в фольклористике нет единого определения этого жанра, не говоря уже о единой или хотя бы сходной терминологии и классификации материала. Народная сказка — это коллективно созданное и хранимое устное художественное эпическое повествование сатирического или романтического содержания с использованием приема неправдоподобного (вымышленного) изображения действительности.

На сегодняшний день в национальной литературе мордвы сказка выступает недостаточно разработанным жанром, в развитии которого нашли отражение особенности общего историко-литературного процесса Мордовии. За долгие годы своего становления и развития литературная сказка не стала универсальным жанром. По своему значению, содержанию и объему она занимает определенное место в литературе, вполне соотносимое с рассказом и повестью. Ее возникновению предшествовала и во многом спо-

собствовала развитая традиция народной сказки, опыт художественной переработки сказочных сюжетов и мотивов. На протяжении всего периода своего существования литературная сказка воспринимает то, что было выработано традиционным фольклором — духовный опыт народа, идеалы и надежды, представления о мире и человеке, добре и зле, правде и справедливости, — соединяя художественные достижения народа с авторским талантом.

Словом «сказка» мы называем и нравоучительные рассказы о животных, и полные чудес волшебные сказки, и замысловатые авантурные повести, и сатирические анекдоты. Для мордовской сказки наиболее подходящим является определение, данное академиком Ю. М. Соколовым, который считает, что это — «устно-поэтический рассказ фантастического, авантурно-новеллистического и бытового характера»¹.

Волшебная сказка — наиболее характерный для жанра в целом тип сказки. По своему происхождению она несет на себе печать большого архаизма: первоначально ее сюжеты были основаны на антагонизме человеческого рода со стихийными силами, враждебными человеку, поэтому сказка была связана с первобытной мифологией, с обрядами. Однако по мере своего исторического развития она переходит к конфликтам внутриобщественным, человеческим. Сказка теряет прямую связь с мифологией, становится поэтическим произведением. Некоторые из дошедших до нас персонажей мордовской волшебной сказки были связаны с мифологическими представлениями. Такие персонажи как Мороз (м. Кельме-атя), Куйгорож, Медведь (м. Офта; э., Овто), богиня воды (м., э. Ведыава), богиня леса (м., э. Вирьава), бог грома (э. Пургинепаз) и др. несут в себе черты анимистического мировоззрения и связаны с обожествлением сил природы и почитанием тотемного зверя.

Главной целью нашей статьи является проанализировать книгу В. А. Юрчёнкова «Сказки Вирявы» (2012)² и определить, какими особенными, отличительными от мифологического, чертами обладает Вирява как литературный персонаж автора.

Вначале рассмотрим, какой представляется богиня леса в мордовских народных сказках. Так, в сказке «Вирьбаба» (м. «Лесная старуха»)³, записанной в 1940 г. в с. Мордовское Вечкенино ныне Ковылкинского района РМ К. Т. Самородовым от информатора М. А. Кавкайкиной, богиня леса предстает в образе старухи, которая помогает юноше справиться с заданиями, выдвигаемыми сестрой, подстрекаемой змеем. Здесь Вирьбаба (со слов сказчицы — это хозяйка-покровительница леса, что в мордовской мифологии соответствует Виряве). В самом повествовании читаем, что Вирява пугает юношу, что если бы он «не сказал „бабушка“, на части бы... разрежала и в два глотка проглотила бы»⁴, что говорит о ней, как о людоедке.

Сказочная Вирява, как и героиня мифологических сюжетов, является любительницей сказок. За то, что ей понравились рассказанные юношей сказки, она в дальнейшем оказывает всякую помощь в его делах и спасает от верной смерти. Вирява в этой сказке играет роль положительного персонажа. Она оберегает лесных птиц и зверей (живой водой, которую приносит по ее приказу помощник-тетерев, оживляет убитых юношей птиц и зверей) и готова даже убить его за это злодеяние. Кроме того, Вирява не соглашается покинуть пределы леса, когда получает приглашение на свадьбу спасенного ею юноши, объяснив это тем, что в таком случае лес может засохнуть. Что говорит о ней как о хранительнице лесных богатств, которые нуждаются в постоянной ее защите.

В эрзянской сказке «Вирява»⁵, записанной в 1928 г. в с. Кечушево ныне Атяшевского района РМ во время экспедиции АН СССР от информатора Д. М. Ермолаева, Вирява — это «молодая девушка, красивая, статная, грудь высокая... Глядит и смеется, а говорить не говорит... Сильная и большая была девушка»⁶. Она три ночи является в землянку, где ночуют молодые парни, которые в лесу занимаются заготовкой лыка, но стоит в дверях, громко смеется и не входит внутрь. Когда же один из юношей попытался с улицы втолкнуть ее в землянку, Вирява схватила его и унесла в лес себе в мужья и больше его никто не видел. Далее в этой же сказке говорится о старике, который рубил лес и столкнулся с Вирявой, как и в первом случае, «... большой и красивой девушкой... Вирявы все большие»⁷. Однако эта Вирява заговорила со стариком, спросила, чем он занимается и, получив ответ, что играет на органе, попросила его научить ее этому мастерству. Старик, поняв, что это богиня леса и живым ему не уйти, обманом зажал ее пальцы в щель расколотого большого бревна от комеля дуба, и убежал от истошного крика, схватившись за уши. Богиня леса еще и очень сильна. О невиданной силе Вирявы говорит ее голос, которым она закричала — «весь лес стал шуметь, как сто коров мычат»⁸. В этой сказке говорится о том, что Вирява в лесу жила не одна. На ее крик о помощи прибежали много Виряв, которые жили в большом доме, попасть в который можно было только пройдя через нору. (Вирява из мифологических поверий мордвы тоже живет в дупле дерева, в шалаше или избушке). Как оказалось, Вирявы были еще и очень богаты, у них было много золота. Кроме всего вышесказанного, в обоих повествованиях Вирявы являются похитительницами людей. Если в первом рассказе был похищен молодой юноша, то во втором — девочка лет 15-ти, которая у них на услужении находилась уже много лет. В этой сказке Вирявы не являются людоедками. В обоих случаях людей похищают не для того, чтобы съесть: юношу — себе в мужья, девочку — в работницы. В этом произведении хозяйка леса является отрицательным злобным персонажем и полной противоположностью Виряве из мокшанской сказки.

В другой эрзянской сказке о Виряве «Портной, нечистый и Вирява», впервые напечатанной в сборнике М. Е. Евсевьева «Эрзянские сказки», (1928)⁹, Вирява тоже изображена как персонаж отрицательный. Ее полуночное появление сопровождается сильной бурей: «...деревья начали грозно шуметь. Хрусть-хрусть — пришла Вирява», а уход — «...убежала и по пути все деревья помяла»¹⁰. Здесь хозяйка леса оказывается любительницей хмельного напитка (пива), от употребления которого она становится веселой и даже идет плясать под балалаечную игру портного. Как и в предыдущей сказке, Вирява — обладательница немалых богатств и единственной красавицы-дочери (она обещает портному за свое освобождение чудесный платочек, в жены свою дочь и с ней приданое в виде семи сундуков серебряных монет, нового дома и полного двора скота).

В сказке «Вирява», включенной составителями А. И. Маскаевым и К. Т. Самородовым в сборник «Мордовские народные сказки» (1970)¹¹, хозяйка леса предстает перед читателем в виде страшной косматой женщины, которая является людоедкой. Она съедает падчерицу-ленивицу, которую старик по велению новой жены привозит в лес к Виряве за богатством.

Какой же изображает покровительницу леса В. А. Юрчёнков в книге «Сказки Вирявы»? Какими новыми качествами наделяет автор героя своего повествования?

Книга состоит из нескольких повествований: «Возникновение мира», «Ине нармунь — Великая птица», «Идемевсь и три рыбы», представляющих собой литературную интерпретацию космогонических мифов мордвы. Героями других сказок явились мордовские божества Нишкепаз, Толава, Вармава, Ковава, Пургине и эпический персонаж Литова.

Главной особенностью «Сказок Вирявы» является сквозная линия сюжета и наличие основного рассказчика, от лица которого ведется повествование. Эту роль здесь выполняет хозяйка-покровительница леса Вирява. Она выступает здесь и в роли слушателя, и в роли рассказчика. Вначале лесная хозяйка слушает сказки старого дровосека, затем молодого юноши, а потом и сама повествует им про «времена стародавние».

С внешним обликом Вирявы Валерий Анатольевич знакомит читателя в самом начале повествования: «...Тут лесную тишину нарушил шум и грохот. Что-то огромное шло через лес, ломая все на своем пути. И вот, раздвигая ветки, ...показалась женщина ростом с молодую березу. Белая рубаха, украшенная яркой вышивкой, облегла статную фигуру, на шею сверкала золотая сؤلгама, в ушах блестели серебряные серьги с прикреплёнными к ним пучками лебяжьего пуха. Это обходила свои владенья Вирява — душа леса, его безраздельная хозяйка и хранительница» (с. 1). В этом случае авторский персонаж оказался ближе к мифологическому. В мордовских поверьях, Вирява тоже может быть представлена в виде громад-

ной красивой женщины. Автор же придал внешнему образу некий национальный колорит, добавив к ее нарядам мордовские женские украшения. Далее литературная Вирява, как и фольклорная, выступает любительницей сказок: «...вышла на поляну, а там большой костер горит, сидят вокруг него дровосеки и рассказывают друг другу байки и сказки. Ох как любит Вирява сказки» (с. 1); защитницей леса и его обитателей: «...она разметала костер, чтобы лес от случайного уголька не занялся» (с. 48) или «...увидела... бездыханную белку, взяла рыжее тельце в руки, плеснула волшебной водой и выпустила ожившего зверька» (с. 1) и обладательницей огромного авторитета не только перед лесными жителями, но и растениями, вплоть до каждой еловой шишечки: («...за деревьями дрались две еловые шишки... Вирява цыкнула, и драчуны пропали, спрятались от хозяйки леса в овраги, в глубокий снег. Отсидеться там решили» (с. 1).

Если в рассмотренных выше народных сказках Вирява не перевоплощается вообще, то мифологический герой может становиться огнем, вихрем, принимать вид собаки, кошки, волка и коня. У В. А. Юрчёнкова Вирява «...перекувыркнулась... через голову, обернулась в ласку, подкралась незаметно и стала внимательно слушать» (с. 1).

Как было сказано ранее, в народной сказке «Вирьбаба» у покровительницы леса есть помощник — глухарь, здесь же кроме тетерева, на подмогу своей хозяйке спешит могучее тотемное животное — медведь, который предлагает Виряве съесть провинившегося юношу. На что лесная хозяйка останавливает его и говорит, что лучше он им будет рассказывать сказки, которые она очень любит слушать. Иными словами, она показывает свое хорошее отношение к людям, которые не приносят большого ущерба ее владениям. (Юноша для озорства «...прижал ласку веткой. Как ни крутился юркий зверек, вырваться не смог» (с. 14). Это же оказалась сама Вирява, вышедшая к костру дровосеков послушать их сказки, в облике ласки). Позднее из уст провинившегося парня читатель узнает о том, как люди относятся к Виряве. Они считают ее хранительницей леса, которая бережет зверей, птиц и прочих лесных жителей, следит за деревьями, чтобы они росли и не сохли. Вирява им платит тем же, отвечая добром на добро. Помогает дровосекам и охотникам в их делах в случае их бережного обращения с лесными богатствами.

Говоря об общих и особенных чертах анализируемых сказок В. А. Юрчёнкова и мордовских народных сказок о Виряве, следует отметить и тот момент, когда литературная покровительница леса закружила-запутала убегающих от нее дровосеков. Эта особенность — умение вскружить голову пришедшему в лес без ее благословения — присуща мифологическому персонажу. Здесь люди, пытающиеся скрыться от лесной хозяйки, помотавшись по лесу, оказываются прямо перед ней. На что она им говорит:

«— Что? Не удалось бежать? — Не получилось, хозяйюшка. Ходили мы, ходили и вот обратно вышли. — То-то же, будете знать, как без спроса бегать» (с. 43). Вираву Валерия Анатольевича, как и героиню народных сказок мордвы, возможно легко провести. Люди, оказавшись под ее влиянием и поняв, что она их просто так не отпустит домой, решились на хитрость: «Старый дровосек, хитро прищурился, и говорит: — Не отпускай ты нас, мудрая Виравя. Дозволь нам твои истории послушать, ума-разума набраться» (с. 43). Зная ее особенное отношение к сказкам, дровосеки рассчитывали таким образом задобрить богиню и получить от нее прощение за причиненные ей неудобства.

Кроме того, Валерий Анатольевич говорит о любимом дереве Виравы — дубе. В устно-поэтическом творчестве мордвы мы не нашли этому подтверждение. Хотя в мифологии говорится о том, что ее любимыми являются большие и красивые деревья, но не называются какие конкретно. Интересно при этом авторское изображение «ухода» Виравы: «...прислонилась к дубу, любимому своему дереву, и растворилась в его морщинистой коре, исчезла» (с. 48). В народных сказках обычно появление и уход Виравы сопровождаются шумом, треском и грохотом.

В. А. Юрчёнков в книге «Сказки Виравы» наделил главного персонажа, обладающего ярко выраженными мифологическими чертами, качествами, свойственными человеку: радость, грусть, переживание, гнев и др. В литературном произведении она также, как и мифологическое божество, знает о своем высоком предназначении и демонстрирует перед людьми свое превосходство: «— И что мне с вами делать? — Прости ты нас, владычица лесная... Век тебя помнить будем... Насупилась Виравя, посмотрела на дровосеков, махнула рукой: — Собирайтесь в путь-дорогу. Дома вас поди заждались» (с. 43, 48).

Концовка произведения у В. А. Юрчёнкова получилась как у традиционной народной сказки, но с намеком, что эта сказка рассказывается в новое время. Завершается она словами: «Тут сказке нашей конец. И, как говорили в старину, кто ее слушал, тот молодец» (с. 48).

Таким образом, охарактеризовав образы фольклорной и литературной Виравы и уяснив взаимосвязь между мифом и литературной сказкой, мы установили, что в основе авторских сказок лежит обрядовая поэзия с ее институтом божеств, с их разнородными функциями. Наряду с обрядами, связанными с культом этой богини, возникли и рассказы о ней, обрисовывающие ее внешность, образ жизни, привычки, вкусы и поступки. Рассказы эти, принимая некоторую устойчивость, постепенно образовали определенные сюжеты, концентрировались вокруг этих сюжетов. Создавались с различными вариациями и вариантами рассказы-сказки с традиционным оформлением. По мере ослабления веры в божества рассказы о них и их

функциях стали восприниматься как сказки, которые позже претерпели разного рода изменения, реконструкцию и из-под пера писателей вылились в литературные произведения.

Библиографические ссылки

¹ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938. С. 304.

² См.: Валерий Юрчёнков. Сказки Вирявы. Саранск, 2012. 48 с. (Далее ссылки в тексте: (с.)).

³ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа (далее: УПТМН). Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966. 384 с.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ См.: УПТМН. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967. 382 с.

⁶ Там же. С. 302.

⁷ Там же. С. 303.

⁸ Там же.

⁹ См.: Эрзянь ёвкст. М., 1928. 140 с.

¹⁰ УПТМН. Т. 3, ч. 2. С. 294, 295.

¹¹ См.: Мордовские народные сказки / сост. А. И. Маскаев, К. Т. Самородов. Саранск, 1970. 160 с.

УДК 008+32.019.5+929

Д. С. Шукин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)*

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ДОЛГАЧЁВ: НА СЛУЖБЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДОВИИ

Статья, базирующаяся на материалах архивных документов, посвящена основным биографическим вехам советско-партийного деятеля Мордовии А. А. Долгачёва в контексте событий эпохи.

Ключевые слова: Александр Андреевич Долгачёв, советско-партийная работа, культура Мордовии, министерство культуры, книгоиздательство.

В 2021 г. 90 лет исполнилось бы известному в Мордовии советско-партийному работнику, отдавшему многие годы своей трудовой деятельности руководящей работе в сфере культуры республики, Александру Андреевичу Долгачёву.

Александр Андреевич Долгачёв родился 28 декабря 1931 г. в с. Чукалы-на-Вежне ныне Атяшевского района Республики Мордовия в эрзянской бедняцкой крестьянской семье. Из истории села известно, что в начале

коллективизации, в 1929 г., в нем были организованы первые артели, а в 1931 г. — колхозы им. Молотова и «Сигнал». Родители А. А. Долгачёва работали в колхозном хозяйстве с момента создания, а отец в 1934 г., как описывал в автобиографии Александр Андреевич, поехал строить город Комсомольск-на-Амуре. Только через пять лет, в 1939 г., мать, забрав подросшего сына, поехала с ним к мужу на Дальний Восток. Долгачёвы прожили в Комсомольске-на-Амуре еще около года, именно там Александр пошел в начальную школу. В 1940 г. семья переехала в Ленинград, где он продолжил обучение в средней школе. Однако в северной столице Долгачёвы прожили недолго: через год грянула Великая Отечественная война. Отец в первые дни пошел на фронт и погиб под Ленинградом в феврале 1942 г. Долгачёвы эвакуировались из города, который вскоре был сжат блокадой, в сентябре 1941 возвратили в родное мордовское село. Здесь они пережили все тяжелые военные годы. Потеряв целый год, в 1942 г., Александр стал учиться в семилетней школе в Чукалах-на-Вежне, окончив ее в 1948 г.

В первые послевоенные годы еще все так же остро встала проблема грамотности «детей войны». Многие сироты, оставшиеся беспризорными, не посещали школы, оставались неграмотными. А. А. Долгачёв, хотя и рано потерял на войне отца, не принадлежал к ним, получив начальное образование и сразу же по окончании семилетки решил стать учителем, поступив в Козловское педагогическое училище, тем более, что оно находилось не так далеко от родного села (Чукалы-на-Вежне в те годы входило в Козловский район). В 1952 г. он с отличием заканчивает педучилище, получив специальность «учитель начальной школы».

Во время учебы, в 1948 г. Долгачёв вступает в ряды ВЛКСМ. В те годы обычной практикой было то, что преуспевающих учащихся брали «на заметку» комсомольские парторги и ячейки с прицелом на то, чтобы кооптировать в дальнейшем способную и активную молодежь не только в ряды коммунистической молодежи, но и продвинуть на партийную работу. Одним из них был Александр Андреевич Долгачёв. В этот период страна боролась с послевоенной разрухой. Не хватало не только мужских рук, но и знаний, смекалки, которые могли привить педагоги-мужчины, деловых качеств, организаторских способностей мужчин-руководителей¹.

А. А. Долгачёв прошел в своей жизни полную и всеобъемлющую школу коммунистической теории и практики. Начался его путь в далеком 1952 г., когда по окончании педагогического училища, он стал заведующим отдела кадров и оргинструкторской работы Козловского райкома ВЛКСМ. В феврале 1953 г. его перевели в Саранск и назначили инструктором обкома ВЛКСМ². Судьбоносное событие в его жизни произошло в августе того же 1953 г., когда он был принят в ряды партии. Положительные рекомендации на Долгачёва были написаны людьми, хорошо знавшими его как прилежного и

активного учащегося — завучем и директором Козловского педучилища — Г. Е. Багиным и А. А. Краснопёровым³.

Партийная жизнь СССР в тот период тоже характеризовалась существенными изменениями. XIX съезд ВКП (б) в 1952 г. утвердил переименование партии в КПСС, констатируя тем самым факт полного и безоговорочного поражения всех оппортунистических большевикам сил в Советском Союзе и объединение партии на единой коммунистической платформе. Со смертью многолетнего вождя государства И. В. Сталина ушла целая эпоха. Долгачёв вошел в ряды КПСС в один из первых послесталинских партийных призывов и первые годы его работы на партийных должностях совпали с началом «оттепели», переоценкой сталинского наследия, разоблачением «культы личности». Это требовало гибкости, стремления к расширению своего кругозора, повышения уровня образованности.

Отработав два года 1-м секретарем Старошайговского райкома ВЛКСМ (1954 — 1956), Александр Андреевич решил продолжить обучение, поскольку к тому времени имел только среднеспециальное педагогическое образование. В рекомендации к вступлению Долгачёва в КПСС, написанной в 1953 г. Саранским горкомом ВЛКСМ, содержится интересный факт о том, что «Тов. Долгачёв учится заочно в Мордовском Пединституте»⁴. Сведений о том окончил ли он в дальнейшем пединститут мы не имеем, но ясно одно: в 1956 г. Долгачёв принял окончательное решение посвятить жизнь партийной работе, а не учительству. Он поступает в Горьковскую высшую партийную школу при ЦК КПСС, которую успешно заканчивает в 1960 г. Партийные школы готовили крепкие кадры, вносящие весомый личный вклад в социалистическое строительство на различных руководящих должностях. Александр Андреевич отличался высокой ответственностью, работоспособностью, умением правильно применять приобретенные знания, административной жилкой, поэтому его карьера в республике продвигалась поступательно и уверенно.

С июля 1960 г. он работает в Саранске: в 1960 — 1962 гг. — инструктором отдела пропаганды и агитации Саранского горкома КПСС, с сентября 1962 г. по декабрь 1969 г. — консультантом Дома политпросвещения Мордовского обкома КПСС, затем в 1969 — 1970 гг. — заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС⁵. На этих должностях проявились организаторские способности Долгачёва, его коммуникативность и интуиция в подборе кадров. Он накопил столь необходимый для руководящей деятельности опыт.

Все последующие годы трудовой деятельности А. А. Долгачёва так или иначе были связаны с культурой Мордовии. Эта сфера общественной жизни, хотя и должна была развиваться в соответствии с идеологическими установками, но в то же время приветствовала и проявления определенной нестан-

дартности, творческой инициативы в рамках социалистической парадигмы. Данных принципов в своей работе должны были придерживаться и руководители отрасли. В начале «брежневской эпохи» на руководящие должности были выдвинуты молодые партийные кадры, люди, многие из которых уже не были непосредственными участниками сражений Великой Отечественной войны, пережили ее детьми и подростками. К ним принадлежал и А. А. Долгачёв.

В апреле 1970 г. Советский Союз с размахом праздновал 100-летие вождя социалистической революции и первого руководителя советского государства В. И. Ленина. Предприятия и колхозы отчитывались за выполнение плановых обязательств, а лучшие передовики производства и строительства, культмассовые работники, учителя, врачи и советско-партийные деятели получали заслуженные награды за свой труд. В ознаменование юбилейной даты медалью «За доблестный труд» был также награжден А. А. Долгачёв. В августе того же года указом Совета министров МАССР Александр Андреевич был назначен заместителем министра культуры республики (министром на тот момент являлся В. П. Бочкарёв), но проработал в должности недолго, до января 1972 г.⁶ Он перешел на работу в республиканский Совмин и стал исполнять обязанности заведующего отделом социально-культурных учреждений Управления делами Совета министров МАССР. Эта должность была несколько ниже по рангу, но сходная по выполняемым функциям. А. А. Долгачёв проработал на ней 5 лет.

В 1977 г. Александр Андреевич назначается на одну из самых важных руководящих должностей в сфере культуры того времени — директора Мордовского книжного издательства. На тот период это было учреждение с 45-летней историей, имевшее в республике монополию на выпуск литературы всех видов направленности, в том числе и на национальных мордовских языках. А. А. Долгачёв сменил на посту директора известного романиста, в будущем народного писателя РМ М. Т. Петрова. Мордовская советская литература в 1970 — 1980-е гг. переживала пору расцвета, что выражалось как в жанровом разнообразии, так и в количестве самобытных писателей, поэтов, драматургов, публицистов, получивших заслуженное признание в ту эпоху. А поскольку советский народ на том этапе был самой читающей нацией в мире, книга для большинства оставалась, пожалуй, главным источником знаний и средством проведения досуга. Все это отразилось и на объемах выпускаемой литературы, проходившей через главное республиканское издательство. Задачи, стоявшие перед Долгачёвым как руководителем, заключались как в сохранении темпов производительности процесса книгоиздательства, так и в создании условий для перехода в ближайшем будущем на качественно новую ступень в производстве печатной продукции, связанную, прежде всего, с постепенным отходом от устаревших методов и

совершенствованием технологии книгопечатания. Судя по всему, Александр Андреевич прекрасно справился с поставленными целями: об этом свидетельствуют тиражи выпущенных издательством книг в указанный период. Так, с 1976 по 1980 г., т. е. за годы X пятилетки, Мордклизом было выпущено около 200 названий художественных произведений мордовских писателей на русском, мокшанском и эрзянском языках. По данным 1981 г. совокупный тираж изданных в тот год 113 наименований книг и брошюр составил 1 561 тыс. экземпляров (для сравнения в год основания издательства, 1932 г., — 54 наименования и 210,5 тыс. экземпляров соответственно, т. е. тираж вырос более чем в 7 раз)⁷.

После смерти Л. И. Брежнева в советском обществе назревало предчувствие неотвратимости перемен. В культуре это означало необходимость переосмысления господствовавших десятилетиями идеологических канонов и догм, отхода от применения одномерности к анализу происходящих в стране культурных процессов. С конца 1982 г. по март 1985 г. в СССР еще существовала инерция предшествующей эпохи, не позволявшая в полной мере отказаться от прежних методов управления. Именно в этот переходный период руководство министерством культуры МАССР было возложено на А. А. Долгачёва, возглавлявшего ведомство в 1983 — 1985 гг. Культура Мордовии в указанное время пожинала плоды многие годы служившего ориентиром в литературе и искусстве, владевшего умами советских граждан «социалистического реализма»: с одной стороны, мощного и во многих лучших своих образцах художественно привлекательного, с другой — немного наивного в своей вере в неизбежность светлого будущего, направления. В данной стилистике советская Мордовия достигла без всякого преувеличения больших успехов. За предшествующее двадцатилетие была создана реально работающая инфраструктура культуры. Социально-культурные учреждения республики выполняли важные просветительско-пропагандистские функции, больших успехов достигли театральные учреждения, сфера кинопроката, художественное искусство и музыка демонстрировали зрелость. Руководство подведомственными культурными учреждениями являлось отлаженным механизмом, организацией функционирования которого занимался, как и ранее его предшественники, А. А. Долгачёв. Однако приближалась новая эпоха в общественной жизни — перестройка, которая требовала новых руководителей, мыслящих и действующих иначе. С этим очевидно и было связано недолгое пребывание Долгачёва на министерском посту.

В 1985 г. Александр Андреевич был переведен на должность председателя Государственного комитета МАССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли⁸. Эта сфера ответственности была хорошо знакома А. А. Долгачёву и в последующие 7 лет его руководства издательское и книжное дело в Мордовии успешно развивалось и модернизировалось. В

частности, в перестроечный период в республике было увеличено число типографий: были открыты Ковылкинская межрайонная, а также Старошайговская и Ромодановская районные. Это снизило нагрузку на старейшую и самую крупную типографию, расположенную в столице Мордовии — «Красный Октябрь»⁹. С началом работы новых типографий многие районные газеты республики получили возможность печататься централизованно. Огромным шагом вперед в полиграфической отрасли Мордовии стало внедрение офсетной печати — технологии непрямого переноса изображения с печатной формы на носитель с использованием промежуточного офсетного цилиндра с эластичной резиновой поверхностью. Сегодня офсет по праву считается лидером среди современных методов печати, однако в конце 1980-х — начале 1990-х это было прорывом, позволяющим обеспечить высокое качество печати в мельчайших деталях и снижение себестоимости при увеличении тиражности изданий¹⁰. Особенно это стало актуально для республиканских и районных газет и журналов, тиражи которых в середине 1980-х достигли своего максимума; метод был очень перспективен и для книжной полиграфии. Конечно, процесс был постепенным и долгим, но начало положено именно при А. А. Долгачёве.

В 1992 г. Александр Андреевич ушел на пенсию. Он умер в 2012 г. С распадом СССР многие высококвалифицированные партийные управленцы, к сожалению, оказались невостребованными. Они долгие годы верой и правдой служили советскому государству, но их время уходило. Таким предстает перед нами и Александр Андреевич Долгачёв, простой советский партработник, заботливый семьянин и отец двоих сыновей, который посвятил 20 лет своей жизни развитию культуры социалистической Мордовии в период ее расцвета.

Библиографические ссылки

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее: ЦГА РМ). Ф. 333. Оп. 4. Д. 1327.

² Архив Министерства культуры Мордовской АССР. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 671. Л. 6.

³ ЦГА РМ. Ф. 333. Оп. 4. Д. 1327.

⁴ Там же.

⁵ Архив Министерства культуры Мордовской АССР. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 671. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ См.: Пятьдесят лет Мордовскому книжному издательству. Саранск, 1982. С. 19, 37, 38 ; Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 219.

⁸ См.: Мордовия, XX век: культурная элита : энцикл. справ. : в 2 ч. Саранск, 2010. Ч. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: **Щукин Д. С.** Перестройка в печатной прессе Мордовии в начале 1990-х гг. : материалы VII междунар. науч.-практ. конф. «Модернизация культуры: знание как инструмент развития» : в 2 ч. Самара, 2019. Ч. 1. С. 355.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Куриева Г. А., Бикейкин Е. Н.</i>	
В. А. Юрченок: профессия ставшая судьбой	4
Историческое наследие древности и средневековья	
<i>Видяйкин С. В., Кемаев Е. Н., Пронин А. С.</i>	
Итоги мониторинга памятника археологии — Атемарский острог и вал засечной черты в Лямбирском районе Республики Мордовия в 2022 г.	15
<i>Дубман Э. Л.</i>	
Южное Средневожье в описаниях и картографии второй половины XVII в.	25
<i>Кадрова Т. Н.</i>	32
Заселение и освоение Темниковского уезда в XVII в. (На примере мордовских населенных пунктов Темниковского района Республики Мордовия).....	32
<i>Козлов Д. А.</i>	
Мужское погребение с поясным набором и золотоордынской монетой из могильника у с. Черемис в Среднем Примокшанье.....	38
<i>Свечников С. К.</i>	
Марийско-мордовские этнические связи и контакты в XV — XVII вв.	50
<i>Фролов Д. В.</i>	
К истории заселения Симбирского уезда во второй половине XVII века: первопоселенцы из выборного полка солдатского строя Аггея Шепелева на речке Березовке	59
Российская провинция в имперском соцнуме (XVIII — начало XX в.)	
<i>Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н.</i>	
Самарская Лука и Усольская вотчина в имперский период истории России: коллективные труды в жанре «local history»	65
<i>Белоусов С. В.</i>	
«В великом множестве... начали пригонять пленных»: национальный состав военнопленных армии Наполеона в Пензенской губернии	73
<i>Бибин М. А.</i>	
IV Государственная Дума и крестьянский вопрос	80
<i>Гусева Т. М.</i>	
Мещанское сословие уездных городов мордовского края во второй половине XIX — начале XX в.	84
<i>Долгих А. Н.</i>	
О попытке восстановления Польши при Александре I и реакции на нее общественного мнения России (На примере позиции Н. М. Карамзина).....	91

Кабытов П. С., Годовова Е. В.	
Повседневная жизнь солдат и офицеров в дискурсе Первой мировой войны (Рец. на книгу: Юрчёнков В. А. Солдаты Великой войны. — Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2014. — 48 с.).....	99
Кореева Н. А.	
Формирование и структура провинциальной купеческой семьи в конце XVIII — первой половине XIX в. (На примере уездного города Чистополя Казанской губернии)	104
Кулыгина В. В., Кежутин А. Н.	
Проблемы становления судебной медицины земств конца XIX — начала XX в.	113
Кухаренко А. А.	
Специфика проведения столыпинских аграрных преобразований на территории Беларуси (1906 — 1916 гг.)	116
Реброва Т. П.	
Участие действительных членов Императорского Православного Палестинского Общества в организации просветительской работы и паломничества на Святую Землю среди мордовского народа в дореволюционной России	121
Свиридов И. С.	
Рост крестьянского самосознания в начале XX в. (По материалам Центральной России)	124
Святкин М. И.	
Мордовские поселения в хозяйственно-промышленной деятельности во второй половине XIX — начале XX в.	131
Чернов Г. А.	
К вопросу о должностных злоупотреблениях чиновников в Российской Империи (По материалам ревизии Пензенской палаты уголовного суда).....	135
Шитова Т. В., Пакишина О. Ю.	
Епархиальные ведомости об изменении криминогенной ситуации в дореволюционной России (Новое прочтение источника)	138
Шкердина Н. О.	
Свидетельства о мордовском народе в трудах отечественных и зарубежных ученых, дипломатов и коммерсантов XVIII в.	142
От советского прошлого к вызовам современности	
Архипов Д. В.	
К вопросу о развитии экономики ульяновского региона в годы Великой Отечественной войны	149
Ахмадиева Н. В.	
Общественные настроения в башкирской деревне в годы Великой Отечественной войны	153
Бикейкин Е. Н., Куршева Г. А., Сульдина Л. В., Зоркова Н. Н.	
Проблемы и пути повышения эффективности колхозно-совхозной системы хозяйствования в 1980-е гг. (На материалах Мордовской, Марийской и Чувашской АССР).....	161

Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонова В. Г.	
Социальное самочувствие жителей Чувашии в начале XXI в.	172
Бондаренко С. И.	
Сельские советы и крестьянство в годы НЭПа: проблемы взаимоотношений.....	182
Булавин А. В.	
Региональная политика идентичности в период реформ конца 1980-х — 2000-е гг. (На примере Республики Мордовия).....	187
Булавин А. В., Шукин Г. М.	
Социально-экономические процессы 1990-х гг. в зеркале общественного мнения (На примере Республики Мордовия)	194
Бушуева Т. С.	
Вооруженные силы СССР: ответ на вызовы в реалиях военно-блокового противостояния 1964 — 1982 гг. Особенности источниковедческого и историографического изучения проблемы.....	201
Горячев А. Е., Горячев Н. Е.	
Изменение криминогенной ситуации в Мордовской АССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг.....	209
Дроботушенко Е. В.	
Механизм закрытия православных храмов в середине четвертого десятилетия XX в.: на примере обновленческого собора г. Сретенска Восточно-Сибирского края	214
Ефремов Е. Н.	
Трансформация государственной политики чувашских властей в отношении ислама в конце 1980-х — 1900-е гг.	221
Ештыганова С. С., Иванов А. А.	
Из истории Поволжского лесотехнического института им. М. Горького (1946 — 1991 гг.): тенденции и результаты	229
Ивлиев С. А.	
Провинциальные реалии перестройки (На примере Темниковского района Мордовской АССР)	238
Кильдюшкина И. Г.	
Инструменты бюджетного регулирования региона как основа местного самоуправления.....	245
Кильдюшкина И. Г.	
Подключение рыночных регуляторов в экономику Мордовии в 1990-х гг.	250
Кильдюшкина И. Г., Яковлева А. Ю.	
Особенности становления постсоветской банковской системы в регионе в условиях общественно-политических трансформаций	259
Колодникова Л. П.	
Историческая память как основа идентичности российской нации в условиях глобальных вызовов XXI столетия	267
Купцова М. С., Юнусова А. А.	
Борьба «цветных женщин» за права: история и современность.....	274
Матвеева Л. А.	
Подвиги журналистов Мордовии на фронтах Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.....	280

Мирясов А. В.	
Фомирование системы принуждения в 1920-е годы на промышленных предприятиях Пензенской губернии	287
Резякина Л. Н., Шкердина Н. О.	
Районная пресса Мордовии в информационном пространстве регионального социума в условиях реформ Н. С. Хрущева	298
Сулдына Л. В.	
Деревенские детство и юность И. А. Салова	306
Сухова О. А.	
Освобождение труда и аграрная политика в СССР: пути развития социалистического соревнования в сельском хозяйстве.....	313
Тимощук А. С.	
От советской цивилизации к современной России	323
Трут В. П.	
Защита исторической памяти и противодействие фальсификации истории России в научно-образовательной деятельности (На примере Великой Отечественной войны)	329
Упоров И. В.	
Взаимодействие литераторов и власти в начальный период Советского государства	333
Усов А. В.	
Спасение подводной лодки «Щ-128» Тихоокеанской экспедицией ЭПРОН (1938 г.)	339
Учатов П. С.	
Совет министров Мордовской АССР в 1953 — 1964 гг.	344
Четаева К. Г.	
Перспективы развития сельского туризма в Республике Мордовия	352
Шяхметова И. З.	
Влияние мер административного воздействия на эволюцию городов в России в XX в. (На примере Южного Урала)	357
Шугаева Т. В., Цыплякова О. Ю.	
Забить нельзя: очерковая проза о Великой Отечественной войне.....	361
Фирсова И. А.	
Мордовская национальная школа в 1920-е гг.: актуализация исторического опыта	368

Российское культурное пространство в ракурсе современных исследований

Абдуганиев Н. Н.	
Трансляция мордовской культуры в социализации подрастающего поколения: из опыта работы библиотек Республики Мордовия	374
Беляева Н. Ф.	
Роль природной среды в формировании этнического сознания мордвы.....	381
Богатова О. А.	
«Декоммунизация» советского прошлого в негосударственной исторической политике как инструмент социальной инженерии.....	386

Борисова О. Г. Текстологический анализ списков эрзянского письменного памятника «Символ веры» 1791 г.	395
Волкова М. С., Якунчева М. Г. Свадебная обрядность мордвы-эрзи Дубенского района МАССР	402
Глазкова Е. В. Философская и религиозная лексика в художественных произведениях А. А. Бестужева-Марлинского	408
Гофман А. А., Тимощук А. С. Память прошлого и сценарии будущего в глобальном противостоянии	421
Дадаева Т. М. Социальная память молодежи о советском прошлом. Социологический анализ	428
Грановская Н. А. Перспективы развития медийного поля в полиэтническом пространстве Мордовии.....	435
Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Юрьев П. С., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В. Региональный фактор сохранения национальной культуры	444
Зубов И. В. Растительная и зооморфная символика в обряде и фольклоре проводов весны мордвы Поволжья	452
Изергина Н. И. Творчество Ивана Ильина как источник формирования исторической памяти в условиях постсоветской трансформации	458
Каторов А. В., Каторова А. М. Исторические факты и художественный вымысел в драме В. И. Мишаниной «Эрзя. Валдос ливтиця» («Эрзя. Летящий к свету»).....	466
Каукина Р. Н., Чернова Н. Н. Устное народное творчество мордвы с. Старая Теризморга Старошайговского района РМ	470
Корнишина Г. А. Православные компоненты обрядовой культуры мордвы	475
Кузнецова Е. Д. Дискурс моды в контексте социально-экономической трансформации общества	482
Кулько Е. И. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи в образовательном процессе	486
Лаптева И. В. Социальный проект как инструмент продвижения гуманитарного знания в современных условиях	488
Лаптева И. В., Никулин Е. К. Потенциал культурно-образовательных мероприятий в рамках национального проекта «Культура» (На примере Республики Мордовия)	492

Мальшев А. В. Родник Калнакса (Колнакс) как пример преемственности сакрального объекта	500
Мартыненко А. В. Преподавание татарского языка в Республике Мордовия: потенциал, проблемы, перспективы	505
Мокшина Е. Н., Лебедева Е. А. О фольклорных музыкальных традициях мордвы	513
Мокшина Е. Н., Сунькин А. В. Из истории создания и деятельности храма Казанской иконы Божьей Матери в Саранске	517
Надькин Т. Д., Власенко Д. В. Конфессиональная история Мордовии XX — начала XXI в. в современной региональной историографии.....	523
Нарватова М. А. Сказочный фольклор мордвы как исторический источник	527
Никонова Л. И., Трибушина С. Д. Взаимовлияние культур: к некоторым вопросам процесса аккультурации мордвы.....	531
Пивцайкина О. А. Жизнь после смерти: мемориальные практики и корпоративные традиции в память об ученом Иване Дмитриевиче Воронине	535
Прокопенко С. А. Краеведение и «микроистории»: трудный диалог	542
Ратникова О. П. Формирование первых коллекций краеведческих музеев Удмуртии в межвоенный период (1917 — 1941 гг.).....	548
Торопова М. М. Роль этнографических экспедиций в изучении и сохранении духовной культуры этносов: семейные обряды мордвы Крайнего Севера	555
Трибушина С. Д. Этноцифровое пространство мордвы (На примере социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники»)	560
Трошин А. И. Историческая реконструкция как социокультурный феномен современной реальности.....	566
Цыплякова О. Ю., Шуаева Т. В. Место фитонимической лексики в художественной прозе Е. В. Четвергова	569
Шелянова И. И. Образ божества леса в мордовских народных сказках и в литературном творчестве В. А. Юрчёнкова: общее и особенное	577
Щукин Д. С. Александр Андреевич Долгачёв: на службе советской культуры Мордовии	583
Сведения об авторах	595

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуганиев Назиржон Насибжонович — заместитель генерального директора по региональному развитию Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» (г. Москва)

Артамонова Людмила Михайловна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения Самарского государственного института культуры (г. Самара)

Архипов Дмитрий Викторович — соискатель кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Ахмадиева Наркас Вафиевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа)

Белоусов Сергей Владиславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Беляева Надежда Федоровна — доктор исторических наук (г. Саранск)

Бибин Михаил Андреевич — доктор исторических наук (г. Саранск)

Бикейкин Евгений Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора — ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Богатова Ольга Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Бойко Иван Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Бондаренко Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гуманитарные дисциплины» Алтайского государственного аграрного университета (г. Барнаул)

Борисова Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Булавин Антон Викторович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Бушуева Татьяна Семеновна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник автономной некоммерческой организации «Институт национальной памяти» (г. Москва)

Видяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Власенко Дмитрий Викторович — кандидат исторических наук (г. Саранск)

Волкова Марина Семеновна — кандидат исторических наук, доцент, учитель истории и обществознания МОУ «Центр образования „Тавла“» — СОШ № 17 (г. Саранск)

Глазкова Елена Вячеславовна — ведущий научный сотрудник — заведующий редакционно-издательской лабораторией отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Годовова Елена Викторовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Горячев Андрей Евгеньевич — аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Горячев Николай Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Гофман Александр Анатольевич — доцент, доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России (г. Владимир)

Грановская Наталья Анатольевна — аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; директор филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Мордовия» (г. Саранск)

Гусева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Дадаева Татьяна Михайловна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального иссле-

довательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Долгих Аркадий Наумович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского (г. Липецк)

Долгова Алевтина Петровна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Дроботушенко Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета (г. Чита)

Дубман Эдуард Лейбович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (г. Самара)

Дулина Надежда Васильевна — доктор социологических наук, профессор, научный руководитель исследовательских проектов Центра социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (г. Волгоград)

Ефремов Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева; доцент кафедры гражданского права Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Саранск)

Ешитганова Снежана Сергеевна — кандидат исторических наук, начальник отдела планирования и организации учебного процесса по образовательным программам среднего профессионального образования Марийского государственного университета (Йошкар-Ола)

Зоркова Нина Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Иванов Алексей Ананьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Изергина Нина Ивановна — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Кабытов Петр Серафимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (г. Самара)

Кадерова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Каторов Александр Васильевич — аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Каукина Римма Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Кежутин Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

Кемаев Евгений Николаевич — старший научный сотрудник отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Козлов Дмитрий Александрович — аспирант отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Колодникова Людмила Павловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, учредитель автономной некоммерческой организации «Институт национальной памяти» (г. Москва)

Кореева Наталья Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук»; старший научный сотрудник Камского научного центра Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)

Корнишина Галина Альбертовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Кузнецова Екатерина Дмитриевна — аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Кулыгина Варвара Владимировна — студент Приволжского исследовательского медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

Кулько Екатерина Ивановна — старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (Беларусь, г. Горки)

Купцова Мальвина Станиславовна — аспирант, научный сотрудник — заведующий лабораторией археологии и этнографии Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга)

Куришева Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Кухаренко Артур Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательской работы студентов Главного управления науки, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск)

Лаптева Ирина Валерьевна — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лебедева Елена Александровна — магистрант направления подготовки «История» Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Малышев Алексей Владимирович — руководитель отдела этнологии МОО «Историческое сознание» (Нижегородская обл., г. о. Кулебаки)

Мансуров Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)

Мартыненко Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Матвеева Людмила Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК «Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941 — 1945 гг.» (г. Саранск)

Мирясов Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Мокшина Елена Николаевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Надькин Тимофей Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Нарватова Мария Анатольевна — аспирант кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Никулин Евгений Константинович — аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Пакшина Ольга Юрьевна — аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Пивцайкина Ольга Александровна — старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Прокопенко Сергей Алексеевич — доктор исторических наук, доцент, руководитель Института истории и культуры региона ОГАУК «Ленинский мемориал» (г. Ульяновск)

Пронин Александр Сергеевич — старший научный сотрудник отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Пронина Елена Ивановна — старший научный сотрудник, руководитель группы изучения формирования личности в сфере образования Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)

Ратникова Оксана Павловна — аспирант отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск)

Ряброва Татьяна Павловна — кандидат исторических наук, доцент, секретарь Мордовского отделения Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» (г. Саранск)

Резяпкина Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, главный редактор АНО «Информационно-аналитическая редакция „Рузаевские новости“» (г. Рузаевка)

Свечников Сергей Константинович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

Свиридов Илья Сергеевич — методист выставочного зала «Страницы истории» (Липецкая обл., г. Чаплыгин)

Святкин Михаил Ильич — учитель истории и обществознания МОУ «Гимназия № 19» (г. Саранск)

Смирнов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (г. Самара)

Сулдына Людмила Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Супонькин Алексей Викторович — аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Сухова Ольга Александровна — доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Тимошук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России (г. Владимир)

Торопова Мария Михайловна — старший научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Трибушинина Светлана Дмитриевна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Трошин Андрей Иванович — преподаватель факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева; аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Трут Владимир Петрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону)

Упоров Иван Владимирович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар)

Усов Алексей Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД РФ (г. Владивосток)

Учватов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Фирсова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Фролов Дмитрий Викторович — кандидат филологических наук, директор Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина (г. Саранск)

Харитонов Валентина Григорьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Чернов Глеб Анатольевич — аспирант кафедры «Всеобщая история и обществознание» Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Чернова Нина Николаевна — учитель русского языка и литературы МОУ «Старотеризморская СОШ» (Республика Мордовия, с. Старая Теризморга)

Четаева Кристина Геннадьевна — кандидат экономических наук (г. Саранск)

Шаяхметова Ирина Зуфаровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом Регионального центра выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Республики Башкортостан «Аврора» (г. Уфа)

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Широкалова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Нижний Новгород)

Шитова Татьяна Васильевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД РФ (г. Хабаровск)

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-иссле-

довательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Шкурин Денис Вадимович — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института УрФУ, заведующий лабораторией Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Шугаева Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Шукин Григорий Матвеевич — кандидат экономических наук (г. Саранск)

Шукин Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Юнусова Айгуль Айдаровна — студент Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга)

Юрьев Павел Сергеевич — научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)

Яковлева Анастасия Юрьевна — кандидат искусствоведения, преподаватель отделения струнно-щипковых инструментов Детской музыкальной школы № 7 им. А. С. Ключарёва (г. Казань)

Якунчева Марина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной и зарубежной истории и методики обучения Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Научное издание

**ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО —
СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО:
проблемы региональной гуманитарной науки**

Материалы
Всероссийской научной конференции
(I Юрчёнковские чтения)
(г. Саранск, 23 сентября 2020 г.)

Материалы
Всероссийской научной конференции
(II Юрчёнковские чтения)
(г. Саранск, 23 сентября 2022 г.)

Редактор: *Т. В. Шугаева*
Компьютерная верстка *Т. С. Смолиной*

Подписано в печать 14.07.2023. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 35,1. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ООО «Типография „Рузаевский печатник“».
431444, Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.